

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

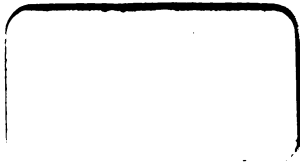
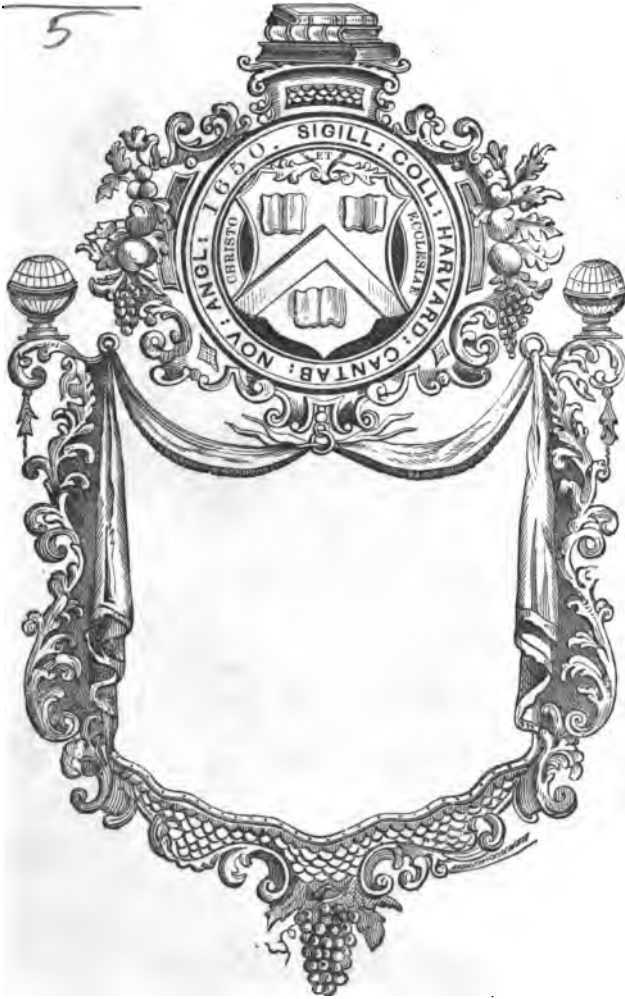
О программе Поиск книг Google

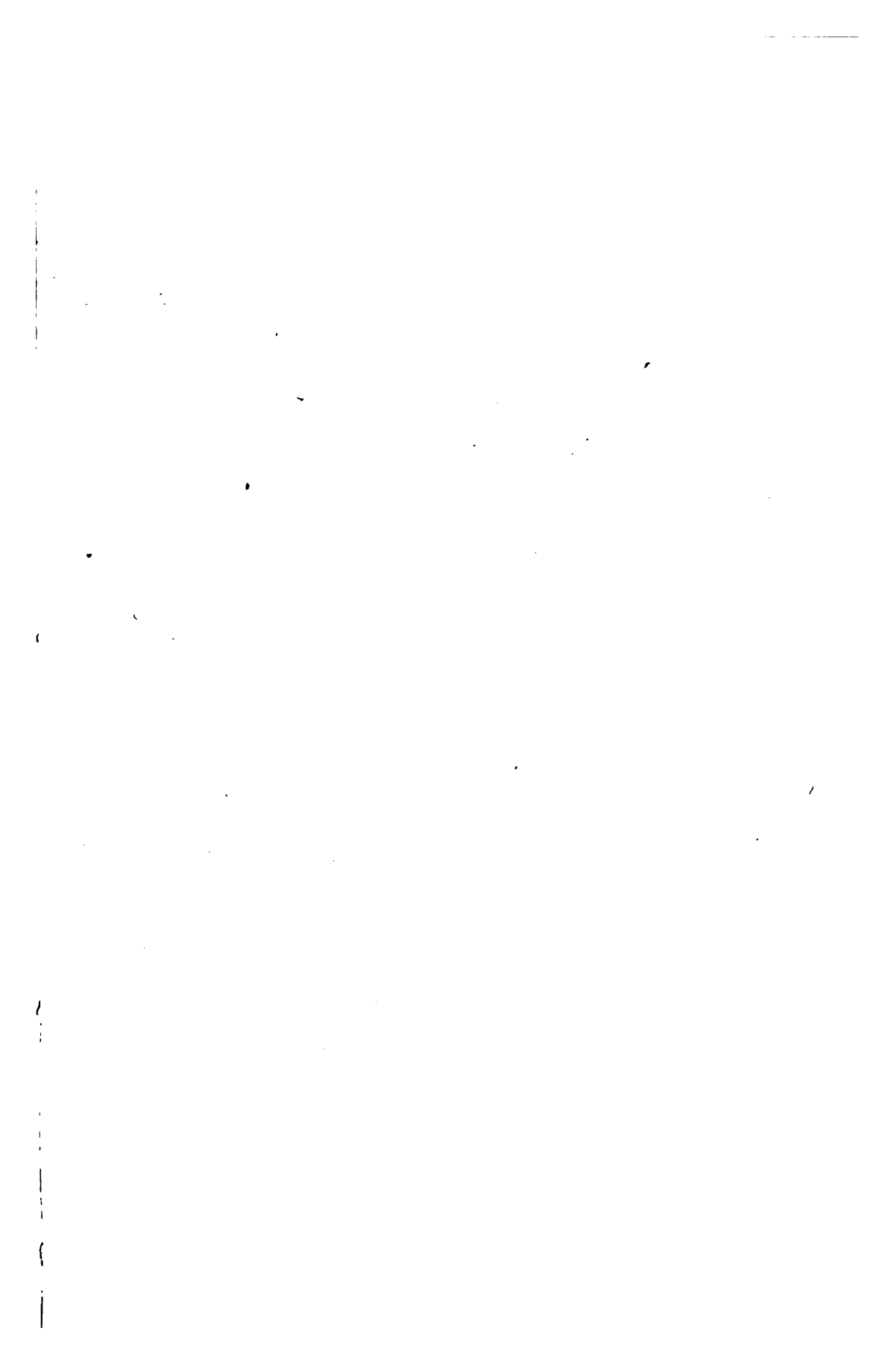
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

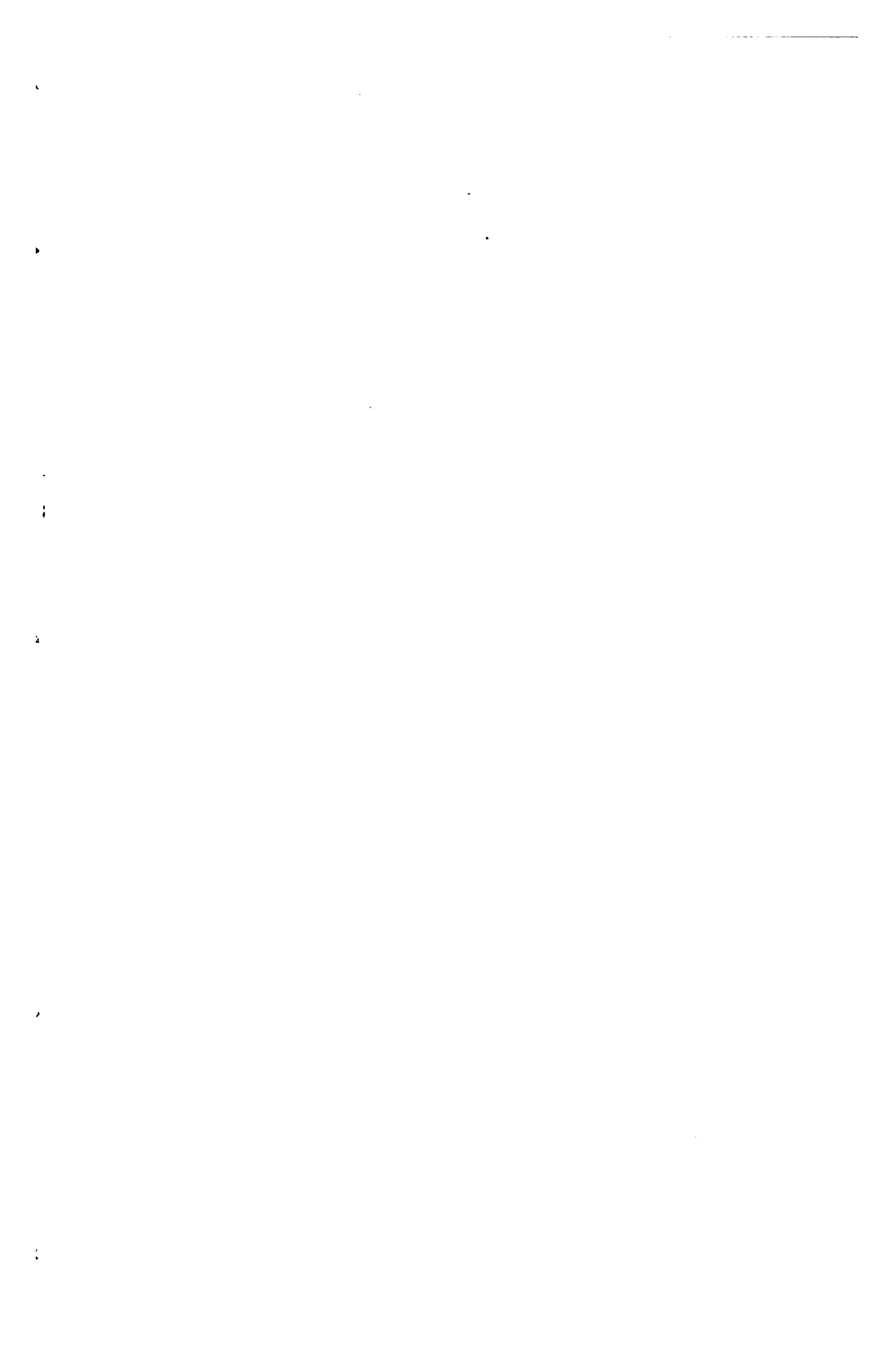
1869

5

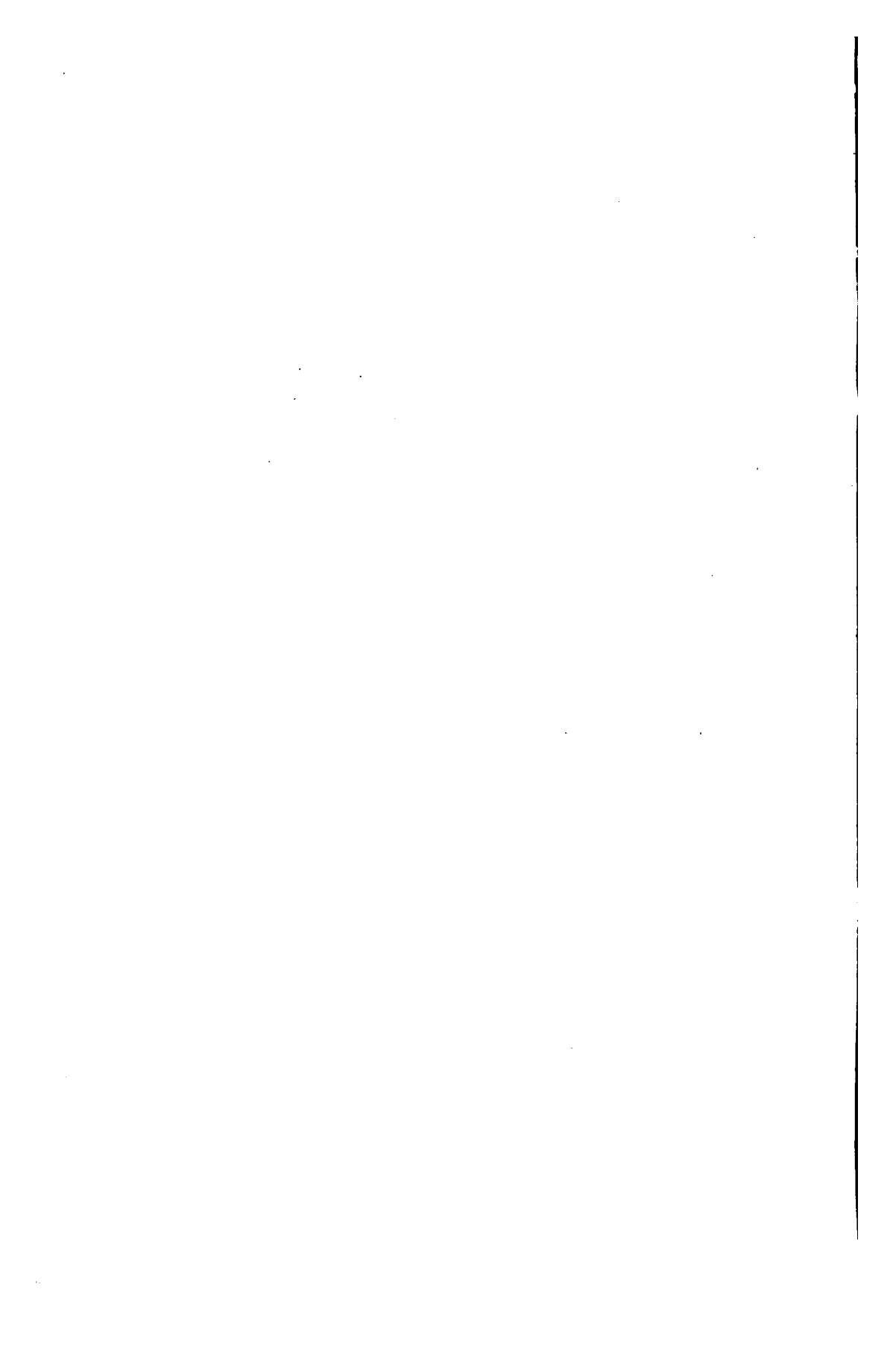

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERАТУРЫ.

1869
5

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-ая.

МАЙ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

№ 2887-10

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1869.

	Стр.
I. — ОБРЫВЪ. — Романъ въ пяти частяхъ. — Часть пятая и послѣдняя. — I-XXV. — Н. А. Гончарова	5
II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — V. Видъ Россіи; процессъ Поннинскаго; его побѣгъ; конституціонная депутація; исканіе финансо- выхъ средствъ; просьба городовъ. — VI. Маркизь Люккенин; первыя основы будущей конституціи. — Н. И. Костомарова	138
III. — ПѢСНЯ О ТРЕХЪ ПОВОИЩАХЪ. — Стих. гр. А. К. Толстаго	154
IV. — ИТАЛІЯ И МАЦЦИНИ. — 1808-1868. — IX-XI. —	163
V. — ПЕРОНЪ. — Трагикомедія К. Гудкова. — Картина третья, четвертая и пятая. — В. П. Буренина	194
VI. — ДУХОВЕНСТВО И ШКОЛЫ ВЪ НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНИАХЪ. — III-VI. — А. А. Клауса	235
VII. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга шестая. — I-VIII. (Переводъ съ рукописи)	275
VIII. — СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ О ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ. — Андрѣ Лео	318
IX. — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ РОССИИ ХVIII-ГО СТО- ЛѢТІЯ. — I. Царствованіе Петра Великаго. — II. Царствованіе Елисаветы Пет- ровны. — III. Царствованіе Петра III. — А. Н. Куломзина	336
X. — ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО. — Письмо въ Редакцію. — Б.	352
XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. — Туркестанская выставка, и наши приобрѣтенія въ средней Азій. — Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. — Второй выпускъ облигацій Николаевской железной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ сословіи. — «Все- общее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи.	370
XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Официальныя канди- датуры и свобода выборовъ. — Эмиль Олливье и его новая книга: «Десятнадца- тое января». — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Италіею. — Послѣднія испанскія дѣла	398
XIII. — МАНЕВРЪ ПРОТИВНИКОВЪ НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ. — А.	411
XIV. — СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ. — По поводу «Записокъ объ Училищѣ Правовѣднія.» — В.	415
XV. — Т. Н. ГРАНОВСКІЙ, въ биографическомъ очеркѣ Л. Станкевича. — Сл.	424
XVI. — ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА. — Для иногородныхъ подписчиковъ. —	440
XVII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Апрель. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. III. — Духовныя жены, В. Дякова. — Русь и русскіе въ 1812 году. С. М. Любецкаго. — Семейство Тарскихъ. Н. А. Вроцкаго. — А. С — нь.	445
XVIII. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.	

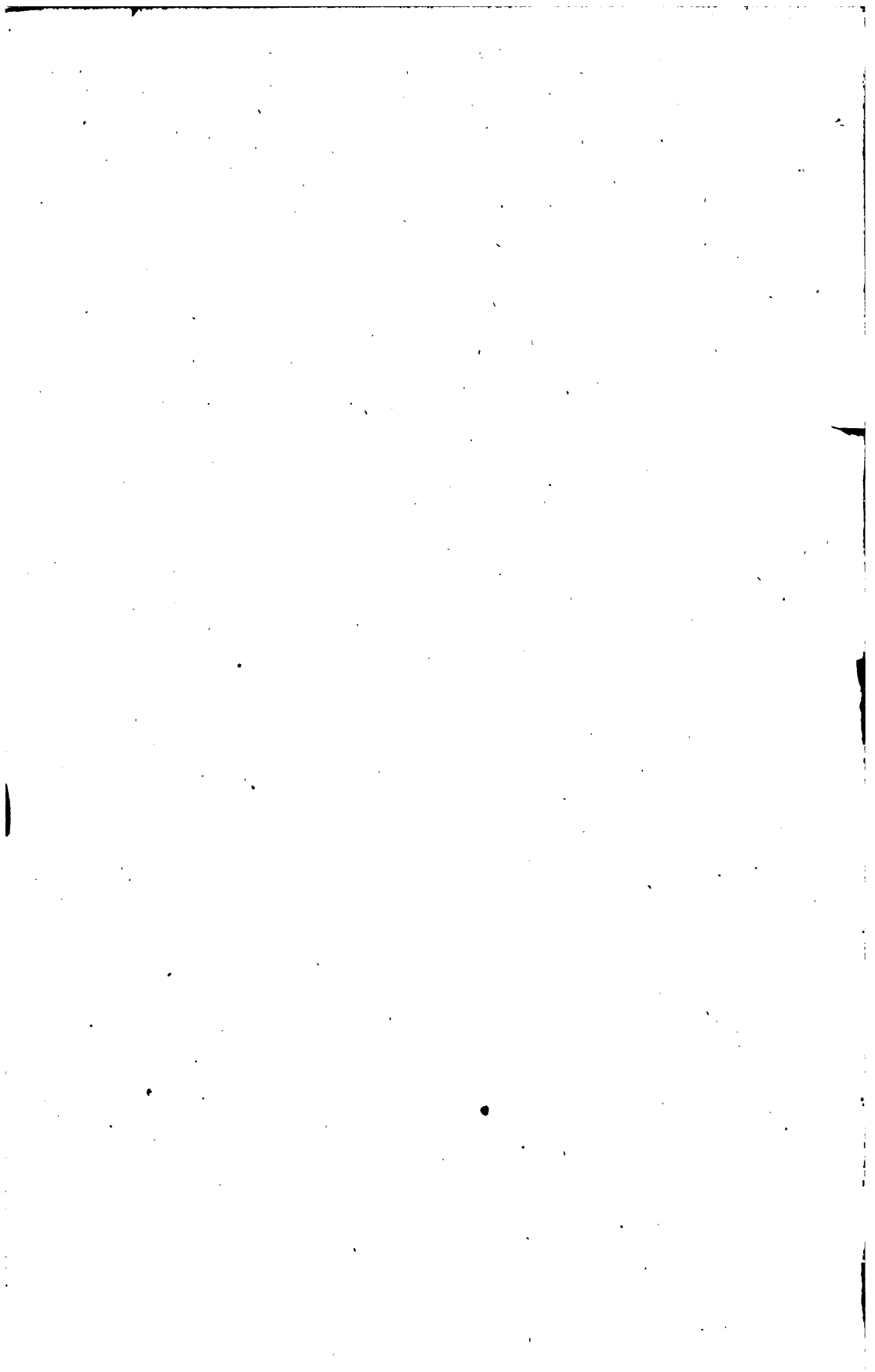
Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ф. Базунова.

НѢВ. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на правила
подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣній
и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

Fourth Year. Book 5
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

С САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

131784

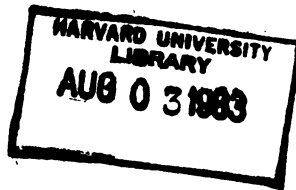
~~Slavona~~

P Slav 176.25

1879, Oct. 6.

Gift of

Eugene Schuyler,
U. S. Consul, at
Birmingham, Eng.

О Б Р Ы В Ъ

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

На другой день, въ деревенской церкви Малиновки, съ десяти часовъ, начали звонить въ большой колоколъ, къ обѣднѣ. Въ домѣ была суета. Завладывали коляску, старомодную карету. Кучера одѣлись въ синіе, новые кафтаны, намазали головы коровьимъ масломъ и съ утра напились пьяны. Дворовыя женщины и дѣвицы пестрѣли праздничными, разноцвѣтными, ситцевыми платьями, платками, косынками, ленточками. Отъ горничныхъ за десять шаговъ несло гвоздичной помадой. Егорка явился было неслыханнымъ франтомъ, въ подаренномъ ему Райскимъ коротенькомъ пиджакѣ, клѣтчатыхъ зеленыхъ, почти новыхъ, панталонахъ, и въ купленныхъ имъ самимъ — оранжевомъ галстухѣ и голубомъ жилетѣ. Онъ, въ этомъ нарядѣ, нечаянно попался на глаза Татьянѣ Марковнѣ.

— Это что! строго крикнула она на него: — что за чучело, на кого ты похожъ? Долой! Василиса! Выдать имъ всеѣмъ ливрейные фраки: и Сереевѣ, и Степѣ, и Петрушкѣ, и этому шуту! говорила она, указывая на Егора. — Яковъ пусть черный фракъ да бѣлый галстухъ надѣнетъ: чтобъ и за столомъ служили, и вечеромъ оставались въ ливреяхъ.

---

*). См. выше: янв. 5, февр. 497, мар. 5, апр. 523—617 стр.

Весь домъ смотрѣлъ парадно, только Улита, въ это утро глубже, нежели въ другіе дни, опускалась въ свои холодники и подвалы и не успѣла надѣть ничего, что дѣлало бы ее непохожею на вчерашнюю или завтрашнюю Улиту. Да повара почти съ зарей надѣли свои бѣлые колпаки и не повладывали рукъ, готовя завтракъ, обѣдъ, ужинъ—и господамъ, и дворнѣ, и пріѣзжимъ людямъ изъ-за Волги.

Бабушка, отдавъ приказанія съ ранняго утра, въ восемь часовъ сдѣлала свой туалетъ и вышла въ залу, къ гостѣмъ и будущей роднѣ своей, въ полномъ блескѣ старческой красоты, съ сдержаннымъ достоинствомъ барыни и съ броткой улыбкой счастливой матери и радушной хозяйки.

Она надѣла на сѣдые волосы маленькій простой чепчикъ; на ней хорошо сидѣло привезенное ей Райскимъ изъ Петербурга шелковое, свѣтло-коричневое платье. Шея закрывалась шемизеткой, съ широкимъ воротничкомъ изъ стараго пожелтѣвшаго кружева. На креслахъ въ кабинетѣ лежала турецкая большая шаль, готовая облечь ее, когда пріѣдутъ гости въ завтраку и обѣду.

Теперь она собиралась ѣхать всѣмъ домою къ обѣднѣ, и въ ожиданіи, когда всѣ домашніе сойдутся, прохаживалась медленно по залѣ, сложивъ руки крестомъ на груди и почти не замѣчая домашней суеты, какъ входили и выходили люди, чистя ковры, приготовляя лампы, отирая зеркала, снимая чехлы съ мебели. Она подходила, то къ одному, то къ другому окну, задумчиво смотрѣла на дорогу, потомъ съ другой стороны въ садъ, съ третьей на дворы. Командовали всей прислугой и распоряжались Василиса и Яковъ, а Савелій управлялся съ дворней.

Мать Викентьева разодѣлась въ платье gris-de perle, съ отдѣлкой изъ темныхъ кружевъ. Викентьевъ прибѣгалъ уже, наряженный съ осьми часовъ во фракъ и бѣлыя перчатки. Ждали только появленія Марейньки.

И когда она появилась, радости и гордости Татьяны Марковны не было конца. Она сіяла природной красотой, блескомъ здоровья, а въ это утро еще лучами веселья отъ всеобщаго участія, отъ множества — со всѣхъ сторонъ знаковъ вниманія, не только отъ бабушки, жениха, его матери, но въ каждомъ лицѣ изъ дворни свѣтилось непритворное дружелюбие, ласка къ ней и лучъ радости, по случаю ея праздника.

Бабушка уже успѣла побывать у нея въ комнатѣ, когда она только что встала съ постели. Проснувшись и поглядѣвъ вокругъ себя, Марейнька ахнула отъ изумленія и внезапной радости. Пока она спала, ей, всѣ стѣны ея двухъ комнатокъ, чьи-то руки обвѣшали гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. Она хотѣла надѣть свою про-

стенную блузу, а на мѣсто ея, на креслѣ, подлѣ кровати, нашла утреннее negligé изъ кисеи и кружевъ, съ розовыми лентами.

Не успѣла она ахнуть, какъ на двухъ другихъ креслахъ видѣла два прелестныя платья—розовое и голубое, на выборъ, которое надѣть.

— Ахъ! сдѣлала она и, вскочивъ съ постели, надѣла новую блузу, не надѣвъ чулокъ—некогда было—подошла къ зеркалу и остолбенѣла: весь туалетъ былъ уставленъ подарками. Она не знала, на чтó глядѣть, чтó взять въ руки. Бросится къ платью, а тамъ тянетъ къ себѣ великолѣпный ящикъ розоваго дерева: она открыла его,—тамъ былъ полный дамскій нессеръ, почти весь туалетъ, хрустальные, оправленные въ серебро флаконы, гребенки, щетки и множество мелочей.

Она стала было разсматривать всѣ вещи, но у ней дрожали руки: она схватитъ одинъ флаконъ, увидитъ другой, положить тотъ, возьметъ третій, увидитъ гребенку, щетки въ серебряной оправѣ: — и все съ ея вензелемъ *М.* «Отъ будущей мамы», написано было на бумажѣ, наклеенной на ящикѣ. «Ахъ!» сдѣлала она, растерявшись и захлопывая крышку. Подлѣ ящика лежало еще нѣсколько футляровъ, футлярчиковъ. Она не знала, за который взяться, чтó смотрѣть. Взглянувъ мелькомъ въ зеркало и отгнувъ небрежно назадъ густую косу, падавшую ей на глаза и мѣшавшую разсматривать подарки, она кончила тѣмъ, что забрала всѣ футляры съ туалета и сѣла съ ними въ постель. Она боялась открывать ихъ, медлила, наконецъ открыла самый маленький. Тамъ—перстень съ однимъ только изумрудомъ. «Ахъ!» сдѣлала она, и надѣвъ перстень, вытянула руку и любовалась имъ издали. Открыла другой футляръ побольше — тамъ серьги: она вдѣла ихъ въ уши и, сидя въ постели, тянулась взглянуть на себя въ зеркало. Потомъ открыла еще два футляра и нашла большія массивныя браслеты, въ видѣ змѣи вольцомъ, съ рубиновыми глазами, усѣянной по мѣстамъ сверкающими алмазами, и сейчасъ же надѣла ихъ. Наконецъ открыла самый большой футляръ. «Ахъ!» почти съ ужасомъ, замирая, сдѣлала она, увидя цѣлую рѣку—двадцать одинъ брильянтъ, по числу ея лѣтъ. Тамъ бумажка съ словами: «Къ этому ко всему», читала она: имѣю честь присовокупить самый драгоценный подарокъ: лучшаго моего друга — самого себя. Берегите его. Вашъ ненаглядный Вивентьевъ».

Она засмѣялась, потомъ поглядѣла кругомъ, поцѣловала записку, покраснѣла до ушей, и спрыгнувъ съ постели, спрятала ее въ свой шкапчикъ, гдѣ у нея хранились лакомства. И опять подбѣжала къ туалету посмотреть, нѣтъ ли чего-нибудь еще, и нашла еще футлярчикъ. Это былъ подарокъ Райскаго: часы, съ

эмалевою доской, съ ея шифромъ, съ цѣпочкой. Она взглянула на нихъ большими глазами, потомъ окинула взглядомъ прочіе подарки, поглядѣла по стѣнамъ, увѣшаннымъ гирляндами и цвѣтами — и вдругъ опустилась на стулъ, закрыла глаза руками и залилась цѣлымъ дождемъ горячихъ слезъ.

— Господи! всхлипывая отъ счастья, говорила она: за что они меня такъ любятъ всѣ? Я никому ничего хорошаго не сдѣлала и не сдѣлаю никогда!...

Такъ застала ее бабушка, neodѣтую, необутую, съ перстнями на пальцахъ, въ браслетахъ, въ бриллантовыхъ серьгахъ и обильныхъ слезахъ. Она сначала испугалась, потомъ узнавъ причину слезъ, обрадовалась и осыпала ее поцѣлуями.

— Это Богъ тебя любить, дитя мое, говорила она, лаская ее: за то, что ты сама всѣхъ любишь, и всѣмъ, кто поглядитъ на тебя, становится тепло и хорошо на свѣтѣ!...

— Ну, пусть бы Николай Андреичъ: онъ женихъ, пусть тащатъ его, отвѣчала Марейнька, утирая слезы: а братъ Борисъ Павловичъ: что я ему...

— Тоже, что всѣмъ! одна радость глядѣть на тебя: скромна, чиста, добра, бабушкѣ послушна... («Мотъ! изъ чего тратитъ на дорогіе подарки: вотъ я ужъ ему дамъ!» въ скобкахъ вставила она.) Онъ уродъ, твой братецъ, только какой-то особенный уродъ!

— Точно угадалъ, бабушка: мнѣ давно хотѣлось синенькіе часики—вотъ этикіе, съ эмалью!...

— А чтожъ ты не спросишь бабушку, отчего она ничего не подарила?

Марейнька зажала ей ротъ поцѣлуемъ.

— Бабушка, любите меня всегда, коли хотите, чтобъ я была счастлива....

— Любовь—любовью, а вотъ тебѣ мой всегдашній подарокъ! говорила она, крестя ее. — А вотъ и еще, чтобъ ты этого моего креста и послѣ меня не забывала...

Она полѣзла въ карманъ.

— Бабушка! Да вѣдь вы мнѣ два платья подарили!... А кто это зелени и цвѣтовъ повѣсилъ?

— Все твой женихъ, съ Полиной Карповной, вчера прислали... отъ тебя таили.... Сегодня Василиса съ Пашуткой и убрали на зарѣ.... А платья—твое приданое: будетъ и еще не два. Вотъ тебѣ....

Она вынула футлярчикъ, достала оттуда золотой крестъ, съ четырьмя крупными бриллантами, и надѣла ей на шею, потомъ простой гладкій браслетъ съ надписью: «отъ бабушки внучкѣ»,

годъ и число. Марейнъба припала къ руцѣ бабушки и чуть было не расплакалась опять.

— Все, что у бабушки есть—а у ней кое-что есть—все по ровну раздѣлю вамъ съ Вѣрочкой! Одѣвайся же скорѣй!

— Какая вы нынче красавица, бабушка! Братецъ правду говорите: Титъ Нивонычъ непременно влюбится въ васъ...

— Полно тебѣ, болтунья! полусердито сказала бабушка. — Поди къ Вѣрочкѣ и узнай, что она? Чтобы къ обѣдни не опоздала съ нами. Я бы сама зашла къ ней, да боюсь подниматься на лѣстницу....

— Я сейчасъ, сейчасъ... сказала Марейнъба, торопясь одѣваться.

II.

Вѣра, черезъ полчаса послѣ своего обморока, очнулась и поглядѣла вокругъ. Ей освѣжилъ лицо холодный воздухъ изъ отвореннаго окна. Она привстала, озираясь кругомъ, потомъ поднялась, заперла окно, дошла, шатаясь, до постели, и скорѣе упала, нежели легла на нее, и оставалась неподвижною, покрывшись брошеннымъ туда ею наканунѣ большимъ платкомъ. Обезсиленная, она впала въ тяжкій сонъ. Истомленный организмъ онѣмѣлъ на время, помимо ея сознанія и воли. Коса у ней упала съ головы и рассыпалась по подушкѣ. Она была блѣдна, и спала, какъ мертвая.

Часа черезъ три, шумъ на дворѣ, людскіе голоса, стукъ колесъ и благовѣстъ вывели ее изъ летаргій. Она открыла глаза, посмотрѣла кругомъ, послушала шумъ, пришла на минуту въ сознаніе, потомъ вдругъ опять закрыла глаза и предалась снова, или сну, или мучѣ.

Въ это время кто-то легонько постучался въ ней въ комнату. Она не двигалась. Потомъ сильнѣе постучались. Она услышала и встала вдругъ съ постели, взглянула въ зеркало и испугалась самой себя. Она быстро обвила косу около руки, свернула ее въ кольцо, закрѣпила кое-какъ черной большой булавкой на головѣ, и накинута на плечи платокъ. Мимходомъ подняла съ полу назначенный для Марейнъви букетъ и положила на столъ. Стукъ повторился, вмѣстѣ съ легкимъ царапаньемъ у двери.

— Сейчасъ! сказала она и отворила дверь.

Влетѣла Марейнъба, сіяя, какъ радуга, и красотою, и нарядомъ, и весельемъ. Она взглянула на Вѣру и вдругъ остановилась.

— Чтò съ тобой, Вѣрочка? спросила она:—ты не здорова!... Веселье слетѣло съ лица у ней, уступивъ мѣсто испугу.

— Да, не совсѣмъ... слабо отвѣчала Вѣра: ну, поздравляю тебя....

Онѣ поцѣловались.

— Какая ты хорошенькая, нарядная! говорила Вѣра, стараясь улыбнуться. Но улыбка не являлась. Губами она сдѣлала движеніе, а глаза не улыбались. Привѣтствію противорѣчили почти неподвижный взглядъ, безъ лучей, какъ у мертвой, которой не успѣли закрыть глазъ.

Вѣра, чувствуя, что не одолѣетъ себя, поспѣшила взять букетъ и подала ей.

— Какой роскошный букетъ! сказала Марейнька, тая отъ восторга и нюхая цвѣты.

— А что же это такое? вдругъ прибавила она, чувствуя подъ букетомъ въ рукѣ что-то твердое. Это былъ изящный portebouquet, убранный жемчугомъ, съ ея шифромъ.

— Ахъ, Вѣрочка, и ты, и ты!.... Что это, какъ вы всѣ меня любите!... говорила она, собиравъ опять заплакать:—и я вѣдь васъ всѣхъ люблю.... какъ люблю, Господи!... Да какъ же и когда вы узнаете это: я не умѣю даже сказать...

Вѣра почти умилилась внутренно, но не смогла ничего отвѣтить ей, а только тяжело перевела духъ и положила ей руку на плечо.

— Я сяду, сказала она:—я дурно спала ночь....

— Бабушка зоветъ къ обѣднѣ....

— Не могу, душечка, скажи что я не такъ здорова... и не выйду сегодня....

— Какъ, ты совсѣмъ не придешь туда? въ страхѣ спросила Марейнька.

— Да, я полежу, я вчера простудилась должно быть: только ты скажи бабушкѣ слегка....

— Мы къ тебѣ придемъ....

— Боже сохрани! Вы помѣшаете мнѣ отдохнуть...

— Ну, такъ пришлемъ тебѣ сюда всего... Сколько мнѣ подарковъ... цвѣтовъ... конфетъ прислали!... Я покажу тебѣ...

Марейнька рассказала все, чтò и отъ кого получила.

— Да, да—хорошо... это очень мило! покажи... Я послѣ приду, разсѣянно говорила Вѣра, едва слушая ее.

— А это чтò? Еще букетъ! сказала вдругъ Марейнька, увидя букетъ на полу:—что это онъ на полу валяется?

Она подняла и подала Вѣрѣ букетъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ. Вѣра поблѣднѣла.

— Кому это? чей? — какая прелесть!

— Это... тоже тебѣ... едва выговорила Вѣра.

Она взяла первую ленточку изъ комода, нѣсколько булавокъ, и кое-какъ, едва шевеля пальцами, приволола померанцовые цвѣты на грудь Марейнѣ. Потомъ поцаловала ее и сѣла въ изнеможеніи на диванъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ нездорова — посмотри, какая ты блѣдная! замѣтила серьезно Марейнѣ: — не сказать ли бабушѣ? Она за докторомъ пошлетъ... Пошлемъ, душечка, за Иваномъ Богдановичемъ.... Какъ это грустно — въ день моего рожденія! Теперь мнѣ цѣлый день испорченъ!

— Ничего, ничего — пройдетъ: ни слова бабушѣ, не пугай ее!... А теперь поди, оставь меня... шептала Вѣра: я отдохну...

Марейнѣ хотѣла поцѣловать ее и вдругъ увидѣла, что у ней глаза полны слезъ. Она заплакала сама.

— Чтò ты? тихо спросила Вѣра, отирая уградой, какъ будто воруя свои слезы изъ глазъ.

— Какъ же не плакать, когда ты плачешь, Вѣрочка? Что съ тобой? другъ мой, сестра! У тебя горе: скажи мнѣ...

— Ничего, не гляди на меня: это нервы... Только скажи бабушѣ осторожно, а то она встревожится....

— Я скажу, что голова болитъ, а про слезы не упомяну, а то она въ самомъ дѣлѣ на цѣлый день разстроится.

Марейнѣ ушла. А Вѣра затворила за ней дверь и легла на диванъ.

III.

Всѣ ушли и уѣхали къ обѣднѣ. Райскій, воротясь на разсвѣтѣ домой, не узнавая самъ себя въ зеркалѣ, чувствуя ознобъ, попросилъ у Марины стаканъ вина, выпилъ и бросился въ постель.

Ему было не легче Вѣры. И онъ, истомленный усталостью, моральной и физической, и долгими муками, отдался сну, какъ будто бросился въ горячѣ въ объятія здороваго друга, поручая себя его попеченію. И сонъ исполнилъ эту обязанность, унесъ его далеко отъ Вѣры, отъ Малиновки, отъ обрыва и отъ вчерашней, разыгравшейся на его глазахъ драмы. Ему снилось все другое, противоположное. Никакихъ «волнъ поэзіи» не видалъ онъ, не била «страсть пѣнной» черезъ край, а очутился онъ въ Петербургѣ, дома, одинъ, въ своей брошенной мастерской, и равнодушно глядѣлъ на начатыя и небонченныя работы.

Потомъ приснилось ему, что онъ сидитъ съ пріятелями у Сен-Жоржа и съ аппетитомъ ѣсть и пьеть, рассказываетъ и слушаетъ пошлый вздоръ, обыкновенно рассказываемый на холостыхъ обѣдахъ,—что ему отъ этого стало тяжело и смучно, и что во снѣ даже спать захотѣлось. И онъ спалъ здоровымъ, прозаическимъ сномъ, до того охватившимъ его, что когда онъ проснулся отъ трезвона въ церквахъ, то первая двѣ-три минуты былъ только подъ влияніемъ животнаго покоя, стѣной ставшаго между имъ и вчерашнимъ днемъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ — и можетъ быть даже—кто онъ таковой. Природа взяла свое и этимъ вѣрнымъ сномъ возстановила равновѣсіе въ силахъ. Нивакой боли, пытки не чувствовалъ онъ. Все это—какъ въ воду кануло. Онъ потянулся, даже посвисталъ беззаботно, чувствуя только, что ему отъ чего-то покойно, хорошо, что онъ давно уже не спалъ и не просыпался такъ здорово. Сознаніе еще не воротилось къ нему.

Но слѣдующія двѣ, три минуты вдругъ привели его въ память—о вчерашнемъ. Онъ сѣлъ на постели, какъ будто не самъ, а подняла его посторонняя сила, посидѣлъ минуты двѣ неподвижно, открылъ широко глаза, будто не вѣря чему-то, но когда увѣрился, то всплеснулъ руками надъ головой, упалъ опять на подушку, и вдругъ вскочилъ на ноги, уже съ другимъ лицомъ, какого не было у него даже вчера, въ самую страшную минуту. Другая мука, не вчерашняя, какой-то новый бѣсъ бросился въ него,—и онъ также торопливо, нервно и судорожно, какъ Вѣра накануне, собирался идти въ обрыву, хваталъ одно за другимъ платья, разбросанныя по стульямъ.

Онъ позвонилъ Егора, и едва съ его помощью кое-какъ одѣлся, надѣвая скуртуку прежде жилета, забывая галстухъ. Онъ спросилъ, что дѣлается дома, и узнавъ, что всѣ уѣхали въ обѣднѣ, кромѣ Вѣры, которая больна, оцѣпенѣлъ, измѣнился въ лицѣ и бросился вонъ изъ комнаты въ старому дому.

Онъ тихо постучался къ Вѣрѣ: никто не отвѣчалъ. Подождать минуты двѣ отвѣта, онъ тронулъ дверь: она была не заперта изнутри. Онъ осторожно отворилъ и вошелъ съ ужасомъ на лицѣ, тихимъ шагомъ, какимъ можетъ входить человѣкъ, съ намѣреніемъ совершить убійство. Онъ едва ступалъ на цыпочкахъ, трясаясь, блѣдный, боясь ежеминутно упасть отъ душившаго его волненія.

Вѣра лежала на диванѣ, лицомъ къ спинкѣ. Съ подушки надали почти до пола ея волосы, юбка ея сѣраго платья небрежно висѣла, не закрывая ея ногъ, обутыхъ въ туфли. Она не оборачивалась, только будто сдѣлала движеніе, чтобъ оборотиться и посмотрѣть, кто вошелъ, но, повидимому, не могла.

Онъ подошелъ, сталъ на колѣни подлѣ нея и прильнулъ губами къ ея туфлѣ. Она вдругъ обернулась, взглянула на него мелькомъ, лице у ней подернулось горькимъ изумленіемъ.

— Что это, комедія или романъ, Борисъ Павловичъ? глухо сказала она, отворачиваясь съ негодованіемъ и пряча ногу съ туфель подъ платье, которое, не глядя, торопливо оправила рукой.

— Нѣтъ, Вѣра, — трагедія! едва слышно выговорилъ онъ угасшимъ голосомъ и сѣлъ на стулъ, подлѣ дивана.

Она обернулась на этотъ тонъ его голоса, взглянула на него пристально: глаза у ней открылись широко, съ изумленіемъ. Она увидѣла блѣдное лицо, какого никогда у него не видала, и казалось читала, или угадывала смыслъ этого новаго лица, новаго Райскаго.

Она сбросила съ себя платоць, встала на ноги и подошла къ нему, забывъ въ эту секунду всю свою бурю: она видѣла на другомъ лицѣ такое же смертельное страданіе, какое жило въ ней самой.

— Братъ, что съ *тобой*, ты несчастливъ! сказала она, положивъ ему руку на плечо—и въ этихъ трѣхъ словахъ, и въ голосѣ ея—отозвалось, кажется, все, что есть великаго въ сердцѣ женщины: состраданіе, самоотверженіе, любовь.

Онъ, въ умиленіи отъ этой ласки, отъ этого неожиданнаго теплаго *ты*, взглянулъ на нее съ той же изступленной благодарностью, съ какою она взглянула вчера на него, когда онъ, забывая себя, помогалъ ей сойти съ обрыва. Она нечаянно заплатила ему великодушіемъ за великодушіе, какъ и у него вчера вырвался такой же лучъ одного изъ самыхъ свѣтлыхъ свойствъ человѣческой души. Его охватилъ трепеть смѣшанныхъ чувствъ, и тѣмъ сильнѣе заговорила мука отчаянія за свой поступокъ. Все растопилось у него въ горячихъ слезахъ.

Онъ положилъ лицо въ ея руки и рыдалъ какъ человѣкъ, все утратившій, которому нечего больше терять.

— Что я сдѣлалъ! оскорбилъ тебя, женщину, сестру! вырвались у него вопли среди рыданій.— Это былъ не я, не человѣкъ: звѣрь сдѣлалъ преступленіе. Что это такое было! говорилъ онъ съ ужасомъ, оглядываясь, какъ-будто теперь только пришелъ въ себя.

— Не мучайся и не мучай меня.... шептала она кротко, ласково.— Пощади—я не вынесу: ты видишь, въ какомъ я положеніи.

Онъ старался не глядѣть ей въ глаза. А она опять прилегла на диванъ.

— Какой ударъ нанесъ я тебѣ! шепталъ онъ въ ужасѣ.— Я

даже прощенія не прошу: оно невозможно! ты видишь мою казнь, Вѣра....

— Ударъ твой.... сдѣлалъ мнѣ боль на одну минуту. Потомъ я поняла, что онъ не могъ быть нанесенъ равнодушной рукой, и повѣрила, что ты любишь меня.... Тутъ только представилось мнѣ, что ты вытерпѣлъ въ эти недѣли, вчера.... Успокойся, ты не виноватъ: мы квиты....

— Не оправдывай преступленія, Вѣра: ножъ — все ножъ. Я ударилъ тебя ножомъ....

— Ты разбудилъ меня.... Я будто спала: всѣхъ васъ, тебя, бабушку, сестру, весь домъ — видѣла какъ во снѣ, была зла, суха — забылась!...

— Что мнѣ теперь дѣлать, Вѣра? уѣхать: въ какомъ положеніи я уѣду! Дай мнѣ вытерпѣть казнь здѣсь — и хоть немного примириться съ собой, со всѣмъ, что случилось....

— Полно, братъ: воображеніе рисуетъ тебѣ какое-то преступленіе, вмѣсто ошибки. Вспомни, въ какомъ положеніи ты сдѣлалъ ее, въ какой горячкѣ!... Она замолчала. — У меня ничего нѣтъ, кромѣ дружбы къ тебѣ, сказала потомъ, протягивая ему руку: я не осуждаю тебя — и не могу: я знаю теперь, какъ ошибаются....

Она едва говорила, очевидно дѣлая надъ собой усиліе, чтобы немного успокоить его.

Онъ пожалъ протянутую руку и безотрадно вздохнулъ.

— Ты добра, какъ женщина — и судишь не умомъ, а сердцемъ эту «ошибку»....

— Нѣтъ, братъ: ты строгъ къ себѣ. Другой счелъ бы себя вправѣ, послѣ всѣхъ этихъ глупыхъ шутокъ надъ тобой.... Ты ихъ знаешь: эти записки.... Пусть съ доброй цѣлью — отрезвить тебя, пошутить — въ отвѣтъ на твои шутки. — Все же — злость, смѣхъ! А ты и не шутилъ.... Стало быть, мы, безъ нужды, были только злы и ничего не поняли... Глупо! глупо! Тебѣ было больнѣе, нежели мнѣ вчера....

— Ахъ, нѣтъ! я иногда самъ смѣялся, и надъ собой, и надъ вами, что вы ничего не понимаете и суетитесь. Особенно, когда ты потребовала пальто, одѣяло, деньги для «изгнанника»....

Она сдѣлала большіе глаза и съ удивленіемъ глядѣла на него.

— Какія деньги, какое пальто? что за изгнанникъ? Я ничего не понимаю....

У него лицо немного посвѣтлѣло.

— Я и прежде подозрѣвалъ, что это не твоя выдумка, а теперь вижу, что ты и не знала!

Онъ коротко передалъ ей содержаніе двухъ писемъ, съ просьбой прислать денегъ и платье.

У ней побѣлѣли даже губы.

— Братъ! Мы съ Наташей писали къ тебѣ попеременно, однимъ почеркомъ, три-четыре шутивыя записки, стараясь подражать твоимъ... Вотъ и все. Остальное сдѣлала не я... я ничего не знала.... кончила она тихо, оборачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

Водворилось молчаніе. Онъ задумчиво шагальъ взадъ и впередъ по ковру. Она, казалось, отдыхала, утомленная разговоромъ.

— Я не прошу у тебя прощенія за всю эту исторію.... И ты не волнуйся, сказала она.—Мы помиримся съ тобой. У меня только одинъ упрекъ тебѣ — ты поторопился съ своимъ букетомъ: я шла оттуда.... хотѣла послать за тобой, чтобы тебѣ первому сказать всю исторію.... искупить хоть немного все, что ты вытерпѣлъ.... Но ты поторопился!

— Ахъ! вырвалось у него.—Это ударъ ножа мнѣ!

— Оставимъ все это... послѣ, послѣ... А теперь я потребую отъ тебя, какъ отъ друга и брата, помощи, важной услуги.... Ты не откажешь?...

— Вѣра!

Онъ ничего не сказалъ больше, но взглянувъ на него, она видѣла, что можетъ требовать всего.

— Я, пока силы есть, расскажу тебѣ всю исторію этого года....

— Зачѣмъ? Я не хочу, не могу, не долженъ знать....

— Не мѣшай мнѣ: я едва дышу, а время дорого: я расскажу тебѣ все, а ты передай бабушкѣ....

У него глаза остановились на ней съ удивленіемъ и въ лицо хлынуль испугъ.

— Я сама не могу: языкъ не послушается. Я умру, не договорю....

— Бабушкѣ: зачѣмъ! едва выговорилъ онъ отъ страха.—Подумай, какія послѣдствія.... Что будетъ съ ней?... Не лучше ли скрыть все?...

— Я давно подумала: какія бы ни были послѣдствія, ихъ надо—не скрывать, а перенести! Можетъ быть, обѣ умремъ, помѣшаемся—но я ее не обману. Она должна была знать давно, но я надѣялась сказать ей другое... и отъ того молчала.... «Кая казнь!» прибавила она тихо, опуская голову на подушку.

— Сказать.... все: и вчерашній вечеръ?... спросилъ онъ тихо.

— Да....

— И имя?....

Она чуть замѣтно кивнула утвердительно головой и отвернулась.

Она посадила его подлѣ себя на диванъ и шепотомъ, съ остановками, рассказала исторію своихъ сношеній съ Маркомъ. Кончивъ, она закуталась въ шаль, и дрожа отъ озноба, легла опять на диванъ. А онъ всталъ блѣдный. Оба молчали, каждый про себя переживая минуту ужаса, она — думая о бабушкѣ, онъ — о нихъ обѣихъ.

Ему предстояло — уже не въ горячѣй страсти, не въ припадкѣ слѣпото мщенія, а по неизбѣжному сознанію долга — нанести еще ударъ ножа другой, нѣжно-любимой женщинѣ! «Да, это страшное порученіе, въ самомъ дѣлѣ — важная услуга!» подумалъ онъ.

— Когда сказать ей? спросилъ онъ тихо.

— Скорѣй! я замучаюсь, пока она не узнаетъ: а у меня еще много мучъ.... «И это не главная», подумала про себя. — Дай мнѣ спиртъ: тамъ, гдѣ-то.... прибавила она, указывая, гдѣ стоялъ туалетъ. — А теперъ пооди.... оставь меня.... я устала....

— Сегодня говорить съ бабушкой нельзя: гости! Богъ знаетъ, что съ ней будетъ! Завтра!

— Ахъ! сдѣлала она:— доживу ли я? Ты до завтра какъ-нибудь продли.... успокой бабушку, скажи ей что-нибудь.... чтобъ она ничего не подозрѣвала.... не присылала сюда никого....

Онъ подаль ей спиртъ, спросилъ, не надо ли ей чего-нибудь, не послать ли дѣвушку.

Она нетерпѣливо покачала головой, отсылая его взглядомъ, потомъ закрыла глаза, чтобъ ничего не видѣть. Ей хотѣлось бы — непроницаемой тьмы и непробудной тишины вокругъ себя, чтобы глазъ ея не касались лучи дня, чтобы не доходило до нея никакого звука. Она будто искала новаго, небывалаго состоянія духа, нѣмоты и дремоты ума, всѣхъ силъ, чтобы окаменѣть, стать растеніемъ, ничего не думать, не чувствовать, не сознавать.

А онъ вышелъ отъ нея съ новой, болѣе страшной тяжестью, нежели съ какою пришелъ. Она отчасти облегчила ему одно бремя, и возложила другое, невыносимѣе.

IV.

Она встала, заперла за нимъ дверь и легла опять. Ее давила нависшая туча горя и ужаса. Дружба Райскаго, участіе, преданность, помощь — представляли ей на первую минуту легкую опору, на которую она оперлась, чтобы вздохнуть свободно, какъ утопающій, вынырнувшій на минуту изъ воды, чтобы глотнуть воздуха. Но едва онъ вышелъ отъ нея, она точно оборвалась въ воду опять. «Жизнь кончена!» шептала она съ отчаяніемъ и видѣла впереди одну голую степь, безъ привязанностей, безъ семьи, безъ всего того, изъ чего соткана жизнь женщины. Передъ ней — только одна глубокая, какъ могила, пропасть. Ей предстояло стать лицомъ въ лицу съ бабушкой и сказать ей: «вотъ чѣмъ я заплатила тебѣ за твою любовь, попеченія, какъ наругалась надъ твоимъ довѣріемъ.... до чего дошла своей волей....» Ей, въ драматъ ея отчаянія, снился взглядъ бабушки, когда она узнала все, брошенный на нее, ея голосъ — даже не было голоса, а вмѣсто его какіе-то глухіе звуки ужаса и смерти.... Потомъ, потомъ — она не знала, что будетъ, не хотѣла глядѣть дальше въ страшный сонъ, и только глубже погрузила лицо въ подушку. У ней подошли-было къ глазамъ слезы и отхлынули назадъ, къ сердцу. «Еслибъ умереть!», внезапно просіявъ отъ этой мысли, съ улыбкой, съ наслажденіемъ, шепнула она — и вдругъ за дверью услышала шаги и голосъ.... бабушки! У ней будто отнялись руки и ноги. Она, блѣдная, не шевелясь, съ ужасомъ слушала этотъ легкій, но страшный стукъ въ дверь. «Не встану — не могу» шептала она: стукъ повтѣрился. Она вдругъ, съ силой, которая невѣдомо откуда берется въ такія минуты, оправилась, вскочила на ноги, отерла глаза и съ улыбкой пошла навстрѣчу бабушкѣ.

Татьяна Марковна, узнавши отъ Марейнѣи, что Вѣра нездорова и не выйдетъ цѣлый день, пришла навѣдаться сама. Она бѣгло взглянула на Вѣру и опустилась на диванъ.

— Ухъ, устала у обѣдни! Насилу поднялась на лѣстницу! Что у тебя, Вѣрочка: нездорова? спросила она и остановила испытующій взглядъ на лицѣ Вѣры.

— Поздравляю съ новорожденной! заговорила Вѣра развязно, голосомъ маленькой дѣвочки, которую научила нянька — что сказать мамашѣ утромъ въ день ея ангела, цалуя руку у бабушки, — и сама удивилась про себя, какъ память подсказала ей, что надо сказать, какъ языкъ выговорилъ эти слова! — Пустое: ноги промочила вчера, голова болить! съ улыбкой старалась до-

говорить она. Но губы не улыбнулись, хотя и показались изъ-за нихъ два, три верхніе зуба.

— Надо было натереть вчера спиртомъ: у тебя нѣтъ? сдержанно сказала бабушка, стараясь на нее не глядѣть, потому что слышала принужденный голосъ, видѣла на губахъ Вѣры какую-то чужую, а не ея улыбку, и чуяла неправду.

— Ты сойдешь къ намъ? спросила она.

Вѣра внутренне ужаснулась этого невозможнаго испытанія, сверхъ силъ, и замаялась.

— Не принуждай себя, снисходительно замѣтила Татьяна Марковна: чтобъ не разболѣться больше.

Новый ужасъ охватилъ Вѣру отъ этой снисходительности. Ей казалось, какъ всегда, когда совѣсть тревожить, что бабушка уже угадала все, и ея исповѣдь опоздаетъ. Еще минута, одно слово — и она кинулась бы на грудь ей и сказала все! И только силы измѣняли ей и удержали, да еще мысль — сдѣлать весь домъ свидѣтелемъ своей и бабушкиной драмы.

— Къ обѣду только позвольте, бабушка, не выходить, сказала она, едва крѣпясь: а послѣ обѣда я, можетъ быть, приду...

— Какъ хочешь: я пришлю тебѣ обѣдать сюда.

— Да.... да.... я ужъ теперь голодна.... говорила Вѣра, не помня сама, что говорить.

Татьяна Марковна поцѣловала ее, пригладила ей рукой немного косу, и вышла, замѣтивъ только, «чтобъ она велѣла «Маринкѣ», или «Машкѣ», или «Наташкѣ», прибрать комнату, а то-де, пожалуй, изъ гостей, изъ дамъ кто-нибудь, зайдетъ», — и ушла. Вѣра вдругъ опустилась на диванъ, потомъ, немного посидя, достала одеколонъ и намочила себѣ темя и виски. «Ахъ, какъ бьется здѣсь, какъ больно!» шептала она, прикладывая руку къ головѣ. — «Боже, когда эта казнь кончится? Скорѣй бы, скорѣй сказать ей все! А тамъ, послѣ нея — пусть весь мѣръ знаетъ, смотреть!...» Она взглянула на небо, вздрогнула и безотрадно бросилась на диванъ.

Бабушка пришла къ себѣ съ скорбнымъ лицомъ, какъ «въ воду опущенная». Она принимала гостей, ходила между ними, подчивала, но Райскій видѣлъ, что она, послѣ визита къ Вѣрѣ, была уже не въ себѣ. Она почти не владела собой, отказывалась отъ многихъ блюдъ, не обернулась, когда Петрушка уронилъ и разбилъ тарелки; останавливалась среди разговора на полусловѣ, пораженная задумчивостью. А послѣ обѣда, когда гости, пользуясь свѣтлыми лучами сентябрьскаго солнца, вышли на широкое крыльцо, служившее и балкономъ, пить кофе, ликеръ, и курить, Татьяна Марковна продолжала ходить между ними, иногда не замѣчая

жкъ, и только передергивала и поправляла свою турецкую шапъ. Потомъ спохватится и вдругъ заговорить принужденно. Райскій былъ угрюмъ, смотрѣлъ только на бабушку, слѣдя за ней.

— Неладно что-то съ Вѣрой! шепнула она отрывисто ему: ты видѣлъ ее? У ней какое-то горе!

Онъ сказалъ, что нѣтъ. Бабушка подозрительно поглядѣла на него.

Полины Карповны не было: она сказалась больною, прислала Марейнѣѣ цвѣты и деревья съ зеленью. Райскій заходилъ къ ней утромъ самъ, чтобы какъ-нибудь объяснить вчерашнюю свою сцену съ ней и узнать, не замѣтила ли она чего-нибудь. Но она встрѣтила его съ худо-скрываемымъ, подъ видомъ обидчивости, восторгомъ, хотя онъ прямо сказалъ ей, что обѣдалъ наканунѣ не дома, въ гостяхъ — тамъ много пили — и онъ выпилъ лишнюю рюмку — и вотъ «до чего дошелъ!»

Онъ просилъ прощенія и получилъ его съ улыбкой. «А это угадалъ: не говорила ли я?» заключила она. И подъ рукой разсказала всѣмъ свою сцену оболъщенья, замѣнивъ слово «упала» словомъ «пала».

Пришелъ къ обѣду и Тушинъ, еще наканунѣ пріѣхавшій въ городъ. Онъ подарилъ Марейнѣѣ хорошенькую пѣни, для прогулокъ верхомъ: «если бабушка позволить», скромно прибавилъ онъ.

— Теперь не моя воля, — вонъ кого спрашивайте! задумчиво отвѣчала она, указывая на Виентьева и думая о другомъ.

Тушинъ навѣдался о Вѣрѣ и былъ какъ-будто пораженъ ея нездоровьемъ, и тѣмъ, что она не вышла къ обѣду. Онъ былъ замѣтно взволнованъ. Татьяна Марковна стала подозрительно смотрѣть и на Тушина, отчего это онъ вдругъ такъ озадаченъ тѣмъ, что Вѣры нѣтъ. Ея отсутствіе между гостями — не рѣдкость: это случалось при немъ прежде, но никогда не поражало его. «Что стало со вчерашняго вечера съ Вѣрой?» не выходило у ней изъ головы.

Съ Титомъ Никоничемъ сначала она побранилась, и чуть не подралась, за подарокъ туалета, а потомъ поговорила съ нимъ наединѣ четверть часа въ кабинетѣ, и онъ сталъ немного задумчивъ, меньше шаркалъ ножкой, и хотя говорилъ съ дамами, а самъ смотрѣлъ такъ серьезно и пытливо, то на Райскаго, то на Тушина, что они глазами въ недоумѣніи спрашивали его, чего онъ отъ нихъ хочетъ. Но онъ тотчасъ оправлялся и живо принимался говорить дамамъ «пріятности».

Татьяна Марковна была такъ весела, безпечна, праздная день рожденья Марейнѣи и обдумывая, чѣмъ бы особенно отпраздновать черезъ двѣ недѣли именины Вѣры, чтобы не обойти

внимательностью одну передъ другой, хотя Вѣра и объявила на отръзъ, что въ именины свои уѣдетъ къ Аннѣ Ивановнѣ Тушиной, или къ Натальѣ Ивановнѣ.

Но съ полудня Татьяна Марковна такъ измѣнилась, такъ во всѣхъ, подозрительно всматривалась, во все вслушивалась, что Райскій сравнивалъ ее съ конемъ, который безпе по жеваль свой овесь, уходя въ него мордой по уши, и вдругъ услыхаль шорохъ или почуваль запахъ какого-то неизвѣстнаго и невидимаго врага. Онъ поднялъ уши и голову, красиво оборотилъ ее назадъ и неподвижно слушаетъ, широко отерывъ глаза и сильнодохнувъ ноздрями. Ничего. Потомъ медленно оборотился къ яслямъ, и все слушая, махнулъ раза три неторопливо головою, мѣрно ступнулъ раза три копытомъ, не то успокоивая себя, не то допрашиваясь о причинѣ, или предупреждая врага о своей бдительности—и опять запустилъ морду въ овесь, но хруститъ осторожно, поднимая по временамъ голову и оборачивая ее назадъ. Онъ ужъ предупрежденъ и сталъ чутокъ. Жуетъ, а у самого вздрагиваетъ плечо, оборачивается ухо назадъ, впередъ и опять назадъ.

И бабушка, занимаясь гостями, вдругъ вспомнить, что съ Вѣрой «неладно», что она не въ себѣ, не какъ всегда, а иначе, хуже, нежели какая была; такую она ее еще не видала никогда—и опять потеряется. Когда Марковна пришла сказать, что Вѣра нездорова и въ церкви не будетъ, Татьяна Марковна разсердилась сначала. «Для тебя и для семейнаго праздника могла бы отложить свои причуды, сказала она: и поѣхать къ обѣдни». Но когда узнала, что она и къ обѣду не можетъ придти, она встревожилась за ее здоровье и поднялась къ ней сама. Отговорка простудой не обманула ее. Она по лицу увидала, а потомъ, поправляя косу, незамѣтно дотронулась до лба и удостовѣрилась, что простуды нѣтъ. Но Вѣра блѣдна, на ней лица нѣтъ, она беспорядочно лежитъ на диванѣ, и притомъ въ платьѣ, какъ будто не раздѣвалась совсѣмъ, а пуще всего мертвая улыбка Вѣры поразила ее. Она вспомнила, что Вѣра и Райскій пропадали долго наканунѣ вечеромъ и оба не ужинали. И она продолжала всматриваться въ Райскаго, а тотъ старался избѣгать ея взглядовъ—и этимъ только усиливаль подозрѣнїя.

У Райскаго болѣла душа пуще всѣхъ прежнихъ его мукъ. Сердце замирало отъ ужаса, и за бабушку, и за бѣдную, трепетную, одинокую и недоступную для утѣшенїя Вѣру. Она улыбнулась ему, протянула руку, дала милыя права дружбы надъ собой—и тутъ же при немъ падала въ отчаянїи подъ тяжестью удара, поразившаго ее такъ быстро и неожиданно, какъ молнїя.

Онъ видѣлъ, что участіе его было болѣе полезно и пріятно ему самому, но мало облегчало положеніе Вѣры, какъ участіе близкихъ лицъ къ трудному больному не утоляетъ его боли. Надо вырвать корень болѣзни, а онъ былъ не въ одной Вѣрѣ, но и въ бабушкѣ — и во всей сложной совокупности другихъ обстоятельствъ: ускользнувшее счастье, разлука, поблекшія надежды жизни — все! Да, Вѣру не легко утѣшить!

И бабушку жаль: какое ужасное, неожиданное горе нарушить миръ ея души! Что, если она вдругъ свалится! приходило ему въ голову: вонъ она — сама не своя, ничего еще не зная! У него подступали слезы къ глазамъ отъ этой мысли.

А на немъ еще лежитъ обязанность вонзить глубже ножъ въ сердце этой — своей матери!

«Что, если онѣ занемогутъ обѣ! Не послать ли за Натальей Ивановной? рѣшилъ онъ: но надо прежде спросить Вѣру, а она..»

А она вдругъ явилась неожиданно среди гостей, послѣ обѣда, въ свѣтломъ праздничномъ платьѣ, но съ подвязаннымъ горломъ и въ теплой мантильѣ. Райскій ахнулъ отъ изумленія. Сегодня еще она изнемогала, не могла говорить, а теперь сама пришла! «Откуда женщины берутъ силы?» думалъ онъ, слѣдя за ней, какъ она извинялась передъ гостями, съ обыкновенной улыбкой выслушала всѣ выраженія участія, сожалѣнія, осмотрѣла подарки Марейки. Она отказалась отъ конфетъ, но съ удовольствіемъ съѣла ломоть холоднаго арбуза, сказавши, что у ней сильная жажда, и предупредивъ, что къ сожалѣнію не можетъ долго остаться съ гостями.

Бабушка немного успокоилась, что она пришла, но въ тоже время замѣчала, что Райскій мѣняется въ лицѣ и старается не глядѣть на Вѣру. Въ первый разъ въ жизни, можетъ быть, она проклинала гостей. А они усѣлись за карты, будутъ пить чай, ужинать, а Вицентьева уѣдетъ только завтра.

Райскій былъ точно между двухъ огней.

— Что такое съ ней? шепчетъ ему съ одной стороны Татьяна Марковна: ты, должно быть, знаешь...

— Ахъ, скорѣй бы сказать ей все! выговариваютъ съ другой стороны отчаянные взгляды Вѣры.

Райскому — хоть сквозь землю провалиться!

Тушинъ тоже смотритъ на Вѣру какими-то особенными глазами. И бабушка, и Райскій, а всего болѣе сама Вѣра замѣтили это.

Ее эти взгляды Тушина обдавали ужасомъ. «Не узналъ-ли? не слыхалъ-ли онъ чего?» шептала ей совѣсть. Онъ ставитъ ее такъ высоко, думаетъ, что она лучше всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ!

Теперь она молча будетъ врать его уваженіе.... «Нѣтъ, пусть знаетъ и онъ! Пришли бы хоть новыя муки на смѣну этой ужасной пытки — казаться обманщицей!» шептало въ ней отчаяніе.

Она тихо, не глядя на Тушина, поздоровалась съ нимъ. А онъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ и съ какой-то особенной застѣнчивостью потуплялъ глаза.

— Нѣтъ, не могу выносить! Узнаю, что у него на умѣ.... Иначе я упаду здѣсь, среди всѣхъ, если онъ еще... взглянетъ на меня не такъ, какъ всегда...

А онъ тутъ, какъ нарочно, и взглянулъ!

V.

Она не выдержала, простилась съ гостями, и сдѣлала Тушину, никому не замѣтный знакъ — слѣдовать за собой.

— У себя я васъ принять не могу, сказала она: а вотъ пойдете сюда въ аллею и походимъ немного.

Онъ взглянулъ на часы, сказалъ, что черезъ часъ уѣдетъ, велѣлъ вывести лошадей изъ сарая на дворъ, взялъ свой бичъ съ серебряной рукояткой, накинулъ на руку мекинтошъ и пошелъ за Вѣрой въ аллею.

— Я прямо начну, Иванъ Ивановичъ, сказала Вѣра, дрожа внутренно: что съ вами сегодня? Вы какъ будто... у васъ есть что-то на умѣ...

Она замолчала, кутая лицо въ мантилью и пожимая плечами отъ дрожи.

Онъ молча шелъ подлѣ нея, о чемъ-то думая, а она боялась поднять на него глаза.

— Вы нездоровы сегодня, Вѣра Васильевна, сказалъ онъ задумчиво: я лучше отложу до другого раза. Вы не ошиблись, я хотѣлъ поговорить съ вами...

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, сегодня! торопливо перебила она: что у васъ такое? я хочу знать... Мнѣ хотѣлось бы самой поговорить съ вами... можетъ быть, я опоздала... Не могу стоять, я сяду, прибавила она, садясь на скамью.

Онъ не замѣтилъ, ни ея ужаса и тоски, ни ея словъ, что она тоже готовилась «поговорить съ нимъ». Онъ былъ поглощенъ своей мыслью. А ее жгла догадка, что онъ узналъ все и сейчасъ дастъ ей ударъ ножа, какъ Райскій. «Ахъ, пусть: скорѣй бы только всѣ удары разомъ!...» шептала она.

— Говорите же! сказала потомъ, мучаясь про себя вопросами: какъ и гдѣ могъ онъ узнать?

— Сегодня я шель сюда...

— Что же: говорите! почти крикнула она.

— Не могу, Вѣра Васильевна, воля ваша!

Онъ прошелъ шага два отъ нея дальше.

— Не вазните меня! едва шептала она.

— Я люблю васъ... началъ онъ, вдругъ воротясь къ ней.

— Ну, я знаю. И я васъ тоже... что за новость! что же дальше?... Вы... слышали что-нибудь...

— Гдѣ? что? спрашивалъ онъ, оглядываясь кругомъ и думая, что она слышитъ какой-нибудь шумъ.

— Я ничего не слышу.

Онъ замѣтилъ ея волненіе, и вдругъ у него захватило духъ отъ радости. «Она проникательна, угадала давно мою тайну и раздѣляетъ чувство, волнуется, требуетъ откровеннаго и короткаго слова...»

Все это быстро пронеслось у него въ головѣ.

— Вы такъ благородны, прекрасны, Вѣра Васильевна... такъ чисты...

— Ахъ! вскрикнула она отчаяннымъ голосомъ, хотѣла встать и не могла: вы ругаетесь надо мной... ругайтесь—возьмите этотъ бичъ, я стою... Но вы ли это, Иванъ Ивановичъ! — Она съ горькимъ изумленіемъ и мольбой сложила передъ нимъ руки.

Онъ въ страхѣ глядѣлъ на нее.

«Она больна!» подумалъ онъ. — Вы нездоровы, Вѣра Васильевна, съ испугомъ и волненіемъ сказалъ онъ ей: простите меня, что я не во-время затѣялъ...

— Развѣ не все равно: днемъ раньше, днемъ позже — но все скажете же... говорите же разомъ, сейчасъ!... И я скажу, отъ чего я позвала васъ сюда, въ аллею...

Его опять бросило въ противную сторону.

— Ужели это правда? едва сдерживаясь отъ радости сказалъ онъ.

— Что—правда? спросила она, вслушиваясь въ этотъ внезапный, радостный тонъ. — Вы что-то другое хотите сказать, а не то, что я думала, повойнѣ прибавила она.

— Нѣтъ, то самое... я полагаю...

— Скажите же, перестаньте мучить меня.

— Я васъ люблю...

Она поглядѣла на него и ждала.

— Мы старые друзья; сказала она: и я васъ...

— Нѣтъ, Вѣра Васильевна, люблю еще — какъ женщину...

Она вдругъ выпрямилась и окаменѣла, почти не дышала.

— Какъ первую женщину въ цѣломъ мірѣ! Еслибъ я смѣлъ...

мечтать, что вы хоть отчасти раздѣляете это чувство... нѣтъ, это много, я не стою... если одобряете его, какъ я надѣялся... если не любите другого, то... будьте моей лѣсной царицей, моей женой,—и на землѣ не будетъ нивого счастливѣе меня!.. Вотъ что хотѣлъ я сказать — и долго не смѣлъ! Хотѣлъ отложить это до вашихъ именинъ, но не выдержалъ и пріѣхалъ, чтобы сегодня, въ семейный праздникъ, въ день рожденія вашей сестры...

Она всплеснула руками надъ головой.

— Иванъ Ивановичъ! простонала она, падая къ нему на руки.

— Нѣтъ,—это не радость! свергнуло въ немъ—и онъ чувствовалъ, что волосы у него встаютъ на головѣ: — такъ не радуются!

Онъ посадилъ ее на скамью.

— Что съ вами, Вѣра Васильевна: вы, или больны, или у васъ большое горе... овладѣвъ собой, почти покойно спросилъ онъ.

— Большое, Иванъ Ивановичъ: я умру!

— Что съ вами, говорите ради Бога: что такое случилось? Вы сказали, что хотѣли говорить со мной: стало быть, я нуженъ... Нѣтъ такого дѣла, котораго бы я не сдѣлалъ! приказывайте, забудьте мою глупость... Что надо... что надо? нетерпѣливо твердилъ онъ въ страхѣ.

— Ничего не надо, шептала она: мнѣ надо сказать вамъ... Бѣдный Иванъ Ивановичъ: и вы! За что вы будете пить мою чашу? Боже мой! говорила она, глядя сухими глазами на небо: — ни молитвы, ни слезъ у меня нѣтъ! ни откуда облегченія и помощи никакой!

— Что вы, Вѣра Васильевна! что это, другъ мой, за слова, что за глубокое отчаяніе?

— Зачѣмъ еще этотъ ударъ! Довольно ихъ и безъ него! Знаете ли вы, кого любите? говорила она, глядя на него, точно спящими, безжизненными глазами, едва выговаривая слова.

Онъ молчалъ, дѣлая и отвергая догадки. Онъ бросилъ мезинтошъ и отиралъ потъ съ лица. Онъ изъ этихъ словъ видѣлъ, что его надежды разлетѣлись въ дребезги, понялъ, что Вѣра любить кого-то... Другого ничего онъ не видѣлъ, не предполагалъ. Онъ тяжело вздохнулъ и сидѣлъ неподвижно, ожидая объясненія.

— Бѣдный другъ мой! сказала она, взявъ его за руку. У него сердце сжалось отъ этихъ простыхъ словъ: онъ почувствовалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ «бѣдный». Ему было жаль себя, а еще больше жаль Вѣры.

— Благодарю васъ! прошепталъ онъ, еще не зная, но чувствуя одно: что она ему принадлежать не можетъ.

— Простите, продолжалъ потомъ:—я ничего не знаю, Вѣра Васильевна. Вниманіе ваше дало мнѣ надежду. Я дуракъ—и больше ничего... Забудьте мое предложеніе и попрежнему давайте мнѣ только права друга... если стѣю, прибавилъ онъ, и голосъ на послѣднемъ словѣ у него упалъ. — Не могу ли я помочь? Вы, кажется, ждали отъ меня услуги?

— Стоите ли! А я стѣю?

— Вы, Вѣра Васильевна, всегда будете стоять для меня такъ высоко...

— Я упала, бѣдный Иванъ Ивановичъ, съ этой высоты, и никто ужъ не подниметъ меня... Хотите знать, куда я упала? Пойдемте, вамъ сейчасъ будетъ легче...

Она, тихо, шатаясь и опираясь ему на руку, привела его къ обрыву.

— Знаете вы это мѣсто?

— Да, знаю: тамъ похороненъ самоубійца...

— Тамъ похоронена и ваша «чистая» Вѣра: ея ужъ нѣтъ больше... Она на днѣ этого обрыва...

Она была блѣдна и говорила съ какимъ-то рѣшительнымъ отчаяніемъ.

— Что такое вы говорите? Я ничего не понимаю... объясните, Вѣра Васильевна, говорилъ онъ, обмахивая лицо платкомъ.

Она привстала, оперлась ему рукой на плечо, остановилась, собираясь съ силами, потомъ склонила голову, минуты въ три, шепотомъ, отрывисто сказала ему нѣсколько словъ и опустилась на скамью. Онъ поблѣднѣлъ.

Его вдругъ пошатнуло. Онъ какъ будто потерялъ равновѣсіе и сѣлъ на скамью. Вѣра и въ сумерки увидѣла, какъ онъ былъ блѣденъ.

— А я думалъ... сказалъ онъ съ странной улыбкой, будто стыдясь своей слабости и вставая медленно и тяжело со скамьи, — что меня только медвѣдь свалитъ съ ногъ!

Потомъ подошелъ къ ней.

— Кто онъ и гдѣ онъ? шепнулъ онъ. Она вздрогнула отъ этого вопроса. Такъ изумителенъ, грубъ и неестественъ былъ онъ въ устахъ Тушина. Ей казалось непостижимо, какъ онъ посягаетъ, безъ пощады женскаго, всякому понятнаго чувства, на такую откровенность, какой женщины не дѣлаютъ никому. «За чѣмъ?» втайнѣ удивлялась она: «у него должны быть какія-нибудь особыя причины — какія?»

— Маркъ Волоховъ! смѣло сказала она, осиливъ себя.

Онъ остолбенѣлъ на минуту, потомъ вдругъ схватилъ свой бичъ за рукоятку обѣими руками и съ трескомъ изломалъ его

въ одну минуту о колѣно въ мелкіе куски, съ яростью бросивъ на землю щепки дерева и куски серебра.

— Тоже будетъ и съ нимъ! прорычалъ онъ, нагибаясь къ ея лицу, трясясь и оцетинясь, какъ звѣрь, готовый свалнуть на врага.

— Онъ тамъ теперь? спросилъ онъ, указывая на обрывъ. Только слышалось его тяжелое дыханіе. Она съ изумленіемъ глядѣла на него и отступила за скамью.

— Мнѣ страшно, Иванъ Ивановичъ, пощадите меня! уйдите! шептала она въ ужасѣ, протягивая обѣ руки, какъ бы защищаясь отъ него.

— Прежде убью его, потомъ... уйду, говорилъ онъ, едва владѣя собой.

— Это вы для меня сдѣлаете, чтобъ облегчить меня, или... для себя?

Онъ молчалъ, глядя въ землю. Потомъ сталъ ходить большими шагами назадъ и впередъ.

— Что же мнѣ дѣлать: научите, Вѣра Васильевна? спросилъ онъ, все еще трясясь отъ раздраженія.

— Прежде всего успокойтесь и скажите, за что вы хотите убить его, и хочу ли я этого?

— Онъ врагъ вашъ, и слѣдовательно — мой... чуть слышно прибавилъ онъ.

— Враговъ развѣ убиваютъ?

Онъ потупилъ голову, увидалъ разбросанные обломки бича у ногъ, наклонился, будто стыдясь, собралъ ихъ и сунулъ въ карманъ мезинтоша.

— Я не жалуясь на него: помните это. Я одна... виновата... а онъ правъ... едва договорила она съ такой горечью, съ такой внутренней мукой, что Тушинъ вдругъ взялъ ее за руку.

— Вѣра Васильевна — вы ужасно страдаете!

— Ничего, ничего... торопливо замаяла она.

А онъ съ участіемъ и удивленіемъ глядѣлъ на нее.

— Я ничего не понимаю, сказалъ онъ: «не виновать», «не жалуетесь»: въ такомъ случаѣ — о чемъ хотѣли поговорить со мной, зачѣмъ вы звали меня сюда, въ аллею?..

— Я хотѣла, чтобъ вы знали все...

Она, отворотясь, молча глядѣла къ обрыву. И онъ поглядѣлъ туда, потомъ на нее, и все стоялъ передъ ней, съ вопросомъ въ глазахъ.

— Послушайте, Вѣра Васильевна, не оставляйте меня въ потемкахъ. Если вы нашли нужнымъ довѣрить мнѣ тайну... Онъ

на этомъ словѣ съ страшнымъ усиленіемъ перемогъ себя: — которая касалась васъ одной, то объясните всю исторію...

— Ваше нынѣшнее лицо, особенные взгляды, которые вы обращали ко мнѣ — я не поняла ихъ: я думала, вы знаете все, хотѣла допроситься, чтò у васъ на умѣ... Я поторопилась... Но все равно: рано или поздно — я сказала бы вамъ... Сядьте, выслушайте меня и потомъ оттолкните.

Онъ, положивъ локти на колѣни и спрятавъ лицо въ ладони, слушалъ ее.

Она передала ему въ короткихъ словахъ исторію. Онъ всталъ, минуты три ходилъ взадъ и впередъ, потомъ остановился передъ ней.

— Вы простили его? спросилъ онъ.

— За что? Вы видите, что... я одна виновата...

— И... простились съ нимъ, или... надѣетесь, что онъ опомнится и воротится?

Она покачала головой. — Между нами нѣтъ ничего общаго... Мы разошлись давно. Я никогда не увижу его.

— Теперь я только начинаю немного понимать, и то не все, сказавъ, подумавши, Тушинъ и вздохнулъ, какъ волъ, котораго отпрягли. — Я думалъ, что вы нагло обмануты...

— Нѣтъ, нѣтъ — онъ правъ...

— И зовете меня на помощь, — думалъ, что пришла пора медвѣдю «сослужить службу» и чуть было не оказалъ вамъ въ самомъ дѣлѣ «медвѣжьей услуги», добавилъ онъ, вынимая изъ кармана и показывая ей обломокъ бича. — Отъ этого я позволилъ себѣ сдѣлать вамъ дерзкій вопросъ объ имени... Простите меня, ради Бога, и скажите и остальное: зачѣмъ вы открыли мнѣ это?

— Я не хотѣла, чтобъ вы думали обо мнѣ лучше, чѣмъ я есть... и уважали меня...

— Какъ же вы это сдѣлаете? Я не перестану думать о васъ, чтò думалъ всегда, и не уважать не могу. — Какой-то лучъ блеснулъ у ней въ глазахъ и тотчасъ же потухъ.

— Вы хотите принудить себя уважать меня. Вы добры и великодушны, вамъ жаль бѣдную, падшую... и вы хотите поднять ее... Я понимаю ваше великодушіе, Иванъ Ивановичъ, но не хочу его. Мнѣ нужно, чтобъ вы знали и... не отняли руки, когда я подамъ вамъ свою.

Она подала ему руку, онъ поцѣловалъ ее. Онъ съ нетерпѣніемъ и грустью слушалъ ее.

— Вѣра Васильевна, сказалъ онъ сдержаннымъ, почти оскорбленнымъ тономъ: — я насильно уважать никого не могу. Тушинъ

не лжетъ. Если я кому-нибудь кланяюсь съ уваженіемъ, — то и уважаю, или не поклонюсь. Я кланяюсь вамъ по прежнему, а люблю — извините, къ слову пришлось, — еще больше прежняго, потому что... вы несчастливы. У васъ большое горе, такое же, какъ у меня. Вы потеряли надежду на счастье... Напрасно только вы сказали мнѣ вашу тайну.... прибавилъ онъ съ уныніемъ, почти съ отчаяніемъ.— Еслибъ я узналъ ее и не отъ васъ, я бы уважать васъ не пересталъ. Этой тайны вы не обязаны повѣрять никому. Она принадлежитъ вамъ одной, и никто не смѣетъ судить васъ...

Онъ едва договорилъ и съ трудомъ вздохнулъ, срадывая тяжесть этого вздоха отъ Вѣры. Голосъ у него дрожалъ противъ воли. Видно было, что эта «тайна», тяжесть которой онъ хотѣлъ облегчить для Вѣры, давила теперь не одну ее, но и его самого. Онъ страдалъ—и хотѣлъ, во что бы то ни стало, скрыть это отъ нея.

— Все равно: я должна была сказать вамъ ее сегодня же, когда вы сдѣлали предложеніе.... Обмануть я васъ не могла.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— На мое предложеніе вы могли отвѣчать мнѣ короткимъ *нѣтъ*. Но какъ вы удостоиваете меня особой дружбы, то объяснили бы ласково, съ добротой, чтобъ позолотить это *нѣтъ*, что вы любите другого—вотъ и все. А тайну... должны были сберечь про себя: тутъ не было бы никакого обмана. Вотъ, еслибъ вы, любя другого, приняли мое предложеніе изъ страха, или другихъ цѣлей.... это былъ бы обманъ, «паденіе», пожалуй, «потеря чести». Но вы этого никогда бы не сдѣлали. А тѣмъ... Онъ головой кивнулъ на обрывъ и шепотомъ добавилъ, будто про себя:— несчастье.... ошибка...

Онъ едва говорилъ, преодолая съ медвѣжьей силой внутреннюю муку, чтобъ она не замѣтила, что было въ немъ самомъ.

— Несчастье! шепталъ онъ: онъ уйдетъ правъ изъ обрыва, а вы виноваты! Гдѣ же правда?...

— Все равно: я сказала бы вамъ, Иванъ Ивановичъ. Это не для васъ нужно было, а для меня самой... Вы знаете... какъ я дорожила вашей дружбой: скрыть отъ васъ—это было бы мукой для меня.— Теперь мнѣ легче—я могу смотрѣть прямо вамъ въ глаза: я не обманула васъ....

Она не могла говорить отъ прихлынувшихъ слезъ и зажала лицо платкомъ. Онъ чуть не заплакалъ самъ, но только вздрогнулъ, наклонился и опять поцѣловалъ у ней руку.

— Вотъ это другое дѣло: благодарю васъ, благодарю! торопливо говорилъ онъ, срадывая волненіе.— Вы дѣлаете мнѣ большое

добро, Вѣра Васильевна. Я вижу, что дружба ваша ко мнѣ не пострадала отъ другого чувства, значить, она сильна. Это большое, большое утѣшеніе! Я буду счастливъ и этимъ.... со временемъ, когда мы успокоимся оба....

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ—еслибъ можно было вычеркнуть этотъ годъ изъ жизни....

— Забыть его скорѣй: это и будетъ все равно что вычеркнуть...

— А гдѣ взять забвенія и силы перенести?

— У друзей—шепнулъ онъ—и въ томъ числѣ.... у меня....

Она вздохнула будто свободнѣе—будто опять глотнула свѣжаго воздуха, чувствуя, что подлѣ нея воздвигается какая-то сила, встаетъ, въ лицѣ этого человѣка, крѣпкая, твердая гора, которая способна укрыть ее въ своей тѣни и каменными своими боками оградить—не отъ бѣды страха, не отъ физическихъ опасностей, а отъ первыхъ, горячихъ натисковъ отчаянія, отъ дымящейся еще язвы страсти, отъ горькаго разочарованія.

— Я вѣрю вашей дружбѣ, Иванъ Ивановичъ. Благодарю васъ, говорила она, утирая слезы.—Мнѣ немного легче... и было бы еще легче, еслибъ.... не бабушка!

— Она еще не знаетъ? спросилъ онъ и вдругъ замолчалъ, почувствовавъ, что въ вопросѣ его былъ упрекъ.

Онъ потушилъ голову, представляя себѣ, какъ это поразить Татьяну Марковну, но остерегался обнаружить передъ Вѣрой свою боязнь.

— Сегодня, вы видите, гости: нельзя. Завтра она все узнаетъ... Прощайте, Иванъ Ивановичъ: я ужасно страдаю—пойду и лягу.

Онъ глядѣлъ на Вѣру долго. «Боже мой! Какой слѣпой дуракъ этотъ Волоховъ—или какая.... bestia!» думалъ онъ, съ дрожью ярости.

— Не прикажете ли чего-нибудь? не нужно ли вамъ... спросилъ онъ.

— Да, попросите Наташу пріѣхать завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ.

— А мнѣ можно побывать на той недѣлѣ? спросилъ онъ робко:—узнать, успокоились ли вы....

— Успокойтесь сами, Иванъ Ивановичъ—и прощайте теперь! Я едва держусь на ногахъ...

Онъ простился съ ней и такъ погналъ лошадей съ крутой горы, что чуть самъ не сорвался съ обрыва. По временамъ онъ, по привычѣ, хватался за бичъ, но вмѣсто его подъ руку попадали ему обломки въ карманѣ: онъ разбросалъ ихъ по дорогѣ.

Однако онъ опоздалъ переправиться за Волгу, ночеваль у пріятеля въ городѣ и уѣхалъ къ себѣ рано утромъ.

VI.

Настало и завтра. Шумно и весело поднялся домъ на ноги. Лакеи, повара, вучера — все хлопотало, суетилось: одни готовили завтракъ, другіе закладывали экипажи, и съ утра опять почти всѣ напились пьяны.

Бабушка отпустила Марейнюку за Волгу, къ будущей роднѣ, противъ обыкновенія, молчаливо, съ нѣкоторой печалью. Она не обременяла ее наставленіями, не вдавалась въ мелочныя предостереженія, даже, на вопросы Марейнюки, что взять съ собой, какія платья, вещи — разсѣянно отвѣчала: «что тебѣ вздумается.» И велѣла Василисѣ и дѣвушкѣ Натальѣ, которую послала съ ней, снарядить и уложить что нужно. Она поручила свое дитя Марьѣ Егоровнѣ, матери жениха, а послѣднему довольно серьезно замѣтила, чтобы онъ тамъ, въ деревнѣ, соблюдалъ тонкое уваженіе къ невѣстѣ, и особенно при чужихъ людяхъ, какихъ-нибудь сосѣдяхъ, воздерживался отъ той свободы, которою онъ пользовался при ней и своей матери, въ обращеніи съ Марейнюкой, что другіе, пожалуй, перетолкуютъ иначе, — словомъ, чтобъ не бѣгалъ съ ней тамъ по рощамъ и садамъ, какъ здѣсь.

Замѣтивъ, что Викентьевъ нѣсколько повеселѣлъ отъ этого предостереженія, какъ будто обидѣлся тѣмъ, что въ немъ предполагаютъ недостатокъ такта, и что и мать его закусила немного нижнюю губу и стала слегка бить тактъ ботинкой, Татьяна Марковна перешла въ дружескій тонъ, потрепала «милаго Николеньку» по плечу и прибавила, что сама знаетъ, какъ напрасны эти слова, но что говорить ихъ по привычкѣ старой бабы — читать мораль. Послѣ того она, тихо, про себя, вздохнула и уже ничего не говорила до отъѣзда гостей.

Къ завтраку пришла и Вѣра, блѣдная, будто съ невыспавшимися глазами. Она сказала, что ей легче, но что у ней все еще немного болитъ голова. Татьяна Марковна была съ ней ласкова, а Марья Егоровна Викентьева бросила на нее, среди разговора, два, три загадочныхъ взгляда, какъ будто допрашиваясь: что съ ней? отчего эта боль безъ болѣзни? что это она не пришла вчера къ обѣду, а появилась на минуту и потомъ ушла, а за ней пошелъ Тушинъ, и они ходили цѣлый часъ въ сумерки?... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но хитрая и умная ба-

рыня не дала никакого другого хода этимъ вопросамъ, и они выглянули у ней только изъ глазъ, и на минуту. Вѣра однако прочла ихъ, хотя та перемѣнила взглядъ сомнѣнія на взглядъ участія. Прочла и Татьяна Марковна. Вѣра была равнодушна къ этимъ вопросамъ, а Татьяна Марковна нѣтъ: она вдругъ поникла головой и стала смотрѣть въ полъ. «И другіе допрашиваются, а я не знаю! А она родилась при мнѣ, она—мое дитя!» думала она съ печалью.

Вѣра была блѣдна, лицо у ней, какъ камень: ничего не прочтешь на немъ. Жизнь точно замерзла, хотя она и говорить съ Марьей Егоровной обо всемъ, и съ Марейнкой, и съ Вивентьевымъ. Она заботливо спросила у сестры, запаслась ли она теплой обувью, совѣтовала надѣть плотное, шерстяное платье, предложила свой пледъ и просила, при переправѣ черезъ Волгу, сидѣть въ варахъ, чтобъ не продуло.

Райскій, воротясь съ прогулки, пришелъ къ завтраку, тоже съ какимъ-то страннымъ, рѣшительнымъ лицомъ, какъ будто у человѣка впереди было сраженіе, или другое важное, роковое событіе, и онъ приготовлялся къ нему. Что-то обработалось, выяснилось, или опредѣлилось въ немъ. Вчерашней тучи не было. Онъ также повойно глядѣлъ на Вѣру, какъ на прочихъ, не избѣгалъ взглядовъ и Татьяны Марковны, и этимъ поставилъ ее опять въ недоумѣніе.

«У этого что-то новое: смотреть не по вчерашнему, говорить другое, нежели что говорилъ вчера, наперекоръ себѣ: Господи, что за омутъ у нихъ!» думала она.

Райскій общалъ Вивентьевымъ пріѣхать къ нимъ дня на два и очень былъ внимателенъ къ предложеніямъ жениха, поохотиться, половить рыбу.

Наконецъ гости собрались. Татьяна Марковна и Райскій поѣхали проводить ихъ до берега. Вѣра простилась съ Марейнкой и осталась дома.

Тѣсенъ былъ мѣръ, въ которомъ и прежде вращалась жизнь Вѣры: а теперь сдѣлался еще тѣснѣе. Исключительная, глубокая натура ея долго довольствовалась тѣмъ запасомъ наблюдений, небольшихъ опытовъ, которые она добывала около себя. Нѣсколько человѣкъ замѣняли ей толпу: то, что другой соберетъ со многихъ встрѣчъ, въ многіе годы и во многихъ мѣстахъ, — давалось ей въ двухъ, трехъ углахъ, по ту и другую сторону Волги, съ пяти, шести лицъ, представлявшихъ для нея весь людской мѣръ, и въ промежуткахъ нѣсколькихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ понятія у ней созрѣли и сложились въ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ. Инстинктъ и собственная воля пи-

сади ей законы ея, пока дѣвической, жизни, а сердце чутко указывало на тѣхъ, кому она могла безошибочно дать нѣкоторыя симпатіи.

И она давала ихъ осторожно, не тратила, какъ Марейнка, на всѣхъ. Изъ постороннихъ только жена священника была чѣмъ-то въ родѣ ея наперсницы, да Тушина она открыто признавала и называла своимъ другомъ, — больше никого.

Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни, и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не медкіе выводы, практиковала силу своей воли надъ окружающею ее застарѣлостью, деспотизмомъ, грубостью нравовъ. Она, по этой простой канвѣ, умѣла чертить широкій, смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идей, чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строками простой жизни другія строки, которыхъ жаждала ея умъ и требовала натура.

Она смотрѣла вокругъ себя и видѣла — не то, что есть, а то, что должно быть, что ей хотѣлось чтобъ было, и такъ какъ этого не было, то она брала изъ простой жизни около себя только одно живое, вѣрное, созидая образъ, противоположный тому, за немногими исключеніями, что было около.

Въ область мысли, знанія, она вступила также недоувѣрчивымъ и осторожнымъ шагомъ, какъ была осторожна и скупа въ симпатіяхъ. Читала она книги въ библіотекѣ стараго дома, сначала отъ скуки, безъ выбора и системы, доставая съ полки, что попадется, потомъ изъ любопытства, наконецъ нѣкоторыя съ увлеченіемъ. Скоро она почувствовала безцѣльность и бесплодность этого странствія по чужимъ умамъ, безъ руководящей нити. Она хитро наводила на разговоръ Козлова, почти не спрашивая и не показывая вида, что слушаетъ, и особенно никогда ни передъ еѣмъ не хвастаясь, что знаетъ то или другое, чего не знаютъ окружающіе. Потомъ, съ повѣркой его взгляда, перечитывала книги опять, и находила въ нихъ больше смысла и интереса. По просьбѣ молодого священника, возила книги ему, и опять слушала, не дѣлаясь семинаристомъ, разсѣяннo, его мысли и впечатлѣнія, высказанныя подъ вліяніемъ того или другого автора.

Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ — и внесъ новый взглядъ во все то, что она читала, слышала, что знала, взглядъ полного и дерзкаго отрицанія всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ. Онъ, съ преждевременнымъ триумфомъ, явился къ ней, предвидя побѣду, и ошибся. Она съ изумленіемъ увидѣла этотъ новый, вдругъ вырвавшійся откуда-то потокъ смѣлыхъ,

иногда увлекательныхъ идей, но не бросилась въ него слѣпо и тщеславно, изъ мелкой боязни показаться отсталой, а также пытливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться въ горячую проповѣдь новаго апостола.

Ей прежде всего бросились въ глаза—зыбкость, односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышенная ложь пропаганды, на которую тратились живыя силы, дарованія, бойкій умъ и ненасытная жажда самолюбія и самонадѣянности, въ ущербъ простымъ и очевиднымъ, готовымъ уже правдамъ жизни, только потому, какъ казалось ей, что онѣ были готовыя.

Иногда, въ этомъ безусловномъ рвеніи къ какой-то новой правдѣ, видѣлось ей только неумѣнье справиться съ старой правдой, бросающееся къ новой, которая давалась, не опытомъ и борьбой всѣхъ внутреннихъ силъ, а гораздо дешевле, безъ борьбы и сразу, на основаніи только слѣпотаго презрѣнія ко всему старому, неразличавшаго стараго зла отъ стараго добра, и принималась на вѣру отъ непробѣренныхъ ни чѣмъ новыхъ авторитетовъ, нивѣсть откуда взявшихся новыхъ людей — безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ.

Она добиралась въ проповѣди и увлеченіяхъ Марка чего-нибудь вѣрнаго и живого, на что можно опереться, что можно полюбить, что было такъ прочно, необманчиво въ старой жизни, которой, во имя этого прочнаго, живого и вѣрнаго, она прощала ея смѣшныя, вредныя уродливости, ея весь отжившій соръ. Она страдала за эти уродливости и отъ этихъ уродливостей, мѣшавшихъ жить, чувствовала нерѣдко цѣпи и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу, наконецъ.... чѣмъ бы онъ ни былъ для нея,—и идти на борьбу противъ старыхъ враговъ: стирать ложь, мести соръ, освѣщать темныя углы, смѣло, не слушая старыхъ, разбитыхъ голосовъ, не только Тычковыхъ, но и самой бабушки, тамъ, гдѣ она безусловно опирается на старое, вопреки своему разуму,—вывести, если можно, и ее на другую дорогу. Но для этого нужно было ей глубоко и невозвратно убѣдиться, что истина—впередѣ.

Она шла не самонадѣянно, а напротивъ съ сомнѣніями, не ошибается ли она, не правъ ли проповѣдникъ, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ тамъ, куда такъ пылко стремится онъ, чего-нибудь такого чистаго, свѣтлаго, разумнаго, что могло бы, не только избавить людей отъ всякихъ старыхъ оковъ, но открыть Америку, новый, свѣжій воздухъ, поднять человѣка выше, нежели онъ былъ, дать ему больше, нежели онъ имѣлъ. Она искала, ждала, прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про себя на очную

ставку,—но не находила, ни новой жизни, ни счастья, ни правды, ничего того, что общалъ, куда звалъ смѣлый проповѣдникъ.

А сама шла все за нимъ, увлекаемая жаждой знать, что кроется за этой странной и отважной фигурой.

Дѣло пока ограничивалось безпощаднымъ отрицаніемъ всего, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее большинство. Маркъ клеймитъ это враждой и презрѣніемъ: но Вѣра сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ него знаетъ и видитъ болѣзни: ей нужно знать, гдѣ Америка? Но ея Колумбъ, вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, показываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ. Это были фараоновы тоція коровы, пожиравшія толстыхъ и не дѣлавшіяся сами отъ того толще. Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не животную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ росвошъ человѣка, въ которой отѣзано животному. Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за ея конечную цѣль. Разлагая матерію на составныя части, онъ думалъ, что разложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что выражаетъ матерія. Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, давшую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее, за неимѣніемъ приемовъ и свойствъ ума, чтобы разложить ее. Закрывалъ доступъ въ вѣчность и къ безсмертію всѣмъ религиознымъ и философскимъ упованіямъ, разрушая, младенческими химическими или физическими опытами, и вѣчность, и безсмертіе, думая своей дѣтской тросточкой, какъ рычагомъ, шевелить дальніе міры, и заставляя всю вселенную отвѣчать отрицательно на религиозныя надежды и стремленія «отжившихъ» людей.

Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлалось ненужнымъ при томъ, указываемомъ имъ, случайномъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутъ, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобы завтра дать мѣсто другому такому же столбу. «Да, если это такъ, думала Вѣра: тогда не стоитъ работать надъ собой, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе. За чѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого надо

запастись, какъ муравью зернами на зиму, обиходнымъ умѣньемъ жить, такою честностью, которой — синонимъ ловкость, такими зернами, чтобъ хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобъ было тепло, удобно.... Какіе же идеалы для муравьевъ? Нужны муравьиныя добродѣтели... Но такъ ли это? Гдѣ доказательства?»

А онъ требовалъ, не только честности, правды, добра, но и вѣры въ свое ученіе, какъ требуетъ ея другое ученіе, которое за нее обѣщаетъ — безсмертіе въ будущемъ, и въ залогъ этого обѣщанія, даетъ и въ настоящемъ просимое всякому, кто проситъ, кто стучится, кто ищетъ.

Новое ученіе не давало ничего, кромѣ того, что было до него, ту же жизнь, только съ униженіями, разочарованіями, и впереди обѣщало — смерть и тлѣніе. Взявши девизы своихъ добродѣтелей изъ книги стараго ученія, оно обольстилось буквою ихъ, не внигнувъ въ духъ и глубину, и требовало исполненія этой «буквы» съ такою злобой и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе. Оставивъ себѣ одну животную жизнь, «новая сила» не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни.

Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго — не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизаци», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи. Отъ этого она только сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что — какъ далеко человекъ ни иди впередъ, онъ не уйдетъ отъ него, если только не бросится съ прямой дороги въ сторону, или не пойдетъ назадъ, что самые противники его черпаютъ изъ него же, что наконецъ ученіе это — есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, въ котораго остаются только ошибки.

Вѣрѣ подозрительна стала личность самаго проповѣдника — и она пятилась отъ него; даже послушавши, въ началѣ знакомства, раза два его дерзкихъ рѣчей, указала на него Татьяна Марковнѣ, и людямъ поручено было присматривать за садомъ. Волоховъ зашелъ со стороны обрыва, отъ котораго удалялъ людей суевѣрный страхъ могилы самоубійцы. Онъ замѣчалъ недовѣріе Вѣры къ себѣ и поставилъ себѣ задачей преодолѣть его — и успѣлъ.

Вѣра наконецъ, почти незамѣтно для нея самой, повѣрила искренности его одностороннихъ и поверхностныхъ увлеченій, и отъ недовѣрія перешла къ изумленію, участію. У ней даже бы-

вали минуты, впрочемъ рѣдкія, когда она колебалась въ непогрѣшимости своихъ, собранныхъ молча про себя наблюдений надъ жизнью, надъ людьми, правилъ, которыми руководствовалось большинство. Задумывалась она надъ всѣмъ, чѣмъ сама жила—и почувствовала новыя тревоги, новые вопросы, и стала еще жаднѣе и пристальнѣе вслушиваться въ Марка, встрѣчаясь съ нимъ въ полѣ, за Волгой, куда онъ проникалъ вслѣдъ за нею, наконецъ въ бесѣдѣ, на днѣ обрыва.

Гдѣ замѣчала явную ложь, софизмы, она боролась, проясняла себѣ туманъ, вооруженная своими наблюдениями, логикой и волей. Маркъ топалъ въ ярости ногами, строилъ батареи изъ своихъ доктринъ и авторитетовъ—и встрѣчалъ недоступную стѣну. Онъ свирѣпѣлъ, свалилъ зубы, какъ «волкъ», но проводникомъ ея отповѣдей служили бархатные глаза, какихъ онъ не видалъ никогда, и лба его касалась твердая, но нѣжная рука, и онъ, рыча про себя, ложился смиренно у ногъ ея, чуя побѣду и добычу впереди, хотя и далеко.

Гдѣ Вѣра не была приготовлена, тамъ она слушала молча и слѣдила зорко—вѣруеть ли самъ апостолъ въ свою доктрину, есть ли у него самого неизбежная точка опоры, опытъ, или онъ только увлеченъ остроумной или блестящей гипотезой. Онъ манилъ впередъ образомъ какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятіемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды—и это будущее видѣлъ чуть не завтра, звалъ ее вкусить хоть часть этой жизни, сбросить съ себя старое и повѣрить, если не ему, то опыту. «И будемъ какъ боги!» прибавлялъ онъ насмѣшливо.

Вѣра не шла, боролась,—и незамѣтно, мало-по-малу, перешла сама въ активную роль: воротить и его на дорогу уже испытаннаго добра и правды, увлечь, сначала въ правду любви, человѣческаго, а не животнаго счастья, а тамъ и дальше, въ глубину ея вѣры, ея надеждъ!... Маркъ понемногу, кое-въ-чемъ, уступалъ, покорялся нѣкоторымъ ея требованіямъ: пересталъ дѣлать эксцентрическія выходы, не дразнилъ мѣстныхъ власти, сталъ опрятнѣе въ образѣ жизни, не щеголялъ цинизмомъ. Она была счастлива—и вотъ причина ея экстаза, замѣченнаго Татьяной Марковной и Райскимъ. Она чувствовала, что сила ея дѣйствуетъ, пока еще только на внѣшнюю его жизнь, и надѣялась, что, путемъ неусыпнаго труда, жертвъ, она мало-по-малу совершитъ чудо—и наградой ея будетъ счастье женщины—быть любимой человѣкомъ, котораго угадало ея сердце. Она введетъ новаго и сильнаго человѣка въ общество. Онъ уменъ, настойчивъ, и если будетъ простъ и дѣятеленъ, какъ Тушинъ, тогда... и ея

жизнь угадана. Она не даромъ жила. А тамъ она не знала, что будетъ.

Между тѣмъ она, по страстной, нервной натурѣ своей, увлеклась его личностью, влюбилась въ него самого, въ его смѣлость, въ самое это стремленіе къ новому, лучшему—но не влюбилась въ его ученіе, въ его новыя правды и новую жизнь, и осталась вѣрна старымъ, прочнымъ понятіямъ о жизни, о счастьи. Онъ звалъ къ новому дѣлу, къ новому труду, но новаго дѣла и труда, кромѣ раздачи запрещенныхъ книгъ, она не видѣла. Соглашаясь въ необходимости труда, она винила себя первая за бездѣйствіе и чертила себѣ, въ недалекомъ будущемъ, образъ простого, но дѣйствительнаго дѣла, завидуя пока Марѣицкѣ въ томъ, что та приспособила свой досугъ и свои руки къ домашнему хозяйству, и отчасти къ деревнѣ. Она готовилась пока раздѣлить съ сестрой ея труды — лишь только, такъ или иначе, выйдетъ изъ этой тяжелой борьбы съ Маркомъ, которая кончилась наконецъ недавно, не побѣдой того или другого, а взаимнымъ пораженіемъ и разлукой навсегда.

Все это пробѣжало въ умѣ Вѣры, пока Татьяна Марковна и Райскій провожали гостей за Волгу. — «Что теперь онъ дѣлаетъ, этотъ волкъ?» думала она иногда: торжествуетъ ли свою побѣду...» Она не додумывалась и вздрагивала.

Она отѣрнула ящикъ, достала оттуда запечатанное письмо на синей бумагѣ, которое прислалъ ей Марѣ рано утромъ черезъ рыбака. Она посмотрѣла на него съ минуту, подумала—и рѣшительно бросила опять нераспечатаннымъ въ столъ.

Всѣ другія муки глубоко хоронились у ней въ душѣ: на очереди стояла страшная битва на смерть съ новой бѣдой: что бабушка? Райскій успѣлъ шепнуть ей, что будетъ говорить съ Татьяной Марковной вечеромъ, когда никого не будетъ, чтобъ и изъ людей никто не замѣтилъ впечатлѣнія, какое можетъ произвести на нее эта откровенность.

У Вѣры зловѣщей бѣдой заняла грудь, когда Райскій говорилъ ей о своей предосторожности. Она измѣряла этимъ степень бѣды и мысленно желала не дожить до вечера.

Она немного отдохнула, открывъ все Райскому и Тушину. Ей стало будто покойнѣе. Она сбросила часть тяжести, какъ моряки въ бурю бросаютъ часть груза, чтобъ облегчить корабль. Но самый тяжелый грузъ былъ на днѣ души, и ладья ея сидѣла въ водѣ глубоко, черпала бортами и могла, при новомъ, ожидаемомъ шквалѣ, черпнуть и не встать больше.

Она мысленно бросалась на грудь, то Райскому, то Тушину, отдыхала на часъ, и потомъ опять влонила голову. «Нельзя жить,

нелзя! шептала она и шла въ свою часовню, въ ужасѣ смотрѣла на образъ, стоя на колѣняхъ. Только вздохи боли показывали, что это стоитъ не статуя, а живая женщина. Образъ глядѣлъ на нее задумчиво, полуоткрытыми глазами, но какъ будто не видѣлъ ее, персты были сложены въ благословеніе, но не благословляли ее. Она жадно смотрѣла въ эти глаза, ждала какого-то знаменія: знаменія не было. Она уходила, какъ убивая, въ отчаяніи.

VII.

Бабушка, воротясь, занялась - было счетами, но вскорѣ отпустила всѣхъ торговцевъ, швей, и спросила о Райскомъ. Ей сказали, что онъ ушелъ на цѣлый день къ Козлову, куда онъ въ самомъ дѣлѣ отправился, чтобъ не оставаться наединѣ съ Татьяной Марковной до вечера. Она послала узнать, что Вѣра, прошла ли голова, придетъ ли она къ обѣду? Вѣра велѣла отвѣчать, что головѣ легче, просила прислать обѣдъ въ свою комнату и сказала, что ляжетъ пораньше спать.

Тутъ случилось въ дворнѣ не новое событіе: Савелій чуть не перешибъ спину Маринѣ полѣномъ, потому что хватился ее на зарѣ, въ день отъѣзда гостей, пошелъ отыскивать и видѣлъ, какъ она шмыгнула изъ комнаты, гдѣ помѣстили лакея Вивентьевой. Она пряталась цѣлое утро по чердакамъ, въ огородѣ, наконецъ пришла, думая что онъ забылъ.

Онъ исхлесталъ ее возжей. Она металась изъ угла въ уголъ, отпираясь, божась, что ему померещилось, что это былъ «дьяволь въ ея образѣ» и т. п. Но когда онъ бросилъ возжу и взялъ полѣно, она застонала, и послѣ перваго удара повалилась ему въ ноги, крича «виновата» и просила помилованія. Она клялась всѣмъ, и между прочимъ «своей утробой», что никогда больше не провинится, а если провинится, то пусть тогда Богъ убьетъ ее и поквараетъ навсегда. Савелій остановился, положилъ полѣно и отеръ рукавомъ лобъ. «Ладно, сказалъ онъ: пуцай будетъ по твоему, коли ты повинилась и Бога призываешь! не стану бить, отступлюсь отъ тебя!» Онъ махнулъ на нее рукой.

Все это донесли Татьянѣ Марковнѣ, но она только поморщилась съ отвращеніемъ и махнула Василисѣ рукой, чтобъ не докучала ей.

Приѣзжали нѣкоторые барыни съ визитомъ, приѣхалъ заводскій помѣщикъ, и еще двое гостей изъ города, и остались обѣдать. Всѣ слышали, что Вѣра Васильевна больна и пришли на-

вѣдаться. Татьяна Маревна объявила, что Вѣра наканунѣ прозябла и на два дня осталась въ комнатѣ, а сама внутренно страдала отъ этой лжи, не зная, какая правда кроется подъ этой подложной болѣзью, и даже не смѣла пригласить доктора, который тотчасъ увидалъ бы, что болѣзни нѣтъ, а есть моральное разстройство, которому должна быть причина.

Она не ужинала, и Титъ Никонъ изъ вѣжливости сказалъ, что «не имѣеть аппетита». Наконецъ явился Райскій, нѣсколько блѣдный, и тоже отказался отъ ужина. Онъ молча сидѣлъ за столомъ, съ какимъ-то сдержаннымъ выраженіемъ въ лицѣ, и будто не замѣчалъ изрѣдка обращаемыхъ на него Татьяной Маревной вопросительныхъ взглядовъ.

Наконецъ Титъ Никонъ расшаркался, поцѣловалъ у ней руку и уѣхалъ. Бабушка велѣла готовить постель и не глядѣла на Райскаго. Она сухо пожелала ему «покойной ночи», чувствуя себя глубоко оскорбленной и въ сердцѣ и въ самолюбіи. Около нея происходитъ что-то таинственное и серьезное, между близкими ей людьми, а ее оставляютъ въ сторонѣ, какъ чужую, или какъ старую, отжившую, ни на чтоъ неспособную женщину. Она не подозрѣвала уваженія, боязни и пощады, мѣшавшихъ имъ открыться.

Райскій вполголоса сказалъ ей, что ему нужно поговорить съ ней, чтобъ она какъ-нибудь незамѣтно отослала людей. Она остановила на немъ неподвижный отъ ужаса взглядъ. У ней поблѣлъ даже носъ.

— Бѣда? спросила она отрывисто.

Онъ мялся.

— Нѣтъ... отвѣчалъ онъ нерѣшительно: съ моей точки зрѣнія—нѣтъ бѣды...

— А если съ моей—есть, то значить и бѣда! замѣтила она тихо.— Да вонъ ты блѣденъ, стало быть, знаешь и самъ, что бѣда.

Она мало-по-малу удалила людей, сказавши, что еще не ляжетъ спать, а посидитъ съ Борисомъ Павловичемъ, и повела его въ кабинетъ.

Она сѣла въ свое старое вольтеровское кресло, поставивъ лампу подале на бюро и закрывъ ее колпакомъ.

Они сидѣли въ полумракѣ, она поникнувъ головой, не глядя на него и ожидая. Райскій началъ свой разсказъ, стараясь подойти «къ бѣдѣ» какъ можно мягче и осторожнѣе. У него дрожали губы и языкъ не рѣдко отказывался говорить. Онъ оставался, давая себѣ отдыхъ, потомъ собирался съ силами и продолжалъ. Бабушка не пошевелилась, не сказала ни слова. Подъ конецъ онъ шепталъ едва слышно:

Онъ вышелъ отъ нея, когда сталъ брезжиться день. Когда онъ кончилъ, она встала, выпрямилась медленно, съ напряженіемъ, потомъ также медленно опустила опять плечи и голову, стоя, опершись рукой о столъ.

— Бабушка! говорилъ Райскій, пугаясь выраженія ея лица и становясь на колѣни передъ ней: спасите Вѣру...

— Поздно послала она къ бабушкѣ, шептала она: Богъ спасетъ ее! Береги ее, утѣшай, какъ знаешь, а я... Бабушки нѣтъ больше!

Она ступила шагъ, онъ загородилъ ей дорогу.

— Бабушка, что вы, что съ вами? говорилъ онъ въ страхѣ.

— Бабушки нѣтъ у васъ больше... твердила она разсѣянно, стоя тамъ, гдѣ встала съ кресла, и глядя внизъ.— Поди, поди! почти гнѣвно крикнула она, видя, что онъ медлитъ:— не ходи ко мнѣ... не пускай никого, распорядься всѣмъ... А меня оставьте всѣ... всѣ!

Она стояла все на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная, съ безжизненнымъ, точно спящимъ взглядомъ. Онъ хотѣлъ ей что-то сказать. Она нетерпѣливо махнула ему рукой.

— Уйди въ ней, береги ее: бабушка не можетъ, бабушки нѣтъ! шептала она.

И сдѣлала повелительный жестъ рукой, чтобъ онъ шелъ. Онъ вышелъ въ страхѣ, блѣдный, сдалъ все на-руки Якову, Василисѣ и Савелью, и самъ изъ-за угла старался видѣть, что дѣлается съ бабушкой. Онъ не спускалъ глазъ съ ея оконъ и дверей.

А она машинально опустилась опять въ кресло, и какъ будто заснула въ безсознательной, мертвой дремотѣ, и оставалась неподвижно до утра, когда совсѣмъ разсвѣло.

Утромъ рано, Райскій, не ложившійся спать, да Яковъ съ Василисой, видѣли, какъ Татьяна Марковна, въ чемъ была накануне и съ открытой головой, съ наброшенной на плечи турецкой шалью, пошла изъ дому, ногой отворяя двери, прошла всѣ комнаты, коридоръ, спустилась въ садъ, и шла, какъ будто бронзовый монументъ всталъ съ пьедестала и двинулся, ни на кого и ни на что не глядя. Она шла черезъ цвѣтникъ, по аллеямъ въ обрыву, стала спускаться съ обрыва ровнымъ, медленнымъ и широкимъ шагомъ, неся голову прямо, не поворачиваясь, глядя куда-то вдаль. Она скрылась въ лѣсъ.

Райскій бросился украдкой за ней, прятаясь за деревья.

Она шагала все ниже, ниже, прошла къ бесѣдкѣ, понизила головой и стала, какъ вкопаная. Райскій подергивался сзади ея, удерживая дыханіе.

«Мой грѣхъ!» сказала она, будто простонала, положивъ руки на голову, и вдругъ ускоренными шагами пошла дальше, вышла къ Волгѣ и стала неподвижно у воды. Вѣтеръ хлесталъ и оббивалъ платье около ея ногъ, шевелилъ ей волосы, рвалъ съ нея шаль—она не замѣчала.

У Райскаго замеръ духъ отъ мелькнувшей догадки: хочетъ утопиться!

Но она медленно повернулась, шагая крупно и оставляя глубокой слѣдъ на влажномъ пескѣ.

Райскій вздохнулъ свободнѣе, но взглянувъ изъ-за кустовъ на ея лицо, когда она тихо шла тою же широкой походкой назадъ—онъ еще больше замеръ отъ ужаса.

Онъ не узналъ бабушку. На лицѣ у ней легла точно туча, и туча эта была—горе, та «бѣда», которую онъ въ эту ночь возложилъ ей на плечи. Онъ видѣлъ, что нѣтъ руки, которая бы сняла это горе.

Она правду сказала: бабушки нѣтъ больше. Это не бабушка, не Татьяна Марковна, любящая и нѣжная мать семейства, не помѣщица Малиновки, гдѣ все жило и благоденствовало ею и гдѣ жила и благоденствовала сама она, мудро и счастливо управляя маленькимъ царствомъ. Это была другая женщина.

Она будто не сама ходитъ, а носить ее посторонняя сила. Какъ широко шагаетъ она, какъ прямо и высоко несетъ голову и плечи, и на нихъ—эту свою «бѣду»! Она, не чуя ногъ, идетъ по лѣсу въ крутую гору; шаль повисла съ плечъ и мететь концомъ соръ и пыль. Она смотритъ куда-то вдаль немигающими глазами, изъ которыхъ широко глядитъ одинъ озаменѣлый, поворный ужасъ.

Сознаніе всего другого, кромѣ «бѣды» умерло въ лицѣ: она точно лунатикъ, или покойница.

Онъ едва успѣвалъ слѣдить за ней среди кустовъ, чтобъ не случилось съ ней чего-нибудь. Она все шла, осиливая крутую гору, и только однажды оперлась обѣими руками о дерево, положила на руки голову:—«мой грѣхъ!» повторила она прямо грудью, будтодохнула: «тяжело, облегчи, не снесу!» шепнула потомъ, и опять выпрямилась и пошла въ гору, поднимаясь на обрывъ, одолевая крутизну нечеловѣческой силой, оставляя клочки платья и шали на кустахъ.

Райскій, поражаясь изумленіемъ и ужасомъ, глядѣлъ на эту новую, необычайную женщину. «Только великія души перемогають съ такою силой тяжелыя скорби, думалъ онъ: имъ, какъ орлицамъ, даны крылья летать подъ облаками и глаза—смотреть въ пропасти».

«И только вѣрующая душа несетъ горе такъ, какъ пѣсла его эта женщина—и однѣ женщины такъ выносить его!» «Въ женской половинѣ человѣческаго рода, думалось ему, заключены великія силы, вѣрующія міромъ. Только не поняты, не признаны, не воздѣланы онѣ, ни ими самими, ни мужчинами, и подавлены, грубо затоптаны, или присвоены мужской половиной, не умѣющей ни владѣть этими великими силами, ни разумно повиноваться имъ, отъ гордости. А женщины, не узнавая своихъ природныхъ и законныхъ силъ, вторгаются въ область мужской силы—и отъ этого взаимнаго захвата—вся неурядица».

«Это не бабушка! съ замираніемъ сердца, глядя на нее, думалъ онъ. Она казалась ему одною изъ тѣхъ женскихъ личностей, которыя внезапно изъ круга семьи выходили героинями въ великія минуты, когда падали вокругъ тяжкіе удары судьбы и когда нужны были людямъ, не грубыя силы мышцъ, не гордость крѣпкихъ умовъ, а силы души—нести великую свѣрбу, страдать, терпѣть и не падать!»

У него въ головѣ мелькнулъ рядъ женскихъ историческихъ тѣней въ параллель бабушкѣ: видѣлась ему въ ней—древняя еврейка, іерусалимская госпожа, родоначальница племени—съ улыбкой горделиваго презрѣнія услышавшая пронесшееся въ народѣ глухое пророчество и угрозу: «снимется вѣнецъ съ народа, не узнаваемаго посѣщенія», «придутъ римляне и вѣзмутъ!» Не повѣрила она, считая неизблемымъ вѣнецъ, возложенный рукою Іеговы на голову Израиля. Но когда настала часть—«пришли римляне и взяли», она постигла, откуда палъ неотразимый ударъ, встала, снявъ свой вѣнецъ, и молча, безъ ропота, безъ малодушныхъ слезъ, которыми омывали Іерусалимскія стѣны мужа, разбивая о камни головы, только съ окаменѣлымъ ужасомъ покорности въ глазахъ пошла среди павшаго царства, въ великомъ безобразіи одеждъ, туда, куда вела ее рука Іеговы, и также,—какъ эта бабушка теперь—несла святыню страданія на лицѣ, будто гордясь, и силою удара, постигшаго ее, и своею силою нести его.

Пришла въ голову Райскому другая царица свѣрбы, великая русская Марѳа, скованная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая въ тюрьмѣ свое величіе и могущество свѣрбы до погибшей славы Новгорода, покорная тѣломъ, но не духомъ, и умирающая все посадницей, все противницей Москвы, и какъ будто распорядительницей судебъ вошняго города.

Толпились передъ нимъ, точно живыя, тѣни другихъ великихъ страдалницъ: русскихъ царицъ, мѣнявшихся, по волѣ мужей, свой санъ на санъ инокинь и хранившихъ и въ вельѣ духъ и силу;

другихъ царицъ, въ рововыя минуты, стоявшихъ во главѣ — царства и спасавшихъ его....

Съ такою же силой скорби шли въ заточеніе съ нашими титанами, колебавшими небо, ихъ жены, боярыни и княгини, сложившія свой санъ, титулъ, но унесшія съ собою силу женской души и великой красоты, которой до сихъ поръ не знали за собой онѣ сами, не знали за ними и другіе, и которую онѣ, какъ золото въ огнѣ, закаляли въ огнѣ и дымѣ грубой работы, служа своимъ мужьямъ — князьямъ и неся и ихъ, и свою «бѣду». И мужья, преклоняя колѣни передъ этой новой для нихъ красотой, мужественнѣ несли кару. Обожженные, изможденные трудомъ и горемъ, онѣ хранили величіе духа и сіяли, среди испытанія, нетлѣнной красотой, какъ великія статуи, пролежавшія тысячелѣтія въ землѣ, выходили съ язвами времени на тѣлѣ, но сіяющія вѣчной красотой великаго мастера.

Такою великую силу — стоять подъ ударомъ грома, когда все падаетъ вокругъ, — безсознательно, вдругъ, какъ владъ найдетъ, почуветь въ себѣ русская женщина изъ народа, когда пламень пожара пожретъ ея хижину, добро и дѣтей. Съ такимъ же нѣмымъ, окаменѣлымъ ужасомъ, какъ бабушка, какъ Новгородская Марѳа, какъ тѣ царицы и княгини — уходитъ она прочь, глядя неподвижно на небо, и не оглянувшись, на столпъ огня и дыма, идетъ сильными шагами, неся выхваченнаго изъ пламени ребенка, ведя дряхлую мать, и взглядомъ и ногой толкая впередъ малодушнаго мужа, когда онъ, упавъ, грызя землю, смотритъ назадъ и проваливаетъ пламя... Она идетъ, твердо шагая загорѣлыми ногами, дальше, дальше, не зная, гдѣ остановится, или упадетъ, потерявъ силу. Она вѣритъ, что рядомъ идетъ съ ней другая сила и несетъ ея «бѣду», которую не снесла бы одна! Въ открыто-смотрящемъ и ничего невидящемъ взглядѣ лежитъ сила страдать и терпѣть. На лицѣ горитъ во всемъ блескѣ красота и величіе мученицы. Громъ бьетъ ее, огонь палитъ, но не убиваетъ женскую силу.

Райскій съ ужасомъ отмахивался отъ этикъ, незванныхъ въ горькія минуты, явленій своей беспощадной фантазіи и устремилъ зоркое вниманіе за близкой ему страданицей, наблюдая ее глазами и стараясь прочесть въ ея душѣ: что за образъ муки поселился въ ней?

Падало царство Татьяны Марковны, пустѣлъ домъ, похищено ея завѣтное, дорогое сокровище, ея гордость, ея жемчужина! Она одна бродила будто по развалинамъ. Опустѣла и душа у ней! Духъ мира, гордости, благоденствія покинулъ счастливый уголокъ. Она видѣла теперь въ немъ мерзость запустѣ-

нія—и цѣлый міръ опостылѣлъ ей. Когда она останавливалась, какъ будто набраться силы, глотнуть воздуха и освѣжить запекшіяся отъ сильнаго и горячаго дыханія губы, колѣни у ней дрожали: еще минута — и она готова рухнуть на землю, но чей-то голосъ, дающій силу, шепталъ ей: «иди, не падай—дойдешь!»

И старческое безсиліе пропадало, она шла опять. Проходила до вечера, просидѣла ночь у себя въ креслѣ, томясь страшной дремотой, съ бредомъ и стономъ, потомъ просыпалась, жалѣя, что проснулась, вставала съ зарей и шла опять съ обрыва, въ бесѣдѣ, долго сидѣла тамъ на развалившемся порогѣ, положивъ голову на голыя доски пола, потомъ уходила въ поля, терялась среди кустовъ у Приволжья.

Случайно наткнулась она на часовню, въ полѣ, подняла голову, взглянула на образъ — и новый ужасъ, больше прежняго, широко выглянулъ изъ ея глазъ. Ее отшатнуло въ сторону. Она, какъ раненый звѣрь, упала на одно колѣно, тяжело приподнялась, и усворенными шагами, падая опять и вставая, пронеслась мимо, закрывъ лицо палью отъ образа Спасителя, и простионала:— «Мой грѣхъ»!

Люди были въ ужасѣ. Василиса съ Яковомъ почти не выходили изъ церкви, стоя на колѣняхъ. Первая обѣщалась сходить пѣшкомъ къ Кіевскимъ чудотворцамъ, если барыня оправится, а Яковъ поставить толстую съ позолотой свѣчу къ мѣстной иконѣ. Прочіе люди всѣ прятались по угламъ и глядѣли изъ щелей, какъ барыня, точно помѣшанная, бродила по полю и по лѣсу. Даже Марина, и та опалѣла и ходила, какъ одичалая. Только Егорка пробовалъ хихикать и затрогивалъ горничныхъ, но онѣ гнали его прочь, а Василиса назвала его «супостатомъ».

Другой день бабушка не принимала никакой пищи. Райскій пробовалъ выйдти къ ней на встрѣчу, остановить ее и заговорить съ ней, она махнула ему повелительно рукой, чтобъ шель прочь.

Наконецъ онъ взялъ кружку молока и рѣшительно подступилъ къ ней, взявъ ее за руку. Она поглядѣла на него, какъ будто не узнала, поглядѣла на кружку, машинально взяла ее дрожащей рукой изъ рукъ его и съ жадностью выпила молоко до послѣдней капли, глотая медленными, большими глотками.

— Бабушка, пойдите домой — не мучайте себя и насъ! умолялъ онъ: — вы убьете себя.

Она махнула ему рукой.

— Богъ посѣтилъ: не сама хожу, Его сила носить, — надо выносить до конца. Упаду — подберите меня... «Мой грѣхъ»! шепнула потомъ и пошла дальше.

Сдѣлавъ шагъ десять, она обернулась къ нему. Онъ подбѣжалъ къ ней.

— Если не вынесу... умру... заговорила она и сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ наклонилъ голову.

Онъ сталъ на колѣни передъ ней.

Она прижала его голову къ своей груди, вѣриво поцѣловала ее и положила на нее руку.

— Прими мое благословеніе, сказала она: и передай имъ... Марейнѣ и... ей, — бѣдной моей Вѣрѣ... слышишь, и ей!...

— Бабушка! говорилъ онъ, заливаясь слезами и цѣлуя у ней руку.

Она вырвала руку и пошла дальше, блуждать въ вустахъ, по берегу, по полю.

«У вѣрующей души есть свое царство!» думалъ Райскій, глядя ей въ слѣдъ и утирая слезы:— «только она умѣетъ такъ страдать за все, что любить, и такъ любить и такъ искупать свои и чужія заблужденія!»

Вѣра была не въ лучшемъ положеніи. Райскій поспѣшилъ передать ей разговоръ съ бабушкой, — и когда, на другой день, она, блѣдная, измученная, утромъ рано послала за нимъ и спросила: — что бабушка? — онъ, вмѣсто отвѣта, указалъ ей на Татьяну Марковну, какъ она шла по саду и по аллеямъ въ поле.

Вѣра бросилась къ окнамъ и жадно вглядывалась въ это странствіе бабушки съ ношей «бѣды». Она успѣла мелькомъ уловить выраженіе на ея лицѣ и упала въ ужасъ сама на полъ, потомъ встала, бѣгая отъ окна къ окну, складывая вмѣстѣ руки и простирая ихъ, какъ въ мольбѣ, вслѣдъ бабушкѣ. Она сама ходила, какъ дикая, по большимъ, запущеннымъ заламъ стараго дома, отворяя и затворяя за собой двери, бросаясь на старинныя ванапѣ, наталкиваясь на мебель. Она рвалась къ бабушкѣ и останавливалась въ ужасѣ: показаться ей на глаза, значило, можетъ быть, убить ее.

Настала настоящая казнь Вѣры. Она теперь только почувствовала, какъ глубоко вонзился ножъ, и въ ея, и въ чужую, но близкую ей жизнь, видя, какъ страдаетъ за нее эта трагическая старуха, недавно еще счастливая, а теперь оборванная, желтая, изможденная, мучающаяся за чужое преступленіе чужою казнью. «Она за что? Она — святая! А я!...» терзалась она.

Райскій принесъ ей благословеніе Татьяны Марковны. Вѣра бросилась ему на шею и долго рыдала.

Къ вечеру второго дня нашли Вѣру сидящую на полу, въ углу большой залы, полуодѣтую. Борисъ и жена священника,

пріѣхавшая въ тотъ день, почти силой увели ее оттуда и положили въ постель.

Райскій позвалъ доктора и кое-какъ старался объяснить ея разстройство. Тотъ прописалъ успокоительное питье, Вѣра выпила, но не успокоилась, забывалась часто сномъ, просыпалась и спрашивала: «что бабушка?» Потомъ опять впадала въ забытье.

Она не слушала, что жужжала ей на ухо любимая подруга, способная знать всѣ секреты Вѣры, беречь ихъ, покоряться ей, какъ сильнѣйшей себя властной натурѣ, раздѣлять безусловно ея образъ мыслей, поддаивать желаніямъ, но оказавшаяся безсильною, когда загремѣлъ сильный громъ надъ головой Вѣры, помочь снести его и успокоить ее.

— Дай мнѣ пить! шептала Вѣра, не слушая ея лепета: — не говори, посиди такъ, не пускай никого... Узнай, что бабушка?

Такъ было и ночью. Просыпаясь, въ забытїи, Вѣра постоянно шептала: «бабушка пейдетъ! бабушка не любить! бабушка не проститъ!»

На третїй день Татьяна Марковна ушла, не видали какъ, изъ дома. Райскій не выдержалъ двухъ бессонныхъ ночей и легъ отдохнуть, поручивъ разбудить себя, когда она выйдетъ изъ дому.

Но Яковъ и Василиса ушли въ ранней обѣднѣ, а Пашутка, завидя идущую барыню, съ испуга залѣзла въ вѣники и метлы, хранившіеся въ чуланѣ, да тамъ и заснула. Прочіе люди разбѣжались въ разныя стороны.

Однако Савелій видѣлъ, что барыня сошла съ обрыва, что она шла нетвердо, хваталась за деревья, и потомъ прошла въ поле.

Райскій бросился въ слѣдъ за ней и изъ-за угла видѣлъ, какъ она медленно возвращалась по полю въ дому. Она останавливалась и озиралась назадъ, какъ будто прощалась съ крестьянскими избами. Райскій подошелъ къ ней, но заговорить не смѣлъ. Его поразило новое выраженіе ея лица. Мѣсто поворота ужаса заступило, повидимому, безотрадное сознаніе. Она не замѣчала его и какъ будто смотрѣла въ глаза своей «бѣдѣ».

Ей на яву снилось, какъ царство ея рушилось, и какъ на мѣстѣ его легла мерзость заустѣнія въ близкомъ будущемъ. Постѣ, отъ нея самой, онъ узналъ страшный сонъ, ей снившійся.

Озираясь на деревню, она видѣла — не цвѣтущій, благоустроенный порядокъ домовъ, а лишенный надзора и попеченія рядъ полусгнившихъ избъ — притонъ пьяницъ, нищихъ, бродягъ и воровъ. Поля лежатъ пустыя, поросшія полынью,

лопухомъ и крапивой. Она съ ужасомъ отворотилась отъ деревни и вошла въ садъ, остановилась, озираясь вокругъ, не узнавая домовъ, двора. Садъ, цвѣтннкъ огороды — смѣшались въ одну сплошную кучу, спутались и поросли быліемъ. Туда не заходить человѣкъ: только воршунъ, утащивъ живую добычу, терзаетъ ее тамъ на просторѣ. Новый домъ покривился и вросъ въ землю; людскія развалились, на развалинахъ ползаетъ и жалобно мяучить одичалая кошка, да бѣглый колодникъ прячется подъ осѣвшей кровлей.

Старуха вздрогнула и оглянулась на старый домъ. Онъ перестоялъ все — когда все живое съ ужасомъ ушло отъ этихъ мѣстъ — онъ стоитъ мрачный, облупившійся, съ своими темно-бурыми кирпичными бочагами. Стеколь нѣтъ въ окнахъ, сгнили рамы, и въ обвалившихся покоехъ ходитъ вѣтеръ, срывая послѣдніе слѣды жизни. Въ каминѣ свилъ гнѣздо филинъ, не слышно живыхъ шаговъ, только тѣнь ея... кого ужъ нѣтъ, кто умереть тогда, ея Вѣры — скользить по тусклымъ, треснувшимъ паркетамъ, мѣшая свой стонъ съ воемъ вѣтра, и въ слѣдъ за нимъ мчится по саду, съ обрыва, въ бесѣдву...

Райскій видѣлъ, что по лицу бабушки потекла медленно слеза и остановилась, какъ будто застыла. Старуха запаталась и ощупью искала опоры, готовая упасть... Онъ бросился къ ней, и съ помощью Василисы, довелъ до дома, усадилъ въ кресла и бросился за докторомъ. Она смотрѣла, не узнавая ихъ. Василиса горько зарыдала и повалилась ей въ ноги. «Матушка Татьяна Марковна! вошла она: придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!» Старуха перекрестилась, вздохнула, и знавомъ показала, что не можетъ говорить, чтобы дали ей пить.

Она легла въ постель, почти машинально, какъ будто не понимая, что дѣлаетъ. Василиса раздѣла ее, обложила теплыми салфетками, вытерла ей руки и ноги спиртомъ, и наконецъ заставила проглотить рюмку теплаго вина. Докторъ не велѣлъ ее беспокоить, оставить спать и потомъ дать лекарство, которое прописалъ.

До Вѣры дошло неосторожное слово: бабушка слегла! Она сбросила съ себя одѣяло, оттолкнула Наталью Ивановну и хотѣла идти къ ней. Но Райскій остановилъ ее, сказавши, что Татьяна Марковна погрузилась въ крѣпкій сонъ.

Къ вечеру Вѣра также разнемоглась. У ней появился жаръ и бредъ. Она металась всю ночь, звала бабушку во снѣ, плакала.

Райскій совсѣмъ потерялъ голову и наконецъ рѣшился пригласить стараго доктора, Петра Петровича, и намекнуть ему о разстройствѣ Вѣры, не говоря, конечно, о причинѣ. Она съ не-

терпѣніемъ ждалъ только утра и безпрестанно ходилъ, отъ Вѣры къ Татьянѣ Марковнѣ, отъ Татьяны Марковны къ Вѣрѣ.

Бабушка лежала съ закрытой головой. Онъ боялся взглянуть, спитъ ли она, или все еще одолеваетъ своей силой силу горя. Онъ на цыпочкахъ входилъ къ Вѣрѣ и спрашивалъ Наталью Ивановну: что она?

— Безпрестанно просыпается и плачетъ, бредить! говорила Наталья Ивановна, сидя у изголовья.

— Боже мой! говорилъ Райскій, возвращаясь къ себѣ и бросаясь усталый, и тѣломъ, и душой, въ постель. — Думалъ ли я, что въ этомъ углу вдругъ попаду на такіа драмы, на такіа личности? Какъ громадна и страшна простая жизнь въ наготѣ ея правды и какъ люди остаются цѣлы послѣ такой трескотни! А мы тамъ, въ кучѣ, страдаемъ свою жизнь и страсти, какъ повара — тонкія блюда!..

VIII.

Вѣрѣ въ утру не было лучше. Жаръ продолжался, хотя она и спала. Но сонъ ея безпрестанно прерывался, и она лежала въ забытїи.

Райскій пошелъ къ Татьянѣ Марковнѣ, и вмѣстѣ съ Василисой, вошелъ въ ея спальню.

Она лежала все въ томъ же положенїи, какъ цѣлый день вчера.

— Посмотри, Василиса, что она? Я боюсь подойти, чтобъ не испугать, шепталъ Райскій.

— Не разбудить ли барыню?

— Да, надо бы: Вѣра больна... Я не знаю, послать ли за Петромъ Петровичемъ?..

Онъ не договорилъ, какъ Татьяна Марковна вдругъ приподнялась и сѣла на постели.

— Вѣра больна? повторила она.

Райскій вздохнулъ свободнѣе.

На лицо бабушки, вчера еще мертвое, каменное, вдругъ хлынула жизнь, забота, страхъ. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобъ вышелъ, и въ полчаса кончила свой туалетъ. Широкими, но поспѣшными шагами, съ тревогой на лицѣ, перешла она черезъ дворъ и поднялась къ Вѣрѣ: устало — какъ не бывало. Жизнь воротилась къ ней, и Райскій радовался, какъ доброму другу, отраду на ея лицѣ.

Она осторожно вошла въ комнату Вѣры, устремивъ глубокій взглядъ на ея спящее, блѣдное лицо и шепнула Райскому

послать за старымъ докторомъ. Она тутъ только замѣтила жену священника, увидѣла ея измученное лицо, обняла ее и сказала, чтобы она пошла и отдыхала у ней цѣлый день.

— Теперь никто не нуженъ: я тутъ! сказала она и устроила себѣ помѣщеніе подлѣ постели Вѣры.

Приѣхалъ докторъ. Татьяна Марковна, утаивъ причину, искусно объяснила ему разстройство Вѣры. Онъ нашелъ признаки горячки, далъ лекарство, и сказалъ, что, если она успокоится, то и послѣдствій опасныхъ ожидать нельзя.

Вѣра въ полуснѣ приняла лекарство и вечеромъ заснула крѣпко. Татьяна Марковна сѣла сзади изголовья и положила голову на тѣ же подушки съ другой стороны. Она не спала, чутко сторожа каждое движеніе, вслушиваясь въ дыханіе Вѣры. Вѣра просыпалась, спрашивала: «ты спишь, Наташа?» и не получивъ отвѣта, закрывала глаза, по временамъ отерывая ихъ съ мучительнымъ вздохомъ опять, лишь только память и сознаніе напомнятъ ей ея положеніе. Она спѣшила погрузиться въ свою дремоту; ночь казалась ей черпой, страшной тюрьмой.

Она ночью пошевелилась, попросила пить. Рука изъ-за подушки подала ей питье. «Что бабушка?» спросила она, отеревъ глаза и опять закрыла ихъ.

— Наташа, гдѣ ты: поди сюда, что ты все прятешься?

Отвѣта не было.

Она глубоко вздохнула и опять стала дремать.

«Бабушка нейдетъ! Бабушка не любитъ!» шептала она съ тоской, отрезвившись на минуту отъ сна. «Бабушка не простить!»

«Бабушка пришла!» «Бабушка любитъ!» «Бабушка простила!» произнесъ голосъ надъ ея головой.

Вѣра вскочила съ постели и бросилась къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Бабушка! закричала она и спрятала голову у ней на груди.

Татьяна Марковна положила ее на постель и прилегла своей сѣдой головой рядомъ съ этими темными, густыми волосами, разбросанными по блѣдному, прекрасному, измученному лицу.

Вѣра, на груди этой своей матери, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала свою исповѣдь, раскаяніе, горе, всю, вдругъ прорвавшуюся силу страданій.

Бабушка молча слушала рыданія и платкомъ отирала ея слезы, не мѣшая плакать, и только прижимая ея голову къ своей груди и осыпая поцѣлуями.

— Не ласкайте, бабушка... бросьте меня... не стою я... отдайте вашу любовь и ласки сестрѣ...

Бабушка въ отвѣтъ крѣпче прижала ее къ груди.

— Сестрѣ не нужны больше мои ласки: а мнѣ нужна твоя любовь — не покидай меня, Вѣра, не чуждайся меня больше: я сирота! сказала она, и сама заплакала.

Вѣра сжала ее всей своей силой.

— Мать моя, простите меня... шептала она.

Бабушка поцѣлуемъ зажала ей ротъ.

— Молчи, ни слова — никогда!

— Я не слушала васъ... Богъ покаралъ меня за васъ...

— Чтò ты говоришь, Вѣра? вдругъ, въ ужасѣ, блѣднѣя, оставила ее Татьяна Марковна, и опять стала похожа на дикую старуху, которая бродила по лѣсу и по оврагамъ.

— Да, я думала, что одной своей воли и ума довольно на всю жизнь, что я умнѣе всѣхъ васъ...

Татьяна Марковна вздохнула свободно. Ее, повидимому, встретила какая-то другая мысль, или предположеніе.

— Ты, и умнѣе меня, и больше училась, сказала она: тебѣ Богъ далъ много остроты — но ты не опытнѣе бабушки...

«Теперь... и опытнѣе!» подумала Вѣра и припала лицомъ къ ея плечу. — Возьмите меня отсюда: Вѣры нѣтъ. Я буду вашей Марейньюй... шептала она. — Я хочу вонъ изъ этого стараго дома, туда, къ вамъ...

Бабушка молча ласкала ее.

Обѣ головы покоились рядомъ, и ни Вѣра, ни бабушка не сказали больше ни слова. Онѣ тѣсно прижались другъ къ другу и къ утру заснули въ объятіяхъ одна другой.

IX.

Вѣра встала утромъ безъ жара и озноба, только была блѣдна и утомлена. Докторъ сказалъ, что ничего больше и не будетъ, но не велѣлъ выходить нѣсколько дней изъ комнаты.

Все пришло въ прежній порядокъ. Имянины Вѣры, по ея желанію, прошли незамѣтно. Ни Марейньюя, ни Вицентьевы не пріѣхали съ той стороны. Къ нимъ посланъ былъ нарочный сказать, что Вѣра Васильевна не такъ здорова и не выходитъ изъ комнаты.

Тушинъ прислалъ почтительную записку съ поздравленіемъ и просилъ позволенія побывать.

Ему отвѣчали «спокойте, я еще нездорова».

Пріѣзжавшимъ изъ города всѣмъ отказывали, подъ предлогомъ болѣзни именинницы. Только горничная, не смотря ни на

что, разрядились въ свои разноцвѣтныя платья и ленты и намазались гвоздичной помадой, да кучера и лакеи опять напились пьяны.

Вѣра и бабушка стали въ какое-то новое положеніе одна въ другой. Бабушка не казнила Вѣру никакимъ притворнымъ снисхожденіемъ, хотя очевидно не принимала такъ легко рѣшительный опытъ въ жизни женщины, какъ Райскій, и еще менѣе обнаруживала то безусловное презрѣніе, какимъ клеймить эту «ошибку», «несчастье», или, пожалуй, «паденіе» старый, вѣтшійся въ людскія понятія ригоризмъ, не разбирающій даже строго причинъ «паденія». Обѣ смотрѣли другъ на друга серьезно, говорили мало, больше о мелочахъ, ежедневныхъ предметахъ, но въ обмѣнивающихся взглядахъ высказывался цѣлый нѣмой разговоръ.

Обѣ какъ-будто наблюдали одна за другою, а заговаривать боялись. Татьяна Марковна не произносила ни одного слова, ни въ защиту, ни въ оправданіе «паденія», не напоминала ни о чемъ, и видимо старалась, чтобъ и Вѣра забыла. Она только удвоила ласки, но неумышленно, не притворно — съ цѣлью только скрыть свой судъ или свои чувства. Она въ самомъ дѣлѣ была нѣжнѣе, будто Вѣра стала милѣе и ближе ей послѣ своей откровенности, даже и самаго проступка.

Вѣра видѣла эту безыскусственность, но ей было не легче отъ этого. Она ждала и хотѣла строгаго суда, казни: напримѣръ, еслибъ бабушка на полгода или на годъ отослала ее съ глазъ долой, въ свою дальнюю деревню, а сама справилась бы какъ-нибудь съ своими обманутыми и поруганными чувствами довѣрія, любви, и потомъ простила, призвала бы ее, но долго еще не принимала бы ее въ свою любовь, не дарила бы лаской и нѣжностью, пока Вѣра, нѣсколькими годами, работой всѣхъ силъ ума и сердца, не воротила бы себѣ права на любовь этой матери: тогда только успокоилась бы она, тогда настало бы искупленіе, или, по крайней мѣрѣ, забвеніе, если правда, что «время все стираетъ съ жизни», какъ утверждаетъ Райскій. «Все ли?» думала она печально. Времени не стало бы стереть всѣ ея муки, которыя теперь, одна за другою, являлись по очереди, наносить каждая свои удары, взглянувъ сначала всѣ вмѣстѣ ей въ лицо. Она уже пережила ихъ нѣсколько, теперь переживаетъ одну изъ самыхъ страшныхъ: а внутри ея еще прячется самая злая, которой никто не знаетъ и которую едва ли сотретъ время. Она старалась не думать о ней, и въ эту минуту думала только — какъ примирить бабушку съ горемъ, облегчить ей удары.

Она вникала въ это молчаніе бабушки, въ эту ея новую

нѣжность въ себѣ, и между тѣмъ подстерегала какіе-то бросаемыя изподтишка взгляды на нее, — и не знала чѣмъ объяснить?

Что бабушка страдает невыразимо — это ясно. Она отъ скорби измѣнилась: по временамъ горбится, пожелтѣла, у ней прибавились морщины. Но тутъ же рядомъ, глядя на Вѣру, или слушая ее, она вдругъ выпрямится, взглядъ ея загорится такою нѣжностью, что какъ-будто она теперь только нашла въ Вѣрѣ не прежнюю Вѣру, внучку, но собственную дочь, которая стала ей еще милѣе.

Отчего же милѣе? Можетъ быть, бабушка теперь падить ее, думалось Вѣрѣ, отъ того, что ея женское, глубокое сердце открылось состраданію. Ей жаль карать бѣдную, больную, покаившуюся, — и она рѣшилась покрыть ея грѣхъ христіанскимъ милосердіемъ.

«Да, больше нечего предположить», смиренно думала она. «Но Боже мой, какое страданіе — нести это милосердіе, эту милостыню! Упасть, безъ надежды встать — не только въ глазахъ другихъ, но даже въ глазахъ этой бабушки, своей матери!»

Она будетъ лелѣять, ласкать ее, пожалуй, больше прежняго, но ласкать, какъ ласкаютъ бѣднаго идіота, помѣшаннаго, обиженнаго природой или судьбой, или еще хуже — какъ падшаго, несчастнаго брата, которому люди бросаютъ милостыню состраданія!

Гордость, человѣческое достоинство, права на уваженіе, цѣлость самолюбія — все разбито въ дребезги! Оборвите эти цвѣты съ вѣнка, которымъ украшенъ человѣкъ, съ которымъ онъ — человѣкъ, и онъ сдѣлается почти вещью. Толпа сострадательно глядитъ на падшаго и казнитъ молчаніемъ, какъ бабушка ее! Нельзя жить тому, въ чьей душѣ когда-нибудь жила законная человѣческая гордость, сознаніе своихъ правъ на уваженіе, кто носитъ прямо голову, — нельзя жить!

Она слыхала нѣсколько примѣровъ увлеченій, припомнила, какой судъ изрекали люди надъ падшими, и какъ эти несчастныя несли казнь почти публичныхъ ударовъ. — Чѣмъ я лучше ихъ? думала Вѣра. А Марья увѣряла, и Райскій тоже, что за этимъ.... Рубикономъ, начинается другая, новая, лучшая жизнь! Да, новая, но какая «лучшая»? «Бабушка сострадательна къ ней: отъ одного этого можно умереть! А бывало она уважала ее, гордилась ею, признавала за ней права на свободу мыслей и дѣйствій, давала ей волю, вѣрила ей! И все это пропало! Она обманула ея довѣріе и не устояла въ своей гордости!

Она — нищая въ родномъ кругу. Ближніе видѣли ее падшую, пришли и, отворачиваясь, накрыли одеждой изъ жалости, гордо

думая про себя: «Ты не встанешь никогда, бѣдная, и не станешь съ нами рядомъ: прими, Христа ради, наше прощеніе!»

«Чтожь, и приму, ради Его — и смирюсь! Но я хочу не милости, а гнѣва, грома.... Опять гордость: гдѣ же смиреніе? Смиреніе значить — выносить взглядъ уворизны чистой женщины, блѣднѣть подѣ этимъ взглядомъ цѣлые годы, всю жизнь, и не смѣть роптать. И не буду! Перенесу все: сострадательное великодушіе Тушина и Райскаго, жалость, прикрывающую, можетъ быть, невольное презрѣніе бабушки.... Бабушка презираетъ меня!» вся трясаясь отъ тоски, думала она и пряталась отъ ея взгляда, сидѣла молча, печальная, у себя въ комнатѣ, отворачивалась, или потупляла глаза, когда Татьяна Марковна смотрѣла на нее съ глубокой нѣжностью.... или сожалѣніемъ, какъ казалось ей.

Тутъ ей, какъ всегда бываетъ, представлялась чистота, прелесть, весь аромать ея жизни — до встрѣчи съ Маркомъ, ея спокойствіе до рокового вечера... Она вздрагивала.

Оказалось, что у ней пропало и пренебреженіе къ чужому мнѣнію. Ей стало больно упасть въ глазахъ даже и «глупцовъ», какъ выражался Маркъ. Она вздыхала по удивленію ихъ къ себѣ, ей стало жаль общаго поклоненія, теперь утраченнаго! «Ахъ, хоть «Кунигунда» надоумила бы меня тогда!» думала она съ трагическимъ юморомъ.

Она хотѣла молиться, и не могла: о чемъ она станетъ молиться? Ей остается смиренно склонить голову передъ громомъ и нести его. Она вклонила голову и несла тяжесть «презрѣнія», какъ она думала.

Снаружи она казалась всѣмъ покойною. Но глаза у ней впали, краски не появлялись на блѣдномъ лицѣ, пропала грація походки, свобода движеній. Она худѣла и видимо томилась жизнью.

Ей ни до кого и ни до чего не было дѣла. Она отпустила Наталью Ивановну домой, сидѣла у себя запершись, обѣдала съ бабушкой, понивала головой, когда та обращала на нее пристальный взглядъ, или заговаривала ласково и нѣжно. Она дѣлалась еще угрюмѣе, и только спѣшила исполнять, покорнѣе Пашутки, каждое желаніе Татьяны Марковны, выраженное словомъ или взглядомъ.

Ее какъ-будто стало невидно и неслышно въ домѣ. Ходила она тихо, какъ тѣнь, просила, что нужно, шепотомъ, не глядя въ глаза никому прямо. Не смѣла ничего приказывать. Ей казалось, что Василиса и Яковъ смотрѣли на нее сострадательно, Егорка дерзко, а горничныя — насмѣшливо.

«Вотъ она «новая жизнь!» думала она, потупляя глаза передъ взглядомъ Василисы и Якова и сворачивая быстро въ сто-

рону отъ Егорки и отъ горничныхъ. А никто въ домѣ, кромѣ Райскаго, не зналъ ничего. Но ей казалось, какъ всѣмъ кажется въ ея положеніи, что она читала свою тайну у всѣхъ на лицѣ.

И Татьяна Марковна, наблюдая за Вѣрой, задумывалась и какъ-будто заражалась ея печалью. Она тоже ни съ кѣмъ почти не говорила, мало спала, мало входила въ дѣла, не принимала ни приглашенія, ни вущовъ, приходившихъ справляться о хлѣбѣ, не отдавала приказаній въ домѣ. Она сидѣла, опершись рукою о столъ и положивъ голову въ ладони, оставаясь подолгу одна.

И она, и Вѣра, обѣ привязались къ Райскому. Простота его души, мягкость, искренность, глядѣвшая изъ каждаго слова, и откровенность, простертая до болтливости, наконецъ игра фантазіи—все это нѣсколько утѣшало и развлекало и ту и другую.

Онъ иногда даже заставлялъ ихъ улыбаться. Но онъ напрасно старался изгнать совсѣмъ печаль, тучей сѣвшую на нихъ обѣихъ и на весь домъ, онъ и самъ печалился, видя, что ни уваженіе его, ни нѣжность бабушки—не могли возратить бѣдной Вѣрѣ прежней бодрости, гордости, увѣренности въ себѣ, силъ ума и воли.

— Бабушка презираетъ меня, любитъ изъ жалости! Нельзя жить, я умру! шептала она Райскому. Тотъ бросался къ Татьянѣ Марковнѣ, передавая ей новыя музѣ Вѣры. Къ ужасу его, бабушка, какъ потерянная, слушала эти тихіе стоны Вѣры, не находя въ себѣ силъ утѣшить ее, блѣднѣла и шла молиться.

— Молись и ты! шептала она ей иногда мимоходомъ.

— Молитесь вы за меня, — я не могу! отвѣчала Вѣра.

— Плачь, говорила бабушка.

— Слезъ нѣтъ, отвѣчала Вѣра, и онѣ молча расходились по своимъ угламъ.

Райскій также привязался къ нимъ обѣимъ, сталъ ихъ другомъ. Вѣра и бабушка высоко поднялись въ его глазахъ, какъ святые, и онъ жадно ловилъ каждое слово, взглядъ, не зная передъ кѣмъ умиляться, плакать. Въ Вѣрѣ оканчивалась его статуя гармонической красоты. А тутъ рядомъ возникала другая статуя сильной, античной женщины—въ бабушкѣ. Та, огнемъ страсти, испытанія, очистилась до самопознанія и самообладанія, а эта... Откуда у ней этотъ источникъ мудрости и силы? Она—дѣвушка! Онъ никакъ не могъ добраться; бабушка была загадкой для него. Онъ напрасно искалъ ключа.

Обѣ упрашивали Райскаго остаться тутъ навсегда, жениться, завестись домономъ. «Боюсь, не выдержу, говорилъ онъ въ отвѣтъ: воображеніе опять запроситъ идеаловъ, а нервы новыхъ ощущеній, и свука съѣсть меня за-живо! Какія цѣли у художника? творчество: вождь его жизнь!.. Прощайте! скоро уѣду, завани-

валъ онъ обыкновенно свою рѣчь, и еще больше печалилъ обѣихъ и самъ чувствовалъ горе, а за горемъ грядущую пустоту и скуку.

Бабушка погружалась въ свою угрюмость, Вѣра тайно убивалась печалью, и дни проходили за днями. Тоска Вѣры была постоянная, неутолимая, и печаль Татьяны Марковны возрастала по мѣрѣ того, какъ она слѣдила за Вѣрой.

Она, пока Вѣра хворала, проводила ночи въ старомъ домѣ, ложась на диванѣ, противъ постели Вѣры, и караулила ея сонъ. Но почти всегда случалось такъ, что обѣ женщины, думая подстеречь одна другую, видѣли, что ни та, ни другая не спитъ.

— Ты не спишь, Вѣрочка? спросить бабушка.

— Сплю, отвѣчаетъ Вѣра и закрываетъ глаза, чтобъ обмануть бабушку.

— Вы не спите, бабушка? спросить и Вѣра, также поймавъ ея, смотрящій на нее взглядъ.

— Сейчасъ только проснулась, говоритъ Татьяна Марковна, и поворачивается на другой бокъ.

«Нельзя жить: нѣтъ покоя и не будетъ никогда!» терзалась про себя Вѣра.

«Нѣтъ—не избудешь горя: Богъ велитъ казнить себя, чтобъ успокоить ее...» думала бабушка съ глубокимъ вздохомъ.

— Когда же вы возьмете меня къ себѣ отсюда, бабушка?

— Послѣ свадьбы, когда Марейшка уѣдетъ...

— Я теперь хочу, мнѣ не живется здѣсь, не спится...

— погоди, оправься немного, тогда...

Вѣра умолкала, не смѣя настаивать. «Не беретъ! думала она, презираетъ...»

Х.

На другой день послѣ такой бессонной ночи, Татьяна Марковна послала съ утра за Титомъ Никоничемъ. Онъ пріѣхалъ было веселый, радуясь, что угрожавшая ей и «отмѣнной дѣвицѣ» Вѣрѣ Васильевнѣ болѣзнь и разстройство миновались благополучно, привезъ громадный арбузъ и ананасъ въ подарокъ, расшарвался, раздобреничался, блистая сладкими бѣлоснѣжной сорочки, желтыми наневыми панталонами, синимъ фраккомъ, съ золотыми куговицами, и сладчайшей улыбкой.

— Обновицъ къ осени фуфайку: поздравьте, сказалъ онъ:— подарокъ дражайшаго Бориса Павловича...

Баглянувъ на Татьяну Марковну, онъ вдругъ остолбенѣлъ и испугался.

Она, накинувъ на себя мѣховую кацавейку и накрывъ голову воспыной, молча сдѣлала ему знакъ идти за собой и повела его въ садъ. Тамъ, сидя на свамѣ Вѣры, она два часа говорила съ нимъ, и потомъ воротилась, глядя себѣ подъ ноги, домой, а онъ, не зашедши къ ней, точно убитый, отправился къ себѣ, велѣлъ камердинеру уложиться, послалъ за почтовыми лошадьми и уѣхалъ въ свою деревню, куда нѣсколько лѣтъ не заглядывалъ.

Райскій зашелъ къ нему и съ удивленіемъ услышалъ эту новость. Обратился къ бабушкѣ, та сказала, что у него въ деревнѣ что-то не повойно.

Вѣра была грустнѣе, нежели когда-нибудь. Она больше лежала небрежно на диванѣ и смотрѣла въ полъ, или ходила взадъ и впередъ по комнатамъ стараго дома, блѣдная, съ желтыми пятнами около глазъ.

На лбу у ней въ эти минуты ложилась рѣзвая линія — намекъ на будущую морщину. Она грустно улыбалась, глядя на себя въ зеркало. Иногда подходила къ столу, гдѣ лежало нераспечатанное письмо на синей бумагѣ, бралась за ключъ и съ ужасомъ отходила прочь. «Куда уйдти? гдѣ спрятаться отъ цѣлаго міра?» думала она.

Нынѣшній день протянулся до вечера, какъ вчерашній, какъ вѣроятно, протянется завтрашній. Насталъ вечеръ, ночь. Вѣра легла и загасила свѣчу, глядя открытыми глазами въ темноту. Ей хотѣлось забыться, уснуть, но сонъ не приходилъ.

Въ темнотѣ рисовались ей какія-то пятна, чернѣе самой темноты. Пробѣгали, волнуясь, какія-то тѣни по слабому свѣту оконъ. Но она не пугалась: нервы были убиты, и она не замерла бы отъ ужаса, еслибъ изъ угла встало передъ ней привидѣніе, или врался бы воръ, или убійца въ комнату, не смутилась бы, еслибъ ей сказали, что она не встанетъ болѣе.

И она продолжала глядѣть въ темноту, на проносившіяся волнистыя тѣни, на черныя пятна, сгущавшіяся въ темнотѣ, на какія-то вертящіяся, какъ въ калейдоскопѣ, вращенія.

Вдругъ ей показалось, что дверь ея начинаетъ понемногу отворяться, вотъ скрипнула... Она оперлась на локоть и устремила глаза въ дверь.

Показался свѣтъ и рука, загородившая огонь. Вѣра перестала смотрѣть, положила голову на подушку и притворилась спящею. Она видѣла, что это была Татьяна Марковна, входившая осторожно, съ ручной лампой. Она спустила съ плечъ на ступь сапогъ и шла тихо къ постели, въ бѣломъ капотѣ, безъ чепца, какъ привидѣніе.

Поставивъ лампу на столикъ, за изголовьемъ Вѣры, она сама сѣла напротивъ, на кушетку, такъ тихо, что не стукнула лампа у ней, когда она ставила ее на столикъ, не заскрипѣла кушетка, когда она садилась.

Она пристально смотрѣла на Вѣру: та лежала съ закрытыми глазами. Татьяна Марковна, опершись щекой на руку, не спускала съ нея глазъ, и изрѣдка, удерживая вздохи, тихо облегчала ими грудь.

Прошло больше часа. Вѣра вдругъ открыла глаза: Татьяна Марковна смотритъ на нее пристально.

— Тебѣ не спится, Вѣрочка?

— Не спится.

— Отчего?

Молчаніе. Вѣра глядѣла въ лицо Татьяны Марковны и замѣтила, что она блѣдна.

«Не можетъ перенести удара, думала Вѣра: а притворства не достааетъ, правда рвется наружу....»

— За чѣмъ вы казните меня и по ночамъ, бабушка? сказала она тихо.

Бабушка молча смотрѣла на нее.

Вѣра отвѣчала ей такимъ же продолжительнымъ взглядомъ. Обѣ женщины говорили глазами и, казалось, понимали другъ друга.

— Не смотрите такъ, ваша жалость убьетъ меня. Лучше стоните меня со двора, а не изливайте по каплѣ презрѣніе... Бабушка! мнѣ невыносимо тяжело! простите, а если нельзя, снесите меня куда-нибудь живу. Я бы утопилась...

— За чѣмъ, Вѣра, не то говорить у тебя языкъ, что думаетъ голова?

— А зачѣмъ вы молчите? что у васъ на умѣ? Я не понимаю вашего молчанія и мучаюсь. Вы хотите что-то сказать и не говорите...

— Тяжело, Вѣра, говорить. Молись — и пойми бабушку безъ разговора... если можно...

— Пробовала молиться, да не могу: о чемъ? чтобъ умереть скорѣй?

— О чемъ ты тоскуешь, когда все забыто? сказала Татьяна Марковна, пытаясь еще разъ успокоить Вѣру, и пересѣла съ кушетки къ ней на постель.

— Нѣтъ, не забыто! моя вина написана у васъ въ глазахъ... Они все говорятъ...

— Что они говорятъ?

— Что нельзя жить больше, что... все погибло.

— Не умѣешь ты читать бабушкиныхъ взглядовъ.

— Я умру, я знаю: только бы скорѣй, ахъ, скорѣй! говорила Вѣра, ворочая лицо къ стѣнѣ.

Татьяна Марковна тихо покачала головой.

— Нельзя жить! съ унылой увѣренностью повторила Вѣра.

— Можно! съ глубокимъ вздохомъ сказала Татьяна Марковна.

— Послѣ... того?... обернувшись къ ней спросила Вѣра.

— Послѣ того...

Теперь Вѣра вздохнула безнадежно.

— Вы не знаете, бабушка... вы не такая...

— Такая... чуть слышно, наклоняясь къ ней, прошептала Татьяна Марковна.

Вѣра быстро взглянула на нее съ жадностью раза два, три, потомъ печально опустила на подушки.

— Вы святая! Вы никогда не были въ моемъ положеніи.... говорила она, какъ будто про себя. — Вы праведница!

— Грѣшница! чуть слышно прошептала Татьяна Марковна.

— Всѣ грѣшны.... но не такая грѣшная, какъ я....

— Такая же....

— Чтѣ?! вдругъ приподнявшись на локоть, съ ужасомъ въ глазахъ и въ голосѣ, спросила Вѣра.

— Такая же грѣшница, какъ и ты....

Вѣра обѣими руками вцѣпилась ей въ кофту и прижалась лицомъ къ ея лицу.

— Зачѣмъ клеветнешь на себя? почти шипѣла она дрожа: чтобъ успокоить, спасти бѣдную Вѣру. — Бабушка! бабушка, не лги!

— Я не лгу никогда, шептала, едва осиливая себя, старуха: ты это знаешь. Солгу ли я теперь? Я грѣшница.... грѣшница... говорила она, сползая на колѣни передъ Вѣрой и влоня сѣдую голову ей на грудь. — Прости и ты меня!...

Вѣра замерла отъ ужаса.

— Бабушка... шептала она, и въ изумленіи широко открыла глаза—точно воскресая:—можетъ ли это быть?—И вдругъ съ силой прижала голову старухи къ груди.

— Чтѣ ты дѣлаешь? зачѣмъ говоришь мнѣ это?... Молчи! Возьми назадъ свои слова! я не слыхала, я ихъ забуду, сочту своимъ бредомъ.... не вазни себя для меня!

— Нельзя: Богъ велить! говорила старуха, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову.

— Встань, бабушка!... Поди ко мнѣ сюда!...

Бабушка плакала у ней на груди.

И Вѣра зарыдала, какъ ребенокъ.

— Зачѣмъ сказала ты....

— Надо! *Онъ* велитъ смириться, говорила старуха, указывая на небо:—просить у внучки прощенія. Прости меня, Вѣра, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя.... Напрасно я хотѣла обойти тайну, умереть съ ней.... Я погубила тебя своимъ грѣхомъ...

— Ты спасаешь меня бабушка.... отъ отчаянія....

— И себя тоже, Вѣра. Богъ проститъ насъ, но Онъ требуетъ очищенія! Я думала, грѣхъ мой забыть, прощенъ. Я молчала и казалась праведной людямъ: не правда! Я была — какъ «окрашенный гробъ» среди васъ, а внутри таился неомытый грѣхъ! Вотъ онъ гдѣ вышелъ наружу: на третьемъ колѣнѣ, въ твоемъ грѣхѣ! Богъ покаралъ меня въ немъ. Прости же меня отъ сердца....

— Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты святая женщина!—Нѣтъ другой такой матери.... Еслибъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?....

— Это мой другой страшный грѣхъ! перебила ее Татьяна Марковна: я молчала и не отвела тебя.... отъ обрыва! Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это: я чувствую—она все снится мнѣ.... Она теперь тутъ, между насъ.... Прости меня и ты, покойница! говорила старуха, дико озираясь вокругъ и протирая руки къ небу. У Вѣры пробѣжала дрожь по тѣлу: — прости и ты, Вѣра — простите обѣ!... Будемъ молиться!....

Вѣра силилась поднять ее.

Татьяна Марковна тяжело встала на ноги и сѣла на ешкетку. Вѣра подала ей одеколонъ и воды, смочила ей виски, дала успокоительныхъ капель, и сама сѣла на ковръ, осыпая подѣлками ея руки.

— Ты знаешь, нѣтъ ничего тайнаго, что не вышло бы наружу, заговорила Татьяна Марковна, оправившись:—сорокъ пять лѣтъ два человѣка только знали: *онъ*, да Василиса: и я думала, что мы умремъ всѣ съ ней. А вотъ—она вышла наружу! «Боже мой!» говорила какъ будто въ помѣшательствѣ Татьяна Марковна, вставая, складывая руки и протягивая ихъ къ образу Спасителя: «еслибъ я знала, что этотъ громъ ударитъ когда-нибудь въ другую.... въ мое дитя,—я бы тогда же, на площади, передъ соборомъ, въ толпѣ народа, исповѣдала свой грѣхъ!»

Вѣра слушала въ изумленіи, глядя большими глазами на бабушку, боялась вѣрить, пытливо изучала каждый ея взглядъ и движеніе, сомнѣваясь, не героическій ли это поступокъ, не великодушный ли замыселъ—спасти ее, падшую, поднять? Но молитва, колѣнопреклоненіе, слезы старухи, обращеніе къ умершей ма-

тери.... Нѣтъ, никакая актриса не покусилась бы играть въ такую игру, а бабушка — вся правда и честность!

Вѣрѣ становилось тепло въ груди, легче на сердцѣ. Она внутренно вставала на ноги, будто пробуждалась отъ сна, чувствуя, что въ нее льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ, стучится миръ въ душу, что душу эту, какъ темный, запущенный храмъ, освѣтили огнями и наполнили опять молитвами и надеждами. Могила обращалась въ цвѣтникъ. Кровь у ней начала свободно переливаться въ жилахъ; даль мало-по-малу принимала свой утерянный ходъ, какъ испорченные и исправленные рукою мастера часы. Люди къ ней дружелюбны, природа опять заблеститъ для нея красотой. Завтра она встанетъ бодрая, живая, покойная, увидитъ любимыя лица, увѣрится, что Райскій не притворялся, говоря, что она стала его лучшей, поэтической мечтой, Тушинъ по прежнему будетъ гордъ и счастливъ ея дружбой и «любить ее еще больше», онъ самъ сказалъ. Съ бабушкой онъ теперь — не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя. Она даже нечаянно начала ей говорить *ты*, какъ и Райскому, когда заговорило прямо сердце, забывшее холодное *вы*, и оставить за собой это право.

Она теперь только поняла эту усилившуюся къ ней, послѣ признанія, нѣжность и ласки бабушки: да, бабушка взяла ея неудобно-носимое горе на свои старыя плечи, стерла своей виной «ея вину» и не сочла послѣднюю за «потерю чести». Потеря чести! Эта справедливая, мудрая, нѣжнѣйшая женщина въ мірѣ, всѣхъ любящая, исполняющая такъ свято всѣ свои обязанности, никого никогда не обидѣвшая, никого не обманувшая, всю жизнь отдавшая другимъ, — эта, всѣми чтимая женщина, «пала, потеряла честь!»

Стало быть ей, Вѣрѣ, надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ, и путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать «новую» жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва.... любить людей правду, добро....

Все это вихремъ несло у ней въ головѣ и будто уносило ее самое на какихъ-то облакахъ. Ей на душѣ становилось свободнѣе, какъ преступнику, которому расковали руки и ноги.

Она вдругъ встала....—Бабушка, сказала она: ты меня простила, ты любишь меня больше всѣхъ, больше Марейки—я это вижу! А видишь ли, знаешь ли ты, какъ я тебя люблю? Какъ долго мы не знали съ тобой другъ друга....

— Сейчасъ узнаешь все: выслушай мою исповѣдь — и осуди строго, или прости — и Богъ проститъ насъ....

— Я не хочу, не должна, не смѣю: зачѣмъ!?...

— Затѣмъ, чтобъ и мнѣ вытерпѣть теперь то, что я должна

была вытерпѣть сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Я убрала свой грѣхъ! Ты знаешь его, узнаетъ и Борисъ. Пусть вѣнукъ посмѣется надъ сѣдинами старой Кунигунды!...

Бабушка прошла раза два въ волненіи по комнатѣ, трясаясь фанатической рѣшимостью головой.

Она опять походила на старый женскій, фамильный портретъ въ галлерей, съ суровой важностью, съ величіемъ и увѣренностью въ себѣ, съ лицомъ, истерзаннымъ пыткой, и съ гордостью, осилившей пытку. Вѣра чувствовала себя жалкой дѣвочкой передъ ней и робко глядѣла ей въ глаза, мысленно мѣряя свою молодую, только что вызванную на борьбу съ жизнью силу — съ этой старой, искушенной въ долгой жизненной борьбѣ, но еще крѣпкой, повидимому, несокрушимой силой.

«Я не понимала ее! Гдѣ была моя хваленая «мудрость» передъ этой бездной!...» думала она и бросилась на помощь бабункѣ — помѣшать исповѣди, отвести ненужныя и тяжелыя страданія отъ ея измученной души. Она стала передъ ней на колѣни и взяла ее за обѣ руки. — Ты сама чувствуешь, бабушка — сказала она — что ты сдѣлала теперь для меня: всей моей жизни не достанетъ, чтобъ заплатить тебѣ. Неиди далѣе: здѣсь конецъ твоей казни! Если ты непременно хочешь, я шепну слово брату о твоёмъ прошломъ — и пусть оно закроется навсегда! Я видѣла твою муку: зачѣмъ ты хочешь еще истязать себя исповѣдью? Судъ совершился — я не приму ее: не мнѣ слушать и судить тебя — дай мнѣ только обожать твои святыя сѣдины и благословлять всю жизнь! Я не стану слушать: это мое послѣднее слово!

Татьяна Марковна вздохнула, потомъ обняла ее. — Да будетъ такъ! сказала она: — я принимаю твое рѣшеніе, какъ Божіе прощеніе — и благодарю тебя за пощаду моей сѣдины!...

— Пойдемъ теперь туда, къ тебѣ: я устала — и ты взволнована: отдохнемъ обѣ! говорила Вѣра.

Татьяна Марковна почти на рукахъ донесла ее до дому, уложила въ свою постель и легла съ ней рядомъ. Когда Вѣра, согрѣтая въ ея объятіяхъ, тихо заснула, бабушка осторожно встала, и взявъ ручную лампу, загородила рукой свѣтъ отъ глазъ Вѣры и нѣсколько минутъ освѣщала ея лицо, глядя съ умиленіемъ на эту блѣдную, чистую красоту лба, закрытыхъ глазъ, и на всѣ, точно рукой великаго мастера изваянныя чистыя и тонкія черты бѣлаго мрамора, съ глубокимъ, лежащимъ въ нихъ миромъ и покоемъ. Она поставила лампу, перекрестила спящую, дотронулась губами до ея лба и опустила на волѣни у постели.

«Милосердуй надъ ней! молилась она почти въ изступленіи:

и если не исполнилась еще мѣра гнѣва Твоего—отведи его отъ нея—и ударь опять въ мою сѣдую голову!...»

Долго послѣ молитвы сидѣла она надъ спящей, потомъ тихо легла подлѣ нея и окружила ея голову своими руками. Вѣра пробуждалась иногда, открывала глаза на бабушку; опять закрывала ихъ, и въ полуснѣ принимала все плотнѣе и плотнѣе лицомъ къ ея груди, какъ будто хотѣла глубже зарыться въ ея объятія.

XI.

Проходили дни, и съ ними опять тишина повисла надъ Машиновкой. Опять жизнь, задержанная катастрофой, какъ рѣка порогами, прорвалась сквозь преграду и потекла дальше, ровнѣе.

Но въ этой тишинѣ отсутствовала безпечность. Какъ на природу вѣшнюю, такъ и на людей, легла будто осень. Всѣ были задумчивы, сосредоточены, молчаливы, отъ всѣхъ отдавало холодомъ, слетѣли будто и съ людей, какъ листья съ деревьевъ, улыбки, смѣхъ, радости. Мучительныя скорби миновали, но колоритъ и тоны прежней жизни измѣнились.

У Вѣры съ бабушкой установилась тѣсная, безмолвная связь. Онѣ, со времени извѣстнаго вечера, послѣ взаимной исповѣди, хотя и успокоили одна другую, но не вполнѣ успокоились другъ за друга, и обѣ вопросительно, отчасти недовѣрчиво, смотрѣли вдаль, опасаясь будущаго.

Переработаетъ ли въ себѣ бабушка всю эту внезапную тревогу, какъ землетресеніе, всколыхавшую ея душевный миръ? спрашивала себя Вѣра и читала въ глазахъ Татьяны Марковны, привываетъ ли она къ другой, не прежней Вѣрѣ, и къ ожидающей ее новой, неизвѣстной, а не той судьбѣ, какую она ей гадала? Не сѣтуетъ ли безсознательно про себя на ея своевольное ниспроверженіе своей счастливой, старческой дремоты? Воротится ли къ ней когда-нибудь ясность и покой въ душу?

А Татьяна Марковна старалась угадывать будущее Вѣры, боялась, вынесетъ ли она крестъ покорнаго смиренія, какой судьба, по ея мнѣнію, налагала, какъ искупленіе за «грѣхъ»? Не подточить ли сломленная гордость и униженное самолюбіе ея нѣжныхъ, молодыхъ силъ? Излечима ли ея тоска: не обратилась бы она въ хроническую болѣзнь?

Бабушка машинально приняла опять бразды правленія надъ своимъ царствомъ. Вѣра усердно ушла въ домашнія хлопоты, особенно заботилась о приданомъ Марейки, и принесла туда свой вкусъ и трудъ.

Въ ожиданіи какого-нибудь серьезнаго труда, какой могла дать ей жизнь со временемъ, по ея уму и силамъ, она положила не обѣгать никакого дѣла, какое представится около нея, какъ-бы оно просто и мелко ни было—находя, что, подъ презрѣніемъ къ мелкому, обыденному дѣлу и подъ мнимымъ ожиданіемъ или изобрѣтеніемъ какого-то новаго, еще небывалаго труда и дѣла, кроется у большей части, просто лѣнь, или неспособность, или наконецъ большое и смѣшное самолюбіе—ставить самихъ себя выше своего ума и силъ. Она рѣшала, что «дѣла» изобрѣтать нельзя, что оно само, силою обстоятельствъ, выдвигается на очередь въ данный моментъ, и что такимъ естественнымъ путемъ рождающееся дѣло—только и важно и нужно. Слѣдовательно, надо зорко смотрѣть около, не лежитъ ли праздно несдѣланное дѣло, за которымъ явится на очередь слѣдующее, по порядку, и не бросаться за какимъ-нибудь блуждающимъ огнемъ, или «миражемъ», какъ говоритъ Райскій. Не надо пуще всего покладывать ружь и воснѣтъ «въ блаженномъ усненіи».

Она была блѣднѣе прежняго, въ глазахъ было меньше блеска, въ движеніяхъ меньше живости. Все это могло быть слѣдствіемъ болѣзни, скоро захваченной горячки: такъ всѣ и полагали вокругъ. При всѣхъ она держала себя обыкновенно, шила, порола, толговала со швеями, писала реестры, счета, исполняла порученія бабушки. И никто ничего не замѣчалъ. «Поправляется барышня», говорили люди.

Райскій замѣчалъ также благопріятную перемену въ ней, и по временамъ, видя ее задумчивою, улавливая иногда блеснувшія и пропадающія слезы, догадывался, что это были только слѣды удаляющейся грозы, страсти. Онъ былъ доволенъ, и его собственныя волненія умолкали все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ выживались изъ памяти всѣ препятствія, раздражавшія страсть, всѣ сомнѣнія, соперничество, ревность.

Вѣра, по настоянію бабушки (сама Татьяна Марковна не могла), передала Райскому только глухой намекъ о ея любви, предметомъ которой былъ Ватутинъ, не сказавъ ни слова о «грѣхѣ». Но этимъ полудовѣріемъ вовсе не рѣшилась для Райскаго загадка—откуда бабушка, въ его глазахъ, старая дѣвушка, могла почерпнуть силу, чтобъ снести, не съ дѣвическою твердостью, а мужественно, не только самой—тяжесть «бѣды», но успокоить и Вѣру, спасти ее окончательно отъ нравственной гибели, собственнаго отчаянія. А она очевидно сдѣлала это: какъ она приобрѣла власть надъ умомъ и довѣріемъ Вѣры? Онъ недоумѣвалъ—и только больше удивлялся бабушкѣ, и это удивленіе выражалось у него невольно.

Все обращеніе съ нею приняло характеръ глубокаго, нѣжнаго почтенія и сдержанной покорности. Возраженія на ея слова, прежняя комическая война съ ней—уступили мѣсто изысканному уваженію къ каждому ея слову, желанію и намѣренію. Даже въ движеніяхъ его появилась сдержанность, почти до робости.

Онъ не забирался при ней на диванъ прилечь, вставалъ, когда она подходила къ нему, шелъ за ней послушно въ деревню и поле, когда она шла гулять, терпѣливо слушалъ ея объясненія по хозяйству. Во всѣ, даже мелкія отношенія къ бабушкѣ, проникло то удивленіе, какое вызываетъ невольна женщина, съ сильной нравственной властью.

А она, совершивъ подвигъ, устоявъ тамъ, гдѣ падаютъ ничкомъ мелкія натуры, вынесши и свое и чужое бремя съ разумомъ и величіемъ, тутъ же, на его глазахъ, мало-по-малу, опять обращалась въ простую женщину, уходила въ мелочи жизни, какъ будто пряча свои силы и величіе опять—до случая, даже не подозревая, какъ она вдругъ выросла, стала героиней, и какою подвигъ совершила.

Въ дворнѣ, послѣ пронесшейся, какою-то необъяснимой для нея тучи, было недоумѣніе, тяжесть. Люди притихли: не слышно шума, брани, смѣха, присмирѣли дѣвки, отгоняя Егорку прочь.

Въ особенно затруднительномъ положеніи очутилась Василиса. Она и Яковъ, какъ сказано, дали обѣтъ, если барыня придетъ въ себя и выздоровѣетъ, онъ—поставить большую вызолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ въ приходской церкви, а она—сходить пѣшкомъ въ Кіевъ.

Яковъ исчезъ однажды рано утромъ со двора, взявъ на свѣчу денегъ изъ лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней. Онъ водрузилъ обѣщанную свѣчу передъ иконою за ранней обѣдней. Но у него оказался излишекъ отъ взятой изъ дома суммы. Крестясь поминутно, онъ вышелъ изъ церкви и прошелъ въ слободу, гдѣ оставилъ и излишекъ, и пришелъ домой «веселыми ногами», съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и на носу.

Его нечаянно встрѣтила Татьяна Марковна: она издали почувяла запахъ вина. — Что съ тобой, Яковъ? спросила она съ удивленіемъ.

— Сподобился, сударыня! отвѣчалъ онъ, набожно склонивъ голову на сторону и сложивъ руки горстями на груди, одна на другую.

Онъ объявилъ и Василисѣ, что «сподобился» выполнить обѣтъ.

Василиса поглядѣла на него и вдругъ стала сама не своя. Она тоже «обѣщались», и до этой минуты, среди хлопотъ оволо

барыни, съ приготовленіями къ свадьбѣ, не вспомнила объ обѣтѣ.

И вдругъ Явовъ уже исполнилъ, и притомъ въ одно утро, и вонъ ходитъ, полный благочестиваго веселья. А она обѣщалась въ Кіевъ сходить!

Василиса сильно задумалась, даже похудѣла. Отъ странницъ, бывавшихъ въ Кіевѣ, она знала, что туда около тысячи верстъ, что ходятъ эти странницы мѣсяца три. Онѣ здоровыя, идутъ, какъ лошади, въ пыль, и въ жаръ, и въ холодъ, босикомъ, съ котомкой, съ парой лаптей на пальцѣ, просятъ милостыню, иногда почувуютъ на голой землѣ, не отстаютъ другъ отъ друга и не даютъ себя въ обиду, ни людямъ, ни звѣрямъ.

Разказы богомолоеъ, когда она была помоложе, соблазняли Василису къ сподвижничеству, и она надѣялась, что не умретъ, не сходявъ, или хотъ не съѣздивъ по оказіи, къ святымъ чудотворцамъ.

Но когда подвигъ предсталъ во всей строгости передъ нею—она смутилась, тѣмъ болѣе, что и тревога, вызвавшая общаніе, была напрасная, и она поторопилась общаться!

Василиса стала тосковать. «Какъ я пойду: силы нѣтъ», говорила она, щупая себя.—У меня и костей почти нѣтъ: все однѣ мякоти! Не дойду—Господи помилуй!»

И точно у ней однѣ мякоти. Она насидѣла ихъ себѣ въ своей комнатѣ, сидя тридцать лѣтъ на стулѣ у окна, между бутылками съ наливкой, не выходя на воздухъ, двигаясь тихо только около барыни, да въ кладовыя. Питалась она однимъ кофе, да чаемъ, хлѣбомъ, вартофелемъ и огурцами, иногда рыбою, даже въ мясоѣдъ.

И кости у ней далеко спрятались въ мякоти. Она вся походила на большой кусокъ мякиша.

Она пошла къ отцу Василью, прося рѣшить ея сомнѣнія. Она слыхала, что добрые «батьюшки» даже разрѣшаютъ отъ обѣта совсѣмъ, по немощи, или замѣняютъ его другимъ. Какимъ? спрашивала она себя на случай, если отецъ Василій допустить замѣнъ.

Она сказала, по какому случаю обѣщалась, и спросила: идти ли ей?

— Коли обѣщалась, какъ же нейти? сказалъ отецъ Василій. — Надо идти!

— Да я съ испуга обѣщалась: думала, барыня помретъ. А она черезъ три дня и встала. Такъ за чтожь я этакую даль пойду?

— Да, это не ближній путь, въ Кіевъ! вотъ то-то: общать,

а потомъ и назадъ! журилъ онъ: — не хорошо. Не надо было обѣщать, коли охоты нѣтъ...

— Есть, батюшка, да силъ нѣтъ: мявоти одолѣли! до церкви дойду — одышка мучаетъ. Мнѣ седьмой десятокъ! Другое дѣло, кабы барыня маялась въ постели мѣсяца три, да причастили ее и особоровали бы масломъ, а Богъ, по моей грѣшной молитвѣ, поднялъ бы ее на ноги, таъ я бы хоть ползкомъ поползла. А то она и недѣли не хворала!

Отецъ Василій улыбнулся.

— Какъ же быть? сказалъ онъ.

— Я бы другое что обѣщала: нельзя ли переимѣнить?

— На что же другое?

Василиса задумалась.

— Я постъ на себя наложила бы: мяса всю жизнь въ ротъ не стану брать, таъ и умру.

— А ты любишь его?

— Нѣтъ, и смотрѣть-то тошно! отвыкла отъ него...

Отецъ Василій опять улыбнулся.

— Какъ же таъ, сказалъ онъ: — вѣдь надо замѣнить трудное одинаково труднымъ или труднѣйшимъ, а ты полегче выбрала!

Василиса вздохнула.

— Нѣтъ-ли чего-нибудь такого, чего бы тебѣ не хотѣлось исполнить — подумай!

Василиса подумала и сказала, что нѣтъ.

— Ну, таъ надо въ Кіевъ идти, рѣшилъ онъ.

— Еслибъ не мявоти, съ радостью бы пошла, вотъ передъ Богомъ!

Отецъ Василій задумался.

— Какъ бы облегчить тебя? думалъ онъ вслухъ. — Ты что любишь: какую пищу употребляешь?

— Чай, кофій — да похлебву съ грибами и картофелемъ...

— Кофе любишь?

— Охотница.

— Ну таъ — воздержись отъ кофе, не пей!

Она вздохнула. «Да, подумалось ей: и вправду тяжело: это почти все равно, что въ Кіевъ идти!»

— Чѣмъ же мнѣ питаться, батюшка? спросила она.

— Мясомъ.

Она взглянула на него, не смѣется ли онъ.

Онъ точно смѣялся, глядя на нее.

— Вѣдь ты не любишь его; ну, и принеси жертву.

— Какая же польза: оно своромное, батюшка.

— Ты въ скоромные дни и питайся имъ! А польза та, что мякотей меньше будетъ. Вотъ тебѣ полгода срокъ: выдержи — и обѣтъ исполнишь.

Она ушла очень озабоченная и съ другого дня послушно начала исполнять новое обѣщаніе, со вздохомъ отворачивая носъ отъ кипящаго кофейника, который носила по утрамъ барынь.

Еще съ Мариной что-то недоброе случилось. Она, еще до болѣзни барыни, ходила какой-то одичалой и задумчивой и валялась съ недѣлю на лежанкѣ, а потомъ слегла, объявивъ, что нездорова, встать не можетъ.

«Богъ караетъ!» вкрадываясь говорилъ Савелій, кутая ее въ теплое одѣяло.

Василиса доложила барынь. Татьяна Марковна велѣла позвать Меланхолиху, ту самую бабу-лекарку, къ которой отправляли дворовыхъ, и другихъ простыхъ людей, на вылечку.

Меланхолиха, по тщательномъ освидѣтельствованіи больной, шепотомъ объявила Василисѣ, что болѣзнь Марины превышаетъ ея познанія. Ее отправили въ клинику, въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ. Самъ Савелій отвезъ ее, и по возвращеніи, на вопросы обступившей его дворни, хотѣлъ что-то сказать, но только поглядѣлъ на всѣхъ, поднялъ выше обыкновеннаго кожу на лбу, сдѣлалъ складку въ палецъ толщиною, плюнулъ, повернулся спиной и шагнулъ за порогъ своей кѣтушки.

Недѣли черезъ полторы, Марейнька вернулась съ женихомъ и съ матерью изъ-за Волги, еще веселѣе, счастливѣе, и здоровѣе, нежели поѣхала. Оба успѣли пополнѣть. Оба привезли-было свой смѣхъ, живость, шумъ, бѣготню, веселые разговоры. Но едва пробыли часа два дома, какъ оробѣли и присмирѣли, не найдя ни въ комъ и ни въ чемъ отвѣта и сочувствія своимъ шумнымъ изліяніямъ. Отъ смѣха и веселаго говора раздавалось около нихъ печальное эхо, какъ въ пустомъ домѣ.

На всемъ лежалъ какой-то туманъ. Даже птицы отвыкли летать къ крыльцу, на которомъ кормила ихъ Марейнька. Ласточки, скворцы и всѣ лѣтніе обитатели роцци улетѣли, и журавлей не видно надъ Волгой. Котята всѣ куда-то разбѣжались.

Цвѣты завяли, садовникъ выбросилъ ихъ, и передъ домомъ, вмѣсто цвѣтника, лежали черные круги взрытой земли, съ каймой блѣднаго дерна, да полосы пустыхъ грядъ. Нѣсколько деревьевъ завернуты были въ рогожу. Роща обнажалась все больше и больше отъ листьевъ. Сама Волга какъ-то почернѣла, готовясь замерзнуть.

Но это природа: это само по себѣ не дѣлаетъ, а только уси-

ливаешь скуку людямъ. А вотъ—что съ людьми случилось, со всѣмъ домомъ? спрашивала Марейнька, глядя въ недоумѣннн вокругъ.

Гнѣздышко Марейньки, ея комнаты наверху, потеряли свою веселость. Въ немъ поселилось съ Вѣрой грустное молчаніе.

У Марейньки на глазахъ были слезы. Отъ чего все измѣнилось? отъ чего Вѣрочка перешла изъ стараго дома? Гдѣ Титъ Нивонычъ? Отъ чего бабушка не бранить ея, Марейньку: не сказала даже ни слова, за то, что, вмѣсто недѣли, она пробыла въ гостяхъ двѣ? Не любить больше? Отчего Вѣрочка не ходитъ по прежнему одна по полямъ и роцѣ? Отъ чего всѣ такіе случные, не говорятъ другъ съ другомъ, не дразнятъ ея женихомъ, какъ дразнили до отъѣзда? О чемъ молчатъ бабушка и Вѣра? Что сдѣлалось со всѣмъ домомъ?

Марейньку кое-какъ успокоили отвѣтами на нѣкоторые вопросы. Другіе обошли молчаніемъ.

— Вѣра перешла отъ того, — сказали ей, что печи въ старомъ домѣ, въ ея комнатахъ, стали плохи, не держатъ тепла.

— Титъ Нивонычъ уѣхалъ унимать беспорядки въ деревнѣ.

— Вѣра не ходитъ гулять, потому что простудилась и пролежала три дня въ постели, почти въ горячкѣ.

Марейнька, услышавъ слово «горячка», испугалась заднимъ числомъ и заплакала.

На вопросъ, «о чемъ бабушка съ Вѣрой молчатъ и отчего первая ея ни разу не побранила, что значило—не любить», Татьяна Марковна взяла ея за обѣ щеки и задумчиво, со вздохомъ, поцѣловала въ лобъ. Это только больше опечалило Марейньку.

— Мы верхомъ ѣздили, Николай Андреичъ дамское сѣдло выписалъ. Я одна каталась въ лодкѣ, сама гребла, въ роцу съ бабами ходила! затрогивала Марейнька бабушку, въ надеждѣ, не побранить ли она хоть за это.

Татьяна Марковна, будто съ укоромъ, повачала головой, но Марейнька видѣла, что это притворно, что она думаетъ о другомъ, или уйдетъ и сядетъ подлѣ Вѣры.

Марейнька печалилась и ревновала ея къ сестрѣ, но сказать боялась и потихоньку плакала. Едва ли это была не первая серьезная печаль Марейньки, такъ что и она безсознательно приняла общій серьезно-туманный тонъ, какой лежалъ надъ Малиновкой и ея жителями.

Она молча сидѣла съ Вивентьевымъ: шептать имъ было не о чемъ. Они и прежде бесѣдовали о своихъ секретяхъ во всеуслышаніе. И рѣдко, рѣдко удавалось Райскому вызвать ея на свободный лепетъ, или ужъ Вивентьевъ такъ разсмѣшитъ, что терпѣнья никакого не станетъ, и она прорвется нечаянно смѣхомъ,

а потомъ сама испугается, оглянется вокругъ, замолчить и погрозить ему.

Викентьеву, это молчаніе, сдержанность, печальный тонъ, были не по натурѣ. Онъ сталъ подговаривать мать попросить у Татьяны Марковны позволенія увести невѣсту и уѣхать опять въ Колчино до свадьбы, до конца октября. Къ удовольствію его, согласіе послѣдовало легко и скоро, и молодая чета, какъ пара ласточекъ, съ веселымъ крикомъ улетѣла отъ осени къ теплу, свѣту, смѣху, въ свое будущее гнѣздо.

Бабушка однако замѣтила печаль Марейники и — сколько могла, отвлекла ея вниманіе отъ всякихъ догадокъ и соображеній, успокоила, обласкала и отпустила веселой и беззаботной, обѣщавши пріѣхать за ней сама, «если она будетъ вести себя тамъ умно.»

Райскій съѣздивъ за Титомъ Никоничемъ и привезъ его чуть живого. Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, еле двигался, и только, увидѣвъ Татьяну Марковну, всю ея обстановку, и себя самого среди этой картины, за столомъ, съ заткнутой за галстухъ салфеткой, или у окна на табуретѣ, подлѣ ея кресель, съ налитой ею чашкой чаю — мало-по-малу пришелъ въ себя и сталъ радоваться, какъ ребенокъ, у котораго отняли и вдругъ опять отдали игрушки. Онъ, отъ радости, вдругъ засмѣется и закроется салфеткой, потретъ руки одна о другую съ жаромъ, или встанетъ, и ни съ того, ни съ сего, поклонится всѣмъ присутствующимъ и отчаянно шаркнетъ ножкой. А когда всѣ засмѣются надъ нимъ, онъ засмѣется пуще всѣхъ, сниметъ парикъ и погладитъ себѣ съ изступленіемъ лысину, потреплетъ, вмѣсто Пашутки, Василису по щечкѣ. Словомъ, онъ немного одурѣлъ и пришелъ въ себя на третій день — и тогда уже сталъ задумчивъ, какъ другіе.

Кругъ семьи въ Малиновѣ увеличился однимъ членомъ. Райскій однажды вдругъ явился съ Козловымъ къ обѣду. Сердечнѣе, радушиѣ встрѣчи нельзя нигдѣ и никому оказать, какая оказана была оставленному своей Дидоной супругу.

Татьяна Марковна, съ женскимъ тактомъ, не дала ему замѣтить, что знаетъ его горе. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ встрѣчаютъ гостя натянутымъ молчаніемъ, а она встрѣтила его шуткой, и этому тону ея послѣдовали всѣ.

— Что это ты (она давно говорила ему это драгоценное ты), Леонтій Ивановичъ, забылъ насъ совсѣмъ? Борюшка говорить, что я не умѣю угостить тебя, что кухня моя тебѣ не нравится: ты говорилъ ему?

— Какъ не нравится: когда я говорилъ тебѣ? обратился онъ строго къ Райскому.

Всѣ засмѣялись.

— Да вы нарочно! улыбнувшись нѣхота, сказалъ Леонтій.

Онъ ужъ успѣлъ настолько справиться съ своимъ горемъ, что сталъ сознавать необходимость сдерживаться при людяхъ и прикрывать свою невзгоду условнымъ приличіемъ.

— Да, не былъ я у васъ давно: у меня жена... уѣхала въ Москву... повидаться съ родными, тихо сказалъ онъ, глядя внизъ: такъ я и не могъ...

— Вотъ ты бы у насъ пожилъ, замѣтила Татьяна Марковна: одному скучно дома...

— Я жду ее... боюсь, чтобъ безъ меня не пріѣхала...

— Тебѣ дадутъ знать: вѣдь мимо насъ ей ѣхать: мы сейчасъ остановимъ, какъ только вѣдетъ въ слободу. Изъ оконъ стараго дома видно, когда ѣдутъ по дорогѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Да, оттуда видна московская дорога, съ оживленіемъ, поднявъ на Татьяну Марковну глаза, сказалъ Козловъ и почти обрадовался.

— Право, переѣзжай въ намъ...

— Да, я бы, пожалуй...

— Я просто не пушчу тебя сегодня, Леонтій, сказалъ Райскій: — Мнѣ скучно одному: я перейду въ старый домъ съ тобой вмѣстѣ, а потомъ, послѣ свадьбы Марѣиньки, уѣду. Ты при бабушкѣ и при Вѣрѣ будешь первымъ министромъ, другомъ и тѣлохранителемъ.

Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Да, поворно благодарю: лишь бы только не обезпозонить чѣмъ...

— Какъ тебѣ не стыдно... начала бабушка.

— Извините, Татьяна Марковна!

— Кушай лучше, чѣмъ пустое говорить: вонъ у тебя стынетъ супъ...

— А вѣдь мнѣ ѣсть хочется, вдругъ сказалъ онъ, принимаясь за ложку и засмѣялся: — я что-то давно не ѣлъ.

Онъ задумчиво глядя куда-то, должно быть на московскую дорогу, съѣлъ машинально супъ, потомъ положенный ему на другую тарелку пирогъ, потомъ мясо, и молча окончилъ весь обѣдъ.

— У васъ покойно, хорошо! говорилъ онъ послѣ обѣда, глядя въ окно. — И зелень еще есть, и воздухъ чистый... Послушай, Борисъ Павловичъ, я бы бібліотеку опять перевезъ сюда...

— Хорошо, хорошо, хоть завтра, вѣдь она твоя: дѣлай съ ней, что хочешь...

— Нѣтъ, нѣтъ: чтó мнѣ въ ней теперь? Я перевезу и буду смотрѣть за ней, а то этотъ Маркъ опять...

Райскій крикнулъ на всю комнату. Вѣра не подняла головы отъ шитья, Татьяна Марковна стала смотрѣть въ окно.

Райскій увелъ Козлова въ старый домъ, посмотрѣть его комнату, куда бабушка велѣла поставить ему кровать, и на ночь вытопить печь и тотчасъ же вставить рамы.

Козловъ совался къ окнамъ, отыскивая то самое, изъ котораго видна московская дорога.

ХП.

Въ одинъ изъ туманныхъ, осеннихъ дней, когда Вѣра, послѣ завтрака, сидѣла въ своей комнатѣ, за работой, прилежно собирая иглой складки кисейной шемизетки, Яковъ подаль ей еще письмо на синей бумагѣ, принесенное «парнишкой», и сказалъ, что привязано ждать отвѣта.

Вѣра, взглянувъ на письмо, оцѣпенѣла, какъ будто отъ изумленія, и съ минуту не брала его изъ рукъ Якова, потомъ взяла и положила на столъ, сказавъ коротко: хорошо, поди!

Когда Яковъ вышелъ, она задумчиво подышала въ наперстокъ и хотѣла продолжать работу, но руки у ней вдругъ упали, вмѣстѣ съ работой, на колѣни.

Она оперлась локтями на столъ и закрыла руками лицо.— «Какая вазнь! Кончится ли это истязаніе?» шептала она въ отчаяннѣи. Потомъ встала, вынула изъ комода прежнее, нераспечатанное, такое же письмо и положила рядомъ съ этимъ, и сѣла опять въ своей позѣ, закрывая руками лицо.

«Что дѣлать? Какого отвѣта можетъ онъ ждать, когда мы разошлись навсегда? — Ужели вызываетъ?... Нѣтъ, не смѣть!... А если вызываетъ?..»

Она вздрогнула.

Она заглянула сама себѣ въ душу и тамъ подслушивала, какой могла бы дать отвѣтъ на его надежду, и опять вздрогнула. «Нельзя сказать этого отвѣта, думала она: если онъ самъ не угадалъ его—отъ меня никогда не узнаеть!»

Она глядѣла на этотъ синій паветъ, съ знакомымъ почеркомъ, не торопясь сорвать печать— не отъ страха оглядки, не отъ ужаса зубовъ «тигра». Она какъ будто со стороны смотрѣла, какъ ползетъ теперь мимо ея этотъ «удавъ», по выраженію Райскаго, еще недавно душившій ее страшными кольцами, и

сверканье чешуи не ослѣпляетъ ее больше. Она отворачивается, вздрагивая отъ другого, не прежняго чувства.

Ей душно отъ этого письма, вдругъ перенесшаго ее на другую сторону бездны, когда она уже оторвалась навсегда, ослабѣвшая, измученная борьбой, — и сожгла за собой мостъ. Она не понимаетъ, какъ могъ онъ написать? Какъ онъ самъ не бѣжалъ давно?

Знай онъ, какой переворотъ совершился на верху обрыва, онъ бы, конечно, не написалъ. Надо его увѣдомить: посланный ждетъ... Ужели читать письма?... Да, надо!..

Она сорвала печать съ обоихъ разомъ и стала читать первое, писанное давно:

«Ужели мы въ самомъ дѣлѣ не увидимся, Вѣра? Это невѣроятно. Нѣсколько дней тому назадъ, въ этомъ былъ бы смыслъ, а *теперь* это бесполезная жертва, тяжелая для обоихъ. Мы больше года упорно бились, добиваясь счастья, — и когда оно настало, ты бѣжишь первая, а сама твердила о безсрочной любви. Логично ли это?»

«Логично ли?» повторила она шепотомъ и остановилась. Потомъ будто перемогла себя и читала дальше.

«Мнѣ разрѣшено уѣхать, но я не могу *теперь* оставить тебя, это было бы нечестно... Можно подумать, что я торжествую и что мнѣ уже легко уѣхать: я не хочу, чтобы ты такъ думала... Не могу оставить потому, что ты любишь меня»...

У ней рука съ письмомъ упала на колѣни: черезъ минуту она медленно читала дальше:

.....«и потому еще, что я самъ въ горячешномъ положеніи. Будемъ счастливы, Вѣра! Убѣдись, что вся наша борьба, всѣ наши нескончаемые споры были только маской страсти. Маска слетѣла — и намъ спорить больше не о чемъ. Вопросъ рѣшенъ. Мы въ сущности согласны давно. Ты хочешь безконечной любви: многіе хотѣли бы того же, но этого не бываетъ»...

Она на минуту остановилась. «Онъ разумѣетъ безконечную горячку!» подумала она и съ жалостью улыбулась. Потомъ читала дальше.

«Моя ошибка была та, что я предсказывалъ тебѣ эту истину: жизнь привела бы къ ней насъ сама. Я отнынѣ не трогаю твоихъ убѣждений: не они нужны намъ, — на очереди страсть. У нея свои законы: она смѣется надъ твоими убѣждениями, — посмѣется со временемъ и надъ безконечной любовью. Она же теперь пересиливаетъ и меня, мои планы... Я покоряюсь ей, покорись и ты. Можетъ быть, вдвоемъ, дѣйствуя за одно, мы от-

дѣлаемся отъ нея дешево и уйдемъ по добру и по здорову, а въ одиночку тяжело и северно.»

«Убѣжденій мы не въ силахъ измѣнить, какъ не въ силахъ измѣнить натуру, а притворяться не сможемъ оба: это не логично и не честно. Надо высказаться и согласиться во всемъ: мы сдѣлали это и не пришли къ соглашенію; слѣдовательно остается молчать и быть счастливыми помимо убѣжденій: страсть не требуетъ ихъ. Будемъ молчать и будемъ счастливы. Надѣюсь, ты съ этой логикой согласишься.»

Что-то похожее на улыбку опять показалось у ней на губахъ.

«Уѣхать тебѣ со мной, вѣроятно, не дадутъ, да и нельзя! Безумная страсть одна могла бы увлечь тебя въ это, но я на это не рассчитываю: ты не безголовая самка, а я не мальчишка. Или, для того, чтобы рѣшиться уѣхать, нужно, чтобы у тебя были другія, одинакія со мной убѣжденія, и слѣдовательно другая будущность въ виду, нежели какую ты и близкіе твои желаютъ тебѣ, т. е. такая же, какъ у меня: неопредѣленная, неизвѣстная, безъ угла, или безъ «гнѣзда», безъ очага, безъ имущества.—Соглашаюсь, что отъѣздъ невозможенъ. Слѣдовательно, мнѣ надо принести жертву, т. е. мнѣ хочется теперь принести ее, и я приношу: если ты надѣнешься на успѣхъ у бабушки — обвѣнчаемся, и я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока... словомъ на безсрочное время. Я сдѣлалъ все, Вѣра, и исполню, что говорю. Теперь дѣлай ты. Помни, что если мы разоидемся теперь, это будетъ походить на глупую комедію, гдѣ невыгодная роль достанется тебѣ,—и надъ нею первый посмѣется Райскій, если узнаетъ.»

«Видишь, я предупреждаю тебя во всемъ, какъ предупредилъ и тогда...»

Она сдѣлала движеніе рукой, будто нетерпѣнія, почти отчаянія, и небрежно дочитала послѣднія строки.

«Жду отвѣта на имя моей хозяйки, Секлетей Бурдалаховой».

Вѣра казалась утомленной чтеніемъ письма. Она равнодушно отложила его и принялась за другое, которое только-что принесъ ей Яковъ.

Оно было написано торопливою рукой, карандашомъ.

«Я каждый день бродилъ внизу обрыва, ожидая тебя по первому письму. Сію минуту случайно узналъ, что въ домѣ нездорово, тебя нигдѣ не видать. Вѣра, приди, или, если больна, напиши скорѣе два слова. Я способенъ придти въ старый домъ...»

Вѣра остановилась въ страхъ, потомъ торопливо дочитала конецъ:

«Если сегодня не получу отвѣта — сказано было дальше —

завтра въ пять часовъ буду въ бесѣдѣ... Мнѣ надо скорѣе рѣшиться: ѣхать или оставаться. Приди сказать хоть слово, проститься, если... Нѣтъ, не вѣрю, чтобы мы разошлись теперь. Во всякомъ случаѣ жду тебя, или отвѣта. Если больна, я проберусь самъ...»

«Боже мой! Онъ еще тамъ, въ бесѣдѣ!.. грозитъ придти... Посланный ждетъ... Еще все таетъ... не ушло... не умерло все»...

Она быстро откинула доску шифоньерки, вынула нѣсколько листовъ бумаги, взяла перо, обмакнула, хотѣла написать и не могла. У ней дрожали руки.

Она положила перо, склонила опять голову въ ладони, закрыла глаза, собираясь съ мыслями. Но мысли не вязались, путались, мѣшала тоска, бѣненіе сердца. Она прикладывала руку къ груди, какъ-будто хотѣла унять боль, опять бралась за перо, за бумагу, и черезъ минуту бросала.

«Не могу, силъ нѣтъ, задыхаюсь!» Она налила себѣ на руки одеколонъ, освѣжила лобъ, виски — поглядѣла опять, сначала въ одно письмо, потомъ въ другое, бросила ихъ на столъ, твердя: «не могу, не знаю, съ чего начать, что писать? Я не помню, какъ я писала ему, что говорила прежде, какимъ тономъ.... Все забыла!...

«Какого отвѣта ждетъ посланный? У меня одинъ отвѣтъ: не могу, силъ нѣтъ, ничего нѣтъ во мнѣ!...» Она спустилась внизъ, скользнула по корридорамъ, отыскала Якова и велѣла сказать мальчику, чтобы шелъ; что отвѣтъ будетъ послѣ.

«А когда послѣ?» спрашивала она себя, медленно возвращаясь наверхъ. «Найду ли я силы написать ему сегодня до вечера? И что напишу? Все то же: «не могу, ничего не хочу, не осталось въ сердцѣ ничего...» А завтра онъ будетъ ждать тамъ, въ бесѣдѣ. Обманутое ожиданіе раздражитъ его, онъ повторитъ вызовъ выстрѣлами, наконецъ столкнется съ людьми, съ бабушкой!... Пойти самой, сказать ему, что онъ поступаетъ «не честно и не логично».... Про великодушіе нечего ему говорить: волки не знаютъ его!...»

Все это несло у ней въ головѣ, и она, то хваталась опять за перо и бросала, то думала пойти сама, отыскать его, сказать ему все это, отвернуться и уйти — и она бралась за мантилью, за вѣсьну, какъ бывало, когда торопилась въ обрыву. И теперь, какъ тогда, руки напрасно искали мантилью, вѣсьну. Все выпадало изъ рукъ и она, обезсиленная, садилась на диванъ и не знала что дѣлать.

Бабушкѣ сказать? Бабушка сдѣлаетъ, что нужно, но она огорчится письмами: Вѣрѣ хотѣлось бы избѣгнуть этого.

Сказать брату Борису и ему поручить положить конецъ надеждамъ Марка и покушеніямъ на свиданіе. Райскій — ея естественный, ближайшій другъ и защитникъ. Но прошла ли страсть въ немъ самомъ, или «ощущеніе», игра страсти, «отраженіе ея въ воображеніи», что бы ни было? «И если прошло, рассуждала Вѣра, можетъ быть, основательно: то не потому ли, что прошла борьба, соперничество, все утихло вокругъ? Если появленіе героя страсти разбудить въ Райскомъ затихнувшую досаду, напомнить оскорбленія, — онъ не выдержитъ роли безкорыстнаго посредника, увлечется пылкостью и станетъ въ другую, опасную роль.»

Тушинъ! Да, этотъ выдержать, не сдѣлаетъ ошибки и навѣрное достигнетъ цѣли. Но ставитъ Тушина лицомъ къ лицу съ соперникомъ, свести его съ человекомъ, который изподтишка и мимоходомъ разгромилъ его надежды на счастье! Она представила себѣ, что долженъ еще перенести этотъ, обожающій ее другъ, при свиданіи съ героемъ волчьей ямы, творцомъ ея паденія, разрушителемъ ея будущности! Какой силой воли и самообладанія надо обязать его, чтобы встрѣча ихъ на днѣ обрыва не была встрѣчей волка съ медвѣдемъ? Она потрясла отрицательно головой, рѣшивъ, однако же, не скрывать объ этихъ письмахъ отъ Тушина, но устранить его отъ всякаго участія въ развязкѣ ея драмы, какъ изъ пощады его сердца, такъ и потому, что, прося содѣйствія Тушина, она какъ-будто жаловалась на Марка. «А она ни въ чемъ его не обвиняетъ... Боже сохрани!»

И вотъ ей не къ кому обратиться. Она на груди этихъ трехъ людей нашла защиту отъ своего отчаянія, продолжаетъ находить мало-по-малу потерянную увѣренность въ себѣ, чувствуетъ возвращающійся въ душу миръ. Еще нѣсколько недѣль, мѣсяцовой покоя, забвенія, дружеской ласки — и она встала бы мало-помалу на ноги и начала бы жить новой жизнью. А между тѣмъ она медлитъ протянуть къ нимъ довѣрчиво руки — не изъ гордости уже, а изъ пощады, изъ любви къ нимъ.

Но и ждать долѣе тоже невозможно. Завтра принесутъ опять письмо, она опять не отвѣтитъ: онъ явится самъ.... О, Боже сохрани! Если уже зло неизбежно, думала она, то изъ двухъ золь меньшее будетъ — отдать письма бабушкѣ, предоставить ей сдѣлать, что нужно сдѣлать. Бабушка тоже не ошибется: онѣ теперь понимаютъ другъ друга.

Потомъ, подумавши, она написала записку и Тушину. Тѣ же листки бумаги, то же перо, за полчаса отказывавшіяся слу-

жить ей — послушно служили теперь. Пальцы быстро написали двѣ строчки:

«Пріѣзжайтѣ, если можно, завтра утромъ. Я давно не видала васъ — и хочу видѣть. Мнѣ скучно!»

Она отослала записку съ Прохоромъ, чтобы онъ отвезъ ее на пристань и отдалъ на перевозѣ, для отправленія въ «Дымокъ», съ людьми Тушина, которые каждый день ѣздили въ городъ.

Прежде Вѣра прятала свои тайны, уходила въ себя, царствуя безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чуждаясь общества, чувствуя себя сильнѣе всѣхъ окружающихъ. Теперь стало наоборотъ. Одиночность силъ, при первомъ тяжеломъ опытѣ, оказалась несостоятельною. Она поплатилась своей гордостью и вдругъ почувствовала себя, въ минуту бури, безильною, а когда буря ушла — жалкой, безпомощной сиротой, и протянула, какъ младенецъ, руки къ людямъ. Прежде она дарила довѣріе, какъ-будто изъ милости, только своей наперсницѣ и подругѣ, женѣ священника: это былъ ея капризъ, она роняла крупицы. Теперь она шла искать помощи, съ поникшею головою, съ обузданной гордостью, почуя рядомъ силу, сильнѣе своей, и мудрость мудрѣе своей самолюбивой воли.

Вѣра сообщала бывало, своей подругѣ мелочной календарь всенедневной своей жизни: событій, ощущеній, впечатлѣній, даже чувствъ, довѣрила и о своихъ отношеніяхъ къ Марку, но скрывала отъ нея катастрофу, сказавъ только, что все кончено, что они разошлись навсегда — и только. Жена священника не знала исторіи обрыва до конца и приписала болѣзнь Вѣры отчаянію разлуки.

Она любила Марейнку, также, какъ Наталью Ивановну, но любила обѣихъ, какъ дѣтей, иногда, пожалуй, какъ собесѣдницъ. Въ тихую пору жизни, она опять позоветъ Наталью Ивановну и будетъ передавать ей всенедвенныя событія по мелочамъ, въ подробностяхъ, — опять та будетъ шепотомъ поддакивать ей, разбавлять ея одинокія ощущенія. Но въ рѣшительныя и роковыя минуты, Вѣра пойдетъ къ бабушкѣ, пошлетъ за Тушинымъ, постучится въ комнату брата Бориса.

И теперь она постучалась ко всѣмъ троицъ:

XIII.

Она положила оба письма въ карманъ, тихо, задумчиво пошла къ Татьянѣ Марковнѣ и сѣла подлѣ нея.

Бабушка только-что осмотрѣла свадебную постель и смѣрила съ швеею, сколько пойдетъ кисей, кружевъ на подушки, и усѣлась въ свои кресла.

Она бѣгло взглянула на Вѣру, потомъ опять вдругъ взглянула и остановила на ней безпокойный взглядъ.

— Что случилось, Вѣра: ты разстроена?

— Не разстроена, а устала. Я получила письма оттуда, отъ.....

— Оттуда? повторила бабушка, мѣняясь въ лицѣ.

— Одно давно: я не распечатывала до сихъ поръ, а другое сегодня. Вотъ они: прочти, бабушка.

Она положила оба письма на столъ.

— Зачѣмъ мнѣ читать, Вѣрочка? говорила Татьяна Марковна, едва преодолевая себя и стараясь не глядѣть на письма. Вѣра молчала. Бабушка замѣтила у ней выраженіе тоски.

— Развѣ тебѣ нужно, чтобъ я знала, что тамъ?....

— Нужно, бабушка, прочти.

Бабушка надѣла очки и стала-было читать.

— Не разберу, душенька, сказала она съ тоской, отодвинувъ письмо.— Ты скажи лучше коротко, зачѣмъ мнѣ нужно знать.....

— Не могу рассказать: силъ нѣтъ, духъ захватываетъ.... Я лучше прочту.

Она, шепотомъ, скрадывая нѣкоторыя слова и выраженія, прочла письма, и скомкавъ оба, спрятала въ карманъ. Татьяна Марковна выпрямилась въ креслѣ и опять сгорбилась, подавляя страданіе. Потомъ пристально посмотрѣла въ глаза Вѣрѣ.

— Что же ты, Вѣрочка, думаешь? спросила она нетвердымъ голосомъ.

— Ты спрашиваешь, что я думаю? сказала Вѣра съ упрекомъ: тоже, что ты, бабушка!

— Это я знаю. Но онъ предлагаетъ.... вѣнчаться, хочеть остаться здѣсь. Можетъ быть..... если будетъ человѣкомъ, какъ всѣ.... если любить тебя.... говорила Татьяна Марковна боязливо: — если ты.... надѣнешся на счастье.....

— Да: онъ называетъ вѣнчанье комедіей и предлагаетъ вѣнчаться! Онъ думаетъ, что мнѣ только этого не доставало для

счастья... Бабушка! вѣдь ты понимаешь, что со мной — зачѣмъ же спрашиваешь?

— Ты пришла ко мнѣ спросить, на что тебѣ рѣшиться....

Бабушка говорила робко, потому что все еще не знала, для чего прочла ей письма Вѣры. Она была взволнована дерзостью Марка и дрожала въ безпокойствѣ за Вѣру, боясь опаснаго поворота страсти, но скрывала свое волненіе и безпокойство.

— Я не зачѣмъ пришла къ тебѣ, бабушка, сказала Вѣра. — Развѣ ты не знаешь, что тутъ все рѣшено давно? Я ничего не хочу, я едва хожу — и если дышу свободно и надѣюсь ожить, таеъ это при одномъ условіи — чтобъ мнѣ ничего не знать, не слышать, забыть навсегда... А онъ напомнилъ! зоветь туда, манить счастьемъ, хочеть вѣнчаться.... Боже мой!...—Она съ отчаяніемъ пожала плечами.

У Татьяны Марковны отходило безпокойство отъ сердца. Она пошевелилась свободно въ креслѣ, поправила складку у себя на платьѣ, смахнула рукой какія-то крошки со стола. Словомъ — отошла, оѣла, задвигалась, какъ внезапно оцѣпенѣвшій отъ испуга и тотчасъ опять очнувшійся человѣкъ.

— Бабушка! заключила Вѣра, собравшись опять съ силами: — Я ничего не хочу! Пойми одно: еслибъ онъ какимъ-нибудь чудомъ переродился теперь, сталъ тѣмъ, чѣмъ я хотѣла прежде, чтобъ онъ былъ, — еслибъ сталъ вѣрить во все, во что я вѣрю, — полюбилъ бы меня, какъ я... хотѣла любить его — и тогда я не обернулась бы на его зовъ....

Она замолчала. Бабушка слушала, притаивъ дыханіе, какъ пѣніе райской птицы.

— Я бы не была съ нимъ счастлива: — я не забыла бы прежняго человѣка никогда и никогда не вѣрила бы новому человѣку. Я слишкомъ тяжело страдала, шептала она, кладя щеку свою на руку бабушки: — но ты видѣла меня, поняла и спасла... ты — моя мать!.... Зачѣмъ же спрашиваешь и сомнѣваешься? Какая страсть устоитъ передъ этими страданіями? Развѣ возможно повторять такую ошибку!.... Во мнѣ ничего больше нѣтъ.... Пустота — холодъ и еслибъ не ты — то отчаяніе....

У Вѣры закапали слезы. Она прижалась головой къ плечу бабушки.

— Не поминай этого и не тревожь себя напрасно, говорила бабушка, едва сдерживаясь сама и отирая ей слезы рукой: — вѣдь мы положили никогда не говорить объ этомъ....

— Я и не говорила бы, еслибъ не письма: — мнѣ нуженъ покой... Бабушка! увези, спрячь меня... или я умру! Я устала...

силы нѣтъ.... дай отдохнуть.... А онъ зоветъ туда.... хочетъ придти самъ....

Она заплакала сильнѣе.

Бабушка тихо встала, посадила ее на свое мѣсто, а сама выпрямилась во весь ростъ.

— А! если такъ, если онъ еще, заговорила она съ дрожью въ голосъ,—достаетъ тебя, мучаетъ,—онъ рассчитается со мной за эти слезы!... Бабушка укроетъ, защититъ тебя,—успокойся, дитя мое: ты не услышишь о немъ больше ничего....

Бабушка дрожала, говоря это.

— Что ты хочешь дѣлать? съ удивленіемъ спросила Вѣра, вдругъ вставая и подходя къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Онъ зоветъ тебя: я сойду къ нему съ обрыва, вмѣсто тебя, на любовное свиданіе—и потомъ посмотримъ, напишетъ ли онъ тебѣ еще, придетъ ли сюда, позоветъ ли?...

Бабушка ходила по кабинету, сама не своя отъ гнѣва.

— Въ которомъ часу онъ завтра придетъ въ бесѣдку: вѣжется въ пять? спросила она отрывисто.

Вѣра все глядѣла на нее съ изумленіемъ.

— Бабушка! ты не поняла меня, сказала она кротко, взявъ ее за руки:—успокойся,—я не жалуюсь тебѣ на него. Никогда не забывай, что я одна виновата—во всемъ.... Онъ не знаетъ, что произошло со мной, и отъ того пишетъ. Ему надо только дать знать, объяснить, какъ я больна, упала духомъ,—а ты собираешься, вѣжется, воевать! Я не того хочу. Я хотѣла написать ему сама, и не могла,—видѣться не достаетъ силъ, еслибъ я и хотѣла....

Татьяна Марковна присмирѣла и задумалась.

— Я хотѣла просить Ивана Иваныча, продолжала Вѣра: но ты знаешь сама, какъ онъ любитъ меня, какія надежды были у него... Сводить его съ человѣкомъ, который все это уничтожилъ—нельзя!

— Нельзя! подтвердила Татьяна Марковна, тряся головой.—Зачѣмъ его трогать? Богъ знаетъ, что между ними случится.... Нельзя! У тебя есть близкій человѣкъ, онъ знаетъ все, онъ любитъ тебя, какъ сестру: Борюшка....

Вѣра молчала. «Да, еслибъ какъ сестру только!» думала она и не хотѣла открывать бабушкѣ о страсти Райскаго въ ней: это былъ не ея секретъ.

— Хочешь, я поговорю съ нимъ....

— Погоди, бабушка: я сама скажу ему, отвѣчала Вѣра, опасаясь вмѣшиваться брата. Она надѣялась на его сердце, до-

вѣряла его уму, чувствамъ, но не довѣряла его неуловимо - капризной фантазіи и способности увлекаться.

— Я какъ-нибудь, черезъ брата, или соберусь съ силами и сама отвѣчу на эти письма, дамъ понять, въ какомъ я положеніи, отниму всякія надежды на свиданіе. А теперь мнѣ нужно пока дать ему знать только, чтобъ онъ не ходилъ въ бесѣдку и не ждалъ напрасно....

— Это я сдѣлаю! вдругъ сказала бабушка.

— Но ты не пойдешь сама, не увидишься съ нимъ? говорила Вѣра, пытливо глядя въ глаза бабушкѣ.— Помни, я не жажду на него, не хочу ему зла....

— И я не хочу! шептала бабушка, глядя въ сторону.— Успокойся, я не пойду сама: я сдѣлаю только, что онъ не будетъ ждать въ бесѣдкѣ...

— Прости меня, бабушка, еще за это новое огорченіе!
Татьяна Марковна вздохнула и поцѣловала ее.

XIV.

Вѣра пошла полууспокоенная, стараясь угадать, какую мѣру могла бы принять бабушка, чтобъ помѣшать Марку ждать ее завтра въ бесѣдкѣ. Она опасалась, чтобы Татьяна Марковна, не знающая ничего о страсти Райскаго, не поручила ему пойти, не предупредивъ ее о томъ, а онъ, не приготовленный, могъ поступить, какъ внушало ему его, еще не вполне угасшее корыстное чувство и фантазія.

Вѣра, узнавъ, что Райскій не выходилъ со двора, пошла къ нему въ старый домъ, куда онъ перешелъ съ тѣхъ поръ, какъ Козловъ поселился у нихъ, съ тѣмъ, чтобы сказать ему о новыхъ письмахъ, узнать, какъ онъ приметъ это, и смотря по этому, дать ему понять, какова должна быть его роль, если бабушка возложитъ на него видѣться съ Маркомъ.

Она шла, какъ тѣнь, по амфиладѣ стараго дома, минуя свои бывшія комнаты, по потусяившему отъ времени паркету, мимо завѣшанныхъ зеркалъ, закутанныхъ тумбъ съ старыми часами, старой тяжелой мебели, и вступила въ маленькія, уютныя комнаты, выходившія окнами на слободу и на поле. Она неслышно отворила дверь въ комнату, гдѣ поселился Райскій, и остановилась на порогѣ.

Райскій сидѣлъ за столомъ, зарывшись въ свой артистическій портфель, разбирая эскизы разныхъ мѣстностей, акварельные портреты, набросанные очерки неисполненныхъ картинъ,

миниатюрныя копии съ извѣстныхъ произведеній, и между прочимъ отбирая, кучей втиснутые въ портфель, черновые листы литературныхъ воспоминаній, замѣтокъ, очерковъ, начатыхъ и брошенныхъ стиховъ и повѣстей.

Отобравъ тщательно всю кучу накопившагося матеріала для романа, онъ сильно призадумался. Взглядъ у него потускъ; разбирая листы за листами, онъ, то покачивалъ головой и вздыхалъ тяжело, то зѣвалъ до слезъ.

«Вотъ этакъ же, лѣтъ шесть назадъ,—печально размышлялъ онъ,—затѣялъ я писать большую, сложную картину для выставки... А оказалось, что въ нее надо положить цѣлые годы... И теперь, такую же обузу беру на себя: романъ писать!! Однихъ матеріаловъ съ пудъ наберется... Сколько соображеній, замѣтокъ, справокъ!...»

«Дѣло ли я затѣялъ, романъ! Куча характеровъ, положеній, сценъ! А вся сила, весь интересъ, и твой собственный романъ — въ Вѣрѣ: одну ее и пиши! Да, вотъ что!»

«Прочъ все лишнее, постороннее: напишу одну ее. Облегчу себя, а этотъ весь балластъ въ сторону. Чего, чего тутъ нѣтъ!»

Онъ началъ живо отбирать все постороннее Вѣрѣ и отобралъ листовъ десятокъ, гдѣ набросаны были характеристическія замѣтки о ней, сцены, разговоры съ нею, и съ любовью перечитывалъ ихъ.

Вдругъ онъ оставилъ листы — и поразился будто какою-то новою мыслью. «А отъ чего у меня до сихъ поръ нѣтъ ея портрета кистью?» вдругъ спросилъ онъ себя, тогда какъ онъ, съ первой же встрѣчи съ Марейнъвой, передалъ полотну ея черты, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, и черты эти вышли говорящи, «въ портретѣ есть правда, жизнь, вѣрность во всемъ... кромѣ плеча и рукъ», думалъ онъ. А портрета Вѣры нѣтъ: уже ли онъ уѣдетъ безъ него?... Теперь ничто не мѣшаетъ: страсти у него нѣтъ, она его не убѣгаетъ... Имѣя портретъ, легче писать и романъ; передъ глазами будетъ она, какъ живая...

Онъ поднялъ глаза отъ портфеля.... Передъ нимъ стоитъ живая Вѣра! Онъ испугался.

— Это бабушкина «судьба» посылаетъ тебя ко мнѣ!.. сказалъ онъ.

У Вѣры, замѣтившей его испугъ, задрожалъ подбородокъ отъ улыбки. А онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Его опять охватила красота его сестры, — не прежняя, съ блескомъ, съ теплымъ колоритомъ жизни, съ бархатнымъ, гордымъ и горячимъ взглядомъ, съ мерцаніемъ «ночи», какъ онъ

назвалъ ее за эти неуловимыя искры, тогда еще таинственной, неразгаданной прелести.

Безсознательное блистанье молодости и красоты, разливающей яркіе и горячіе лучи вокругъ себя — исчезло.

Томная печаль, глубокая усталость смотрѣла теперь изъ ея глазъ. Горячіе, живые тоны въ лицѣ замѣнились прозрачной блѣдностью. Въ улыбкѣ не было гордости, нетерпѣливыхъ, едва сдерживаемыхъ молодыхъ силъ. Кротость и грусть тихо покоились на ея лицѣ, и вся стройная фигура ея была полна задумчивой, нѣжной граціи и унылаго повоая.

«Это—лилія! Гдѣ прежняя Вѣра? Которая лучше: та, или эта?» думалъ онъ, протягивая ей въ умиленіи руки.

Она подошла къ нему, не прежнимъ ползучимъ шагомъ, не съ волнующимся при походкѣ станомъ, а тихой, ровной поступью. Шаги издавали легкій, сухой стукъ.

— Я тебѣ помѣшала, сказала она.—Что ты дѣлаешь? Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой...

Онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Что ты такъ смотришь?...

— погоди, Вѣра! шепталъ онъ, не слыхавъ ея вопроса и не спуская съ нея широкаго, изумленнаго взгляда.—Сядь вотъ здѣсь,—такъ! говорилъ онъ, усаживая ее на маленькій диванъ. А самъ торопливо сунулся въ уголъ комнаты, порылся тамъ и досталъ рамку съ натянутымъ холстомъ, выдвинулъ мольбертъ и началъ шарить по угламъ, отыскивая ящикъ съ красками.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила она.

— Молчи, молчи, Вѣра: я давно не видалъ твоей красоты, какъ будто ослѣпъ на время! Сію минуту ты вошла, лучи ея ударили меня по нервамъ, художникъ проснулся! Не бойся этихъ восторговъ. Скорѣй, скорѣй, дай мнѣ этой красоты, пока не прошла минута... У меня нѣтъ твоего портрета...

— Что за мысль, Борисъ, теперь: какая красота! на что я стала похожа? Василиса говорить, что въ гробъ краше владуть... Оставь до другого раза...

— Ты ничего не понимаешь въ своей красотѣ: ты — *chef-d'oeuvre*. Нельзя откладывать до другого раза. Смотри: у меня волосы поднимаются, мурашки бѣгаютъ.... сейчасъ слезы брызнуть.... Садись, — пройдетъ, и все пропало!

— Я устала, братъ.... я не въ силахъ, едва хожу... И холодно мнѣ: у тебя здѣсь свѣжо...

— Я тебя прикрою, посажу въ повоюную позу, ты не гляди на меня, будь свободна, какъ будто бы меня не было тутъ!

Онъ положилъ ей за спину и подъ руки подушки, на плечи

и грудь навинулъ ей свой шотландскій пледъ и усадилъ ее съ книгой на диванъ.

— А голову держи какъ хочешь, сказалъ онъ:—какъ тебѣ удобнѣе, покойнѣе. Дѣлай, какія хочешь движенія! Гляди, куда хочешь, или не гляди вовсе — и забудь, что я тутъ.

Она покорилась равнодушно, усѣвшись въ усталой позѣ, и задумалась.

— А я хотѣла поговорить съ тобой, показать тебѣ.... письма, сказала она.

Онъ молчалъ, взглядываясь въ нее и чертя мѣломъ на полотнѣ.

Прошло минутъ десять.

— Я получила письма.... отъ Марка.... тихо повторила она.

Онъ молчитъ и чертитъ мѣломъ.

Прошло четверть часа. Онъ, схвативъ палитру, покрылъ ее красками и, взглядывая горячо на Вѣру, торопливо, какъ будто воруя, переносилъ черты ея лица на полотно.

Она повторила ему о письмахъ. Онъ молчитъ и глядитъ на нее, будто въ первый разъ ее видитъ.

— Братъ, ты не слушаешь?

— Да.... да.... слышу.... «письма отъ Марка....» Ну, что онъ, здоровъ, какъ поживаетъ?... скороговоркой сказалъ онъ.

Она съ удивленіемъ глядѣла на него. Она едва рѣшалась назвать Марка, думая, что дотронется до него этимъ именемъ, какъ каленымъ желѣзомъ,—а онъ о здоровьи его спрашиваетъ! Поглядѣвъ еще на него, она перестала удивляться. Еслибъ вмѣсто имени Марка, она назвала Карпа, Сидора — дѣйствіе было бы одно и тоже. Райскій машинально слушалъ и не слышалъ. Онъ слышалъ только звукъ ея голоса, — погруженный въ работу, видѣлъ только ее, не вникалъ въ ея слова и машинально повторялъ имя.

— Чтожъ ты ничего мнѣ не отвѣчаешь? спросила она.

— Послѣ, послѣ, Вѣра: ради Бога! Теперь не говори со мной — думай что-нибудь про себя. Меня здѣсь нѣтъ...

Вѣра пробовала опять заговорить, но онъ уже не слышалъ и только торопливо подмалевывалъ лицо.

Вскорѣ она погрузилась—не въ печаль, не въ безпокойство о письмахъ и о томъ, придетъ ли Маркъ, что сдѣлаетъ бабушка,— а въ какой-то хаосъ смутныхъ чувствъ, воспоминаній, напрасно стараюсь сосредоточить мысль на одномъ чувствѣ, на одномъ моментѣ.

Она буталась въ пледъ, чтобъ согрѣться, и взглядывала по временамъ на Райскаго, почти не замѣчая, что онъ дѣлаетъ, и

все задумывалась, задумывалась и, казалось, будто въ глазахъ ея отражалось теченіе всей ея, молодой, но уже глубоко-взволнованной, и еще не успокоенной жизни. Думы, скорбь, вопросы и отвѣты изъ жизни, жажда покоя, тайныя муки и робкое ожиданіе будущаго, — все мельзало во взглядѣ.

А Райскій молча, сосредоточенно, блѣдный отъ артистическаго раздраженія, работалъ надъ ея глазами, по временамъ взглядывая на Вѣру, или глядѣлъ мысленно въ воспоминаніе о первой встрѣчѣ своей съ нею и о тогдашнемъ страстномъ впечатлѣніи. Въ комнатѣ была могильная тишина.

Вдругъ онъ остановился, стараясь уловить и опредѣлить тайну ея задумчиваго, ни на что не смотрѣвшаго, но глубокаго, какъ бездна, говорящаго взгляда.

Онъ касался кистью зрачка на полотнѣ, думалъ поймать правду—и ловилъ правду чувства, а тамъ, въ живомъ взглядѣ Вѣры, свозить еще что-то, какая-то спящая сила. Онъ клалъ другую краску, дѣлалъ тѣнь—и какъ ни бился—но у него выходили глаза и не выходило взгляда.

Напрасно онъ звалъ на помощь двѣ волшебныя учительскія точки, тѣ двѣ искры, которыми вдругъ засвѣтились глаза Софьи подъ его кистью.

«Нѣтъ, здѣсь точекъ мало!» сказалъ онъ послѣ новыхъ усилій передать этотъ взглядъ.

Онъ задумался, мѣшалъ краски, отходилъ отъ портрета, смотрѣлъ опять.

«Надо подождать!» рѣшилъ онъ и началъ подмалевывать щеки, носъ, волосы.

Поработавъ съ полчаса, онъ принялся опять за глаза.

«Еще разъ... послѣдній! сказалъ онъ:—и если не удастся—не стану: нельзя!»

— Теперь, Вѣра, погляди минутъ пять сюда, вотъ на эту точку, обратился къ ней Райскій, указывая, куда глядѣть, и самъ поглядѣлъ на нее...

Она спала. Онъ замеръ въ молчаніи и смотрѣлъ на нее, боясьдохнуть.

«О, какая красота!» шепталъ онъ въ умиленіи. «Она встаети заснула: да, это была дерзость рисовать ея взглядъ, въ которомъ улеглась вся ея драма и романъ. Здѣсь самъ Грѣзъ положилъ бы кисти!»

Онъ нарисовалъ глаза закрытыми, глядя на нее и наслаждаясь живымъ образомъ спящаго покоя мысли, чувства и красоты.

Потомъ, положивъ палитру и кисть, тихо наклонился къ

ней, еще тише коснулся губами ея блѣдной руки и неслышными шагами вышелъ изъ комнаты.

XV.

На другой день въ полдень, Вѣра, услыхавъ шумъ лошадиныхъ копытъ въ воротахъ, взглянула въ окно и глаза у ней на минуту блеснули удовольствіемъ, увидѣвъ рослую и стройную фигуру Тушина, верхомъ на ворономъ конѣ, въѣхавшаго во дворъ.

Вѣра машинально оправилась передъ зеркаломъ, со вздохомъ глядѣла на себя и думала: «что братъ Борисъ нашелъ списывать во мнѣ!»

Она сошла внизъ, прошла всѣ комнаты и взялась за ручку двери изъ залы въ переднюю. А съ той стороны Тушинъ взялся за ту же ручку. Они отворили дверь, столкнулись и улыбнулись другъ другу.

— Я сверху увидала васъ и пошла на встрѣчу.... Вы здоровы? вдругъ спросила она, взглянувъ на него пристально.

— Что мнѣ дѣлается! конфузливо сказалъ онъ, ворочая лицо въ сторону, чтобъ не дать замѣтить ей перемѣны въ себѣ.— А вы?

— Ничего, такъ. Была больна, чуть не слегла. Теперь прошло.... Гдѣ бабушка? обратилась она къ Василисѣ.

Та сказала, что барыня, послѣ чаю, ушла куда-то, взявъ съ собой Савелья.

Вѣра пригласила Тушина къ себѣ на верхъ.

Они, сидя на концахъ дивана, молчали, глядя украдкой другъ на друга.

«Блѣдень, думала она, похудѣлъ: оскорбленное чувство, обманутыя надежды гнетутъ его...»

Тушинъ былъ точно непокоенъ, но не столько отъ оскорбленныхъ чувствъ, сколько отъ заботы о томъ, что было съ нею послѣ: кончена ли ея драма, или нѣтъ?

Вопросъ о собственномъ безпокойствѣ, объ «оскорбленномъ чувствѣ и обманутыхъ надеждахъ» въ первые дни ломалъ его, и чтобы вынести эту ломку, нужна была медвѣжья крѣпость его организма и вся, данная ему и сбереженная имъ сила души. И онъ вынесъ борьбу, благодаря этой силѣ, благодаря своей прямой, чистой натурѣ, чуждой зависти, злости, мелкаго самолюбія, — всѣхъ этихъ стихій, изъ которыхъ слагаются дурныя страсти.

Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость Вѣры, и эта вѣра, которою держалась его чистая, глубоко — нравственная страсть къ ней, да прелесть ея обаятельной красоты и довѣріе къ ея уму, сердечной честности, — заглушали животный эгоизмъ страсти и спасали его, не только отъ отчаянія въ горѣ, но и отъ охлажденія въ Вѣрѣ. Съ пѣрвой минуты ея откровенности, не смотря на свою жестокую муку, онъ безпристрастно сознавалъ и вѣрилъ, и тогда же выразилъ ей, что она не виновна, а «несчастлива»: такъ думалъ и теперь. Виноватымъ во всемъ, и еще болѣе несчастнымъ слѣпотой — считалъ онъ Марка.

Отъ этого у Тушина, тихо, пока украдкой отъ него самого, теплился, сквозь горе, сквозь этотъ хаосъ чувствъ, тоски, оскорбленій, — слабый лучъ надежды, не на прежнее, конечно, полное, громадное счастье взаимности, но на счастье не совсѣмъ терять Вѣру изъ виду, удержать за собой навсегда ея дружбу, и въ далекомъ когда-нибудь, со временемъ, усилить ея покойную, прочную симпатію къ себѣ и... и... Тутъ кончались его мечты, не смѣя идти далѣе, потому что за этими и слѣдовалъ естественный вопросъ о томъ, что теперь будетъ съ нею? Дѣйствительно ли кончилась ея драма? Не опомнися ли Маркъ, понявъ, что онъ теряетъ, и не бросился ли догонять уходящее счастье? Не карабкается ли за нею со дна обрыва на высоту? Не оглянулась ли и она опять назадъ? Не подали ли они другъ другу руки навсегда, чтобъ быть счастливыми, какъ онъ, Тушинъ, и какъ сама Вѣра понимаютъ счастье? Стало быть онъ мучился тѣми же сомнѣніями и тѣмъ же вопросомъ, который точно укусило Татьяну Марковну прямо въ сердце, когда Вѣра показала ей письма. Вопросъ этотъ не переставалъ грызть Тушина. Ему казалось невѣроятно, чтобы Маркъ устоялъ въ своихъ понятіяхъ и остался только на днѣ обрыва. Не дуракъ же онъ, не слѣпой...

«За что-нибудь любила же она его... Нѣтъ — любить его нельзя — а влюбилась, увлеклась фальшиво...» думалъ онъ: «онъ опомнится, воротится и она будетъ счастлива. Дай Богъ! Дай Богъ!» молился онъ за счастье Вѣры, и въ эти минуты блѣднѣлъ и худѣлъ — отъ безнадежности за свое погибающее будущее, безъ симпатіи, безъ счастья, безъ Вѣры, безъ всѣхъ этихъ и.... и.... и....

«Какая же это жизнь?» думалъ онъ. «Той жизнью, какою я жилъ прежде, когда не зналъ, есть ли на свѣтѣ Вѣра Васильевна, жить дальше нельзя. Безъ нея — дѣло станеть, жизнь станеть!»

Онъ принимался чуть не самъ рубить мачовыя деревья,

слѣдилъ прилежиѣе за работами на пильномъ заводѣ, самъ, вмѣсто приващивовъ, велъ книги въ конторѣ, или садился на коня и упаривалъ его, скача верстъ по двадцати взадъ и впередъ по дѣсу, заглушая свое горе и всѣ эти вопросы, скача отъ нихъ дальше, — но съ нимъ неумоимо, какъ свистящій осенній вѣтеръ, скакалъ вопросъ: что дѣлается на той сторонѣ Волги?

Сколько разъ онъ подѣвжалъ къ берегу, глядя на противоположную сторону! Какъ хотѣлось ему вскочить на этомъ конѣ на отваливающій паромъ и взобраться на гору, узнать, спросить... Но она сказала: «погодите» — и это «погодите» было для него свято.

Теперь онъ ѣхалъ съ ея запиской въ карманѣ. Она его вызвала, но онъ не скакалъ на гору, а ѣхалъ тихо, неторопливо слѣзъ съ коня, терпѣливо ожидая, чтобъ изъ людской замѣтили кучера и взяли его у него, и робко брался за ручку двери. Даже, придя въ ея комнату, онъ боязливо и украдкой глядѣлъ на нее, не зная, что съ нею, зачѣмъ она его вызвала, чего ему ждать.

Сначала неловко было обоимъ. Ей — отъ того, что «тайна» извѣстна была ему, хотя онъ и другъ, но все же посторонній ей человѣкъ. Открыла она ему тайну внезапно, въ горячкѣ, въ нервномъ раздраженіи, когда она, изъ нѣкоторыхъ его словъ, заподозрѣла, что онъ уже знаетъ все. И нельзя было не открытъ: она дорожила прелестью его дружбы и не хотѣла красть уваженія. Притомъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Но все же онъ знаетъ ея «грѣхъ», — а это тяжело.

Ему было неловко отъ того, что онъ такъ не въ пору и некстати открылъ ей свои надежды, на которыя она отвѣтила ему страшной откровенностью: неловко и за нее и за себя.

Они угадывали другъ друга и молчали.

— Вы меня простили? сказала она наконецъ груднымъ шепотомъ, стараясь не глядѣть на него.

— Я, васъ: за что?

— За все, что вы перенесли, Иванъ Ивановичъ. Вы измѣнились, похудѣли, вамъ тяжело, — я это вижу. Горе ваше и бабушки — тяжелое наказаніе!

— Мое горе не должно беспокоить васъ, Вѣра Васильевна. Оно — мое. Я самъ напросился на него, а вы только смягчили его. Вонъ вы вспомнили обо мнѣ и писали, что вамъ хочется видѣть меня: ужели это правда?

— Правда, Иванъ Ивановичъ. Если у меня отнять васъ троихъ: бабушку, васъ и брата Бориса — я не переживу своего одиночества.

— Ну, вотъ: а вы говорите — горе! Посмотрите мнѣ въ глаза: я думаю, я въ эту минуту и пополнилъ опять.

У него показался румянецъ, какой бросается въ лицо вдругъ обрадованному человѣку.

— Вижу, сказала она: и отъ этого мнѣ больнѣе становится за все то, что я сдѣлала со всѣми вами. Что было съ бабушкой!

— А что? я боялся спросить....

Она рассказала ему все, что было въ эти двѣ недѣли, кромѣ признанія Татьяны Марковны.

Онъ напряженно ждалъ, не упомянетъ ли она о Маркѣ. Но она не сказала ни слова.

— Еслибъ вы сами скорѣй успокоились! сказалъ онъ задумчиво: все пройдетъ и забудется....

— Забудется, но не простится....

— Некому и нечего прощать...

— Еслибъ и забылось и простилось другими, мнѣ самой нельзя забыть и простить себѣ.... шепнула она и остановилась. Боль отразилась у ней на лицѣ.

— Я начала немного отдыхать, забывать.... продолжала она. Теперь скоро свадьба; было много дѣла, я отвлеклась-было....

— И что же: помѣшало развѣ что-нибудь?

— Да.... я вчера была сильно встревожена: и теперь еще не совсѣмъ покойна. Боюсь, чтобы какъ-нибудь.... Да, вы правы: мнѣ надо скорѣе успокоиться.... Я думала, все кончилось.... Уѣхала бы я отсюда!

Онъ молчалъ, потупивъ глаза. Румянецъ и минутная радость сбѣжали съ лица.

— Случилось что-нибудь? спросилъ онъ. — Не нужно ли вамъ... какой-нибудь услуги, Вѣра Васильевна?

— Да, случилось. Но на эту услугу я не вызову васъ, Иванъ Ивановичъ.

— Не съумѣю, можетъ быть?

— Нѣтъ, не то! Вы знаете все: вотъ прочтите, что я получила....

Она вынула изъ ящика оба письма и подала ему. Тушинъ прочиталъ и совсѣмъ похудѣлъ, сталъ опять блѣденъ, какъ былъ, когда пріѣхалъ.

— Да, тутъ, конечно, я лишній: вы одна можете....

— Не могу, Иванъ Ивановичъ....

Онъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Не могу, ни написать ему двухъ словъ, ни видѣть его...

Онъ сталъ оправляться и поднялъ голову, глядя на нее.

— А мнѣ надо дать отвѣтъ: онъ ждетъ тамъ, въ бесѣдѣ, или придетъ сюда, если не дамъ.... а я не могу...

— Какой отвѣтъ? спросилъ Тушинъ, наклоняясь и разсматривая свои сапоги.

— И вы, какъ бабушка, спрашиваете, какой! Развѣ вы не читали? Онъ манитъ счастьемъ, предлагаетъ вѣнчаться....

— Что-же?

— Что-же! повторила она съ примѣскою легкаго раздраженія: я пробовала вчера написать ему всего двѣ строки: «я не была— и не буду счастлива съ вами и послѣ вѣнчанья, и не увижу васъ никогда. Прощайте!»—и не могла. Хотѣла пойти, сказать это сама и уйти—ноги не шли: я падала. Онъ не знаетъ ничего, что со мной произошло, и думаетъ, что я все еще въ жару страсти, отъ того и надѣется, писать.... Надо ему сказать все, а я не могу! Поручить некому: бабушка вспыхнула, какъ порохъ, прочитавши эти письма. Я боюсь, что она не выдержитъ.... и я....

Тушинъ вдругъ всталъ и подошелъ къ ней.

— И вы подумали обо мнѣ: «Тушинъ—выдержать и послужить мнѣ....» и позвали меня.... такъ?

Онъ весь просіялъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, не такъ. Я позвала васъ, чтобъ... видѣть васъ въ этой тревогѣ. Когда вы тутъ—я будто покойнѣе...

— Вѣра Васильевна! сказалъ онъ—и румянецъ опять хлынулъ ему въ щеки. Онъ былъ почти счастливъ.

— А посылать васъ туда—продолжала она—нѣтъ, я не нанесу вамъ этого новаго оскорбленія, не поставлю лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго вы.... не можете видѣть равнодушно.... Нѣтъ, нѣтъ!

Она качала головой.

— Оскорбленія! Вѣра Васильевна!.... Онъ хотѣлъ говорить, но сложилъ только руки, какъ будто съ мольбой, передъ ней. Глаза блистали, глядя на нее.

Она съ изумленіемъ благодарности смотрѣла на него, вида, какъ одно вниманіе, одно чувство приличія,—такая малость—дѣлали его счастливымъ. И это послѣ всего!... «Какъ онъ любитъ меня! За чѣмъ...!» подумала она съ грустью.

— Оскорбленія! повторилъ онъ.—Да, мнѣ тяжело бы было, еслибъ вы послали меня съ масличной вѣтвью къ нему, помочь ему выбраться изъ обрыва сюда.... Эта голубиная роль мнѣ была бы точно не къ лицу—но я пошелъ бы мирить васъ, еслибъ зналъ, что вы будете счастливы....

«И бабушка пошла бы, и мать моя, еслибъ была жива... И

этотъ человѣкъ готовъ идти искать мое счастье — и терять свое!» подумалось ей опять.

— Иванъ Ивановичъ! сказала она почти въ слезахъ: я вамъ вѣрю, вы сдѣлали бы и это! Но я не послала бы васъ...

— Знаю, что не послали бы, и дурно сдѣлали бы. А теперь, мнѣ не надо и выходить изъ роли медвѣдя: видѣть его—чтобы передать ему эти двѣ строки, которыхъ вы не могли написать: вѣдь это—счастье, Вѣра Васильевна!

Она потупила глаза. «Я только и могу дать ему это счастье въ отвѣтъ.... на все....» думала она.

Замѣтивъ ея печаль, онъ вдругъ упалъ, смирился, гордость осанки, блескъ взгляда, румянецъ — пропали. Онъ раскаялся въ своей неосторожной радости, въ неосторожномъ словѣ: «счастье». «Опять глупость сдѣлать!» терзался онъ про себя—принявъ простое, дружеское порученіе, съ которымъ она обратилась къ нему, потому что некому было поручить, какъ она сказала, — за какое-то косвенное поощреніе его надеждъ! Онъ—этой внезапной радостью и этимъ словомъ: «счастье» — будто повторилъ свое признаніе въ любви и предложеніе руки, и кромѣ того показалъ ей, что эгоистически радуется разрыву ея съ Маркомъ.

Вѣра, глядя на него, угадала, что онъ во второй разъ сватился съ своего обрыва счастливыхъ надеждъ. Ея сердце, женскій инстинктъ, дружба, — все бросилось на помощь бѣдному Тугину, и она не дала рухнуть окончательно всѣмъ его надеждамъ, удержавъ одну, какую только могла дать ему въ своемъ положеніи: это безграничное довѣріе и уваженіе.

— Да, Иванъ Ивановичъ, я теперь вижу, что я надѣялась на васъ и въ этомъ, только не признавалась сама себѣ, и никогда не рѣшилась бы требовать отъ васъ этой помощи. Но если вы великодушно предлагаете, то я рада и благодарю. Никто не поможетъ мнѣ такъ, какъ вы поможете, потому что никто, такъ какъ вы, не любитъ меня....

— Вы балуете меня, Вѣра Васильевна, говоря это: но это правда! Вы насковозъ видите меня....

— И если, — продолжала она: — вамъ не тяжело видѣть его....

— Нѣтъ.... я не упаду въ обморокъ.

— Такъ подите сегодня въ пять часовъ въ бесѣдку и скажите....

Она задумалась, что сказать. Потомъ взяла карандашъ и написала тѣ же двѣ строки, которыя сказала ему на словахъ, не прибавивъ ничего къ прежде сказаннымъ словамъ.

— Вотъ мой отвѣтъ, заключила она, передавая ему незапе-

чатанный листокъ: отдайте ему и прибавьте, что хотите, если нужно будетъ: вы знаете все....

Онъ спряталъ листокъ въ карманъ.

— Помните одно, прибавила она поспѣшно: что я не обвиняю его ни въ чемъ.... ни на что не жалуюсь... слѣдовательно...

Она остановилась. Онъ ждалъ.

— Вашего бича съ собой не берите... договорила она тихо, почти въ сторону.

— По дѣломъ мнѣ! сказалъ онъ, сильно вздохнувъ.

— Виновата, перебила она, подавая ему руку: это не упрекъ,—Боже сохрани! Память подсказала мнѣ кстати. Мнѣ легче этимъ однимъ словомъ выразить, а вамъ понять, чего я желала и чего не желала бы въ этомъ свиданіи....

— Тутъ обидно одно: вы думали, что я безъ этого слова не понялъ бы...

— Простите меня, большую....

Онъ пожалъ поданную ему руку.

XVI.

Немного погода, воротилась Татьяна Марковна, пришелъ Райскій. Татьяна Марковна и Тушинъ не безъ смущенія встрѣтились другъ съ другомъ. И имъ было неловко: онъ зналъ, что ей извѣстно его объясненіе съ Вѣрой,—а ей мучительно было, что онъ знаетъ романъ и «грѣхъ» Вѣры.

Изъ глазъ его выглядывало уныніе, въ ея разговорахъ сквозило смущеніе за Вѣру и участіе къ нему самому. Они говорили, даже о простыхъ предметахъ, какъ-то натянуто, но къ обѣду взаимная симпатія превозмогла, они оправились и глядѣли прямо другъ другу въ глаза, довѣряя взаимнымъ чувствамъ и характеристамъ. Они даже будто сблизились между собой, и въ минуты молчанія, высказывали одинъ другому глазами то, что могли бы сказать о происшедшемъ словами, еслибъ это было нужно.

До обѣда Вѣра оставалась съ Татьяной Марковной, стараясь, или скорѣе опасаясь, узнать о мѣрѣ, какую она могла принять, чтобъ Маркъ не ожидалъ ее въ бесѣдѣ. Она рѣшилась не отходить отъ нея и послѣ обѣда, чтобъ она не поддавалась желанію сама сойти съ обрыва на свиданіе.

Но Татьяна Марковна до обѣда не упомянула о вчерашнемъ разговорѣ, а послѣ обѣда, когда Райскій ушелъ къ себѣ, а Тушинъ, надѣвъ пальто, пошелъ куда-то «по дѣлу», она заняла

всю свою дѣвичью чиствою серебряныхъ чайниковъ, кофейниковъ, подносовъ и т. д., пазначаемыхъ въ приданое Марейникѣ.

Вѣра успокоилась съ этой стороны и мысленно перенеслась съ Тушинымъ въ бесѣдку, думая съ тоской и съ замираніемъ сердца отъ страха о томъ: «не вышло бы чего-нибудь! Еслибъ этимъ кончилось! Чтѣ тамъ теперъ дѣлается!»

А тамъ, безъ четверти въ пять часовъ, пробирался въ бесѣдѣ Тушинъ. Онъ зналъ мѣстность, но видно давно не былъ и забылъ, потому что глядѣлъ на право, на лѣво, бралъ, то въ ту, то въ другую сторону, по едва замѣтной тропинѣ, и никакъ не могъ найти бесѣдки. Онъ остановился тамъ, гдѣ кусты были чаще и гуще, припоминая, что бесѣдка была гдѣ-то около этого мѣста.

Онъ стоялъ, оглядываясь во всѣ стороны, и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на часы. Стрѣлка подвигалась къ пяти часамъ, а онъ не видалъ, ни бесѣдки, ни Марка.

Вдругъ издали до него дошелъ шумъ торопливыхъ шаговъ, и между кустами сосныа и ельника являлась и пропадала фигура. «Кажется, онъ!..» думалъ Тушинъ, и раза два дохнулъ всей грудью, какъ усталый конь, повачалъ взадъ и впередъ стоящую рядомъ молодую ель, потомъ опустил обѣ руки въ карманы пальто и сталъ, какъ вкопанный.

Маркъ точно выпрыгнулъ изъ засады на это самое мѣсто, гдѣ былъ Тушинъ, и оглядываясь съ изумленіемъ вокругъ, замѣтилъ его и окаменѣлъ.

Они поглядѣли другъ на друга съ минуту, потомъ дотронулись до фуражекъ. Волоховъ все озирался съ недоумѣніемъ вокругъ.

— Гдѣ же бесѣдка? спросилъ онъ наконецъ вслухъ.

— Я тоже ее ищу и не знаю, въ которой она сторонѣ!

— Какъ, въ которой сторонѣ! Мы стоимъ на ея мѣстѣ: она еще вчера утромъ тутъ была...

Оба молчали, не зная, чтѣ случилось съ бесѣдкой. А съ ней стало въ тотъ часъ: Татьяна Марковна общала Вѣрѣ, что Маркъ не будетъ «ждать ее въ бесѣдѣ», и буквально исполнила обѣщаніе. Черезъ часъ послѣ разговора ея съ Вѣрой, Савелій, взявъ человѣкъ пять мужиковъ, съ топорами, спустился съ обрыва и они разнесли бесѣдку часа въ два, унеся съ собой бревна и доски на плечахъ. А бабы и ребятишки, по ея же приказанію, растаскали и щепы.

На другой день утромъ, сама барыня взяла садовника, да опять Савелья, и еще двоихъ людей, и велѣла мѣсто, гдѣ была бесѣдка, поскорѣ сравнять, утоптать, закрыть дерномъ и пересадить туда нѣсколько молодыхъ сосенъ и елей. «Заднимъ

умомъ крѣпка!» упрекала она мысленно себя. «Еслибъ я сломала бесѣдку тотчасъ, когда Вѣрочка сказала мнѣ все... тогда, можетъ быть, злодѣй догадался бы и не писалъ ей проклятыхъ писемъ!»

«Злодѣй» дѣйствительно догадался. «Старуха узнала: — это она!» подумалъ онъ. «Вѣра поступила благо нравно: все отерyla ей!» Онъ обернулся къ Тушину, вивнулъ ему и хотѣлъ идти, но замѣтилъ его пристальный, точно желѣзный взглядъ.

— Вы что тутъ дѣлали, гуляли, что ли? спросилъ онъ. — Что вы такъ смотрите на меня? Вы здѣсь въ гостяхъ наверху?

— Да, въ гостяхъ. Я не гулять пришелъ, а видѣться съ вами, сказалъ Тушинъ сухо, но учтиво.

— Со мной! оборотаясь живо къ нему отозвался Волоховъ и вопросительно глядѣлъ на него. «Что это: не узналъ ли и онъ? Онъ, кажется, претендентъ на Вѣру: не драму ли затѣваетъ этотъ лѣсной Отелло: «крови», «крови», что ли, ему надо!» успѣлъ подумать Марья.

— Съ вами, повторилъ Тушинъ: — у меня есть порученіе къ вамъ.

— Отъ кого? Отъ старухи?

— Отъ какой старухи?

— Отъ Бережковой! Отъ какой!

— Нѣтъ.

— Такъ отъ Вѣры? почти съ испугомъ спросилъ онъ.

— Отъ Вѣры Васильевны, хотите вы сказать?

— Ну, пожалуй — Васильевны. Что она: здорова ли, — что велѣла передать мнѣ?..

Тушинъ молча подаль ему записку. Марья пробѣжалъ ее глазами, сунулъ небрежно въ карманъ пальто, потомъ снялъ фуражку и началъ пальцами драть голову, одолевая, не то неловкость своего положенія передъ Тушинымъ, не то ощущеніе боли, огорченія, или злой досады.

— Вы... все знаете? спросилъ онъ.

— Позвольте не отвѣчать на этотъ вопросъ, а спросить васъ: скажете вы что-нибудь въ отвѣтъ?

«Стану я тебѣ давать отвѣтъ! подумалъ Марья: не дамъ!»

— Ничего не скажу, холодно отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Но исполните, конечно, ея просьбу: не тревожить ее больше, не напоминать о себѣ... не писать, не посѣщать этихъ мѣстъ...

— Вамъ что за дѣло? Вы объявлены ея женихомъ, что спрашиваете?..

— Для этого не нужно быть женихомъ, а просто другомъ, чтобъ исполнить порученіе.

— Если буду писать и посѣщать — тогда что? запальчиво заговорил Волоховъ, какъ будто напрашиваясь на дерзость.

— Не знаю, какъ приметъ это Вѣра Васильевна. Если опять дастъ мнѣ новое порученіе, а опять сдѣлаю, что ей будетъ нужно.

— Какой вы послушный и почтительный другъ! сказала съ злой ироніей Маркъ.

Тушинъ поглядѣлъ на него съ минуту серьезно.

— Да, вы правы: я такой другъ ей... Не забывайте, господинъ Волоховъ, прибавилъ онъ, что вы говорите не съ Тушинымъ теперь, а съ женщиной. Я сталъ въ ея положеніе и не выйду изъ него, что бы вы ни сказали. Я за себя не имѣю права говорить сегодня. Я думалъ, что и для васъ довольно ея желанія, чтобы вы не беспокоили ее больше. Она только-что поправляется отъ серьезной болѣзни...

Маркъ молча ходилъ взадъ и впередъ по лужайкѣ, и при послѣднихъ словахъ, подошелъ къ Тушину.

— Что съ ней было? спросилъ онъ почти мягко.

Тушинъ молчалъ.

— Извините меня, я горячусь: знаю, что это глупо! Но вѣдь вы видите, что и я — какъ въ горячкѣ.

— Очень жалѣю: стало быть вамъ самимъ нуженъ покой... Вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на эту записку?

Марку не хотѣлось отвѣчать ему.

— Я самъ отвѣчу, напишу...

— Она положительно отказывается отъ этого — и я могу дать вамъ слово, что она не можетъ поступить иначе... Она больна — и ея здоровье требуетъ покоя, а покой явится, когда вы... не будете напоминать о себѣ. Я передаю, что мнѣ сказано, и говорю то, что видѣлъ самъ...

— Послушайте: вы ей желаете добра? началъ Волоховъ.

— Конечно.

— Вы видите, что она меня любитъ, она вамъ сказала...

— Нѣтъ, этого я не вижу и она мнѣ не говорила о любви, а дала вотъ эту записку и просила подтвердить, что она не можетъ и не желаетъ болѣе видѣться съ вами и получать писемъ.

— Какая нелѣпость — мучаться и мучать другого! сказала Маркъ, вскапывая ногой свѣжую, нанесенную только утромъ землю около дерева. — Вы могли бы избавить ее отъ этой пытки, отъ нездоровья, отъ упадка силъ... отъ всего — если вы... другъ ей! Старуха сломала бесѣду, но не страсть: страсть сломаетъ Вѣру... Вы же сами говорите, что она больна...

— Я не говорилъ, что она больна отъ страсти...

— Отъ чего же разстроена?

— Отъ того, что вы пишете въ ней, ждете въ бесѣдѣ, грозите придти сами. Она не переноситъ этого — и только это поручила передать.

— Она только говорить такъ, а сама...

— Она говорить всегда правду.

— Почему она дала это порученіе вамъ? вдругъ спросилъ Маркъ.

Тушинъ молчалъ.

— Она вамъ довѣряетъ, стало быть вы можете объяснить ей, какъ дико противится счастью: вѣдь она не найдетъ его тамъ, у себя... Вы посовѣтовали бы ей не мучать себя и другого, и постарались бы поколебать эту бабушкину мораль... При этомъ я предлагаю ей...

— Еслибъ вы умѣли понять ее, остановилъ его Тушинъ: — то давно бы знали, что она изъ тѣхъ, кому «объяснять» нечего и «совѣтовать» нельзя. А колебать бабушкину «мораль» я не нахожу нужнымъ, потому что раздѣляю эту мораль.

— Вотъ какъ! Вы удивительный дипломатъ, отлично исполняете порученія! раздражительно сказалъ Маркъ.

Тушинъ молчалъ, наблюдая за нимъ и покойно ожидая, что онъ, волей или неволей, а дастъ отвѣтъ.

Это молчаливое спокойствіе бѣсило Марка. Сломанная бесѣдка и появленіе Тушина въ роли посредника показали ему, что надежды его кончаются, что Вѣра не колеблется больше, что она установилась на своемъ намѣреніи не видѣться съ нимъ никогда. Въ него тихо проникло ядовитое сознаніе, что Вѣра страдаетъ, дѣйствительно, не отъ страсти къ нему, — иначе она не открылась бы бабушкѣ, и еще менѣе Тушину. Онъ зналъ и прежде ея упрямство, котораго не могла сломать даже страсть, и потому почти съ отчаяніемъ сдѣлалъ послѣднюю уступку, рѣшаясь жениться и остаться еще на неопредѣленное время, но отнюдь не навсегда, тутъ, въ этомъ городѣ, пока длится его страсть. Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость своихъ понятій о любви и предвидѣлъ, что, рано или поздно, она кончится для обоихъ одинаково, что они будутъ «виснуть одинъ другому на шею, пока виснется», а потомъ... Онъ отдалялся отъ этого «потомъ», надѣясь, что со временемъ Вѣра не устоитъ и сама на морали бабушки, когда настанетъ охлажденіе.

Теперь и эта его жертва — предложеніе жениться — оказалась напрасною. Ее не приняли. Онъ не опасенъ, и даже не нуженъ больше. Его отсылаютъ. Онъ терпѣлъ въ эту минуту

отъ тѣхъ самыхъ мученій, надъ которыми издѣвался еще недавно, не вѣря имъ. «Не логично!» думалъ онъ.

— Я не знаю, что я сдѣлаю, сказалъ онъ все еще гордо:— и не могу дать отвѣта на ваше дипломатическое порученіе. Въ бесѣду, конечно, не приду, потому что ея нѣтъ...

— И писемъ не будете писать, — давалъ за него отвѣтъ Тушинъ, — потому что ихъ не передадутъ. Въ домъ тоже не придете — васъ не примутъ...

— Кто: вы? злобно отозвался Маркъ:— что же вы, стеречь станете?

— Стану, если Вѣра Васильевна захочетъ. Впрочемъ, здѣсь есть хозяйка дома и... люди. Но я полагаю, что вы сами не нарушите приличій и спокойствія женщины...

— Чортъ знаетъ, что за нелѣпость! рычалъ Маркъ: выдумали люди себѣ кандалы... лѣзутъ въ мученики!..

Ему все еще хотѣлось удержаться въ позиціи и удалиться съ нѣкоторымъ достоинствомъ, сохраняя за собой право не давать отвѣта. Но Тушинъ уже зналъ, что другого отвѣта быть не можетъ. Маркъ чувствовалъ это и сталъ отступать постепенно.

— Я ѣду скоро, сказалъ онъ: черезъ недѣлю... Не можетъ ли Вѣра... Васильевна видѣться со мной на одну минуту?..

— Не можетъ положительно: она больна.

— Лечать, что ли, ее?

— Ей одно лекарство: чтобъ вы не напоминали о себѣ...

— Я вѣдь не совсѣмъ довѣряю вамъ, ѣдко перебилъ Маркъ:— вы, кажется... неравнодушны къ ней — и...

Тушинъ опять повачалъ ель, но молчалъ. Онъ входилъ въ положеніе Марка и понималъ, какое чувство горечи или бѣшенства должно волновать его, и потому не отвѣчалъ злымъ чувствомъ на злобныя выходки, сдерживая себя, а только тревожился тѣмъ, что Маркъ, изъ гордаго упрямства, чтобъ не быть принуждену уйти, или, по остатку раздраженной страсти, еще сдѣлаетъ попытку написать, или видѣться, и встревожить Вѣру. Ему хотѣлось положить совсѣмъ конецъ этимъ попушеніямъ.

— Если мнѣ не вѣрите — то у васъ есть доказательство, сказалъ онъ.

— Росписка — да. Это ничего не значить. Страсть — это море. Сегодня буря, завтра штиль... Можетъ быть, ужъ она теперь жалѣетъ, что послала васъ...

— Не думаю: она бы предвидѣла это и не послала бы. Вы, какъ я вижу, вовсе не знаете ее. Впрочемъ, я передалъ вамъ

все — и вы, конечно, уважите ея желанія... Я не настаиваю болѣе на отвѣтѣ...

— Отвѣта никакого! Я уѣду....

— Это именно тотъ отвѣтъ, который нуженъ ей....

— Не ей, а вамъ, да, можетъ быть, романтику Райскому и старухѣ....

— Да, пожалуй, и намъ, и—можетъ быть—цѣлому городу. Я позволю себѣ только поручиться Вѣрѣ Васильевнѣ, что отвѣтъ вашъ будетъ вами буквально исполненъ. Прощайте.

— Прощайте.... рыцарь....

— Что? спросилъ, немного нахмурившись, Тушинъ. Маргъ, блѣдный, смотрѣлъ въ сторону. Тушинъ дотронулся до фуражки и ушелъ, а Маргъ все еще стоялъ на мѣстѣ.

XVII.

Онъ злился, что уходитъ неловко, неблагоприятно, хуже, чѣмъ онъ пророчилъ когда-то Райскому, что весь романъ его кончается обрывомъ, изъ котораго ему надо уходитъ не оглядываясь, что вслѣдъ ему не послано, не только сожалѣнія, прощальнаго слова, но его будто выпроваживаютъ, какъ врага, притомъ слабого, отъ котораго избавить недѣля—другая, разлуки, да сосѣдняя гора, за которую онъ перевалится. Отъ чего все это? «Онъ ни въ чемъ не виноватъ!» А ему отказываютъ въ послѣднемъ свиданіи,—очевидно не изъ боязни страстнаго искушенія, а какъ будто грубой обиды, выбираютъ посредникомъ другого! И этотъ другой командуетъ властью Вѣры, не выходя изъ границъ приличій, выпроваживаетъ его осторожно, какъ выпроваживаютъ буйнаго гостя, или вора, запирая двери, окна, и спуская собаку. Онъ намекнулъ ему о хозяйкѣ дома, о людяхъ... чуть не о полиціи.

Въ этомъ, пожалуй, онъ былъ самъ виноватъ (снисходительно обвинялъ Маргъ себя), — усвоивъ условія и формы общезжитія, которыя онъ называлъ свободными и разумными, презирая всякимъ принятымъ порядкомъ, и которыя городъ этотъ не признавалъ такими. Не отъ того ли Вѣра теперь будто стыдится своей страсти, отчаявшись перевоспитать его, и отдѣлывается отъ него заочно, черезъ другихъ, какъ отдѣлываются отъ дурного знакомства, сдѣланнаго случайно, или нечаянно?

И этотъ посредникъ, не смотря на рѣзкіе вызовы, очевидно сдерживался, боясь, не опасности, конечно, а тоже скандальной, для Вѣры и для него самого, сцены—съ неприличнымъ человѣкомъ.

И во всему этому нужно было еще дать отвѣтъ! А отвѣтъ одинъ: другого отвѣта и нѣтъ, и нельзя дать, кромѣ того, какой диктовалъ ему этотъ «рыцарь» и «дипломатъ», унижившій его холодной вѣжливостью на всѣ его задиранья. Маркъ, какъ ни ускользалъ, а далъ отвѣтъ!

Но какъ бы Вѣра ни рѣшила, все же, въ память прошлаго, она должна была... хотъ написать къ нему свое рѣшительное письмо—если больна и вынести свиданія не можетъ. Пусть охладился пылъ страсти, но она дружески могла проститься съ нимъ, подтвердила бы ему, что не мирится съ бездной неизвѣстности впереди, съ его міросозерцаніемъ—и они разошлись бы, уважая другъ друга. А она отсылаетъ его—не съ уваженіемъ, а какъ будто не удостоиваетъ досказать послѣднія слова, какъ будто онъ сдѣлалъ что-нибудь такое.... Въ чемъ онъ виноватъ? Онъ сталъ припоминать послѣднее свиданіе—и не нашелъ за собой ничего...

Онъ правъ, во всемъ правъ: за что же эта нѣмая и глухая разлука? Она не можетъ обвинить его въ своемъ «паденіи», какъ «отжившіе люди» называютъ это.... Нѣтъ! А теперь онъ пошелъ на жертвы до самоотверженія: бросаетъ свои дѣла, соглашается... вѣнчаться! За что же этотъ ножъ: законическая записка, вмѣсто дружескаго письма, посредникъ—вмѣсто самой себя? Да,—это ножъ: ему больно. Холодъ отъ мозга до пятъ охватилъ его. Но какая рука вонзила ножъ? Старуха научила? нѣтъ—Вѣра не такая, ее не научишь! Стало быть сама: но за что, что онъ сдѣлалъ?

Маркъ медленно шель къ плетню, вяло влѣзъ на него и сѣлъ, спустивъ ноги, и не прыгалъ на дорогу, стараясь отвѣтить себѣ на вопросъ: «что онъ сдѣлалъ?»

Онъ припомнилъ, какъ въ послѣднемъ свиданіи «честно» предупредилъ ее. Смыслъ его словъ былъ тотъ: «помни, я все сказалъ тебѣ впередъ, и если ты, послѣ сказаннаго, протянешь руки ко мнѣ—ты моя: но ты и будешь виновата, а не я...» «Это логично!» сказалъ онъ почти вслухъ—и вдругъ страшно поблѣднѣлъ. Лицо у него исказилось, какъ будто около него поднялся изъ земли смрадъ и чадъ. Онъ соскочилъ съ плетня на дорогу, не оглядываясь, какъ тогда...

Далѣе, онъ припомнилъ, какъ онъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, повидаль ее одну, повисшую надъ обрывомъ въ опасную минуту. «Я уйду, говорилъ онъ ей («честно») и уходилъ, но оборотился, принялъ ее отчаянный нервный крикъ *прощай* за призывъ—и поспѣшилъ на зовъ...

Этотъ первый отвѣтъ на вопросъ: «что онъ сдѣлалъ», какъ молотъ, ударилъ его въ голову.

Онъ пошелъ съ горы, а ножъ дѣлалъ свое дѣло и вонзался все глубже и глубже. Память беспощадно проводила передъ нимъ рядъ недавнихъ явленій.

«Нечестно вѣнчаться, когда не вѣришь!» гордо сказала она ей, отвергая обрядъ и «безсрочную любовь» и надѣясь достигъ побѣды безъ этой жертвы: а теперь предлагаетъ тотъ же обрядъ! Не предвидѣлъ! Не оцѣнилъ во-время Вѣру, отвергнувъ, гордо ушелъ... и оцѣнилъ черезъ нѣсколько дней!

«Вотъ что ты сдѣлалъ!» опять стукнулъ молотъ ему въ голову.

«Изъ логики и честности—говорило ему отрезвившееся отъ пьянаго самолюбія сознаніе — ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобъ укрываться за нихъ съ своей «новой силой», оставивъ безсильную женщину раздѣлываться за свое и за твое увлеченіе, общавъ ей только одно: «уйти, не унося съ собой никакихъ «долговъ», «правиль» и «обязанностей...» оставляя ее нести ихъ одну...»

«Ты не пощадилъ ее «честно», когда она падала въ безсиліи, не сладилъ потомъ «логично» съ страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, поддаваясь «нечестно» отвергаемому твоимъ «разумомъ» обряду, и впереди заботливо сулилъ—одну разлуку! Манилъ за собой и... договаривался! «Вотъ что ты сдѣлалъ!» стукнулъ молотъ ему въ голову еще разъ.

«Волкомъ» звала она тебя въ глаза шутя», стучалъ молотъ дальше: «теперь, не шутя, заочно, къ хищничеству волка—въ памяти у ней останется ловкость лисы, злость на все лающей собаки, и не останется никакого слѣда — о человѣкѣ! Она вынесла изъ обрыва — одну казнь, одно неизлечимое терзаніе на всю жизнь:—какъ могла она ослѣпнуть, не угадать тебя давно, увлечься, забыться!... Торжествуй: она никогда не забудетъ тебя!»

Онъ понялъ все: ея лавоническую записку, ея болѣзнь — и появленіе Тушина на днѣ обрыва, вмѣсто ея самой.

Козловъ видѣлъ его и сказалъ Райскому, что теперь онъ ѣдетъ на время въ новгородскую губернію, къ старой теткѣ, а потомъ намѣренъ проситься опять въ юнкера, съ переводомъ на Кавказъ.

XVIII.

Райскій проговорилъ цѣлый вечеръ съ Тушинымъ. Они только теперь начали вглядываться другъ въ друга пристальнѣе и разошлись оба съ желаніемъ познакомиться короче, слѣдовательно сдѣлали другъ на друга благопріятное впечатлѣніе. Вечеромъ Тушинъ звалъ Райскаго въ себѣ на недѣлю погостить, посмотреть его лѣсъ, какъ работаетъ у него машина на паровомъ пильномъ заводѣ, его рабочую артель, вообще все лѣсное хозяйство. Райскому хотѣлось докончить портретъ Вѣры и онъ отклонилъ было приглашеніе. Но на другой день, проснувшись рано, онъ услышалъ конскій топотъ на дворѣ, взглянулъ въ окно и увидѣлъ, что Тушинъ уѣзжалъ со двора на своемъ ворономъ конѣ. Райскаго вдругъ потянуло за нимъ.

— Иванъ Ивановичъ! закричалъ онъ въ форточку: и я съ вами! Можете подождать четверть часа, пока я одѣнусь?

— Очень радъ! отозвался Тушинъ, слѣзая съ лошади: не торопитесь, я подожду хоть часъ!

Онъ пошелъ въ Райскому. Татьяна Марковна и Вѣра услышали ихъ разговоръ, поспѣшили одѣться и позвали обоихъ пить чай, причемъ, конечно, Татьяна Марковна успѣла задержать ихъ еще на часъ и предложила проектъ такого завтрака, что они погрозили уѣхать въ ту же минуту, если она не ограничится однимъ бифштексомъ. Бифштексу предшествовала обильная закуска, а вслѣдъ за бифштексомъ явилась рыба, за рыбою жареная дичь. Дѣло доходило до пирожного, но они встали изъ-за стола и простились—не на долго. Райскому осѣдлали лошадь, а сзади ихъ Татьяна Марковна отправила цѣлую телѣжку съ гостинцами Аннѣ Ивановнѣ. И оба, вмѣсто осьми часовъ, какъ хотѣли, едва выбрались изъ дома въ десять и въ половинѣ одиннадцатаго сѣли на паромъ Тушина.

Иванъ Ивановичъ, въ разговорахъ съ Татьяной Марковной, съ Райскимъ, и потомъ по приѣздѣ домой—былъ тихъ, сосредоточень, часто молчаливъ.

О Вѣрѣ не произнесли ни слова, ни тотъ, ни другой. Каждый зналъ, что тайна Вѣры была извѣстна обоимъ, и отъ этого имъ было неловко даже произносить ея имя. Кромѣ того Райскій зналъ о предложеніи Тушина и о томъ, какъ онъ велъ себя и какая страдательная роль выпала ему на долю во всей этой драмѣ.

Съ той минуты, какъ онъ узналъ это, всѣ ревнивыя его предубѣжденія въ Тушину исчезли, уступивъ мѣсто, сначала любо-

пытному наблюденію, а потомъ, когда Вѣра рассказала ему все, и участію, уваженію, даже удивленію къ нему.

Удивленіе это росло по мѣрѣ того, какъ Райскій пристальнѣе изучалъ личность этого друга Вѣры. И въ этомъ случаѣ фантазія сослужила ему обычную службу, освѣтивъ Тушина ярко, не дѣлая изъ него впрочемъ никакого романтическаго идеала: личность была слишкомъ проста для этого, открыта и не романтическая.

Пробывъ недѣлю у Тушина въ «Дымкѣ», видя его, у него, дома, въ полѣ, въ лѣсу, въ артели, на заводѣ, бесѣдая съ нимъ по ночамъ до свѣта у камина, въ его кабинетѣ — Райскій понялъ вполне Тушина, многому дивился въ немъ, а еще болѣе дивился глазу и чувству Вѣры, угадавшей эту простую, цѣльную фигуру и давшей ему въ своихъ симпатіяхъ мѣсто рядомъ съ бабушкой и съ сестрой.

Симпатія эта устояла даже въ разгарѣ посторонней страсти, болѣзни-страсти, которая обыкновенно самовластно поглощаетъ все другія пристрастія, и даже привязанности. А въ ней дружба къ Тушину и тогда сохранила свою свѣжесть и силу. Это одно много говорило въ его пользу.

Она инстинктивно чувствовала, что его сила, которую она отличила и полюбила въ немъ — есть общечеловѣческая сила, какъ и любовь ея къ нему была — не исключительное, не узкое пристрастіе, а тоже общечеловѣческое чувство. Не полюбила она его страстью, — т. е. физически: это зависитъ не отъ сознанія, не отъ воли, а отъ какого-то нерва (должно быть самаго глупаго, думалъ Райскій, отправляющаго какую-то низкую функцію, между прочимъ, влюблять), и не какъ друга только любила она его, хотя и называла другомъ, но никакихъ послѣдствій отъ дружбы его для себя не ждала, отвергая, по своей теоріи, всякую корыстную дружбу, а полюбила только какъ «человѣка», и такъ выразила Райскому свое влеченіе къ Тушину въ первомъ свиданіи съ нимъ, т. е. какъ къ «человѣку» вообще.

Райскій повѣрялъ наблюденіемъ надъ нимъ все, что слышалъ отъ Вѣры — и все оправдывалось, подтверждалось — и анализъ Райскаго, такъ услужливо разоблачавшій ему всякія загадочныя, или прикрытыя лоскомъ и краской стороны, долженъ былъ уступить мѣсто естественному влеченію къ этой простой, открытой личности, гдѣ не было почти никакого «лоска» и никакой «краски».

Это былъ чистый самородокъ, какъ слитокъ благороднаго металла, и полюбить его дѣйствительно можно было, кромѣ корыстной или обязательной любви, т. е. какою могли любить его жена, мать, сестра, братъ, — еще какъ человѣка.

Глядя на него, слушая его, видя его дѣятельность, распоряженія по хозяйству, отношенія къ окружающимъ его людямъ, къ приващикамъ, крестьянамъ—во всѣмъ, что около него было, съ вѣмъ онъ сопривасался, съ вѣмъ работалъ, или просто говорилъ, жилъ вмѣстѣ, Райскій удивлялся до наивности какимъ-то, наружно будто противоположностямъ, гармонически уживавшимся въ немъ: мягкости рѣчи, обращенія—съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ, ненарушимой правильности взгляда, строгой справедливости—съ добротой, тонкой, природной, а не выработанной гуманностью, снисхожденіемъ,—далѣе, смѣси какаго-то трогательнаго недовѣрія въ своимъ личнымъ качествамъ, робкихъ и стыдливыхъ сомнѣній въ себѣ—съ смѣлостью и настойчивостью въ распоряженіяхъ, работахъ, поступкахъ, дѣлахъ. Въ немъ крылась безсознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности. Онъ какъ будто не зналъ, что дѣлалъ, а выходило какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки подготовленныхъ умовъ, путемъ размышленія, науки, труда.

Райскій вспомнилъ первыя впечатлѣнія, какия произвелъ на него Тушинъ, какъ онъ счелъ его даже немного ограниченнымъ, какимъ сочли бы, можетъ быть, его, при-первомъ взглядѣ, и другіе, особенно, такъ-называемые, «умники», требующіе прежде всего внѣшнихъ признаковъ ума, его «лоска», «красокъ», «остріе», обладающіе этимъ сами, не обладая часто тѣмъ существеннымъ матеріаломъ, который долженъ крыться подъ лоскомъ и краской.

Теперь, наблюдая Тушина ближе и совершенно безкорыстно, Райскій рѣшилъ, что эта мнимая «ограниченность» есть не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли, что и то, и другое, и третье слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ, а тянетъ къ себѣ медленно, но прочно. Съ умомъ у него дружно шло рядомъ и билось сердце—и все это уходило въ жизнь, въ дѣло, слѣдовательно и воля у него была послушнымъ орудіемъ умственной и нравственной силъ. Жизнь его совершала свой гармоническій ходъ, какъ будто разыгрывалось стройное музыкальное произведение, подъ управленіемъ данныхъ ему природою силъ.

Заслуги мучительнаго труда надъ обработкой даннаго ему, почти готоваго матеріала—у него не было и нѣтъ: это правда. Онъ не былъ самъ творцомъ своего пути, своей судьбы: ему, какъ планетѣ, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила ее потребнымъ количествомъ тепла и свѣта, дала нужныя свойства для этого теченія—и она идетъ неуклонно по начертанному пути. Такъ: но вѣдь не планета же

онъ въ самомъ дѣлѣ — и могъ бы уклониться далеко въ сторону. Стройно дѣйствующій механизмъ природныхъ силъ могъ бы разстроиться — и отъ внѣшнихъ притоковъ разныхъ противныхъ вѣтровъ, толчковъ, остановокъ, и отъ дурной, избалованной воли. А у него этого разлада не было. Внутреннюю силою онъ отражалъ внѣшніе враждебные притоки, а свой огонь горѣлъ у него неугасимо, и онъ не уклоняется, не измѣняетъ гармоніи ума съ сердцемъ и съ волей — и совершаетъ свой путь безупречно, все стоитъ на той же высотѣ умственного и нравственного развитія, на которую, пожалуй, поставили его природа и судьба, слѣдовательно стоитъ почти безсознательно. Но вѣдь сознательное достиженіе этой высоты — путемъ мукъ, жертвъ, страшнаго труда всей жизни надъ собою — безусловно, безъ помощи постороннихъ, выгодныхъ обстоятельствъ, дается такъ немногимъ, что — можно сказать — почти никому не дается, а между тѣмъ какъ многіе, утомясь, отчаявшись, или наскучивъ битвами жизни, останавливаются на полдорогѣ, сворачиваютъ въ сторону, и наконецъ совсѣмъ теряютъ изъ вида задачу нравственного развитія и перестаютъ вѣрить въ нее.

А Тушинъ держится на своей высотѣ и не сходитъ съ нея. Данный ему талантъ — быть человѣкомъ — онъ не закапываетъ, а пускаетъ въ оборотъ, не теряя, а только выигрывая отъ того, что созданъ природою, а не самъ сдѣлалъ себя такимъ, какимъ онъ есть. «Нѣтъ, это не ограниченность въ Тушинѣ, рѣшалъ Райскій: это красота души, ясная, великая! Это — само благодущіе природы, ея лучшія силы, вложенныя прямо въ готовые, прочныя формы. Заслуга человѣка тутъ — почувствовать и удержать въ себѣ эту красоту природной простоты и умѣть достойно носить ее, т. е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею — слѣдовательно, ни больше, ни меньше, какъ имѣть сердце и дорожить этой силою, если не выше силы ума, то хоть наравнѣ съ нею.

А пока люди стыдятся этой силы, дорожа «змѣиной мудростью» и краснѣя «голубиной простоты», отсылая послѣднюю къ наивнымъ натурамъ, пока умственную высоту будутъ предпочитать нравственной, до тѣхъ поръ и достиженіе этой высоты немислимо, слѣдовательно немислимо и истинный, прочный, человѣческій прогрессъ. Послушать, такъ нужна степень нравственного развитія у всѣхъ уже есть, какъ будто каждый уже достигъ его и носить у себя въ карманѣ, какъ табакерку, что это «само собой разумѣется», что объ этомъ и толковать нечего. Всѣ соглашаются, что общество существовать безъ этого не можетъ, что гуманность, честность, справедливость — суть основные законы, и частной, и

общественной жизни, что «честность, честности, честностью» и т. д. «И все ложь!» говорил Райскій. Въ большинствѣ нѣтъ даже и почина нравственнаго развитія, не исключая иногда и высоко-развитые умы, а есть нѣсколько захваченныхъ, какъ будто на дорогу въ обрѣзъ денегъ,—правиль (а не принциповъ) и внѣшнихъ приличій, для руководства, такихъ правилъ, за несоблюденіе которыхъ выводятъ вонъ, или запираютъ куда-нибудь.

У большинства есть desogum принциповъ, а сами принципы шатки, и рѣдки, и украшаютъ, какъ ордена, только привилегированныя, отдѣльныя личности. «У него есть правила!» отзываются такимъ голосомъ о комъ-нибудь, какъ будто говорятъ: «у него есть шишка на лбу!»

И — пожалуй — засмѣялись бы надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы серьезно настаивать на необходимости развитія и разлитія правилъ въ общественной массѣ, и обращенія ихъ въ принципы, — также настоятельно и неотложно, какъ, напримѣръ, на необходимости неотложнаго построенія желѣзныхъ дорогъ. И тутъ же не простили бы ему малѣйшаго упущенія въ умственномъ развитіи: еслибъ онъ осмѣлился не прочесть послѣдняго французскаго или англійскаго, надѣлавшаго шуму увража, не зналъ бы какой-нибудь новѣйшей политико-экономической аксіомы, послѣдняго фазиса въ политикѣ, или важнаго открытія въ физикѣ!

Умѣнье жить ставять въ великую заслугу другъ другу, т. е. умѣнье «казаться», съ правомъ въ дѣйствительности «не быть» тѣмъ, чѣмъ надо быть. А умѣньемъ жить называютъ умѣнье — ладить со всѣми, чтобъ было хорошо и другимъ, и самому себѣ, умѣть таить дурное и выставлять чтò годится — т. е. приводить въ данный моментъ нужныя для этого свойства въ движеніе, какъ трогать клавиши, большею частію — не обладая самой музыкой.

Тушинъ жилъ, не подозрѣвая, что умѣеть жить, и какъ Мольеровскій bourgeois-gentilhomme не подозрѣвалъ, что «говорить прозой», жилъ одинаково, бывало ли ему отъ того хорошо, или не хорошо. Онъ былъ «человѣкъ»; какъ коротко и вѣрно опредѣлила его умная и проникательная Вѣра.

Все это думалъ Райскій, ѣдучи съ Тушинымъ въ коляскѣ обратно домой, послѣ шестидневнаго пребыванія въ его лѣсной усадьбѣ. «Тушины — наша истинная «партія дѣйствія», наше прочное «будущее», которое выступить въ данный моментъ, особенно, когда все это — оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій — когда все это будетъ *свободно*, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнуть, уступивъ мѣсто настоящему «дѣлу»; множеству «дѣла» у всѣхъ, — когда съ миражами

исчезнуть и добровольные «мученики», тогда явятся, на смѣну имъ, «работники», «Тушины» на всей лѣстницѣ общества....»

По впечатлительной натурѣ своей, онъ пристрастился къ этой новой, простой, мягкой, и вмѣстѣ сильной личности. Онъ располагалъ пробить въ *Дымку* и долѣе. Ему хотѣлось проникнуть въ порядокъ хозяйственнаго механизма Тушина. Онъ едва успѣлъ замѣтить только наружный порядокъ, видѣть бросающіеся въ глаза результаты этого хозяйства, не успѣвъ проникнуть въ самый процессъ его отправленія. Въ деревнѣ онъ не замѣтилъ пока обыкновенныхъ и повсюдныхъ явленій: беспорядка, слѣдовъ бѣднаго крестьянскаго хозяйства, избъ на куряхъ ножжахъ, кучъ навоза, грязныхъ лужъ, сгнившихъ володцевъ и мостиковъ, нищихъ, больныхъ, пьяныхъ, никакой распущенности. Когда Райскій выразилъ Тушину удивленіе и удовольствіе, что всѣ строенія глядятъ, какъ новыя, свѣжо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нѣтъ, Тушинъ, въ свою очередь, удивился этому удивленію. «И видно, что вы не деревенскій житель, не хозяинъ, замѣтилъ онъ: лѣсная усадьба и село, а крыши соломенные — это даже невыгодно! Лѣсъ свой: какъ же избами разваливаться!» Не-хозяйскій глазъ Райскаго не могъ оцѣнить вполнѣ всей хозяйственности, водворенной въ имѣніи Тушина. Онъ замѣтилъ мимоходомъ, что тамъ было что-то въ родѣ исправительной полиціи для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ, да заведенія въ родѣ бани, больницы, школы. Тушинъ многое скрадывалъ, совѣстясь «докучать» гостю своими дѣлами, и спѣшилъ показать ему, какъ артисту, лѣсъ, гордясъ имъ, какъ любимымъ дѣломъ.

Видъ лѣса въ самомъ дѣлѣ поразилъ Райскаго. Онъ содержался, какъ паркъ, гдѣ на каждомъ шагу видны слѣды движенія, работъ, ухода и науки. Артель смотрѣла какою-то дружиной. Мужики ходили сами на хозяевъ, какъ-будто занимались своимъ хозяйствомъ. «Вѣдь они у меня, и свои, и чужіе, на жалованьѣ», отвѣчала Тушинъ на вопросъ Райскаго: «отъ чего это?». Пильный заводъ показался Райскому чѣмъ-то небывалымъ, по обширности, почти по роскоши строеній, гдѣ удобство и изящество дѣлали его похожимъ на образцовое англійское заведеніе. Машины изъ блестящей стали и мѣди были въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями. Самъ Тушинъ тамъ показался первымъ работникомъ, когда вошелъ въ свою технику, во всѣ мелочи, подробности, лазилъ въ машину, осматривая ее, трогая рукой колеса. Райскій съ удивленіемъ глядѣлъ, особенно когда они пришли въ контору на заводѣ и когда съ полсотни рабочихъ ввалились въ комнату, съ просьбами, объясненіями, обступили Тушина. Онъ, пробившись съ

ними около часа, вдругъ сконфузился, что бросилъ гостя, и вывелъ его изъ толпы, извиняясь за эти дразги, и повезъ показывать красивыя мѣста. Райскій такъ увлекся всей этой новостью дѣла, личностей, этимъ заводомъ, этими массами лѣсного матеріала, отправлявшагося по водамъ до Петербурга и за границу, что рѣшилъ остаться еще недѣлю, чтобы изучить, и смыслъ, и механизмъ этого большого дѣла.

Однако ему не удалось остаться долѣе. Татьяна Марковна вызвала его письмомъ, въ которомъ звала немедленно пріѣхать, написавъ коротко, что «дѣло есть». Тушинъ напросился ѣхать съ нимъ, «проводить его», какъ говорилъ онъ, а въ самомъ дѣлѣ узнать, зачѣмъ вызвала Татьяна Марковна Райскаго: не случилось ли чего-нибудь новаго съ Вѣрой и не нуженъ ли ей онъ опять? Онъ съ тревогой припоминалъ свиданіе свое съ Волоховымъ, и то, какъ тотъ невольно и неохотно далъ отвѣтъ, что уѣдетъ. «Уѣхалъ ли? не написалъ ли опять къ ней? не встревожилъ ли?» мучился Тушинъ, ѣдучи въ городъ.

Райскій, воротясь домой, прежде всего побѣждалъ въ Вѣрѣ, и, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, яркими красками начертилъ ей портретъ Тушина во весь ростъ и значеніе его въ той сферѣ, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, и вмѣстѣ свое удивленіе и рождающуюся симпатію. Въ этой простой русской, практической натурѣ, исполняющей призваніе хозяина земли и лѣса, перваго, самаго дюжаго работника между своими работниками, и вмѣстѣ распорядителя и руководителя ихъ судебъ и благосостоянія, онъ видѣлъ какаго-то заволжскаго Роберта Овена! «А ты мнѣ такъ мало говорила о его дѣятельности!...» заключилъ онъ.

Вѣра съ радостью слушала Райскаго; у ней появился даже румянецъ. Самая торопливость его передать ей счастливое впечатлѣніе, какое сдѣлалъ на него «медвѣдь» и его берлога, теплый колоритъ, въ который Райскій окрасилъ фигуру Тушина, осмысливъ его своимъ меткимъ анализомъ, яркая картина быта, хозяйства, нравовъ лѣсного угла, всей мѣстности—все это почти увлекло и Вѣру. Она не безъ гордости видѣла въ этомъ очеркѣ Райскаго косвенную похвалу и себя, за то, что тонко оцѣнила и умѣла полюбить въ Тушинѣ — правду простой природы.

— Братъ, сказала она, ты рисуешь мнѣ не Ивана Ивановича: я знаю его давно,—а самого себя: лучше всего то, что самъ не подозреваешь, что выходитъ недурно и твой собственный портретъ. И меня тутъ же хвалишь, что угадала въ Тушинѣ человѣка! Но это не трудно! Бабушка его тоже понимаетъ и любитъ, и всѣ здѣсь... Она вздохнула, сокрушаясь, кажется, про себя, что не любитъ его больше, иначе....

Онъ хотѣлъ сказать что-то въ отвѣтъ, но за нимъ прислала бабушка и немедленно потребовала его къ себѣ.

— Скажи пожалуйста, Вѣра—спохватился вдругъ Райскій—зачѣмъ она вызвала меня?...

— Не знаю: что-то есть. Она мнѣ не говоритъ, а я не спрашиваю, но вижу. Боюсь, не опять ли тамъ что-нибудь!... прибавила Вѣра, внезапно охлаждаясь и переходя отъ дружескаго тона къ своей грустной задумчивости.

Въ то время, какъ Райскій уходилъ отъ нея, Тушинъ прислалъ спросить ее, можетъ ли онъ ее видѣть. Она велѣла просить.

XIX.

Бабушка выслала Пашутку и заперла дверь кабинета, когда пришелъ Райскій. Сама она была очевидно разстроена. Райскій испугался.

— Не случилось ли чего-нибудь непріятнаго, бабушка? спросилъ онъ, садясь противъ нея.

— Что должно было случиться, то и случилось, печально сказала она, глядя въ сторону.

— Скажите скорѣй! Я — какъ на иголкахъ!

— Старый воръ Тычковъ отмстилъ намъ съ тобой! Даже и обо мнѣ гдѣ-то у помѣшанной женщины откопалъ исторію.... Да ничего не вышло изъ того.... Люди въ прошлому равнодушны — а я сама одной ногой въ гробу и о себѣ не забочусь. Но Вѣра....

Она вздохнула.

— Что такое?

— Ея исторія перестаетъ быть тайной... Въ городѣ ходятъ слухи.... шептала Татьяна Марковна съ горечью.—Я сначала не поняла, отчего въ воскресенье, въ церкви, вице-губернаторша два раза спросила у меня о Вѣрѣ—здорова ли она—и двѣ барыни сунулись слушать, что я скажу. Я взглянула кругомъ—у всѣхъ на лицахъ одно: «что Вѣра?» Была, говорю, больна, теперь здорова. Пошли разспросы, что съ ней? Каково мнѣ было отдѣлываться, заминать! Всѣ замѣтили....

— Ужели что-нибудь вышло наружу?

— Настоящая бѣда, слава Богу — скрыта. Я вчера черезъ Тита Никоныча узнала кое-что. Сплетня попадаетъ не въ того...

Бабушка отвернулась.

— Въ кого же?

— Въ Ивана Ивановича — это хуже всего. Онъ тутъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ.... Помнишь, въ день рожденія Марейньки — онъ прїѣзжалъ, сидѣлъ тутъ молча, ни съ кѣмъ ни слова не сказалъ, какъ мертвый, и ожилъ, когда показалась Вѣра? Гости видѣли все это. И безъ того давно не тайна, что онъ любитъ Вѣру: онъ не мастеръ таиться. А тутъ замѣтили, что онъ ушелъ съ ней въ садъ, потомъ она скрылась къ себѣ, а онъ уѣхалъ.... Знаешь ли, зачѣмъ онъ прїѣзжалъ?

Райскій сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Знаешь? Ну—вотъ теперь Вѣра да Тушинъ у всѣхъ на языкѣ.

— Какъ же я тутъ попалъ? Вы говорите, что Тычковъ и меня припуталъ?

— А тебя приехала Полина Карповна! Въ тотъ вечеръ, какъ ты гулялъ поздно съ Вѣрой, она пошла искать тебя: ты что-то ей наговорилъ—должно быть на-смѣхъ поднялъ—а она поняла по своему и припутала и тебя! Говорить, что ты влюбленъ былъ въ Вѣру, а она будто отбила, «извлекла» тебя изъ какой-то «пропасти», изъ обрыва, что-ли! Только это и ладить. Что у васъ тамъ такое съ ней было и о чемъ ты секретничалъ съ Вѣрой? Ты, должно быть, зналъ ея тайны и прежде, давно, а отъ бабушки пряталъ «ключи»! Вотъ что и вышло отъ этой вашей «свободы»!

Она вздохнула на всю комнату.

Райскій сжалъ кулаки.

— Мало было этой старой чучелѣ: завтра я ей дамъ такой сеансъ.... сказалъ онъ съ угрозой.

— Нашелъ на комъ спрашивать! На нее нечего пенять: она смѣшна и ей не повѣрили. А тотъ старый сплетникъ узналъ, что Вѣра уходила, въ рожденье Марейньки, съ Тушинымъ въ аллею, долго говорила тамъ, а наканунѣ пропала до ночи и послѣ слегла, — передѣлалъ рассказъ Полины Карповны по своему. «Не съ Райскимъ, говорить, она гуляла ночью и наканунѣ, а съ Тушинымъ!...» Отъ него и пошло по городу! Да еще тамъ пьяная баба про меня наплела.... Тычковъ все развѣдалъ....

Татьяна Марковна потупила взглядъ въ землю: у ней въ лицѣ показалась на минуту краска.

— А, это другое дѣло! серьезно сказалъ Райскій и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.—Вашъ урокъ не подѣйствовалъ на Тычкова: такъ я повторю его иначе....

— Что ты затѣваешь! Боже тебя сохрани! Лучше не трогай! Ты станешь доказывать, что это неправда и, пожалуй, докажешь.

Оно и не мудрено: стоитъ только справиться, гдѣ былъ Иванъ Ивановичъ наканунѣ рожденія Марейныи: если онъ былъ за Волгой, у себя, тогда люди спросятъ, гдѣ же правда?... съ кѣмъ она въ роцѣ была? Тебя Крицкая видѣла на горѣ одного, а Вѣра была....

Татьяна Марковна опустила голову.

Райскій бросился на вресло.

— Что же дѣлать? сказалъ онъ въ тоскѣ за Вѣру.

— Что Богъ дастъ! въ глубокой печали шептала Татьяна Марковна.—Богъ судить людей черезъ людей — и пренебрегать ихъ судомъ нельзя. Надо смириться! Видно мѣра еще не исполнилась!...

Опять глубокой вздохъ.

Райскій ходилъ по кабинету. Оба молчали, сознавая каждый про себя затруднительное положеніе дѣла. Общество замѣтило только внѣшніе признаки какой-то драмы въ одномъ углу. Отчужденіе Вѣры, постоянное поклоненіе Тушина, независимость ея отъ авторитета бабушки—оно знало все это и привыкло. Но къ этому прибавилось какое-то туманное пятно: суетливость Райскаго около Вѣры замѣчена уже была давно, и даже дошла до слуха Ульяны Андреевны, которая и намекнула ему объ этомъ въ свиданіи. Крицкая тоже замѣтила и, конечно, не была скромна на этотъ счетъ. Почтительное поклоненіе Тушина замѣчали всѣ: и не одна Татьяна Марковна прочила его въ женихи Вѣрѣ. Въ городѣ вообще ожидали двухъ событій: свадьбы Марейныи съ Викутьевымъ, что и сбылось — и въ перспективѣ свадьбы Вѣры съ Тушинымъ. А тутъ вдругъ, противъ ожиданія, произошло что-то непонятное. Вѣра явилась на минуту въ день рожденія сестры, не сказала ни съ кѣмъ почти ни слова и скрылась съ Тушинымъ въ садъ, откуда ушла къ себѣ, а онъ уѣхалъ, не повидавшись съ хозяйкой дома. Отъ Крицкой узнали о продолжительной прогулкѣ Райскаго съ Вѣрой наканунѣ семейнаго праздника. Послѣ этого Вѣра объявлена была больною, заболѣла и сама Татьяна Марковна, домъ былъ на заперти: никого не принимали. Райскій ходилъ, какъ угорѣлый, бѣгая отъ всѣхъ; докторъ неопредѣленно говорили о болѣзни.... О свадьбѣ ни слуху, ни духу. Отъ чего Тушинъ не дѣлаетъ предложенія, или если сдѣлалъ, отъ чего оно не принято? Падало подозрѣніе на Райскаго, что онъ увлекъ Вѣру: тогда — отъ чего онъ не женится на ней? Общественное мнѣніе неумолимо требовало на судъ — кто правъ, кто виноватъ — чтобъ произнести свой приговоръ.

И Татьяна Марковна, и Райскій—чувствовали тяжесть поло-

женія и боялись этого суда—конечно за Вѣру. Вѣра не боялась, да и не знала ничего. Не до того ей было. Ее поглощала своя внутренняя тревога, ея язва—и она всѣ силы свои устремила на ея утоленіе, и пока напрасно.

— Бабушка! вдругъ сказалъ Райскій послѣ долгаго молчанія: прежде всего надо вамъ самимъ все сказать Ивану Ивановичу. Какъ онъ приметъ эту сплетню: онъ ея герой—онъ и судья, какъ рѣшить—такъ и поступите. А его суда не бойтесь: я теперь знаю его—онъ рѣшитъ правильно. Вѣрѣ онъ зла не пожелаетъ: онъ ее любитъ—я видѣлъ это, хотя мы о ней ни слова не сказали. Онъ мучается ея участью больше, нежели своей. Въ немъ разыгрывается двойная трагедія. Онъ и сюда пріѣхалъ со мной, потому что разтревожился вашимъ письмомъ ко мнѣ... конечно за нее. А потомъ ужъ я побываю у Полины Карповны, а можетъ быть, увидаюсь и съ Тычковымъ...

— Я не хочу, чтобъ ты видѣлся съ Тычковымъ!

— Бабушка, нельзя оставить!...

— Я не хочу, Борисъ! сказала она такъ рѣшительно и строго, что онъ наклонилъ голову и не возразилъ болѣе ни слова.— Ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Ты сейчасъ придумай, что нужно сдѣлать: да, сказать прежде всего Ивану Ивановичу: а потомъ увидимъ, надо ли тебѣ идти къ Крицкой, чтобы узнать отъ нея объ этихъ слухахъ и дать имъ другой толкъ, или... сказать правду! прибавила она со вздохомъ.— Посмотримъ, какъ приметъ это Иванъ Ивановичъ. Попроси его ко мнѣ, а Вѣрѣ не говори ни слова. Она ничего не знаетъ—и дай Богъ, чтобъ не узнала!

Райскій ушелъ къ Вѣрѣ, а къ Татьянѣ Марковнѣ, на смѣну ему, явился Тушинъ.

XX.

Татьяна Марковна внутренно смутилась, когда Тушинъ переступилъ порогъ ея комнаты. Онъ молча, съ опущенными глазами, поздоровался съ ней, тоже перемогая свою тревогу—и оба въ первую минуту не глядѣли другъ на друга. Имъ пришлось воснудиться взаимной раны, о которой до сихъ поръ не было намека между ними, хотя они взаимно обмѣнивались знаменательными взглядами и понимали другъ друга изъ грустнаго молчанія. Теперь предстояло стать открыто лицомъ къ лицу и говорить.

Оба молчали. Она пока украдкой взглядывала на него и замѣчала перемѣны, какія произошли въ немъ въ эти двѣ-три недѣли: какъ осанка у него стала не такъ горда и бодра, какъ тускло смотритъ онъ въ иныя минуты, какъ стали медленны его движенія. И похудѣлъ онъ, и поблѣднѣлъ.

— Вы отъ Вѣры теперь? спросила она наконецъ.— Какъ вы нашли ее?

— Ничего... она, кажется, здорова... покойна...

Татьяна Марковна вздохнула.

— Какой покой! Ну, пусть ужъ она: а вамъ сколько безпокойства, Иванъ Ивановичъ! тихо проговорила она, стараясь не глядѣть на него.

— Чтó мои безпокойства! Надо успокоить Вѣру Васильевну.

— Богъ не даетъ, не судьба! Только стала оправляться она, и я было отдохнула отъ домашняго горя, пока оно крѣлось за стѣнами, а теперь перешло и за стѣны...

Тушинъ вдругъ наострилъ уши, какъ будто услышалъ выстрѣлъ.

— Иванъ Ивановичъ, рѣшительно заговорила Татьяна Марковна: по городу сплетня ходитъ. Мы съ Борюшкой погорячились и сорвали маску съ лицемѣра Тычкова: вы знаете. Мнѣ бы и не подѣлѣта, да онъ ужъ очень зазнался. Терпѣнья не было! Теперь онъ срываетъ маску съ насъ...

— Съ васъ? Съ кого—съ васъ?

— Обо мнѣ онъ что-то молоть—его не слушали: я мертвая... а о Вѣрѣ...

— О Вѣрѣ Васильевнѣ? — Тушинъ привсталъ.

— Садитесь, Иванъ Ивановичъ—сказала Татьяна Марковна:— да, о ней. Можетъ быть, такъ и надо... можетъ быть, это—возмездіе. Но тутъ припутали и васъ...

— Меня: рядомъ съ Вѣрой Васильевной?

— Да, Иванъ Ивановичъ—и вотъ гдѣ истинное наказаніе!

— Позвольте же узнать, чтó говорятъ?

Татьяна Марковна передала ему слухъ.

— Въ городѣ замѣтили, что у меня въ домѣ неладно: видѣли, что вы ходили съ Вѣрой въ саду, уходили къ обрыву, сидѣли тамъ на скамѣ, горячо говорили и уѣхали, а мы съ ней были больны, никого не принимали... Вотъ откуда вышла сплетня!

Онъ молча слушалъ и хотѣлъ что-то сказать, она остановила его.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ, кончить: это не все. Бо-

рисъ Павлычъ... вечеромъ, наканунѣ дня рожденія Марейныи... пошелъ искать Вѣру...

Она остановилась.

— Что же дальше? спросилъ Тушинъ нетерпѣливо.

— За нимъ потащилась Крицкая: она замѣтила, что Борюшка взволнованъ... У него вырвались какия-то слова о Вѣротчѣ... Полина Карповна приняла ихъ на свой счетъ. Ей, конечно, не повѣрили—знаютъ ее—и теперь добиваются правды, съ кѣмъ была Вѣра, наканунѣ рожденія, въ роцѣ... Со дня этого проклятаго обрыва поднялась туча и покрыла всѣхъ насъ... и васъ тоже.

— Чтò же про меня говорятъ?

— Что и въ тотъ вечеръ, наканунѣ, Вѣра была тамъ, въ роцѣ, внизу, съ кѣмъ-то... говорятъ—съ вами.

Она замолчала.

— Что же вамъ угодно, спросилъ онъ покорно, чтобъ я сдѣлалъ?

— Надо сказать, чтò было: правду. Вамъ теперь, — рѣшительно заключила Татьяна Марковна, — надо прежде всего выгородить себя: вы были чисты всю жизнь, такимъ должны и остаться... А мы съ Вѣрой, послѣ свадьбы Марейныи, тотчасъ уѣдемъ въ Новоселово, ко мнѣ, навсегда... Спѣшите же къ Тычову и скажите, что васъ не было въ городѣ наканунѣ, и слѣдовательно вы и въ обрывѣ быть не могли...

Она замолчала и грустно задумалась. Тушинъ, сидя, согнулся корпусомъ впередъ, и наклонивъ голову, смотрѣлъ себѣ на ноги.

— А еслибъ я не такъ сказалъ?.. вдругъ поднявъ голову, отозвался онъ.

— Какъ знаете, Иванъ Ивановичъ: такъ и рѣшайте. Что другое могли бы вы сказать?

— Я сказать бы Тычову, — да не ему: я съ нимъ и говорить не хочу, а другимъ — что я былъ въ городѣ, потому что это — правда: я не за Волгой былъ, я дня два пробылъ у пріятеля здѣсь — и сказалъ бы, что я былъ наканунѣ... въ обрывѣ — хоть это и неправда, — съ Вѣрой Васильевной... Прибавилъ бы, что... получилъ отказъ, что это огорчило меня и васъ, такъ какъ вы были — за меня, и что Вѣра Васильевна сама огорчилась, но что дружба наша отъ этого не разстроилась... Пожалуй, можно наметнуть на какую-нибудь отдаленную надежду... обѣщаніе подумать...

— То-есть, сказала Татьяна Марковна задумчиво: сказать, что было сватовство, не сладилось... Да! если вы такъ добры... можно и такъ. Но вѣдь не отстанутъ послѣ, будутъ ждать, спрашивать: скоро ли, когда?.. Обѣщаніе не вѣтъ будетъ обѣщаніемъ...

— Забудутъ, Татьяна Марковна, особенно если вы уйдете, какъ говорите... А если не забудутъ... и вы съ Вѣрой Васильев-ной будете все тревожиться... то и принять предложеніе... тихо десказалъ Тушинъ.

Татьяна Марковна измѣнилась въ лицѣ.

— Иванъ Ивановичъ! сказала она съ упрекомъ: за кого вы насъ считаете съ Вѣрой? Чтобы заставить молчать злые языки, заглушить не сплетню, а горькую правду, — для этого воспользоваться вашей прежней слабостью къ ней и великодушіемъ? И потомъ, чтобъ всю жизнь—ни вамъ, ни ей, не было покоя! Я не ожидала этого отъ васъ!..

— Напрасно! никакого великодушія тутъ нѣтъ! А я думалъ, когда вы рассказывали эту сплетню, что вы за тѣмъ меня и позвали, чтобъ коротко и ясно сказать: «Иванъ Ивановичъ, и ты тутъ запутанъ: выгороди же и себя, и ее вмѣстѣ!» Вотъ тогда я прямо, какъ Викентьевъ, назвалъ бы васъ бабушкой и сталъ бы на колѣни передъ вами. Да оно бы такъ и должно быть! сказалъ онъ уныло. — Простите, Татьяна Марковна, а у васъ дѣло обыкновенно начинается съ стараго обычая, съ старыхъ правилъ, да съ справки о томъ, какъ было, да что скажутъ, а собственный умъ и сердце придутъ послѣ. Вотъ, если бы съ нихъ начать, тогда бы у васъ этой печали не было, у меня было бы меньше сѣдыхъ волосъ, а Вѣра Васильевна...

Онъ остановился, какъ будто опомнившись.

— Виновать! вдругъ понизивъ тонъ, перешедшій въ робость, сказалъ онъ. — Я взялся не за свое дѣло. Рѣшаю и за Вѣру Васильевну—а вся сила въ ней!

— Вотъ видите, безъ моего «ума и сердца», сами договорились до правды, Иванъ Ивановичъ. Мой «умъ и сердце» говорили давно за васъ, да не судьба! Стало быть, вы изъ жести, взяли бы ее теперь, а она вышла бы за васъ—опять скажу—ради вашего... великодушія... того ли вы хотите? Честно ли и правильно ли это и способны ли мы съ ней на такой поступокъ? Вы знаете насъ...

— И честно, и правильно, если она чувствуетъ ко мнѣ, что говорить. Она любитъ меня, какъ «человѣка», какъ друга: это ея слова,—цѣнить, конечно больше, нежели я стою... Это большое счастье! Это вѣдь значитъ, что со временемъ... полюбила бы — какъ добраго мужа...

— Иванъ Ивановичъ, вамъ-то что этотъ бракъ принесъ бы... сколько горя!.. Подумайте! Боже мой!

— Я не мѣшаюсь ни въ чьи дѣла, Татьяна Марковна, вижу, что вы убиваетесь горемъ — и не мѣшаю вамъ: зачѣмъ же вы

хотите думать и чувствовать за меня? Позвольте мнѣ самому знать, что мнѣ принесетъ этотъ бракъ! вдругъ сказала Тушинъ рѣзко. — Счастье на всю жизнь — вотъ что онъ принесетъ! А я, можетъ быть, проживу еще лѣтъ пятьдесятъ! Если не пятьдесятъ, хоть десять, двадцать лѣтъ счастья!

Онъ почесалъ голову почти съ отчаяніемъ, что эти двѣ женщины не понимаютъ его и не соглашаются отдать ему въ руки то счастье, которое ходитъ около него, ускользаетъ, не дается, и въ которое бы онъ вцѣпился своими медвѣжьими когтями и никогда бы не выпустилъ вонъ. А онѣ не видятъ, не понимаютъ, все еще громоздятъ горы, которыя вдругъ выросли на его дорогѣ и пропали — ихъ нѣтъ больше: онъ одолѣлъ ихъ страшною силою любви и муки! Уже ли даромъ бился онъ въ этой битвѣ и устоялъ на ногахъ, не добывъ погибавшаго счастья! Была одна только неодолимая гора: Вѣра любила другого, надѣялась быть счастлива съ этимъ другимъ: вотъ гдѣ настоящій обрывъ! Теперь надежда ея умерла, умираетъ, по словамъ ея («а она никогда не жетъ и знаетъ себя», подумалъ онъ) — слѣдовательно ничего нѣтъ больше, никакихъ горъ! А онѣ не понимаютъ, выдумываютъ препятствія! «А ихъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» съ бѣшенствомъ про себя шепталъ Тушинъ — и почти злобно смотрѣлъ на Татьяну Марковну.

— Татьяна Марковна! заговорилъ онъ, вдругъ опять взявъ высокую ноту, горячо и сильно. — Вѣдь если лѣсъ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубаютъ, море переплываютъ, а теперь вонъ прорываютъ и горы насквозь, и все идутъ смѣлше люди впередъ! А здѣсь, ни лѣса, ни моря, ни горъ — ничего нѣтъ: были стѣны и упали, былъ обрывъ и нѣтъ его! Я бросаю мостъ черезъ него и иду, ноги у меня не трясутся... Дайте же мнѣ Вѣру Васильевну? дайте мнѣ ее! почти кричалъ онъ: я перенесу ее черезъ этотъ обрывъ и мостъ — и никакой чортъ не помѣшаетъ моему счастью и ея покою — хоть живи она сто лѣтъ! Она будетъ моей царицей и укроется въ моихъ лѣсахъ, подъ моей защитой, отъ всякихъ грозъ и забудетъ всякіе обрывы, хоть бы ихъ были тысячи!! Что это вы не можете понять меня!!

Онъ всталъ, вдругъ зажаль глаза платкомъ; и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ.

— Я-то понимаю, Иванъ Ивановичъ, тихо, сквозь слезы, сказала Татьяна Марковна помолчавъ: но дѣло не во мнѣ...

Онъ вдругъ остановился, отеръ глаза, провелъ рукой по своей густой гривѣ и взялъ обѣ руки Татьяны Марковны.

— Простите меня, Татьяна Марковна, я все забываю главное: ни горы, ни лѣса, ни пропасти не мѣшаютъ — есть одно-

препятствіе неодолимое: Вѣра Васильевна не хочетъ, стало быть—видитъ впереди жизнь счастливѣе, нежели со мной...

Изумленная, тронутая Татьяна Марковна хотѣла что-то возразить, онъ остановилъ ее.

— Виновать опять! сказалъ онъ: я не въ ту силу поверотилъ. Оставимъ рѣчь обо мнѣ, я удалился отъ предмета. Вы звали меня, чтобъ сообщить мнѣ о сплетнѣ, и думали, что это обезпokoитъ меня — такъ? Успокойтесь же и успокойте Вѣру Васильевну, увезите ее, — да, чтобъ она не слыхала объ этихъ толкахъ! А меня это не обезпokoитъ!

Онъ усмѣхнулся.

— Эта нѣжность мнѣ не къ лицу: на сплетню я плюю, а въ городѣ мимоходомъ скажу, какъ мы говорили сейчасъ, что я сватался и получилъ отказъ, что это огорчило васъ, меня, и весь домъ... такъ какъ я давно надѣялся... *Тотъ* уѣзжаетъ завтра или послѣ завтра навсегда (я ужъ справился),—и все забудется. Я и прежде ничего не боялся, а теперь мнѣ нечѣмъ дорожить. Я все равно, что живу, что нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ рѣшено, что Вѣра Васильевна не будетъ никогда моей женой...

— Будетъ вашей женой, Иванъ Ивановичъ, сказала Татьяна Марковна, блѣдная отъ волненія, если... то забудется, отойдетъ... (Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый, отчаянный жестъ)... если этотъ обрывъ вы не считаете бездной... Я поняла теперь только, какъ вы ее любите...

Она еще боялась вѣрить слезамъ, стоявшимъ въ глазахъ Тушина, его этимъ простымъ словамъ, которыя возвращали ей всю будущность, спасали погибавшую судьбу Вѣры.

— «Будетъ?» повторилъ и онъ, подступивъ къ ней широкими шагами, и чувствовалъ, что волосы у него поднимаются на головѣ и дрожь бѣжитъ по тѣлу.—Татьяна Марковна! не маните меня напрасной надеждой: я не мальчикъ! Чтò я говорю — то вѣрно: но хочу, чтобъ и то, чтò сказано мнѣ—было вѣрно, чтобы не отняли у меня потомъ! Кто мнѣ поручится, что это будетъ, что Вѣра Васильевна.... когда-нибудь....

— Бабушка поручится: теперь — это все равно, что она сама....

Тушинъ блеснулъ на нее благодарнымъ взглядомъ и взялъ ее руку.

— Но погодите, Иванъ Ивановичъ! торопливо, почти съ испугомъ, прибавила она и отняла руку, видя, какъ Тушинъ вдругъ точно выросъ, помо- дѣль, сталъ чѣмъ былъ прежде. — Теперь я — ужъ не какъ бабушка, а какъ женщина, скажу: погодите, рано, не до того е! Она еще убита, дайте ей самой опра-

виться. Не тревожьте, оставьте ее на долго! Она разстроена, не перенесетъ.... Да и не пойметъ васъ, не повѣритъ теперь вамъ, подумаетъ, что вы въ горячкѣ, хотите не выпустить ее изъ рукъ, а потомъ одумаетесь: Дайте ей покой. Вы давеча поминули про мой умъ и сердце: вотъ они мнѣ и говорятъ: погоди! Да, я бабушка ей, а не затрону теперь этого дѣла, а вы и подавно.... Помните же, что я вамъ говорю....

— Я буду помнить одно слово: «будетъ», и имъ пока буду жить. Видите ли, Татьяна Марковна, что сдѣлало оно со мной, это ваше слово?....

— Вижу, Иванъ Ивановичъ, и вѣрю, что вы говорите не на вѣтеръ. Отъ того и вырвалось у меня это слово: не принимайте его слишкомъ горячо къ сердцу — я сама боюсь...

— Я буду надѣяться... сказалъ онъ тише и смотрѣлъ на нее молящими глазами. — Ахъ, еслибъ и я, какъ Викентьевъ, могъ когда-нибудь сказать: «бабушка!»

Она сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ ее, и когда онъ вышелъ, она опустилась въ кресло, закрывъ лицо платкомъ.

XXI.

На другой день Райскій утромъ рано предупредилъ Крицкую запиской, что онъ проситъ позволенія придти къ ней въ половинѣ перваго часа и получилъ въ отвѣтъ: «Charmée, j'attends» и т. д. Шторы у ней были опущены, комнаты накурены. Она, въ бѣлой кисейной блузѣ, перехваченной поясомъ, съ широкими кружевными рукавами, съ желтой даліей на груди, слегка подрумяненная, встрѣтила его въ своемъ будуарѣ. Тамъ, у дивана, накрытъ былъ столъ, и рядомъ стояло два прибора.

— Мой прощальный визитъ! сказалъ онъ, кланяясь ей и останавливая на ней сладкій взглядъ.

— Какъ прощальный! съ испугомъ перебила она: я слушать не хочу! Вы ѣдете теперь, когда мы.... Не можетъ быть! Вы пошутили: жестокая шутка! Нѣтъ, нѣтъ, скорѣй засмѣйтесь, возьмите назадъ ужасныя слова....

— Что это у васъ? радостно произнесъ онъ, вдругъ уставивъ глаза на столъ: свѣжая икра!

Она сунула свою руку ему подъ руку и подвела къ столу, на которомъ стоялъ полный, обильный завтракъ. Онъ оглядывалъ одно блюдо за другимъ. Въ двухъ хрустальныхъ тарелкахъ была икра.

— Я знаю, что вы любите.... да, любите...

— Икру? Даже затрясся весь, какъ увидалъ! А это что? съ новымъ удовольствіемъ заговорилъ онъ, приподнимая крышки серебряныхъ блюдъ, одну за другой. — Какая вы кокетка, Полина Карловна: даже котлетки безъ папильотовъ не можете вухать! Ахъ, и трюфли—*роскошь юныхъ летъ!* petits fours, bouchées de dames! Ахъ! И шампанское во льду! Ахъ! что вы хотите со мной дѣлать? обратился онъ къ ней, потирая отъ удовольствія руки. — Какіе замыслы у васъ?

— Вотъ, вотъ чего я жду: этой улыбки, шутки, смѣха — да! Не поминайте объ отъѣздѣ. Прочь печаль! Vive l'amour et la joie!

«Эге! какой «abandon!» — даже страшно вато».... подумалъ онъ опасно.

— Садитесь, садемъ рядомъ, сюда! пригласила она, и взявъ его за руку, усадила рядомъ съ собой, шаловливо завѣсивъ его салфеткой, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми и стариками.

Онъ машинально повиновался, съ вождельніемъ поглядывая на икру. Она подвинула ему тарелку, и онъ принялся удовлетворять утренній, свѣжій аппетитъ. Она сама положила ему котлетку и налила шампанскаго въ граненый стаканъ, а себѣ въ бокалъ, и кокетливо брала въ ротъ маленькіе кусочки пирожнаго, любуясь имъ.

Послѣ жареной дичи и двухъ стакановъ шампанскаго, при чемъ они чокались, глядя близко другъ другу въ глаза, она—лукаво и нѣжно, онъ—вопросительно, и отчасти боязливо, они наконецъ прервали молчаніе.

— Что вы скажете? спросила она выразительно, будто ожидая чего-то особеннаго.

— Ахъ, какая икра! Я еще опомниться не могу!

— Вижу.... вижу, сказала она лукаво.—Снимите маску, полнете притворяться...

— Ахъ! вздохнулъ онъ, отпивая изъ стакана.

— Enfin la glace est rompue! На чьей сторонѣ побѣда? Кто предвидѣлъ, кто предсказывалъ? A votre santé!

— A la vôtre!

Они чокнулись.

— Помните.... тотъ вечеръ, когда «природа, говорили вы, празднуетъ любовь....»

— Помню! шепнулъ онъ мрачно: онъ рѣшилъ все!...

— Да, не правда ли? я знала! — Могла ли удержать въ своихъ слабыхъ сѣтяхъ бѣдная дѣвочка.... une nullité, cette pauvre petite fille, qui n'a que sa figure?... Ни опытности, ни блеска, дивная!...

— Нѣтъ, не могла! Я вырвался....

— И нашли то.... что давно искали: признайтесь!

Онъ медлилъ.

— Vivez—et du courage! — Она придвинула ему стаканъ.
Онъ допилъ его, она сейчасъ наполнила его опять.

— Признайтесь....

— Признаюсь.

— Что тогда случилось тамъ.... въ рождѣ?... Вы были такъ
взволнованы. Скажите.... ударъ?....

— Да, ударъ и.... разочарованіе.

— Могло ли быть иначе: вы—и она, деревенская дѣвочка!
Она гордо оправилась, взглянула на себя въ зеркало и вы-
правила кружево на рукавахъ.

— Что же тамъ было? спросила она, стараясь придать небреж-
ность тону.

— Это не моя тайна! сказалъ онъ, будто опомнившись.

— Oh, je respecte les secrets de famille.... Пейте же!

Она придвинула стаканъ. Онъ отпилъ глотва два.

— Ахъ! вздохнулъ онъ на всю комнату. — Нельзя ли отво-
рять форточку.... Мнѣ тяжело, больно!

— Oh, je vous comprends! Она бросилась отворять фор-
точку.—Voilà des sels, du vinaigre de toilette....

— Нѣтъ, благодарю! говорилъ онъ, махая платкомъ себѣ въ
лицо.

— Какъ вы были тогда страшны! Я встати подоспѣла,
не правда ли? Можетъ быть, безъ меня вы воротились бы въ
пропасть, на дно обрыва. Что тамъ было, въ рождѣ?... а?

— Ахъ, не спрашивайте!

— Vivez donc!

Онъ лѣниво отпилъ глотокъ.

— Тамъ, гдѣ я думалъ... говорилъ онъ, будто про себя, —
найти счастье... я услыхалъ....

— Что? шепотомъ спросила она, притаивъ дыханіе.

— Ахъ! шумно вздохнулъ: онъ отворить бы двери!

— Тамъ былъ.... Тушинъ — да?

Онъ молча кивнулъ головой и выпилъ глотокъ вина.

Злая радость наполнила черты ея лица.

— Dites tout.

— Она гуляла задумчиво одна.... тихо говорилъ онъ, а По-
лина Карповна, играя цѣпочкой его часовъ, подставляла свое
ухо къ его губамъ. — Я шелъ по ея слѣдамъ, хотѣлъ наконецъ
допроситься у ней отвѣта... она сошла нѣсколько шаговъ съ об-
рыва, какъ вдругъ на встрѣчу ей вышла....

— Онъ?

— Онъ.

— Я это знала, отъ того и пошла въ садъ... О, я знала, qu'il y a du louche! что же онъ?

— Здравствуйте, говорить, Вѣра Васильевна? здоровы-ли вы?...

— Лицемѣръ! сказала Крицкая.

— Она испугалась...

— Притворно!

— Нѣтъ, испугалась непритворно, а я спрятался — и слушаю. «Откуда вы? спрашиваетъ она: какъ сюда попали?» «Я, говорить, сегодня прѣѣхалъ на два дня: чтобы завтра, въ день рожденія вашей сестры... Я выбралъ этотъ день...»

— Eh bien?

— Eh bien! «рѣшите, говорить, Вѣра Васильевна: жить мнѣ, или нѣтъ!»

— Ou le sentiment va-t-il se nicher! — въ этомъ дубѣ! замѣтила Полина Карповна.

«Иванъ Ивановичъ!» сказала Вѣра умоляющимъ голосомъ. «Вѣра Васильевна! перебилъ онъ: рѣшите, идти мнѣ завтра къ Татьянѣ Марковнѣ и просить вашей руки, или вѣннуться въ Волгу...»

— Такъ и сказалъ?

— Какъ напечаталъ!

— Mais il est ridicule! что же она: «ахъ, охъ?!»

— «Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, дайте мнѣ—(это она говорить)— самой рѣшить, могу ли я отвѣчать вамъ такимъ же полнымъ, глубокимъ чувствомъ, какое питаете вы ко мнѣ. Дайте полгода, годъ срока, и тогда я скажу — или рѣшительное *нѣтъ*, или *то да*, какое...» Ахъ! какая духота у васъ здѣсь! нельзя ли сквозного вѣтра? («не будетъ-ли сочинять? кажется, довольно?») подумалъ Райскій и взглянулъ на Полину Карповну. На лицѣ у ней было полнѣйшее разочарованіе.

— C'est tout? спросила она.

— Oui! сказалъ онъ со свѣстомъ. — Тушинъ однако не потерялъ надежду, сказалъ, что на другой день, въ рожденіе Марейнъки, прѣдетъ узнать ея послѣднее слово и пошелъ опять съ обрыва черезъ рощу, а она проводила его... Кажется, на другой день надежды его подогрѣлись, а мои исчезли навсегда...

— И все? А тутъ, Богъ знаетъ, что наговорили... и про нее, и про васъ! Не попадали даже и Татьяну Марковну, эту почтенную, можно сказать, святую!.. Какіе есть на свѣтѣ ядовитые, гнусные языки!.. Этотъ отвратительный Тычовъ...

— Что такое про бабушку? спросилъ тихо Райскій, въ свою очередь, притаивъ дыханіе и наостривъ ухо.

Онъ слышалъ отъ Вѣры намеки на любовь, слышалъ кое-что отъ Василисы: но у какой женщины не было своего романа? Что могли воскресить изъ праха за сорокъ лѣтъ: какую-нибудь ложь, сплетню? Надо узнать — и такъ или иначе — зажать ротъ Тычову.

— Что такое про бабушку? тихо и вкрадчиво повторилъ онъ.

— Ah, c'est dégoûtant. Никто не вѣритъ, всё смѣются надъ Тычовымъ, что онъ унижился разспрашивать помѣшавшуюся отъ пьянства нищую... Я не стану повторять...

— Я васъ прошу... нѣжно шептала онъ.

— Вы хотите? шептала и она, склоняясь въ нему: — я все сдѣлаю—все...

— Ну, ну?... торопилъ онъ.

— Эта баба—вонъ она тутъ на паперти у Успенья всегда стоитъ — рассказывала, что будто Титъ Никонъчъ любилъ Татьяну Марковну, а она его...

— Я это знаю, слышалъ... нетерпѣливо перебилъ онъ—тутъ еще бѣды нѣтъ...

— А за нее сватался покойный графъ Сергѣй Ивановичъ....

— Знаю и это, она не хотѣла—онъ женился на другой, а ей не позволили выйти за Тита Никонъча. Вотъ и вся исторія. Ее Василиса знаетъ...

— Mais non! не все тутъ... Конечно, я не вѣрю... это быть не можетъ! Татьяна Марковна!

— Что же пьяная баба еще рассказываетъ? допытывался Райскій.

— Что... въ одну ночь графъ подстерегъ rendez-vous Татьяны Марковны съ Вагутинымъ въ оранжереѣ... Но такое рѣшительное rendez-vous... Нѣтъ, нѣтъ... — Она закатилась смѣхомъ. — Татьяна Марковна! Кто повѣритъ!

Райскій вдругъ сталъ серьезно слушать. У него проснулись какія-то соображенія въ головѣ и захватило духъ отъ этой сплетни.

— Дальше? тихо спросилъ онъ.

— Графъ далъ пощечину Титу Никонъчу...

— Это ложь! вскочивъ съ мѣста перебилъ Райскій: — Титъ Никонъчъ джентльмень... Онъ не вынесъ бы этого...

— И я говорю «ложь»! проворно согласилась Крицкая.—Онъ и не вынесъ... продолжала она: онъ сбилъ съ ногъ графа, душилъ его за горло: схватилъ откуда-то между цвѣтами бривой, садовничій ножъ, и чуть не зарѣзалъ его...

Райскій измѣнился въ лицѣ.—Ну? спросилъ онъ, едва дыша отъ нетерпѣнія.

— Татьяна Марковна остановила его за руку: «ты, говорить, дворянинъ, а не разбойникъ — у тебя есть шпага!» и развела ихъ. Драться было нельзя, чтобъ не огласить ее. Соперники дали другъ другу слово: графъ — молчать обо всемъ, а тотъ — не жениться... Вотъ отъ чего Татьяна Марковна осталась въ дѣвушкахъ... Не подло ли распускать такую... гнусную клевету!

Райскій отъ волненія вздохнулъ всей грудью.

— Видите, что это... ложь! сказалъ онъ: кто могъ видѣть и слышать ихъ?

— Садовникъ спалъ тамъ гдѣ-то въ углу, и будто все видѣлъ и слышалъ. Онъ молчалъ, боялся, былъ крѣпостной... А эта пьяная баба, его вдова, отъ него слышала — и болтаетъ... Разумѣется, вздоръ — кто повѣритъ! я первая говорю: ложь, ложь! эта святая, почтенная Татьяна Марковна!... Крицкая заватилаъ опять смѣхомъ и вдругъ сдержалась. — Но что съ вами? *Allons donc, oubliez tout! Vive la joie!* сказала она. — Что вы нахмурились: перестаньте!

— Я велю еще подать вина!

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь...

— Чего, скажите!.. томно спросила она.

— Дурно сдѣлается: я не привыкъ пить! — сказалъ онъ и всталъ съ мѣста. И она встала.

— Прощайте, навсегда...

— Куда, нѣтъ, нѣтъ!

— Я бѣгу отъ этихъ опасныхъ мѣстъ, отъ обрывовъ, отъ пропастей!... Прощайте, прощайте!...

Онъ схватилъ шляпу и быстро ушелъ. Она осталась, какъ окаменѣлая, потомъ проворно позвонила.

— Коляску мнѣ! сказала она вошедшей дѣвушкѣ: и одѣваться — я ѣду съ визитами!

Райскій вышелъ отъ нея, и все вылетѣло у него изъ головы: осталась — одна «сплетня»! Онъ чувствовалъ въ рассказѣ пьяной бабы — въ этой сплетнѣ — истину...

У него въ рукахъ былъ ключъ отъ прошлаго, отъ всей жизни бабушки.

Ему ясно все: отъ чего она такая? откуда эта нравственная сила, практическая мудрость, знаніе жизни, сердца? отъ чего она такъ скоро овладѣла довѣріемъ Вѣры и успокоила ее, а сама такъ взволновалась? И Вѣра, должно быть — знаетъ все....

Образъ старухи сталъ передъ нимъ во всей полнотѣ.

Думая только дать другое направленіе слухамъ о Вѣрѣ, о себѣ и о Тупинѣ, онъ печально наткнулся на забытую, но живую страницу своей семейной хроники, другую драму, не опасную для ея героевъ—ей минула сорокалѣтняя давность, но глупо поглотившую его самого.

Онъ понялъ теперь бабушку. Онъ вошелъ къ ней съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, забылъ отдать отчетъ о томъ, какъ онъ передалъ Крицкой рассказъ о прогулкѣ Вѣры въ обрывѣ, и впился въ нее жадными глазами.

— Борюшка! съ изумленіемъ сказала она, отступая отъ него: что это, другъ мой — отъ тебя, какъ изъ бочки, винищемъ разить...

Она посмотрѣла на него съ минуту пристально, увидѣла этотъ его, вонзившійся въ нее, глубоко-выразительный взглядъ, сама взглянула—было вопросительно — и вдругъ отвернулась къ нему спиной.

Она поняла, что онъ узналъ «сплетню» о ней самой.

XXII.

Навонецъ совершилась и свадьба Марейинки съ Вивентьевымъ, противъ общаго ожиданія, очень скромно. Приглашено было на нее только высшее общество города и нѣсколько окрестныхъ помѣщиковъ, что однако составило человѣкъ пятьдесятъ. Вѣнчали ихъ въ сельской церкви, послѣ обѣдни въ воскресенье, и потомъ гостямъ предложенъ былъ парадный завтракъ, въ большой залѣ стараго дома, которую передъ тѣмъ за недѣлю мыли, чистили, скребли, чтобъ отпировать въ ней въ послѣдній разъ. Ни разливаннаго моря, ни разгоряченныхъ лицъ и развязныхъ языковъ, ни радостныхъ кликовъ не было. Пуще всего разочарована была дворня этой скромностью, хотя люди и успѣли напиться, но не до потери смысла, и по этой причинѣ признали свадьбу невеселою.

Барыня обнаружила тутъ свою обычную предусмотрительность, чтобы не перепились ни кучера, ни повара, ни лакеи. Всѣ они были нужны: одни готовить завтракъ, другіе служить при столѣ, а третьи—отвезти параднымъ поѣздомъ молодыхъ и всю свиту до переправы черезъ рѣку. Передъ тѣмъ тоже было работы не мало. Цѣлую недѣлю возили приданое за Волгу: гардеробъ, вещи, множество цѣнныхъ предметовъ изъ стараго дома—словомъ, цѣлое имущество.

Марейинка сіяла какъ херувимъ — красотой, всей прелестью

разцвѣтшей розы, и въ этотъ день явилась въ ней новая черта, новый смыслъ въ лицѣ, новое чувство, выразившееся въ задумчивой улыбкѣ и въ висѣвшихъ иногда на рѣсницахъ слезахъ. Сознаніе новой жизни, даль будущаго, строгость долга, моментъ торжества и счастья — все придавало лицу и красотѣ ея нѣжную, трогательную тѣнь. Женихъ былъ скромнень, почти робокъ: пропала его рѣзвость, умоляли шутки, онъ былъ растроганъ. Бабушка задумчиво-счастлива, Вѣра непроницаема и блѣдна.

Райскій, съ умиленіемъ брата, смотрѣлъ на невѣсту, и когда она вышла изъ своей комнаты, совсѣмъ одѣтая, онъ сначала ахнулъ отъ восторга, потомъ испугался, замѣтивъ въ ея свадебномъ, померанцовомъ букетѣ нѣсколько сухихъ, увядшихъ цвѣтковъ.

— Что это? спросилъ онъ торопливо, самъ уже догадываясь.

— Это изъ Вѣрочкина букета, который она мнѣ подарила въ день моего рожденія, сказала она наивно.

Райскій уговорилъ ее вынуть ихъ, и самъ проворно помогъ вытаскивать, сославшись на кабую-то, тутъ же изобрѣтенную имъ, дурную примѣту.

Затѣмъ все прошло благополучно, включая и рыданія молодой, которую буквально оторвали отъ груди бабушки — но это были тоже благополучныя рыданія. И сама бабушка едва держала себя. Она была блѣдна: видно было, что ей стоило необычайныхъ усилій устоять на ногахъ, глядя съ берега на уходящую буквально — отъ нея дочь, такъ долго покоившуюся на ея груди, рукахъ и колѣняхъ. Она залилась только слезами дома, когда почувствовала, что объятія ея не опустѣли, что въ нихъ страстно бросилась Вѣра, и что вся ея любовь почти безраздѣльно принадлежитъ этой другой, сознательной, созрѣлой дочери — ставшей такою путемъ горькаго опыта.

Тушинъ не уѣхалъ къ себѣ послѣ свадьбы. Онъ остался у пріятеля въ городѣ. На другой же день онъ явился къ Татьянѣ Марьевнѣ съ архитекторомъ. И всякій день они разсматривали планы, потомъ осматривали оба дома, садъ, всѣ службы, совѣщались, чертили, высчитывали, соображая радикальныя передѣлки на будущую весну.

Изъ стараго дома было вынесено все цѣнное, мебель, картины, даже болѣе уцѣлѣвшіе паркеты, и помѣщено, частью въ новомъ домѣ, частью въ обширныхъ кладовыхъ, и даже на чердакахъ.

Татьяна Марьевна съ Вѣрой собирались уѣхать въ Новоселово, потомъ гостить къ Викентьевымъ. Весну и лѣто приглашалъ ихъ обѣихъ Тушинъ провести у Анны Ивановны, своей сестры, въ

его «Дымкѣ». На это Татьяна Марковна со вздохомъ отвѣчала: «не знаю, Иванъ Ивановичъ! Обѣщать навѣрное боюсь, но и не отказываю: что Богъ дастъ! Какъ Вѣра!..» Тушинъ все—таки, на всякій случай, съ тѣмъ же архитекторомъ, немедленно занялся соображеніями объ отдѣлѣ дома, для приѣма и помѣщенія дорогихъ гостей.

Райскій перешелъ изъ стараго дома опять въ новый, въ свои комнаты. Козловъ переѣхалъ къ себѣ, съ тѣмъ однако, чтобъ послѣ отъѣзда Татьяны Марковны съ Вѣрой, поселиться опять у нея въ домѣ. Тушинъ звалъ его къ себѣ, просвѣщать свою колонію, начиная съ него самаго. Козловъ почесалъ голову, подумалъ, и вздохнулъ, глядя—на московскую дорогу. «Послѣ, зимой... говорилъ онъ: а теперь я жду...» Онъ не договорилъ и задумался. А онъ ждалъ отвѣта на свое письмо къ женѣ. Ульяна Андреевна недавно написала къ хозяйкѣ квартиры, чтобы ей прислали... теплый салопъ, оставшійся дома, и дала свой адресъ, а о мужѣ не упомянула. Козловъ самъ отправилъ салопъ и написалъ ей горячее письмо—съ призывомъ, говорилъ о своей дружбѣ, даже о любви... Бѣдный! Отвѣта не было. Онъ началъ по-немногу посѣщать гимназію, но на урокахъ впадалъ въ уныніе, былъ разсѣянъ, не замѣчалъ шутокъ, шалостей своихъ учениковъ, не знавшихъ жалости и пощады къ его горю и видѣвшихъ въ немъ только «смѣшного».

За отсутствіемъ Татьяны Марковны, Тушинъ вызвался быть хозяиномъ Малиновки. Онъ называлъ ее своей зимней квартирой, предполагая ѣздить каждую недѣлю, завѣдывать домомъ, деревней и прислугой, изъ которой только Василиса, Егоръ, поваръ и вучеръ уѣзжали съ барыней въ Новоселово. Прочіе всѣ оставались на мѣстѣ, на своемъ положеніи. Якову и Савелью поручено было состоять въ распоряженіи Тушина.

Райскій докончилъ портретъ бабушки и Вѣры, а Крицкой, на неконченномъ портретѣ, придѣлалъ только желтую далию на груди. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ объявилъ, что ѣдетъ черезъ два дня.

— Егоръ, принеси чемоданъ съ чердака, готовъ платье и бѣлье: я ѣду.

На этотъ разъ повѣрилъ и Егоръ. Собирая платье, бѣлье и обувь, онъ нашелъ, что три, четыре тонкихъ рубашки ужъ не очень новы, и потому конфисковалъ ихъ въ свою пользу, также какъ и лишнія, по его мнѣнію, панталоны, жилетъ и пару ботинокъ, съ стоптаннымъ каблучкомъ.

Всѣхъ печальнѣе былъ Титъ Никоничъ. Прежде онъ послѣдовалъ бы за Татьяной Марковной на край свѣта, но послѣ

«сплетни», по крайней мѣрѣ вскорѣ, было бы несовсѣмъ ловко ѣхать съ нею: это могло подтвердить старую исторію, хотя ей, частію не повѣрили, а частію забыли о ней, потому что живыхъ свидѣтелей, кромѣ полупомѣшанной бабы, нивого не было. Татьяна Марковна однако разрѣшила ему пріѣхать къ ней на праздникъ Рождества, и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, пожалуй, и остаться. Онъ вздохнулъ немного отраднѣе и обрадовался предложенію Тушина погостить до тѣхъ поръ у него.

Сплетня о Вѣрѣ вдругъ смолкла, или перешла опять въ ожиданіе о томъ, что она будетъ объявлена невѣстой Тушина, на котораго все и обрушилось, послѣ завтрака Райскаго у Брицкой, между прочимъ и догадка о ея прогулкѣ съ нимъ на днѣ обрыва.

Но ни Тушинъ, ни Вѣра, ни сама Татьяна Марковна, послѣ ея разговора съ первымъ, не обмѣнялись ни однимъ словомъ объ этомъ. Туманное пятно оставалось пятномъ, не только для общества, но для самихъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. для Тушина и бабушки. Какъ ни велика была надежда Татьяны Марковны на дружбу Вѣры въ нему и на свое вліяніе на нее, но втайнѣ у ней возникали нѣкоторыя опасенія. Она рассчитывала на послушаніе Вѣры — это правда, но не на слѣпое повиновеніе своей волѣ. Этого она и не хотѣла и не взялась бы дѣйствовать на волю. Она рассчитывала на покорность самаго сердца: ей казалось невозможнымъ, любя Ивана Ивановича, какъ чело­вѣка, какъ друга, не полюбить его какъ мужа, но чтобъ полюбить такъ, надо прежде выйти замужъ, т. е. начать прямо съ цѣли. Она угадывала состояніе Вѣры и рѣшала, что теперь рано, нельзя. Но придетъ ли когда-нибудь пора, что Вѣра успокоится? Она слишкoмъ своеобразна: судить ее по другимъ нельзя. Отъ этого Татьяна Марковна втайнѣ немного боялась и хмурилась, когда до нея доходили слишкoмъ опредѣленные городскіе слухи и предположенія о бракѣ Вѣры съ Тушинымъ, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ. Одна Вѣра ничего этого не знала, не подозрѣвала и продолжала видѣть въ Тушинѣ прежняго друга, оцѣнивъ его еще больше съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился во весь ростъ надъ обрывомъ, и мужественно перенесъ свое горе, съ прежнимъ уваженіемъ и симпатіей протянулъ ей руку, показавшись въ одинъ и тотъ же моментъ, и добрымъ, и справедливымъ, и великодушнымъ — по своей природѣ, чего братъ Райскій, болѣе его развитой и образованный, достигалъ такимъ мучительнымъ путемъ.

XXIII.

Наканунѣ отъѣзда, въ комнатѣ у Райскаго, развѣшено и разложено было платье, бѣлье, обувь и другія вещи, а столъ загроможденъ былъ портфелями, рисунками, тетрадами, которые онъ готовился взять съ собой. Въ два-три послѣдніе дня передъ отъѣздомъ, онъ собралъ и пересмотрѣлъ опять всѣ свои литературные матеріалы, и между прочимъ отобранные имъ изъ программы романа тѣ листки, гдѣ набросаны были замѣтки о Вѣрѣ.

— Попробую, начну здѣсь, на мѣстѣ дѣйствія! сказалъ онъ себѣ ночью, которую въ послѣдній разъ проводилъ подъ роднымъ кровомъ — и сѣлъ за письменный столъ. — Хотя одну главу напишу! А потомъ, вдалекѣ, когда отодвинусь отъ этихъ лицъ, отъ своей страсти, отъ всѣхъ этихъ драмъ и комедій, — картина ихъ виднѣе будетъ издалика. Даль одѣнетъ ихъ въ лучи поэзіи: я буду видѣть одно чистое созданіе творчества, одну свою статую, безъ примѣси реальныхъ мелочей... Попробую!..

Онъ проворно взялъ чистый листъ бумаги и наверху крупными буквами написалъ:

В Ѣ Р А

Романъ...

Онъ остановился надъ вопросомъ: во сколькоихъ частяхъ? «Одинъ томъ — это не романъ, а повѣсть» думалъ онъ. «Въ двухъ или трехъ: въ трехъ — пожалуй, года три пропишешь! Нѣтъ, довольно двухъ!» И онъ написалъ: «*Романъ въ двухъ частяхъ*».

«Теперь эпиграфъ: онъ давно готовъ!» шепнулъ онъ и написалъ прямо изъ памяти слѣдующее стихотвореніе Гейне, и подъ нимъ переводъ, сдѣланный недавно:

Nun ist es Zeit, dass ich mit Verstand
 Mich aller Thorheit entled'ge,
 Ich hab' so lang, als ein Komödiant
 Mit dir gespielt die Komödie.

Die prächt'gen Couliissen, sie waren bemalt
 Im hoch romantischen Stile,
 Mein Rittermantel hat goldig gestrahlt,
 Ich fühlte die feinsten Gefühle.

Und nun ich mich gar stüberlich
Des tollen Tands entled'ge:
Noch immer elend fühle ich mich,
Als spielt' ich noch immer Komödie.

Ach, Gott! im Scherz und unbewusst
Sprach ich, was ich geföhlet;
Ich hab' mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielt!

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора воротиться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку.

Росписаны были кулисы пестро,
Я тагъ декламировалъ страстно;
И мантии блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувство — все было прекрасно!

Теперь же, хотъ бросилъ я это тряпье,
Хотъ нѣтъ театральнаго хламу, —
Все также болить еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму.

И что за поддѣльную боль я считалъ,
То боль оказалась живая —
О Боже, я раненый на смерть — игралъ,
Гладиатора смерть представляя!

Онъ перечиталъ, сильно вздохнулъ и, положивъ локти на столъ, подперъ руками щеки и смотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ съ грустью видѣлъ, что сильно похудѣлъ, что прежнихъ живыхъ красокъ, подвижности въ чертахъ, не было. Слѣды молодости и свѣжести стерлись до конца. Не даромъ ему обошлись эти полгода. Волъ и сѣдые волосы сильно серебрятся. Онъ приподнялъ рукой густыя пряди черныхъ волосъ, и тоже не безъ грусти видѣлъ, что они рѣдѣютъ, что ихъ темный колоритъ мѣшается съ бѣлымъ.

«Да: *раненый на смерть — игралъ гладиатора смерть!...*» шепнулъ онъ со вздохомъ, и взявъ перо, хотѣлъ писать.

Въ это время вошелъ Егоръ спросить, въ которомъ часу будить его. Райскій махнулъ ему рукой, чтобъ оставилъ его, сказавъ, что будить не надо, что онъ встанетъ самъ, а можетъ быть и вовсе не ляжетъ, потому что у него много «дѣла».

Егоръ за ужиномъ пересказалъ это дѣвушкамъ, прибавивъ, что баринъ собирается, должно быть, опять «чудить» ночью, какъ бывало въ началѣ осени.

— Это очень занятно, заключилъ онъ:— жалко, а иной разъ и страшно станеть!

Райскій написалъ подь эпитафюмъ:

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Потомъ подумаль, прошелся раза три по комнатамъ и вдругъ сѣлъ и началъ писать.

«Женщины! вами вдохновленъ этотъ трудъ, проворно писалъ онъ: — вамъ и посвящается! Примите его благосклонно. Если его встрѣтитъ вражда, лукавыя толки, недоразумѣнія — вы поймете и оцѣните, что водило моими чувствами, моею фантазіей и перомъ! Отдаю, и свое созданіе, и себя самого, подь вашу могущественную защиту и покровительство! Отъ васъ только и ожидаю... «наградъ» — написалъ онъ и, зачеркнувъ, поставилъ: «одобренія», опять зачеркнулъ и поставилъ: «снисхожденія».

«Долго ходилъ я, какъ юродивый, между вами, съ Діогеновскимъ фонаремъ, — писалъ онъ дальше — отыскивая въ васъ черты негнѣнной красоты для своего идеала, для своей статуи! Я одолеваль всѣ преграды, переносилъ всѣ муки (вѣдь непременно будутъ преграды и муки — безъ этого нельзя: *«отъ болѣзней имати родити чадо, сказано»* — подумаль онъ) — и все шель своимъ путемъ, къ своему созданію. Рядомъ съ красотой — видѣлъ ваши заблужденія, страсти, паденія, падалъ самъ, увлекаясь вами, и вставалъ опять, и все звалъ васъ, на высокую гору, искушая — не дьявольской заманкой, не царствомъ суеты, звалъ именемъ другой силы на путь совершенствованія самихъ себя, а съ собой и насъ: дѣтей, отцовъ, братьевъ, мужей и.... друзей вашихъ!

«Вдохновляясь вашей лучшей красотой, вашей неодолимой силой — женской любовью — я слабой рукой писалъ женщину, съ надеждой, что вы узнаете въ ней хоть блѣдное отраженіе — не однихъ вашихъ взглядовъ, улыбокъ, красоты формъ, граціи, но и вашей души, ума, сердца — всей прелести вашихъ лучшихъ силъ!

«Не манилъ я васъ въ глубокую бездну учености, ни на грубый, не-женскій трудъ, не входилъ съ вами въ споры о правахъ, отдавая вамъ первенство безъ спора. Мы не равны: вы выше насъ, вы сила, мы ваше орудіе. Не отнимайте у насъ, говорилъ я вамъ, ни сохи, ни заступа, ни меча изъ рукъ. Мы взроемъ вамъ землю, украсимъ ее, спустимся въ ея бездны, переплывемъ моря, пересчитаемъ звѣзды, — а вы, рождая насъ, берегите, какъ прови-

дѣніе, наше дѣтство и юность, воспитывайте насъ честными, учите труду, человѣчности, добру, и той любви, какую Творецъ вложилъ въ ваши сердца—и мы твердо вынесемъ битвы жизни и пойдѣмъ за вами вслѣдъ туда, гдѣ все совершенно, гдѣ—вѣчная красота!

«Время сняло съ васъ много оковъ, наложенныхъ лукавой и грубой тиранніей: сниметъ и остальные, дастъ просторъ и свободу вашимъ великимъ, соединеннымъ силамъ ума и сердца — и вы открыто пойдете своимъ путемъ и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляемъ свою!»

«Отбросьте же хитрость — это орудіе слабости — и всѣ ея темные, ползучіе ходы и цѣли»...

Онъ остановился, подумаль, подумаль — и зачеркнулъ послѣднія двѣ строки. «Бажется, я грубости началъ говорить!» шепталъ онъ. «А Титъ Никоничъ учить дѣлать дамамъ только однѣ «пріятности». Послѣ посвященія онъ крупными буквами написалъ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Онъ всталъ и, потирая руки, началъ скоро ходить по комнатѣ, вдумываясь въ первую главу, какъ, съ чего начать, что въ ней сказать.

Походивъ полчаса, онъ умѣрилъ шагъ—будто боролся мысленно съ трудностями. Шагъ становился все тише, медленнѣе. Наконецъ онъ остановился посреди комнаты, какъ растерянный, точно наткнулся на какой-то камень и почувствовалъ толчокъ.

«Да, шепталъ онъ въ страхѣ: чего добраго: пожалуй, вмѣсто «высокой горы», да вдругъ.... Что это мнѣ пришло въ голову!» Онъ глубоко задумался.

«Ну, какъ я напишу драму Вѣры, да не сдумѣю обставить пропастями ея паденіе (думаль онъ)—а русскія дѣвы примутъ ошибку за образецъ, да какъ козы — одна за другой — пойдутъ скакать съ обрывовъ!.. А обрывовъ много въ русской землѣ! Что скажутъ маменьки и папеньки!...»

Онъ минутъ пять постоялъ на мѣстѣ, потомъ вдругъ захохоталъ — и опять скорыми шагами заходилъ по комнатѣ.

«Какъ поблѣднѣли бы русскія Вѣры и какъ покраснѣли бы всѣ Марейники, еслибъ узнали, что я принялъ ихъ.... за козы!»

«Не это помѣшаетъ мнѣ писать романъ, сказалъ онъ, вздохнувъ печально, а другое... Напримѣръ... цензура! Да, цензура помѣшаетъ! почти съ радостью произнесъ онъ, какъ будто нашелъ счастливую находку. — А еще что?»

И задумался... «Кажется, больше ничего: следовательно остается писать...»

Онъ умѣрилъ шагъ, вдумываясь въ теанъ романа, въ фэбулу, въ постановку характера Вѣры, въ психологическую, еще пока закрытую задачу... въ обстановку, въ аксесуары;—задумчиво сѣлъ и положилъ руки съ локтями на столъ и на нихъ голову. Потомъ поцарапалъ сухимъ перомъ по бумагѣ, лѣниво обмакнулъ его въ чернила, и еще лѣнивѣе написалъ въ новую строку, послѣ словъ, Глава I:

«Однажды...»

Подумалъ, подумалъ и легъ головой на руки, обдумывая продолженіе: прошло съ четверть часа, глаза у него стали мигать чаще. Его клонилъ сонъ.

Ему показалось неловко дремать сидя, онъ перешелъ на диванъ, положилъ голову на мягкую обивку дивана, а ноги вытянулъ:—«освѣжусь немного, потомъ примусь...» рѣшилъ онъ... и вскорѣ заснулъ. Въ комнатѣ раздавалось ровное, мѣрное храпѣнье.

Когда онъ проснулся, уже разсвѣтало. Онъ вскочилъ и посмотрѣлъ вокругъ удивленными, почти испуганными глазами, какъ будто увидѣлъ въ снѣ что-то новое, неожиданное, точно Америку открылъ.

— И во снѣ статуя! произнесъ онъ: все статуя да статуя! Что это: намеки? указанія?!

Онъ подошелъ къ столу, пристально поглядѣлъ въ листки, въ написанное имъ предисловіе, вздохнулъ, покачалъ головой и погружился въ какое-то, должно быть, тяжелое раздумье. «Что я дѣлаю! Во что трачу время и силы: еще годъ пропалъ! Романъ!» шепталъ онъ съ озлобленіемъ.

Онъ отодвинулъ рукопись въ сторону, живо порывся въ ящикѣ, между письмами, и досталъ оттуда полученное за мѣсяцъ письмо отъ художника Кирилова, пробѣжалъ его глазами, взялъ листъ почтовой бумаги и сѣлъ за столъ.

«Спѣшу—въ здоровомъ умѣ и твердой памяти—писалъ онъ—увѣдомить васъ перваго, любезный Кириловъ, о новой и неожиданной, только-что открывшейся для меня перспективѣ искусства и дѣятельности... Прежде всего тороплюсь винуть вамъ эти двѣ строки, въ отвѣтъ на ваше письмо, гдѣ вы пишете, что собираетесь въ Италію, въ Римъ,—на случай, если я замедлю въ дорогѣ. Я самъ ѣду въ Петербургъ. Погодите—ради Бога—и я съ вами! Возьмите меня съ собой: пожалуйста слѣпца, безумца, только сегодня прозрѣвшаго, угадавшаго свое призваніе! Долго блуждалъ я въ темнотѣ, и чуть не сдѣлался самоубійцей, т. е. чуть не сгубилъ своего дарованія, ставши на ложный путь!

Вы находили въ моихъ картинахъ признаки таланта: мнѣ держаться бы кисти, а я бросался къ музыкѣ, и наконецъ бросился къ литературѣ — и буквально разбросался! Затѣялъ писать романъ! И вы, и никто — не остановили меня, не сказали мнѣ, что я — пластикъ, язычникъ, древній грекъ въ искусствѣ! Выдумалъ какую-то «осмысленную и одухотворенную Венеру!» Мое дѣло чертить картины нравовъ, быта, осмысливать и освѣщать основы жизни! Психологія, анализъ!

«Мое дѣло — формы, вѣшняя, ударяющая на нервы красота!

«Для романа — нужно... другое, а главное — годы времени! Я не пожалѣлъ бы трудовъ, и на время не поскупился бы, еслибъ былъ увѣренъ, что моя сила — въ перѣ!

«Я сохраню впрочемъ эти листы: можетъ быть... Нѣтъ, не хочу обольщать себя невѣрной надеждой! Творчество мое не ладитъ съ перомъ. Не по натурѣ мнѣ вдумываться въ сложный механизмъ жизни! Я пластикъ, повторяю: мое дѣло только видѣть красоту — и простодушно, «не мудрствуя лукаво», отражать ее въ созданіи...

«Сохраню эти листы затѣмъ развѣ, чтобы когда-нибудь вспоминать, чему я былъ свидѣтелемъ, какъ жили другіе, какъ жилъ я самъ, что чувствовалъ (или вѣрнѣе ощущалъ), что пере-несъ — и...

«И послѣ моей смерти — другой найдетъ мои бумаги:

«Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду» —

«И — можетъ быть — напишетъ...

«Теперь, хотите ли знать кто я, что я... Скульпторъ!

«Да, скульпторъ — не ахайте и не бранитесь! Я только сейчасъ убѣдился въ этомъ, долго не понимая намековъ, призывовъ: отъ чего мнѣ и Вѣра, и Софья, и многія, многія — прежде всего являлись статуями! Теперь мнѣ ясно!

«Я пластикъ — вы знаете это, вы находите во мнѣ талантъ: стало быть нужно мнѣ только отыскать свое орудіе и приѣмъ! У кого пальцы сложились, какъ орудіе фантазіи, въ приѣмъ для кисти, у кого для струнъ или клавишей, у меня — какъ я теперь догадываюсь — для лѣпки, для рѣзца... Глазъ у меня есть, вкусъ тоже — и feu sacré — да? вы этого не отвергаете? Не спорьте же, не послушаю, а лучше спасите меня, увезите съ собой и помогите стать на новый путь, на путь Фидіасовъ, Праксителей, Кановы — и еще очень немногихъ!

«Никто не можетъ сказать — что я не буду одинъ изъ этихъ немногихъ... Во мнѣ слишкомъ богата фантазія: искры ея, какъ вы сами говорите, разбросаны въ портретахъ, сверкаютъ даже въ

моихъ скудныхъ музыкальныхъ опытахъ!.. И если не сверянули въ созданіи поэмы, романа, драмы или комедіи, такъ это потому...»

Онъ чихнулъ.

«Вотъ, значитъ — правда!» подумалъ онъ — «что я пла- стикъ — и только пластикъ: я отрекаюсь отъ музыки — она да- лась мнѣ въ придачу въ прочему. Я вляну потраченное на нее и на романъ время и силы. — До свиданія, Кириловъ — не противорѣчьте, убьете меня, если будете разрушать мой новый идеалъ искусства и дѣятельности. Пожалуй, вы поколеблете меня вашими сомнѣніями — и тогда я утону безвозвратно въ волнахъ миражей и неисконной скуки! Если скульптура измѣнитъ мнѣ (Боже сохрани! я не хочу вѣрить: слишкомъ много говорить *за*); я самъ казню себя, самъ отыщу того, гдѣ бы онъ ни былъ — кто первый усомнился въ успѣхѣ моего романа (это — Маркъ Волоховъ) и торжественно скажу ему: да, ты правъ: я — *неудач- никъ*! А до тѣхъ поръ дайте жить и уповать!

«Въ Римъ! въ Римъ! — туда, гдѣ искусство — не роскошь, не забава — а трудъ, наслажденіе, сама жизнь! Прощайте! до ско- раго свиданія!»

Онъ съ живостью собралъ всѣ бумаги, вучей, въ беспорядкѣ сунулъ ихъ въ большой старый портфель — сдѣлалъ «ухъ», какъ будто горбатый вдругъ сбросилъ горбъ, и весело потеръ рука объ руку.

XXIV.

На другой день, съ ранняго утра, весь домъ поднялся на ноги — провожать гостя. Приѣхалъ и Тушинъ, приѣхали и мо- лодые Викентьевы. Марейнка была — чудо красоты, нѣги, стыд- ливости. На каждый взглядъ, на каждый вопросъ, обращенный къ ней, лицо ея вспыхивало и отвѣчало неуловимой, нервной игрой ощущеній, нѣжныхъ тоновъ, оттѣнковъ чуткихъ мыслей — всего, объяснивагося ей въ эту недѣлю смысла новой, полной жизни. Викентьевъ ходилъ за ней, какъ пажъ, глядя ей въ глаза, не нужно ли, не желаетъ ли она чего-нибудь, не беспокоить ли ее что-нибудь?

Счастье ихъ слишкомъ молодо и эгоистически захватывало все вокругъ. Они никого и ничего почти не замѣчали, кромѣ себя. А вокругъ были грустныя, или задумчивыя лица. Съ полудня наконецъ и молодая чета оглянулась на другихъ и от- резвилась отъ эгоизма. Марейнка хмурилась и все лънула къ брату. За завтракомъ никто ничего не ѣлъ, кромѣ Козлова, который задумчиво и грустно одинъ съѣлъ машинально блюдо маіонеза, вздыхая, глядя куда-то въ неопредѣленное пространство.

Татьяна Марковна пробовала заговаривать объ имѣніи, объ отчетѣ, до передачи Райскимъ усадьбы сестрамъ, но онъ взглянулъ на нее такими усталыми глазами, что она отложила счеты и отдала ему только хранившіеся у ней рублей шесть-сотъ его денегъ. Онъ триста рублей при ней же отдалъ Василисѣ и Якову, чтобъ они роздали дворнѣ и поблагодарили ее за «дружбу, баловство и услужливость».

— Много—уродъ! прощють... шептала Татьяна Марковна.

— Пусть ихъ, бабушка: да отпустите ихъ на волю...

— Рада бы: хоть сейчасъ со двора!—Намъ съ Вѣрой теперь вдвоемъ нужно дѣвушку да человѣка: да не пойдутъ! Куда они дѣнутся? Избалованы, вѣкъ — на готовомъ хлѣбѣ!

Послѣ завтрака всѣ окружили Райскаго. Марейнька заливалась слезами: она смочила три-четыре платка. Вѣра оперлась ему рукой на плечо и глядѣла на него съ томной улыбкой, Тушинъ серьезно. У Викентьева лицо дружески улыбалось ему, а по носу изъ глазъ катилась слеза «съ вишню», какъ замѣтила Марейнька и стыдливо сняла ее своимъ платкомъ.

Бабушка хмурилась, но вѣпилась, боясь расчувствоваться.

— Оставайся съ нами!—говорила она ему съ упрекомъ.—Куда ѣдешь: самъ не знаешь...

— Въ Римъ, бабушка...

— За чѣмъ? Папы не видалъ?

— Дѣлать...

— Что? — Долго бы было объяснять ей новые планы — и онъ только махнулъ рукой.

— Останьтесь, останьтесь! пристала и Марейнька, вѣпившись ему въ плечо. Вѣра ничего не говорила, зная, что онъ не останется, и думала только, не безъ грусти, узнавъ его характеръ, о томъ, куда онъ теперь дѣнется и куда дѣнетъ свои досуги, «таланты», которые вѣчно будетъ только чувствовать въ себѣ и не сумѣетъ, ни угадать своего собственного таланта, ни остановиться на немъ и приспособить его къ дѣлу. «Братъ! шепнула она: если скука опять будетъ одолѣвать тебя, заглянешь ли ты сюда, въ этотъ уголокъ, гдѣ тебя теперь понимаютъ и любятъ?..

— Непремѣнно, Вѣра! Сердце мое приютилось здѣсь: я люблю всѣхъ васъ — вы моя единственная, неизмѣнная семья: другой не будетъ! Бабушка, ты и Марейнька — я унесу васъ вездѣ съ собой — а теперь не держите меня! Фантазія тянетъ меня туда, гдѣ... меня нѣтъ! У меня завипѣло въ головѣ... шепнулъ онъ ей: черезъ какой-нибудь годъ, я сдѣлаю... твою статую — изъ мрамора...

У ней задрожалъ подбородокъ отъ улыбки.

— А романъ? спросила она.

Онъ махнулъ рукой. — Какъ умру, пусть возится, кто хочетъ, съ моими бумагами: матеріала много... А мнѣ написано на роду создать твой бюстъ...

— Не пройдетъ и года, ты опять влюбишься, и не будешь знать, чью статую лѣпить...

— Можетъ быть, и влюблюсь, но никогда никого не полюблю, кромѣ тебя, и изсѣку изъ мрамора твою статую... Вотъ она, какъ живая передо мной!..

Она все съ улыбкой глядѣла на него.

— Непремѣнно, непремѣнно! горячо увѣрялъ онъ ее.

— Опять ты—«непремѣнно», вмѣшалась Татьяна Марковна: не знаю, что ты тамъ затѣваешь, а если сказалъ «непремѣнно», то ничего и не выйдетъ!

Райскій подошелъ къ Тушину, задумчиво сидѣвшему въ углу, и молча наблюдавшему сцену прощанія.

— Если когда-нибудь исполнится... то, чего мы всѣ желаемъ, Иванъ Ивановичъ... шепнулъ онъ, наклонясь къ нему, и пристально взглянулъ ему въ глаза, Тушинъ понялъ его.

— Всѣ ли, Борисъ Павловичъ? И случится ли это?

— Я вѣрю, что случится: иначе быть не можетъ. Ужъ если бабушка и ея «судьба» захотятъ...

— Надо, чтобъ захотѣла и другая, — моя «судьба»...

— Захочетъ—договорилъ Райскій съ увѣренностью—и если это случится, дайте мнѣ слово, что вы увѣдомите меня по телеграфу, гдѣ бы я ни былъ: я хочу держать вѣнецъ надъ Вѣрой...

— Да, если случится... даю слово...

— А я даю слово пріѣхать.—Козловъ въ свою очередь отвѣлъ Райскаго въ сторону. Долго шепталъ онъ ему, прося отыскать жену, далъ письмо къ ней и адресъ ея, и успокоился, когда Райскій тщательно положилъ письмо въ бумажникъ. «Поговори ей... и напиши мнѣ... съ мольбой заключилъ онъ: а если она соберется... сюда... ты по телеграфу дай мнѣ знать: я бы поѣхалъ до Москвы, на встрѣчу ей...»

Райскій обѣщалъ все и съ тяжелымъ сердцемъ отвернулся отъ него, посоветовавъ ему пока отдохнуть, погостить зимніе ваникулы у Тушина.

Тихо вышли всѣ на крыльцо, къ экипажу, въ грустномъ молчаніи. Марейнка продолжала плавать. Вивентьевъ подалъ ей уже пятый носовой платокъ.

Въ послѣднее мгновеніе, когда Райскій готовился сѣсть, онъ оборотился взглянуть еще разъ на провожавшую его группу. Онъ, Татьяна Марковна, Вѣра и Тушинъ—обмѣнялись взглядомъ—и

въ этомъ взглядѣ, въ одномъ мгновеніи, вдругъ мелькнулъ, какъ будто всѣмъ имъ приснившійся, тяжелый полугодовой сонъ, всѣ вытерпѣнные ими муки... Никто не сказалъ ни слова. Ни Марейнъка, ни мужъ ея, не поняли этого взгляда, — не замѣтила ничего и толпившаяся невдалекѣ дворня.

Съ этимъ взглядомъ и съ этимъ сномъ въ головѣ скрылся Райскій у нихъ изъ вида.

XXV.

Въ Петербургѣ онъ прежде всего бросился къ Кирилову: онъ чуть не оцупывалъ его, онъ ли это, тутъ ли, не уѣхалъ ли безъ него, и повторилъ ему свои новыя артистическія упованія на скульптуру. Кириловъ сморщился, такъ что носъ ушелъ со всѣмъ въ бороду — и отвернулся съ неудовольствіемъ.

— Что это за новость! По вашему письму я подумалъ, не рехнулись ли вы? Вѣдь у васъ есть одинъ талантъ: отчего бросились опять въ сторону? Возьмите карандашъ, да опять въ академію — да вотъ купите это. — Онъ показалъ на толстую тетрадь литографированныхъ анатомическихъ рисунковъ. — Выдумали скульптуру! Поздно... Съ чего вы это взяли?..

— Да мнѣ кажется, у меня — вотъ въ пальцахъ (онъ сложилъ пять пальцевъ вмѣстѣ и потиралъ ими) есть именно этотъ приѣмъ — для лѣпки...

— Когда вздумали! Еслибъ и былъ приѣмъ, такъ поздно!

— Что за поздно: у меня есть знакомый прапорщикъ — какъ лѣпить!..

— Прапорщикъ — такъ: а вы... съ сѣдыми волосами!

Онъ энергически потрясъ головой. Райскій не сталъ спорить съ нимъ, а пошелъ къ профессору скульптуры, познакомился съ его учениками и недѣли три ходилъ въ мастерскую. Дома у себя оцъ натаскалъ глины, закупилъ моделей головъ, рукъ, ногъ, торсовъ, надѣлъ фартукъ и началъ лѣпить съ жаромъ, не спалъ, никуда не ходилъ, видясь только съ профессоромъ скульптуры, съ учениками, ходилъ съ ними въ Исакиевскій Соборъ, замирая отъ удивленія передъ работами Витали, вглядываясь въ приѣмы, въ детали, въ эту новую сферу новаго искусства. Словомъ, имъ овладѣла горячка: онъ ничего не видалъ нигдѣ, кромѣ статуй, не выходилъ изъ Эрмитажа, и все торопилъ Кирилова ѣхать скорѣй въ Италію, въ Римъ.

Онъ не забылъ порученія Козлова и пошелъ отыскивать по адресу его жену, гдѣ-то въ Гороховой, въ *chambres garnies*. Войдя въ корридоръ номера, онъ услышалъ звуки вальса и —

говоръ. Ему послышался голосъ Ульяны Андреевны. Онъ даль отворившей ему дверь дѣвушкѣ свою карточку и письмо отъ Козлова. Немного погодя, дѣвушка воротилась, нѣсколько смущенная, и сказала, что Ульяны Андреевны нѣтъ, что она поѣхала въ Царское Село, къ знакомымъ, а оттуда отправится прямо въ Москву. Райскій вышелъ въ сѣни: на встрѣчу ему попалась женщина и спросила, кого ему надо. Онъ назвалъ жену Козлова. «Онѣ больны, лежатъ въ постели, никого не принимаютъ!» солгала и она.

Райскій ничего не написалъ къ Козлову.

Онъ едва повидался съ Аяновымъ, перетащилъ къ нему вещи съ своей квартиры, а послѣднюю сдалъ. Получивъ отъ опекуна—за заложенную землю—порядочный кушъ денегъ, онъ въ январѣ уѣхалъ съ Кириловымъ, сначала въ Дрезденъ, на поклонъ Сикстинской мадоннѣ, «Ночи» Корреджіо, Тиціану, Поль Веронезу и прочимъ, и прочимъ.

Въ Дрезденѣ онъ съ Кириловымъ всѣ утра проводилъ въ галереѣ—да изрѣдка бывалъ въ театрѣ. Райскій торопилъ Кирилова ѣхать дальше, въ Голландію, потомъ въ Англію и въ Парижъ. Но Кириловъ уперся и въ Англію не поѣхалъ.

— Зачѣмъ мнѣ въ Англію: я туда не хочу, говорилъ онъ.— Тамъ всѣ чудеса въ частныхъ галереяхъ—туда не пустать. А общественная галерея—небогата. Изъ Голландіи вы поѣзжайте одни въ Англію, а я въ Парижъ, въ Лувръ. Тамъ я васъ подожду.

Такъ они и сдѣлали. Впрочемъ и Райскій пробылъ въ Англіи всего двѣ недѣли—и не успѣлъ даже ахнуть отъ изумленія,—подавленный грандіознымъ оборотомъ общественнаго механизма жизни—и поспѣшилъ въ веселый Парижъ. Онъ видѣлъ по утрамъ Лувръ, а вечеромъ мышиную бѣготню, веселые визги, вѣчную оргію, хмѣль крутящейся вихремъ жизни, и унесъ оттуда только чадъ этой оргіи, не давшей уложиться поглубже наскоро захваченнымъ изъ этого омута мыслямъ, наблюденіямъ и впечатлѣніямъ.

Едва первые лучи полуденной весны сверкнули изъ-за Альпъ, оба артиста бросились черезъ Швейцарію въ Италію.

Райскій, живо принимая впечатлѣнія, мѣняя одно на другое, бросаясь отъ искусства къ природѣ, къ новымъ людямъ, новымъ встрѣчамъ—чувствовалъ, что три, самыя глубокія его впечатлѣнія, самыя дорогія воспоминанія, бабушка, Вѣра, Марейнка—сопутствуютъ ему всюду, вторгаются во всякое новое ощущеніе, наполняютъ собой его досуги, что съ ними трема—онъ связанъ и той крѣпкой связью, отъ которой только человѣку и бываетъ хорошо—какъ ни отъ чего не бываетъ, и отъ нея же бываетъ

иногда больно, какъ ни отъ чего, когда судьба неласково дотронется до такой связи.

Эти три фигуры являлись ему, и какъ артисту, всюду. Плеснетъ сѣдой валъ на морѣ, мелькнетъ снѣжная вершина горы въ Альпахъ—ему видится въ нихъ сѣдая голова бабушки. Она выглядывала изъ портретовъ старухъ Веласкеца, Жераръ-Дога, — какъ Вѣра изъ фигуръ Мурильо, Марейнка изъ головокъ Греза, иногда Рафаеля...

На днѣ швейцарскихъ обрывовъ мелькалъ образъ Вѣры, надъ скалами снилась ему его отчаянная борьба съ ней... Далѣе—брошенный бузетъ, ея страданіе, искупленіе... все!

Онъ вздрагивалъ и отрезвлялся, потомъ видѣлъ ихъ опять, съ улыбкой и любовью протягивающими руки къ нему.

Три фигуры слѣдовали за нимъ и по ту сторону Альпъ, когда передъ нимъ встали другія три величавыя фигуры: природа, искусство, исторія...

Онъ страстно отдался имъ, испытывая новыя ощущенія, почти болѣзненно потрясавшія его организмъ.

Въ Римѣ, устроивъ съ Кириловымъ мастерскую, онъ дѣлилъ время между музеями, дворцами, руинами, едва чувствуя красоту природы, запирался, работалъ, потомъ терялся въ новой толпѣ, казавшейся ему какою-то громадной, яркой, подвижной картиной, отражавшей въ себѣ тысячелѣтія—во всемъ блескѣ величія и въ поразительной наготѣ всей мерзости—отжившаго и живущаго человечества.

И вездѣ, среди этой горячей артистической жизни, онъ не измѣнялъ своей семьѣ, своей группѣ, не вrostалъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ тамъ. Часто, въ часы досуга отъ работъ и отрезвленія отъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній раздражительныхъ красотъ юга—его тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы и искусства, пропитаться насевозъ духомъ окаменѣлыхъ преданій и унести все съ собой туда, въ свою Малиновеу...

За нимъ все стояли и горячо звали къ себѣ—его три фигуры: его Вѣра, его Марейнка, бабушка: а за ними стояла, и сильнѣе ихъ влекла его къ себѣ—еще другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка»—Россія.

И. Гончаровъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

V*).

Виды Россіи. — Процессъ Понинскаго. — Его побѣгъ. — Конституціонная депутація. — Исканіе финансовъ средствъ. — Просьба городовъ ¹⁾).

Уступчивость Екатерины закружила головы полякамъ. Патриоты стали выводить, что Рѣчь-Посполитая достигла такого состоянія, когда можетъ заставить себя уважать. Нѣкоторые разсуждали, что этимъ Польша обязана не Пруссіи: прусское ходайство передъ петербургскимъ дворомъ было слабое; сама Польша, сама своею энергіею, своею блестящею героическою рѣшимостью заставила смириться коварнаго врага, который рылъ подъ нею яму. На самомъ дѣлѣ уступчивость Россіи соединялась съ ея дальновидною политикою. Занятая войною съ Турціею, Россія уступала пока Польшѣ, чтобы избѣгать столкновеній съ европейскими дворами, при увѣренности, что Польша, при всеобщемъ желаніи, не въ силахъ причинить ей зла. Поляки воображали, что ихъ уважаютъ и боятся, а на самомъ дѣлѣ Екатерина рассчитывала тогда уже, что предоставленные самимъ себѣ, поляки будутъ шумѣть, составлять проекты, спорить, ничего не сдѣлаютъ, и въ концы концовъ передерутся; какаянибудь-партія непремѣнно

---

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618 — 694 стр.

¹⁾ См. Источ. №№ 21, 15, 18, 47. Протоц. сейма хран. въ Лит. Метр.

обратится къ Россіи: тогда можно будетъ вмѣшаться въ ихъ дѣла законнымъ и благовиднымъ образомъ и взять ихъ въ руки такъ крѣпко, какъ они еще не были; противиться же ихъ реформамъ при настоящихъ обстоятельствахъ значило побудить ихъ отдаться преждевременно въ руки прусскаго короля и поставить Россію въ явно враждебныя отношенія къ Пруссіи, а это Россіи было вовсе некстати до окончанія войны.

Продажность государственныхъ людей въ Польшѣ была постояннымъ предметомъ обличенія и смѣлыхъ рѣчей. «Въ Польшѣ—говорилъ посоль Суходольскій—до того вошло въ обычай брать заграничныя пенсіоны, что ихъ помѣщали даже въ завѣщаніяхъ. Да постигнетъ суровое наказаніе тѣхъ, которые говорятъ: «пусть Рѣчь-Посполитая на насъ гнѣвается, а мы будемъ брать гдѣ даютъ и когда даютъ». Послѣ такихъ обличительныхъ выходовъ, членовъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ обязывали произнести присягу, что они не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. «Довольно будетъ—сказалъ по этому поводу Плецкій епископъ Шембекъ—если они присягнутъ, что не будутъ брать; зачѣмъ же имъ присягать, что не брали?» Онъ зналъ, что иные дозволяли себѣ это прежде.

Тогда, разсердившись на пенсіоны, наизулись на Понинскаго, бывшаго маршалкомъ сейма 1772—1775 годовъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ, въ тѣ времена получая отъ Россіи пенсіонъ, обязался дѣйствовать во вреду Рѣчи-Посполитой, подъ страхомъ русскаго войска принудилъ избрать себя посломъ противно желанію другихъ пословъ, потомъ заставилъ избрать себя маршаломъ, превратилъ обыкновенный сеймъ въ конфедераціонный, установилъ конфедераціонныя суды, наполнилъ ихъ своими подручниками, принялъ званіе короннаго подскарбія и чрезъ то распорядился казною, и, наконецъ, изъ угожденія иностраннымъ дворамъ, содѣйствовалъ отторженію отъ Польши ея земель. До сихъ поръ Понинскій во время сейма предсѣдательствовалъ въ сварбовой коммисіи, но когда раздались пламенныя рѣчи Суходольскаго и вооружили патриотовъ противъ продажности, вся злоба ихъ излилась на Понинскаго. Гетманъ Браницкій кричалъ противъ него и требовалъ правосудія, хотя самъ получилъ нѣкогда староства за услуги Россіи. Назначили особый сеймовый судъ. Членовъ его выбрали по жребію: жребій палъ между прочимъ на Браницкаго; такимъ образомъ, человекъ, котораго надобно было судить за то же, за что судили Понинскаго, сдѣлали его судьей. Предложили, предавъ суду, арестовать Понинскаго. Послѣднее казалось беззаконно, потому что по польскимъ законамъ дворянина нельзя было арестовать, не осудивши. На-

рушение закона *Neminem caritabimus* предлагалось въ видѣ заключенія по чрезвычайной важности преступленія. Посоль Морскій доказывалъ, что этотъ законъ имѣетъ цѣлью ограничивать произволъ короля, а сейма не долженъ стѣснять. На это возражали, что въ такомъ случаѣ нужно, чтобъ это произошло путемъ единогласія; говорившіе такъ знали, что это было трудно: за Понинскимъ были голоса на сеймѣ. Тогда враги его и обвинители, Суходольскій и Сухоржевскій объявили, что сами идутъ подъ арестъ и подвергнуть себя наказанію, положенному клеветникамъ, если Понинскій по суду окажется невиннымъ. Выходка эта понравилась большинству, Понинскаго рѣшили арестовать, но содержать прилично его званію. Это уваженіе къ званію было поводомъ къ тому, что Понинскій содержался въ собственномъ домѣ, окруженный всѣми удобствами, даже принималъ посѣтителей. Такимъ образомъ онъ сидѣлъ до 2-го іюля, и тогда убѣжалъ. Вотъ какъ это случилось. У изголовья его постели былъ небольшой нишафъ, за которымъ находилась задѣланная дверь, выходившая въ пустую комнату. Понинскій спалъ въ комнатѣ одинъ, а передъ его спальнею находился караулившій его офицеръ. Слуги отмуровали дверь за шкафомъ, Понинскій сдѣлалъ изъ платковъ, полотенецъ и подушекъ чучело, придавши ему такой видъ, чтобы оно издали казалось закрытымъ человѣческимъ тѣломъ, надѣлъ на него колпакъ, закрылъ одѣяломъ, а самъ исчезъ въ продѣланную дверь. Офицеръ, по имени Напорковскій, утромъ входилъ къ нему въ комнату осведомиться, спитъ ли онъ, потому что его объ этомъ кто-то спрашивалъ, увидаль, навъ ему показалось, что Понинскій лежитъ подъ одѣяломъ и отошелъ прочь, но потомъ ему стало странно, что Понинскій такъ долго спитъ; онъ вошелъ снова въ спальню, два или три раза назвалъ его по имени, не получилъ отвѣта, отерылъ одѣяло и понялъ, что узникъ ушелъ. Донесли сейму. Арестовали офицера и бывшихъ съ нимъ на караулѣ солдатъ. По привязанію сейма, Войсковая Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана Огинскаго, оповѣстила, что тотъ, кто схватитъ Понинскаго, получитъ награды тысячу червонцевъ.

Понинскій, высочивъ изъ своего дома, сѣлъ въ наемную карету, которую для него приготовили заранѣе; съ нимъ сѣли его сынъ и дворецкій. Карета приѣхала въ Прагу; тамъ бѣглецъ, съ своими товарищами, сѣлъ въ лодку. Лодочника увѣрили, что тотъ, который нанималъ его, хочетъ догнать барку, отправленную въ Гданскъ и непременно долженъ въ слѣдующей ночи достигнуть до Торуня. Это подало лодочнику подозрѣніе; передъ отплытіемъ, онъ сообщилъ о томъ своей женѣ. На другой день, когда по всѣмъ дорогамъ отправили погоню и объявили объ-

цѣнную награду тысячу червонцевъ, жена лодочника смегнула, что ищутъ того, который нанялъ ея мужа, и объявила объ этомъ. Ей дали сорокъ червонцевъ и, такъ какъ жена лодочника объяснила, что бѣглець поплылъ до Торуня, то въ погоню на Торунь отправили капитана Рудницеаго съ командою на почтовыхъ лошадяхъ. Себѣ на бѣду, доплывая до Торуня, Понинскій захотѣлъ закусить, вошелъ въ какую-то хатку и послалъ слугу купить водки и закуски. Рудницкій попалъ на слугу, когда тотъ возвращался съ закускою. Слуга, вѣрный своему пану, сталъ было выдумывать небылицы, но бывшіе тутъ пастухи указали ему на хатку, куда причалила лодка. Рудницкій бросился неожиданно на Понинскаго съ пистолетомъ въ руку. Люди схватили бѣглеца. Рудницкій на почтовыхъ доставилъ Понинскаго въ столицу и, вмѣсто обѣщанныхъ тысячи червонцевъ, просилъ пропустить офицера Напюрковского. Говорили, будто послѣдняго напояли опиумомъ, и оттого онъ заснулъ.

Попытка бѣжать увеличила вину Понинскаго; его засадили въ зданіе казармъ коронной артиллеріи, подъ крѣпкимъ карауломъ; 9-го августа назначили надъ нимъ судную комиссію. Понинскій хотѣлъ запутать въ дѣло другихъ и особенно Браницкаго, который, будучи соучастникомъ въ дѣйствии Понинскаго, теперь чернилъ своего пріятеля. Братъ Понинскаго Калликсъ также явился обвинителемъ своего брата, будто изъ патріотизма; но, кажется, для того, чтобы усложнить дѣло и привлечь къ нему болѣе привосновенныхъ. Чѣмъ болѣе судная комиссія разбирала подробности, тѣмъ болѣе убѣждалась, что преступленіе Понинскаго раздѣляется многими. Нѣкоторые предлагали покрыть дѣло общею амнистіею; но Станиславъ Потоцкій доказывалъ, что это будетъ примѣромъ безнаказанности важнѣйшаго преступленія — государственной измѣны. Судная комиссія устранила привосновенныхъ отъ разбирательства дѣла и занялась судомъ исключительно надъ Понинскимъ, не смотря на ропотъ многихъ, которые справедливо указывали на неправильность такой постановки суда. Процессъ затянулся на годъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ сейма 1789 года было назначеніе, 12-го сентября, конституціонной депутаціи, которая имѣла цѣлью составить проектъ уложенія правительства для Польши и представить его сейму. Она состояла изъ одиннадцати членовъ: пять были назначены королемъ¹⁾, а шесть выбраны сеймомъ²⁾.

¹⁾ Маршалъ литовскій Игнатій Потоцкій, каменецкій епископъ Красинскій, германъ литовскій Огинскій, под-канцлеръ литовскій Хребтовичъ, коронный подскарбій Коссовскій.

²⁾ Послы: холмскій Суходольскій, познанскій Дзялинскій, инowрацлавскій Соко-

Во всемъ прочемъ было мало удачи. Поляки скоро сами увидѣли, что написаннаго на бумагѣ стотысячнаго войска нельзя было поставить на ноги; тѣ миллионы, которые казались достаточными для его содержанія, по дальнѣйшемъ соображеніи, едва доставали для шестидесяти тысячъ. Этимъ числомъ сеймъ и принужденъ былъ ограничиться, но и то было трудно поставить. Новые доходы далеко не достигали предполагаемыхъ цифръ и къ концу года, вмѣстѣ со старыми доходами, могли достигнуть только до тридцати восьми миллионѣвъ злотыхъ. На эту сумму можно было содержать только сорокъ четыре тысячи, слѣдовательно менѣе половины того числа, которое предполагалось сначала. Устройство войска зависѣло отъ войсковой комиссіи, которая получала деньги отъ скарбовой и поэтому повсюду безпрестанно входила съ нею въ недоразумѣніе и должна была за разрѣшеніемъ ихъ обращаться къ сейму; это занимало цѣлыя сеймовыя засѣданія: такимъ образомъ, и въ снаряженіи войска происходила остановка и время, драгоцѣнное для сейма, пропадало въ толкахъ о предметахъ второстепеннаго значенія.

Въ октябрѣ доложили сейму, что у солдатъ нѣтъ ни дровъ, ни свѣтъ, а у государства нѣтъ фондовъ для доставленія того въ Каменецкую крѣпость; арестанты буквально умирали отъ голода и отъ болѣзней, вслѣдствіе дурнаго помѣщенія. По такому докладу сеймъ предписалъ немедленно скарбовой комиссіи доставить въ войсковую нужныя средства; но скарбовая комиссія не могла исполнить предписанія по недостатку денегъ. Наборъ войска вербунками представлялъ невыносимую тягость для народа, давалъ поводъ къ буйствамъ и безчинствамъ: вербовщики не смѣли вторгаться въ шляхетскія имѣнія и брать обывательскихъ хлопѣвъ, но за то они безъ церемоніи хватали ихъ по дорогамъ и городамъ, куда тѣ пріѣзжали для продажи, или покупки; паны давали своимъ крестьянамъ билеты, по которымъ вербовщики должны были знать, что это люди панскіе и брать ихъ не слѣдуетъ. Но и это не помогало: вербовщики иногда говорили, что не знаютъ панской руки. 12-го октября, Сухоржевскій

ловскій, ливонскій Вейсенгофъ, и браславскіе: Мощенскій и Вавржецкій. Въ постановленіи объ учрежденіи этой депутаціи говорится: «Такъ какъ благосостояніе народа и слава его зависятъ отъ прочнаго правленія, а умноженіе войска и увеличеніе доходовъ безъ неизмѣнныхъ уставовъ и раздѣленіе власти магистратуръ и ихъ между собою связи могутъ сдѣлаться тяжелымъ бременемъ и нарушить внутреннее спокойствіе (которое обезпечить имѣемъ цѣлю), то мы, король, всегда въ соединеніи съ возлюбленнымъ народомъ, желая увѣнчать наши двадцатипятилѣтніе труды для отечества новыми заботами о его счастіи, вмѣстѣ съ конфедерованными чинами называемъ» и пр.

свидѣтельствовали, что изъ Великой Польши перешло въ прусскія владѣнія до 7,000 семей. Между тѣмъ, новонабранные рекруты получали дурное содержаніе и разбѣгались, а потомъ безчинствовали и грабили жителей, сами военнопольники жаловались, что набравши много рекрутъ не имѣютъ средствъ содержать ихъ и потому, потратившись на вербунку, должны ихъ распускать. Въ ноябрѣ войсковая коммиссія совсѣмъ прекратила рекрутровку по малости суммъ посылаемыхъ ей изъ скарбовой коммиссіи. Пинскій посолъ Бутримовичъ замѣтилъ, что рекрутство не удастся главнымъ образомъ отъ того, что нѣтъ правиль, какъ паны должны поступать съ подданными и всякій налагаетъ на нихъ что хочетъ, и сколько хочетъ. На это безпечій каштелянъ Зелинскій сказалъ: «Я бы стыдился имени поляка, еслибъ не зналъ навѣрное, что въ Польшѣ нѣтъ нигдѣ угнетеній надъ крестьянами и нигдѣ паны не налагаютъ на подданныхъ болѣе того, сколько нужно!» Чрезвычайный налогъ подъ именемъ вѣкового патріотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ и, вмѣсто десяти, платили до трехъ и даже до двухъ процентовъ. Люстрація производилась фальшиво и лѣниво, посланные для собиранія свѣдѣній о доходахъ люстраторы или сговаривались съ владѣльцами и получали отъ нихъ явно фальшивыя свѣдѣнія, или же вступали съ ними въ ссоры; владѣльцы жаловались на люстраторовъ, а люстраторы на владѣльцевъ и нужно было разбирать ихъ; въ такомъ случаѣ владѣльцы, въ ожиданіи рѣшенія спора, ничего не платили. Были староства, о которыхъ всѣ знали, что они даютъ до сорока тысячъ злотыхъ дохода, а старосты показывали только десять и притомъ подъ присягою. Сеймъ назначилъ послѣдній срокъ для собранія вѣкового пожертвованія 15-го декабря, но потомъ долженъ былъ отложить его до неопредѣленнаго времени. Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи-Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сплетень. Были добровольныя патріотическія пожертвованія отъ дворянъ; такъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга подарилъ казнѣ 156,180 злот., которые ему слѣдовало получить за сдѣланныя издержки по военной части въ качествѣ генерала литовской артиллеріи. Но всѣ такія проблески патріотической щедрости едва могли увеличить доходъ Рѣчи-Посполитой какими-нибудь пятью милліонами, тогда какъ дворянскихъ денегъ уходило за границу ежегодно болѣе ста милліоновъ. Духовные, вмѣсто того, чтобы показать дру-

гимъ примѣры патриотической добродѣтели, отнюдь не отличались ревностью къ пожертвованіямъ въ пользу отечества. Люди проникнутые духомъ тогдашняго либерализма выражались противъ духовенства весьма рѣзко и говорили: «два несчастія удручаютъ нашихъ бѣдныхъ хлопковъ: жидъ въ корчмѣ и есендъ въ костелѣ». Набожные люди старались подмѣчать разные грѣхи за тѣми, которые такъ говорили. Въ то время на сеймѣ отличался нерасположеніемъ къ духовенству сенаторъ Езерскій; его упрекали въ томъ, что онъ былъ когда-то комиссаромъ въ имѣніяхъ бывшаго примаса Подоссакаго, обрадывалъ своего пана и такимъ образомъ нажилъ себѣ состояніе¹⁾. Въ октябрѣ состоялось опредѣленіе о продажѣ оставшихся въ Польшѣ имѣніяхъ духовныхъ, которые сами отошли по первому раздѣлу въ сосѣднія государства, и потому потребовались вѣдомости объ этихъ имѣніяхъ и принадлежащихъ къ нимъ движимыхъ имуществахъ. Установивъ сдѣлать заемъ, хотѣли налечь на города и на городское сословіе: наложить четыре гроша со ста грошей цѣнности домовъ въ городахъ и по этому поводу обязать хозяевъ домовъ сообщить подъ присягой, что стоила имъ постройка этихъ домовъ. Тогда кто-то замѣтилъ: невозможно, чтобы хозяинъ зналъ и помнилъ сколько стоилъ ему домъ, нужно, чтобы онъ сохранилъ всѣ записки во время постройки. «У меня—сказалъ Ржевускій—домъ въ городѣ, но я никакъ не въ силахъ показать, что онъ мнѣ стоилъ». Варшава предлагала пожертвованія 400,000 злотыхъ, только просила за это нѣкоторыхъ льготъ и выгодъ, и между прочимъ жаловалась на евреевъ и на шляхтичей. Первые сговаривались и устанавливали цѣны, вторые, живя въ городахъ, не несли мѣщанскихъ повинностей, владѣя въ городской чертѣ дворовыми мѣстами, строили на нихъ шинки, пивоварни, винокурни; вели торговлю своими произведеніями и подрывали мѣщанскую промышленность. Тутъ нѣкоторые изъ пословъ, знакомые съ либеральными идеями того времени, стали заступаться за права мѣщанъ и требовали допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ, въ особенности выступалъ защитникомъ мѣщанскихъ правъ Юліанъ Нѣмцевичъ. «Каждый гражданинъ—говорилъ онъ—долженъ участвовать въ платежѣ податей соразмѣрно выгодамъ, какія онъ получаетъ отъ государства, у насъ есть разныя отличія и преимущества для дворянства, а мѣщанамъ заграждена дорога. Съ нихъ собирается подать на войско, но мѣщанинъ не можетъ быть офицеромъ. Будемъ осторожны и

¹⁾ Его упрекали также, что онъ употребилъ свой капиталъ на постройку въ Варшавѣ публичныхъ банъ въ античномъ вкусѣ, куда сходились веселые люди обою пола.

предусмотрительны; со временемъ мѣщанинъ потребуеть принадлежашія ему права природы, потребуеть отъ тѣхъ, которые у него ихъ отнимають». Противъ Нѣмцевича и его партіи возсталъ Суходольскій: онъ соглашался допускать мѣщанъ въ службѣ къ пріобрѣтенію офицерскихъ чиновъ, но вооружался противъ допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ. «Я не хочу—говорилъ онъ—чтобы мѣщане были рабами, пусть имѣють свое представительство, но, какое: пусть представляютъ намъ свои жалобы, а чтобы допустить ихъ до чего-нибудь большаго—нужно ихъ сдѣлать прежде шляхтичами. Вспомните упадокъ Даніи съ того времени, какъ города пошли за королемъ—погибла дворянская вольность». Суходольскій требовалъ, чтобы на Варшаву наложить 800,000 злотыхъ вмѣсто 400,000, которые она сама предлагала. Епископъ Нарушевичъ замѣчалъ, что Варшава послѣднее время чрезвычайно быстро разрослась и разбогатѣла; если начать обременять ее, то купцы и ремесленники оставятъ свои занятія, городское благосостояніе упадетъ, и этотъ упадокъ отзовется на доходахъ самой шляхты.

Всего этого было недостаточно для поправленія финансовъ. Волынской посоль Сваржинскій представилъ сейму расчетъ, что на войско нужно сорокъ восемь милліоновъ, а доходовъ въ настоящее время можно ожидать не 38 милліоновъ, какъ прежде предполагали, а только 26: 16 съ короны и 10 съ Литвы—недостаетъ 22-хъ милліоновъ. Повысили пошлины съ привозныхъ винъ. Посоль Мадалинскій подалъ проектъ установить налогъ шекурами убитаго скота. Проектъ этотъ послѣ многихъ преній прошелъ 18-го октября большинствомъ 84 голосовъ противъ 30 при 119 отсутствующихъ. (Послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ половина пословъ мало обращала вниманія на свои обязанности). Но установивши налогъ начали толковать о разныхъ изыятіяхъ отъ этого налога; спорили, не сходились и сами замѣчали, что всѣ предполагаемыя изыятія вели только къ отягощенію убогихъ людей и къ стѣсненію промысловъ.

Процедура, которая наблюдалась въ веденіи этихъ вопросовъ, безпрестанно возбуждала жалобы и обличенія самихъ этихъ пословъ. Отложивши въ стороны дѣла важныя, общія, тратили время на то, что могло быть предметомъ обсужденія отдѣльныхъ комиссій; такъ, напр., толковали объ устройствѣ войска, и дѣла засѣданія проходили въ преніяхъ о томъ, кого назначить генераломъ или бригадиромъ. Иногда, напр., вдругъ превращалось важное государственное дѣло и начинались толки по поводу какого-нибудь старства. «Время проходитъ—говорилъ посоль Косцялковскій—и въ томъ только наша слава, что мы бол-

таемъ. Пусть каждый справится со своей совѣстью; пусть она ему скажетъ, по какому побужденію онъ болтаетъ и для чего время протягиваетъ. О, еслибы у всѣхъ насъ вдругъ открылись сердца, какими чудовищами мы показались бы другъ другу! Проекты идутъ за проектами, голосованіе за голосованіемъ, и вотъ уже годъ прошелъ, какъ мы здѣсь засѣли и ничего еще не сдѣлали. Воленъ посоль говорить, оттого и пускается свободно въ безбрежное море многословія, болтаетъ часъ, день, на то онъ вольный посоль, вольно ему болтать.» «Если мы подобнымъ образомъ будемъ вести дѣла—сказалъ Северинъ Потоцкій—то всѣ наши надежды должны замѣниться отчаяніемъ». Маршалъ Малаховскій, то и дѣло, закрывалъ засѣданія рѣчью подобнаго содержания, а для эффекта заканчивалъ рѣчь текстомъ изъ Евангелія: «весь день трудились, ничего не поймали». Многие, подобными жалобами на всеобщую болтовню, хотѣли щегольнуть своимъ краснорѣчіемъ. Когда двухнедѣльные толи о шкурахъ надѣли членамъ, они оставили ихъ и принялись толковать о налогахъ на табакъ, перебѣжали въ вопросу о госпиталяхъ, потомъ толковали о средствахъ вспоможенія безприданымъ дѣвцамъ, а потомъ снова стали толковать о рекрутствѣ и объ устройствѣ войска.

Занятія вопросомъ о войскѣ повлекли къ устройству, въ 1789 году, воеводскихъ порядковыхъ гражданско-военныхъ комиссій изъ выбранныхъ на сеймикахъ членовъ, шестнадцати свѣтскихъ и трехъ духовныхъ, которые должны служить безъ жалованья и каждый будній день засѣдать отъ 8 часовъ утра до часу по полудни: ихъ обязанность была наблюдать за состояніемъ войска, назначать имъ квартированіе, препровождать и доставлять рекрутъ, ловить дезертировъ, разбирать недоразумѣнія между военными и гражданскими, снаряжать подводы, вести вѣдомость прихода и расхода, наблюдать за цѣнами, мѣрами и вѣсами, въ случаѣ неурожая не допускать вывоза хлѣба за границу, наблюдать надъ исправленіемъ путей сообщенія и брать пени за неисправность, охранять торговцевъ отъ притѣсненій, доносить сварбовой комиссії о состояніи промысловъ, извѣщать о вакантныхъ старостахъ, о пожарахъ, о новыхъ слободахъ и вообще о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, побуждать заводить школы для бѣдной шляхты, учреждать госпитали и вообще наблюдать за дѣлами милосердія. На содержаніе комиссій, со всѣхъ платящихъ патриотическое пожертвованіе десятого гроша, шло по одному шелягу. Это былъ опытъ веденія правильной полиціи въ государствѣ. Относительно комплекта войска, остановились на числѣ шестидесяти пяти тысячъ. Рекрутъ положили поставить съ

домовъ, съ обязанностью службы на шесть лѣтъ и съ платежемъ поставщикамъ рекрутскихъ денегъ. Шляхетство старалось, какъ можно болѣе, выгородить свои наслѣдственныя имѣнія. Такимъ образомъ, когда въ имѣніяхъ духовныхъ и въ королевщинахъ постановили давать одного рекрута съ пятидесяти дымовъ, въ наслѣдственныхъ положено давать одного со ста дымовъ.

По поводу затронутаго вопроса о городахъ, обратилъ на себя вниманіе замѣчательный человѣкъ своего времени, варшавскій президентъ городского совѣта Девертъ. Онъ не хотѣлъ, подобно другимъ, въ своемъ положеніи и съ своимъ богатствомъ, добиваться разными происками шляхетскаго достоинства, какъ дѣлали другіе, хотя это и было ему легко: дочь его была за дворяниномъ и сынъ служилъ офицеромъ въ прусской службѣ. Онъ твердилъ своимъ братьямъ-мѣщанамъ, что слѣдуетъ не по одиночкѣ проскакивать въ шляхетство, а, оставаясь въ мѣщанствѣ, добиваться политическихъ правъ для всего сословія. При помощи пріятеля своего Коллонтая, сносился черезъ агентовъ съ разными городами и убѣдилъ прислать разомъ депутацію въ Варшаву и подать на сеймъ коллективную просьбу отъ всего городского сословія въ Польшѣ. На челѣ этихъ прибывшихъ депутатовъ былъ самъ Девертъ. Мимо канцлера, который издавна наблюдалъ надъ городскими дѣлами въ Польшѣ, 17 декабря 1789, онъ подалъ на сеймъ записку, изложилъ очень обстоятельно исторію городовъ, доказалъ документами, что въ старину мѣщане наравнѣ со шляхтою принимали участіе въ законодательствѣ и избраніи королей, что шляхта могла быть мѣщанами, не теряя шляхетскаго достоинства, какъ сдѣлалось послѣ, что мѣщане имѣли право покупать шляхетскія имѣнія, что въ судѣ они пользовались такими же правами какъ шляхтичи, что однимъ, словомъ, мѣщанство встарину было вполнѣ свободнымъ сословіемъ и теперь просило о возвращеніи древнихъ правъ. Это явленіе поразило, какъ громомъ, консерваторовъ. Болѣе всего озлился на города и въ особенности на Деверта канцлеръ Малаховскій. Поступокъ этотъ онъ считалъ личною для себя обидою; мало того, что Девертъ мимо канцлера подалъ на сеймъ записку, онъ еще въ ней отзывался неблагопріятно о канцлерскихъ судахъ. Притомъ въ просьбѣ былъ намекъ на событія, происходившія во Франціи: «до нашихъ ушей — было сказано — доходятъ слухи объ иноземныхъ смутахъ. Невольникъ разрываетъ свои цѣпи, когда властвующій надъ нимъ попираетъ права человѣка и гражданина. Но мы хотимъ оставаться въ вѣрности Рѣчи-Посполитой и вдохновляемые этимъ желаніемъ, будемъ соразмѣрять съ нимъ наши поступки». — На сеймѣ стали толковать эти слова какъ угрозу,

понимали, что авторъ просьбы хочетъ испугать сеймъ опасеніемъ, чтобы и польскіе мѣщане въ случаѣ отказа не надѣялись того, что произошло во Франціи. Даже наружность, съ какою явились мѣщанскіе депутаты на сеймъ, перетолковали въ другую сторону. Сообразно древнему обычаю, представители городовъ были въ черной нѣмецкой одеждѣ и при оружіи. «Что значитъ этотъ черный нарядъ — говорили тогда на сеймѣ. Этимъ они хотятъ дать намъ понять, что если мы не удовлетворимъ ихъ просьбъ, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія». Консерваторы не только не хотѣли дать мѣщанамъ такихъ правъ, какъ послѣдніе домогались, но даже не позволяли имъ чинить у себя раскладку налоговъ, изъ опасенія, что мѣщане станутъ оспаривать шляхетскіе дома, построенные въ городахъ. Одинъ только польскій городъ не пошелъ по призыву Деверта, это былъ Краковъ: онъ подалъ особую отъ себя записку совсѣмъ въ другомъ духѣ, не добивался равенства со шляхтою, а просилъ только мѣстныхъ льготъ; самая записка была подана не прямо на сеймъ, а канцлеру. Консерваторы, по наущенію канцлера, домогались, чтобы записка Кракова была прочитана на сеймѣ, а коллективная записка Варшавы и другихъ городовъ отослана къ канцлеру. «Поступить такъ — говорилъ Станиславъ Потоцкій — значитъ дать предпочтеніе средневѣковымъ привилегіямъ передъ требованіями вѣка. Я хвалю Краковъ за его вѣрность, но люблю болѣе его человечество; хвалю Краковъ, но зачѣмъ же бросать подозрѣніе на другіе города? У Кракова есть свои привилегіи; но и у другихъ городовъ есть свои. Я не изъявляю желанія допускать мѣщанъ къ участию въ законодательствѣ и къ равенству со шляхтою, но требую законнаго, чтобы просьба городовъ была передана въ конституціонную депутацію, а не канцлеру». За города говорилъ брестскій посолъ Матушевичъ и другіе послы прогрессисты. Іоакимъ Хребтовичъ, указавъ на связь между интересами шляхетства и благосостояніемъ городовъ, далъ дѣлу такой оборотъ: «старые короли наши давали привилегіи городамъ по одиночкѣ — и они процвѣтали. Сдѣлаемъ для всѣхъ городовъ разомъ то, что дѣлали эти короли, и вы увидите, какъ города разольютъ богатство во всея краѣ.» Самъ король былъ за города. Консерваторы, чтобы заглушить дѣло, начали подавать разомъ множество проектовъ: одинъ совался съ проектомъ комиссаріата, другіе съ производствами въ чины, и, такимъ образомъ, старались оттѣснить городской вопросъ. Ограничились тѣмъ, что 19 декабря назначили депутацію для разсмотрѣнія всѣхъ актовъ и привилегій городовъ. Эти депутаціи были подъ предсѣдательствомъ канцлера. Это значило — отложить дѣло въ дальній ящикъ.

VI 1).

Маркизь Люкезини.—Нараня основы будущей конституціи.

Выступилъ на сцену человекъ, игравшій одну изъ главныхъ ролей въ польской трагедіи: это былъ маркизь Джероламо Люкезини, прусскій посланникъ въ Варшавѣ, замѣстившій въ 1789 году отозваннаго Бухгольца. Этотъ итальянецъ началъ свою карьеру при Фридрихѣ II его домашнимъ бібліотекаремъ, скоро обратилъ вниманіе короля своими дарованіями и свѣдѣніями и сдѣланъ камергеромъ. Его таланты открыли ему путь къ дипломатическому поприщу. Трудно было найти другую личность, которая въ такой степени могла обворожить поляковъ и овладѣть ихъ умами. Это былъ человекъ столько же глубокой, сколько остроумный, разносторонно образованный, привлекательный въ приемахъ, любезный въ обращеніи, верадчивый и вмѣстѣ скрытный, умѣвшій понимать съ перваго разу людей, замѣчать ихъ слабыя стороны и направлять къ своимъ видамъ, лгать и обманывать съ видимымъ подобіемъ истины и простодушія, и неуклонно стремившійся всѣми возможными путями къ заданной цѣли. Это былъ дипломатъ по идеалу **Маккиавели**: особенно онъ кажется такимъ въ сношеніяхъ съ легковѣрнымъ польскимъ обществомъ. Тотчасъ по приѣздѣ онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ членамъ сейма и всѣмъ умѣлъ понравиться, а нѣкоторыхъ съ перваго разу приковалъ къ себѣ. Вся прусская партія прильнула къ нему. Онъ увѣрялъ поляковъ въ добромъ расположеніи прусскаго короля, доказывалъ, что польза Пруссіи требуетъ возрожденія Польши, побуждалъ скорѣе вести и кончать дѣло реформы, но въ то же время заявлялъ, что Пруссія воздерживается отъ всякаго прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Этимъ замѣчаніемъ онъ еще болѣе располагалъ поляковъ къ себѣ, потому что льстилъ ихъ самолюбію. Онъ показывалъ себя отъявленнымъ врагомъ Россіи, говорилъ, что москади извѣчные враги полякамъ, а Пруссія ихъ вѣрная и неизмѣнная союзница. Пруссію побуждаетъ желать устройства Польши то, что она надѣется вести съ нею выгодную торговлю; если Польша достигнетъ цвѣтущаго состоянія, то будетъ доставлять Пруссіи тѣ произведенія, какія теперь доставляетъ Россія, слѣдовательно Польша обогатѣетъ и подымется, а Россія упадетъ. Поэтому Пруссія желаетъ прежде всего заключить съ Польшей торгъовый договоръ и предоставить ей значительныя

1) См. Источ. №№ I. 21, 4—8, 18, 26, 47, 78, 110, 104. Протоки сейма, хранящ. въ Лт. Метричкѣ.

торговныя выгоды; за это Польша должна уступить Пруссіи два города: Гданскъ и Торунь. Уступка эта не будетъ потерей для Польши, а напротивъ выиграшемъ: теперь Пруссія беретъ огромныя пошлины съ польской торговли, а тогда сложить ихъ. Такова была теорія соглашенія съ Пруссіей, которая должна была предшествовать тѣснѣйшему политическому союзу. Любкезини объявлялъ полякамъ, что берлинскій дворъ не прежде войдетъ съ Рѣчью-Посполитой въ тѣсный союзъ, какъ тогда, когда Польша установитъ у себя новое законодательство на твердыхъ началахъ и прочный порядокъ: Пруссія должна знать, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло и въ какой степени Польша можетъ оградить себя отъ Россіи на будущее время. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, переговариваясь съ Любкезини, настаивалъ, напротивъ, чтобы скорѣе былъ заключенъ политическій договоръ съ Пруссіей, ибо тогда дѣло внутренней реформы пойдетъ скорѣе. Другіе члены прусской партіи представляли Любкезини, что республиканское правленіе было до сихъ поръ источникомъ золь, и что ихъ намереніе—передѣлать Польшу въ конституціонную монархію съ наследственнымъ правленіемъ. Они дѣлали предложеніе вручить по смерти Станислава-Августа саксонскому князю-избирателю. Любкезини говорилъ, что его король оправдываетъ выборъ саксонскаго князя-избирателя; что же касается до наследственности правленія, то въ этомъ прусскій король не станетъ препятствовать, но впередъ обращаетъ вниманіе на то, что такая переменна возбудитъ противъ Польши императорскіе дворы и въ самой странѣ произведетъ усобицы, потому что много есть нежелающихъ измѣнить древнее правленіе. Это, однако, говорилось только въ видѣ совѣта: поляки имѣютъ полное право дѣлать какія угодно измѣненія; нужно только поскорѣе установить новый внутренній порядокъ. Англійскій министръ Гэльсъ также вмѣстѣ съ Любкезини подстрекалъ поляковъ къ дѣятельности, возбуждалъ противъ Россіи и совѣтовалъ скорѣе сдѣлать коренной переворотъ въ правленіи. Подъ вліяніемъ этихъ подстрекательствъ конституціонная депутація принялась дѣятельнѣе работать надъ проектомъ. Въ ней, кромѣ упомянутыхъ выше одиннадцати членовъ, заправлялъ работами Коллонтай, котораго Игнатій Потоцкій пригласилъ въ депутацію.

Десятаго декабря 1789 года Игнатій Потоцкій произнесъ на сеймѣ вступительную рѣчь, извѣстивъ объ окончаніи работъ депутаціи. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ прусскому королю и возвѣщалъ, что новый порядокъ устанавливается подъ его покровительствомъ и вліяніемъ. «По волѣ Провидѣнія—говорилъ онъ—могучій сосѣдъ подаетъ намъ помощь въ эпоху потрясенія нашего законодательства, побуждаетъ насъ укрѣпить

наше бытіе національной конституціей. Онъ намъ не говоритъ: я вамъ помогу составить законы и предложу ихъ вамъ, мои министры будутъ вліять на васъ. Нѣтъ. Онъ намъ говоритъ: вы видите у меня порядокъ и вѣрность; желаніе мое таково, чтобы и у васъ было то же. Одни вы можете устроить свое дѣло, а мнѣ надлежитъ смотрѣть, будетъ ли оно прочно.» Составители проекта не смѣли официально внести въ него мысли о престолонаслѣдіи; тѣмъ болѣе, что и въ самой депутаціи были люди несогласные на такую важную государственную перемѣну. Но прежде подачи проекта на сеймъ уже знали, что въ депутаціи были хотѣвшіе наслѣдственности престола и потому заранѣе получили предубѣжденіе противъ того, что подастъ эта депутація. Хотѣли подъ разными предлогами отложить чтеніе проекта, въ особенности потому, что много членовъ сейма развѣхались; но настойчивость прусскаго посланника подвигала членовъ къ дѣлу. Боявшихся монархизма Люккезини увѣрялъ, что прусскій король ни въ какомъ случаѣ не допуститъ до этого и доказывалъ, что и безъ монархизма можетъ состояться новая конституція, которая дастъ Польшѣ вѣрность и силу; онъ обѣщавъ союзъ и дружбу Пруссіи, съ условіемъ коренной перемѣны въ правленіи Польши и установленія въ ней прочнаго порядка.

16-го декабря 1789 года проектъ былъ прочитанъ. Онъ заключалъ восемь пунктовъ. Въ первомъ въ общихъ чертахъ излагались главные права націи, которыя состояли въ слѣдующемъ: а) сочинять законы и подчиняться только тѣмъ изъ нихъ, которыя установитъ сама Рѣчь-Посполитая; б) заключать съ иностранными державами договоры и вести войны; в) разбирать дѣйствія исполнительныхъ властей; г) избирать короля, и непременно римско-католической религіи; е) избирать лица въ тѣ общественныя должности, которыя признавались и впередъ будутъ признаваться избирательными. Во второмъ пунктѣ говорится о томъ, что нація свои права и власть выражаетъ сеймиками, на которыхъ лица шляхетскаго происхожденія, владѣющія имѣніями и ихъ взрослые сыновья, избираютъ пословъ на сеймъ и даютъ имъ инструкціи и желанія (*desideria*) относительно своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Въ третьемъ говорится: чтобъ власть Рѣчи-Посполитой могла всегда наблюдать и дѣйствовать, сеймъ долженъ быть составленъ на двухлѣтній срокъ, а именно: по истеченіи срока, назначеннаго для ординарной сеймовой дѣятельности, послы возвращаются домой и на реляціонныхъ сеймикахъ даютъ отчетъ о своей дѣятельности; эти послы на такихъ сеймикахъ или могутъ быть утверждены въ своемъ званіи на дальнѣйшее время, или перемѣнены другими, такъ что во всякомъ случаѣ въ государствѣ остается постоянно «готовый» сеймъ, съ

верховною законодательною и учредительною властью и можетъ быть созванъ, но только въ крайнихъ нуждахъ и обстоятельствахъ Рѣчи-Посполитой, а именно: а) въ обстоятельствахъ не терпящихъ отлагательства, касающихся народныхъ правъ, особенно по поводу происходящей по сосѣдству съ Польшею войны; б) по поводу внутреннихъ безпорядковъ и столкновений между магистратурами; в) въ случаѣ опасности голода; д) въ случаѣ смерти короля или опасной его болѣзни и, въ первомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто конвокаціонныхъ сеймовъ безъ законодательной власти, не вдаваясь въ права, принадлежащія элекціоннымъ сеймамъ. Приговоры этого сейма не входятъ въ кодексъ законовъ и обязательны только до тѣхъ поръ, пока слѣдующій сеймъ ихъ не уничтожитъ. Въ четвертомъ и пятомъ говорится о способѣ голосованія: въ предметахъ, касающихся коренныхъ правъ необходимо единогласіе, въ предметахъ касающихся договоровъ о мирѣ и войнѣ—три части голосовъ, а при выборѣ въ должности и проч. будутъ руководствоваться правилами, которыя укажутся въ будущей конституціи. Въ шестомъ и седьмомъ говорится о верховныхъ магистратурахъ; судопроизводство поручается трибуналу и судамъ, а верховная исполнительная власть королю и учреждаемому при немъ совѣту, подъ названіемъ «стражи», котораго члены не входятъ въ составъ сейма; верховный судъ надъ ними, какъ и вообще надъ государственными преступленіями принадлежитъ сеймовому суду; наконецъ было сказано, что впредь никакимъ образомъ не допускаются конфедераціи.

Этотъ проектъ, составленный, какъ ясно видно, по указанію писемъ Коллонтая къ Малаховскому, не измѣнялъ, какъ нѣкоторые боялись, существеннаго содержанія республиканскаго строя и избирательнаго правленія, а все-таки возбудилъ противъ себя тѣхъ, которые дрожали за шляхетскія преимущества. Ихъ соблазняло то, что право участія на сеймикахъ предоставлялось только шляхтичамъ, владѣвшимъ имѣніями, а не безземельнымъ; слѣдовательно—одно шляхетское званіе не сообщало всѣхъ политическихъ правъ. Отсюда вытекало, что эти права принадлежали не только благородному сословію, но и матеріальному благосостоянію, а отъ этого уже казалось недалекимъ, что современнымъ благосостояніемъ, безъ шляхетскаго званія, будетъ давать право и, такимъ образомъ, шляхетское званіе падеть. Суходольскій, за нимъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Валевскій начали говорить противъ этого длиннаго рѣчи. Другіе паны, за ними, дѣлали свои неблагопріятныя замѣчанія. Сеймовый маршалъ, самъ сторонникъ проекта, чтобы не допустить на сеймѣ личныхъ толковъ, замѣтилъ, что боль скоро существуетъ конститу-

ціонная депутація для составленія формы правленія, то всѣ поправки и добавки члены сейма могутъ сообщать депутаціи, не теряя времени въ толкахъ и преніяхъ объ этомъ въ сеймовой Избѣ. Тогда противъ маршала поднялись голоса, во имя шляхетской свободы; ему напоминали, что нельзя удерживать пословъ свободной націи отъ заявленія мнѣній. Другіе послы думали повредить проведенію проекта тѣмъ, что подавали проекты о другихъ второстепенныхъ вопросахъ: тотъ объ устройствѣ комиссаріата, другой о порядкѣ производства въ чины, третій о трибуналахъ и т. д. Но потомъ все-таки перешли къ проекту, поданному сеймовою депутаціею. За право участія на сеймикахъ безземельной шляхты стоялъ Браницкій съ своею многочисленною партіею. Его противники видѣли въ этомъ московскую интригу и соображали, что, если допустить безземельную шляхту на сеймики, то магнаты, служащіе Россіи, будутъ подбирать промотавшихся, развращенныхъ, лѣнивыхъ, всякое отребіе въ шляхетскомъ сословіи, чтобъ защищать и проводить такія постановленія, которыя будутъ выгодны ихъ честолюбивымъ и корыстнымъ побужденіямъ въ ущербъ общимъ желаніямъ и потребностямъ. «Если мы—говорилъ Станиславъ Потоцкій—не удалимъ безземельныхъ отъ участія на сеймикахъ, то у насъ повторится рѣпинскій сеймъ».

«Да и что за польза бѣдной шляхтѣ ходить по сеймикамъ—говорилъ Анквичъ? Вѣдь она тамъ только получаетъ побои и портитъ здоровье, а въ домѣ у нея въ дѣлахъ остановка.»

Прошло нѣсколько засѣданій въ такихъ толкахъ; они были бурны и, въ одномъ изъ нихъ, патріоты грозили выбросить изъ Избы своихъ противниковъ. Король ушелъ изъ собранія и не являлся на другой день. Наконецъ, 30 декабря, большинство порѣшило принять проектъ конституціонной депутаціи и не допускать на сеймики иной шляхты, кромѣ владѣющей имѣніями. Партія Браницкаго и вообще защитниковъ шляхты была побѣждена. Послѣ этого засѣданія сеймъ былъ отложенъ до восьмого февраля.

Въ заключеніе маршалы сейма извѣстили націю универсаломъ по воеводствамъ; расхваливались подвиги сейма: освобожденіе Польши изъ-подъ гарантіи, возвращеніе ей независимости, уничтоженіе постоянного совѣта, созданіе арміи. При этомъ давалось націи знать, что дѣла сейма заслужили вниманіе и одобреніе прусскаго короля, наилучшаго друга и благодѣтеля польскаго народа; прибавляли, что и Оттоманская порта съ большою похвалою отзывается о дѣлахъ польскаго сейма.

Н. Костомаровъ.

П Ъ С Н Я

0

ТРЕХЪ ПОБОИЩАХЪ.

1.

Сердито вздымались воды Днѣпра,
Надъ Кіевомъ тучи гремѣли,
Ярилася буря всю ночь до утра—
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волось не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

— Мнѣ снилось: отъ берега Норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

4.

— То свать нашъ Гаральдъ собирается плыть,
Храни его Богъ отъ напасти!
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти;

5.

— И бабище будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда и смѣется:
«Плывите, плывите! она говоритъ,
«Назадъ ни одно не вернется!»

6.

«Варяга Гаральда ужъ въ Англїи ждеть
«Саксонецъ Гаральдъ, его тѣзка,
«Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ
«И спать васъ уложить онъ жѣство!»

7.

— И далъ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовва сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ она вдаль какъ плынуть паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И влечетъ Гаральда обратно....

9.

— Проснулась я — и доселѣ вдали
 Все карканье вороновъ внемлю —
 Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
 Провѣдать въ норвежскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
 Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала,
 Жемчужная бармица падаетъ съ плечь,
 Забыла надѣть покрывало.

11.

— Князь-багюшка, деверь, испугана я!
 Когда-бы бѣды не случилось!
 Княгиня-невѣстушка, лебедь моя,
 Мнѣ ночесъ недоброе снилось!

12.

— Мнѣ снилось отъ берега франьской земли,
 Гдѣ плещутъ нормандскія волны,
 На савсовъ готовятся плыть корабли,
 Нормандіи рыцарей полны.

13.

— То герцогъ Вильгельмъ собирается плыть,
 Я будто слова его внемлю:
 Онъ хочетъ отца моего погубить,
 Присвоить себѣ его землю!

14.

— И бабище злое бодритъ его рать
И молвить: «Я вороновъ стаю
«Привликаю саксовъ завтра клевать,
«И вѣтру я вамъ намажаю!

15.

— И погомонъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда —
И тутъ я въ испугѣ проснулась.

16.

И Гуда еще не домолила рѣчь,
Бѣжить, запыхался гриденъ:
— Берн, государь, посворѣ свой меть,
Тамъ ворогъ подѣ Киевомъ виденъ!

17.

— На вышѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ,
Я многія тысячи ихъ насчиталъ —
То близятся половцы, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Скликаетъ онъ братьевъ на сѣчу,
Онъ трубитъ въ дружинѣ — ему не до сновъ —
Онъ половцамъ ѣдетъ на встрѣчу....

19.

По синему морю клубится туманъ,
И солнцу сіять онъ мѣшаетъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга они вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты? Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Йорка,
На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣль изъ-поднебесья зорко.

21.

— Саксонца былъ выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча кольчуга,
Свистѣлъ межъ рядами топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга.

22.

— Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь до-моря съ поля струилась,
Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
И въ горло ему не вонзилась.

23.

— Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
Упалъ онъ, какъ пьяный на брашно,
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

— И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И, каркая, сѣлъ я Гаральду на шлемъ,
И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ,
Слетаются вѣроны снова:
— Откуда летишь ты? — Я, кровію пьянъ,
Съ Гастингскаго поля большого!

26.

— Тамъ герцогъ Вильгельмъ одолѣлъ короля,
Лежить тамъ саксонецъ, убитый,
Пируютъ враги, его землю дѣля,
И мы пировали тамъ сыто!

27.

— Отъ Йорка шла гордо савсонская рать!
Теперь они смирны и тихи,
И тѣло Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труповъ бродящіе мнихи.

28.

— Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на-земь онъ палъ,
И битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ, какъ щить, надъ побоищемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

— Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови;
Любуюсь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю влудится туманъ,
И солнцу сѣять онъ мѣшаетъ,
Со враномъ слетается съизнова вранъ,
Слетаяся, такъ вопрошаетъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Запднѣпровьи,
Тамъ всѣ Ивяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!

32.

— Съ разсвѣтомъ на половцевъ князь Ивяславъ
Тамъ вѣхалъ, грозенъ и злобенъ,
Свой мечъ двоеручный высоко подъявъ,
Святому Георгью подобенъ.

33.

— Но въ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ по полю мчался израненный князь,
Съ закинутой навзничь главою.

34.

— И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
И ждалъ, чтобъ онъ на-земь свалился,
Но былъ онъ, должно-быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу, скача, помолился.

35.

— Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ поны,
По внязѣ идетъ панихида,
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

Рыдаетъ съ обѣими, громко стена,
Гаральда вдова Ярославна,
Рыдаетъ:—О горе, на вѣки меня
Повинуть Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ:—О горе, убить
Отецъ мой, норманомъ сраженный!
Въ плѣну его веси, и взяты на щить
Саксонскія дѣвы и жены!

39.

Рыдаеть княгиня:—О князь Изяславъ!
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стязавъ,
Погибъ ты, о горе, о горе!

40.

Печерскіе инови, выстроаясь въ рядъ,
Протяжно поють:—Аллилуя!
А братья княжіе другъ друга ворають—
И жадные вороны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуютъ....

Гр. А. К. Толстой.

ИТАЛІЯ

II

МАЦЦИНИ

(1808—1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.

Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris. 1868.

Geschichte Italiens v. Reuchlin. Leipzig. 1860. — Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig v. I. Scherr. Leipzig. 1868.

Die nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1868.

IX *).

Не довольствуясь одною печатною пропагандою, Маццини, очень скоро послѣ основанія имъ «Юной Италиі», видя всеобщее недовольство и постоянно увеличивающееся число членовъ новаго политическаго общества, задумалъ произвести въ Италиі вооруженное возстаніе. Возстаніе должно было вспыхнуть разомъ во многихъ мѣстахъ; сигналъ должно было дать вступленіе въ Савойю итальянскихъ эмигрантовъ вмѣстѣ съ иностранными волонтерами. Комитету, составленному изъ представителей всѣхъ итальянскихъ областей, предполагалось поручить управленіе до

---

*) См. выше, янв. 175; февр. 759—788 стр.

совершеннаго изгнанія австрійцевъ; затѣмъ національное собраніе, въ Римѣ, избранное посредствомъ всеобщей и прямой подачи голосовъ, должно было рѣшить дальнѣйшую судьбу Италіи. Маццини и его друзья считали выгоднымъ начать революціонное движеніе съ Пьемонта потому, что надѣялись привлечь на свою сторону его хорошо организованную и дисциплинированную армію и матеріальныя средства, а также занять два важные, въ стратегическомъ отношеніи, пункта—Алессандрію и Геную, гдѣ было довольно много лицъ, сочувствовавшихъ революціоннымъ замысламъ Маццини. Въ пиемонтской арміи, въ это время, было уже значительное число членовъ «Юной Италіи», между солдатами и молодыми офицерами; даже нѣкоторые изъ генераловъ обѣщали перейти на сторону революціонеровъ, лишь только опредѣлится вѣроятность успѣха ихъ предпріятія. Кромѣ того Маццини, войдя въ сношеніе съ Каваньякомъ и Каррелемъ, рассчитывалъ на поддержку со стороны лионскихъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ также подготавливалось возстаніе. Но всѣ эти приготовленія и переговоры дѣлались слишкомъ неосторожно; собраніе главнѣйшихъ дѣятелей «Юной Италіи», происходившее въ мартѣ 1833 года въ небольшомъ швейцарскомъ городѣ, Локарно, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, когда слѣдуетъ начать дѣйствія, и наконецъ ссора двухъ сардинскихъ солдатъ, окончившаяся доносомъ одного изъ нихъ на другого, принадлежавшаго къ «Юной Италіи», указали пиемонтскому правительству опасность, ему угрожавшую. Вслѣдъ за принятіемъ съ его стороны жестокихъ мѣръ противъ распространенія «Юной Италіи» и арестомъ множества подозрительныхъ лицъ, переполнившихъ тюрьмы Алессандріи и Турина, стало уменьшаться и число людей, на открытую поддержку которыхъ могли рассчитывать революціонеры.

Друзья Маццини и онъ самъ полагали однако, что дѣйствовать необходимо немедленно; они боялись медлительности и нерѣшительности, видя въ этомъ главнѣйшую причину неудачи прежнихъ заговоровъ, направленныхъ къ возрожденію Италіи. Кромѣ того, быстрое дѣйствіе представляло и вѣроятность успѣха. Большая часть сторонниковъ «Юной Италіи» оставалась еще не открытыми; партія Маццини, хотя—нерѣшительная и обезкураженная, все же оставалась еще сильною своею численностью, и первая дружная попытка могла придать ей новыя силы. Ужасъ и негодованіе, возбужденныя жестокостями правительства, были такъ сильны, что дѣлали вѣроятнымъ возстаніе на всемъ полуостровѣ. Всѣ эти надежды Маццини и его друзей раздѣлялъ и Гарибальди, не задолго передъ тѣмъ познакомившійся съ Маццини и поступившій въ число членовъ «Юной Италіи».

Итавъ, рѣшено было дѣйствовать, и Маццини переѣхалъ въ Женеву. Правительство Женевы вовсе не сочувствовало вооруженному вторженію въ сосѣдную страну, но личное знаомство Маццини съ вліятельнѣйшими гражданами кантона, мѣшало принять какія-либо репрессивныя мѣры противъ готовившагося предпріятія; въ тому же предполагалось, что послѣдствіемъ возстанія въ Савойѣ будетъ присоединеніе ея къ швейцарскому союзу.

Въ это же время обстоятельства привели въ Женеву многихъ германскихъ и польскихъ изгнанниковъ, и Маццини предлагалъ соединить дѣло Италиі съ дѣломъ другихъ націй, и положить основаніе «Юной Европѣ», на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовала «Юная Италия».

Германскіе и польскіе эмигранты охотно приняли участіе въ готовившейся экспедиціи. Образовались комитеты, составлявшіе планъ и организацію возстанія, были получены и деньги отъ одного богатаго ломбардца; все, повидимому, шло удачно. Но многіе вліятельные члены «Юной Италиі» считали невозможнымъ поручить начальство надъ революціонными отрядами Маццини; они непременно желали поставить предводителемъ человѣка омытнаго въ военномъ дѣлѣ, и выборъ ихъ палъ на генерала Раморино, сторонника князя Чарторыскаго и польской аристократической партіи, котораго не задолго передъ тѣмъ, во время польскаго возстанія, посылалъ въ Варшаву парижскій «Комитетъ друзей Польши». Маццини сначала старался противоудѣйствовать этому выбору, зная Раморино вовсе не съ выгодной стороны, но потомъ долженъ былъ уступить и вошелъ въ нимъ въ переговоры.

Раморино, узнавъ планы заговорщиковъ, согласился принять на себя начальство. Рѣшено было раздѣлить силы на два отряда: одинъ долженъ былъ отправиться изъ Женевы, и Маццини было поручено организовать его, другой, который взялся устроить Раморино, долженъ былъ двинуться изъ Ліона, гдѣ, по его словамъ, онъ пользовался вліяніемъ. Онъ взялъ 40,000 франковъ на это дѣло и уѣхалъ въ Ліонъ, назначивъ октябрь 1833 года для открытія дѣйствій. Въ октябрѣ отрядъ Маццини былъ готовъ; но отъ Раморино не получалось никакихъ извѣстій; знали только, что онъ изъ Ліона уѣхалъ въ Парижъ. Послѣ продолжительныхъ ожиданій и переговоровъ, Раморино написалъ, что нужно отсрочить предпріятіе до ноября, но и ноябрь прошелъ, а ліонскаго отряда все не было. Наконецъ, въ декабрѣ, Раморино увѣдомилъ, что не можетъ собрать и ста человѣкъ, вмѣсто тысячи, что полиція провѣдала объ его намѣреніяхъ и что за всѣ-

кимъ шагомъ его наблюдаютъ. Изъ 40,000 франковъ онъ возвратилъ Маццини всего 10,000.

Между тѣмъ удобное время уходило. Въ Италіи партія Маццини уменьшалась и падала духомъ. Распоряженія, дѣлавшіяся за границей между сотнями людей различныхъ націй, не могли долго оставаться неизвѣстными. Полицейскіе агенты со всѣхъ сторонъ явились въ Женеву; итальянскія правительства требовали у женевскихъ властей удаленія изгнанниковъ изъ кантона; собранныя передъ тѣмъ деньги тратились на пособія эмигрантамъ, не приискавшимъ себѣ занятій; французское правительство предлагало польскимъ выходцамъ паспорта и деньги, чтобы только они вернулись во Францію.

Въ довершеніе всего Буонаротти, членъ верховной венты карбонаровъ, до тѣхъ поръ дѣйствовавшей за одно съ Маццини, отдѣлился отъ него, недовольный тѣмъ, что Маццини вступилъ въ сношеніе съ нѣсколькими богатыми и знатными ломбардцами; въ этомъ Буонаротти видѣлъ нарушеніе демократической программы. Отдѣленіе Буонаротти имѣло важныя послѣдствія потому, что съ его удаленіемъ отъ Маццини отдѣлялось большинство швейцарцевъ, также карбонаровъ. Маццини удвоилъ свою дѣятельность; онъ собралъ новыя суммы, разослалъ агентовъ для образованія новыхъ отрядовъ въ Ліонѣ. Отказаться отъ экспедиціи онъ не рѣшался потому, что это значило доказать бессиліе «Юной Италіи», отъ которой онъ ожидалъ спасенія для родины. Ему казалось лучше пасть въ неравной борьбѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, показать примѣръ для будущихъ дѣятелей. Поэтому онъ назначилъ для открытія дѣйствій конецъ января 1834 года и увѣдомилъ объ этомъ ліонскихъ революціонеровъ; предлагая Раморино принять начальство надъ экспедиціей, когда отряды уже вступятъ въ Савойю, онъ предупредилъ его, что самъ намѣренъ начать дѣйствія во всякомъ случаѣ. Все было готово: вожди выбраны, прокламаціи напечатаны, склады оружія и суда для перевозки отряда черезъ Женевское озеро были готовы: ожидали только сигнала, чтобы отереть дѣйствія. Маццини надѣялся, что Раморино пріѣдетъ тогда, когда экспедиція уже начнется. Но Раморино отвѣчалъ, что пріѣдетъ немедленно. Съ дороги онъ писалъ Маццини, прося его отложить экспедицію со дня на день, и наконецъ 31-го января пріѣхалъ. Но тутъ оказалось, что женевское правительство намѣрено противодѣйствовать экспедиціи гораздо сильнѣе, нежели можно было предполагать. Перевозочныя суда были захвачены, гостинница, въ которой жилъ Маццини, окружена жандармами, нѣкоторыхъ лицъ арестовали, хотя мѣстное населеніе открыто покровительствовало инсургентамъ. Не

смотря однако на препятствія, революціонному отряду удалось добраться до условленнаго мѣста и переплыть озеро.

Тутъ ожидали Маццини новыя разочарованія. Германскіе выходцы, которые должны были прибыть изъ Берна и Цюриха, дѣлали свои приготовленія слишкомъ неосторожно и были почти всѣ арестованы на дорогѣ, въ которую они пустились цѣлою толпой, съ республиканскими ковардами на шляпахъ. То же почти случилось и съ польскимъ отрядомъ, который подъ предводительствомъ Грабскаго, назначеннаго Раморино, былъ задержанъ швейцарскими жандармами. Всѣ эти неудачи значительно уменьшили силы инсургентовъ и дали Раморино поводъ говорить, что онъ былъ правъ, считая экспедицію невозможною. Сначала предполагалось идти на С.-Жюльенъ, гдѣ Маццини думалъ найти поддержаніе въ мѣстномъ населеніи, ободренномъ этимъ первымъ успѣхомъ. Но задержаніе польскаго отряда послужило Раморино предлогомъ измѣнить планъ экспедиціи и дать ей другое направленіе. Двадцать четыре часа отрядъ, въ которомъ, съ ружьемъ на плечѣ, шелъ и Маццини, двигался по берегу озера; люди изнемогали отъ усталости и начинали роптать. Замѣтивъ это, Маццини сталъ убѣждать Раморино идти къ С.-Жюльену. Раморино успокоивалъ его и обѣщалъ исполнить его желаніе. Но отрядъ продолжалъ двигаться по той же дорогѣ, не встрѣчая въ небольшихъ селеніяхъ, черезъ которыя проходилъ, ни малѣйшихъ признаковъ сочувствія. Наконецъ отрядъ остановился на бивуакѣ и только что расположился для отдыха, какъ раздались впереди ружейные выстрѣлы. Маццини, обрадованный мыслью, что началось дѣло, бросился было впередъ, но едва пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, какъ упалъ безъ чувствъ: страшная усталость, которой онъ подвергался въ послѣднее время, безпокойство, горе, неудачи, необходимость поддерживать мужество другихъ, когда онъ самъ потерялъ уже всякую надежду на успѣхъ,—все это истощило его физическія и нравственныя силы. Онъ пришелъ въ себя уже на швейцарской границѣ, куда его перевезли въ тележкѣ его друзья, послѣ того, какъ Раморино уѣхалъ, оставивъ на произволъ судьбы отрядъ, принужденный отступить изъ Савойи, преслѣдуемый карабинерами. Нѣкоторые изъ инсургентовъ, попавшіеся въ плѣнъ карабинерамъ, были тотчасъ же разстрѣляны. Затѣмъ дѣло о мятежникахъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи и въ числѣ которыхъ, кромѣ Гарибальди и Маццини, были Джакомо и Джованни Дурандо, Анджело Брофферіо и Винченцо Джоберти, всѣ спасшіеся бѣгствомъ, было передано Карломъ Альбертомъ на разсмотрѣніе военнаго суда. Въ приговорѣ этого суда, состоявшемся 22 марта 1834

года, было сказано, что «виновные должны быть преданы въ руки палача, который, надѣвъ имъ петли на шею, проведетъ ихъ по городу, въ торговый день, до мѣста казни, гдѣ они и будутъ повѣшены».

Этой катастрофой закончился первый періодъ дѣятельности «Юной Италіи». Впослѣдствіи времени Маццини и его друзья объясняли неудачу измѣною Раморино, будто-бы подкупленнаго французскимъ правительствомъ и умышленно погубившаго ввѣренное ему дѣло. Но едва-ли можно утверждать, что это была единственная причина неудачи революціонной экспедиціи. Нельзя отвергнуть, что Маццини впалъ въ ту же ошибку, въ которую всегда впадали и впадаютъ люди, находящіеся въ его положеніи; живя въ Италіи, имѣя сношенія съ одною только, небольшою частью общества, онъ воображалъ, что вся Италія мыслить и чувствуетъ также, какъ и онъ самъ, что стоитъ только сдѣлать воззваніе, и весь итальянскій народъ возстанетъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ не хотѣлъ видѣть, что предшествовавшія событія не пробудили еще усыпленное политическое сознаніе во всѣхъ классахъ народонаселенія.

Возвратившись въ Швейцарію и желая на будущее время приобрести большее число союзниковъ Италіи въ средѣ различныхъ національностей, Маццини, продолжая сношенія съ польскими и нѣмецкими эмигрантами, занялся организаціей основаннаго имъ политическаго общества «Юная Европа». Въ Бернѣ, куда Маццини принужденъ былъ уѣхать, онъ вмѣстѣ съ другими восемнадцатью эмигрантами составилъ «Договоръ Братства», цѣлю котораго было направить совокупныя усилія трехъ народностей—польской, нѣмецкой и итальянской—къ одной цѣли, — освобожденію. Составляя три отдѣльныя ассоціаціи, — «Юную Италію», «Юную Польшу» и «Юную Германію», онѣ должны были помогать одна другой въ дѣлѣ освобожденія, имѣя своимъ идеаломъ федеральное устройство Европы. Маццини, какъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи, не увлекался преувеличенными мечтами о силѣ и вліяніи основанныхъ имъ ассоціацій и не считалъ вовсе возможнымъ скорое примѣненіе началъ, положенныхъ имъ въ основу этихъ политическихъ обществъ, — къ дѣйствительности. Онъ имѣлъ главною цѣлю — пропаганду своихъ идей, существенно различавшихся отъ взглядовъ и понятій, бывшихъ въ то время въ ходу, предоставляя этимъ идеямъ принести плоды, когда и какъ это будетъ возможно.

Въ томъ же 1834 году, Маццини положилъ основаніе ассоціаціи — «Юная Швейцарія», цѣль которой была создать между Франціей, Германіей и Италіей альпійскую федерацію, изъ на-

циональностей, живущих по всей цѣпи Альповъ и въ составъ которой, кромѣ Швейцаріи, должны были войти Савойя и нѣмецкій Тироль.

Не оставляя въ сторонѣ литературныхъ занятій, Маццини помѣстилъ въ это время въ журналѣ Каваньяка «Revue republicaine», издававшемся въ Парижѣ, статью: «О революціонной инициативѣ въ Европѣ». Въ этой статьѣ онъ доказывалъ, что на первую французскую революцію не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на начало новой эпохи, или программу будущаго, но какъ на заключительное слово прошедшаго. Возражая французскимъ либераламъ, утверждавшимъ, что одной Франціи принадлежитъ право на инициативу въ политическомъ развитіи Европы, и что другіе народы должны идти за Франціей по пути революціи и прогресса, Маццини доказывалъ, что прогрессъ европейскихъ народовъ зависитъ отъ ихъ освобожденія изъ-подъ вліянія Франціи, а прогрессъ Франціи отъ ея освобожденія изъ-подъ традицій XVIII вѣка и первой революціи. Не отрицая великихъ заслугъ революціи, Маццини признавалъ, что такъ какъ нынѣшнее столѣтіе ушло впередъ сравнительно съ прошедшимъ, то тому, кто хочетъ идти дальше въ изысканіи истины для будущаго, слѣдуетъ принять за исходную точку начала, выработанныя революціею, а не останавливаться на нихъ.

Для большаго распространенія идей, положенныхъ въ основу новыхъ ассоціацій, Маццини въ слѣдующемъ году началъ издавать въ Швейцаріи журналъ — «La Jeune Suisse»; журналъ этотъ выходилъ два раза въ недѣлю на двухъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Денежныя средства по изданію доставляли нѣсколько швейцарцевъ, въ числѣ которыхъ три члена Большаго Совѣта были кромѣ того и постоянными сотрудниками журнала.

Европейскія правительства, до которыхъ слухи объ основанныхъ Маццини обществахъ доходили въ извращенномъ и страшно преувеличенномъ видѣ, испугались его пропаганды и стали все болѣе и болѣе настаивать передъ швейцарскимъ правительствомъ, требуя удаленія Маццини изъ предѣловъ союза; въ самой Швейцаріи пропаганда Маццини встрѣтила сильныхъ противниковъ, въ число которыхъ сталъ и Фази. Случайное убійство, не имѣвшее и тѣни политической мести, послужило предлогомъ къ аресту Маццини въ Солотурнѣ; но арестъ этотъ продолжался всего 24 часа, послѣ чего Маццини былъ выпущенъ, такъ какъ не нашлось рѣшительно никакихъ поводовъ къ его обвиненію, а мѣстное населеніе грозило силою освободить его изъ тюрьмы. Наконецъ требованія французскаго правительства сдѣлались такъ грозны, что федеральныя власти должны были уступить; не же-

лая сразу остановить печатаніе журнала «La jeune Suisse», они сначала арестовали нѣмецкихъ сотрудниковъ журнала, а затѣмъ и швейцарскихъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ изданіи. Наконецъ послѣдовало распоряженіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Швейцаріи самого Маццини, который, уѣхавши изъ Солотурна, поселился было въ одной деревушкѣ Бернскаго кантона у протестантскаго пастора.

Въ 1837 году, не имѣя болѣе возможности оставаться на континентѣ, Маццини переселился въ Англію, которую впоследствии полюбилъ, какъ второе отечество за найденное въ ней убѣжище и безграничную свободу.

Первое время пребыванія въ Англии было самое тяжелое для Маццини. Послѣ ряда неудачъ, гоненій, разочарованій, онъ сталъ сомнѣваться въ самомъ себѣ; ему начинали казаться правыми тѣ, кто осуждалъ его политическую дѣятельность, какъ основанную на эгоизмѣ и холодныхъ расчетахъ честолюбія. Онъ вспоминалъ итальянцевъ разстрѣлянныхъ за то, что они раздѣляли его мнѣнія, матерей и женъ, оплакивавшихъ своихъ дѣтей и мужей,—и единство Италиі, въ которому онъ стремился, стало казаться ему иллюзіей, мечтой никогда неосуществимой. Но этотъ кризисъ, въ теченіе котораго Маццини боялся сойти съ ума или окончить свою жизнь самоубійствомъ, миновалъ, и онъ, по примѣру Фосколо, написалъ исторію только-что выдержанной имъ внутренней борьбы, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія неизвѣстнаго», въ которой высказалъ, что эта внутренняя борьба не только не уничтожила его прежнихъ вѣрованій, но еще болѣе укрѣпила его въ мысли продолжать начатое имъ, для Италиі, дѣло, несмотря ни на какія препятствія. «Я пришелъ въ себя — говоритъ онъ — самъ, безъ посторонней помощи, благодаря моимъ религиознымъ вѣрованіямъ, провѣреннымъ исторіей. Отъ понятія о божествѣ, я перешелъ къ идеѣ о прогрессѣ, а отъ понятія о прогрессѣ къ истинному пониманію жизни, — руководящимъ правиломъ которой должно быть исполненіе своего долга передъ родиной и человѣчествомъ; я поклялся, что ничто въ мірѣ не заставитъ меня отступить отъ моихъ прежнихъ стремленій». Кромѣ этой нравственной борьбы, Маццини претерпѣвалъ, первое время, въ Лондонѣ и крайнюю нужду въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни. Ему доставало денегъ, пересылаемыхъ родителями; онъ сначала продалъ немногія вещи съ собою привезенныя, потомъ заложилъ платье и бѣлье и наконецъ вынужденъ былъ отнести свой послѣдній сюртукъ и сапоги въ лавчонку, торгующую старымъ платьемъ, у которой по субботамъ толпились бѣдняки, продававшіе свои лохмотья, чтобы ку-

нить кусокъ хлѣба на воскресенье. Всю эту нужду Маццини приходилось переносить въ одиночествѣ, въ странѣ, въ которой бѣдность, особенно иностранца, внушаетъ жестокое недобѣріе. Такая жизнь, полная горя и нищеты, продолжалась до половины 1838 года, когда, познакомившись случайно съ нѣкоторыми изъ дѣятелей англійскаго литературнаго міра и изучивъ англійскій языкъ, онъ сталъ печатать свои статьи въ различныхъ журналахъ. Начиная съ первыхъ своихъ статей — «О положеніи и будущности Италіи» и «Взглядъ на итальянское литературное движеніе послѣ 1830 года», — онъ во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, печатавшихся въ англійскихъ журналахъ, старался вызвать вниманіе англичанъ и ихъ сочувствіе къ итальянскому національному дѣлу и, въ этомъ отношеніи, никто, конечно, такъ много и плодотворно не работалъ, какъ онъ.

Кромѣ англійскихъ журналовъ, Маццини, въ это время, былъ сотрудникомъ издававшегося въ Парижѣ журнала «Revue republicaine» и написалъ программу журнала, имѣвшаго короткое существованіе въ Парижѣ «l'italiano», гдѣ Гверацци, подъ именемъ Ансельмо Гваланди, напечаталъ отрывокъ изъ своего романа «Осада Флоренціи». Для издателей, печатавшихъ въ это время, въ Лугано, сочиненія замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ писателей, Маццини написалъ предисловіе къ комментаріямъ Уго-Фосколо на «Божественную комедію» Данта, въ которомъ старался возстановить славу и значеніе автора «Писемъ Якопо Ортисъ».

Не довольствуясь литературными трудами, Маццини впослѣдствіи устроилъ въ Лондонѣ бесплатную школу для итальянскихъ мальчиковъ, въ которой всѣ учителя преподавали бесплатно и самъ Маццини читалъ исторію Италіи и элементарную астрономію. Первоначальное же обученіе грамотѣ и письму взяли на себя рабочіе-итальянцы, которые не только посвящали урокамъ свои вечера, но и жертвовали на школу деньгами. Скоро, по примѣру этой школы, основалось еще нѣсколько школъ въ Англии и Америкѣ. Школа дала Маццини случай сблизиться съ рабочими и составить ассоціацію, издававшую потомъ журналъ «Apostolato popolare», для которой онъ написалъ свое сочиненіе — «Объ обязанностяхъ человѣка». Въ этомъ сочиненіи, въ которомъ Маццини выразилъ свой взглядъ на рабочій вопросъ, уже въ то время выдвигавшійся впередъ въ западно-европейской жизни, онъ исходитъ изъ той мысли, что источникъ всякаго права кроется въ исполненіи долга, обязанности. Обязанности же всякаго человѣка онъ ставитъ въ такомъ порядкѣ: выше всего обязанности относительно человѣчества, потомъ исполненіе обязанностей относительно отечества и наконецъ — семьи.

«Человѣчество, родина и семья—говорить Маццини—суть три сферы, въ которыхъ человѣческая личность должна дѣйствовать на общее благо, стремясь къ нравственному усовершенствованію себя и другихъ. Воспитаніе создаетъ людей; оно должно вкоренять въ насъ убѣжденіе, что всѣ мы дѣти одного Бога и должны выполнять одинъ законъ на землѣ: жить не для себя, а для другихъ и стремиться не къ матеріальному счастью, но къ возможно большому нравственному совершенствованію себя и другихъ. Стремиться къ улучшенію своего матеріальнаго положенія слѣдуетъ только въ видахъ доставленія себѣ большихъ способовъ къ нравственному прогрессу». Одно изъ главныхъ препятствій къ человѣческому прогрессу Маццини видитъ въ ненормальномъ положеніи женщины: «до сихъ поръ половина человѣческой семьи—именно та, которая вдохновляетъ насъ и утѣшаетъ насъ въ горькія минуты, которой ввѣрено воспитаніе дѣтей, — по странному противорѣчію, лишена всякихъ правъ въ гражданскомъ, политическомъ, социальномъ отношеніи; вы, ищущіе свободы, должны всѣми силами стремиться къ эмансипаціи женщины!» Обязанность заботиться о народномъ образованіи, Маццини возлагаетъ на націю: «нація обязана сообщить каждому гражданину чего она отъ него требуетъ, и каждый гражданинъ долженъ получить въ народной школѣ образованіе, въ кругъ котораго бы входили: обзоръ развитія всего человѣчества и отечественная исторія, популярное изложеніе началъ, положенныхъ въ основу отечественнаго законодательства и тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя и теперь всѣ получаютъ въ школѣ.» «Когда вамъ — говоритъ далѣе Маццини, обращаясь къ рабочимъ — проповѣдуютъ о необходимости и возможности социальныхъ переворотовъ только во имя вашихъ правъ, — не вѣрьте этому. Всякое ученіе о правахъ и матеріальномъ благѣ можетъ возбудить только попытки, которыя никогда не будутъ имѣть успѣха и приведутъ только къ величайшему изъ преступленій — раздору между различными классами общества.... Когда Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе, то возлѣ него стояли апостолы, воплощавшіе въ своей жизни и дѣйствіяхъ ученіе своего учителя. Слѣдуйте этому примѣру. Проповѣдуйте исполненіе долга другимъ классамъ и сами выполняйте его. Проповѣдуйте добродѣтель, самопожертвованіе, любовь къ ближнему и будьте сами добродѣтельны, любящи и готовы на самопожертвованіе». Доказывая необходимость ассоціацій, при помощи которыхъ, по мнѣнію Маццини, только и возможно измѣненіе политическаго, социальнаго и нравственнаго положенія рабочаго класса, онъ требовалъ, чтобы эти ассоціаціи были мирны и публичны. «Тайныя

ассоціаціи, служащія законнымъ орудіемъ защиты тамъ, гдѣ нѣтъ ни свободы, ни націи—не должны быть терпимы въ странѣ, гдѣ господствуетъ свобода и неприкосновенность человѣческой мысли». Значеніе ассоціаціи, свободы и образованія, этихъ двигателей прогресса, Маццини опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «свобода даетъ возможность выбирать между добромъ и зломъ; образованіе научаетъ дѣлать этотъ выборъ правильно; ассоціація даетъ средства къ достиженію избранной цѣли». Маццини желаетъ, чтобы рабочіе и капиталисты, какъ и всѣ люди, образовали одну семью и руководствовались правиломъ: «кто готовъ отдавать на пользу всѣхъ то количество труда, которое онъ въ силахъ исполнить, тотъ долженъ получать такое вознагражденіе за свой трудъ, какое давало бы ему возможность развивать свою индивидуальную жизнь». Признавая начало собственности присущимъ человѣческой природѣ, Маццини находитъ, что распредѣленіе собственности подлежитъ измѣненію, сообразно законамъ прогресса. «Если собственность—говорить онъ—въ настоящее время находится въ рукахъ немногихъ, то это еще не должно служить причиною для ея уничтоженія; но люди должны открывать новые пути и источники, при помощи которыхъ собственность можетъ сдѣлаться доступною многимъ и явиться въ будущемъ не иначе, какъ вознагражденіемъ за трудъ. Нужно стремиться не къ увеличенію заработной платы и не къ поглощенію личности обществомъ, въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта, а къ соединенію труда и капитала въ однихъ рукахъ. Ассоціація труда и распредѣленіе выгодъ, выручаемыхъ отъ продажи его произведеній, между производителями соразмѣрно количеству и цѣнности труда каждого изъ нихъ, — вотъ къ чему должно стремиться современное общество». Этому стремленію, по мнѣнію Маццини, должна содѣйствовать государственная власть, обсужденіемъ вопросовъ рабочаго населенія въ собраніи народныхъ представителей, улучшеніемъ путей сообщенія, учрежденіемъ общественныхъ складовъ и магазиновъ, упрощеніемъ судопроизводства, слишкомъ дорогого и недоступнаго бѣдному классу, измѣненіемъ системы налоговъ и введеніемъ одного налога на доходы, продажей имущества духовенства и обращеніемъ собранныхъ, такимъ образомъ, денежныхъ средствъ на народный кредитный фондъ для рабочаго населенія.

X.

Со времени неудавшейся революціонной экспедиціи въ Савойю прошло пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ итальянская революціонная партія почти оставалась въ бездѣйствіи. Она была слишкомъ разрознена и ослаблена неудачами и преслѣдованіями, чтобы воспользоваться народными волненіями, сопровождавшими появленіе, въ Италіи, въ 1835 году, холеры.

Обойдя сѣверную и среднюю часть Европы, холера обнаружилась прежде всего въ Ниццѣ. Изъ Ниццы болѣзнь распространилась въ Туринъ, Геную, Ливорно, Ломбардію и Венецію. Количество жертвъ было громадно: въ одной Ломбардіи умерло 32,000 человекъ. Скоро она проникла въ Римъ и потомъ въ Неаполь, гдѣ отъ холеры умерло 13,800 человекъ, и распространилась по всему королевству, уменьшивъ его населеніе на 60,000 человекъ, не считая Сициліи, гдѣ, изъ населенія въ два миліона душъ, умерло 69,360 человекъ. Врачи не могли не только прискать средствъ для леченія, но даже не были въ состояніи опредѣлить характеръ болѣзни: одни считали ее заразительною, другіе нѣтъ. Устроенные въ разныхъ мѣстахъ строгіе карантинны, врачи, закутанные въ смоляные плащи, съ лицами, покрытыми масками, священники, приходившіе исповѣдывать умирающихъ, обжуренные укусомъ и хлоровою известью, — все это увеличивало панику. Населенія, которымъ до сихъ поръ твердили, что ихъ правительствамъ необходима неограниченная власть, какъ источникъ всякаго блага, обращали свои взоры къ этой власти, ожидая отъ нея спасенія и, не находя его, стали вѣрить, что страшная болѣзнь есть отрава, распространяемая правительствами, которыя потому и не хотятъ противодействовать ей. Во врачахъ стали видѣть отравителей, въ лекарствахъ — ядъ; разсвирѣпѣвшая чернь, по одному подозрѣнію, хватала невинныхъ людей и предавала смерти. Да и не одна необразованная чернь вѣрила отравѣ. Кардиналь Тригона, архіепископъ палермскій, заболѣвъ холерою, отказался принимать лекарства, какъ бесполезныя противъ яда; Чина, извѣстный физикъ и историкъ, при первыхъ признакахъ обнаружившейся у него болѣзни, бросился къ своему другу, директору полиціи въ Палермо, умоляя его дать ему противоядіе, полученное вмѣстѣ съ ядомъ изъ Неаполя.

При такомъ настроеніи народныхъ массъ не удивительно, что въ Катанѣ народъ, убѣжденный въ томъ, что холера вовсе не азіятская болѣзнь, а бурбонская отрава, разбилъ бурбонскія статуи, сорвалъ бурбонскіе гербы и провозгласилъ восстановлен-

ною конституцію 1812 года и отдѣленіе острова отъ королевства неаполитанскаго. Такой же политическій характеръ народнаго волненія обнаружился въ Романьѣ, гдѣ въ числѣ предводителей народнаго бунта, противъ отравливающаго правительства въ первый разъ выступилъ народный ораторъ, членъ «Юной Италіи», Чичеровекио, приобрѣвшій вполнѣтвѣтствіи громкую извѣстность въ первые мѣсяцы царствованія Піа IX.

Эти отдѣльныя вспышки были, конечно, скоро подавлены, и народное бѣдствіе послужило на пользу итальянскихъ правительствъ, счумѣвшихъ воспользоваться имъ, для укрѣпленія своей власти. Подъ предлогомъ заразы, карантинны стѣснили еще болѣе свободу передвиженія, подъ видомъ необходимости различныхъ предупредительныхъ мѣръ, еще болѣе расширилась власть администраціи и полиціи. Но за то, разъ возбужденная противъ правительствъ народная ненависть не скоро угасала, и репрессивныя мѣры все болѣе и болѣе возбуждали надежды на возможность переворота въ Италіи.

Слѣдя изъ Лондона за всѣми событіями, могущими имѣть вліяніе на судьбу Италіи, Маццини, если вѣрить изданнымъ въ Германіи запискамъ Людовика-Бонапарта ¹⁾, былъ не прочь воспользоваться булонскою экспедиціею нынѣшняго французскаго императора. По этому поводу между ними, какъ увѣряетъ издатель этихъ записокъ, происходило, въ 1840 году, свиданіе, на которомъ рѣшено было, что друзья и сторонники Маццини примутъ участіе въ экспедиціи и за эту помощь Людовикъ-Бонапартъ, съ своей стороны, обѣщаль, достигнувъ власти во Франціи, содѣйствовать освобожденію Италіи ²⁾. При этомъ Маццини требоваль еще отъ Бонапарта, чтобы онъ оставилъ надежды на возстановленіе во Франціи имперіи и присоединился бы къ партіи республиканцевъ. Несмотря на обѣщанія Бонапарта подчиниться всѣмъ условіямъ, предложеннымъ Маццини, онъ рѣшился обмануть его и приготовилъ прокламаціи, въ которыхъ говорилось вовсе не о республикѣ, а о возстановленіи во Франціи имперіи. Маццини, узнавъ объ этомъ, объявилъ своимъ друзьямъ,

¹⁾ Geheime Memoiren Louis Napoleon Bonaparte's, herausgegeben v. B. Schubar. (D-r Lubarsch). Berlin 1862. II b.

²⁾ Какъ много ни носятъ на себѣ это свиданіе и происходившій на немъ разговоръ между Маццини и Людовикомъ Наполеономъ, характера анекдотичности, но въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, послѣ тѣхъ свиданій и разговоровъ, которые происходили между Людовикомъ Наполеономъ и Луи Бланомъ, въ Гамбѣ и Лондонѣ, и о которыхъ Луи Бланъ рассказываетъ въ своей книгѣ «Révélations historiques en réponse au livre de lord Normanby, intitulé «A Year of Revolution in Paris». Bruxelles. 1859.

что онъ не имѣетъ ничего общаго съ экспедиціей Лудовика-Бонапарта, послѣ чего никто изъ нихъ и не явился на бортъ «Castle of Edinburgh», на которомъ Бонапартъ съ 10-ю спутниками отплылъ въ Булонь, гдѣ, какъ извѣстно, потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость Гамъ.

Около этого времени нѣсколько итальянскихъ изгнанниковъ, во главѣ которыхъ стояли Теренціо Маміани и Филиппо Канути, жившіе съ 1831 года въ Парижѣ, вошли въ сношеніе съ либералами, оставшимися въ Италіи и при ихъ помощи возобновили революціонную пропаганду. Маміани, въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Наше мнѣніе объ итальянскихъ дѣлахъ», совѣтовалъ патріотамъ обратить вниманіе на католическое духовенство и, въ случаѣ невозможности привлечь его на свою сторону, стараться уничтожить его авторитетъ въ глазахъ простаго народа. Другіе итальянскіе эмигранты, возвратившіеся изъ Испаніи, гдѣ они принимали участіе въ гражданскихъ войнахъ, составили родъ комитета дѣйствія, намѣреваясь начать въ Италіи противъ австрійцевъ партизанскую войну; главою этого комитета былъ жившій на островѣ Мальтѣ Никколо Фабрици, въ которому применили заговорщики въ Тосканѣ, Неаполѣ и палескихъ владѣніяхъ.

Маицини не сходились ни съ Маміани, ни съ Фабрици; ихъ планы не согласовались съ планами «Юной Италіи». Но если революціонные комитеты, засѣдавшіе въ Парижѣ, Мальтѣ и Лондонѣ, не сходились въ частностяхъ, то все же они стремились къ одной цѣли, — возстанію, и всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, раздувалъ покрытую пепломъ искру революціи и собиралъ сообщниковъ, изъ которыхъ многіе пали жертвою своего патріотизма.

Заговорщики главнымъ образомъ рассчитывали на движеніе въ королевствѣ обѣихъ Сицилій и Романьѣ; вездѣ было много недовольныхъ, изъ которыхъ одни готовы были передать итальянскую корону одному изъ Бонапартовъ, другіе герцогу Лейхтенбергскому, сыну бывшаго вице-короля итальянскаго, зятю русскаго императора, на помощь котораго они и надѣялись.

Фердинандъ II уже давно обманулъ надежды, возбужденныя имъ при вступленіи на престоль. Видя, что опасность, грозившая ему во время общаго революціоннаго движенія 1830 года, миновала, король неаполитанскій откровенно обнаружилъ свои наклонности. Бывшій начальникъ жандармовъ Делькаретто былъ сдѣланъ министромъ полиціи и приобрѣлъ неограниченное довѣріе короля. Роль циркульнива Вилья въ предшествовавшее царствованіе занялъ теперь духовникъ Фердинанда II, Кокль. Строго

охраняя свое государство отъ просвѣщенія и науки, Фердинандъ обнаружилъ стремленіе къ преобразованіямъ — замѣною розоваго трико танцовщицъ зеленымъ, и въ видахъ заботливости о нравственности своихъ подданныхъ приказалъ закрыть обнаженныя части античныхъ статуй. Невыносимо дурная администрація доводила народъ до нищеты, а господство полиціи тайной и явной выводило изъ терпѣнія образованные классы. Въ папскихъ владѣніяхъ положеніе дѣлъ было не лучше. Мелкія попытки къ возстанію, обнаруживавшіяся около 1840 года въ Абрुццо, Калабріи, Сициліи, Романьѣ, вели за собою только новыя жестокости и кровавыя усмиренія; революціонеры Сициліи, видя свою слабость и разрозненность, готовы были забыть вѣковую вражду съ неаполитанцами и вступить съ ними въ союзъ; въ Палермо, гдѣ должно было начаться возстаніе, собрались представители главнѣйшихъ городовъ острова, Мессины, Катаны, Сиракузы, Трапани, готовыхъ поддержать возстаніе Палермо; но и тутъ дѣло ограничилось одними приготовленіями.

Наконецъ, около 1843 года, война между собою въ сношеніи, заговорщики надѣялись произвести обширное возстаніе, которое должно было начаться съ Неаполя. Былъ даже назначенъ день — 31 іюля 1843 года, когда должно было вспыхнуть возстаніе. Но 31 іюля прошло спокойно. Полиція успѣла уже, по подозрѣнію, арестовать нѣсколькихъ лицъ и хотя не могла поймать нить заговора, но все же помѣшала его исполненію. Въ Романьѣ партія дѣйствія страдала внутренними несогласіями. Одни, несмотря на неудачу въ Неаполь, хотѣли немедленно начать движеніе, другіе желали выждать болѣе удобное время. Наконецъ сборище заговорщиковъ было открыто и попавшія въ руки полиціи преданы военному суду, по распоряженію кардинала Ама, который успѣшилъ приговорить къ ссылкѣ всѣхъ, на кого ему указывали, какъ на горячихъ патріотовъ.

Эти жестокія мѣры вызвали крайнее раздраженіе въ мѣстномъ населеніи, и горсть молодыхъ людей Болоньи составила въ горахъ, подъ начальствомъ братьевъ Муратори, вооруженный отрядъ, надѣясь присоединить къ себѣ недовольныхъ. Но и эта попытка не удалась и послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ папскими жандармами, отрядъ принужденъ былъ разойтись, а принадлежавшія къ нему лица съ трудомъ пробрались въ Ливорно, а оттуда во Францію.

Оставалась надежда на внѣшнюю помощь; въ 1844 году уже готовилось на всемъ полуостровѣ и итальянскихъ островахъ новое движеніе, которое должно было начаться въ то время, какъ Риччарди изъ Корсики двинется въ Риму, эмигранты, собрав-

піеся въ тессинскомъ кантонѣ, вторгнутся въ Піемонтъ и Лембардію, Фабрици съ иностраннымъ алжирскимъ легиономъ вьсадутся въ Сицилію, а отряды революціонеровъ изъ Мальты и Корфу явятся въ Калабрію и другихъ мѣстахъ. Но и этому плану не удалось осуществиться: одинъ изъ заговорщиковъ, Партезотти, заранѣе обо всемъ донесъ австрійскому правительству, которое предупредило другія итальянскія правительства....

Въ 1844 году, тюрьмы Рима, Турина и Неаполя переполнились политическими преступниками; всюду торжествовала реакція; воздвигались эшафоты и кровь патріотовъ обограла Италію. Неудачи, жестокія казни и преслѣдованія навели уныніе на итальянцевъ, казалось, что народное дѣло проиграно. Въ это-то время всеобщаго одѣпенѣнія, по Италіи разнеслось извѣстіе объ экспедиціи братьевъ Бандіера.

Духъ возмущенія уже давно проникъ въ ряды солдатъ, овладѣвая преимущественно моряками австрійскаго флота, составленнаго большею частью изъ итальянцевъ. Во флотъ служили два брата, Аттиліо и Эмиліо Бандіера. Они родились въ Венеціи. Отецъ ихъ, баронъ и контръ-адмиралъ австрійскій, не любилъ своей родины. Въ 1831 году, онъ захватилъ въ Адриатическомъ морѣ корабль, на которомъ, послѣ капитуляціи Анконы, эмигранты изъ Модены и Романьи переправлялись во Францію. Его сыновья также вступили въ морскую службу, но они съ раннихъ лѣтъ почувствовали униженіе, въ которомъ находилось ихъ отечество и обдумывали средства освободить его. Еще будучи мальчикомъ Эмиліо Бандіера доставалъ себѣ нумера «Юной Италіи» и читалъ ихъ товарищамъ въ училищѣ, думая пробудить въ нихъ ненависть къ сыновьямъ угнетателей. Ознакомившись съ «Юной Италіей», оба брата впоследствии примкнули къ ней и сдѣлались дѣятельными членами общества. Пользуясь своимъ положеніемъ, какъ дѣти бывшаго контръ-адмирала, и имѣя большое вліяніе на матросовъ того фрегата, на которомъ они сами служили, они задумали овладѣть фрегатомъ и на немъ ѣхать въ Мессину, чтобы произвести тамъ возстаніе.

Скоро они вступили въ переписку съ Маццини. 15 августа 1842 года, Аттиліо писалъ ему въ первый разъ изъ Смирны и изложилъ свое положеніе и убѣжденія. «Я итальянецъ, военный человѣкъ и не изгнанникъ. Мнѣ около 33 лѣтъ. Сложенія я скорѣе слабаго: темперамента пылкаго, хотя по виѣшности холоднаго. Стараюсь, сколько возможно, слѣдовать правиламъ стойковъ. Вѣрю въ Бога, въ будущую жизнь, въ человѣческій прогрессъ; выше всего я ставлю человѣчество, потомъ отечество, семью и наконецъ личность; твердо вѣрю, что нравственность

есть основаніе всякаго права, и вслѣдствіе этого уже давно пришелъ къ заключенію, что итальянское дѣло есть только часть дѣла всего человѣчества; въ грустныя и трудныя времена утѣшаюсь мыслью, что трудиться на пользу Италіи значитъ трудиться на пользу всего человѣческаго рода. Обдумывая условія, въ которыхъ находится наше отечество, я увидѣлъ, что путь, представляющій болѣе вѣроятности успѣха для освобожденія Италіи, есть путь тайныхъ дѣйствій и заговоровъ. Какими иными средствами, въ самомъ дѣлѣ, можетъ угнетенный вести борьбу за свое освобожденіе?... Въ другомъ письмѣ къ Маццини, оба брата писали: «Проникнутые сознаниемъ, что всякій итальянецъ долженъ отдавать всего себя для улучшенія судьбы нашего несчастнаго отечества, мы искали случая присоединиться къ «Юной Италіи», которая, какъ мы знаемъ, составила для организациіи возстанія. Три года усилія наши были тщетны; сочиненія ваши не появлялись болѣе въ Италіи: правительства увѣряли, что вы подавлены дурнымъ исходомъ экспедиціи въ Савойю... Не зная вашихъ стремленій, мы однако сошлись съ ними. Мы хотѣли имѣть отечество свободное, единое, республиканское, мы рѣшились довѣрять только средствамъ итальянскаго народа, презирать чужеземную помощь и начать бой тогда, когда увидимъ себя достаточно сильными, не ожидая обманчивыхъ обѣщаній Европы».

Между тѣмъ, австрійское правительство уже стало подозрѣвать обоихъ братьевъ, и въ мартѣ 1844 года, Аттіліо получилъ приказаніе прибыть въ Венецію съ корабля «Bellona», стоявшаго у Смирны. Тогда онъ, видя, что замыслы его открыты, — сбѣжалъ съ корабля, въ Смирнѣ. Въ то же время и Эмиліо, получивъ извѣстіе о братѣ, уѣхалъ изъ Венеціи; затѣмъ оба сбѣхались въ Корфу. Австрійское правительство, испугавшись послѣдствій, которыя могъ произвести этотъ побѣгъ во флотъ, показывая опасный примѣръ, а еще болѣе желая скрыть отъ итальянскихъ революціонеровъ присутствіе въ австрійскомъ флотѣ національнаго итальянскаго элемента — приискивало всевозможныя средства, чтобы представить поступокъ Бандіера какъ необдуманную выходку юношей и вернуть ихъ назадъ. Эмиліо рассказываетъ въ письмѣ къ Маццини изъ Корфу, что эрцгерцогъ Рейнеръ, вице-король Ломбардо-венеціанскаго королевства, обѣщала матери Бандіера прощеніе ея сыновей, если она уговоритъ ихъ возвратиться. Но ни просьбы матери, ни обѣщаніе прощенія не подѣйствовали на Бандіера и ихъ предали суду.

Въ это время революціонное движеніе какъ будто еще не совсѣмъ угагло въ Италіи. Такъ думали и братья Бандіера, рѣ-

шаваясь отправиться въ Калабрію, откуда недавно раздавался крикъ свободы и гдѣ развѣвалось революціонное знамя.

Напрасно Маццини, Фабрици, Риччарди изъ Лондона, Мальты и Парижа старались разубѣдить ихъ, представляя ихъ попытку несвоевременною и неудобноисполнимою. Сначала они какъ будто поддались убѣжденіямъ; но вслѣдъ затѣмъ вошли въ переговоры съ другими изгнанниками, пріѣхавшими въ Корфу, собрали небольшую сумму денежныхъ пожертвованій и рѣшили сдѣлать высадку въ Калабрію. Австрійское правительство и неаполитанскій король съ своей стороны не мало содѣйствовали исполненію предпріятія, которое не могло не быть гибельно для лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. «Неаполитанское и австрійское правительства—писалъ Маццини—знали о намѣреніи итальянскихъ изгнанниковъ явиться съ отчаянною рѣшимостью туда, гдѣ будетъ поднято итальянское знамя; но имъ нужно было вовлечь лучшихъ патріотовъ въ отчаянное предпріятіе, чтобы погубить ихъ, разбить надежды другихъ и убѣдить изгнанниковъ въ томъ, что на движеніе итальянскихъ населеній рассчитывать нечего. Пламенные и неосторожные Бандіера попались въ сѣти. Погубить ихъ было необходимо, какъ людей опасныхъ и по характеру и по связямъ, которыя они имѣли въ австрійскомъ флотѣ; для враговъ итальянскаго дѣла важно было, чтобы они не оставались въ живыхъ». Изгнанники въ Корфу были окружены шпионами. Ихъ планы были извѣстны даже консуламъ различныхъ европейскихъ государствъ. Тѣмъ не менѣе ихъ отъѣзду и приготовленіямъ къ высадкѣ не только не препятствовали, но съ разныхъ сторонъ распространяли слухи о томъ, что въ городахъ южной Италіи все готово къ возстанію, что въ Калабріи уже появились революціонныя шайки, нуждающіяся въ предводителяхъ. Наконецъ Боккаччампе, одинъ изъ сообщниковъ Бандіера, измѣнилъ имъ. «Изъ всего этого—заключаетъ Маццини—всякій ясно можетъ видѣть, еѣмъ были выбраны время и мѣсто дѣйствія—самими ли Бандіера, или врагами итальянскаго дѣла.»

Назначивъ свой отъѣздъ въ Калабрію, Бандіера написали послѣднее письмо къ Маццини: «Вѣсти изъ Калабріи и Апуліи приходятъ благопріятныя, но изъ нихъ видно, что всюду недостатокъ энергіи и довѣрія къ вождямъ. Мы рѣшились попытаться счастья. Черезъ нѣсколько часовъ уѣзжаемъ въ Калабрію. Если благополучно туда доберемся, то сдѣлаемъ все, что возможно и въ военномъ и въ политическомъ отношеніи. За нами слѣдуютъ 17 другихъ итальянцевъ, большею частію эмигрантовъ; проводникъ нашъ калабріецъ. Вспоминайте насъ и вѣрьте, что если намъ удастся вступить на итальянскую землю, то мы твердо бу-

демъ держаться тѣхъ принциповъ, при посредствѣ которыхъ только и можно превратить постыдное рабство нашего отечества въ славную свободу. Если мы понесемъ неудачу, то скажите нашимъ согражданамъ, чтобы они подражали нашему примѣру, потому, что жизнь дана намъ для полезнаго и благороднаго употребленія, а дѣло, за которое мы сражались и умерли, — самое чистое, самое святое: оно есть дѣло свободы, равенства, человѣчества, независимости».

12 іюня, Аттіліо и Эміліо Бандіера съ 18-ю товарищами отплыли изъ Корфу въ Калабрію, и на четвертый день достигли калабрійскаго берега, близъ города Котроне. Высадившись, весь отрядъ сталъ на колѣни и, поцѣловавъ родную землю, поклялся пожертвовать ей своею жизнью. Сначала Бандіера хотѣли идти въ Козенцу, чтобы освободить томившихся тамъ въ тюрьмахъ многихъ политическихъ преступниковъ. Но они должны были оставить это намѣреніе и рѣшили скрыться въ горахъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ двигались отряды королевскихъ войскъ, посланные для ихъ поимки. Инсургентамъ не удалось достигнуть горъ: нѣсколько дней послѣ ихъ высадки они были окружены королевскими войсками и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, взяты въ плѣнъ. Преданные военному суду, братья Бандіера съ десятью товарищами были приговорены къ смерти и разстрѣляны въ Козенцѣ 25 іюля 1844 года. Послѣднія слова казненныхъ, передъ смертью, были: «да здравствуетъ Италія!»

XI.

Рядъ неудачныхъ революціонныхъ вспышекъ и кровавыхъ катастрофъ долженъ былъ наконецъ доказать невозможность освободить Италію горстью людей, какимъ бы самоотверженіемъ они ни обладали. Ихъ призывъ къ возстанію все еще не могъ поднять на ноги итальянскія массы, неразвитыя и неподготовленныя къ политической жизни. Этого не могла не видѣть либеральная партія, которая хотя и разбилась на различные кружки, но вся, нераздѣльно, стала стремиться къ политическому воспитанію народа, напоминаямъ ему о принадлежавшихъ ему правахъ и уясненіемъ ему тѣхъ стремленій, которыя онъ смутно имѣлъ. Не смотря на строжайшія правительственныя мѣры, въ Италіи, въ разныхъ мѣстахъ, распространялись изданія, говорившія о необходимости освобожденія. Изъ этихъ запрещенныхъ изданій представителемъ республиканскихъ мнѣній служилъ журналъ Маццини — «Воспитатель» (l'Educatore), издававшійся съ

1843 года; проводникомъ же мнѣній болѣе умѣренныхъ служилъ, въ числѣ другихъ, печатавшихся въ тайныхъ типографіяхъ, журналъ Монтанелли, въ которомъ онъ, избѣгая рѣзкихъ и крайнихъ мнѣній, привлекалъ расположеніе большинства къ требуемымъ имъ реформамъ и убѣждалъ тосканское правительство оставить австрійскую политику и вступить на путь преобразованій.

Если впрочемъ различныя партіи и оторвавшіеся отъ нихъ кружки сходились въ общей цѣли—освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, то они уже стали глубоко расходиться въ предлагаемыхъ ими средствахъ для достиженія этой цѣли. Одни считали возможнымъ возложить дѣло освобожденія на союзъ итальянскихъ принцевъ, другіе желали республики, третьи, наконецъ, ждали спасенія отъ одного коронованнаго лица, въ рукахъ котораго останется побѣда и который въ предшествовавшей своей дѣятельности обнаружилъ бы стремленіе къ преобразованіямъ и улучшенію политическаго быта своего народа.

Среди этихъ разногласій, въ которыхъ громче всѣхъ слышались голоса, требовавшіе реформъ, раздался одинокій голосъ аббата, который указалъ на папство, какъ на великую силу, способную освободить Италію.

Книга «Il Primato», въ которой аббатъ Джоберти, бывшій членъ «Юной Италіи», высказалъ въ первый разъ свою новую мысль, скоро послѣ своего появленія приобрѣла громкую извѣстность, хотя на нее смотрѣли въ началѣ, какъ на парадоксъ, а не какъ на политическую программу. Она была принята благосклонно сначала только духовенствомъ, обольщеннымъ надеждою примирить Римъ съ народнымъ дѣломъ. Но по необыкновенно-счастливой случайности, одновременно съ появленіемъ книги Джоберти, въ 1846 году умеръ Григорій XVI и на папскій престолъ вступалъ кардиналъ Мاستаи Феррети, человекъ, казавшійся олицетвореніемъ мыслей и стремленій Джоберти. Забыта была исторія папства и Италіи и всѣмъ полуостровомъ овладѣла надежда, что евангельская кротость новаго папы измѣнитъ судьбу, въ теченіе вѣковъ вооружавшую руку главы католическаго міра противъ итальянской національности. Италія искренно вѣрила въ папу и на всемъ полуостровѣ раздалось одно привѣтствіе: Viva Pio Nono!

Что же говорила книга католическаго аббата, чтобы вызвать такое увлеченіе? По мнѣнію Джоберти, Италіи принадлежит первое мѣсто между образованными странами міра, только потому, что Италія всегда была мѣстопребываніемъ главы католической церкви, а папство заключаетъ въ себѣ всѣ начала свободы и

цивилизациі. Главенство папъ въ средніе вѣка было необходимо и плодотворно для народовъ, и когда это главенство прекратилось, пада и Италія. Поэтому, когда религія снова наполнить сердца, когда аристократія и духовенство стануть руководителями разумнаго прогресса, когда папа сдѣлается не только намѣстникомъ Петра, но и преемникомъ Григорія VII и Александра III, тогда только Италія займетъ прежнее свое мѣсто и снова сдѣлается первою націею міра; достигнуть же этого путемъ революціи — мысль ложная и нелѣпая. Монархія, нравственно ограниченная аристократіею, — образъ правленія наиболее пригодный для Италіи; ей нужно правительство, не стѣсненное въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ, но руководимое совѣтами собранія, составленнаго изъ благороднѣйшихъ членовъ націи, и разумно свободною, хотя и подчиненною цензурѣ, пресою. Такимъ образомъ, Италія, укрѣпленная союзомъ добродѣтельныхъ монарховъ, подъ главенствомъ папы займетъ принадлежащее ей мѣсто въ политическомъ мірѣ.

Такова политическая программа Джоберти. Въ этой программѣ очевидна вся утопія надеждъ и возрѣній Джоберти. Извращая исторію для того, чтобы дойти до понятія о папствѣ, какъ о представителѣ цивилизациі, ему еще нужно было дать этому папству помощника, защитника, который бы помогъ папѣ стать во главѣ освобожденной Италіи. Этого защитника папства Джоберти нашель въ королѣ Піемонта. «Піемонтъ — говорилъ Джоберти — есть избранная и важнѣйшая часть Италіи по своему положенію, плодородію почвы, количеству и разнообразію произведеній; по числу, развитію, трудолюбію и дѣятельности своихъ жителей; по блестящему состоянію своего войска и финансовъ; по благоразумію своего духовенства, добросовѣстности администраціи, честности торгующаго класса, достоинству дворянства, образованности средняго сословія, умѣренности правительства, по мудрости большей части своихъ сановниковъ, и, сваяемъ прямо, и откровенно, по благонамѣреннымъ, высокимъ стремленіямъ своего государя. Не смотря однако на всѣ эти блага, Піемонтъ далеко не то, чѣмъ бы онъ могъ быть, и никто, можетъ быть, не сознаеть этого такъ глубоко, какъ управляющіе его судьбами».

Вслѣдъ за сочиненіями Джоберти вышла въ Піемонтѣ книга графа Чезаре Бальбо — *Speranze d'Italia* (Надежды Италіи). Въ этомъ сочиненіи Бальбо, подобно Джоберти, отвергалъ народное возстаніе, какъ средство освобожденія Италіи, и призывалъ къ этому дѣлу царствующія въ Италіи династіи, которыя должны вступить въ тѣсный союзъ между собою противъ общаго врага —

Австріи, приче́мъ главою союза долженъ быть Пиемонтъ, какъ самое сильное и развитое изъ итальянскихъ государствъ. Такимъ образомъ Бальбо ставилъ сардинскаго короля на мѣсто, которое готовилъ Джоберти папѣ.

Въ обоихъ этихъ планахъ видна, конечно, политическая близорукость людей, предлагавшихъ примирить между собою враждебныя начала. Но такъ какъ большинство итальянцевъ потеряло вѣру въ революціонныя попытки, и готово было довольствоваться реформами, то теоріи Джоберти, Бальбо и ихъ послѣдователя д'Азеліо, казались одно время преобладающими, увлекая за собою итальянскій народъ и различныхъ государей Италиі, во главѣ которыхъ становился новый папа.

Съ дѣтскою довѣрчивостію римляне, а съ ними и другіе итальянцы привѣтствовали лучъ надежды, заблеставшій надъ ихъ несчастнымъ отечествомъ 17 іюня 1846 года, съ появленіемъ въ евриналѣ Піа IX.

Мѣсяць спустя, 16 мая, обнародованъ извѣстный декретъ объ амнистіи, которымъ папа давалъ прощенье всѣмъ изгнаннымъ и состоявшимъ подъ судомъ политическимъ преступникамъ. Римъ утопалъ въ благодарственныхъ восторгахъ, волны котораго разливались по всему полуострову. Папу называли ангеломъ Ватикана; это поклоненіе вскружило ему голову; онъ наслаждался своею популярностію и вдыхалъ съ упоеніемъ эміамъ, отовсюду возносившійся къ нему. «Я прочиталъ въ декретѣ объ амнистіи обѣщаніе свободы», говоритъ сицилійскій монахъ и демагогъ Вентура. «Ты прочиталъ его въ моемъ сердцѣ», отвѣчалъ ему папа.

Бѣдный мечтатель, папа, не обладая ни способностями государственнаго человѣка, ни политическимъ образованіемъ, безъ сопротивленія слѣдовалъ теченію. Въ минуты отрезвленія ему приходила мысль, что его дѣйствія рѣзко противорѣчатъ всей исторіи папства. Въ такую-то минуту онъ печально сказалъ: «Отъ меня требуютъ вещей, предпринять которыя я неспособенъ; они считаютъ меня за Наполеона. А я не обладаю ни его гениемъ, ни его силой». Но первое же выраженіе народнаго восторга, — а восторги въ то время въ Римѣ не прекращались — ослабляло это вѣрное сознаніе, возобновляло въ Піѣ желаніе народныхъ овацій и онъ шелъ далѣе по пути реформъ, которыя, также неизбежно, какъ молнія слѣдуетъ за громомъ, вели къ перевороту. Онъ не понималъ, что перестроить церковно-государственное зданіе католицизма, — эту средневѣковую руину, источенную червями, невозможно, и что вслѣдъ, кто возьмется за это

дѣло — увидитъ, какъ оно разсыпется прахомъ въ его рукахъ и рухнетъ при первомъ порывѣ вѣтра.

Либеральный папа представлялъ тѣмъ болѣе трагикомическую фигуру, что онъ очутился либераломъ самъ не зная какъ.

Не подлежить сомнѣнію, что Пій IX думалъ сначала отдѣлаться отъ требованія реформъ наружными уступками. Но онъ былъ и слишкомъ слабъ и слишкомъ честолюбивъ, чтобы держаться до конца такой колеблющейся политики. Вѣчныя «*viva Pio Nono*!» стали для него насущною необходимостью; изъ Парижа и Лондона приходили къ нему слова одобренія изъ кабинетовъ: Гизо, который надѣялся остановить угрожающую итальянскую революцію реформами, и Пальмерстона, который утѣнялся мыслию, что реформаторъ — папа будетъ противодействовать вліянію Австріи въ Италіи. Когда австрійскій посланникъ, по приказанію Меттерниха, принималъ печальный видъ въ Ватиканѣ, пожималъ плечами и все болѣе и болѣе угрожающимъ голосомъ произносилъ «однако, святѣйшій отецъ», въ глубинѣ души папы подымалось чувство, что онъ самъ итальянецъ и что «варвары» не достойны владѣть его прекраснымъ отечествомъ.

Реформа подвигалась въ Римѣ, приготовляя пути революціи и волнуня всю Италію. Особенно сильное впечатлѣніе произвели: учрежденіе государственной консулты (*consulta di stato*, въ апрѣлѣ 1847 года) и гражданской стражи (*guardia civile*, въ іюнѣ). Клерикальное правительство быстро преобразовывалось въ свѣтское. Іезуиты стали выбираться изъ Рима: не надо было имѣть особенно тонкое чутье, чтобы видѣть, что дѣла принимаютъ оборотъ, несомвѣстный съ іезуитскими требованіями неограниченной власти, невѣжества, ханжества и могильнаго спокойствія. Грозный крикъ «Смерть іезуитамъ!» раздавался съ каждымъ днемъ все громче.

Маццини изъ Лондона наблюдалъ за событіями въ Римѣ. Онъ не обманывался относительно положенія, занятаго Піемъ IX и Карломъ Альбертомъ. Во всеобщей надеждѣ на обоихъ онъ видѣлъ только «иллюзіи», которыя скоро исчезнутъ.

«Регрессивные шаги — писалъ онъ осенью 1847 года — не измѣняютъ закона, управляющаго событіями. Толчекъ данъ, и хорошо или дурно, все будетъ идти впередъ. Итальянцы имѣютъ хорошіе инстинкты, но ни тѣни политическаго разума или опытности; я говорю о большинствѣ, а не о тѣхъ немногихъ, которые способны дѣйствовать, но страдаютъ недостаткомъ мужества. Всѣ иллюзіи исчезнутъ, какъ только немногіе, дѣйствительно хорошіе люди, спокойно, обдуманно и осторожно начнутъ дѣйствовать. Пій IX, какъ я о немъ думалъ съ перваго же дня его во-

царенія — добрый человѣкъ: я знаю, что его подданнымъ теперь нѣсколько лучше, нежели было прежде; но это все! Иллюзія же будетъ ослабѣвать медленно, но несомнѣнно. Настанетъ минута, когда народъ постигнетъ, что если онъ хочетъ сдѣлаться свободнымъ, то долженъ дѣйствовать собственными руками».

Не смотря однако на такое мнѣніе свое о Піѣ IX, Маццини, подобно тому, какъ онъ обратился съ посланіемъ къ Карлу Альберту, при его вступленіи на престолъ, въ 1831 году, написалъ 8 сентября 1847 года письмо къ папѣ, приглашая его стать во главѣ движенія за національную независимость. Въ этомъ письмѣ Маццини между прочимъ говорилъ: «благодаря дѣйствию времени, ускоренному вашими предшественниками и церковной іерархіей, вѣрованія умерли, католицизмъ погибъ отъ деспотизма, какъ протестанство погибаетъ отъ анархіи. Посмотрите вокругъ себя: вы найдете людей суевѣрныхъ и ханжей, но не вѣрующихъ; злые молятся разсчету и матеріальнымъ благамъ; добрые — просятъ и надѣются, но никто не вѣритъ».

Пія IX не могли, конечно, увлечь совѣты Маццини, котораго онъ искренно считалъ врагомъ католицизма, но событія, происходившія въ Ватиканѣ отъ лѣта до осени 1847 года уже произвели свое дѣйствіе въ Италіи и внѣ ея. Упорство итальянскихъ государей не оставляло требованія реформъ, раздававшихся все громче и громче.

Въ Тосканѣ стремленіе къ реформамъ началось еще прежде, чѣмъ Мазани надѣлъ папскую тиару. Небольшое расположеніе тосканцевъ къ своему правительству; сохранившееся отъ того времени, когда тосканскіе герцоги изъ австрійскаго дома не подчинялись безусловно вѣнской политикѣ, мало-по-малу смѣнилось полнымъ взаимнымъ недоувѣріемъ и неудовольствіемъ. Разныя несчастныя событія, землетрясеніе 1846 года, надѣлавшее значительныя опустошенія въ прибрежныхъ частяхъ Тосканы, неурожай и дороговизна усиливали раздраженіе, а выдача бывшаго начальника романскихъ инсургентовъ, Ренци, папскому правительству окончательно прервала всякую связь между тосканскимъ великимъ герцогомъ и его подданными. Это послѣднее событіе тѣмъ болѣе раздражило людей самыхъ умѣренныхъ, что не задолго передъ тѣмъ, когда романскіе инсургенты бѣжали въ Тоскану, то ихъ не только не выдали папѣ, но даже отправили на казенный счетъ во Францію; когда же Ренци возвратился послѣ того въ Тоскану, то онъ былъ арестованъ. Папа Григорій XVI потребовалъ его выдачи: большинство дипломатическаго корпуса поддерживало это требованіе; общественное мнѣніе, видѣвшее въ этомъ дѣлѣ вопросъ народной чести, не допускало выдачи. Адвокатъ Сальваньоли явился защитникомъ изгнанника. Дѣло было

передано въ консульту, въ которой изъ трехъ голосовъ два было въ пользу Ренци. Жена его, мать трехъ малолѣтнихъ дѣтей, подала герцогу просьбу объ освобожденіи ея мужа, которую герцогъ прочиталъ со слезами на глазахъ. Но министры и дипломатическій корпусъ настаивали на выдачѣ, и герцогъ имъ уступилъ. Общественному негодованію не было границъ. Не имѣя ни свободной печати, ни права собраній, либералы прибѣгнули къ тайной прессѣ и демонстраціямъ. Монтанелли и Гвераци стали во главѣ начавшагося движенія, олицетворяя собою, первый умѣренный преобразованія, въ духѣ Джоберти, а второй радикальную политику, не мирившуюся на реформахъ Пія IX. Тосканское правительство, испуганное римскими реформами и всеобщимъ увлеченіемъ папою, старалось препятствовать сначала празднествамъ и демонстраціямъ, но скоро герцогъ, поставленный между Вѣною и Римомъ, рѣшился приблизиться къ послѣднему полу-уступками, далъ нѣкоторую долю свободы печати, и согласился на учрежденіе національной гвардіи.

Въ герцогствахъ моденскомъ и пармскомъ близость австрійскихъ войскъ мѣшала осуществленію требуемыхъ преобразованій и ускорила грозившую революцію. Народныя демонстраціи въ честь Пія IX претращались штыками и арестами; герцогъ моденскій прямо высказывалъ свои надежды на австрійскую помощь: «Пусть эти господа либералы знаютъ—писалъ онъ—что у меня есть трехсотъ-тысячный резервъ за По; они меня не испугаютъ и я никогда не уступлю ни въ чемъ». Смерть Маріи-Луизы передала престолъ Пармы Карлу-Лудовику Бурбону, въ которомъ самонадѣянность и неспособность соединились съ наследственнымъ деспотизмомъ. Бывши еще герцогомъ лукскимъ, онъ объявилъ, «что стремленіе къ реформамъ есть ни что иное, какъ фразы нѣкоторыхъ литераторовъ и грезы незрѣлой молодежи, и что онъ ни подъ какимъ видомъ не согласится ни на какую уступку, всего же менѣе на учрежденіе національной гвардіи»; но потомъ, испуганный народной демонстраціей, даровалъ «своимъ любезнымъ подданнымъ» всѣ тѣ реформы, какія послѣдовали въ Тосканѣ, и самъ уѣхалъ изъ Лукки, уступивъ свое герцогство Тосканѣ, въ которой оно должно было отойти со вступленіемъ Карла-Лудовика на престолъ пармскій. Желая же себя обезопасить въ новыхъ своихъ владѣніяхъ отъ необходимыхъ уступокъ, онъ призвалъ въ Парму отрядъ австрійскихъ войскъ для удержанія народа въ повиновеніи.

Въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ броженіе ограничивалось сначала скромными требованіями устраненія самыхъ вопіющихъ злоупотребленій и стѣсненій, на которыя австрійское

правительство отвѣчало отказами. Народное неудовольствіе выражалось отсутствіемъ публики въ театрахъ, прекращеніемъ куренія табуку, составлявшаго монополію правительства и покупокъ лотерейныхъ билетовъ, въ подрывъ австрійской казны. Во главѣ начинавшагося движенія стали Каттанео въ Миланѣ и Томасео и Манинъ въ Венеціи.

Совершавшіяся въ Италіи преобразованія были, конечно, ничтожны и ограничивались незначительными перемѣнами, неспособными замѣнить коренную перестройку всего политическаго быта Италіи. Болѣе серьезности и выдержки въ либеральныхъ и патриотическихъ стремленіяхъ выказали въ Туринѣ. Тамъ люди, усвоившіе себѣ національную идею единства Италіи, обратили свои надежды на Карла-Альберта потому, что онъ одинъ представлялъ дѣйствительную силу, необходимую для изгнанія австрійцевъ, не выказывавшихъ ни малѣйшаго желанія удалиться вслѣдствіе однихъ кривовъ «Fuori i barbari!» Карлъ-Альбертъ, съ своей стороны, думалъ, что въ 1847 году настало давно желанное время, когда савойская династія начнетъ играть предназначенную ей роль въ итальянской исторіи. Конечно, онъ не заикался о своей династіи, но говорилъ только о независимости Италіи, а свои династическія стремленія старался прикрасить итальянскимъ знаменемъ. Онъ писалъ графу Кастаньетто: «Такъ, какъ Богъ повелѣваетъ намъ начать войну за независимость Италіи, то я съ моими дѣтьми готовлюсь къ битвѣ; какой прекрасный для меня день будетъ тотъ, когда можно будетъ призвать къ оружію за итальянскую независимость».

Но война еще не начиналась, и Карлъ-Альбертъ впалъ въ свою обычную нерѣшительность и трусость. Полиція, по его приказанію, преслѣдовала женщинъ за ленты цвѣтовъ Піа IX, а мужчинъ за галстуки à la Mastai. Инициативы въ народномъ дѣлѣ ждать отъ такого человѣка было нечего. Толчекъ, которымъ долженъ былъ начаться переворотъ въ Италіи, пришелъ изъ Сициліи.

Незадолго передъ тѣмъ вышло въ Палермо сочиненіе Амари «Исторія сицилійской вечерни», представлявшее какъ бы теорію возстанія и въ которомъ не трудно было найти сходство между Карломъ Анжуйскимъ и Фердинандомъ II. Авторъ этого сочиненія, дозволеннаго, впрочемъ, цензурою къ печати, долженъ былъ бѣжать во Францію, а запрещенія книгопродавцамъ продавать эту книгу и журналамъ писать о ней привлекли къ ней еще болѣе общественное вниманіе, исказившее только случая выразить свое неудовольствіе и ненависть къ неаполитанскому правительству. Движеніе началось съ демонстрацій въ честь Піа IX,

требования реформъ, битья стекло въ королевскихъ дворцахъ и кончилось 12 января 1848 года открытымъ возстаніемъ, во главѣ котораго сталъ, въ Палермо, Руджеро Сеттимо. Неаполитанскія войска, послѣ упорнаго сопротивленія и бомбардированія города, должны были удалиться изъ Сициліи, въ которой и другіе города послѣдовали примѣру Палермо, прогнали неаполитанскіе гарнизоны и затѣмъ лишили бурбонскую династію сицилійской короны, не смотря на обѣщаніе Фердинанда даровать сицилійцамъ амнистію и конституцію.

Возстаніе Сициліи испугало неаполитанскаго короля. Каково было его правительство, объ этомъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Карла Поэріо въ его запискѣ, переданной Пальмерстону передъ 1848 годомъ: «Реакція, сдѣлавшись правительственной системой, захватила всѣ должности, поддерживаетъ народъ въ рабствѣ, покровительствуя невѣжеству и суевѣрью; она пугаетъ его казнями, истощаетъ поборами; опираясь единственно на грубую силу, она съ невозмутимымъ спокойствіемъ превратила невѣжество и нищету подданныхъ въ опору престола и свое могущество основала на всеобщемъ угнетеніи». Сицилійскія событія придали смѣлости неаполитанцамъ; народныя демонстраціи усиливались съ каждымъ днемъ. Наконецъ 27 января, когда король, въ отвѣтъ на выраженное имъ желаніе разсѣять картечью толпу, собравшуюся передъ его дворцомъ, услышалъ совѣтъ, уступить требованіямъ своихъ подданныхъ, отъ преданныхъ ему людей — губернатора Стателла и генерала Руберти, изъ которыхъ послѣдній объявилъ, что выйдетъ въ отставку, но не станетъ стрѣлять въ беззащитную толпу, — Фердинандъ рѣшился сдѣлать нѣкоторые уступки. При этомъ онъ утѣшался воспоминаніемъ о своемъ дѣдѣ, который, въ 1820 году, точно также вынужденъ былъ сдѣлать уступки, что не помѣшало ему потомъ снять съ себя данную вѣрность конституціи. Уступки короля начались съ того, что онъ принесъ въ жертву недовольнымъ своихъ любимцевъ, ненавидимыхъ всѣми: министра полиціи тайной и явной, Дельваретто, и своего духовника Коэля; потомъ обѣщаль конституцію и образоваль полулиберальное министерство. Когда новые министры представлялись королю, то онъ сказалъ имъ, что его именовемъ злоупотребляли, что ему до сихъ поръ оставались неизвѣстными всѣ казни и жестокости, которымъ подвергались его подданные. Добродушный Боццелли, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разъ сидѣвшій въ тюрьмѣ за свои либеральныя стремленія, бросился на колѣни передъ Фердинандомъ, воскликнувъ: «Государь! еслибы я прежде зналъ ваше величество, я бы никогда не участвовалъ въ разгово-

рахъ». Король смѣялся надъ этой довѣрчивостью, говоря своимъ приближеннымъ: «не правда ли, мы дешево отдѣлались отъ этихъ глупцовъ». 10 февраля, была обнародована конституція въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, и либералы—Боццели, Саварезе, Саличетти, не исключая и самого Поэріо, остались вѣрными защитниками неаполитанской монархіи.

Позади Неаполя оставаться было невозможно, и либеральный конституціонный аппаратъ въ томъ же мѣсяцѣ былъ перенесенъ во Флоренцію, Римъ и Туринъ. 15 февраля, Леопольдъ II подписалъ конституцію для Тосканы. Папа пробовалъ было остановиться на скользкомъ поприщѣ полумѣръ и мелкихъ уступокъ, но наконецъ, 24 февраля, папскій нунцій въ Вѣнѣ съ кислой миной сообщилъ, также весело слушавшему его, Меттерниху, что его святѣйшество не можетъ отказать Церковной области въ конституціи, которая и была провозглашена 14 марта.

Карль Альбертъ, побуждаемый со всѣхъ сторонъ, обѣщавъ 8 февраля конституцію и затѣмъ обнародовалъ самый статутъ, главнѣйшія основанія котораго были заимствованы изъ французской хартіи, съ тою разницею, что католическая религія признавалась господствующею, а прочія вѣроисповѣданія были только терпимы въ государствѣ.

Въ это время вспыхнула революція въ Парижѣ, и толчокъ ей видимо отдался въ Вѣнѣ, Миланѣ, Венеціи.

Подобно электрическому удару пробѣжало въ итальянцахъ сознание, что «пробилъ великій часъ» (*il gran momento e venuto!*) Вездѣ оставлено обсужденіе конституцій. Общій лозунгъ,—итальянское единство и независимость. Но кто же долженъ, кто можетъ быть вождемъ Италіи противъ Австріи? Одинъ только сардинскій король. Весь полуостровъ оглашается гимномъ:

Sorgete Italiani,
A vita novella!
D'Alberto la stella
Risplende nel ciel.
Stringiamoci assieme
Siam tutti fratelli!
In giorni piu belli
Ci gioja sperar.> ¹⁾

Казалось, что наступаетъ время для осуществленія плановъ Джоберти и Бальбо....

Когда, спустя нѣсколько дней, послѣ обнародованія статута

¹⁾ Восстаньте, итальянцы, къ новой жизни! Звѣзда Альберта заблестала на небѣ. Соединитесь, всѣ мы братья! Намъ весело надѣяться на лучшіе дни.

образовалось въ Туринѣ первое конституціонное министерство, подъ предсѣдательствомъ графа Бальбо, то господствовавшее у всѣхъ желаніе войны съ Австріей высказалось еще яснѣе. Нѣкоторые члены новаго министерства приняли власть только подъ тѣмъ условіемъ, что Австріи немедленно будетъ объявлена война. Такое же требованіе выражалось въ это время въ Тосканѣ, Неаполѣ и Римѣ. Но Карлъ Альбертъ все еще не рѣшался высказаться открыто — онъ боялся объявить войну Австріи, которая не подавала къ тому прямого повода. Ему помогли неожиданныя обстоятельства: революція въ Вѣнѣ и возстаніе въ Ломбардіи. Теперь Карлъ Альбертъ находилъ достаточный предлогъ для вторженія въ австрійскіе предѣлы. Возстаніе въ Ломбардіи обращалось въ Піемонту съ просьбою о помощи. Карлъ Альбертъ протягивалъ ему руку, думая оправдать себя передъ Европою тѣмъ, что онъ вмѣшивается въ дѣла Ломбардіи для спасенія въ ней монархическихъ началъ.

Пять дней продолжалась борьба миланцевъ съ австрійцами. У Радецкаго было 25,000 войска и 200 пушекъ, которыми онъ бомбардировалъ городъ. У миланцевъ недоставало ни оружія, ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ; но за то они обладали замѣчательными мужествомъ и твердостью. Рядомъ съ мущинами и юношами сражались старики, женщины и дѣти. Оружіе убитыхъ солдатъ и артиллерійскіе снаряды поспѣшно подбирались и обращались противъ самихъ австрійцевъ. Камни отъ мостовой, кровельныя черепицы — все обращалось въ оружіе. Не участвовавшіе въ сраженіи изготовляли порохъ, отливали пули, ухаживали за ранеными; небольшіе воздушные шары разносили во всѣ стороны извѣстія о возстаніи въ Миланѣ, просьбу о помощи и призывъ ко всеобщему возстанію. Послѣ обильнаго кровопролитія Радецкій предложилъ войти въ мирныя переговоры съ возставшимъ городомъ, но получилъ отказъ по настоянію стоявшаго во главѣ временнаго правительства, даровитаго писателя и экономиста, Катанео. Его уговаривали прекратить борьбу, такъ какъ у миланцевъ нѣтъ снарядовъ, и жизненныхъ припасовъ хватитъ всего на двадцать четыре часа. «Снаряды намъ будетъ доставлять непріятель, а двадцать четыре часа съ жизненными припасами и двадцать четыре часа голода, это слишкомъ достаточно для нашей побѣды», — отвѣчалъ Катанео. Наконецъ, Радецкій долженъ былъ выступить изъ Милана 23 марта 1848 года. Катанео, членъ «Юной Италіи», настаивалъ на провозглашеніи республики въ Миланѣ, и на союзъ съ Венгріей, но партія умѣренныхъ и сторонниковъ Піемонта была слишкомъ сильна и временное правительство вступило въ переговоры съ Карломъ Аль-

бертомъ о союзѣ Пьемонта съ Ломбардіею, послѣ чего Катанео сложилъ съ себя власть.

Въ день возстанія Милана, произошло и въ Венеціи первое кровавое столкновеніе между венеціанцами и австрійцами. Благодаря коменданту Зичи, который неспособенъ былъ на бесполезное кровопролитіе и жестокости, борьба продолжалась не долго и освобожденный городъ провозгласилъ у себя республику, поставивъ во главѣ временнаго правительства Манина и Томмассео ¹⁾.

23 марта 1848 года, Карлъ Альбертъ въ своей прокламаціи обѣщалъ ломбардцамъ и венеціанцамъ свою помощь, при чемъ впрочемъ не говорилъ, что помощь эту онъ даетъ не даромъ, а для увеличенія владѣній Савойской династіи.

24 марта было приказано пьемонтскимъ войскамъ перейти Тичино и самъ король съ своими двумя сыновьями отправился въ армию.

Первыя дѣйствія Карла Альберта обѣщали успѣхъ. Войну съ Австріей начиналъ онъ не одинъ: всѣ итальянскія правительства вынужденны были подчиниться народнымъ требованіямъ; Римъ, Неаполь, Тоскана посылали свои войска на границы Ломбардіи. Но Карлъ Альбертъ впалъ въ ту же ошибку, въ какую передъ нимъ впадали и революціонеры, мечтавшіе объ единствѣ Италіи. Онъ считалъ возможнымъ произвести переворотъ въ Италіи безъ помощи народныхъ массъ, къ которымъ онъ не хотѣлъ обращаться: даже отряды волонтеровъ возбуждали въ немъ какое-то недовѣріе и боязнь республиканизма, и онъ не только не заботился о поддержаніи народнаго энтузіазма, но даже скорѣе готовъ былъ потушить его. Въ самое короткое время пьемонтскія войска одержали нѣсколько побѣдъ надъ австрійцами, которые потеряли не только Ломбардію, но почти всю Венеціанскую область, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ крѣпостей. Казалось, что дѣйствительно звѣзда Карла Альберта возшла: Ломбардія, Парма, Модена, Падуя, Виченца, Тревизо и Ровиго объявили свое желаніе войти въ составъ Сардинскаго королевства. Вслѣдъ затѣмъ этому примѣру послѣдовала и Венеція, а депутація отъ палермскаго парламента предложила сыну Карла Альберта, герцогу Генуэзскому, сицилійскую корону. Но успѣхи Карла Альберта продолжались не долго. Очень скоро онъ увидѣлъ себя одинокимъ въ борьбѣ съ Австріей. Прочіе го-

¹⁾ Мы не будемъ излагать здѣсь подробно ходъ борьбы Венеціи съ Австріей, такъ какъ это уже составляло предметъ двухъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» 1866 г. т. III и IV, подъ заглавіемъ «Борьба Венеціи съ Австріей», В. Г. Австеуго.

судари Италіи одинаково мало сочувствовали какъ національнымъ стремленіямъ къ единству, такъ и династическимъ планамъ сардинскаго короля. Въ самой Тосканѣ, гдѣ въ началѣ былъ такъ силенъ воинственный энтузіазмъ, онъ сталъ замѣтно охладѣвать, и тамъ съ ожесточеніемъ стали противиться династическимъ стремленіямъ Карла Альберта.

Черезъ два мѣсяца послѣ начала кампаніи австрійцы снова вступали въ обладаніе почти всѣхъ своихъ прежнихъ областей; за побѣдою при Гойто слѣдовало пораженіе піемонтской арміи при Кустоцѣ. Карлъ Альбертъ думалъ послѣ этого дать послѣднее сраженіе подъ стѣнами Милана, куда піемонтскія войска и вступили 3 августа 1848 года. Но оборона Милана оказалась невозможною за отсутствіемъ оборонительныхъ средствъ, и Карлъ Альбертъ выступилъ изъ Милана, испытавъ на себѣ всю ярость народнаго гнѣва, вызваннаго извѣстіемъ о предстоявшей капитуляціи и доказавшаго ему, что желаніе присоединиться къ сардинскому королевству вовсе не было такъ единодушно въ Миланѣ, какъ ему это прежде представляли его приближенные. Послѣ капитуляціи Милана было заключено перемиріе въ Саласко. Семь мѣсяцевъ затѣмъ продолжались переговоры между Сардиніей и Австріей, при посредничествѣ Франціи и Англии, принятомъ съ благодарностью Карломъ Альбертомъ, уже отказавшимся отъ своихъ извѣстныхъ словъ «Italia faga da se». Какъ ни безразсудно было возобновлять войну съ неоправившимися еще силами, но Карлъ Альбертъ и туринская палата депутатовъ требовали войны. Самъ король готовился погибнуть въ сраженіи въ случаѣ неуспѣха, подобно тому, какъ передъ нимъ погибли братья Бандіера и другіе энтузіасты-революціонеры, стремленій которыхъ онъ никогда не понималъ и всегда имъ противодѣйствовалъ. Но смерти не нашель Карлъ Альбертъ въ этой новой кампаніи. Послѣ пораженія подъ Новарою, въ которомъ піемонтскими войсками предводительствовалъ польскій эмигрантъ Хржановскій, Карлъ Альбертъ отказался отъ короны въ пользу своего сына Виктора-Эммануила, который и заключилъ миръ съ Австріею.

Теоріи Джоберти и Бальбо были разбиты.

Н Е Р О Н Ъ

ТРАГИКОМЕДИЯ.

(К. Гуцкова.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ*).

Въ лѣсу.

Входятъ старшій СЦЕВИНЪ.

СЦЕВИНЪ.

Заговоръ противъ цезаря! и я въ немъ участвую!... Ну, слава небесамъ, наконецъ я оставилъ городъ и чувствую, что могу безопаснѣе оцѣнивать свои достоинства. Мнѣ кажется, что весь свѣтъ сталъ смотрѣть на меня, какъ на чудо, съ тѣхъ поръ, какъ я далъ клятву, хотя ее и слышали только двѣнадцать чело-вѣкъ. Въ воздухѣ что-ли вѣетъ этимъ дерзкимъ дѣломъ, или просто мой страхъ строить передо мною повсюду триумфальные столбы и рядомъ съ ними висѣлицы? И какимъ образомъ я разомъ дошелъ до того, что вдругъ сдѣлался чѣмъ-то необычайнымъ, чѣмъ-то въ родѣ кассира, необворовывающаго кассы, въ родѣ нуля, который при умноженіи на самого себя даетъ четное число?.. Между тѣмъ я погибаю еще только при однихъ приготовленіяхъ къ великому дѣлу, которое взялся исполнить. Не понимаю, какъ могло распространиться всюду, что я честный человѣкъ! Теперь мнѣ всѣ, кого я ни встрѣчу на улицѣ, кланяются такъ подоз-

---

*) См. выше: мартъ, 304 — 329 стр.

рительно, подмигиваютъ и дѣлаютъ всякіе таинственные знаки, чтобы заставить понять себя. Мои сотоварищи—это люди, имена которыхъ помѣчены; всѣ они уже пообжигали себѣ не разъ пальцы. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать въ сторонѣ, въ какомъ-либо углу, безъ того, чтобы не обратить на себя вниманія, не быть заподозрѣннымъ въ тайномъ дѣлѣ. Вѣчные боги! я чувствовалъ почтеніе къ этимъ людямъ въ темнотѣ, я съ восторгомъ познакомился бы съ заговоромъ Пизона, если бы потухъ свѣтъ; но встрѣчать на улицѣ ихъ улыбки и привѣтствія, расточаемыя мнѣ, какъ великому характеру,—да, для того нужно имѣть характеръ, не много большій, чѣмъ у меня.—Кто это идетъ? Мой рабъ Мелихъ. Онъ германецъ; я первый сдѣлалъ его римляниномъ. Тайную переписку я принимаю отъ него только подъ покровомъ неба. Если бы я не вмѣшался въ заговоръ, то онъ велѣлъ бы убить меня точно также, какъ—я долженъ ожидать этого—велить убить Неронъ.

МЕЛИХЪ—рабъ Сцевина, входитъ.

МЕЛИХЪ.

Поклонъ отъ господина Пизона. Вотъ письмо къ вамъ.

СЦЕВИНЪ — распечатываетъ письмо.

Вчера былъ брошенъ жребій,
Кому должна достаться слава
Убийства цезаря; и вотъ, судьба
Тебѣ ударъ предоставляетъ первый —

Чудесная штука! мнѣ выпалъ жребій! я долженъ убить Нерона? Боги посылаютъ мнѣ порученіе какъ разъ въ преисподнюю! Проклятая глупость—рѣшеніемъ важныхъ вещей играть словно въ четъ и нечетъ! Развѣ я затѣмъ родился на свѣтъ и добродѣтельно жилъ, чтобы другихъ сживать со свѣта? Право, пусть уже лучше я былъ бы забулдыгой, пьяницей, обманщикомъ, воромъ! А то, вотъ я честный человѣкъ и поэтому самому получаю приглашеніе къ заговору! О, если бы я остался въ нѣдрахъ моей матери и обманулъ бы надежду моего отца! Мелихъ! что ты, любезный, вертишься около меня, какъ гончая собака? стой нѣсколько подальше. Вся римская исторія влезаетъ на меня по милости твоей лжи! Вѣдь это письмо—подмѣненный выкидышъ?

МЕЛИХЪ.

Побожиться, нѣтъ! могу ли я написать ложное письмо? Хотя

въ моемъ отечествѣ, Германіи, много сдѣлано для просвѣщенія народа, но все же я не могъ бы выразить свои мысли такъ ясно. Кажется, письмо написано очень ясно?

СЦЕВИНЪ.

Нельзя было дать такого порученія бойцу болѣе жалкому! Я рѣшительно не имѣю ни малѣйшей снаровки, чтобы хорошо рассчитать ударъ и нанести его кому бы то ни было. Первый ударъ! Ну, а если я помедлю? Можетъ быть кто-нибудь и предупредитъ меня? Противъ второго удара, я ничего не скажу, если только не случится у меня въ рукѣ ревматическій припадокъ. Прескверно имѣть репутацію свободно-мыслящаго человѣка, когда ее приходится доказывать фактами! Ступай прочь, медвѣдь, и не ходи за мной слѣдомъ. — Уходить.

МЕЛИХЪ.

Медвѣдь! это, вишь, намекъ на мое отечество. Здѣсь все какъ-то неестественно, все дѣлается шиворотъ на выворотъ! Хотя бы, примѣрно, мое честное нѣмецкое имя: я называюсь Михель; и вотъ, въ родѣ того, какъ ноги закладываютъ одна на другую, они такую же штуку дѣлаютъ съ буквами и зовутъ меня Мелихъ! Превурьезный этотъ римскій народъ! Вчера мнѣ одинъ кричитъ: эй «Michaelis germanice»! замѣчаете въ чемъ тутъ суть? Я не глушь, я понимаю, что онъ хотѣлъ выразить! Именно—что если я донесу на богатаго Сцевина и заслужу право носить портретъ цезаря въ петлицѣ? — Я поразмыслю на досугѣ объ этомъ дѣлѣ. Уходить.

Выходить ТАЦИТЪ, пустынный, изъ хижины; въ рукахъ у него таблица и стилъ.

ТАЦИТЪ.

Мой вѣрный стилъ! царь ты горделиво,
 Какъ въ храмѣ жрецъ, средь ужасовъ временъ!
 Ты судишь ихъ сповойно и пытливо;
 И пусть гроза шумитъ со всѣхъ сторонъ,
 Пускай бѣдой и мракомъ вѣютъ тучи —
 Перунами и громомъ не смущень —
 Летитъ ты въ солнцу, какъ орелъ могучій!
 Какъ дивно пѣснь исторіи звучитъ!
 Омыты въ ней потоки крови черной
 Струею слова правды животворной;
 Все измѣняетъ свой тревожный видъ,

Въ ея кристалѣ отразившись ясною,
 И судъ ея, страшнѣй Эриній, мститъ
 Тиранства преступленіямъ ужаснымъ!..
 Но всежъ, порой, меня гнететъ печаль,
 И безнадежностью душа моя томима,
 Когда подумаю, что въ вѣчную скрижаль,
 Я заношу событія жизни Рима!
 Бросаетъ стиль усталая рука,
 И крови токъ, застывшей и холодной,
 Вновь подступаетъ въ сердцу старика
 Порывомъ скорби безъисходной!
 О, время золь, въ которое судьбой
 Намъ суждено влачить существованье!
 Ты не насмѣшка-ль неба надъ землею?
 Все, въ чемъ есть отблескъ истины святой —
 Все предано тобой на поруганье!
 Нѣтъ доблестей былыхъ, нѣтъ вѣры древнихъ лѣтъ,
 Утрачены и мужество, и слава!
 Нѣтъ правды на землѣ, и въ небѣ Зевса нѣтъ —
 Онъ для жрецовъ продажная забава!
 Лишь стыдъ одинъ маломомъ тусклымъ намъ
 Блеститъ во тьмѣ: гроза шумитъ и стонетъ,
 И чести челнъ по плещущимъ волнамъ
 Бросаетъ бѣшено и на утесы гонитъ!...
 Порокъ, отмѣченный сіяющимъ клеймомъ
 Позорныхъ дѣлъ, кровавыхъ преступлений,
 За добродѣтелью, крадущейся тайкомъ,
 Слѣдитъ подобно неотступной тѣни;
 Коварствомъ успѣваетъ обмануть
 Ея довѣрчивость, и — улучивъ мгновенье —
 Вонзаетъ ей оружье смерти въ грудь,
 Съ свирѣпымъ смѣхомъ озлобленья!...

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Я тьмы ищу, въ которой бы свой стыдъ
 Я могъ скрыть! Мнѣ чудится, что слѣдомъ
 За мною тѣнь моя бѣжитъ и льстиво
 Цѣлуетъ грязь у ногъ моихъ, ликуя
 О томъ, что я позорной лѣни преданъ:
 Ничтожества пустое отраженье —
 Она какъ будто оправдать желаетъ
 Ничтожество.

ТАЦИТЬ.

Ты правильно сказалъ,
 Что отъ ничтожества родится
 Одно ничтожество. Повѣдай мнѣ,
 О юноша, что тяготитъ тебя?

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Я вляча жалкая, которой рысью
 Нѣтъ силъ идти. Мнѣ жизнь спустила поводъ —
 И я бреду, не зная самъ куда,
 Понутивъ голову въ тупомъ забвеньи.
 Я все утратилъ здѣсь: отца и мать,
 Любовь и дружбу! Если въ этомъ жизнью
 Обмануть я, то, можетъ быть, есть ложь
 И самое мое существованье?

ТАЦИТЬ.

Ты полонъ силы молодой — будь мужемъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Ты говоришь: будь мужемъ! отчего
 Не скажешь ты сперва — будь челоуѣкомъ?
 Вы всѣ, мечтатели на склонѣ лѣтъ,
 Твердите о рѣшимости, о правѣ
 Великомъ мужества. Вашъ старый вѣкъ
 Къ концу идетъ, и вы отъ юной жизни
 Желаете, чтобъ въ смерти для себя
 Она найти сумѣла добродѣтель!
 И что такое мужество? Клянусь,
 Я трусости не знаю! но за что же
 Страдать я долженъ? не за толь, что мѣръ
 Жестоко такъ устроенъ, что отъ бѣдствій
 Мы вынуждены вѣчно защищаться?
 Что въ немъ все создано на жертву смерти?
 Что соловья и жаворонья трели,
 Поюція любовь, звучать за тѣмъ лишь,
 Чтобъ намъ кончину дня напоминать?!

ТАЦИТЬ.

Пусть такъ; но въ жизни ты вознагражденъ,

Когда ты слѣдуешь завѣту правды,
Которая въ тебѣ самомъ живетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Которая живетъ во мнѣ! что пользы
Себя морочить столь безумной вѣрой?
Пусть въ этомъ мірѣ я утратилъ все,
Что дорого души воспоминаньямъ,
Но все-таки она хранитъ остатокъ:
Надежды лучъ, на будущее взглядъ —
Предчувствіе судьбы для міра лучшей! —
Иль день одинъ въ другой не переходитъ?
Коль такъ, зачѣмъ исторія тогда?
Должны-ль мы настоящее принять
Такимъ, какъ есть оно, и думать,
Бездѣйствуя: пускай потокъ временъ
Его куда угодно направляетъ?

ТАЦИТЬ.

Но міровой исторіи основа
Не въ геніѣ таится, не въ талантѣ,
Не въ томъ, что награждается успѣхомъ.
Исторія есть небольшая повѣсть,
Короткая, какъ праведника сонъ,
Пространствомъ ограниченная тѣснымъ
Одной лишь только жизни человѣка.
Существованья личнаго, какъ звенья
Единой цѣпи, въ пустотѣ временъ
Между собой сплетаются и міра
Исторію рождаютъ постоянно;
Но путь ея опредѣляетъ воля,
Вдохнувшая въ насъ жизни бытіе!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Проклятіе безумной этой вѣрѣ!
Ужеди только тѣнью божества
Существовали царства и народы,
Которыхъ жизнь цвѣла роскошнымъ садомъ,
Блистая, какъ плеяды въ небѣ синемъ?
Возможноль, чтобъ исторія вселенной
Въ границахъ одного меня слилася?

И развѣ въ этой жизни человѣкъ
 Не достигаетъ ничего иного,
 Какъ только личнаго существованья?
 Нѣтъ, для меня грядущее не часть
 Придаточная скорлупы живого,
 Великаго зародыша творенья,
 Не оболочка шлаковъ у руды,
 Не матерьялъ, которому дастъ
 Невѣдомый толчейный молотъ формы:
 Мы создаемъ въ немъ нѣчто! мракъ безмолвный
 Грядущаго наполниться не можетъ
 Однимъ воспоминаемъ о минувшемъ;
 Не будетъ снова молодымъ старикъ,
 Но юноша себя извѣдать долженъ
 На поприщѣ дѣяній въ первый разъ!

ТАЦИТЬ.

Кто придаетъ подобное значенье
 Злымъ временамъ, въ которыхъ живемъ мы,
 Что можетъ въ нихъ найти онъ для печали?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Старикъ! кто на бездѣйствіе свое
 Надѣется — похожъ тотъ на медвѣдя,
 Сосущаго въ берлогѣ темной лапу:
 Мурлычить подъ носъ онъ себѣ систему,
 Которая бы привела его
 Въ ближайшій улей. Ты творишь себѣ
 Изъ глины міръ; съ тобою онъ живетъ
 И падаетъ во прахъ съ тобою вмѣстѣ!...
 Я говорю, что этотъ свѣтъ пустынный,
 Его всегдашній шумъ и бушеванье,
 Его стремленье вверхъ и внизъ, паденье
 Имѣютъ цѣль свою и свой законъ!
 Борьба и та становится полезной:
 Оказываетъ смерть услугу жизни!
 Таковъ удѣлъ временъ, чтобы изъ зла,
 Изъ нѣдръ несчастія добро произрастало!
 Добро себя чрезъ зло провозвѣщаетъ,
 Чрезъ зло, порой сильнѣйшее того,
 Которое мы истребить желали.

ТА Ц И Т Ъ.

Несчастный юноша! Что испыталъ ты въ жизни,
 Когда смятенью чувствъ своихъ и мыслей,
 Въ мечтѣ таковой находишь утѣшенье?
 Что ослѣпило взоръ твой? что твой слухъ
 Такъ оглушило? Кажутся тебѣ
 Стеклянными листы деревъ, и въ камнѣ
 Ты видишь хлѣбъ! Иль то одна бичливость,
 Что ты такъ дерзко хочешь изловить
 Руюю облаковъ туманныхъ пятна?
 О юность, скорая на все, сравнять
 Всегда себя готовая съ богами!
 Къ чему мечты безумныя? Люби
 Ты добродѣтель въ жизни; непороченъ
 Будь въ нравахъ и рѣчахъ; будь отраженьемъ
 Своей души цвѣтущей идеала;
 Совѣтамъ старости внимай и будь
 Ея подпорой сильною и бодрой;
 Страстей порывы сдерживай всечасно,
 И, раздувая юности огонь,
 Безъ устали работай: только дѣло
 Живеть одно: все остальное—призракъ!

Ю Л И Й В И Н Д Е К С Ъ.

Вамъ ненавистно юности стремленье,
 Жизнь украшать нарядомъ разноцвѣтнымъ!
 Вамъ хочется, чтобы она, какъ вы,
 Состарѣлась и отличалась только
 Рѣшимостью да мужествомъ; вамъ нужно
 Уродливое существо, до срока
 Созрѣвшее; въ холодномъ вашемъ сердцѣ
 Отвѣта нѣтъ на пылкіе порывы!
 Отъ юности вы требуете строго
 Характера въ то время, какъ она,
 Съ своей распущенностью ясной,
 У жизни жадно просить наслажденья.—

ТА Ц И Т Ъ.

Не говори! я знаю эти рѣчи:
 Вы, юноши, хотите устранить
 Себя отъ партій, и однимъ движеньемъ

Своей руки туда, или сюда,
 Поворотить стремленіе время?
 Вы возстаеае противъ тираній,
 Но вамъ ея распушенность по праву.—

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Прости меня — я клеветалъ безумно!
 Да, благородный мужъ, въ лѣсной глуши
 Я долженъ былъ съ тобою повстрѣчаться,
 Чтобъ устыдиться самого себя!
 Прими же исповѣдь души моей:
 Несчастья тьма мой омрачила духъ
 Такъ глубоко, что въ заблужденіи горькомъ,
 Я началъ видѣть міръ на оборотъ!...
 Но прочь теперь все, чѣмъ морочатъ насъ
 Фантазія и лживое искусство!
 Повязка мрака съ глазъ моихъ ниспала,
 Я вижу, что умомъ и силою духа
 Съ зломъ, въ наши дни, бороться невозможно;
 Инымъ путемъ мы дѣйствовать должны:
 Сплотиться нужно намъ; чего одинъ
 Не сдѣлаеть, то одолѣють двое!
 О скорбь души! на время замолчи,
 О сердце! все забудь ты, кромѣ чести —
 И пусть заблещутъ копья правой мести,
 Пусть казнь тиранству понесутъ мечи!

Падаеть на грудь пустыннику.

ТАЦИТЬ.

Мой сынъ, сгораешь ты въ огнѣ сомнѣній!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Нѣтъ! я стою на берегу морскомъ,
 Смотря на бездну, плещущую бурно,
 И броситься въ нее хочу безъ страха!
 Прощай! я долженъ въ памяти своей
 Хранить одно: пусть лучше я умру,
 Чѣмъ откажусь душой отъ дѣла мщенья!
 Скажи свое мнѣ имя на прощанье?

ТАЦИТЬ.

Быть можетъ, ты уже слыхаль его;

Прощай, о юноша, Корнелій Тацитъ
Съ тобою говорилъ.

Уходить.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Такъ это онъ —
Сѣдой пророкъ, что время для себя
Въ прошедшемъ отразаться заставляеть?
Такъ это тотъ мужъ истины, который
Насъ научилъ, что римская свобода
Рукой преступной цезарей убита?
Который на челѣ вѣнчанномъ ихъ
Клеймо позора такъ глубоко выжеть?
Какъ я люблю исторію его,
Гдѣ приговоры мудрые безстрашно
Онъ изрекаетъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ
Всѣ происки тиранства обнажая!
Его письменъ правдивые глаголы
Въ моей душѣ отозвались вновь!
Могу-ль еще я думать, что далеко
Та цѣль, къ которой долженъ я стремиться?
Могу-ль еще страшиться честной смерти,
За дѣло правое святой свободы?
Онъ говорить мнѣ твердо: «ты послужишь
Благому дѣлу жизни, если жизнь
Продашь возможно дорогой цѣною;
Оставь безплодный бредъ пустыхъ мечтаній,
И мысль свою сосредоточь на дѣлѣ
Достойномъ мужества души великой!...»
Прочь отъ меня все, чѣмъ смущался я:
Прочь цезаря безумье шутовское!
Прочь и Понпея, сердцу моему,
Увы, еще донинѣ дорогая!...
Когда и какъ Нерона я убью?
Одна лишь ночь еще пройдетъ — и это
Обдуманно мной будетъ непреложно!

Уходить.

СЦЕВИНЪ и МЕЛИХЪ выходятъ снова.

СЦЕВИНЪ.

Кажется тамъ кто-то стоитъ? Эй, кто это?

МЕЛИХЪ.

Это я, господинъ!

СЦЕВИНЪ.

Это ты, Мелихъ! (Разсматриваетъ кинжалъ.) Ты хорошо сдѣлалъ, мой милый, что принесъ мнѣ эту штуку. Съ этимъ кинжаломъ я иду на встрѣчу безопасности уже съ меньшей опасностью, такъ какъ онъ похищенъ съ алтаря богини безопасности. Онъ послужитъ мнѣ плавательнымъ пузыремъ въ потокѣ приключеній, въ который я долженъ броситься. Дай-ка его сюда. Мелихъ, куда же ты дѣлалъ кинжалъ безопасности?

МЕЛИХЪ.

Онъ у васъ въ рукахъ, господинъ.

СЦЕВИНЪ.

Да; я хотѣлъ только, чтобы ты взялъ его. Какое это предательское слово кинжалъ! Пожалуйста, Мелихъ, отгучи себя отъ такого яснаго обозначенія вещей. Вообрази себѣ, что эта штука имѣетъ вмѣсто одного острія два, и называй ее для меня лучше вилокю.

МЕЛИХЪ.

Кого же вы хотите съѣсть этою вилокю?

СЦЕВИНЪ.

Что, что такое? Ты подслушиваешь, негодяй? Ты мѣшаешься въ дѣла, которыя тебя вовсе не касаются! Ужъ не предполагаешь ли ты, что у меня есть работа для употребленія этого инструмента? Инструмента, сказалъ я, понимаешь-ли ты? Скажи: ты умѣешь щипать ворсію? Доставай же, что можешь, по части старыхъ рубашекъ, платковъ и тому подобнаго. Что ты тарачишь глаза? Не думаешь ли ты, что я затѣваю убійство, а?

МЕЛИХЪ.

Вы дѣлаете такія приготовленія, какъ будто всему достойному хвалы челоѣчеству должна быть пущена кровь. (Въ сторону.) Кого же это убивать будутъ?

СЦЕВИНЪ.

Что это такое тамъ поднимается и опускается? Оклини-ва, оклини.

МЕЛИХЪ.

Я ничего не вижу.

СЦЕВИНЪ.

Я успокоиваюсь. Это была моя тѣнь!... Да, и такъ корпія. Хорошо; ее мы имѣемъ. Ну, теперь губка. Короче сказать, ты долженъ отыскать все, что нужно для перевязки ранъ, для быстраго утишенія крови и другихъ непредвидимыхъ случаевъ. Куда же ты дѣвалъ злополучную вещь, которая не только похожа на кинжаль, но даже, именно, кинжаль-то ѣсть? Ну, слушай же. Займись пожалуйста съ завтрашняго дня и наточи его такъ, чтобы остріе его наконецъ совсѣмъ было невидимо. Человѣкъ, который бы увидалъ его, долженъ уже получить на лицѣ дыру, глубиною въ два дюйма. Надо сдѣлать такимъ образомъ, чтобы каждый, кто съ умысломъ будетъ раненъ, долженъ, такъ сказать, самъ наткнуться на него. (Про себя.) Удастся ли только найти кого-нибудь, кто бы позволилъ мнѣ сбыть ему честь перваго удара съ придачей хорошихъ денегъ? Пойду, поищу въ этихъ дебряхъ. (Уходитъ).

МЕЛИХЪ.

Однако, тутъ что-то особенное скрывается. Тутъ пущены въ дѣло запрещенные пути и вещи, которыя, если откроются, должны обратить чье-нибудь вниманіе. Кинжаль, кровопролитіе, корпія, губка — все это штуки, охъ какъ подозрительныя! Достопочтенный нѣмецъ Михель! что можешь ты предпринять въ этомъ случаѣ? Разумѣется ничего другого, какъ завтра же отправиться въ высшему начальству и сдѣлать достождное показаніе (Уходитъ).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Академія.

Галерея съ колоннами, полная молодыми людьми, которые частію прогуливаются, частію соединяются въ отдѣльныя группы, чтобы слушать учителей.

Два служителя, стоящіе у дверей, разговариваютъ въ передней группѣ.

ПЕРВЫЙ.

Философія можетъ на этотъ разъ пользоваться великолѣпнымъ временемъ года. Всегда «южное небо» въ календарѣ... Скажи, пожалуйста, что это у тебя такое въ рукахъ?

ВТОРОЙ.

Это парусина, которую мнѣ велѣлъ захватить Эмпедоклъ. Если, паче чаянія, пойдетъ дождь, то я долженъ прикрѣпить ее между двумя колоннами, чтобы возраженіе дождя и вѣтра не вредили его утвержденіямъ насчетъ высшаго блага, такъ какъ, по его словамъ, идеи могутъ переносить все, только не сырость. Прежде, чѣмъ успѣешь махнуть рукой, глядишь, они уже получаютъ насморкъ и простуживаются! Кстати, одновожь, такъ какъ у меня еще есть время—какъ ты находишь нашъ новый философскій образъ жизни?

ПЕРВЫЙ.

Да какъ тебѣ сказать? ты, конечно, помнишь, что я прежде упражнялся въ приготовленіи башмаковъ? Ну вотъ, когда стоическая философія обратилась въ бѣгство предъ эпикурейскою, то она такъ стоптала свои пятки, что принуждена была прибѣгнуть къ человѣку, который сумѣлъ бы ихъ приставить ей снова. При этомъ я чищу стоицизму башмаки, выколачиваю его платья и исполняю для него всякія маленькія коммисіи, требующія добросовѣстнаго исполненія.

ВТОРОЙ.

Ну, ты гораздо счастливѣе меня потому, что приставленъ къ стоицизму. Нѣтъ, вотъ послужи-ка что-нибудь у цинизма, у философіи собаки! Мнѣ, напримѣръ, въ услуженіи охотно помогла бы моя жена; но, вѣдь, такая жалость право, эта система запрягаетъ отдавать въ стирку рубашки! Я, какъ ты знаешь,

былъ цирюльникомъ; я могу брить, обрѣзывать ногти, быть подъ рукою при купаньѣ, я смеаю кое-что въ хирургіи. Ну, какое же изъ всего этого я могу теперь сдѣлать употребленіе? Хорошо еще, что циническая философія ходитъ босовогаая: по крайней мѣрѣ иногда что-нибудь перепадетъ за срѣзываніе мозолей. Да, худыя времена!

ПЕРВЫЙ.

Вотъ смотри идетъ прислужникъ эпикурейцевъ. Распутный человѣкъ и вѣчный пьяница. Смотри, фарситъ какъ: глаза изъ головы высочить хотять!

ТРЕТИЙ.

А, мое почтеніе! что, вы оба еще живы, ха-ха-ха! Ну, вы тощаете съ каждымъ днемъ. Вотъ, побожиться, если моя система, система, которой я служу, эпикурейская система, въ скоромъ времени не затгнетъ васъ за поясъ. Что подѣлываете хорошаго? Чистите башмаки? Гм... По какой же системѣ вы ихъ чистите? Изъ какихъ предположеній исходите вы, когда чистите платье? Можете ли вы, на основаніи принциповъ, подать стаканъ воды? Ну—не можете? Вотъ то-то и есть! Два, три заимствованныхъ предложенія, нѣсколько понятныхъ всѣмъ и каждому категорій, нѣсколько приклеенныхъ другъ къ другу произвольныхъ утвержденій, щетка, которая оставляетъ пухъ, вакса, которая только портитъ башмаки, лѣнныя ухватки, необразованность—вотъ все, что у васъ есть, вотъ ваша система! Который, однако, часъ теперъ?

ПЕРВЫЙ.

Девятый.

ВТОРОЙ.

А что, чай, твоя система приноситъ тебѣ порядочный доходъ?

ТРЕТИЙ.

Есть-таки, чѣмъ поживиться. Старыя платья; вѣнки изъ миртъ и розъ, которыя, хотя они и не первой свѣжести, однако еще можно сбыть какой-нибудь экономной дѣвицѣ; мази, покупаемыя весьма охотно содержателями бань; лакомые кусочки съ господскаго стола, и въ заключеніе, красивыя женщины, которыхъ приходится отводить по утру изъ садовъ Эпикура! Хе, хе, хе—что скажете вы о такой системѣ?

ПЕРВЫЙ.

Ты не женатъ. Но тому, кто уже въ лѣтахъ, имѣеть жену и дѣтей — тому лучше идетъ стоицизмъ.

ТРЕТІЙ.

А слышали вы новость? Мнѣ вотъ взбрело въ голову, что я хотѣлъ вамъ сообщить о ней. Сейчасъ сообщу, — только, пожадуйста, потомъ напомните мнѣ, что я собственно долженъ принести сюда паштетъ. Господа, вишь, на немъ хотять изучать воинскія сѣченія... Да, такъ вотъ новость-то. Толкуютъ, что будто бы у насъ образовалась новая секта, такая проклятая секта, которая приравниваетъ человѣка къ — къ — къ чему бишь такое? Ну да, словомъ, чортъ знаетъ къ чему! Эта секта, это нововведеніе, этотъ расколъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ будто бы дѣлать все самъ для себя. По мнѣнію этой секты, счастливымъ можно сдѣлаться только тогда, когда возьмешь самъ на себя удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. По словамъ этой системы, слѣдуетъ не только стремиться къ высочайшему благу, но и хлопотать о томъ, чтобъ оно доставалось каждому какъ можно дешевле. Она говоритъ, что люди только тогда сдѣлаются своими собственными господами, когда они будутъ своими собственными слугами. Всякій долженъ быть слугою того, чей онъ господинъ. Мало этого; она выставляетъ такое положеніе: всякій покупатель долженъ быть собственнымъ башмачникомъ; и потомъ заключаетъ на оборотъ: каждый башмачникъ долженъ быть собственнымъ своимъ покупателемъ!

ПЕРВЫЙ.

Вѣчные боги! Да вѣдь тогда не будетъ никакого сбыта!

ВТОРОЙ.

А я-то еще надѣялся, что цинизмъ отложить свою ненависть къ мылу; но вотъ эта новая секта, кажется, была бы даже въ состояніи положить себя самое на свамью для мытья.

ТРЕТІЙ.

Я-жъ вамъ говорю, что это ужаснѣйшая система, такая система, что васъ можетъ лишитъ хлѣба, а меня пироговъ; однако, увѣряю васъ, я съ нынѣшняго вечера не выхожу иначе, какъ захвативъ съ собой хорошую палку: если, замѣчу, изъ споровъ ничего

не выходить, такъ постараюсь распорядиться такъ, чтобы дѣло дошло до потасовки... Ну вотъ, я теперь въ отчаяніи: совсѣмъ забылъ, что такое я долженъ былъ принести?

ПЕРВЫЙ.

Кажется, ты говорилъ конусъ, что ли?

ТРЕТІЙ.

Да, да, вспомнилъ! Не конусъ, любезный, а пантеть для того, чтобы молодые господа могли переварить, скушавши его, коническія свѣченія. Прощайте. Уходитъ.

ВТОРОЙ.

Новая секта, про которую говорилъ онъ, не выходитъ у меня изъ головы. Впрочемъ, можетъ быть этотъ шутъ просто навралъ намъ. Посмотри-ка: кажется, Эмпедоклъ зоветъ меня? Пойти.

Уходитъ.

ПЕРВЫЙ.

Стоицизмъ держится потому, что у него, вишь, родня очень знатная... Нивакъ Зенонъ меня кличетъ? Что угодно? ставанъ воды? Сію минуту. Уходитъ.

Первый учитель съ учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Господа, я не отрицаю, что исхожу отъ весьма матеріальнаго основнаго положенія; но вы сейчасъ увидите, какіе возвышенные результаты истекають изъ него. Отъ чего въ настоящее время въ этомъ мірѣ господствуетъ такое огромное количество ложныхъ и нелѣпныхъ мыслей? Это происходитъ, господа, отъ нашихъ дурныхъ зубовъ. Съ первымъ пустымъ зубомъ родилась первая пустая мысль. Очень естественно: нами запущенныя, неправильно вычищенныя, виннымъ камнемъ усаженныя жевательныя орудія препятствуютъ поколѣнію раздроблять пищу въ ту жидкую массу, которая, будучи разведена достаточнымъ количествомъ слюны, одна только благоприятна желудку. Такимъ образомъ, желудку въ нашъ вѣкъ достается слишкомъ большая работа переварки; отъ этого тѣло, почерпающее свою свѣжесть въ желудкѣ, хилѣетъ, и духъ, чувствующій себя дурно въ больной оболочкѣ, свертывается; это совершенно естественный переходъ отъ зубовъ къ мышленію.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Такимъ образомъ, вы думаете, что наилучшимъ приготовленіемъ и пропедевтикою въ изученію философіи можетъ послужить зубная щетка?

УЧИТЕЛЬ.

Именно. Если старая философія имѣла волокна въ зубахъ, то наша задача вычистить ей зубы. Послѣдуйте моему совѣту, и ваше мышленіе выиграетъ въ новизнѣ, ваши комбинаціи въ оригинальности. Зубныя щетки, юноши, вотъ мое основное положеніе! Проходить.

Второй учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Прежде, чѣмъ я сегодня начну мою бесѣду съ вами, господа, я попрошу васъ объ одномъ: пожалуйста, не оглядывайтесь вонъ на того презрѣннаго человѣка, который идетъ за нами и строитъ міръ изъ ничего. Соменитесь въ тѣсный кругъ и загородите мою спину. Вы не знаете всей злобы этого человѣка. Положимъ, что у меня иногда бываетъ дыра на башмакахъ; положимъ, что я сопровождаю свои философскія догмы довольно глупымъ движеніемъ плеча, противъ чего я тщетно употребляю ванны. Но ради чего же онъ, съ тѣхъ поръ, какъ свѣдалъ мой небольшой порокъ, постоянно преслѣдуетъ меня своими насмѣшками на этотъ счетъ, воображая ими опровергнуть мою систему? Все остроумное зданіе моей системы, логичность моихъ выводовъ, убѣдительность моихъ доказательствъ, для его учениковъ ничего не значать съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ сказалъ, что я иногда ношу дырявые башмаки. Таковы всегда люди. Если вы носите парикъ, и людямъ случится узнать объ этомъ, то для нихъ рѣшеное дѣло, что книга, написанная вами, забавна. Точно также имѣйте вы хорошій скуртукъ — они не осмѣлятся возражать вамъ; но чуть у васъ появится заплатка на немъ, и тогда ужъ молчать не станутъ... Благодарю васъ, господа. Вы какъ разъ помѣстили меня въ середину, благодарю. Теперь мы можемъ начать. На чемъ мы остановились?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

На существованіи самомъ по себѣ.

УЧИТЕЛЬ.

Да, именно на этомъ... Презрѣнный человѣкъ пристаётъ ко мнѣ какъ репейникъ: я не смогу рта открыть, чтобъ онъ не залѣзь туда. Онъ липнетъ ко мнѣ, какъ смола... Ну и такъ: бытіе само по себѣ! Что утверждаетъ онъ этимъ?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Что философія занимается не предметами, но понятіями.

УЧИТЕЛЬ.

Уморительно! я впрочемъ долженъ вамъ сообщить еще нѣчто изъ того, что онъ изрыгалъ противъ меня; но прошу васъ, сомнитесь пожалуйста гдѣсь, а то, я знаю, онъ въ эту минуту говорить обо мнѣ, и я долженъ бѣжать потому, что онъ замѣтилъ и указываетъ на пятна моихъ чулокъ. Нѣтъ, уйдемте, господа; я просто не могу выносить запаха этого презрѣннаго человѣка. Проходить.

Третій учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Ничто, какъ сказано, есть ничто, господа; слѣдовательно, ничто есть все. Всякій, господа, есть, слѣдовательно, ничто. Поэтому, предположимъ, слѣдовательно... напимѣрь, стучится, предположимъ... слѣдовательно, стучится кто-нибудь... кто-нибудь, слѣдовательно, напимѣрь, въ мою дверь... какъ, ну какъ, долженъ, слѣдовательно, я сказать? Какъ сказано, я сталъ бы спрашивать: кто тамъ?... слѣдовательно, кто тамъ? Ну, какъ сказано, было бы съ наружи мнѣ отвѣчено... слѣдовательно, такъ отвѣчено: а! Да — я... Что, что, бишь, такое я говорю? Глупо! Я есть всякій, слѣдовательно, всякій есть слѣдовательно тоже, что ничто. Однако, слѣдовательно, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія... слѣдовательно, сомнѣнія нѣтъ никакого, что кто-нибудь есть тамъ. Вы видите, господа, какъ сказано, бытіе есть при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тоже, что и небытіе. Ибо я, я, который спрашиваю, есть себя свободно сознающій. Но лицо, находящееся снаружи... слѣдовательно, снаружи... есть для меня ничто, потому что оно, какъ сказано, говорить: а! Но я можетъ быть всякій. Всякій въ отношеніи къ тому я = ничто. Вы видите, слѣдовательно, кто утверждаетъ свое существованіе, слѣдовательно, тотъ есть ничто, потому что, какъ сказано, абстрактное бытіе есть ничто.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Также и пониманіе, мышленіе есть ничто, слѣдовательно; ибо, какъ сказано, пониманіе...

УЧИТЕЛЬ.

О, господа! Языкъ есть собственно величайшее препятствіе философіи, потому что на него натапливаются, какъ сказано, при каждомъ словѣ. Наука, слѣдовательно, употребляетъ каждое слово въ другомъ значеніи, слѣдовательно, чѣмъ обыкновенное, слѣдовательно..... Поэтому, господа, поэтому истинная философія, слѣдовательно, безгласна; хотя, какъ сказано, это молчаніе, это молчаніе, слѣдовательно, легко можетъ перейти въ мистицизмъ; истинный философическій языкъ, слѣдовательно, есть языкъ, какъ сказано, языкъ бога.

ВСѢ УЧЕНИКИ.

Высоко! Чудесно! Проходить.

Четвертый учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Пусть другіе вѣрятъ, что они знаютъ; мы, мои друзья, будемъ находить нашу гордость въ томъ, чтобы учиться вѣрить. Вѣра становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ наукою, а въ большинствѣ искусствомъ. Источникъ науки есть разумъ; источникъ искусства—потребность. Потребность можетъ быть удовлетворена и даетъ утѣшеніе, или остается неудовлетворенной и возвышаетъ наше предчувствіе; однимъ словомъ, вы видите, что вѣра можетъ быть приведена въ систему.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Но во что же мы должны вѣрить?

УЧИТЕЛЬ.

Во-первыхъ, въ священное преданіе, а потомъ во все то, что я объ этомъ буду говорить. Не толкуйте о чудесныхъ разсказахъ, которыми боги хотѣли обогатить нашу догматику, о Юпитерѣ, Ледѣ, Данаѣ. Боги знали, что люди будутъ нѣбогда имѣть потребность вѣрить во всякіе фовусы, какіе богами будутъ выкинуты. Есть философія — вонъ она идетъ съ своимъ хвостомъ

впереди меня—есть философія, которая знаніе поставляетъ прежде познаваемаго и поэтому признаетъ божество единственно настолько, насколько оно можетъ быть познаваемо людьми. Мы скажемъ тоже самое о вѣрѣ. Изобрѣтеніе религіи со стороны боговъ весьма удачный расчетъ въ будущемъ; очень можетъ случиться, что содержаніе ея оказывается слишкомъ малымъ, ибо жаждущій вѣры духъ нигдѣ не можетъ найти достаточнаго матеріала для своего вѣрованія. Онъ обращается, за недостаткомъ предметовъ вѣры, къ мифологіямъ чуждыхъ народовъ, и я увѣренъ, что можно отдаться съ извѣстнымъ благоговѣніемъ божествамъ индійскимъ, персидскимъ, самоеравійскимъ, халдейскимъ и прочимъ; коротко сказать, молитесь всему, что у васъ есть подъ рубами. Стѣдѣть.

ВТОРОЙ УЧЕНИКЪ.

Право, дорогой учитель, мы должны быть похожи на птицу, которая прицѣпляется къ потолку своей кѣтки и опускаетъ голову внизъ, такъ что намъ небо должно казаться землею.

УЧИТЕЛЬ.

Истинно такъ, истинно такъ! И если мы при этомъ разобьемъ себѣ голову въ кровь вмѣсто звѣзды о бревно, загораживающее улицу, то будемъ утѣшать себя тѣмъ, что у насъ министерство духовныхъ дѣлъ есть въ тоже время министерство медицинскихъ дѣлъ и для всѣхъ ранъ, полученныхъ за добрыя дѣла, имѣетъ надлежащее леченіе. Проходить.

Пятый учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Возьмите господа эту розу! Что побуждаетъ насъ называть эту розу прекрасною?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

То, что она сіяетъ, какъ юный день; то, что она стыдится отрывать свои прелести; то, что она благоухаетъ, слаще разрѣзанной миндалины.

УЧИТЕЛЬ.

Такъ выразился бы поэтъ! Но мы должны опредѣлять красоту философски. Почему эта роза прекрасна? она представляется намъ въ первой формѣ способности представленія — въ простран-

ствѣ. Поэтому она есть нѣчто конечное и въ основаніи ея пространственнаго явленія должно лежать идеальное. Какіе средніе члены можно отыскать, на примѣръ, между Аполлономъ Бельведерскимъ и этой розой? Если тамъ выступаетъ гармонія пластическихъ формъ, то эта категория уже не оказывается вѣрною здѣсь; если тамъ выступаетъ воплощенная идея юности, красоты — ага! — въ этому-то я только и желаю придти. Дѣло вотъ въ чемъ: въ Бельведерскомъ Аполлонѣ можно удивляться двойственной красотѣ: во-первыхъ, онъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ, какъ тема; во-вторыхъ, какъ Бельведерскій въ воспроизведеніи. Какъ же теперь роза? представляется ли здѣсь также двойной типъ? Всеконечно. Мы должны, во-первыхъ, возвратиться вообще въ образованію растенія и, во-вторыхъ, отыскать точку сопріосношенія, въ которой конечное съ безконечнымъ сходится въ конкретномъ явленіи. Первичное растеніе, господа, которое въ Сициліи...

ДРУГОЙ УЧЕНИКЪ.

Однако, смотрите, роза подѣ вашими опредѣленіями ужъ завяла! Проходятъ.

Шестой учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Хотя и сомнительны, господа, нѣкоторые ученія нравственности; однако всѣ основанія — будутъ ли они теоретическія или практическія — соединяются въ томъ, что ложь должно считать безусловно отвратительной. Говори правду при всѣхъ обстоятельствахъ — вотъ высочайшій нравственный законъ! Приведите, однако, какою-нибудь примѣръ для доказательства негодности предлоговъ, которыми извиняютъ, такъ-называемую, вынужденную ложь.

УЧЕНИКЪ.

Убийцы ищутъ господина нѣкотораго раба. Рабъ, чтобы отвратить отъ своего господина грозящую опасность, бросается имъ на встрѣчу, называетъ себя именемъ того, кого они ищутъ, умираетъ проколотый винжалами убійцъ и ложно спасаетъ жизнь своему господину.

УЧИТЕЛЬ.

Да, это именно то, о чемъ я говорю. Низкій простолудникъ погибаетъ со словами презрѣнной лжи во рту. Будьте увѣ-

рены, господа, нравственный законъ стоитъ выше, чѣмъ всѣ коллизіи, въ которыхъ онъ иногда можетъ очутиться. Если бы этотъ рабъ былъ почитателемъ категорическаго императива, безъ сомнѣнія, онъ жилъ бы еще. Изъ этого вы можете также вывести заключеніе, что правдою всего лучше можно отдѣлаться отъ всякихъ опасностей. Проходить.

Седьмой учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Такимъ образомъ, наконецъ, я желалъ-бы набросать предъ вами идеаль философскаго государства, рациональнаго общества. Государство, предлагаемое мною, состоитъ изъ пяти классовъ гражданъ, которые въ тоже время служатъ фундаментомъ для правительственной власти. Эти пять классовъ называются по пяти чувствамъ, такъ что мы имѣемъ классы: обоняющій, слушающій, видящій, вкушающій и ощущающій. Самый почтенный классъ есть вкушающій; самый низкій ощущающій: онъ довольствуется только тѣмъ, что посредствомъ нервнаго эфира отыскиваетъ существенныя вещи (напримѣръ, хотъ жаркое), ровно ничего въ этомъ не видя и не вкушая... Съ видящаго класса начинаются субъекты; впрочемъ этотъ классъ имѣетъ то преимущество, что онъ платитъ гораздо меньше податей, чѣмъ слѣдующіе. Слушающій классъ платитъ добровольно, такъ какъ онъ не видитъ, какимъ образомъ его деньги идутъ въ употребленіе. Главный фундаментъ государства составляютъ наконецъ ощущающіе субъекты, имѣющіе обо всѣхъ предметахъ только предчувствіе, привыкшіе касаться ко всему въ сладкомъ обольщеніи и охотно считающіе государство за семью, не неблагоклонную къ нововведеніямъ. Къ этому классу принадлежатъ женщины, ученые, сельское низшее духовенство и литераторы всякаго рода.

УЧЕНИКЪ.

И эта великая мысль не введена еще вездѣ въ дѣйствительности?

УЧИТЕЛЬ.

Къ сожалѣнію такова моя участь, и я ею равенъ съ Платономъ. Мои идеи родятся тысячекратно раньше, чѣмъ бы имъ слѣдовало. И признаюсь вамъ, господа, раздоръ между жизнью и теоріею, между опытомъ и чистымъ разумомъ не прекратится никогда, никогда. Проходить.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ входитъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Куда забрелъ я? Въ пестрый сонмъ людей,
 Шумящихъ, будто комары подь вечерь
 Въ воздушной полумглѣ, согрѣтой солнцемъ!
 Здѣсь каждый хоръ кружится суетливо
 И напѣваетъ пѣснь свою, усердно
 Ее съ жужжаньемъ общимъ соглашая;
 Тотъ формулу магическую ищетъ,
 Чтобъ превращать желѣзную руду
 Въ источникъ золота; тотъ учитъ дѣлать
 Изъ жидкости вубическое тѣло;
 Тотъ предлагаетъ изъ поблекшихъ гроздій
 Извлечь огонь небесный Прометея!
 Здѣсь разные премудрые вопросы,
 Подобно бабочкамъ цвѣтнымъ, порхаютъ
 Предъ мальчивами, увлекая ихъ
 Вслѣдъ за собой въ бесплодную погоню;
 Тогда какъ юношей цвѣтущая душа,
 Богатая надеждами, должна бы
 Себя въ трудѣ суровомъ укрѣплять!
 Увы, завѣты нашихъ предковъ славныхъ
 Унесены теченіемъ временъ
 И сгладилось о нихъ воспоминанье!
 Здѣсь прячется кинжалъ Катона въ ножны,
 Забытъ здѣсь Брутъ, погибшій за отчизну,
 Забытъ и Августъ, жаломъ ядовитымъ
 Пронзившій грудь свободы древней Рима!
 Здѣсь не заботятся о доблестяхъ былого
 И настоящаго позоромъ не болѣютъ!
 Вонъ подъ колоннами портала собралася
 Толпа дрянныхъ людишекъ и переважно
 Себѣ ходульный міръ свой создаетъ
 Исполненный хитросплетенныхъ бредней,
 Витающихъ надъ жизнію земной
 Въ пустой и смутной сферѣ сумасбродства!
 Какъ пауки раскинули они
 Сѣть паутины, сотканную тонко
 Изъ умозрѣній и мудреныхъ словъ,
 Чтобъ уловлять въ нее учениковъ!
 Но всежъ хотъ врѣшко лапами своими
 Они хватаютъ мысли бѣдныхъ жертвъ —

Изъ цѣпныхъ путь тревожно рвется юность
 На встрѣчу грезъ свободы, передъ нею
 Мельбающихъ прельстительно, хотъ смутно!....
 Пойду, послушаю, что тамъ за пѣсни
 И что за птицы распѣваютъ ихъ.

Подходить къ многочисленной, все болѣе и болѣе увеличивающейся группѣ:
 НЕРОНЪ и СЕНЕКА входятъ передъѣтне.

НЕРОНЪ.

Не озирайся! къ намъ со всѣхъ сторонъ
 Несется смутный говоръ любопытства.
 Тамъ кто-то шепчетъ, тамъ какъ будто мнѣ
 Киваетъ кто-то. Проходи скорѣе!
 Смущаюсь я отъ этихъ словъ и взглядовъ;
 Мнѣ чудится здѣсь каждый человѣкъ
 Во глубинѣ души моей читаетъ.

СЕНЕКА.

Когда вы, всемилостивѣйшій государь цезарь, такъ громко говорите, то вамъ можно выбрать одну изъ двухъ ролей: или скажите, что вы фокусникъ, и вы — прежде, чѣмъ подойдете вонъ къ этому человѣку, который играетъ понятіями, какъ фигляръ — будете разорваны восторженною толпою. Или же совѣтую вамъ выдать себя за молодого ученаго, желающаго философію снова привести къ опыту: тогда вы можете рассчитывать, что вамъ позволятъ стоять рядомъ съ другими.

НЕРОПЪ.

Будь разсудительнѣе Сенека и не лѣзь впередъ; право гнусно давать людямъ поводъ смотрѣть на себя такъ подозрительно, какъ будто ты хочешь стащить у нихъ носовой платокъ изъ кармана. Всѣ эти люди, что окружали насъ, стало быть философы? Я ненавижу философію!

Я ненавижу истину: она
 Хвастлива слишкомъ и притомъ не ладитъ
 Съ тѣмъ, что предъ властью клонится смиренно.
 Она не вѣдаетъ очарованья,
 Стыдливости, которая съ борьбой
 Себя являетъ въ наготѣ прекрасной!
 Она со взоромъ наглымъ къ намъ подходитъ
 И при продажѣ болѣе даетъ,

Чѣмъ отъ нея мы получить желаемъ.
 Она живетъ съ неловкостью въ союзѣ,
 Не въ-время насъ часто посѣщая.
 Когда ты разъ къ ней согласишься добровольно
 Свой слухъ, она начнетъ неутомимо
 Тебѣ шептать повсюду и во всемъ
 О полномочіи своемъ напоминая.
 Она картиной дѣлаетъ себя,
 А человѣка рамою негодной.
 Нигдѣ — и даже въ Греціи прекрасной —
 Богинѣ истины не воздвигали храмовъ.
 Все на землѣ является прикрытымъ,
 И нимфы наготу тогда лишь кажутъ,
 Когда кристалъ волны ихъ облекаетъ,
 Но истина всегда обнажена
 И наготы своей не замѣчая,
 Сіяетъ ей предъ всѣми равнодушно.
 Что голо — не красиво! Никогда
 Понравиться не можетъ тѣ Нерону,
 Что изгнано изъ царства красоты!

Однако, Сенека, мы купили миндаль не для того, чтобы ты съѣлъ его одинъ. Дай и мнѣ также!.. Какъ мы зашли въ это мѣсто? Я просто не понимаю. Что сказала бы моя добрая матушка, еслибы она была жива?.. Я начинаю понемногу привыкать къ этому шуму. Посмотри, что тамъ такое случилось? Куда это всѣ сбѣгаютъ?

СЕНЕКА.

Кажется, всемилостивѣйшій государь и цезарь, тамъ должна родиться новая мысль. Пожалуй, впрочемъ, когда мы подойдемъ туда, окажется, что, вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій, возвѣщенная мысль появится только завтра. Мы сейчасъ это увидимъ.

Смѣшиваются съ толпою.

РИТОРЪ въ щегольской одеждѣ, сидящій на спинахъ рабовъ, окруженный вношами и старцами, которые жадно ловятъ его слова.

РИТОРЪ.

Милостивые государи, тихое дыханіе лазурнаго воздуха вѣетъ отъ запада, я качаюсь на эластической спинѣ моихъ рабовъ и начинаю свою рѣчь. Есть искусства, теорія которыхъ гораздо совершеннѣе ихъ практическаго исполненія; но я хочу говорить сегодня объ искусствѣ совершенно иномъ, искусствѣ, достигшемъ

въ жизни самыхъ разнообразныхъ приложений и между тѣмъ до сихъ поръ не приведенномъ еще въ точную систему. Это искусство — лесть. Лесть, милостивые государи, есть совсѣмъ не то, что сноровка, посредствомъ которой добываютъ себѣ наслѣдство, или почетное мѣсто въ государствѣ; лесть, говорю я, есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ подобное скудное качество. Лесть можетъ быть поставлена въ ряду благороднѣйшихъ способностей духа, можетъ быть доведена до основныхъ положеній, составляющихъ нѣжнѣйшую, благоуханнѣйшую часть, цвѣтовъ реторики. Вы торопитесь, милостивые государи. Я вижу между вами людей, у которыхъ горитъ подъ ногами отъ того, что имъ хочется попасть поскорѣе въ сенатъ, въ совѣтъ цезаря, въ духовную комиссію; имѣя въ виду это, я попробую предъ вами сдѣлать очеркъ системы лести, приводящей наискорѣйшимъ образомъ въ цѣли...

ИЕРОНЪ.

Когда бы этотъ человѣкъ имѣлъ
Поэзіи счастливый даръ, онъ могъ бы
Соединять съ изящной формой сущность
Своихъ идей; теперь же, я боюсь,
Онъ говоритъ ужъ слишкомъ многословно.

РИТОРЪ.

Отъ низшей степени обыкновенной подлости угодливость поднимается въ постоянной прогрессіи до высшей степени, на которой она становится тонкою, остроумною, счастливою лестью. Вотъ эту-то лесть я и постараюсь изобразить предъ вами. Конечно, въ своемъ родѣ лстыть мнѣ и грубые люди, на спинѣ которыхъ я сижу (перестать разговаривать подо мною!), потому что они даютъ себѣ видъ дивана и предоставляютъ мнѣ повоиться, какъ на скамьѣ бани. Однако, здѣсь все еще неуклюже и грубо, здѣсь еще рабство, а не свободное желаніе. Только тогда угодливость пріобрѣтаетъ нѣчто лстывое, когда она исходитъ отъ людей, которые утверждаютъ, что живутъ по законамъ своей воли. Здѣсь именно точка нашего отпавленія. Вы требуете опредѣленія лести. Лстыть — значитъ ли говорить неправду? Нѣтъ, тогда бы лесть была ложью; однако же нельзя признать, чтобы она была и правдой. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ только то, что опредѣленіе лести должно быть условнымъ...

СЕНЕКА.

Онъ на поляхъ знакомыхъ мнѣ пасется:
 Я въ немъ узнаю того раба, который
 Былъ переписчикомъ моихъ твореній.
 Однако, я надѣюсь, онъ имѣетъ
 Настояще уваженія ко мнѣ,
 Что похвалою меня не загрязнитъ
 И для себя цитировать не станетъ?

РИТОРЪ.

Милостивые государи! Лестить — это значить, имѣя въ рукахъ мечъ, объявлять себя побѣжденнымъ отъ безоружнаго. Побѣдитель, предоставляющій счастью то, чего онъ достигнулъ самъ, льститъ побѣжденному. Это еще простыя степени лести; но есть и болѣе сложныя. Чѣмъ больше принимаетъ на себя льстецъ видъ свободы, чѣмъ смѣлѣе онъ въ своихъ коварныхъ комбинаціяхъ, которыми очень часто можно удержать свою голову на плечахъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть успѣхъ. Три вещи должны имѣть въ виду льстецъ: низость, глупость и злое намѣреніе. Ваше вниманіе, милостивые государи, приводитъ меня въ восторгъ! Дѣйствительно, нѣтъ ничего прекраснѣе того житейскаго лоска, о которомъ мы бесѣдуемъ. Онъ придаетъ всѣмъ вещамъ видъ, если и неправдоподобный, то пріятный для глазъ; онъ сообщаетъ даже силѣ такую умѣренность, что ея буйство не нарушаетъ равновѣсія элементовъ, составляющихъ общество. Лесть придаетъ всему надлежащее освѣщеніе, которое не рѣжетъ глазъ и пріятно для нихъ. Она отнимаетъ у порока безобразіе, у добродѣтели ея выдающіеся подвиги. Она дѣлаетъ изъ жизни художественное произведеніе и приводитъ все къ одному счастливейшему уровню — къ уровню красоты...

ИЕРОНЪ.

Онъ сталъ теперь ловчѣе, чѣмъ вначалѣ;
 На многое онъ смотритъ свѣтлымъ взглядомъ.
 Ну, продолжай! ты на пути хорошемъ,
 Ты, право, лучше выражаешь то,
 Чему училъ меня Сенека.

РИТОРЪ.

Низкая лесть возмущаетъ, потому что ставитъ того, кому

льстятъ, въ затрудненіе. Чтò сказала бы красавица, еслибы ея поклонникъ довелъ свое обожаніе до того, что сталъ бы пить изъ ея башмака? Чтò сказалъ бы цезарь, еслибы сенатъ издалъ постановленіе, утверждающее, что римскій народъ происходитъ отъ конюха дома Юліевъ? Такія рѣчи неуклюжи, пошлы, неудобны для слуха. Точно также лесть можетъ быть такъ неловко построена, что впадетъ въ глупость и возбудитъ только смѣхъ. Долабелла сдѣлалъ себя смѣшнымъ, когда онъ внесъ въ сенатъ предложеніе о триумфѣ божественному Тиверію за его прогулку въ Кампанію. Самою опасною подводною свалою служить злое намѣреніе. Нужна огромная ловкость для того, чтобы скрыть его подъ маскою лести. Кто скрываетъ свою ненависть подъ любовью, свою зависть подъ участіемъ, свой страхъ подъ довѣріемъ, — тотъ долженъ чрезвычайно искусно управлять своимъ лицомъ и своими словами. Если онъ льститъ, то ему весьма рѣдко слѣдуетъ прибѣгать къ тѣмъ правиламъ, посредствомъ которыхъ достигается своей цѣли лесть беззаботная. Онъ долженъ идти самыми извилистыми тропинками. Обожаніе, одно только обожаніе можетъ измѣнять ему; все его поведеніе должно быть проникнуто лестью...

ЮЛІЙ ВИНДЕВСЪ.

Я слышу, удивляюсь и готовъ
Ему повѣрить! Да, хорошъ товаръ,
Которымъ ты торгуешь. Вѣдь когда-то
Скрылъ древній Брутъ подъ маской тупоумья
Великія намѣренья свои.
Его слова вполне понятны мнѣ:
Легко сознать, чтò хочешь совершить,
Но трудно привести сознанье къ дѣлу.

РИТОРЪ.

Систематическое развитіе моего воспитанія въ тонкой лести я предоставляю себѣ изложить впоследствии; теперь же я выскажу только общія положенія, которыя васъ познакомятъ съ духомъ его. Остроумно и ловко выражается благоговѣніе тогда, когда льстятъ и въ то же самое время прибавляются, что говорятъ во имя истины, не страшась даже навлечь гнѣвъ своею рѣчью. Предположимъ, что глава государства желаетъ уничтожить какой-нибудь законъ. Лестецъ является къ нему и, какъ бы по собственному побужденію, вслѣдствіе долгаго размышленія, предлагаетъ уничтоженіе закона. При этомъ, чтобы лесть вышла

совершенно закругленною, слѣдуетъ прибавить, что предложеніе высказывается даже съ опасностью лишиться жизни, возбудивъ гнѣвъ главы государства...

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ—шепотомъ.

Не выясняетъ ли онъ передъ всѣми
То, чѣмъ себя поддерживаемъ мы?
Пусть рѣчь его умна, но все жъ онъ глушь,
Рискуя вслухъ болтать такія вещи....

РИТОРЪ.

Если правитель имѣетъ свойства, великія свойства, которыя скорѣе слѣдовало бы назвать пороками, то о нихъ нужно говорить ему, какъ о добродѣтеляхъ. Тонкая лестъ въ этомъ случаѣ идетъ прямымъ путемъ: она схватываетъ совершенно постороннее свойство и развиваетъ общій взглядъ, основныя положенія, встрѣчающіяся какъ бы случайно, но тѣмъ не менѣе падающія какъ сѣмена на внимательно-подозрительное сердце властителя и приносящія плоды сторицею...

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Онъ вокругъ себя хитро бросаетъ взгляды
И говоритъ безъ всякихъ опасеній;
Онъ срисовалъ съ насъ яркую картину
Всѣ это поняли и всѣ смѣются.

РИТОРЪ.

Счастливей всѣхъ тотъ, кто держитъ слово оппозиціи и все-таки высказываетъ только то, что пріятно властителю. Подобный льстецъ громко жалуется на развращеніе времени и однако порицаетъ лишь вредящее предмету его почитанія; онъ говоритъ о древнихъ нравахъ, о предкахъ, о человѣческихъ и божескихъ нравахъ, выставляя однако всѣ вещи съ такой стороны, что свѣтъ, который онъ въ нихъ отыскиваетъ, озаряетъ того, къ кому простираетъ онъ свою лестъ. Тутъ можно найти множество разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ. Положимъ, что властитель выбираетъ себѣ министра, который слишкомъ молодъ, но какъ бы созданъ для тираніи. Льстецъ поступаетъ такимъ образомъ: онъ начинаетъ говорить за нововведенія и принимаетъ молодого министра подъ защиту, какъ бы уступая требованіямъ оппозиціи,

такъ какъ оппозиція сама требовала, чтобы талантъ, а не возрастъ давалъ возможность получать высокій постъ. Потому онъ старается осмѣять и представить побѣжденной ту партію, на сторонѣ которой собственно побѣда-то и есть, такъ какъ молодой человѣкъ ея креатура. Это одинъ изъ наиболѣе выгодныхъ приѣмовъ, потому что тутъ разомъ выигрывается расположеніе существующей власти и оппозиціи, отъ которой заимствуютъ средства для выигрыша.

ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ—про себя.

Здѣсь цезарь: онъ стоитъ со мною рядомъ;
Онъ думаетъ что мною непримѣченъ,
И, взора избѣгая моего,
Сторонится украдкой. Въ государствѣ
Я величайшимъ славлюся льстецомъ
И тотчасъ эту славу оправдаю.

Подходить къ ритору, громко.

О, проглоти языкъ свой, дерзкій ротъ,
Затѣмъ, что онъ острить напрасно жало
На души благородныя, которымъ
Дыханье оскорбительно твое!
Ты хочешь увеличить вучу сплетень,
Марающихъ честь римскаго народа!
Проклятіе тебѣ! Твое искусство —
Фальшивой мудрости доходъ позорный,
Обманъ для добродѣтели священной,
Тобой поруганной! Нѣтъ, истина еще
Не умерла средь Рима, не погибла:
Она царить съ Нерономъ на престолѣ,
Она его народомъ руководить!
Сбирай свой мелкій и дрянной товаръ
И уходи отсюда съ нимъ скорѣе
Туда, гдѣ слухъ людей ужъ зараженъ
Глетворнымъ ядомъ лживыхъ измышлений,
И тамъ толпу обманывай, торгашъ,
Личинами фальшиваго искусства!

Бьетъ его.

РИТОРЪ.

О, помогите мнѣ, мои друзья!
Тотъ кто прибилъ меня — онъ лжецъ вдвойнѣ:
Онъ цезаря хвалою возноситъ лживой

И говорить, что цезаря здѣсь нѣтъ,
Межъ тѣмъ, какъ цезарь слушалъ со вниманьемъ
Всю рѣчь мою! Зачуялъ песь борзой
Охотника и, задушивши зайца,
Ползеть въ хозяину, хвостомъ виляя,
И лижетъ грязь у ногъ его

Убѣгаетъ.

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Что онъ сказалъ? — Здѣсь цезарь? — Гдѣ-же, гдѣ-же?
Не вижу я. — Онъ ненавистенъ мнѣ —
Вотъ пытка, если онъ меня замѣтитъ! —
Не рядомъ-ли со мною онъ стоитъ?

ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ — подходитъ къ Нерону.

Ты удивленъ великій цезарь тѣмъ,
Что здѣсь взволнованы всѣ этимъ чудомъ
И вопрошаютъ всѣ о немъ украдкой?
Они еще боятся обмануться:
Вѣсть о счастливой близости твоей
Принесена устами лжи презрѣнной!...
Падите, граждане, сенаторы, во прахъ!
Въ восторгѣ другъ предъ другомъ соревнуя
Несите эту дорогую ношу —
Клейнодъ прекраснѣйшій земныхъ сокровищъ!

Преклоняетъ колѣни и ставитъ ногу Нерона себѣ на затялокъ.

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Посторонитесь! — Дайте мнѣ пройти!
Быть можетъ мнѣ поймать удастся слово,
Взоръ благосклонный цезаря! — Еще
Не осчастливилъ онъ своею рѣчью?
Ахъ, скоро ли услышимъ мы изъ устъ
Великаго великіе глаголы?

НЕРОНЪ.

Ну, хорошо, ну, хорошо! Идите
Всѣ, кто поклонъ мнѣ долженъ принести.
Вы честностію хвалитесь своей
И все-таки я вами обворованъ!

Скажите мнѣ, куда могу я дѣться
 Отъ добродѣтели и преданности вашей?
 Когда-бъ я былъ для васъ палачь свирѣпый,
 Когда-бы я у вашей жалкой жизни
 Все — даже сны и грезы — отнималъ,
 Вы и тогда-бъ хвалы мнѣ возносили!
 Всѣмъ бѣшенствомъ, всей яростью моею
 Я не могу исторгнуть васъ изъ нѣдръ
 Вседневности томительной и пошлой!
 Вы улыбаетесь? Смѣшно! въ отвѣтъ
 Рычанью тигра вы улыбку плете!...
 За что вы ритора прибили? Онъ
 Изъ гладкихъ словъ своею изящной рѣчи
 Стлалъ ложе граціямъ и, какъ амуры въ пласкѣ,
 Порхали мысли быстрыя его!
 Загадку жизни лучше понялъ онъ,
 Чѣмъ вы, глупцы! Вамъ непонятна прелесть
 Гармоніи мышленія священной?
 Вашъ слухъ отереть для грубыхъ только звуковъ,
 Вы глазомъ слышите: въ игрѣ на флейтѣ
 Перебиранье пальцевъ тѣшитъ васъ!...
 Однако, сидя на спинахъ склоненныхъ,
 Я замѣчаю съ ужасомъ, что вы
 Потѣете несносно, набирая
 Побольше воздуха въ пустыя глотки,
 Чтобъ предо мной національнымъ гимномъ
 Какъ можно лучше отличиться. Ну!
 Несите-же меня! И пусть Камена
 Отъ дивихъ звуковъ слухъ мой охранить!
 Толпа уносить Нерона на своихъ плечахъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКЪСЪ.

И послѣ столькихъ тысячъ жертвъ, Неронъ
 Языкъ нашъ даже безпощадно душилъ!
 Играетъ рѣчью онъ, какъ будто въ кости;
 Какъ рѣзвый отрокъ, на коня вскочивъ,
 Со смѣхомъ бьетъ въ его бока ногами
 И прыгаетъ на немъ и дуетъ въ уши
 Смущенному животному, такъ цезарь
 Дурачится съ родимымъ языкомъ!
 Никто не путалъ римлянъ рѣчь столь жалко!
 Онъ какъ паяцъ заученныя фразы
 Передъ толпой бросаетъ торопливо!

Къ нему никто не можетъ примѣниться.
 Когда онъ улыбается, то горе
 Тому, кто цезаря улыбку
 Своей улыбкой не предупредить!
 Смѣется онъ, когда рукой проклятой
 Изгнаніе и смерть и слезы сѣтъ,
 И грустью омрачается, когда
 На полныхъ парусахъ несется въ счастье!
 Пустой дуракъ! себя не понимая,
 Онъ разучился понимать другихъ!
 Но я—клянусь въ томъ вѣчными богами! —
 Я скоро вразумлю его, заставивъ
 Разстаться съ жизнію, позора полной!

Смотреть въ сторону.

Что это? рабъ мнѣ тайный знаеъ даетъ?
 Зачѣмъ пришелъ сюда онъ, въ этотъ рынокъ
 Гремучихъ фразъ и сумасбродныхъ бредней?

Уходить.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Паркъ цезаря.

Ночь. Шумный праздникъ.

ХОРЪ МЕНАДЪ.

Отъ плещущихъ волнъ золотого Гангеса,
 Изъ пальмовой рощи, гдѣ мать меня ищетъ,
 Слезами горячій песокъ поливая,
 Меня похищаешь ты, богъ амброзійскій,
 Въ волшебную чашу
 Струю винограда люющій.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Ни золото гребня средь кудрей невѣсты,
 Ни свадебной пѣсни веселые звуки
 Дороже мнѣ не были гроздь ароматныхъ
 Волшебнаго сова, что сладкія грезы
 Безъ сна навѣваетъ
 И душу возноситъ на небо!

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Тотъ, кто не извѣдалъ напитокъ волшебный,
 Увидѣвъ насъ, въ страхъ свой домъ запираетъ;
 Но тирсь, съ изумрудной шировой листвою,
 И гроздь волебань, и звуки тимпана,
 Влекутъ неозвратно
 Его отъ родимаго крова!

■ ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Какъ въ нѣдрахъ Семелы и въ бедрахъ Зевеса
 Когда-то былъ скрытъ Діонисъ двурожденный,
 Такъ дважды созрѣла жемчужная влага:
 Подъ солнцемъ полудня и въ пѣнѣ броженья,
 Даруя намъ силу,
 Что гнѣвъ леопардовъ смиряетъ.

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Да славятъ уста ваши древнее чудо:
 Корабль съ Діонисомъ похищеннымъ мчался
 По морю; вдругъ мачта листвою покрылась
 И гроздь виноградныхъ зардѣлися вѣсти,
 И скрылись въ волнахъ
 Пловцы, будто стадо дельфиновъ.

ХОРЪ.

Кто скудную жертву дерзнетъ принести намъ?
 Веселье менадъ кто посмѣетъ нарушить?
 Оракіецъ Ливургъ самъ себя поражаетъ,
 Гласитъ Киеронъ объ убійствѣ Пентея,
 И кости Орфея,
 На Гебрѣ разбросаны, тлѣютъ!

На сценѣ началось представленіе. Давка между зрителями.

ГРАЖДАНИНЪ СЪ ДОЧЕРЬЮ.

ДОЧЬ.

Отецъ, куда ты? Пожалуйста не гѣзь впередъ!

ГРАЖДАНИНЪ.

Не понимаю чего ты боишься, дитя? Будь на твоёмъ мѣстѣ твоя покойница мать, она уперла-бы руки въ бока и сейчасъ бы пошла, какъ на приступъ. Вѣдь надо-же добиться чего-нибудь, коли рѣшился не спать цѣлую ночь ради удовольствія видѣть всемилостивѣйшаго господина и цезаря, играющаго въ комедию, да въ тому еще въ женской роли.

ДОЧЬ.

Ахъ, говори, пожалуйста, потише. Смотри, всѣ оглядываются на насъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

А пусть ихъ оглядываются! Я говорю: коли властитель хочетъ играть комедию, такъ ужъ пусть онъ лучше ее играетъ на театрѣ, а не на тронѣ. Если-бъ только была тутъ твоя покойница мать, наслушались бы мы поучительныхъ изрѣченій, этапъ въ родѣ вечерней молитвы въ «Антигонѣ».

ДОЧЬ.

Да перестань же. Вѣчные боги, что это съ тобою сегодня?

ГРАЖДАНИНЪ.

Нѣтъ, ты оглянись, дитя, оглянись! Вѣдь это просто «сонъ въ лѣтнюю ночь!» Я люблю людей въ театрѣ: съ ними тутъ только и можно обходиться. Когда передъ ними зрѣлище, они находятся въ самомъ великодушномъ настроеніи. Кто стремится въ общей пользѣ—ну хоть, напимѣръ, хлѣбникъ, мыловаръ—и желаетъ поднять свое занятіе акціями, тотъ, по моему, долженъ всегда собирать подписку въ театрѣ. Желалъ бы я знать, скоро ли на сценѣ заговорить чудовище?

ДОЧЬ.

Навѣрное сейчасъ, какъ только ты замолчишь.

СОСѢДЬ.

Позвольте узнать: кого вы разумѣете подъ чудовищемъ? Цезаря, или змѣя?

ГРАЖДАНИНЪ.

А позвольте узнать, любезный сосѣдъ, сколько въ мѣсяцъ получаете вы отъ тайной полиціи?

СОСѢДЪ.

Гораздо меньше чѣмъ получите вы отъ меня, дубина вы этакая! Что вы болтаете безъ умолка во время представленія?

ГРАЖДАНИНЪ.

Дитя, дайва мнѣ зрительную трубу? Я хочу убѣдиться, увеличится-ли эта грубость, если на нее посмотрѣть вооруженнымъ глазомъ.

ДОЧЬ.

Ахъ, отецъ, я умру отъ этого шума.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ если бы твоя покойница мать —

ПЕРЕДНИЕ ЗРИТЕЛИ.

Тише, вы, тамъ, сзади!

ГРАЖДАНИНЪ.

Тише, тише! Шляпы долой!

ВСѢ.

Тсс! Цезарь говорить. Онъ — жизнь народа! Да здравствуетъ цезарь!

НЕРОНЪ въ роли Андромеды, прикованный къ утесу. На морѣ змій.

НЕРОНЪ.

Это-ль, о вѣчное солнце, та черная пристань, въ которой Бѣдный ворабль моей жизни, недавно построенный, долженъ Бросить на вѣки свой якорь? Смотрю я съ трепещущимъ сердцемъ

На берегъ мокрый, гдѣ раковинъ много лежитъ самоцвѣтныхъ:

Скоро на немъ заблѣютъ подъ яркимъ сіяньемъ полудня Члены мои, раздробленные пастью чудовища страшной!

Былъ мой родитель царемъ финикянъ; счастливый Дочерью юной своей, отъ завистливыхъ взоровъ безсмертныхъ Онъ укрывалъ меня тщетно. Случилось однажды, что матеръ Въ сонмѣ подругъ, вспоминая минувшія прелести, стала Сравнивать ихъ съ красотою богинь. Нереиды, услышавъ

Гордыя рѣчи ея, надъ тщеславной женою смѣялись
 И Посейдона, влажно-волосаго бога подвигли
 Къ страшному мщенью: изъ пѣнистыхъ водъ разъяреннаго
 моря
 Вышло чудовище злое и здѣсь на скалѣ поселилось,
 Все пожирая, что только людское подобіе носить.
 Вотъ ужъ пять лунъ миновало, какъ длятся мученья народа;
 Близокъ тотъ день, какъ блеснетъ золотымъ своимъ дис-
 комъ шестая;
 Къ оному сроку погибнетъ все царство отца, если только
 Дочь свою онъ не предастъ божествамъ оскорбленнымъ на
 жертву —
 Такъ возвѣстили жрецы прорицанье святое. Отецъ мой!
 Долженъ ты былъ покориться велѣнью жестовому неба:
 Ахъ, еще прежде, чѣмъ дочери милой извѣдалъ ты ласки,
 Царскій вѣнецъ тяготѣлъ на челѣ твоемъ, въ горѣ пони-
 шемъ!...
 Близокъ мой часъ; но лишь трупъ мой чудовищемъ будетъ
 растерзанъ:
 Пламенникъ жизни моей потухаетъ подъ вѣяньемъ страха—

Античная трагедія продолжается.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ парка выступаютъ Корибанты и Цибела.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Бейте, безъ усталы бейте въ тимпаны, чтобъ звукъ ихъ
 раздастся,
 Жалобный вопль заглушая въ истерзанномъ сердцѣ царицы!
 Горе, горе! Меонъ, даровавшій ей жизнь, у ней отнял
 Счастье жизни, низвергнувши Аттиса съ Иды высокой!

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Есть и другая молва: отъ ея сладострастныхъ желаній
 Отрокъ застѣнчивый Аттисъ бѣжалъ съ отвращеньемъ и
 страхомъ,
 И, оскопивъ себя острымъ желѣзомъ, въ безуміи дивомъ,
 Онъ плодотворную силу, еще недозрѣлой, исторгнулъ!

ЦИБЕЛА.

Тщетно по волнамъ воздушнымъ стремишь ты всечасно
 Цибела,

Жалобъ печальныхъ любви неумолчныя горькіе стоны —
 Воздухъ, земля и вода и свѣтила небесъ безотвѣтны!
 Аттисъ, Аттисъ! ушель я тебя нивогда не увижу?
 Иль ты восхищенъ Зевесомъ замѣнь Ганимеда на небо?
 Или Авророй ты взять вмѣсто милого сына Мемнона?
 Кто обладаетъ тобою, кто нѣжить прекрасное тѣло,
 Кто сладкій медь поцѣлуевъ съ устъ твоихъ жаркихъ вкушаетъ?
 Тучи и звѣзды небесныя! къ вамъ я взываю: скажите
 Гдѣ онъ, гдѣ онъ, мой Аттисъ, мой отрокъ, красою цвѣтущій!

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ, преслѣдуемый сатирами и нимфами.

САТИРЪ.

О, куда бѣжишь ты?
 Рѣзвый хороводъ
 Нимфъ, вѣнчанныхъ хмѣлемъ,
 Къ счастью зоветъ!
 Вонъ они со смѣхомъ
 Скрылись по кустамъ —
 Поспѣшай за ними
 И лови ихъ тамъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Оставьте-ль меня вы, масхи?
 Дурачьтесь съ тѣми, кто пойдетъ
 Въ вашъ сладострастный хороводъ —
 Мнѣ чужды ваши игры, ваши ласхи.

НИМФЫ.

Дафна, гдѣ ты, гдѣ ты?
 Видѣла ли ты
 Образъ, столь прелестный,
 Юной красоты?
 Посмотри Глицера:
 Думой осѣненъ
 Онъ стоитъ — прекраснѣй
 Ганимеда онъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Вашъ нѣжный зовъ напрасенъ былъ:
 Онъ прозвучалъ тревогой безполезной,
 Ударивъ по бронѣ желѣзной,
 Которою я чувства оградилъ.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОРЕАДЫ.

Кто для нѣги сладкой
Ищетъ сѣни, тотъ
Приходи украдкой
Къ намъ въ тѣнистый гротъ!
Изъ травы зеленой
Тамъ мягка постель,
Будто въ нѣгѣ сонной
Ключъ журчитъ студеный
Брачной пѣсни трель!...

ЮЛІЙ ВИНДЕБСЪ.

О, хорошо уснуть въ тѣнистомъ гротѣ,
Какъ засыпалъ съ Дидоною Эней....
Но пусть еще вы слаще запоете —
Вамъ не исторгнуть изъ души моей
Того, что я замыслилъ въ ней!

НАЯДЫ.

Прекрасную дѣву
Возьми — и сокрой
Себя съ нею вмѣстѣ
Прозрачной волной!
Песокъ золотистый
На днѣ разсыпай,
Иль сѣткой зеленой
Ивы вѣтвистой,
Къ водамъ склоненной
Играй!

ЮЛІЙ ВИНДЕБСЪ.

Въ дыханьи воздуха, въ водѣ
Живетъ любовь и манитъ лаской счастья,
И въ мірѣ слышатся вездѣ
Лобзаній звуки, ропоть сладострастья —

ДРИАДЫ.

Въ часъ, когда съ закатомъ
Тихо раздаются
Пѣсни пастуховъ;

Дышутъ ароматомъ
 Розъ вусты, и вьются
 Хоры мотыльковъ.
 Въ этотъ часъ приди намъ
 Счастье дать и съ нами
 Подъ листвою усни;
 Къ перьямъ лебединымъ
 Мягкими вудрями
 Голову склони!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Туманъ рѣдѣетъ; вижу въ сторонѣ
 Я образъ женщины прекрасной;
 Съ желаньемъ ласковымъ она киваетъ мнѣ
 И я на зовъ влекуся сладострастный....

САТИРЪ.

Ты ея красу замѣтилъ?
 О, лови ее, лови!
 Гдѣ-бы ты ее ни встрѣтилъ —
 Встрѣтишь счастье любви!
 Въ ней желанія горѣли
 Быть съ тобой наединѣ
 Средь долины, на горѣ ли,
 Или въ водной глубинѣ!

Къ Ю. Виндексу подходитъ маска.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Открой свои черты передо мной
 Прелестный образъ!

МАСКА.

Подожди мгновенье —
 Позволь мнѣ безотвѣтно насладиться
 Твоими взорами.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Красы очарованье
 Ты скромности нарядомъ облека?
 Незнакомка снимаетъ маску.
 Пошея! Ты?... Я могъ-бы здѣсь остаться,

Чтобъ усладить себя твоимъ стыдомъ,
Но влятва, мною принятая въ сердцѣ,
Меня отсюда гонить противъ воли!

Убѣгаетъ.

ПОПНЯ.

О погоди, мой милый, погоди!
Ты убѣгаешь отъ меня? За что же?
Чего страшишься ты?... О, ночь, разсѣй
Свой мракъ, чтобъ вновь могла его найти я
Для страстныхъ ласкъ и счастья любви!

Бѣжитъ за Ю. Виндесомъ.

Театральное представленіе кончено.

Неронъ въ женскомъ костюмѣ, нарумяженный, съ полуоткрытою грудью, идетъ по сценѣ, преслѣдуемый лстецами, возносящими его до небесъ въ избитыхъ почти-тельныхъ выраженіяхъ. Онъ благодаритъ, какъ новичекъ при первомъ дебютѣ.

Пробѣгаютъ прежніе хоры чаще и чаще; паркъ пустѣетъ.

Смоляные факелы, съ завернутыми въ нихъ евреями и христіянами, потушаютъ.

ПЕРВЫЙ ФАБЕЛЬ—тихо стеная.

Мы горимъ и страдаемъ
При этомъ весельи!
О Іегова,
Богъ Саваоѣ!

ВТОРОЙ ФАБЕЛЬ.

Мы горимъ и страдаемъ
При этомъ весельи!
О мой Спаситель,
Иисусъ Христосъ!

Факелы падаютъ на землю.

Ночь и тишина.

В. Буренинъ.

ДУХОВЕНСТВО и ШКОЛЫ

ВЪ

НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНИАХЪ.

III*).

«Нѣмецкая народная школа — говорится въ одномъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій¹⁾ — была результатомъ реформаціоннаго движенія, когда пробудившееся религіозное сознаніе массъ потребовало ближайшаго знакомства съ предметами вѣры, рѣшавшими тогда судьбу нѣмецкаго народа. Эта историческая особенность опредѣлила ея основной характеръ, которымъ она отличается еще и въ наше время. Эта школа, образовавшаяся изъ обязательныхъ катехизическихъ поученій пастора или его помощника при церкви (квистера, кантора), оставалась съ тѣхъ поръ въ связи съ церковнымъ бытомъ общины: пасторъ до сихъ поръ остается ближайшимъ руководителемъ школы. Въ то же время школа сохранила свою тѣсную связь съ общиной сельской и городской; община даетъ средства для школы (въ принципѣ) безъ всякаго участія правительства, и чрезъ своихъ представителей имѣетъ вліяніе на ея внутренній порядокъ. Другимъ важнымъ качествомъ нѣмецкой школы, которое также приводится къ ея историческому происхожденію, есть всеобщая обязательность; дѣти извѣстнаго возраста, безъ всякихъ исключеній, обязываются посѣщать школу».

---

*) См. выше: янв. 138 — 174 стр.

1) «Вопросъ о народной школѣ въ Германіи». Слѣ. 1868 г

«Въ первые годы нынѣшняго столѣтія — продолжаетъ тотъ же авторъ — нѣмецкая школа все еще сохраняла черты, данныя ей реформаціоннымъ движеніемъ; она считалась средствомъ для сообщенія народу извѣстныхъ правилъ вѣры, въ извѣстномъ конфессіональномъ смыслѣ; она дѣлала изъ своихъ воспитанниковъ лютеранъ, католиковъ, реформатовъ, и, не заботясь о дальнѣйшихъ задачахъ, считала цѣль свою достигнутою. Вообще школа представлялась только какъ переходное звено между крещеніемъ и конфирмаціей, какъ будто какое-то новое церковное таинство, которое, завершившись конфирмаціей, вводитъ дитя въ общину. Въ этомъ смыслѣ, ученики обучались чтенію преимущественно по библіи и евангелію, отчасти письму, счету, библейской и новозавѣтной исторіи, въ связи съ исторіею собственно конфессіональной; главное же занятіе учениковъ состояло въ ученіи наизусть катехизиса, молитвъ, церковныхъ гимновъ, текстовъ изъ библіи и евангелія, нравственныхъ изрѣченій» и т. п.

Мы указываемъ на эти мысли потому, что нѣмецкая народная школа въ томъ видѣ, какъ она охарактеризована здѣсь, перенесена нѣмецкими поселенцами и въ наши колоніи. Мало того; въ дальнѣйшихъ судьбахъ колонистской школы и въ современномъ ея положеніи — обнаруживается болѣе или менѣе та же борьба двухъ принциповъ: ортодоксально-конфессіональнаго и воспитательно-образовательнаго, — какая проходитъ чрезъ исторію народной школы въ Германіи. Если въ Германіи евангелическая ортодоксальность, отдѣлившаяся нѣкогда отъ католицизма вслѣдствіе принципа о свободѣ изслѣдованія, стала стремиться чрезъ посредство школы къ строгому утверженію своихъ началъ, и впадала въ ту же догматическую неподвижность, которую прежде протестантизмъ осудилъ въ католичествѣ; и если «въ ортодоксальной партіи явилось такое же ультрамонтанство, какъ и въ католичествѣ, съ такими же деспотическими привычками и наконецъ съ попытками такого же обскурантизма, то тѣ же самыя явленія обнаружались и со стороны нашего колонистскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ школѣ и приходской общинѣ. Но здѣсь отношенія эти въ послѣднія 20—30 лѣтъ усложнились еще постоянной заботой протестантскаго и католическаго духовенства о предупрежденіи всякихъ поводовъ для проникновенія въ школьное дѣло ближайшаго правительственнаго вліянія и надзора, изъ опасенія руссификаціи. А попытками въ руссификаціи оно признало, повидимому, даже желаніе содѣйствовать обученію колонистовъ русскому языку. Пока колонисты жили изолированно, пока они были окружены почти со всѣхъ сторонъ малонаселенными, или даже почти безлюдными степями,

и управлялись своимъ собственнымъ начальствомъ; пока хозяйственный бытъ ихъ еще не вполне развился, а потребности ихъ удовлетворялись собственными средствами въ чертѣ колонистскаго общественнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ вышеописанное состояніе школъ, ея духъ и направленіе, считались самими поселенцами болѣе или менѣе удовлетворительными. За то время, даже серьезныя попытки правительства — провести въ колоніи, при посредствѣ сельскихъ или приходскихъ школъ, знаніе русскаго языка, едва-ли могли рассчитывать на содѣйствіе со стороны самаго населенія. Но подобныхъ попытокъ и не дѣлалось; сельская школа была долгое время оставлена на произволь самихъ обществъ, которыя вѣждо годно рядились о содержаніи и съ учителемъ также, какъ съ пасторомъ, пастухами, табунщиками и т. д. Къ тому же и прежде, какъ теперь, за исключеніемъ одной Сарепты, негдѣ было взять сколько-нибудь порядочныхъ наставниковъ. И несмотря на все это, изъ школъ, какъ увидимъ ниже, выходило грамотныхъ колонистовъ больше, нежели въ послѣдніа десятилѣтія.

Въ 1816 году, профессоръ казанскаго университета Эрдманъ, въ своемъ отчетѣ по ревизіи учебнаго округа, указалъ на «весьма худое состояніе саратовскихъ колонистскихъ школъ». Онъ представилъ начальству предположеніе «подчинить учителей вообще духовенству, такъ чтобы въ протестантскихъ колоніяхъ — *pastor venior* (пробствъ), а въ католическихъ — *pater superior* (деканъ) имѣли главнѣйшій надзоръ». Возникла переписка и были затребованы отзывы мѣстныхъ начальства и духовенства. Последнее въ то время положительно отклоняло отъ себя «эту новую для него обязанность», причемъ указывало на затруднительность и малополезность предположенной мѣры. «Хотя приходскому священнику — писалъ пасторъ Губеръ, въ послѣдствіи суперинтендентъ московской консисторіи и отецъ извѣстнаго нашего поэта — и можно принять на себя обязанность смотрѣть за училищами въ его приходѣ, но нельзя притомъ не уважить, что 74 протестантскія колоніи имѣютъ только 15 пасторовъ, коимъ, по обширности и многолюдству приходоу, часто на ученіе и собственныхъ дѣтей времени недостаетъ». «Присмотръ за шультмейстерами и преподаваніемъ — отзывался пасторъ Кольрейфъ, сынъ котораго былъ въ послѣдствіи сосланъ въ Оренбургъ, если не ошибаемся, какъ государственный преступникъ — не только на *pastor venior*, но даже и на приходскаго священника по каждому приходу, по расположенію колоній, возложить нѣтъ возможности, ибо какія бы правила установлены ни были, соблюденіе оныхъ, при частыхъ отлучкахъ пастора, останется всегда невозмож-

нымъ». Тѣмъ не менѣе, указомъ 25 октября 1819 года, «завѣдываніе сельскими школами и наблюденіе за учителями въ колоніяхъ» были возложены на приходское духовенство и консисторіи каждаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ, уже съ тридцатыхъ годовъ, мало-по-малу сталъ высказываться среди населенія иной взглядъ на училищное дѣло, что привело духовенство къ систематическому противодѣйствию всякимъ съ чьей бы то ни было стороны попыткамъ къ измѣненію въ чемъ либо конфессіональной программы школъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что около того же времени была сдѣлана первая попытка со стороны правительства къ открытію въ колоніяхъ русскихъ училищъ.

Хотя указъ 25 октября 1819 года говоритъ только о «наблюденіи за учителями» и ничего не упоминаетъ о томъ: вѣмъ учителя должны быть опредѣляемы и увольняемы, и хотя объ этомъ не существовало, въ то время, никакихъ законоположеній, но какъ сельскій учитель въ колоніяхъ есть въ тоже время и кистеръ или канторъ, и онъ, въ этомъ званіи, по церковному уставу 1832 года, подчиняется приходскому священнику безусловно, то за симъ духовенству было весьма удобно совершенно оттереть сельское общество отъ прежняго участія въ дѣлѣ школы. Оно достигало этой цѣли тѣмъ съ бѣльшимъ рвеніемъ, чѣмъ недовольнѣе дѣлались колонисты состояніемъ у нихъ школьнаго образованія. Дѣло въ томъ, что съ этого времени колонисты, соотвѣтственно распространенію ими своихъ хозяйственныхъ и промышленно-торговыхъ связей за предѣлами колоній, стали заявлять требованія, клонившіяся къ значительному расширенію школьной программы. Подобныя заявленія, высказываясь сначала одиночно, не могли конечно разомъ измѣнить установившійся порядокъ вещей. Но ихъ было достаточно для недремлющаго духовенства, чтобы вслѣдствіи оградить школу отъ всякихъ не исключительно конфессіональныхъ вліяній. Дѣйствовать, не маскируясь, оно не смѣло въ этомъ случаѣ; иначе, ему пришлось бы стать въ явную оппозицію съ правительствомъ, начавшимъ наконецъ серьезно домогаться введенія въ школахъ преподаванія чтенія и письма по-русски. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, нехитрыя въ началѣ требованія колонистовъ, быть можетъ, хотя отчасти, нашли бы удовлетвореніе, такъ какъ въ сущности лучшая часть духовенства постоянно сама сознавала отсталость школы. Но голоса, сочувствовавшіе въ средѣ духовенства стремленіямъ населенія, замолкали предъ возраженіемъ, что если приступить къ расширенію программы, то нѣтъ, конечно, ни одного учебнаго предмета настолько необходимаго для колонистовъ, какъ именно знаніе русскаго языка, введеніе

же въ школы преподаванія этого языка есть только первый шагъ въ руссификаціи и т. д. И вотъ почему духовенство, не задумываясь, принесло насущныя потребности колонистскаго населенія въ жертву цѣлямъ ортодоксально-конфессіональнымъ. Вотъ почему сельская школа и въ нашихъ колоніяхъ окончательно объявлена «переходнымъ звеномъ между вращеніемъ и конфирмаціей» съ самымъ положительнымъ притомъ удостовѣреніемъ, что существующая школа, какъ учрежденіе исключительно приходское или церковное, иного назначенія не имѣетъ и иныхъ цѣлей преслѣдовать не должна; что нѣтъ надобности, безъ прямого стѣсненія религіозно - нравственнаго воспитанія населенія, ни даже возможности измѣнить въ чемъ-либо дѣйствующую въ ней программу. Правительство, повидимому, удовлетворялось тѣмъ значеніемъ, какое духовенству угодно было придать школѣ, но не мирились съ такимъ положеніемъ школьнаго дѣла сами колонисты. Впрочемъ, возникавшія отсюда многотомныя переписки еще и доннѣ не успѣли вывести колонистскую школу изъ тѣсной рамки конфессіонализма и дать ей развитіе, солидарное съ успѣхами и потребностями колонистскаго быта; а между тѣмъ дѣло касалось полумилліоннаго населенія.

Жизнь колоній, ихъ экономическія и нравственныя потребности развивались шире и шире, а школа, коснѣя въ неподвижности, все болѣе теряла живое сочувствіе обществъ, такъ какъ результаты ея выражаются въ одномъ лишь мыслительномъ отупѣніи воспитанниковъ, которое было бы еще гораздо разительнѣе, если-бъ не сама жизнь парализировала мертвящее вліяніе школьной дрессировки. Не удивительно, что общества дѣлаютъ постоянныя, хотя до сихъ поръ и тщетныя усилія возвратить себѣ прежнее, утраченное на школу вліяніе. Напротивъ, духовенство, не ограничиваясь полнымъ самовластіемъ въ приходской школѣ, затрудняетъ своимъ вліяніемъ нерѣдко даже возникновеніе въ колоніяхъ частныхъ школъ и частнаго обученія, и пользуется въ этихъ видахъ, какъ восвѣнно-репрессивною мѣрою, штрафомъ, установленнымъ по закону за непосѣщеніе колонистскими дѣтьми приходской школы (по 3 коп. за пропускъ). Все это привело къ тому, что теперь во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ болѣе или менѣе открытый разладъ по вопросу о школѣ: духовенство упорно отстаиваетъ ортодоксально-конфессіональную программу школъ и связанное съ нею право свое на исключительное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ; колонистскія общества, напротивъ, требуютъ расширенія программъ школъ и непосредственнаго на нихъ вліянія. На всѣ настоянія объ улучшеніи приходскихъ школъ духовенство отвѣчаетъ: уве-

личивайте число училищныхъ домовъ и учителей, а программа вполне удовлетворительна и никакого расширенія не требуетъ. Но какова эта программа и каковы успѣхи преподаванія — это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ поволжскихъ колоніяхъ заведенъ порядокъ, что лицо, помогающее канторь-учительской должности, обязано подвергнуться предъ синодальнымъ собраніемъ пасторовъ испытанію по программѣ: 1) читать понятно и съ выраженіемъ, по-нѣмецки; 2) подробно знать библейскую исторію и катехизисъ, и имѣть нѣкоторое искусство въ катехизации; 3) хоральное пѣніе и, если возможно, игра на органѣ; 4) чистописаніе и правописаніе безъ грубыхъ ошибокъ, по-нѣмецки, и 5) четыре ариметическія правила — до дробей ¹⁾. Вотъ такіе-то убогіе преподаватели-грамотѣи, вооруженные библіею, библейскою исторіею и печатаемыми вдовье-сиротскою кассою сборникомъ гимновъ и катехизисомъ, какъ единственными учебными руководствами, наставляють въ теченіе восьми лѣтъ умуразуму вѣждаго колонистскаго ребенка. Послѣ этого неудивительно, что изъ числа подвергавшихся въ 1862 г. испытанію 56,031 мужчинъ поволжскихъ колонистовъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста, изъ 100 челов. читали печатное 73⁰/₀; разбирали печатное 11⁰/₀; не умѣли вовсе читать 15⁰/₀; писали — свободно 6⁰/₀; одно имя свое 52⁰/₀; совершенно не писали 41⁰/₀; знали четыре дѣйствія ариметики 5⁰/₀; разбирали цифры — 52⁰/₀; не знали ни одной цифры /oC7o.

Наглядную картину наружной обстановки школы въ колоніяхъ даетъ намъ управляющій саратовскою конторою, посѣтившій въ исходѣ зимы 1867 и 1868 г. школу колоніи Лѣсного-Карамыша. «Училищный домъ — говоритъ онъ — весьма приличной наружности, значительныхъ размѣровъ и состоитъ изъ одной залы съ 18-ю окнами въ долевыхъ стѣнахъ. Я нашолъ въ нихъ сидящими 450 челов. учащихся, въ томъ числѣ до 100 дѣвочекъ, отъ 7—15 лѣтъ, и это было только половинное число, такъ-называемый утренній влассъ; другіе 450 чел. приходятъ учиться послѣ обѣда. Сидѣли всѣ на весьма узкихъ, тонкихъ и длинныхъ доскахъ или скамейкахъ, держа въ рукахъ книги на вѣсу, потому что столовъ при скамейкахъ не было, а близъ каедръ расположены были 3 или 4 стола, для обученія письму избранныхъ. У учителя былъ помощникъ, занимавшійся съ азбучниками (челов. до 100) въ полголоса и отдѣльно съ каждымъ, въ то самое время, какъ учитель выслушивалъ громкое чтеніе за-

¹⁾ О католическихъ школахъ уже не для чего и распространяться: тамъ косяды не ставятъ сельскому учителю даже этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ требованій.

тѣтничковъ (Testamentschüler); отвѣты же по другимъ учебнымъ предметамъ давались постоянно оглушающимъ хоромъ. Въ сторонѣ, на окнѣ, я замѣтилъ свѣжую таловую палочку въ полдюйма толщины и длиною въ аршинъ. Дѣти сидѣли чрезвычайно тѣсно, въ верхнемъ платьѣ и въ мокрой отъ снѣга обуви; почти у всѣхъ лица были въ поту. Не смотря на солнечное утро, среди залы едва можно было читать, до того она наполнена была какимъ-то паромъ; сопровождавшіе меня, непривыкшіе къ школьной атмосферѣ люди, скрылись чрезъ четверть часа. Слѣдовало уже ожидать, что при такой обстановкѣ о преподаваніи, въ смыслѣ умственнаго развитія, не могло быть и рѣчи; все ограничивалось строжайшимъ выполненіемъ школьнаго механизма, безъ чего конечно и нельзя было бы держать эту массу живыхъ тѣлъ въ неподвижномъ порядкѣ. Посѣтилъ я также и послѣобѣденный урокъ, въ которомъ участвовали другіе 450 чел. учащихся. Когда я раздумывалъ, какія тѣлесныя и тѣмъ паче нравственныя усилія потребны учителю на одно то, чтобы поддерживать только дисциплину въ четыреста-главой толпѣ существъ, на глаза вдругъ попала видѣнная мною поутру палочка, но она была вся обломана и оставалось отъ нея не много больше того, сколько можно въ рукѣ держать. Тутъ я догадался о дисциплинарномъ секретѣ, и догадку мою подтвердилъ послѣ самъ учитель, рассказавшій, что средневѣбовыя пали (удары палкой или линейкой по ладони) царствуютъ во всѣхъ волонистскихъ школахъ.»

«На нагорной сторонѣ, — объяснялъ тому же управляющему одинъ изъ учителей, — пасторы большею частью запретили шульмейстерамъ свободное объясненіе данныхъ въ руки имъ учебныхъ книгъ. Хотя пасторы собственно и не подають вида, что запрещаютъ, но если о томъ про кого узнають, то назовутъ гордецомъ, глупцомъ и при первомъ случаѣ, хотя и подъ другимъ предлогомъ, дадутъ почувствовать, что шульmeisterъ не смѣетъ ни на шагъ отступать отъ буквы. «Что значитъ Богъ, грѣшникъ, покаяніе, вѣра и т. п., все содержится въ этой книгѣ, пусть только дѣти выучатъ это наизусть, и ваша обязанность будетъ совершенно исполнена; объясненіе же дозволяется только пастору.» Вотъ — по указаніямъ пасторовъ — граница учительскаго преподаванія.

«Я — пояснялъ другой учитель своему товарищу — прочитываю ученикамъ каждый вопросъ 30—50 разъ и заставляю это дѣлать ученика; потомъ заставляю всѣхъ пропѣть тоже самое 50 или 100 разъ сряду; потомъ раздаю 5—10 ударовъ по рукамъ палкой тѣмъ, кто не перескажетъ наизусть».

«Понятно — заключаетъ авторъ цитуемой нами записки — что такое обученіе есть несказанное мученіе и для учителя и для учащихся, при чемъ убиваются и охота, и силы, и время для занятія другими предметами; а между тѣмъ это вездѣ такъ, и автору извѣстенъ только одинъ пасторъ, который высказалъ не-удовольствіе на счетъ безконечнаго заучиванья наизусть и всего, что есть неудобнаго въ школахъ, и уже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предпринялъ измѣненія. Одна глава изъ малаго Лютерова катехизиса, извѣстное число библейскихъ текстовъ, часто превосходящее силы учениковъ, и одна церковная пѣснь 3—12 стиховъ — задаются ученику еженедѣльно для выучиванья наизусть. Никакихъ объясненій не предпосылается. Въ преподаваніи библейской исторіи употребляются иногда также забавные методы. Такъ одинъ учитель, считавшійся у своего начальства за дѣльнѣйшаго и лучшаго, желая удивить своимъ искусствомъ, рассказывалъ, что дѣти у него ежедневно выучиваютъ по нѣскольку библейскихъ рассказовъ. Это дѣлается такъ: каждый ученикъ по порядку выучиваетъ двѣ строчки изъ библейской исторіи, и какъ учениковъ у него очень много, то съ этимъ предметомъ онъ скоро покончитъ. Его спросили: неужели въ самомъ дѣлѣ мѣстный пасторъ желаетъ, чтобы вся община, взятая вмѣстѣ, знала библейскую исторію, а не каждый членъ общины порознь. Шулмейстеръ отвѣтилъ: «право, не знаю, только пасторъ велитъ всегда отвѣчать изъ исторіи хоромъ». Другому шульмейстеру сказалъ кто-то, увидѣвъ, что дѣти на каждый вопросъ даютъ отвѣтъ слово-въ-слово по книгѣ, но безъ всякаго размышленія и совершенно не впадаютъ, что такой методъ не побуждаетъ дѣтей къ мысленію. Этимъ-то методъ и хорошъ, наивно отвѣтилъ шульмейстеръ».

Поземельно-экономическій кризисъ, переживаемый колоніями южнаго края Россіи въ вопросѣ о безземельныхъ, содѣйствовало многимъ и уясненію вопроса училищнаго. Давно уже изъ среды волонистовъ стали раздаваться голоса о необходимости улучшенія хозяйственныхъ приемовъ и способовъ. Долгое время шла рѣчь о превосходствѣ того или другого приема, способа, орудія или системы хозяйства; но мало-по-малу началъ устанавливаться и входить въ сознаніе болѣе широкій взглядъ. Было, наконецъ, признано, что всякіе толки объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ поселянъ будутъ лишь ничтожными пальятивами, или даже бесплоднымъ толченіемъ воды до тѣхъ поръ, пока не поднимется общій уровень школьнаго образованія, какъ главнѣйшее средство для достиженія дѣйствительныхъ хозяйственныхъ успѣховъ. «Почему — спрашивалъ между прочимъ одинъ изъ проповѣдывавшихъ

эту мысль голосовъ ¹⁾—не подвигаемся мы, колонисты, впередъ въ нашемъ хозяйствѣ, или боимся даже обычное дѣлать иначе, лучше, вопреки примѣру людей разумныхъ?... Недостатокъ свѣдѣній и незнаніе самихъ себя, нашего призванія и нашихъ обязанностей,—вотъ что тому причиною. Человѣкъ обязанъ знать себя и свой промыселъ, чтобы быть господиномъ того и другого. Школы наши, я думаю, большинство ихъ, должны давать болѣе средствъ первоначальнаго образованія. Наставники въ нихъ обязаны умѣть отгадывать способности своихъ учениковъ и заботиться, чтобы этотъ Божій даръ не оставался втунѣ и не погибалъ, но, напротивъ, былъ поощряемъ и развиваемъ вполне. У насъ есть школы, но онѣ должны несравненно болѣе соответствовать своему назначенію; между нашими учителями есть люди дѣльные, исполняющіе честно свои высокія обязанности, но число такихъ наставниковъ слишкомъ недостаточно.»

«Есть два высшихъ хозяйственныхъ уровня, съ поднятіемъ на которые наши урожаи должны бы удвоиться» — продолжаетъ тотъ же голосъ. «Для достиженія первой ступени — недоста-етъ намъ машинъ и свѣдѣній; чтобы подняться на вторую,— намъ необходимо знать сельско-хозяйственную химію. Итакъ, у насъ нѣтъ машинъ и аппаратовъ?.. Нѣтъ, въ нихъ-то недостатка мы не встрѣчаемъ; они имѣются въ избыткѣ; но намъ недоста-етъ свѣдѣній, чтобы должнымъ образомъ воспользоваться ими; однимъ словомъ—намъ необходимо учиться».

Уже изъ этихъ словъ видно, какое высокое назначеніе ко-лонисты даютъ своей сельской школѣ, и какъ въ дѣйствитель-ности она далека отъ этой цѣли. «Чтобы поселенинъ-хозяинъ, говорится въ концѣ приведенной нами статьи, обрабатывалъ свою землю правильно; чтобы ремесленникъ производилъ издѣлія со-лидныя; чтобы облеченный довѣріемъ общества колонистъ испол-нялъ свою должность съ честью и на пользу своихъ сообщест-венниковъ, и чтобы вообще всякій успѣшно дѣйствовалъ въ сво-емъ призваніи, для того всѣми средствами должно заботиться о школѣ и школьномъ образованіи, такъ какъ школа обязана быть разсадникомъ просвѣщенія, безъ котораго во всѣхъ условіяхъ жизни успѣхъ немислимъ ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ иныхъ сферахъ дѣятельности».

Тѣ же самыя мысли и требованія высказывались и со стороны интеллигенціи поволжскихъ колоній. Послѣдствія, какъ увидимъ ниже, показали, что «сельско-хозяйственная проповѣдь колони-

¹⁾ Landwirthschaftliche Predigt eines Kolonisten. Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. Odessa. 1865 №№ 2 и 4.

ста» и вторившіе ей голоса выражали не столько личное мнѣніе отдѣльныхъ поселенцевъ, сколько ясно сознанныю большинствомъ населенія общественную потребность.

IV.

Выше мы указали на стремленіе правительства направить колонистовъ къ ознакомленію съ русскимъ языкомъ, а равно на безуспѣшность попытокъ — достигнуть этой цѣли при посредствѣ сельскихъ школъ. Такая неудача привела къ учрежденію центральныхъ русскихъ училищъ. Подчиняясь надзору и руководству административнаго попечительства, училища эти получили главнѣйшимъ назначеніемъ — подготовленіе изъ среды колонистовъ учителей русскаго языка. При этомъ имѣлось въ виду, что воспитанники центральныхъ училищъ, по окончаніи ими курса, будутъ преподавать русскій языкъ въ той же сельской школѣ, не стѣсняя впрочемъ конфессіональной программы послѣдней. Исторія центральныхъ училищъ и ихъ результаты настолько характеристичны и поучительны, что читатель конечно не постѣуетъ, если мы войдемъ въ подробности, объясняющія истинныя причины малаго знакомства массы колонистовъ съ русскимъ языкомъ. Мысль о необходимости этого языка для поселенцевъ также стара, какъ самыя колоніи; но прошлое столѣтіе и въ этомъ отношеніи предоставило ихъ самимъ себѣ. Изъ словъ всеподданнѣйшаго доклада сената, которымъ учреждалась въ 1765 году саратовская контора опекунства «на то лишь время, пока сіе иностранное населеніе, *вошедъ во всѣ російскіе обычаи*» и т. д., видна, какъ бы увѣренность правительства, что «россійскіе обычаи» и прежде всего конечно русскій языкъ, привьются къ поселенцамъ очень скоро и очень легко. Насколько наивна и ошибочна была эта надежда, въ томъ не трудно было бы убѣдиться тогда же; стоило только, во-первыхъ, вникнуть по-серьезнѣе въ практическій смыслъ выраженія «вошедъ во всѣ російскіе обычаи»; во-вторыхъ, сопоставить уровень нравственнаго развитія и хозяйственнаго бмта нашихъ крестьянъ съ сельскимъ бытомъ Германіи, представителями котораго сознавала себя сбродная толпа нѣмецкихъ выходцевъ, поставленная при томъ и у насъ въ совершенно отличныя отъ нашего крѣпостника общественныя условія; наконецъ, въ-третьихъ, обратить вниманіе на компактность колонистскаго водворенія и малочисленность въ то время русскаго населенія, имѣвшагося по обѣ стороны Волги, въ нынѣшней Самарской и Саратовской губерніяхъ только въ видѣ

скудно разбросанных на дальнихъ разстояніяхъ поселеній и хуторовъ. Но — по словамъ одного изъ нашихъ ученыхъ—жизнь наша всегда шла своей дорогой, а голова—своей. Такъ было и здѣсь; лицамъ почитавшимъ такимъ легкимъ дѣломъ для колонистовъ усвоеніе «россійскихъ обычаевъ», да при томъ еще и «всѣхъ», не приходило, конечно, на мысль — справиться, что думаютъ объ этихъ обычаяхъ сами поселенцы. А послѣдніе, при всей негодности своей, вволю тѣшились въ это время виршами оборванца Платера, который, дошедши въ своей поэмѣ до зимовки переселенческой партіи въ селеніяхъ около Торжка, описываетъ бытъ и нравы русскихъ крестьянъ. Это описаніе, образчикъ котораго приводимъ въ выносѣ¹⁾, отличается, правда, почти фотографическою вѣрностью; но едвали такая картина могла подвинуть пришельцевъ «войти во всѣ россійскіе обычаи». Во всякомъ случаѣ задача эта, будучи дѣйствительно поставлена нашимъ поселенцамъ, привела бы ихъ въ крайнее смущеніе; но по всей вѣроятности, не менѣе колонистовъ смутились бы и сами гг. сенаторы, еслибъ отъ нихъ потребовали ближайшаго опредѣленія: въ какіе именно русскіе обычаи должны войти колонисты. На самомъ дѣлѣ до подобнаго обмѣна мыслей не дошло: фраза осталась фразою; формальная сторона дѣла была удовлетворена, а о сущности, вызвавшей и дѣлавшей фразу необходимою, никто не подумалъ. Только чрезъ 18-ть лѣтъ, при Павлѣ, когда колоніи оказались разоренными и обнищавшими, а населеніе въ отчаяніи взывало о помощи и защитѣ, только теперь сдѣлался яс-

1) Obschon mein neu Quartier
 Sehr traurig thät aussehen,
 Doch must ich mit Geduld
 Dies alles überstehen,
 Dieweil ich mich erfreut
 Die Russen anzuschauen;
 Sah mit Verwund'ung an
 Wie sie ihr Land bebauen;
 Das wird nicht recht gepflegt,
 Nicht ordentlich besäet,
 Und wenn die Früchte reif
 Von Herzen schlecht gemäht.
 Da ruht auf manchem Land
 Ja, wirklich reicher Segen,
 Doch hier an dem Verstand
 Der Bauer sehr vorlegen,
 Dann nehmen sie ein Pferd,
 Mit ein klein Wägelein,
 Und legen's auf ein Hauf':
 Das muss die Scheuer sein,

Der Regen, Wind und Schnee
 Der muss nun Ordnung halten,
 Hans Russmann sitzt im Hauss
 Thut weiter Nichts verwalten
 Bis dass die grösste Noth
 Und ihn der Hunger treibt.
 Nun spricht er: «Matschka komm;
 Hol' was noch übrig bleibt»
 Dann nimmt er dickes Holz
 Fängt grausam an zu schlagen,
 Ja, wenn ich es ausah,
 Ich thue bald verzagen,
 Dass so ein Unverstand
 Und reicher Segen war;
 Vor Faulheit stinkt der Russ,
 Das ist ja hell und klar.
 Sonst Russlands Gegenden,
 So ich bisher gesehen,
 An Holz und Wies' und Feld
 Kann allezeit bestehen, u. s. w.

нымъ глубокой смыслъ тѣхъ условій, которыхъ надѣялись обойти одною пустою фразою. Волей-неволею приходилось выбирать одно изъ двухъ—или дать окончательно погибнуть колоніямъ, или же возвратиться къ прежнимъ порядкамъ ихъ управленія, т. е. возстановить для нихъ отдѣльныя управленія и т. д. Но даже и теперь еще никто не сознавалъ необходимости обученія колонистовъ русскому языку. Одинъ лишь сенаторъ Габлицъ, при ревизіи имъ въ 1800 — 1802 годахъ поволжскихъ колоній, принялъ мѣры къ обученію колонистовъ русскому языку; онъ распорядился, «избравъ по каждому обругу изъ сиротъ или большихъ семействъ по одному мальчику, помѣстить ихъ въ саратовское народное училище на счетъ общества, а по окончаніи ими ученія, опредѣлить ихъ въ тѣ округа для исправленія писарскихъ должностей». Въ какой степени это распоряженіе было исполнено, и какія оно имѣло послѣдствія, о томъ нѣтъ свѣдѣній: но вѣрно то, что этимъ, въ сущности совершенно ничтожнымъ пальятивомъ, все дѣло и ограничилось. Въ послѣдующіе годы о преподаваніи колонистамъ русскаго языка—рѣчи вовсе не было ни въ поволжьѣ, ни на югѣ Россіи.

Въ 1820 году, предсѣдатель саратовской (нынѣ московской) евангелическо-лютеранской консисторіи, суперинтендентъ Фесслеръ вновь поднялъ вопросъ о настоятельности рѣшительныхъ мѣръ къ улучшенію сельской школы въ колоніяхъ вообще. Онъ требовалъ расширенія учительскихъ правъ и училищныхъ помѣщеній и учрежденія *особой учительской семинаріи*, «дабы можно было имѣть способныхъ учителей для школъ». По его расчету, на устройство семинаріи требовалось установленія особаго общественнаго сбора съ колонистовъ «по 54 коп. съ души». Но министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшее въ то время колоніями, отозвалось на предположеніе Фесслера, что «сборъ съ колонистовъ денегъ на семинарію, при отбываніи ими другихъ общественныхъ повинностей, будетъ для нихъ обременителенъ; что въ учрежденіи семинаріи особенной надобности не предвидится; что лучше бы поискать двухъ или трехъ хорошихъ учителей и, назначивъ имъ съ согласія колонистовъ достаточное жалованье, употребить ихъ для сформированія нужнаго числа сельскихъ учителей; что ученіе колонистовъ должно быть ограничено преподаваніемъ догматовъ вѣры, чтеніемъ, письмомъ и простою ариемегикою; желающіе же изъ богатыхъ колонистовъ, по уваженію дарованій дѣтей своихъ, расширить кругъ ихъ познаній, могутъ отдавать оныхъ учиться въ народныя училища, гимназіи и университеты». Итакъ, не говоря уже о болѣе широкомъ народномъ образованіи, и теперь еще не созрѣла даже мысль о необходимости для

массы колонистовъ русскаго языка. Объ этой настоятельной нуждѣ пришлось вновь напомнить никому другому, какъ мѣстному пастору-нѣмцу.

Въ 1825 году, пасторъ Лѣсно-Карамышскаго прихода Конради обязывался «учредить въ колоніи Лѣсномъ - Карамышѣ, Саратовской губерніи, училище для обученія до 50 — 60 колонистскихъ дѣтей *россійскому языку*, дабы приспособить оныхъ къ должностямъ сельскихъ начальниковъ и земскихъ писарей». Основанія были указаны слѣдующія: а) программа — законъ Божій, священная исторія, русскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, географія и церковное пѣніе; б) преподаваніе, подъ надзоромъ пастора, возлагается на двухъ учителей — одного для русскихъ предметовъ, съ жалованьемъ на первый случай по 800 рублей, и другого для нѣмецкихъ предметовъ, съ жалованьемъ по 500 руб.; сверхъ того, колоніальному шульмейстеру за обученіе пѣнію полагается по 200 руб.; в) расходы на училище покрываются: платою за ученіе по 30 руб. въ годъ съ ученика, добровольною подпискою и пособіемъ изъ «штрафной суммы» ¹⁾ саратовской конторы; г) «имѣя главнѣйшимъ предметомъ обученіе воспитанниковъ *россійскому языку*, училище подчиняется не консисторіи, а главному судѣ саратовской конторы опекунства; отъ него будетъ зависѣть увольненіе, опредѣленіе и представленіе къ наградамъ учителей». Съ предположеніемъ этимъ вполне согласилась и евангелическая консисторія, контора же опекунства неоднократно выражала свое особенно горячее сочувствіе. Представляя проектъ училища на утвержденіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, контора доказывала между прочимъ, что «русскій языкъ весьма нуженъ не только всѣмъ иностраннымъ поселенцамъ, входящимъ съ русскими въ сношеніе, но въ особенности онъ необходимъ сельскимъ и окружнымъ начальникамъ, а между тѣмъ оный нигдѣ въ колонистскихъ приходскихъ школахъ не преподается». Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно 3-го октября 1828 года, департаментъ государственнаго хозяйства далъ отвѣтъ. Выразивъ сомнѣніе, чтобы «предполагаемое училище имѣло желаемый успѣхъ, тѣмъ паче, что нѣтъ ничего твердаго ни въ источникахъ содержанія его, ни въ приобрѣтеніи способныхъ учителей», департаментъ поручалъ конторѣ — «войти съ духовнымъ начальствомъ колоній въ разсмотрѣніе, нельзя ли

¹⁾ Въ прежнее время, всѣ взыскивавшіеся съ колонистовъ денежные штрафы, поступали не въ мірскія кассы по принадлежности, а въ «штрафной капиталъ», который, какъ принадлежность цѣлаго водворенія, употреблялся на разныя общественныя нужды.

учредить въ колоніяхъ простыя, хорошія сельскія школы, гдѣ бы, кромѣ закона, обучались колонистскія дѣти читать и писать хорошо и основательно по-нѣмецки и по-русски, и первымъ правилами ариѳметики; если же которые мальчики окажутъ охоту и способности къ вѣдшему обученію, таковымъ предоставить обучаться въ губернской гимназіи». Вслѣдствіе такого разрѣшенія, заговорила инымъ языкомъ и консисторія. Вопреки прежнему мнѣнію своему, она находила, что «обученіе російскому языку въ церковныхъ школахъ (сельская школа обратилась уже въ церковную) ввести нельзя по той причинѣ, во-первыхъ, что нѣтъ способныхъ, знающихъ этотъ языкъ шкульмейстеровъ; а во-вторыхъ, что такое введеніе не только будетъ бесполезно, но и во вредъ главному предмету—завону Божію; отъ заведенія же двухъ особыхъ училищъ, одного въ колоніяхъ нагорной, а другого въ колоніяхъ луговой стороны (какъ полагала контора, примѣняясь къ указаніямъ свыше), также нельзя ожидать пользы, ибо колонисты, кои пожелаютъ выучить своихъ дѣтей по-русски, охотнѣе помѣстятъ оныхъ въ городскія народныя училища и гимназіи». Пасторъ Конради также отступился отъ своего предложенія, и такимъ образомъ новое въ министерство представленіе конторы, въ которомъ она пыталась спасти свой первоначальный проектъ, осталось тоже безъ желаемаго результата.

Съ этого времени рвеніе къ улучшенію школъ, слабѣя постепенно, исчезло наконецъ совершенно даже въ лучшихъ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Мало того, возраставшія изъ года въ годъ потребности населенія въ лучшемъ обученіи привели его сперва къ частнымъ столкновеніямъ съ отдѣльными пасторами, а за тѣмъ почти къ открытому разладу со всею духовною іерархіею.

Наконецъ, въ 1833 году, вопросъ о преподаваніи колонистамъ русскаго языка былъ поднятъ уже мѣстнымъ губернаторомъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его о состояніи Саратовской губерніи. Описывая цвѣтущее положеніе поволжскихъ колоній, онъ удостовѣрялъ, что «немногіе изъ колонистовъ, и то съ трудомъ, объясняются по-русски, а потому всѣ они почитаютъ себя германцами, не знаютъ нашихъ законовъ, полицейскія требованія и повинности исполняютъ медленно и примѣтно стараются избѣгать всякаго сообщенія съ русскими». По особому высочайшему повелѣнію, эта статья отчета, чрезъ комитетъ министровъ, была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ, потребовавшее, конечно, отзыва и заключенія саратовской конторы. Последняя, спѣша повидимому извлечь возможную пользу изъ благоприятнаго оборота, принятаго училищнымъ дѣломъ, предположила учредить

пять отдѣльныхъ русскихъ школъ, по одной на каждые два округа колоній, всего на 306 учениковъ, съ тѣмъ, чтобы «курсъ ученія продолжался шесть лѣтъ, а по истеченіи сего срока, взаимнѣ сихъ училищъ, преподаваніе русскаго языка обязательно было введено въ каждой колоніи». Но такой рѣшительный пріемъ не входилъ въ виды правительства. Еще въ томъ же 1833 году, высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ повелѣно: «во избѣжаніе издержекъ, потребныхъ на заведеніе сихъ школъ (согласно проекту конторы), ограничить на первый разъ учрежденіе оныхъ въ саратовскихъ колоніяхъ *только двумя школами*, съ назначеніемъ для каждой *только по 25 учениковъ*, съ тѣмъ, чтобы заведеніе оныхъ въ прочихъ колоніяхъ, *если сіе окажется нужнымъ*, отложить до заплаты поселенцами казенныхъ долговъ». Такимъ образомъ, возникли наконецъ первыя двѣ русскія школы для колонистовъ, получившія впослѣдствіи, наравнѣ съ подобными же учрежденіями въ южныхъ колоніяхъ, названіе *центральныхъ училищъ*. Но изъ словъ закона 1833 года видно, что сознаніе въ безусловной необходимости болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у колонистовъ, или хотя бы для ознакомленія ихъ съ русскимъ языкомъ, все еще не созрѣло; допускалось, правда, увеличеніе числа училищъ, но не ранѣе какъ по уплатѣ колонистами казенныхъ долговъ, и въ томъ только случаѣ «если сіе окажется нужнымъ». Конечно, не требуется особенной прозорливости, чтобы впередъ быть убѣжденнымъ въ полной несостоятельности даже тѣхъ двухъ скромныхъ школъ, которыя пробилась на Божій свѣтъ, благодаря непосредственному вмѣшательству высочайшей власти.

И въ самомъ дѣлѣ, оба училища — *екатеринштадтское*, въ Самарской, и *лѣсно-карамышское*, въ Саратовской губерніи, — вовсе не достигли своей главной цѣли. Начался рядъ перемѣщеній этихъ учрежденій изъ мѣста въ мѣсто, временнаго слитія и раздѣленія ихъ вновь, постепеннаго расширенія программы преподаванія, усиленія содержанія учителей и учебныхъ способовъ и т. д.; исписаны груды бумагъ, составлено, рассмотрѣно и отвергнуто или принято безконечное число мнѣній, предположеній и отзывовъ, а главнаго — приготовленія училищами хотя бы обывновенныхъ хорошихъ шульмейстеровъ, не говоря уже о русскихъ учителяхъ, все-таки не достигнуто. Правда, по соединеніи, въ 1858 году, обоихъ училищъ въ одно, екатеринштадтское, оно получило довольно обширные размѣры и на него тратится ежегодно общественный сборъ по 6½ коп. съ ревизской души всѣхъ саратовско-самарскихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе, училище не удовлетворяетъ потребности населенія ни въ

учителяхъ, ни даже въ общеобразовательномъ смыслѣ: рядомъ съ училищемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начало слагаться частное товарищество изъ колонистовъ, занятое составленіемъ капитала на учрежденіе въ той же колоніи Еватеринштадтъ реальной прогимназіи, и капиталъ товарищества достигъ уже довольно почтенныхъ размѣровъ. Съ другой стороны, колонисты Саратовской губерніи, обративъ въ непривосновенный училищный фондъ часть своихъ общественныхъ капиталовъ въ размѣрѣ, потребномъ на содержаніе особаго двухкласснаго центрального училища, съ классомъ приготовительнымъ, всего приблизительно на 150 вольноприходящихъ учениковъ, открыли училище это въ колоніи Лѣсномъ-Карамышѣ, гдѣ выстроены особый училищный домъ, съ квартирами для учителей и всѣми необходимыми удобствами по хозяйству.

Во всякомъ случаѣ, вновь открытое лѣсно-карамышское центральное училище едва ли не превзойдетъ екатеринштадтское по обширности и обращаемымъ на него обществами способамъ.

Не съ большимъ успѣхомъ шло учрежденіе центральныхъ русскихъ училищъ и въ колоніяхъ южнаго края Россіи, гдѣ постепенно возникли училища: *саратское, хортицкое, гальштадтское и пришибское.*

Въ 1823 году, прибылъ въ Бессарабію извѣстный уже читателю виртембергскій купецъ Хр. Фр. Вернеръ, энтузіастъ, не чуждый тенденціозныхъ стремленій Линдля. Поселившись въ новомъ Саратовѣ, онъ еще въ томъ же году умеръ, отказавъ, по завѣщанію, саратовскому обществу капиталъ въ 25½ тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала было устроено и содержалось «учебное заведеніе для образованія изъ колонистовъ пасторовъ - миссіонеровъ». Къ этому капиталу были присоединены еще 4,500 рубл., пожертвованныя для подобной же цѣли извѣстнымъ намъ Контеніусомъ; но только въ 1844 году, послѣ долгихъ переговоровъ съ душеприказникомъ Вернера, саратовскимъ оберъ-шувльцемъ Фейгелемъ, послѣдовало открытіе въ Саратовѣ центрального училища.

Вслѣдъ за тѣмъ были открыты и остальные изъ вышеназванныхъ училищъ.

Условія открытія и существованія всѣхъ такихъ центральныхъ училищъ обрисовываютъ самымъ нагляднымъ образомъ тѣ отношенія, въ какія постоянно ставило себя попечительство, съ одной стороны, въ меннонитскому братству, а съ другой, въ остальнымъ колонистскимъ обществамъ и ихъ духовенству. Если въ отношеніи меннонитскихъ центральныхъ училищъ признавалось достаточнымъ обусловить открытіе училищъ — однимъ един-

ственно обязательнымъ — «преподаваніемъ русскаго языка», то, напротивъ, положенія саратскаго и пришибскаго училищъ доказываютъ стремленіе правительства — регламентировать и хозяйственную, и учебную часть этихъ заведеній соотвѣтственно собственнымъ цѣлямъ, не вполне совпадавшимъ съ видами учреждений. При очевидномъ, прямо вытекающемъ изъ сущности училищныхъ положеній желаніи — обратить названныя два заведенія въ питомники учителей, обязанныхъ преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ русскаго языка, правительство не умѣло однако отрѣшиться отъ мысли о необходимости подчиненія подобныхъ заведеній главному надзору и руководству духовенства. Если въ положеніи саратскаго училища главный надзоръ по учебной части предоставленъ не пастору, а попечителю изъ колонистовъ и приказу, то это только благодаря положительной волѣ завѣщателя и его душеприкащика, и здѣсь положеніе пыталось-было обезпечить за пасторомъ болѣе широкое вліяніе на училище, хотя-бы косвеннымъ путемъ, возложеніемъ на него, сверхъ закона Божія, еще и преподаванія нѣмецкаго языка. Но мы видѣли, что даже въ настоящемъ случаѣ, когда цѣль заведенія была «болѣе духовно-конфессіональная, нежели свѣтская», колонистское общество, въ лицѣ своего оберъ-шульца и душеприкащика завѣщателя, само признало необходимымъ устранить излишнее вліяніе пастора, настоявъ на ограниченіи его обязанностей по училищу однимъ преподаваніемъ закона Божія.

Итакъ, правительство, заботливо устраняя отъ центральныхъ училищъ характеръ конфессіональный, — стремилось тѣмъ не менѣе къ подчиненію, по возможности, учебной части и самаго направленія этихъ заведеній надзору и руководству пастора, т. е. главному представителю конфессіонализма. Это явное противорѣчіе. Съ другой стороны, кажется не менѣе противорѣчивымъ еще и то, что саратское общество, настаивая по волѣ завѣщателя на исключительно конфессіональномъ характерѣ училища, въ тоже время, требовало отъ правительства ограниченія предоставленнаго имъ пастору вліянія на заведеніе. Отказываясь отъ ближайшаго разъясненія перваго противорѣчія, мы едва ли ошибаемся, утверждая, что во второмъ случаѣ противорѣчивыя стремленія общества имѣли источникомъ опасеніе тѣхъ же со стороны пастора «деспотическихъ замашекъ» и попытокъ «обскурантизма», которыми около того времени успѣла уже заявить себя въ дѣлѣ народной школы ортодоксальная партія въ Германіи, оказывавшая всегда не ничтожное вліяніе на духъ и направленіе протестантскаго духовенства въ Россіи.

Но какія бы здѣсь причины ни дѣйствовали, тотъ фактъ не-

сомнѣненъ, что всѣ центральныя училища и до сего времени не ввели въ сельскія школы преподаванія русскаго языка. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія правительства и насущныхъ интересовъ населенія, главная цѣль этихъ заведеній вовсе не достигнута и, полагаемъ, собственно потому во-первыхъ, что самая организація учебной части училищъ не соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, а во-вторыхъ, что училища эти стоятъ особнякомъ, безъ прямой органической связи съ сельскими школами. Если и проникнетъ сюда учитель—воспитанникъ центральныхъ училищъ, то не иначе, какъ чрезъ посредство приходскаго священника, т. е. въ качествѣ кантора или вистера, а не народнаго учителя. Но, въ этомъ случаѣ винить исключительно одно духовенство было бы не вполне справедливо, такъ какъ ни одно изъ центральныхъ училищъ не давало такихъ наставниковъ, которые, по окончаніи курса, стояли бы выше обыкновенныхъ рутинеровъ, заправляющихъ школами въ колоніяхъ. Такъ въ 1867 году, изъ 6-ти воспитанниковъ екатеринштадтскаго центральнаго училища, снабженныхъ аттестатами объ окончаніи ими полнаго курса ученія, только двое были признаны синодомъ достаточно подготовленными для канторь-учительской должности, тогда какъ екатеринштадтское училище несомнѣнно лучшее изъ всѣхъ заведеній этого рода. За центральными училищами остается лишь та заслуга, что они снабдили колонистскіе приказы достаточнымъ числомъ отличныхъ писарей окружныхъ и сельскихъ; — другіе же изъ воспитанниковъ съ честью занимаютъ разныя выборныя должности по общественной службѣ.

Такъ шло дѣло до послѣдняго времени, когда широкое развитіе хозяйственной дѣятельности колонистовъ, ихъ возрастающая стѣсненность по землевладѣнію, включеніе поселенцевъ на общемъ основаніи въ составъ земства, и наконецъ предстоящее подчиненіе ихъ общимъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждениямъ, общимъ суду и полиціи, привели и массу колонистовъ къ сознанію необходимости въ болѣе широкомъ и соотвѣтствующемъ ихъ быту школьномъ образованіи, и особенно въ изученіи русскаго языка, безъ основательнаго знанія котораго, по осуществленіи реформы во всѣхъ ея частяхъ, колонисты оказались бы на практикѣ болѣе безправными, нежели всѣ остальные наши сельскіе обыватели.

Въ виду такихъ условій, лѣтомъ 1866 года, состоялся въ Одессѣ съѣздъ полномочныхъ представителей всѣхъ колонистскихъ обществъ южнаго края Россіи. О съѣздѣ этомъ и о выработанныхъ имъ правилахъ по взаимному отъ огня застрахованію строеній и учрежденію волостныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ—нами

упомянуто уже выше. Новая и, по достигнутымъ результатамъ, важнѣйшая сторона дѣятельности сѣзда выразилась въ мѣрахъ, принятыхъ имъ въ пользу школьнаго дѣла.

Не имѣя права непосредственно касаться приходскихъ школъ, одесскій сѣздъ уполномоченныхъ обратилъ тѣмъ болѣе серьезное вниманіе на центральныя училища. Послѣднія онъ нашелъ совершенно неудовлетворительными ни по обращеннымъ на нихъ средствамъ, ни въ отношеніи программы и вообще учебныхъ способовъ. Уполномоченные высказывали убѣжденіе, что въ видахъ будущаго преуспѣянія колоній, центральныя училища должны, какъ и нынѣ, имѣть цѣлю: 1) распространеніе въ массѣ поселенцевъ знанія русскаго языка, «чтобы подрастающія поколѣнія вполне освоились въ Россіи и, овладѣвъ отечественнымъ языкомъ, содѣйствовали всеобщему благоденствію своего отечества»; и 2) образованіе «вполнѣ достойныхъ и способныхъ наставниковъ для сельскихъ школъ, писарей и должностныхъ лицъ для общественной выборной службы, на пользу поселенцевъ и всего государства».

Прежде всего, сѣздъ сдѣлалъ распредѣленіе колоній, кромѣ болгарскихъ, на 9 учебныхъ округовъ, принявъ при этомъ во вниманіе территоріальныя условія и матеріальныя способы населенія. Опредѣливъ соотвѣтственно сему число училищъ, мѣсто нахожденія и штатное положеніе каждаго изъ нихъ, уполномоченные ассигновали и необходимыя для осуществленія настоящихъ предположеній средства: а) 285,378 руб. училищныхъ и мірскихъ суммъ обращены въ неприкосновенные училищныя фонды; и б) сборомъ съ приписаннаго въ училищамъ населенія ассигновано до 8,921 р. въ годъ.

Всѣмъ учителямъ центральныхъ училищъ испрашиваются по службѣ и на пенсію права учителей уѣздныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Собственно для колонистовъ-болгаръ предположено равнымъ образомъ открыть училища: одно, въ размѣрѣ прогимназіи, въ Бессарабіи, на счетъ пожертвованныхъ обществами суммъ до 200 тысячъ рубл., и другое—въ болгарской колоніи Преславѣ, Бердянскаго уѣзда, Таврической губ., въ меньшемъ размѣрѣ, на первое время на счетъ особаго источника, съ отнесеніемъ за тѣмъ содержанія училища на обязанность подлежащихъ обществъ. Факты эти краснорѣчивѣе словъ и дѣлаютъ совершенно излишними всякія разсужденія о томъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ обращенныхъ на училищное дѣло въ колоніяхъ суммъ, нѣсколько не стѣсняя собственныхъ интересовъ колонистовъ и приводя ихъ только въ одному знаменателю съ потребностями остальныхъ

земскихъ сословій. Намъ остается завѣрить читателя, что всѣ пожертвованія колонистовъ въ пользу училищнаго дѣла составляютъ выраженіе свободной, ничѣмъ нестѣсненной воли общества, со знавшихъ истинныя свои нужды и потребности. Въ тоже время факты эти свидѣлствуютъ объ искреннемъ желаніи колонистовъ применить къ общему строю государственной жизни, доказывая ясно и неопровержимо всю несостоятельность голосовъ, увѣряющихъ, будтобы колонистское населеніе, въ принципѣ, чуждается сближенія съ остальными согражданами.

Наконецъ, замѣчательно еще то, что и одесскій сѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ устраняетъ мѣстное духовенство совершенно отъ завѣдыванія преобразовываемыми и вновь учреждаемыми центральными училищами, предоставляя ему лишь преподавательскія обязанности по закону Божію. И надо полагать, что на этотъ разъ правительство не только не впадетъ въ прежнюю ошибку, но, въ согласіи съ положеніями: крестьянскимъ 19 февраля 1861 и земскимъ—1 января 1864 года, приметъ мѣры, чтобы на будущее время и сельскія школы колонистовъ были переданы въ вѣдѣніе самихъ обществъ, на счетъ которыхъ онѣ содержатся. Такимъ образомъ, школы эти придутъ въ полную солидарность и въ непосредственно тѣсную связь съ центральными училищами. Безъ этого— послѣднія снова были бы парализованы и, во всякомъ случаѣ, не принесли бы ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ въ той мѣрѣ, какъ этого настоятельно требуютъ и пользы самихъ колонистовъ, и насущныя государственныя интересы. И едва ли мы ошибаемся, утверждая, что колонисты ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на такія огромныя жертвы, еслибъ они не были вполне увѣрены, что центральныя училища не будутъ подчинены болѣе или менѣе исключительному вліянію мѣстнаго ихъ духовенства.

Плодовъ лучшаго училищнаго образованія нужно ожидать не въ близкомъ будущемъ, а между тѣмъ настоящее доказываетъ, что многое въ колоніяхъ могло бы быть и было бы иначе, еслибы мѣры въ пользу училищнаго дѣла давно уже были приняты въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это предположено сѣздомъ колонистскихъ повѣренныхъ. Одно незнаніе колонистомъ русскаго языка лишаетъ его, внѣ предѣловъ колоній, привычной самостоятельности, самодѣятельности и вообще сознательности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ его къ окружающему обществу; оно то всегда и отклоняло многихъ отъ оставленія колоній. Это чувство недовѣрія поселенцевъ ко внѣ-колоніальной жизни поддерживалось не малочисленными примѣрами того, что болѣе рѣшительные и предприимчивые изъ ихъ среды, водворившись въ горо-

дахъ или селеніяхъ, расплачивались нерѣдко дорогою цѣною за свое незнаніе языка и вообще обще-дѣйствующихъ порядковъ, обычаевъ и т. д. Намъ лично извѣстенъ не одинъ случай, что такіе колонисты заключили на мало знакомомъ имъ русскомъ языкѣ договоры, содержаніе которыхъ имѣло вовсе не тотъ смыслъ, въ какомъ они обязывались и договаривались. Послѣдствіемъ бывали нескончаемыя тяжбы, приводившія колонистовъ въ потерѣ значительныхъ состояній, нравственнымъ страданіямъ и разстройству. Если поговорка «лучше утопиться, чѣмъ судиться» сложилась у нашего народа, которому нельзя было обойти означенной дилеммы, то неудивительно, конечно, если колонистъ, испытавъ на практикѣ глубокій смыслъ приведеннаго афоризма, возвращался въ свою колонію крайне предубѣжденнымъ противъ внѣ-колониальнаго строя и примѣромъ своимъ еще болѣе подрѣплялъ понятную недовѣрчивость своихъ однообщественниковъ во всему, что выходило за предѣлы ихъ личнаго разумѣнія и опытнаго знанія. И много ли найдется людей грамотныхъ, ясно понимающихъ юридическій смыслъ всякаго акта, и въ тоже время готовыхъ слѣпо подписывать контракты, обязательства и договоры на языкѣ витайскомъ, или вообще имъ лично незнакомомъ?—Несомнѣнно, что чѣмъ человекъ развитѣе и грамотнѣе, тѣмъ болѣе онъ встрѣтитъ сомнѣній «приложить руку» въ бумагѣ, содержаніе которой ему непонятно и лично имъ провѣрено быть не можетъ. Таково положеніе большинства колонистовъ внѣ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости.

Но давленіе экономическихъ потребностей неотразимо; волеяневолею поселенцамъ приходится пускаться за предѣлы колоній, а отсюда, уже само собою, является сознаніе въ необходимости обучаться русскому языку. И послѣднее время, независимо отъ приведенныхъ нами выше указаній, особенно богато частными случаями, доказывающими неопровержимо, что это сознаніе колонистовъ растетъ въ нихъ видимо. Такъ, въ католической колоніи Зульцъ, Херсонской губерніи, общество рѣшительно настаиваетъ (повидимому, вопреки требованію патера), чтобы къ должности сельскаго учителя было допущено избранное имъ, по большинству голосовъ, лицо, обязавшееся преподавать дѣтямъ и русскій языкъ. Мѣстное колонистское начальство, съ своей стороны, признало законность требованія общества; но, тѣмъ не менѣе, послѣднее, встрѣтивъ затрудненіе (вѣроятно, какъ уже замѣчено, со стороны приходскаго патера), обратилось о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ къ высшему начальству. Вотъ еще одинъ такой же удѣшительный примѣръ. Новоузенское уѣздное земство, со дня открытія своего, усердно занялось дѣломъ народнаго образова-

ніа. Въ 1866 году были открыты въ уѣздѣ нѣсколько земскихъ училищъ, и въ томъ числѣ два — въ колоніяхъ Тонкошуровкѣ и Эггеймѣ. Дѣла этихъ училищъ, какъ свидѣтельствуеъ отчетъ управы, оказали успѣхи свѣше всякаго ожиданія; даже для колонистовъ оказалось необходимымъ назначить пріемный экзамень, такъ какъ число дѣтей - кандидатовъ далеко превышало вмѣстимость училищныхъ зданій. По принятымъ правиламъ, воспитанники земскихъ училищъ не были обязываемы къ посѣщенію классовъ — въ пору полевыхъ работъ; но, тѣмъ не менѣе, только обыкновенное каникулярное время прервало учебный курсъ, и дѣти, не исключая колонистскихъ, оказали, по увѣренію управы, изумительные успѣхи. Къ сожалѣнію, съ 1867 года, въ новоузенскомъ земствѣ произошло попятное движеніе, послѣдствіемъ котораго было закрытіе, съ текущаго года, большинства вновь-созданныхъ училищъ, и въ томъ числѣ эггеймскаго. Но короткаго существованія училища было, повидимому, достаточно для убѣжденія эггеймскихъ колонистовъ въ его пользѣ: болѣе состоятельные хозяева изъ нихъ, чрезъ посредство мѣстнаго колониальнаго начальства, вызвались поддерживать прежнее земское училище на свой счетъ, если имъ будетъ оказано изъ общественныхъ суммъ ежегодное пособіе до 400—500 рублей, въ чемъ, мы увѣрены, не встрѣтится препятствія.

V.

Мы сказали, что производившіяся объ улучшеніи сельской школы въ колоніяхъ многолѣтнія переписки еще и до сихъ поръ не успѣли ни вывести ее изъ тѣсной рамки конфессіонализма, ни дать ей развитія, соотвѣтствующаго успѣхамъ и потребностямъ современнаго быта населенія. Теперь, ознакомившись съ положеніемъ учебной части колонистовъ въ цѣломъ, читатель, конечно, самъ уже догадывается объ истинныхъ причинахъ такого неуспѣха. Прежде всего нельзя не замѣтить, что колонисты, дорожа сколько конфессіональными интересами, столько же и своими успѣхами въ экономическомъ и гражданскомъ быту, не довольствуются ни сельскою школою вслѣдствіе конфессіональной исключительности ея, ни центральными русскими училищами, до сего времени, въ смыслѣ специальныхъ учительскихъ семинарій, неудовлетворявшими ни конфессіональнымъ, ни гражданскимъ требованіямъ. Поэтому, сущность стремленій колонистовъ приводится къ коренному преобразованію и тѣхъ и другихъ учреждений. Но при разрозненности учебнаго дѣла и при отсутствіи

общаго педагогическаго плана, положительно нѣтъ возможности ни удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ колонистскаго населенія, ни устранить замѣченные въ учебномъ дѣлѣ колоній коренные недостатки, ни, наконецъ, достигнуть цѣли, общей и правительству и населенію, — ознакомить съ русскимъ языкомъ колонистовъ въ массѣ.

Въ этомъ сознаніи, ревизія, въ 1860 году, поволжья, обращаясь къ мѣрамъ улучшенія сельскихъ школъ, сочла нужнымъ обратить прежде всего вниманіе на необходимость устраненія духовенства отъ *исключительнаго* завѣдыванія училищнымъ дѣломъ. Она предлагала: 1) прежде всего постановить, чтобы школьный учитель и кистеръ или канторъ — были *отдѣльными* лица, и чтобы послѣдній, т. е. кистеръ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскаго священника, преподавалъ въ школѣ законъ вѣры и церковное пѣніе въ опредѣленные для сего часы, оставаясь при томъ въ непосредственной и прямой зависимости отъ приходскаго священника, на основаніи церковнаго устава; 2) устранить во всемъ остальномъ исключительное, неограниченное вліяніе духовенства на школы и ихъ учителей, постановить для нихъ программы и правила административной зависимости примѣнительно къ началамъ, на коихъ существовали сельскія школы въ домствѣ удѣльнаго и государственныхъ имуществъ; 3) оставить при должностяхъ нынѣшнихъ школьныхъ учителей, дозволяя имъ, по желанію духовенства и собственной волѣ, или исправлять по прежнему обязанности кистера до того времени, пока найдутся особыя лица для послѣдней должности, или же вовсе перейти на должность кистера ¹⁾; 4) производимое нынѣ шульмейстерамъ-кистерамъ, въ одномъ лицѣ, содержаніе въ протестантскихъ колоніяхъ признать нормальнымъ и сохранить для *учительской* должности неизмѣннымъ на будущее время, а въ католическихъ колоніяхъ назначить учительское содержаніе, по относительному расчету населенности колоній, наравнѣ съ содержаніемъ протестантскихъ шульмейстеровъ, сдѣлавъ производство его обязательнымъ для обществъ; и наконецъ 5) духовенству предоставить войти въ соглашеніе съ обществами относительно содержанія *особыхъ кистеровъ*. «Школы — заключала ревизія — преобразованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, могутъ обѣщать болѣе успѣха и удовлетворять требованіямъ настоящаго положенія дѣла въ колоніяхъ. Съ постепеннымъ образованіемъ новаго по-

¹⁾ Слѣдовательно, здѣсь требуется какъ разъ обратное тому распоряженію с.-петербургскаго консисторіальнаго начальства, которымъ, съ 1855 года, *неизвѣстно по какому праву*, всѣ «сельскіе учителя» южныхъ колоній разжалованы въ «кистеры».

колѣнія учителей, посредствомъ екатеринштадтскаго русскаго училища (въ то время — только-что вновь преобразованнаго на болѣе широкихъ основаніяхъ), и кромѣ того, для католиковъ, приготовленіемъ ихъ въ римско-католической семинаріи, въ Саратовѣ, молодые люди эти могутъ быть размѣщаемы по колоніямъ, и такимъ образомъ достигнется цѣль правительства, и въ то же время удовлетворятся потребности и желанія лучшей части колонистскаго населенія».

Съ матеріальной стороны предполагалось улучшить положеніе школьнаго дѣла — посредствомъ передачи школамъ привилегіи пасторской вдовье-сиротской кассы поволжья на изданіе и распродажу сборника церковныхъ гимновъ и учебныхъ руководствъ. Судьба этого предложенія намъ извѣстна. Объ остальныхъ предложеніяхъ также завязалась оживленная переписка между обоими вѣдомствами колоній — гражданскимъ и духовнымъ. Наконецъ, масса фактическихъ доказательствъ, и въ томъ числѣ извѣстный читателю результатъ почти всенароднаго экзамена въ поволжьѣ, подтвердили наглядно и неопровержимо настоятельную необходимость — изъять колонистскія сельскія школы изъ исключительнаго завѣдыванія духовенства.

Тѣмъ временемъ, коренныя реформы въ крестьянскомъ быту и обще-государственныхъ учрежденіяхъ, въ свою очередь, подступали ближе и ближе къ вѣдомству колоній, громоздя безостановочно вопросъ на вопросъ о возможномъ согласованіи колонистскихъ порядковъ съ новымъ общимъ порядкомъ вещей: предстала неотложная необходимость полного пересмотра всѣхъ постановленій о колоніяхъ. Съ другой стороны, послѣднія полны жизни, давно уже бьющей черезъ край поставленной ей рамки; а жизнь, требуя дѣла, не переписки, вліяетъ непосредственно на ближайшіе къ ней органы власти. Отсюда возникаютъ постоянно новыя указанія и предположенія; взгляды на дѣло становятся глубже и шире, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе укрѣпляется вѣроятность, что окончательное устройство народнаго обученія въ колоніяхъ завершится на современныхъ рациональныхъ основаніяхъ. И пора. Нужно же, наконецъ, убѣдиться, что обученія колонистовъ русскому языку нельзя добиваться тѣми узкими приѣмами, какіе имѣли мѣсто до настоящаго времени, и что неуспѣхъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отнести отнюдь не къ «отчужденію колонистовъ отъ всего русскаго», а напротивъ, къ собственной нашей неумѣлости направить къ желаемой цѣли даже такія громадныя средства, какія *всегда* имѣлись па-готовѣ въ колоніяхъ. Но едва ли мы въ правѣ ставить эту неумѣлость въ упоръ нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Чтобы воздержаться отъ та-

кого учора, стоить только вспомнить наши же, не такъ давно происходившіе споры по вопросу: слѣдуетъ, или не слѣдуетъ начальное народное образованіе поручить приходскому духовенству?.. На этотъ вопросъ опытный колонистъ отвѣтилъ бы слѣдующимъ образомъ: «если православное духовенство болѣе нашего имѣетъ свободнаго времени отъ прямыхъ своихъ обязанностей, если оно также хорошо обеспечено въ матеріальномъ отношеніи, какъ наши пасторы и всендзы, и если, наконецъ, оно, не уступая послѣднимъ въ образованіи, не лишено при этомъ хотя нѣкоторой педагогической подготовки, то, пожалуй, еще можно бы попытаться, но только въ томъ случаѣ, если *нѣтъ иного выхода*. Я дѣлаю эту оговорку потому, что подобный же опытъ у насъ, въ колоніяхъ, принесъ самые горькіе плоды». Вообще, вполне признавая всю важность религіознаго элемента въ народномъ воспитаніи, мы, однако, не можемъ допустить, чтобы правительство, въ явный ущербъ гражданскаго развитія иновѣрческаго населенія, обязано было поддерживать, законодательнымъ путемъ, такія установленія, которыя въ области школы направлены къ исключительно конфессиональнымъ цѣлямъ. По крайней мѣрѣ въ нашихъ иновѣрческихъ колоніяхъ требованіе — сдѣлать начальное народное образованіе исключительно привилегіею духовенства, кажется намъ только отрицаніемъ въ благовидной формѣ необходимости умственнаго развитія массъ. Далѣе стоить еще прислушаться къ разногласію о грамотности въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, и вспомнить, какъ, не имѣя ни школы, ни учителей, ни достаточно денежныхъ средствъ, здѣсь, самымъ серьезнымъ образомъ, обсуживается нерѣдко вопросъ: должно или не должно посѣщеніе школы быть обязательнымъ для *всѣхъ* крестьянскихъ дѣтей? — и это въ то самое время, когда по вѣдомству колоній, всегда имѣвшихъ *каждая* и школьный домъ, и учителя, и противъ крестьянъ несравненно болѣе матеріальныхъ средствъ, многолѣтній опытъ поставилъ тотъ же вопросъ, но въ обратномъ смыслѣ. Здѣсь уже, на основаніи *опытныхъ данныхъ*, спрашивается: слѣдуетъ ли *вовсе отменить*, или только *видоизменить* существующее для *всѣхъ* колонистскихъ дѣтей, извѣстнаго возраста, *обязательное* посѣщеніе сельской школы?..

Казалось бы нечего прибавлять къ убѣдительному разсужденію по этому вопросу барона Н. Корфа ¹⁾, почерпнувшего значительную долю своихъ фактическихъ аргументовъ изъ опыта южныхъ колоній. Но здѣсь сельская школа пользуется еще весьма существенными преимуществами передъ школами поволж-

¹⁾ «Вѣстн. Европы», 1868, т. III, стр. 352—373.

скихъ колонистовъ, бытовыя условія которыхъ вообще ближе подходятъ къ нашимъ крестьянскимъ порядкамъ. Настоящій вопросъ имѣеть слишкомъ важное практическое значеніе, чтобы допустить возможность безусловнаго и однообразнаго разрѣшенія его для всего сельскаго состоянія, не исключая самихъ колонистовъ. Во всякомъ случаѣ, *безусловное уничтоженіе* въ колоніяхъ общепобязательности швольнаго обученія — было бы *шагомъ назадъ*, а не *впередъ*.

Но подведемъ итогъ. О томъ, что иновѣрческое духовенство въ колоніяхъ, забавливъ своему исключительному вліянію умственное развитіе населенія, всячески стремится присоединить сюда еще и кабалу экономическую, и о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ указать здѣсь духовенству его законныя границы, — обо всемъ этомъ распространяться не станемъ. Дѣло это, само по себѣ, такъ ясно, что ближайшія объясненія, по нашему мнѣнію, совершенно излишни. Иное дѣло — школы. По нашему мнѣнію, организація учебнаго дѣла въ колоніяхъ, способная одинаково удовлетворять какъ насущнымъ интересамъ самаго населенія, такъ и ожиданіямъ русскаго общества, должна соответствовать тремъ непремѣннымъ условіямъ: *во-первыхъ*, она должна стать въ уровень съ культурою колоній; *во-вторыхъ* — ей невозможно относиться отрицательно къ конфессіонализму; и *въ-третьихъ*, конечнымъ результатомъ обученія въ шволѣ должно быть постепенное, дѣйствительное ознакомленіе *массы* колонистовъ съ русскимъ языкомъ, какъ единственнымъ средствомъ для *вполнѣ правомѣрнаго* вступленія ихъ въ политико-соціальный строй русскаго общества. Отсюда сама собою является необходимость въ цѣльной, строго обдуманной и послѣдовательно-примѣняемой педагогической системѣ, настолько же отличной отъ общаго дѣла грамотности у крестьянъ, насколько различны отъ послѣдней бытовыя условія колонистовъ. Система эта должна связать воедино: *сельскую школу*, имѣющуюся уже въ каждой колоніи, *центральное училище*, существующее или вновь открываемое на одну или сообща на нѣсколько колонистскихъ волостей, и *учительскія семинаріи* (съ нисшей при каждой практической школою) въ Саратовѣ и Одессѣ. Для установленія и сохраненія взаимной связи и вообще цѣлости системы потребуется, конечно, подчиненіе колонистскихъ учебныхъ заведеній — *одному* вѣдомству, что неосуществимо при господствующемъ до сего времени взглядѣ на сельскую школу въ колоніяхъ, какъ на *школу начальную*. На основаніи положенія 14 іюля 1864 года, всѣ начальныя народныя школы имѣютъ предметомъ обученіе чтенію, письму и счету; онѣ подчиняются вѣдѣнію губернскихъ и уѣзд-

ныхъ училищныхъ совѣтовъ, тогда какъ центральныя училища и учительскія семинаріи принадлежатъ уже компетенціи министерства народнаго просвѣщенія. Но выше мы видѣли, что колонисты не удовлетворяются своею сельскою школою, въ смыслѣ и размѣрахъ начальной; они по меньшей мѣрѣ требуютъ преподаванія въ ней: закона вѣры въ объемѣ, необходимомъ для совершенія конфирмаціи; чтенія и письма по-нѣмецки и по-русски; первой части ариѳметики, выкладки на счетахъ, краткихъ географій и исторіи; естествовѣдѣнія по отношенію къ мѣстному хозяйству и культурѣ, и наконецъ сущности общественнаго самоуправления—сельскаго, волостнаго, земскаго и судебно-мирового. Понятно, что для правильно-подготовленнаго сельскаго учителя не представитъ особеннаго затрудненія вести преподаваніе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, въ особенности тѣхъ, къ которымъ долженъ примѣняться способъ нагляднаго обученія и разсказа. Такимъ образомъ, вопросъ о подчиненіи учебной части въ колоніяхъ всецѣло одному вѣдомству—разрѣшается самъ собою: сельская школа, наравнѣ съ центральными училищами и семинаріями, отойдетъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, на правахъ *частныхъ училищъ*, согласно уставу 1823 года и дополнительныхъ правилъ 19 февраля 1868 года.

Затѣмъ весь вопросъ приводится уже къ тому, чтобы сельскую школу — по внутренней ея организаціи — поставить въ условія, необходимыя для осуществленія указанной нами учебной программы, и сообразовать съ этою программою курсы преподаванія въ центральныхъ училищахъ и учительской семинаріи. Въ этихъ видахъ предстояло бы прежде всего постановить слѣдующія правила: а) въ сельскую школу поступаютъ дѣти обоего пола не моложе 10-ти лѣтъ отъ рожденія и умѣющія читать, а по возможности, и писать, чему они должны научиться на дому, подъ надзоромъ своихъ родныхъ и приходскаго священника; б) тамъ, гдѣ число учащихся на одну школу и на одного учителя достигаетъ 150 и болѣе человекъ, необходимо раздѣлить школу на двѣ: одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ, такъ, чтобы число учащихся, по крайней возможности, не превышало 100 на одного учителя или наставницу (конечно, мѣра эта можетъ быть постановлена не безусловно, а только какъ нормальная цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться *по возможности*); в) посѣщеніе, приблизительно съ 1 октября по 1 апрѣля, сельской школы всеми дѣтьми обоего пола, начиная съ 10-ти лѣтнаго возраста, обязательно: для поступающихъ въ центральныя училища до 13—14-ти лѣтнаго возраста, а для остальныхъ —

до совершенія конфирмаціи; г) для повѣрки успѣховъ домашняго обученія—приходскій пасторъ, или патеръ, ежегодно собираетъ дѣтей отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ и дѣлаетъ имъ испытаніе, а родителямъ или воспитателямъ и опекунамъ, нерадѣющимъ о грамотности своихъ дѣтей и питомцевъ, внушаетъ о нерадѣніи ихъ, предупреждая, что неподготовка дѣтей къ поступленію въ сельскую школу повлечетъ за собою взысканіе по опредѣленію мѣстнаго волостного суда; д) должности сельскаго учителя и кистера могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ *только въ видѣ исключенія*, и не иначе, какъ по взаимному соглашенію приходскаго священника, общества и самого учителя; но и въ такихъ случаяхъ сельскій учитель подчиняется приходскому священнику единственно только по должности кистера, на основаніи церковнаго устава; е) преподаваніе въ сельской школѣ закона вѣры и церковнаго пѣнія возлагается на *кистера*, подъ надзоромъ и руководствомъ мѣстнаго священника, преподаваніе же прочихъ предметовъ — на *сельскаго учителя*, подъ наблюденіемъ училищнаго начальства, т. е. старшаго учителя мѣстнаго центрального училища, начальника и педагогическаго совѣта семинаріи и губернской училищной дирекціи; ж) сельскіе учителя опредѣляются изъ лицъ, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи ими курса наукъ въ учительской семинаріи (или о выдержаніи соотвѣтственнаго сему экзамена); на первое же время, впредь до образованія таковыхъ учителей, остаются въ должностяхъ нынѣшніе шульмейстеры *на правахъ сельскихъ учителей*, а могущія открыться вакансіи — замѣщаются лицами, подготовившимися къ этой должности въ прежнемъ порядкѣ; з) опредѣленіе и увольненіе сельскихъ учителей, со дня открытія мѣстной учительской семинаріи, предоставляется педагогическому при ней совѣту, обязанному въ этомъ случаѣ, по крайней возможности, сообразовываться съ желаніями мѣстнаго приходскаго священника и общества, средствами котораго содержится школа; и) производимое нынѣшнимъ шульмейстерамъ — въ качествѣ учителя и кистера — содержаніе (за исключеніемъ однихъ *платъ за требы*, — акциденцій) устанавливается по каждой протестантской колоніи, какъ *minimum* учительскаго содержанія, съ тѣмъ однако, что за обществомъ сохраняется право, по соглашенію съ семинарскимъ начальствомъ, переложить на деньги ту часть сего содержанія, которая мѣстами отбывается продуктами; въ католическихъ же колоніяхъ содержаніе учителя опредѣляется соразмѣрно съ тѣмъ, которое производится протестантами, по относительному разчету числа душъ или работниковъ; і) для обезпеченія сельскихъ учителей на слу-

най старости, болѣзни и т. п., а также ихъ вдовъ и сиротъ, могутъ быть учреждаемы особыя учительскія эмеритальныя кассы.

Реорганизованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, сельскія школы въ колоніяхъ легко примѣнить къ центральнымъ училищамъ и учительскимъ семинаріямъ, если эти учрежденія получать устройство, обусловливаемое потребностью и педагогическою системою. Намъ кажется, что для семинарій въ Саратовѣ и Одессѣ образцомъ могла бы служить дерптская учительская семинарія, съ тѣмъ однако, чтобы предполагаемая нами заведенія ставили себѣ задачею приготовить своихъ воспитанниковъ для отправленія не только учительской должности, но, въ случаѣ надобности, и вистерской обязанности.

Завѣдываніе хозяйственной частью школъ, училищъ и семинарій слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, сосредоточить при каждомъ отдѣльномъ учрежденіи въ особомъ попечительствѣ, въ составъ котораго должны войти элементы: учительскій, духовный и представительный отъ подлежащихъ обществъ. Педагогическіе же совѣты, состоя при каждомъ центральномъ училищѣ и каждой семинаріи изъ учителей и членовъ отъ духовенства, обязывались бы только выслушивать и принимать къ соображенію заявленія обществъ и вообще населенія касательно учебной части.

Входить въ болѣе подробное развитіе нашихъ предложеній здѣсь не умѣста; къ тому же педагогика — не наша спеціальность. Повторимъ только еще разъ, что организація въ возможно широкихъ размѣрахъ учебной части колоній не встрѣтитъ никакихъ затрудненій со стороны матеріальныхъ способовъ; напротивъ, при разумномъ распредѣленіи тѣхъ средствъ, которыя уже обращены на учебное дѣло колонистовъ, едва ли потребуются новыя пожертвованія, хотя, въ случаѣ надобности, и за ними — дѣло не станеть.

Конечно, если смотрѣть на учебное дѣло колоній съ точки зрѣнія иныхъ патріотовъ, для которыхъ «сближеніе или слитіе» съ русскимъ населеніемъ иноплеменныхъ народностей имперіи равносильно требованію, чтобы иновѣрцы сразу отрѣшались отъ своихъ обычаевъ, вѣры и культуры, то всякая забота о будущемъ преуспѣяніи колоній вообще, и объ училищномъ ихъ дѣлѣ въ особенности оказалась бы совершенно излишнею и, пожалуй, даже вредною. Но мы того мнѣнія, что Россіи нужны граждане, побольше истинно полезныхъ, преданныхъ гражданъ во всѣхъ сферахъ ея государственнаго строя; а въ этомъ смыслѣ гражданственность и конфессіонализмъ — двѣ вещи совершенно разныя. Вообще отождествленіе двухъ понятій: «русскій» и «православный» ведетъ и, по нашему мнѣнію, не можетъ не вести лишь

въ абсурду въ теоріи и на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, при современномъ настроеніи нашего общества, легко могутъ найтись голоса, и при томъ голоса таеъ - называемыхъ патриотовъ *riges sang*, которыхъ поворобить хотя бы отъ факта, онѣмеченія въ нашихъ колоніяхъ кашубовъ, и которые, во имя того же quasi-патріотизма, готовы отрицать необходимость болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у колонистовъ, не смотря на то, что послѣдніе обходятся въ этомъ случаѣ исключительно своими собственными средствами, требуя лишь одного—правительственной организаціи учебнаго дѣла. Присутствіе въ нашемъ обществѣ такихъ голосовъ пусть служитъ намъ оправданіемъ предъ читателями за слѣдующее прибавленіе, совершенно излишнее для людей, чуждыхъ слѣпой исключительности и правильно сознающихъ истинные интересы Россіи и русскаго народа. Но.... много ли у насъ такихъ личностей и великъ ли ихъ процентъ на 70 милліоновъ?

VI.

Обидывая мысленнымъ взоромъ Русь отъ Балтики, Карпатовъ и Пропонтиды до береговъ Тихаго океана, русскій народъ могъ сознать свою государственную мощь; но, въ то же время, онъ сталъ сознать и необходимость поусерднѣе прежняго заняться своимъ бытовымъ устройствомъ и, до поры до времени, отодвинуть на второй планъ всѣ международные расчеты по установленію крайнихъ рубежей имперіи на юго-западѣ и юго-востока. Такому благому рѣшенію не мало содѣйствовало, конечно, превосходство надъ нами западно-европейской культуры, наклоняющей международные вѣсы не всегда въ нашу пользу. Въ то время, какъ рынки запада переполнены конкурирующими капиталами и интеллигентными силами, — постоянный недочетъ въ этомъ отношеніи есть хроническій недугъ Россіи. Но главная причина этого недуга—грандіозность исторической задачи русскаго народа, и она-то, по всей справедливости, должна-бы вѣжестся для всякаго изъ насъ служить вполне убѣдительнымъ доказательствомъ, насколько намъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, слѣдуетъ дорожить всякаго рода честнымъ трудомъ, экономическими и интеллигентными успѣхами, и какъ бережно должно-бы намъ умѣть пользоваться ими для общихъ цѣлей, не задерживая, а напротивъ, всячески содѣйствуя ихъ безостановочному дальнѣйшему преуспѣванію. Не можетъ же не быть яснымъ для каждаго русскаго, что только благодаря запасу культурныхъ силъ, выпавшая на нашу долю

историческая задача окажется намъ по плечу, и мы сами—ея достойными. Такъ, наприимѣръ, махнуть рукой на Босфоръ и Дарданеллы намъ невозможно; безъ нихъ, или безъ преобладающаго на нихъ русскаго вліянія не могутъ жить полною жизнью и дышать свободно ни югъ Европейской Россіи, ни Кавказъ, ни громадная территория Средней Азіи. Далѣе предстоитъ намъ, совместно съ внутренней организаціею главнаго ядра имперіи, колонизировать и культивировать, кромѣ Кавказа и Средней Азіи, еще Сибирь и Амурско-Приморскій Край. Надъ такою задачею задумаешься невольно, и невольно спросишь себя: достаточно-ли въ этомъ случаѣ нашихъ наличныхъ силъ и средствъ; а если достаточно, то научились-ли мы толково употреблять ихъ въ дѣло?... Не слишкомъ-ли широко мы раскинулись территориально?... Прежде всего мы видимъ, что главные наши военныя и административныя силы все еще оттягиваются на западные рубежи имперіи; только крохи достаются на долю Азіи. Къ счастью, здѣсь и требуются попреимуществу однѣ лишь культурныя силы, и прежде всего здоровое земледѣльческое населеніе. Слѣдовательно, здѣсь открывается самое широкое поприще для нашего крестьянства, которому напротивъ на западѣ дѣла или вовсе не находится, или слишкомъ мало, чтобы приходилось принимать его въ расчетъ. Въ виду такой постановки нашей задачи, намъ остается еще вспомнить, что Римъ обстроился не въ одинъ день. Слѣдовательно, нѣтъ причины отчаяваться въ успѣхѣ нашихъ усилій, но необходимо приложить всѣ заботы, чтобы избытокъ культурныхъ силъ, обрацаемый нами на Востокъ, выдѣлялся изъ ядра имперіи безъ прямого ущерба для успѣшной внутренней организаціи его, а на новыхъ мѣстахъ не погибалъ вслѣдствіе неумѣлости нашей вести колонизаціонное дѣло русскими людьми и малаго знакомства съ колонизируемыми мѣстностями ¹⁾).

¹⁾ Незнаніе нами собственнаго быта, истиннѣ, замѣчательно. Даже въ наиболѣе уважаемыхъ органахъ нашей періодической печати встрѣчаются иногда непростительныя промахи. Такъ, одна изъ нашихъ газетъ, доказывая прошлымъ лѣтомъ, въ передовой своей статьѣ—необходимость допустить выселеніе крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній на югъ, приводитъ Крымъ, какъ мѣстность, способную устроить бытъ тѣхъ бѣдняковъ, о судьбѣ которыхъ шла рѣчь. Но почтенная редакція упустила при этомъ совершенно изъ вида тотъ извѣстный фактъ, что на колонизацію Крыма были направлены, въ 1860—1864 годахъ, огромныя усилія правительства, и что тамъ, на счетъ казны, перебывали и кормились нѣсколько лѣтъ сразу—греки, русскіе крестьяне, болгары, латыши, эсты и чехи; но постепенно всѣ эти поселенцы перешли, или въ сѣверныя уѣзды Таврической губ., или на Кавказъ, или обратно домой. Это объясняется тѣмъ, что казенныхъ земель имѣется въ Крыму не болѣе 80 тысячъ дес., да и тѣ состоятъ изъ негодныхъ или мало способныхъ для хлѣбопашества небольшихъ клочковъ, разбросанныхъ по всему полуострову. Наконецъ, правительство, путемъ довольно

Великія реформы нынѣшняго царствованія, вызванная, или вѣрнѣе, вызываемая ими самодѣятельность общества, сдержанность нашей дипломатіи въ вопросахъ внѣшней политики,—все это можетъ намъ служить порукою, что со стороны правительства вполне сознаны и выяснены какъ историческая задача Россіи, такъ и способы къ успѣшному разрѣшенію ея. И понятно само собою, если въ иныхъ случаяхъ такъ-называемыя «крайнія руссофильскія» тенденціи, вслѣдствіе узкости и односторонности ихъ, не всегда совпадаютъ со взглядами правительства. Мы касаемся этого факта не совсѣмъ охотно; но дѣло въ томъ, что рядомъ съ диссонансомъ споровъ о дѣлахъ губерній привислинскихъ, западныхъ и прибалтійскихъ, а также по разнымъ другимъ общественнымъ вопросамъ, слишкомъ часто приходится и выслушивать и читать самые странные отзывы относительно нашихъ иностранныхъ колоній, какъ существующаго факта, и о колонизаціи вообще, какъ о задачѣ настоящаго и будущаго. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что въ интересахъ правительства и русскаго общества желательно, чтобы послѣднее, ознакомившись съ собою, своими средствами, потребностями и цѣлями, приучилось къ разумной самодѣятельности, такъ какъ прежде всего отъ него зависятъ всѣ успѣхи нашей культуры, которыми въ свою очередь условлена наша политическая сила. Къ чему должна быть направляема наша общественная самодѣятельность—извѣстно; но полагая, что всячески необходимо дѣйствовать не стихійно, а осмысленно, и будучи того убѣждены, что опыты нашей иностранной колонизаціи могутъ бросить свѣтъ на одну изъ главнѣйшихъ современныхъ задачъ, на дѣло устроенія крестьянъ, мы рѣшились подѣлиться съ читающею публикою нашими свѣдѣніями объ этой колонизаціи, и въ томъ числѣ съ состояніемъ здѣсь школьныхъ и церковныхъ дѣлъ.

дорогого опыта, убѣдилось, что для хозяйственной обработки этихъ угодій необходимы—полное знаніе мѣстныхъ культурныхъ условій, капиталъ и не рутинные, а вполне осмысленные приемы. Все это оно находитъ у однихъ только колонистовъ южной Россіи. Если-бы предложить имъ эти земли на слѣдующихъ условіяхъ: на каждое семейство отводится до 100 дес. съ платою, въ теченіи первыхъ 10-ти лѣтъ, нынѣшняго за тѣ земли оброка, и съ правомъ выкупа, по устройствѣ въ теченіи 10-ти лѣтъ со времени поселенія на отведенныхъ участкахъ правильнаго хозяйства, по капитализаціи платимаго оброка (или оцѣночнаго дохода, если онъ выше) изъ 5⁰/₀, то быть можетъ колонизація Крыма пошла успѣшнѣе. Что же касается владѣльческихъ земель, то онѣ во многихъ случаяхъ хороши; но сами владѣльцы не выражали еще готовности принять на нихъ поселенъ, хотя въ указанный выше періодъ правительство отъ себя предлагало одни и тѣ же пособія и льготы поселяющимся какъ на казенныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ. Спрашивается: зачѣмъ же почтенная редація посылаетъ крестьянъ изъ огня да въ полымя?

Богатство и благоустройство большинства наших нѣмецкихъ колоній — вновь повторяемъ это — фактъ общеизвѣстный, но въ тоже время фактъ, вызывающій самые странные и противорѣчивые отзывы. Читателю такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ, лично незнакомому съ колоніями, долженъ представиться вопросъ: кто же наконецъ изъ пишущихъ правъ, и кто ошибается? Что же такое наши колонисты — язва, или выгода для Россіи, чуждые паразиты, или полезные граждане?.. И вопросъ этотъ становится тѣмъ неотвязчивѣе, что подобные же разнорѣчивые взгляды высказываются на каждомъ шагѣ, какъ неподлежащія сомнѣнію истины, не только въ литературѣ и обыденной жизни, но весьма нерѣдко и въ официальной средѣ. Если же и здѣсь, и тамъ, только изрѣдко раздается голосъ, благопріятный для колонистовъ, и если такіе голоса принадлежать обыкновенно людямъ, близко знакомымъ съ бытомъ колоніи, то это не всегда избавляетъ ихъ отъ обвиненія въ пристрастіи и узкой исключительности. А между тѣмъ явленіе это довазываетъ только, насколько огромное большинство нашего общества далеко отъ близкаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ, съ исторіею русскаго народа, и какъ вообще мы падки на сужденія съ-плеча, безъ фактическихъ, критически проверенныхъ основаній. «Но — говоритъ К. Д. Кавелинъ — мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чувствомъ, и слабы разумніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совладать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу»... Въ этомъ-то разладѣ жизни съ головой, въ неумѣнніи связать настоящее съ прошедшимъ, и въ нежеланіи проверить и продумать нашъ собственный опытъ лежить, по нашему мнѣнію, важнѣйшая причина нашей неумѣлости тамъ, гдѣ требуются уже не одни слова, а мелочно-кропотливая работа, выносливое терпѣніе и практическая сообразительность, однимъ словомъ — самое дѣло, надъ которымъ мы слишкомъ нерѣдко тераемся, путаемся и кончаемъ мыльными пузырями, вида, что дѣло ускользаетъ изъ руки и идетъ своей дорогой, вовсе не туда, куда клонила его наша голова.

Настоящіе, конечно, очень грустные выводы подтверждаются и господствующими у насъ взглядами на наши иностранныя колоніи. Причины, вызвавшія колонизацію въ имперіи иностранцевъ въ широкихъ размѣрахъ, мы предполагаемъ извѣстными читателю. Понятно, что эта колонизація могла имѣть только двѣ цѣли: политическую и культурную. Первая состояла въ томъ, чтобы колонизируемые украинные пустыри связать неразрывно съ ядромъ имперіи, обративъ ихъ во владѣнія выгодныя, прочныя, граждански-благоустроенныя. Вторая стремилась въ созданію на-

глядныхъ примѣровъ иныхъ, лучшихъ сельскаго быта и хозяйственныхъ порядковъ. Обѣ эти цѣли—гдѣ больше, гдѣ меньше—въ колоніяхъ достигнуты; отвергать справедливость этого факта можетъ одно только невѣдѣніе и предубѣжденіе. Видѣть вредъ для Россіи въ томъ, что колонисты трудомъ своимъ оплодотворили значительную часть тѣхъ огромныхъ пустырей, которыхъ культура *во всемъ объемѣ* еще и по настоящее время составляетъ задачу будущаго,—доказывать это значитъ утверждать явную несообразность. По меньшей мѣрѣ, такую же несообразностью слѣдуетъ признать обвиненіе, что колонисты «ничему насъ не научили». Безпристрастно вникая въ сущность нашихъ коренныхъ реформъ, начиная съ 19-го февраля 1861 года, всякій можетъ и долженъ убѣдиться, что только въ послѣднее время въ основаніе быта нашихъ крестьянъ, этихъ предполагаемыхъ колонистскихъ учениковъ, стали укладываться начала, которымъ колонисты главнѣйше обязаны своимъ благосостояніемъ; что до 1861 года общественные и хозяйственные порядки русскихъ крестьянъ, обусловленные финансовымъ и личнымъ закрѣпощеніемъ, и *de jure*, и *de facto* могли быть только тѣмъ, чѣмъ были, и что иными они при данныхъ условіяхъ быть не могли даже въ томъ случаѣ, если-бы въ крѣпостную рамку, вмѣсто нашихъ Ивановъ и Пантелѣевъ, были втиснуты образцовые до этого фермеры Запада. Слѣдовательно, ничему не научились мы у колонистовъ уже потому, что при полномъ сознаніи превосходства и несомнѣнной полезности ихъ порядковъ, мысль объ усвоеніи этихъ порядковъ нашими крестьянами могла явиться только у людей, не понимавшихъ ни всеобъемлющаго зла крѣпостничества, ни опутаннаго имъ быта крестьянъ. Снявши же съ поселянъ, лично и по землѣ, крѣпостныя узы, попробуйте облегчить ихъ въ фискальномъ отношеніи, содѣйствовать упроченію ихъ общественнаго сомоуправленія, общинно-поземельныхъ условій и семейно-наслѣдственныхъ порядковъ, не насилуя и не ломая жизни, а требуя лишь неуклоннаго усвоенія тѣхъ же основныхъ положеній, какія дѣйствуютъ у колонистовъ—сдѣлайте такую попытку и вамъ не долго пришлось-бы ждать тѣхъ послѣдствій, въ отсутствіи которыхъ до сего времени мы напрасно винимъ колонистовъ: крестьяне не замедлили-бы сдѣлаться не слѣпыми, конечно, подражателями колонистовъ (слѣпое подражаніе немислимо въ русскомъ человѣкѣ-практикѣ), а самими внимательными сосѣдями ихъ, готовыми перенять все практически-пригодное и опытно-полезное. Но въ правѣ-ли мы ожидать отъ крестьянина подобной переимчивости даже теперь, когда сами руководители его еще не вполне уяснили себѣ то, что у колонистовъ, путемъ

многолѣтняго опыта, давнымъ давно уже или окончательно отвергнуто, или же положительно признано и усвоено?.. Едва-ли; повидимому, мы пока не успѣли додуматься даже до вполне яснаго сознанія, что благоустроенная сельская община, и въ составѣ ея — поселянскій дворъ, — такія же, но только несравненно болѣе сложныя экономическія ассоціаціи, какими мы признаемъ всякія иныя ремесленныя, промышленныя и торговныя товарищества, общества и компании; что какъ послѣднія, такъ и первыя — одинаково подчиняются непреложнымъ экономическимъ и нравственнымъ законамъ, нарушеніе которыхъ неминуемо ведетъ къ разстройству поселянскихъ двора-хозяйства и общины. Если же это сознаніе и существуетъ, то нѣтъ у насъ продуманной и опытнымъ путемъ пробѣренной системы, которою, по болѣе или менѣе общему сознанію, слѣдуетъ руководствоваться въ устройствѣ внутренняго быта нашего сельскаго состоянія. И отсутствіе такой системы, отражаясь на законодательствѣ, администраціи и судѣ, вноситъ въ жизнь шаткость и неурядицу, подрывающія благотворное дѣйствіе даже такихъ началъ, которыхъ рациональность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Говоря это, мы далеки отъ мысли ставить наше колонистское общество идеаломъ совершенства; напротивъ, и здѣсь опытъ, подтверждая рациональность основныхъ положеній, съ тѣмъ вмѣстѣ настоятельно требуетъ ихъ дальнѣйшаго развитія *законодательнымъ путемъ*, такъ какъ *обычай*, самъ по себѣ, не можетъ удовлетворять требованіямъ развивающейся гражданственности, ищущей основаній твердыхъ, неизблемыхъ. Но важно то, что по закону основныя положенія колонистскаго быта повсюду въ колоніяхъ одни и тѣже, и что дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ началъ практиковалось, *путемъ обычнымъ*, при широкомъ самоуправленіи, различныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ. Поэтому колонисты пришли въ частныхъ своихъ порядкахъ и къ поучительному разнообразію, и въ общемъ итогѣ — къ различнымъ выводамъ. И въ этомъ именно обстоятельствѣ заключается, по нашему убѣжденію, ручательство, что подробный анализъ исторической судьбы въ колоніяхъ тѣхъ самыхъ основныхъ положеній, которыя примѣняются нынѣ къ нашему сельскому составу вообще, но только въ иныхъ формулахъ и комбинаціяхъ, можетъ повести къ установленію общей нормальной системы сельскаго устройства, болѣе или менѣе непогрѣшимой и вполне пригодной для нашего крестьянства, тѣмъ болѣе, что колонистскіе порядки, по сущности своей, *чисто русскіе*. Самое поверхностное знакомство съ внутреннимъ бытомъ колоній доказываетъ, что сельско-общественному ихъ строю нѣтъ другого примѣра въ цѣломъ мірѣ, а

сопоставленіе колоній съ изслѣдованіями о древней Руси приводитъ къ убѣжденію, что самыя богатая и наиболѣе благоустроенная изъ колониетскихъ обществъ тѣ, въ отношеніи которыхъ правительство и само населеніе, по землѣ и фиску, придерживались основныхъ началъ тягло-повытной системы нашей общины или волости XV и XVI столѣтій. Такимъ образомъ, прототипъ свободной русской земледѣльческой ассоціаціи, окончательно изуродованный крѣпостничествомъ, путемъ насилій и злоупотребленій, прототипъ, начала котораго только придавлены, но никогда еще не вымирали на Руси, нашель свое убѣжище въ колоніяхъ, и здѣсь, на «свободѣ» и при попечительномъ содѣйствіи правительства, далъ свои плоды. И не странно-ли, что до сего времени подобный фактъ вызываетъ въ нашемъ обществѣ гораздо болѣе слѣпой вражды, нежели сочувственнаго желанія—ознакомиться съ нимъ ближе во всѣхъ его подробностяхъ и частныхъ проявленіяхъ?.. Въ граждански-нормальномъ порядкѣ шла у насъ одна только колонизація иностранцевъ, но и то—не въ прошломъ, а только въ текущемъ столѣтіи. Колонизація же собственно русскихъ людей и доннынъ представляется обыкновенно лишь грустною пародіею на колонизацію. Возьмемъ хоть Амурскій край, гдѣ есть мѣста, отъ которыхъ на тысячу верстъ во всѣ стороны нѣтъ ни вола, ни двора. Казалось-бы, незачѣмъ здѣсь скупиться отводомъ земель подъ поселеніе по свободному выбору самихъ переселенцевъ. Но пусть попробуетъ зайти туда партія крестьянъ. *Во-первыхъ*, ей не дадутъ занять лучшихъ угодій, а посадятъ на земли менѣе цѣнныя, имѣя въ виду образовать изъ первыхъ «цѣнную оброчную статью» ¹⁾. *Во-вторыхъ*, ей нарѣжутъ, въ обрѣзъ по числу *наличныхъ* душъ или семействъ, такую земельную дачу, что *первыя же* приросты населенія приведутъ общество къ необходимости снимать изъ оброча сосѣдніе участки, тогда какъ для первыхъ двухъ-трехъ поволѣній возможный просторъ по землѣ есть одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха вся-

¹⁾ Мы говоримъ это на томъ основаніи, что въ Европейской Россіи и теперь еще *выборъ* крестьянами-переселенцами земель тянется иногда цѣлые годы, безъ желаемого результата, и *единственно потому только*, что выборъ крестьянъ, какъ само собою понятно, падаетъ на *лучшія земли*, въ отводѣ которыхъ имъ отказываютъ «по уваженію высокой цѣнности *просимыхъ участковъ*». Но было бы, кажется, крайне не разумно начинать колонизацію съ худшихъ земель, переходя по занятіи ихъ—къ среднимъ, а за тѣмъ уже и къ лучшимъ угодьямъ. Здравый смыслъ, опытъ и правильный экономическій расчетъ указываютъ на обратную систему. Къ тому же мы признаемъ за непреложную истину, что *для государства, и самая цѣнная оброчная земельная статья сдѣлается еще цѣннее въ рукахъ осѣвшихъ на ней земледѣльцевъ-нахарей*, хотя бы послѣдніе платили за нее собственно *оброчной подати* гораздо меньше прежняго *аренднаго оброча*.

кой колонизаціи, и особенно колонизаціи такихъ пустырей, каковы Амурскій край. *Въ-третьихъ*, о снятіи назначенныхъ для колонизаціи мѣстностей предварительно на планѣ; о разбитіи ихъ, по мѣстнымъ *хозяйственнымъ* условіямъ, хотя-бы приблизительно, на участки, имѣющіе образовать округъ или волость, а за тѣмъ этихъ участковъ на дачи владѣнія отдѣльныхъ сельскихъ обществъ и лицъ; о заготовленіи на мѣстѣ кое-какихъ запасовъ для ожидаемыхъ переселенцевъ и т. д.,—обо всемъ этомъ колонизаціи русскихъ людей вѣдала слишкомъ мало. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, напр., появившееся около половины іюля 1868 года въ нашихъ газетахъ объявленіе начальника Ставропольской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, послѣ выхода въ Турцію татарскаго населенія, а за тѣмъ, по замиреніи Кавказа, и горскихъ племенъ, образовались большія территоріи пустопорожныхъ земель. «Количество просьбъ, поданныхъ о перечисленіи изъ другихъ губерній въ Ставропольскую — сказано въ объявленіи — такъ значительно, что не представляется возможности удовлетворять всѣ поданныя просьбы, а тѣмъ менѣе принимать вновь прошенія на перечисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ тѣхъ обществъ (?), въ коихъ переселенцы желаютъ причислиться. Ставропольскій губернаторъ объявляетъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, во *избѣжаніе напраснаго разоренія, коему подвергаются многіе переселенцы*, распродавая свои имущества на родинѣ и отправляясь въ Ставропольскую губернію въ надеждѣ на причисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ.» Думаемъ, что ставропольскому начальству едва-ли приблизительно извѣстно: въ какихъ границахъ, соотвѣтственно мѣстнымъ *хозяйственнымъ* условіямъ состоящія въ его вѣдѣніи земельныя угодія должны быть распределены на отдѣльныя владѣнія и какое именно число переселенцевъ, безъ важныхъ затрудненій, можетъ быть принято на каждый дробный участокъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что колонизаціи Ставропольской губерніи могла-бы идти успѣшнѣе, и случаевъ «напраснаго разоренія» крестьянъ не было-бы вовсе, если-бы мѣстное начальство могло заявить *положительно*, что въ его распоряженіи остаются свободными для раздачи подъ поселеніе такіе-то именно участки, съ подробнымъ описаніемъ *хозяйственныхъ* условій и пространства каждаго изъ нихъ, и съ обозначеніемъ точнаго числа душъ или семействъ, могущихъ быть водворенными въ участкѣ и при какихъ условіяхъ. Но при существующемъ порядкѣ, объявленія, подобныя вышеприведенному, не остановятъ *самовольныхъ* переселеній, и не предупредятъ частныхъ случаевъ «напраснаго разоренія», тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ, путемъ горькаго опыта и гонимый

нуждою, привыкъ вѣрить въ успѣхъ не правительственныхъ, а самовольныхъ переселеній. Последнія, при всей рискованности ихъ, въ глазахъ крестьянина имѣютъ уже ту выгоду, что *вынуждаютъ* у администраціи волей-неволею болѣе вниманія и поворотливости въ дѣлѣ обсужденія народныхъ нуждъ. Тѣ же недостатки мы встрѣтили и въ объявленіи управляющаго удѣльными землями въ приморской области Восточной Сибири, приглашающаго къ поселенію тамъ русскихъ и иностранцевъ.

Съ другой стороны, нашихъ quasi-патріотовъ пугаетъ иногда вопросъ о политической благонадежности иностранныхъ поселенцевъ. Инымъ, при особенно болѣзненномъ воображеніи, мерещутся въ колоніяхъ признаки враждебности, а чего добраго— даже признаки сепаратизма, измѣны. Какъ ни нелѣпы подобнаго рода опасенія, но обойти ихъ молчаніемъ кажется намъ не совсѣмъ удобнымъ.— Конечно, было бы совершенно достаточно привести себѣ въ сознаніе тотъ исторически несомнѣнный фактъ, что вездѣ и повсюду самымъ консервативнымъ элементомъ въ государствѣ является благоустроенное земледѣльческое сословіе, страдающее нерѣдко даже избыткомъ привязанности къ преемственнымъ порядкамъ и рутинѣ. Чѣмъ богаче и обезпеченнѣ политико-соціальный бытъ земледѣльца, тѣмъ болѣе онъ привязанъ къ землѣ, тѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ поддержаніи власти и порядковъ, обусловливающихъ свободное и спокойное пользованіе плодами собственнаго труда. Весь сепаратизмъ пахаря-крестьянина приводится лишь къ устраненію имъ изъ своей среды всего того, что нарушаетъ порядокъ, спокойствіе и свободу труда, имѣющіе въ земледѣльческомъ быту такую цѣну, какъ нигдѣ. Наши колонисты не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. Напедши въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, все то, за чѣмъ ежегодно десятки, сотни тысячъ прежнихъ соотчичей ихъ отправляются на рисъ черезъ океаны, колонистское населеніе наше явилось бы нравственнымъ уродомъ, если-бъ не чувствовало искренней привязанности къ своему новому отечеству. Справедливость этого заключенія несомнѣнно подтверждаетъ и г. Алабинъ. Какъ очевидецъ, онъ рассказываетъ, что въ восточную войну, во время форсированнаго передвиженія нашихъ войскъ съ Дуная въ Крымъ, колонисты «ни разу не дозволяли постояльцамъ своимъ варить казенную кашу, а сами ихъ кормили, да еще и на дорогу снабжали кускомъ мягкаго хлѣба или лепешки». Далѣе—по его же словамъ, вполне подтверждаемымъ и официальными свѣдѣніями, съ пространства верстъ на 500 въ окружности, «колонисты явились въ числѣ болѣе 5,000 человекъ на своихъ прекрасныхъ фургонахъ и, добровольно предло-

живъ свои услуги, проваляли въ самое короткое время трехсот-верстное разстояніе весь 4-й корпусъ: артиллерійскую прислугу, стрѣлковъ и саперовъ, причемъ кромѣ ласки съ ихъ стороны, кромѣ добраго слова, кромѣ братскаго привѣта, никто отъ нихъ ничего не слыхалъ». Впослѣдствіи, колонисты же на нѣсколькихъ стахъ подводяхъ привезли въ армию на Черной рѣчкѣ «множество всякой всячины добровольнаго приношенія солдатамъ: горы картофеля, луку, фасоли, ячменя, овса». Наконецъ, молочанскіе и крымскіе меннониты и колонисты, взявъ изъ Симферополя и съ поля Альминскаго боя на полное свое попеченіе болѣе 5,000 раненныхъ и больныхъ, увезли ихъ въ свои колоніи, дали отличное помѣщеніе и т. д., требуя только медиковъ и лекарей. Впрочемъ, колонисты южной Россіи, какъ увѣрялъ насъ не одинъ изъ участниковъ севастопольской драмы, приносили нашей арміи во всю крымскую кампанію едва ли не важнѣйшую пользу — громадностью производимыхъ ими продовольственныхъ запасовъ, и въ качествѣ возчиковъ, успѣшнѣе которыхъ никто не боролся противъ бездорожья, неоднократно грозившаго нашей арміи бѣдствіями голода, недостаткомъ боевыхъ снарядовъ, оружія и запасовъ. Но въ то критическое время и въ отдаленныхъ отъ театра войны колоніяхъ (напр. на нашихъ глазахъ въ поволжьѣ) усердно стевались огромныя пожертвованія деньгами, сухаремъ и корпеею. Вообще же официальные дѣла подтверждаютъ вполне, что колонисты всегда и во всякое время сочувственно откликаются во всѣхъ случаяхъ, когда общественныя потребности и бѣдствія взываютъ о помощи. Такъ, въ зиму 1862 и 1863 года, два молочанскія волостныя общества, меннонитское и колонистское, добровольно и безвозмездно приютили и у себя до 6,000 душъ Виддинскихъ болгаръ, пришедшихъ, по милости турецкихъ властей, въ Таврическую губернію поздно осенью голодными и полунагими. Колонисты отвели имъ квартиры съ полнымъ содержаніемъ, употребивъ на это дѣло изъ своихъ общественныхъ суммъ и мірскихъ сборовъ до 92,000 рублей. Услуга эта имѣла тѣмъ болѣе цѣны, что бывшіе въ тѣ годы неурожай хлѣбовъ, истощивъ на югѣ Россіи всѣ мѣстные запасы, ставили правительство почти въ безвыходное положеніе въ отношеніи массы переселенцевъ, русскихъ и заграничныхъ, только-что прибывшихъ въ мѣстамъ водворенія. Наконецъ, на послѣдній призывъ о помощи голодающимъ, одни поволжскіе колонисты пожертвовали до 25 тысячъ рублей, объясняя при этомъ, что они сдѣлали бы болѣе, еслибъ трехлѣтній неурожай 1864—1866 гг. не разстроилъ ихъ собственнаго благосостоянія.

И подобныхъ фактовъ мы могли бы привести еще цѣлый

рядъ, но, полагаемъ, и сказаннаго достаточно, чтобы побудить нашихъ quasi-патріотовъ быть осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ о политической благонадежности людей, для которыхъ, какъ доказывается опытомъ, высылка за границу, на родину предковъ, давно уже сдѣлалась однимъ изъ тягчайшихъ наказаній не въ смыслѣ уголовного кодекса, а на дѣлѣ.

Обстоятельство это вполне объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что успѣхъ нашей иностранной колонизаціи есть только результатъ осмысленнаго приложенія къ жизни и свободнаго гражданственнаго развитія истинно-русскихъ началъ сельско-земледѣльческаго устроенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и довазательство въ пользу несомнѣнной раціональности и общечеловѣческаго значенія этихъ началъ, одинаково легко и успѣшно усвоенныхъ нѣмцами, французами, шведами, кашубами и другими славянскими и не-славянскими національностями. Но, вмѣстѣ съ усвоеніемъ русскихъ общественныхъ порядковъ, выходцы эти стали въ такое же противорѣчіе съ прежними соотчичами своими, какъ и коренное русское общество: нашему колонисту-общиннику нѣтъ мѣста на Западѣ уже вслѣдствіе привившихся къ нему, вошедшихъ въ плоть и кровь его русскихъ социальныхъ возрѣній. Поэтому остается только желать, чтобы не только въ Россіи вообще, но и въ колоніяхъ нашихъ, повсюду осуществилась наконецъ и вошла въ жизнь высокая мысль еще полвѣка тому назадъ указывавшая, что «нравственное и духовное воспитаніе народовъ должно идти на ряду съ его вещественнымъ благосостояніемъ, такъ какъ въ этомъ условіи заключается единственное условіе, чтобы добро было прочное».

А. Блаусъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I*).

ХОЗЯИНЪ ОПЯТЬ ДОМА.

Зонненгампъ вернулся на виллу, какъ возвращается владѣтельный принцъ, въ отсутствіе котораго возмутились его вассалы. Каждый шагъ его въ домѣ сопровождался взглядомъ, который какъ будто говорилъ:

— Я тутъ, и со мной вмѣстѣ здѣсь опять водворятся власть и порядокъ.

Эрихъ не только не старался сложить вину на Прангена, но чистосердечно сознался въ безпечности, которая, говорилъ онъ, была причиной всей бѣды. Зонненгампъ, съ своей стороны, точно находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ какъ можно сильнѣе уязвить самолюбіе молодого человѣка и до конца унижить его въ собственныхъ глазахъ. Онъ вообще любилъ власть и хотѣлъ, чтобъ ему всѣ безпрекословно повиновались. Когда же на пути его встрѣчалось сопротивленіе, онъ не успокоивался, пока ему не удавалось сломить волю дерзкаго, который осмѣливался идти ему наперекоръ. Но, униживъ его, онъ снова дѣлался благополу-

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812 — 870 стр.

шенъ, будучи увѣренъ, что тотъ ужъ болѣе не станетъ ему противорѣчить. Самоувѣренность капитана-доктора до крайности не нравилась Зонненкампу: теперь настала минута его смирить такъ, чтобъ въ послѣдствіи онъ постоянно и съ благодарностью принималъ всякую ласку, или милость, которую ему вздумали бы оказать. Зонненкампъ и не подозрѣвалъ настоящаго источника вротости, съ какою Эрихъ выслушивалъ его упреки. Онъ видѣлъ въ ней только новое доказательство своей силы и торжествовалъ побѣду. На дѣлѣ же покорность молодого человѣка была результатомъ сознанный имъ своей слабости, съ которою онъ позволилъ себѣ до того увлечься обаятельнымъ присутствіемъ Беллы, что совсѣмъ забылъ о возложенной на него обязанности.

Зонненкампъ вскорѣ убѣдился, что произведенное у него воровство не было слишкомъ значительно. Онъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ злой радости говорилъ:

— Негодяи у меня украли кинжалъ съ брилліантомъ на рукояткѣ. Они того и не подозрѣваютъ, что конецъ его намазанъ ядомъ и малѣйшая царапина можетъ имъ стоить жизни.

Эрихъ сначала страшно встревожился при мысли, что кинжалъ находится въ рукахъ судей, но вслѣдъ затѣмъ имъ овладѣло раздумье: зачѣмъ этому человѣку хранить у себя отравленный кинжалъ?

Явились Пранкенъ и маіоръ. У перваго хватило настолько благородства, чтобъ взять на себя часть отвѣтственности въ происшедшемъ несчастіи. Но онъ не могъ удержаться отъ замѣчанія, что Эрихъ уже прежде отлучался изъ дому на музыкальное торжество, гдѣ имѣлъ такой громадный успѣхъ. Зонненкампу, усмѣхнувшись, обратился къ Эриху:

— Вы не пустили Роланда на-воды, подъ предлогомъ, что хотите оградить его отъ развлеченій: что же — вы остались вѣрны своему первоначальному рѣшенію?

Приходъ патера помѣшалъ Эриху отвѣчать. Зонненкампу, до сихъ поръ никогда ничего не жертвовавшій на церковь, объявилъ теперь, что отдаетъ въ ея распоряженіе всѣ украденные изъ буфета золотые и серебряные кубки.

— Мнѣ непріятно было бы, прибавилъ онъ неохотно: — опять видѣть ихъ у себя. Вы же, продолжалъ онъ, обращаясь къ патеру: — снова ихъ освятите.

Эрихъ, присутствовавшій при этомъ, выразилъ маіору надежду, что такой поступокъ отъ благотворно подѣйствуетъ на Роланда, душевное спокойствіе котораго было возмущено послѣдними событіями. Зонненкампу услышалъ его замѣчаніе.

— Почтенный капитанъ! возразилъ онъ: — я врагъ сан-

тиментальности и, напротивъ, очень радъ тому, что Роландъ съ этихъ поръ научится познавать людей. Пусть ему будетъ извѣстно, что въ обществѣ постоянно существуетъ заговоръ противъ капиталистовъ, который только выжидаетъ удобной минуты, чтобъ разразиться и произвести опустошеніе.

Зонненкампъ продолжалъ смотрѣть бодро, оживленно и только жаловался на то, что воровство надѣлало столько шума въ окрестностяхъ, а судебное слѣдствіе отниметъ у него много драгоценнаго времени. Церера ни слова не говорила о покражѣ, такъ, что можно было подуматъ, будто она о ней вовсе ничего не знаетъ. За то, ее сильно радовалъ Роландъ, который въ ея отсутствіи очень выросъ. А Эриху она постоянно рассказывала о своемъ знакомствѣ на водахъ съ одной знатной и очень любезной родственницей его матери, которая съ восторгомъ и любовью о ней говорила.

Вечеромъ, въ самый день возвращенія Зонненкампа, у подъѣзда виллы остановился экипажъ и изъ него вышли Клодвигъ и Белла. Эрихъ съ радостью встрѣтилъ графа, но въ обращеніи его съ графиней проглядывала какая-то робость.

Белла между тѣмъ шепнула ему, закрываясь вѣеромъ:

— Мы пріѣхали, чтобъ защитить васъ отъ этого дикаря. Пусть онъ видитъ, что мы считаемъ васъ однимъ изъ своихъ, и вы теперь непременно должны къ намъ переѣхать.

Эрихъ вздрогнулъ и могъ только поклономъ выразить свою признательность. Белла взглянула на мужа, который съ унылымъ видомъ стоялъ передъ Зонненкампомъ. Онъ въ присутствіи массивной геркулесовской фигуры этого человѣка всегда испытывалъ какой-то неопредѣленный страхъ. Белла поспѣшила шуткой вывести его изъ затрудненія.

— Господинъ Зонненкампъ, сказала она: вы въ жизни вашей много были свидѣтелемъ, но случилось ли вамъ когда-нибудь видѣть воровъ, которые бы открыто являлись къ вамъ и объявляли о своемъ намѣреніи сдѣлать у васъ покражу?

Зонненкампъ съ удивленіемъ на нее смотрѣлъ, а Белла, смѣясь, продолжала:

— Мы — воры, и приходимъ къ вамъ при дневномъ свѣтѣ. Объясни ему въ чемъ дѣло, милый Клодвигъ, прибавила она, обращаясь къ мужу.

Клодвигъ нерѣшительно выразилъ желаніе, чтобъ Эрихъ поселился у него въ домѣ. Зонненкампъ быстро взглянулъ на Беллу. Онъ поднялъ лѣвую руку, съ намѣреніемъ ей шуточно погрозить и тѣмъ дать слегка почувствовать, что вполне ее по-

нимаешь, но раздумалъ и, приложивъ указательный палецъ въ губамъ, сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно видѣть, что нашъ капитанъ Эрихъ, — онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ: «нашъ», — пользуется такимъ милостивымъ съ вашей стороны расположеніемъ.

Эрихъ былъ изумленъ страннымъ удареніемъ на словѣ *нашъ*. Онъ какъ будто пересталъ принадлежать самому себѣ и внезапно сдѣлался чужой собственностью. Но удивленіе его еще усилилось, когда Зонненкампъ, протянувъ ему руку, прибавилъ:

— Не правда ли: вы остаетесь нашимъ?

Эрихъ въ отвѣтъ кивнулъ головой.

А Белла принялась съ жаромъ рассказывать о томъ, какъ она съ мужемъ посѣтила въ университетскомъ городѣ мать Эриха. Она явно хотѣла внушить Зонненкампу, что человѣкъ въ положеніи и со связями Эриха не подлежитъ никакой отвѣтственности за легкое упущеніе въ своихъ обязанностяхъ. Зонненкампъ, слушая ее, неслышно свисталъ: въ головѣ его созрѣлъ какой-то планъ.

Беллѣ опять удалось на нѣсколько минутъ остаться наединѣ съ Эрихомъ. Она выразила ему свое удовольствіе, что вотъ и ей наконецъ, въ первый разъ въ жизни, удалась интрига. Предвидя, что Зонненкампъ захочетъ его смирить и унижить, она уговорила Клодвига немедленно отправиться на виллу и взять молодого человѣка подъ свое покровительство. Эрихъ былъ исполненъ благодарности.

— Замѣтили-ли вы, спросила она у него тихонько: взгляды, который этотъ человѣкъ на меня бросилъ? Онъ полагаетъ, что между вами и мной нѣчто болѣе дружбы. Нечистыя души не вѣрятъ въ чистыя побужденія. Вы не примете въ дурную сторону, если я иногда, въ его присутствіи, стану васъ какъ будто чуждаться?

Она взяла Эриха за руку и вѣрно пожала ее. Онъ вздрогнулъ. За ними, между тѣмъ, изъ-за вустовъ зорко слѣдили два глаза и чуткое ухо прислушивалось къ ихъ словамъ. Они пошли далѣе, а Зонненкампъ, тяжело переводя духъ, вышелъ изъ своей засады.

ГЛАВА П.

НЕТЛѢННОЕ БОГАТСТВО.

На слѣдующее утро пришло извѣстіе о поимѣѣ конюха, котораго Зонненкампъ незадолго передъ этимъ удалилъ, подозревая въ немъ шпиона на жалованьи у Пранкена. Его арестовали въ столицѣ съ серебряной чашой въ рукахъ, которую онъ старался сбыть торговцу старыми вещами. Извѣстіе это дошло до Эриха черезъ Роланда. При такомъ натянутомъ положеніи вещей, когда помыслы всѣхъ были устремлены на одинъ предметъ, едва ли было возможно какое-либо серьезное занятіе. При постоянномъ ожиданіи новыхъ событій и разъясненій, могъ ли умъ мальчика принимать и перерабатывать въ себѣ отвлеченныя понятія? Эрихъ сначала хотѣлъ почаще ходить съ Роландомъ на охоту, надѣясь такимъ образомъ дать его мыслямъ другое направленіе, но, подумавъ, избралъ для этого совершенно противоположное средство и замѣнилъ развлеченіе усиленнымъ трудомъ. Къ великому его удовольствію, самъ Роландъ, совершенно неожиданно, сказалъ ему:

— Постараемся забыть все, что тутъ вышло, и давай усердно работать.

Мальчикомъ овладѣла страсть къ наукѣ, которая заставляла его чуждаться развлеченій и замѣнъ ихъ давала ему душевное спокойствіе. Съ другой стороны, Роландъ вскорѣ подмѣтилъ въ своемъ наставникѣ какое-то необыкновенное оживленіе, источникъ котораго оставался для него тайной. То было оживленіе чловѣка, который, избавившись отъ самой большой опасности, старается окончательно себя спасти. Вспоминая о своемъ пребываніи въ Вольфсгартенѣ и объ игрѣ въ чувства съ Беллой, Эрихъ являлся передъ судомъ своей совѣсти настоящимъ воромъ. Онъ легкомысленно расточалъ умственныя богатства, которыя ему удалось собрать тяжкимъ трудомъ и подъ прикрытіемъ возвышенныхъ мыслей и чувствъ, просто-на-просто волочилса,—да, волочилса,—за женой своего друга, Клодвига. Ему казалось, что онъ совершилъ кощунство, и какъ охотно отправился бы онъ, вмѣстѣ съ Роландомъ, на поклоненіе святынѣ въ какой-нибудь храмъ, гдѣ онъ самъ могъ бы очиститься, а мальчикъ укрѣпиться духомъ! Но чловѣкъ вообще гораздо легче проникаетъ во внутренность видимаго, украшеннаго башнями храма, чѣмъ въ святилище науки, однако Эриху и это послѣднее удалось. Трудности, которыя врядъ ли бы онъ смогъ преодолѣть для себя, были

имъ безъ особенныхъ усилій побѣждены ради другого. Опираясь на чувство долга, онъ углубился въ науку и все вокругъ него прояснилось. Подобно искусному пловцу, который, сильной рукою разсѣвая волны, то исчезаетъ въ нихъ, то снова появляется на ихъ хребтѣ, Эрихъ погружался въ науку, и въ немъ умолкали всѣ мелкія сомнѣнія и прекращалась борьба съ самимъ собой.

Внутри Роланда происходила тоже своя особенная работа. Онъ бродилъ, какъ во снѣ. Почва исчезала у него подъ ногами, небо помрачалось, всѣ его прежнія вѣрованія разрушались. Но на мѣстѣ ихъ возникало нѣчто новое, изъ среды чего отчетливо выдѣлялась только мысль объ уничтоженіи частнаго имущества, такъ чтобъ въ мірѣ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Отъ Эриха не ускользнуло это серьезное настроеніе духа его воспитанника.

— Какъ ты думаешь, Эрихъ, спросилъ однажды мальчикъ: если не будетъ болѣе частнаго имущества, то не будетъ и воровъ?

Эрихъ испугался, увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвели на мальчика всѣ его слова и поспѣшили ему объяснить ихъ настоящее значеніе. Онъ не имѣлъ въ виду доказать возможность уничтоженія частныхъ имуществъ, но только хотѣлъ дать понятіе о томъ переворотѣ, какой бы произошелъ въ мірѣ, если-бъ это уничтоженіе дѣйствительно совершилось.

Роландъ, все подъ вліяніемъ наплыва совершенно новыхъ мыслей и понятій, просилъ Эриха пойти съ нимъ въ домъ Клауса, навѣстить его жену и дѣтей. Онъ недавно встрѣтилъ сына ловчаго, находившагося въ услуженіи у «виннаго графа» въ качествѣ бочара. Мальчикъ ему привѣтливо протянулъ руку и сказалъ, что сынъ не отвѣчаетъ за проступки отца, виновность котораго еще впрочемъ далеко не довазана. Но бочаръ не принялъ его руки, вынулъ изъ-за пояса молотъ и, помахивая имъ, быстро скрылся изъ виду.

Въ домѣ Клауса все было въ прежнемъ порядкѣ. Птицы въ клѣткахъ весело распѣвали, а черный дроздъ по обыкновенію трещалъ: радуйтесь, радуйтесь! Собаки съ лаемъ прыгали и рѣввились. Жена ловчаго казалась совсѣмъ убитой горемъ. Она со слезами рассказала, какъ, тотчасъ послѣ ареста мужа, хотѣла выпустить на волю птицъ, но сынъ ея, бочаръ, этому воспротивился, говоря, что все должно остаться, какъ было при отцѣ, и ожидать его возвращенія. Семиствольникъ временно взялъ на себя часть обязанностей ловчаго, а бочаръ, который и безъ того много трудился днемъ, отправлялъ пова его ночную должность.

Эрихъ хотѣлъ дать бѣдной женщинѣ денегъ, но она отка-

залась, говоря, что сынъ запретилъ ей принимать какую бы то ни было помощь изъ дома Зонненкампа.

Возвратясь на виллу, Роландъ сказалъ:

— Если Клаусъ, какъ я надѣюсь, окажется невиннымъ, кто вознаградитъ его за всѣ страданія и за стыдъ, который онъ теперь испытываетъ?

Эрихъ не зналъ, что ему отвѣчать.— Все это, сказалъ онъ, только еще болѣе подтверждаетъ истину, что деньги не могутъ доставить людямъ того, что составляетъ ихъ высшее благо въ жизни.

ГЛАВА III.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ ПОЪЗДКА ЗА ГОРОДЪ.

Прошли двѣ недѣли, и въ занятіяхъ Роланда случился новый перерывъ. Церера, всегда безучастная ко всему, что около нея происходило, теперь, то и дѣло, толковала о данномъ на водахъ обѣщаніи супругѣ одного изъ членовъ государственнаго совѣта, привезти къ ней Роланда.

И дѣйствительно, вся семья въ скоромъ времени отправилась въ столицу. Эрихъ одинъ остался на виллѣ. Для этой поѣздки было приготовлено два экипажа. Въ одномъ помѣстились Церера, фрейленъ Пэрини и Роландъ, въ другой—Зонненкампъ съ Пранкенемъ.

Дорогой Пранкенъ поспѣшилъ выразить Зонненкампу свое одобреніе по случаю приношенія, которое тотъ сдѣлалъ церкви, и съ своей стороны обѣщаль расположить въ его пользу высшее духовенство, играющее столь важную роль при дворѣ. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, можно надѣяться, что предпріятіе, о которомъ они теперь ѣдутъ хлопотать, вполнѣ удастся. Пранкенъ чувствовалъ легкое угрызеніе совѣсти, выставляя свои дружескія сношенія со дворомъ епископа въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Но въ немъ еще оставалась порядочная доля свѣтскаго тщеславія, и ему все же было пріятно слыть въ глазахъ свѣта, и въ особенности Зонненкампа, за человѣка, который ловко умѣетъ устраивать свои и чужія дѣла. Онъ находилъ весьма полезнымъ для ихъ настоящаго предпріятія сближеніе, которое такъ быстро совершилось на водахъ между семействомъ Зонненкампа и супругой члена государственнаго совѣта. На эту даму, говорилъ онъ, можно дѣйствовать разными внѣшними способами, тогда какъ съ ея мужемъ это не совсѣмъ удобно и даже нѣсколько опасно.

Путь ихъ лежалъ мимо прелестной виллы, двери которой были заколочены, а окна закрыты ставнями. Пранкенъ наметнулъ Зонненкампу, что не дурно бы приобрести эту виллу, съ тѣмъ, чтобъ послѣ за безцѣновъ перепродать той госпожѣ, которая, какъ ему достовѣрно извѣстно, давно желала имѣть подобный загородный домъ. Зонненкампъ понялъ намекъ Пранкена: то былъ одинъ изъ способовъ, въ какимъ ему еще не разъ придется прибѣгать для достиженія своей цѣли.

Они были одни, а между тѣмъ никто изъ нихъ еще ни разу не назвалъ своей цѣли ея настоящимъ именемъ. Наконецъ, Зонненкампъ сказалъ, что слышалъ отъ той совѣтницы, будто бы «винный графъ» въ самомъ скоромъ времени получить дипломъ на дворянское достоинство. Онъ, Зонненкампъ, признаетъ за собой гораздо болѣе правъ на подобнаго рода отличіе и желалъ бы, чтобы оно было оказано ему прежде, чѣмъ «винному графу»: хотя прибавилъ онъ, я и выдаю мою дочь не за обреченнаго на смерть, но за цвѣтущаго здоровьемъ молодого дворянина. Пранкенъ былъ видимо польщенъ. Онъ самодовольно улыбнулся, но тѣмъ не менѣе замѣтилъ, что о преимуществѣ надъ «виннымъ графомъ» и думать нечего. Напротивъ, пусть ему прежде выдаютъ дворянскій дипломъ: тогда въ случаѣ нужды, по крайней мѣрѣ, можно будетъ сослаться на его примѣръ. Тягаться съ «виннымъ графомъ» невозможно уже и потому, что у него въ домѣ останавливался самъ епископъ, когда въ послѣдній разъ объѣзжалъ свою епархію. За него все высшее духовенство: тогда какъ у васъ, прибавилъ онъ, то-есть у насъ, хотѣлъ я сказать, нѣтъ никакой партіи. Тѣмъ лучше, вся честь побѣды останется за нами одними.

Они пріѣхали въ столицу. Совѣтница встрѣтила ихъ очень любезно. На Пранкена она смотрѣла, какъ на главу, или какъ на президента собравшагося у ней общества и выразила ему свою радость по случаю того, что ей удалось въ своихъ новыхъ знаемыхъ найти истинныхъ друзей. Пранкенъ при этомъ ловко повернулъ замѣчаніе на счетъ возможности приобрести въ этихъ друзьяхъ еще и близкихъ сосѣдей.

Онъ яркими чертами изобразилъ красоту мѣстоположенія, въ которомъ находилась вилла, по его словамъ, недавно купленная Зонненкампомъ. Но послѣдній, прибавилъ онъ, руководимый желаніемъ окружить себя благородными сосѣдями, готовъ перепродать ее за самую ничтожную цѣну.

Оказалось, что совѣтница знала этотъ домъ. Онъ нѣкогда принадлежалъ ея добрымъ знакомымъ, которыхъ она часто навѣщала. По ея мнѣнію, ничто не могло сравниться съ жизнью въ

такой живописной мѣстности и въ такомъ пріятномъ сосѣдствѣ. Она еще недавно говорила своему мужу, какъ стыдно должно быть правительству, что оно до сихъ поръ не дало никакого знака отличія такому человѣку, какъ Зонненкампъ.

Такимъ образомъ Пранкенъ, мало-по-малу, приступалъ къ осуществленію своего плана. А совѣтница, между прочимъ, замѣтила, что все дворянское сословіе почтетъ себѣ за честь принять Зонненкампа въ свою среду.

Слушая ихъ, Зонненкампъ имѣлъ застѣнчивый, точно пристыженный видъ. Онъ сидѣлъ, потупивъ взоръ и краснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, которой дѣлаютъ, впрочемъ давно ею ожидаемое, признаніе въ любви.

Но вскорѣ общество какъ бы по взаимному соглашенію тѣснѣе сдвинуло стулья, и разговоръ принималъ болѣе дружескій и интимный характеръ. Совѣтница просила пока ничего не говорить объ этомъ ея мужу. Она брала на себя его приготовить и расположить въ пользу Зонненкампа. Между тѣмъ не дурно было бы открыть дѣйствія еще и съ другой стороны. Еслибъ графъ Вольфсгартенъ первый замолвилъ за нихъ слово при дворѣ, ихъ дѣло отъ этого много бы выиграло. Но Пранкенъ сослался на тѣсную дружбу, которая связывала Клодвигъ съ Зонненкампомъ и не позволяла ему что-либо предпринять въ его пользу. Вообще, говорилъ онъ, все это дѣло должно быть ведено съ осторожностью, доступной только женщинѣ, подобной совѣтницѣ, благоразуміе и тонкій умъ которой всѣмъ и каждому извѣстны. Зонненкампъ просилъ между прочимъ замѣтить, что онъ не проситъ о дворянскомъ достоинствѣ, но что оно должно быть ему предложено черезъ посредство его друзей. Ему пріятна была деликатность, съ какой въ этомъ случаѣ дѣйствовала совѣтница, и онъ не хотѣлъ отъ нея отставать. Говоря съ ней, онъ воображалъ, что гладитъ по спинѣ кошку, и что рука его утопаетъ въ ея мягкой пушистой шерсти.

— А вмѣстѣ съ этой виллой продаются также и виноградники? внезапно спросила совѣтница.

— Около трехъ десятинъ въ самомъ выгодномъ положеніи, насколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ Пранкенъ и мигнулъ Зонненкампу, что надо будетъ купить и виноградники. Весь стыдъ и застѣнчивость Зонненкампа мгновенно исчезли. Вопросъ коснулся его денегъ и къ нему вернулась вся его смѣлость. Ему очень хотѣлось сказать совѣтницѣ, что она получитъ виллу и прилежащія къ ней виноградники не прежде, какъ когда дипломъ на дворянство будетъ находиться въ его рукахъ. Но онъ побоялся Пранкена, да къ тому же и не видѣлъ никакой надобности не-

премѣнно теперь ей объ этомъ заявлять: когда настанетъ время, онъ сдумѣетъ за себя постоять и конечно не дастся въ обманъ. По лицу его пробѣжала самодовольная улыбка.

Въ комнату между тѣмъ вошелъ самъ совѣтникъ, съ формальной учтивостью поклонился гостямъ и поблагодарилъ Зонненкампа за вниманіе, какое тотъ оказывалъ его женѣ, во время ея пребыванія въ Виши.

Затѣмъ все общество перешло въ залу, гдѣ находился Роландъ съ мальчикомъ его лѣтъ, въ кадетской формѣ. То былъ одинъ изъ сыновей совѣтника. Необыкновенная красота Роланда невольно обратила на него всеобщее вниманіе, и онъ сдѣлался какъ бы центромъ маленькой группы. Совѣтникъ, узнавъ, что воспитаніе Роланда поручено ученому, хотя нѣсколько эсцентричному, Эриху Дорнэ, поздравилъ Зонненкампа съ такимъ удачнымъ выборомъ. На выраженное мальчикомъ желаніе быть офицеромъ, совѣтникъ сталъ уговаривать Зонненкампа отдать его въ корпусъ. Пранкенъ въ полголоса замѣтилъ совѣтницѣ, что Роланду во всякомъ случаѣ будетъ лучше поступить въ кадеты уже послѣ того, какъ отецъ его получитъ дворянское достоинство. Въ противномъ случаѣ, прибавилъ онъ, мальчикъ можетъ подвергнуться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны товарищей.

Совѣтникъ завелъ рѣчь о развалинахъ, которыя Зонненкампъ реставрировалъ, и объ его искусствѣ въ дѣлѣ садоводства. Слава о немъ успѣла проникнуть и ко двору. Зонненкампъ просилъ позволенія представить въ герцогскому столу образцы плодовъ, растущихъ въ его оранжереяхъ. У него именно теперь зрѣютъ превосходные бананы. Пранкенъ особенно не могъ нахвалиться виноградомъ, который круглый годъ появляется у Зонненкампа за обѣдомъ. Совѣтникъ отвѣчалъ, что любезное предложеніе господина Зонненкампа, вѣроятно, будетъ благосклонно принято, но что ему все-таки прежде слѣдуетъ обратиться съ нимъ въ гофмаршалу, который состоитъ въ близкомъ родствѣ съ Пранкеномъ.

Пранкенъ съ Зонненкампомъ немедленно отправились въ гофмаршалу, Роландъ съ кадетомъ поѣхали кататься верхомъ, а Церера осталась съ совѣтницей. Последняя была въ высшей степени тронута стараніями своей гостыи заставить ее принять отъ нея въ подарокъ прекрасный коралловый браслетъ, которымъ она только-что передъ тѣмъ восхищалась. Совѣтница наконецъ сдалась на просьбы Цереры, но сказала, что принимаетъ браслетъ не иначе какъ въ знакъ дружбы и съ условіемъ, что это останется между ними втайнѣ. Она особенно старалась ей внушить, что служить друзьямъ своимъ вполне безкорыстно и что усердіе ея при этомъ не нуждается ни въ какихъ подстреканіяхъ. Совѣт-

ница, какъ видно думала, что Церерѣ извѣстны всѣ планы Зонненкампа и что онъ ей поручилъ задобрить ее подарками. Но Церера въ отвѣтъ съ изумленіемъ на нее посмотрѣла, явно ни слова не понимая изъ того, что она ей говорила.

Первоначально Зонненкампъ намѣревался въ тотъ же вечеръ возвратиться домой. Но совѣтница предложила ему на слѣдующій день посѣтить одно загородное гулянье, гдѣ собиралось все лучшее общество столицы. Пранкенъ съ своей стороны совѣтовалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, находя весьма полезнымъ для Зонненкампа, чтобъ онъ проѣхался по столицѣ и явился на гулянье въ одной коляскѣ съ совѣтникомъ. Церера должна была вмѣстѣ съ совѣтницей слѣдовать за ними въ другомъ экипажѣ. Пусть всѣ видятъ, какія тѣсныя, дружескія отношенія завязались между Зонненкампомъ и совѣтникомъ.

Дорогой совѣтницѣ пришла на умъ благая мысль, которая въ одно и то же время свидѣтельствовала о ея добротѣ и находчивости. Она вздумала оказать услугу бѣдной женщинѣ и тѣмъ самымъ приобрѣсти себѣ вѣрную помощницу и союзницу. Она мягко и съ состраданіемъ заговорила о матери Эриха, которая свое высокое положеніе въ свѣтѣ принесла въ жертву тому, что называютъ идеальной любовью. Между Пранкеномъ и совѣтницей уже успѣли установиться самыя довѣрчивыя отношенія. Она ничего не предпринимала безъ его согласія и постоянно ожидала, чтобъ онъ легкимъ движеніемъ головы выразилъ свое мнѣніе на счетъ каждаго ея слова или дѣйствія. Такъ и теперь она не рѣшалась, пока онъ ей не кивнулъ одобрительно головой. Тогда она уже смѣло приступила къ Зонненкампу съ просьбой, чтобъ онъ что-нибудь сдѣлалъ для матери Эриха, а лучше всего пригласилъ бы ее къ себѣ въ домъ. Тетушка Клавдія тоже не была забыта и получила свою долю похвалъ. Совѣтница полагала, что съ переселеніемъ въ Зонненкампу профессорши и фрейленъ Дорнэ, ей будетъ гораздо удобнѣе съ нимъ сблизиться. Ея частыя посѣщенія на виллу объяснялись бы тогда участіемъ въ бѣднымъ женщинамъ, зависимое положеніе которыхъ она будто бы желаетъ облегчить. Такимъ образомъ дѣла ея пошли бы какъ нельзя успѣшнѣе и она могла бы въ самомъ скоромъ времени поселиться на своей виллѣ, въ которой между прочимъ принадлежало еще и нѣсколько десятинъ виноградниковъ.

Поступками совѣтницы вообще управляли самыя разнообразныя побужденія, отчего, впрочемъ, ей никогда не бывало дурно.

Зонненкампъ не переставалъ любезно улыбаться, но въ душѣ говорилъ самому себѣ: «Цѣпь, соединяющая между собой этихъ дворянъ, гораздо крѣпче той, которая связываетъ воровъ, а впро-

чемъ, первые по временамъ сильно смахиваютъ на вторыхъ. Ну, не забавно ли, какъ всѣ эти бѣдные дворяне теперь вокругъ меня увиваются?» Поддакивая совѣтницѣ, онъ мысленно рѣшилъ: «Ты еще подождешь со своей виллой, а профессорша пусть-ка еще посидитъ за своей швейной машиной!»

Между тѣмъ, они прибыли на загородное гулянье, принадлежавшее принцу, только - что вернувшемуся изъ Америки. Тамъ все было прекрасно устроено. Немного въ сторонѣ отъ дороги возвышался павильонъ, гдѣ стоялъ накрытый столъ, вооруженный суетились лакеи. Изъ сада, открытаго публикѣ, раздавалась военная музыка, а деревья были всѣ увѣшаны разноцвѣтными фонарями. Въ этотъ день гвардейскіе офицеры давали здѣсь празднѣе. Музыка ни на минуту не умолкала. Едва одинъ оркестръ переставалъ играть, какъ вмѣсто него начиналъ другой. Посреди сада была раскинута палатка, гдѣ собирались обѣдать офицеры. Около, за маленькими столиками, помѣщались столичные жители, пріѣхавшіе на празднѣе съ женами и дочерьми въ легкихъ лѣтнихъ нарядахъ.

Прибытіе экипажей, запряженныхъ великолѣпными лошадьми Зонненкампа, обратило на себя всеобщее вниманіе. Пранкенъ, взявшій на себя всѣ хлопоты, такъ ловко и живо распорядился, что его общество вскорѣ удобно размѣстилось за однимъ изъ лучшихъ столовъ. Взоры сосѣдей были на нихъ съ любопытствомъ устремлены. Пранкенъ не замедилъ въ числѣ ихъ найти своихъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Онъ переходилъ отъ одного стола къ другому, раскланивался и пожималъ руки, а впрочемъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, вернуться къ своему обществу.

Совѣтница ни на минуту не повидала руки Зонненкампа. Пранкенъ посвятилъ себя Церерѣ, а Роландъ съ кадетомъ не отходилъ отъ щита, гдѣ стрѣляли въ цѣль, и постоянно попадалъ въ самую середину круга. Зонненкампъ былъ представленъ генералу, начальнику пировавшихъ тамъ офицеровъ. Онъ пригласилъ его къ себѣ на виллу. Генераль обѣщался побывать у него въ самомъ скоромъ времени, а Пранкенъ, указывая на Роланда, объявилъ, что завербовалъ для своего полка новаго рекрута.

Насталъ вечеръ, зажглись фонари. Вдругъ раздался выстрѣлъ, оркестръ заигралъ тушь, садъ огласился радостными криками. Публика привѣтствовала принца, который прибылъ изъ своего дворца на празднѣе гвардейскихъ офицеровъ.

Оба оркестра разомъ играли воинственный маршъ. Присутствующіе были въ восторгѣ, но счастливѣе всѣхъ оказался Зонненкампъ. Онъ былъ представленъ принцу, который сазалъ ему

нѣсколько, правда, самыхъ незначительныхъ словъ, но тѣмъ не менѣе, всѣ видѣли, что онъ съ нимъ говорилъ и очень мило- стиво ему поклонился.

Общество вернулось въ столицу въ наилучшемъ расположе- нии духа. Дорогой до нихъ еще долго долетали звуки музыки, а сквозь зелень сверкали разноцвѣтные огни фонарей.

На слѣдующій день въ газетахъ стояло слѣдующее:

«Вчера вечеромъ гвардейскіе офицеры праздновали на Ру- дольфской-горѣ свой ежегодный праздникъ. Его высочество принцъ Леонгардъ осчастливилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Въ числѣ гостей находился также господинъ Зонненкамъ изъ виллы Эдемъ и его почтенное семейство.»

ГЛАВА IV.

МѢСТО ЗАНЯТО.

Проводивъ Зонненкамъ и его семейство въ столицу, Эрихъ отправился въ Вольфсгартенъ. Онъ успѣлъ побѣдить въ себѣ всѣ дурныя, нечистыя мысли, которымъ, впрочемъ, никогда вполне не давалъ воли. Но теперь всѣ его помыслы были устрем- лены на одно: онъ чувствовалъ себя обязаннымъ отблагодарить Беллу за ея дружбу и хотѣлъ, раскрывъ ей глаза на прекрас- ныя свойства ея мужа, обратить на него всѣ благородныя ка- чества ея ума и сердца. Воодушевляемый такого рода желаніемъ, онъ прибылъ въ Вольфсгартенъ бодрый и веселый.

Эрихъ засталъ Клодвигъ одного. Белла уѣхала кататься съ гостившимъ у нихъ знатнымъ иностранцемъ. Клодвигъ былъ очень радъ случаю побесѣдовать съ Эрихомъ наединѣ. Въ по- слѣднее время ему почти всегда приходилось оставаться съ Ро- ландомъ, между тѣмъ какъ Белла прогуливалась съ Эрихомъ. Клодвигъ рассказалъ, что у него теперь гоститъ сынъ русскаго посланника въ Неаполѣ, съ которымъ онъ познакомился и сбли- зился во время своего пребыванія въ этомъ городѣ. Молодой че- ловѣкъ пріѣхалъ въ Германію учиться сельскому хозяйству и явился къ Клодвигу за совѣтомъ. Съ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостного права императоромъ, въ ней произошелъ великій нравственный и экономическій переворотъ. Помѣщики внезапно превратились въ простыхъ землевладѣльцевъ, и, предоставленные собственнымъ силамъ, совершенно естественно, начали заботиться о возвышеніи качества и стойкости своей земли. Молодой князь, говорилъ Клодвигъ, уже успѣлъ, по примѣру всѣхъ себѣ подоб-

ныхъ, окунуться въ омутъ парижской жизни. Но въ немъ было много хорошихъ задатковъ и большой запасъ силы воли, которые и заставляли надѣяться, что онъ не замедлитъ достигнуть всего лучшаго. Русскимъ вообще свойственно святое стремленіе жертвовать собой ради пользы меньшей братіи, и стремленіе это иногда до такой степени овладѣваетъ даже людьми, преданными свѣту и его удовольствіямъ, что съ трудомъ вѣришь этому стремленію.

— Но замѣтите, прибавилъ Клодвигъ, какъ бы въ видѣ предостереженія Эриху: — русская аристократія болѣе всѣхъ прочихъ одержима жаждой ея познаніямъ; бѣда только въ томъ, что эти люди годъ, другой, усердно преслѣдуютъ свои идеалы, а затѣмъ утомляются и впадаютъ въ бездѣйствіе. Кромѣ того, они одарены способностью быстро перенимать чужое, но какъ долго они въ состояніи удерживать это чужое и когда начнутъ создавать свое собственное — это еще вопросъ. Впрочемъ, уничтоженіе крѣпостного права можетъ быть и выработаетъ въ нихъ ка-кія-нибудь новыя начала.

Эрихъ находилъ весьма знаменательнымъ одно обстоятельство, что такой важный переворотъ въ судьбѣ русскаго народа былъ совершенъ не церковью, съ призваніемъ которой подобный переворотъ, казалось бы, вполне согласовался, но чистой идеей гуманности, навѣянной новымъ духомъ свободы и чуждой всякаго церковнаго вліянія.

— Этотъ взглядъ совершенно для меня новъ, замѣтилъ Клодвигъ, и въ тонѣ его голоса звучало удовольствіе.

Старикъ и молодой человѣкъ еще долго продолжали разсуждать о свойствахъ человѣческаго духа. Клодвигъ выражалъ свою печаль по случаю того, что грубая, матеріальная сила имѣетъ надъ духовной еще слишкомъ много власти, — гораздо болѣе, чѣмъ хотѣлось бы въ томъ сознаться. Бесѣда ихъ была внезапно прервана приходомъ Беллы, которая, когда Эрихъ ей поклонился, вся вспыхнула. Съ ней вмѣстѣ вошелъ въ комнату человѣкъ изящной наружности, но съ выраженіемъ усталости на лицѣ. Онъ очень любезно раскланялся съ Эрихомъ и обрадовался, узнавъ, что тотъ бѣгло говоритъ по-французски. Самъ же онъ съ большимъ трудомъ изъяснялся по-нѣмецки. Произношеніе Эриха, замѣтилъ онъ, тотчасъ указываетъ на его французское происхожденіе. Въ звукахъ французской рѣчи есть нѣчто такое, что доступно только органу природнаго француза.

Общество на короткое время разошлось съ тѣмъ, чтобы снова соединиться за завтракомъ на открытомъ воздухѣ.

Клодвигъ готовъ былъ обнять русскаго князя, видя, какъ тотъ старался сблизиться съ Эрихомъ.

— Я счелъ бы себя счастливымъ, замѣтилъ между прочимъ князь: еслибъ могъ у васъ чему-нибудь научиться.

Онъ сказалъ это такъ просто и дѣтски-довѣрчиво, что Эрихъ въ отвѣтъ ему протянулъ руку и ласково проговорилъ:

— А я въ свою очередь надѣюсь отъ васъ чѣмъ-нибудь по-заимствоваться.

— Кромѣ виста, въ которомъ я, по отзыву всѣхъ, очень силенъ, врядъ ли можно у меня чему-нибудь научиться, со смѣхомъ возразилъ князь, а затѣмъ уже серьезно прибавилъ: «Правда ли, что философія теперь совсѣмъ вышла изъ моды въ Германіи, и можете ли вы мнѣ сказать, что тому причиной?» Собираясь изучать произведенія туземной почвы, князь, совершенно естественно, хотѣлъ прежде познакомиться съ людьми, которые ее обрабатываютъ.

Клодвигъ одобрительно кивнулъ головой: онъ былъ доволенъ вопросомъ и скромностью своего гостя. Эрихъ оговорившись, что не беретъ на себя окончательнаго разрѣшенія столь сложной задачи, ограничился только тѣмъ, что высказалъ свое личное объ этомъ мнѣніе. Философія, замѣтилъ онъ, можетъ быть, современемъ опять выступитъ впередъ въ качествѣ самостоятельной науки, — теперь же она осталась пока методомъ всѣхъ наукъ.

— Согласны ли вы съ тѣмъ, спросилъ князь, что проповѣдуемый Кантомъ законъ безусловнаго долга и французская революція породили однѣ и тѣ же послѣдствія?

Белла, откинувъ голову на спинку стула, устремила глаза въ голубое пространство. Мужчины, думала она, пустились въ разсужденія о предметѣ, который они, изъ уваженія къ ней, могли бы отложить до другого времени. Но нечего дѣлать, она вооружится терпѣніемъ и не будетъ имъ мѣшать.

Эрихъ между тѣмъ объяснялъ, что основное нравственное начало Канта: «руководись въ своихъ поступкахъ правилами, которыя могли бы быть общими для всѣхъ людей», — дѣйствительно указываетъ на тотъ же идеалъ, который выработала французская революція, провозгласивъ равенство людей передъ закономъ. Въ мірѣ нѣтъ болѣе привилегій.

— Но это равенство, спросилъ русскій, не уничтожаетъ ли всякое величіе на землѣ и не дѣлаетъ ли генія невозможностью?

Белла, не чувствуя силъ молчать долѣе, поспѣшила вмѣшаться въ разговоръ.

— А я такъ поставлю вопросъ, сказала она: — развѣ исключительныя натуры не создаютъ новыхъ законовъ, какъ въ

нравственномъ и умственномъ, такъ и въ политическомъ и эстетическомъ мѣрѣ?

Клодвигъ улыбнулся, видя, какъ Белла разомъ пустила въ ходъ всѣ свои средства, но Эрихъ серьезно отвѣчалъ:

— Церковное іезуитство и тщеславіе людей свѣтскихъ одинаково заслуживаютъ порицанія. Натуры, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, сами присваиваютъ себѣ право на исключительность, которая только мѣшаетъ существовать другимъ людямъ. На такъ-называемыхъ высшихъ натурахъ въ сущности лежатъ однѣ обязанности; жизнь не признаетъ за ними преимуществъ; права ихъ должны быть тѣже, что и у прочихъ людей. Передъ Богомъ и вѣчными законами нравственности всѣ равны: христіанство это провозгласило и не перестаетъ намъ повторять, что мы дѣти Божіи. Передъ отцемъ всѣ дѣти равны. Но церковь изобрѣла индульгенціи, государство маіораты, а нравственность, вооружаясь софизмами, придумала для себя тоже разныя исключенія. Напрасно стали бы мы теперь ожидать пришествія въ мѣръ человѣка, который взялъ бы на себя устроить царство равенства. Такое царство уже существуетъ: путь къ нему идетъ по рельсамъ, а влечетъ къ нему сила, называемая паромъ.

— Какъ вы хорошо говорите! — перервалъ его князь. — Я очень радъ, что съ вами познакомился! Пожалуйста, приходите ко мнѣ почаще, или позвольте мнѣ васъ навѣщать!

Эрихъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ въ пылу разговора увлекся и высказался болѣе, нежели хотѣлъ. Поблагодаривъ князя за любезное желаніе продолжать съ нимъ знакомство, онъ отвѣчалъ, что все его время и силы принадлежатъ мальчику, воспитаніе котораго онъ взялъ на себя. Эрихъ былъ недоволенъ собой. Онъ при всякомъ новомъ столкновеніи съ людьми, часто вовсе не встаетъ, высказывалъ всѣ свои самыя задушевныя мысли и чувства. Ему не доставало гибкости, онъ не умѣлъ вести легкаго, живого разговора и теперь чувствовалъ себя оскорбленнымъ похвалою знатнаго молодого человѣка: — «Вы хорошо говорите!» — «Да, таковы всѣ аристократы! думалъ Эрихъ: подай имъ новое кушанье съ острой приправой, разыграй въ ихъ присутствіи новыя музыкальныя варіаціи и они тотчасъ восхитятся: прелестно, удивительно! воскликнутъ они. Дуракъ тотъ, кто за подобную похвалу отдастъ все, что въ немъ есть лучшаго!»

Но взглянувъ на Беллу, Эрихъ испугался. Глаза ея, съ выраженіемъ тоски, были неподвижно устремлены вдаль. «Чѣмъ я заслужила подобный урокъ? думала она. «Къ чему эта проповѣдь о всеобщемъ равенствѣ передъ законами нравственности? Белла чувствовала себя глубоко уязвленной. Тѣмъ не менѣе она вскорѣ

оправилась, улыбнулась и поспѣшила дать разговору новый оборотъ. Вскорѣ между молодыми людьми, ея стараніями, завязалась борьба, нѣчто въ родѣ турнира на словахъ.

Князь превосходилъ своего соперника умѣньемъ излагать факты и знаніемъ дѣйствительной жизни. Эрихъ охотно призналъ въ этомъ его преимущество надъ собой.

Они пошли погулять по саду. Князь ласково взялъ Эриха подъ руку и спросилъ, знакомъ ли онъ съ Вейдеманомъ, къ которому Клодвигъ посылаетъ его учиться. Эрихъ отвѣчалъ, что ему самому привелось видѣть этого человѣка всего только одинъ разъ, но что онъ здѣсь пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

— Нѣтъ ли у васъ друга, похожаго на васъ? сказалъ князь и пожалъ Эриху руку. — Еслибъ вы мнѣ указали на человѣка, который могъ бы сдѣлаться моимъ руководителемъ и учителемъ, я бы его обезпечилъ на всю жизнь. Но... извините меня за этотъ вопросъ... можетъ быть вы сами?...

Эрихъ поблагодарилъ и сказалъ, что постарается приискать личность, которая бы вполне подходила къ требованіямъ князя.

Къ нимъ присоединилась Белла. Эрихъ, идя рядомъ съ ней, терзался различными сомнѣніями. Онъ такъ много думалъ о томъ, какъ бы ему положить предѣлы столь опасной для него дружбѣ Беллы—и вотъ всѣ размышленія его оказывались лишними: мѣсто его уже было занято. Самолюбіе Эриха втайнѣ сильно отъ этого страдало. На горизонтѣ Беллы появилась новая личность, блестящая, но ничтожная, и мгновенно сдѣлалась ей пріятнѣе и милѣе его, Эриха, правда, неловкаго и неповоротливаго, но за то снабженнаго большимъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній. Любезность Беллы въ отношеніи къ русскому князю его внутренне раздражала. Мысли его какъ-то странно перепутались. Онъ, то видѣлъ въ ней бездушную кокетку, которая со всѣми безъ исключенія заигрываетъ, то увѣрялъ себя, что она старается быть ласковой съ другими для того, чтобъ не слишкомъ бросалось въ глаза ея дружеское обращеніе съ нимъ. Онъ, то радовался тому, что получилъ хорошій урокъ и можетъ теперь спокойно вернуться домой, то досадовалъ на себя за то, что не умѣетъ съ соотвѣтственной другимъ легкостью смотрѣть на мелкія явленія жизни.

Немного спустя пріѣхалъ докторъ и съ его прибытіемъ въ обществѣ водворилось то особенное настроеніе духа, которое онъ всегда всюду съ собой привозилъ. Докторъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ Беллу, Эриха, иностранца, и мгновенно понялъ ихъ взаимныя отношенія. Онъ и графиня постоянно вели между собой тайную войну.

ГЛАВА V.

СТРОГІЙ ПРИГОВОРЪ.

Докторъ пригласилъ Эриха сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ экипажъ, а верховую лошадь посоветовалъ привязать сзади. Онъ общался довести его почти до самой виллы.

Дорогой, посвиставъ немного, докторъ сказалъ:

— Какая прекрасная и умная женщина эта графиня Белла! И какъ любить она своего попугая, который летаетъ на свободѣ въ лѣсу, а затѣмъ покорно возвращается въ ней на плечо!

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, перебилъ его Эрихъ:—здѣсь, въ тѣсномъ провинціальномъ кружкѣ, какъ видно, обычай всегда говорить объ отсутствующихъ, да еще такъ, чтобъ имъ отъ этого не поздоровилось. Последнее, конечно, къ вамъ не относится, но въ бесѣдѣ съ другими я уже не разъ былъ этимъ пораженъ.

Докторъ очень хорошо видѣлъ, что Эрихъ хотѣлъ перемѣнить предметъ разговора, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Порода людей—самая разнообразная въ мірѣ, а въ этой породѣ самымъ многочисленнымъ видоизмѣненіямъ подвергаются женщины. Въ графинѣ Беллѣ, — замѣтите, я говорю не о ней, а о себѣ, — я нашелъ еще совершенно новый, дотогѣ мнѣ неизвѣстный видъ.

— Извините, докторъ, но графиня кажется совершенно здоровой.

— Вы ее знали прежде?

— Очень мало, неохотно сознался Эрихъ.

— Ну, а я ее хорошо зналъ. Она, подобно многимъ другимъ, вышла замужъ по расчету. Я ее за это не осужу, хотя вовсе не раздѣляю мнѣнія о ней другихъ людей. Сама графиня гордится не столько своими талантами, сколько своей добродѣтелью. Мнѣ извѣстно, что она передъ свадьбой говорила графу, что чувствуетъ себя недостойной его и что очень хорошо знаетъ, насколько она во всемъ ниже его. Въ умственномъ отношеніи это только отчасти справедливо и можно сказать, что она съ преувеличенной скромностью употребила слишкомъ сильныя выраженія. Графиня Белла очень умна и талантлива, но ей не достааетъ души; въ ней много наружнаго блеску, и мало прочныхъ богатствъ. Но за то въ нравственномъ отношеніи она была совершенно права, когда говорила, что недостойна своего мужа. Для нея добродѣтель заключается въ соблюденіи приличій...

— Прошу васъ.... началъ Эрихъ.

— И я тоже прошу васъ, не перебивайте меня, остановилъ его докторъ. Я говорю о добродѣтели большого свѣта, вся сущность которой заключается въ однихъ внѣшнихъ признакахъ чести. Свѣтъ вообще руководствуется въ своихъ сужденіяхъ одной внѣшностью. Графъ Клодвигъ, напротивъ, смотритъ на все чистое и прекрасное съ серьезнымъ благоговѣніемъ. Его натурѣ противно все злое и нечистое; онъ не совершилъ бы дурного поступка и въ томъ случаѣ, еслибъ зналъ навѣрное, что его при этомъ не увидитъ ни одинъ человѣческій глазъ.

Докторъ замолчалъ. Сердце Эриха сильно билось. Для чего этотъ человѣкъ такъ упорно настаиваетъ на чистотѣ Клодвига? Не для того ли, чтобъ внушить ему, Эриху, какъ преступна была бы одна мысль, имѣющая въ виду его оскорбить или обмануть?

Докторъ продолжалъ:

— Я не знаю чести выше, какъ быть другомъ Клодвига. Я вообще не люблю аристократовъ, болѣе того — я ненавижу ихъ. Но въ графѣ Клодвигѣ какъ бы олицетворилось то величіе, которое тѣмъ прочіе, что оно вырабатывается постепенно, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, а не завоевывается разомъ, какъ у насъ, людей средняго сословія. Отъ нашего мѣщанскаго величія всегда несетъ свѣжимъ лагомъ, и мы его также быстро утрачиваемъ, какъ и приобретаемъ. Клодвигъ никогда ни въ какомъ случаѣ не воспламеняется, но въ немъ постоянно присутствуетъ одна и та же ровная теплота. Вы видите, я у васъ научился картинно выражаться, шутливо прибавилъ докторъ, а затѣмъ продолжалъ:

— У него одна страсть, а именно — въ спокойствію, но ради васъ онъ и отъ нея отказался. Не находите ли вы это въ высшей степени знаменательнымъ? Я не раздѣляю мнѣнія злыхъ языковъ, которые называютъ графиню Беллу дракономъ добродѣтели. Ей необходимо, говорятъ они, каждую недѣлю, или крайней мѣрѣ хоть разъ въ мѣсяцъ, проглатывать по одной запятнанной репутаціи. Но нѣсколько помершая добрая слава доставляетъ ей еще большее удовольствіе; она, какъ кошка, съ наслажденіемъ ее терзаетъ и, подобно хорошо выдрессированной охотничьей собакѣ, кусаетъ свою добычу прямо въ бровь. Затѣмъ она, чувствуя себя сытой, не только болѣе никому не дѣлаетъ вреда, но даже бываетъ во всѣмъ очень добра. Да и вообще ее нельзя назвать злой; въ ней иногда проявляется даже искреннее состраданіе къ ближнимъ. Она всегда хорошо отзывалась о людяхъ въ бѣдѣ и охотно помогаетъ тѣмъ, которые

унижены судьбой. Стоить только человѣку захворать, и она дѣлается къ нему въ высшей степени внимательна, но здоровье не должно отъ нея ожидать ничего, кромѣ жестокости. У ней роскошные волосы, но это ей доставляетъ гораздо менѣ удовольствія, чѣмъ возможность сказать, что у той или другой изъ ея знакомыхъ фальшивыя косы. Она любитъ также перечислять своихъ золотушныхъ подругъ, чтобъ имѣть возможность похвастаться здоровьемъ, какимъ отличаются всѣ члены семейства Пранкеновъ. Разъ высказавъ какое-нибудь мнѣніе, графиня Белла никогда отъ него не отступается. Она охотнѣе допустить, что ея мужъ, братъ и весь свѣтъ ошибаются, чѣмъ рѣшится сознаться въ собственномъ заблужденіи. Белла фонъ-Вольфегартенъ не можетъ произносить ошибочныхъ сужденій. Ее никогда никто не видѣлъ одѣтой не къ лицу; каждое ея слово заслуживало бы быть начертаннымъ на камнѣ. И это она называетъ характеромъ, силой воли! Главное — никогда не сознаться въ своихъ ошибкахъ, а логика можетъ себя отправлять хоть къ чорту! Графиня Белла сильно смахиваетъ на плясунью, которая танцуетъ на шарахъ. Случалось ли вамъ уже получать отъ нея записочки? Она и на бумагѣ тоже умѣетъ выводить разнаго рода граціозныя пѣ.

Эрихъ провелъ себя рукой по лбу; онъ едва сознавалъ, гдѣ онъ находится, а докторъ, бросивъ до половины выкуренную сигару, продолжалъ:

— Злые люди желаютъ, чтобъ этотъ драконъ добродѣтели наконецъ встрѣтился со своимъ «грѣшнымъ» Георгіемъ. Къ сожалѣнію, это не можетъ случиться безъ того, чтобъ не поразить Клодвига въ самое сердце. А Георгій этотъ долженъ быть просто искателемъ приключеній, а никакъ не человѣкомъ съ сердцемъ, который стремился бы къ добру и смотрѣлъ на любовь серьезно!

Эрихъ не зналъ, что ему отвѣчать. Онъ внутренно дрожалъ и молча сжималъ кулаки. Докторъ подтянулъ цѣпь у экипажа, колесо мгновенно затормозилось, и они начали спускаться съ горы. Передъ ними, внизу, лежала глубокая долина, гдѣ между скалъ, журча, извивался ручеекъ. Эриху казалось, что передъ нимъ вдругъ разверзлась мрачная пропасть. Когда они выѣхали на гладкое мѣсто, докторъ снова заговорилъ:

— Теперь мнѣ надо вамъ еще объяснить, къ какому именно особенному разряду женщинъ принадлежитъ графиня Белла. Въ мірѣ, какъ вамъ извѣстно, есть много женщинъ, которыя дѣйствительно несчастны, или воображаютъ себя такими, потому что мужья ихъ грубы, необразованны, любятъ собакъ и лоша-

дей, а въ женахъ своихъ не признаютъ тѣхъ милыхъ, граціозныхъ созданій, какими онѣ сами себя считаютъ. Графиня Белла, напротивъ, страдаетъ отъ превосходства своего мужа. Будь онъ похожъ на одну изъ тѣхъ выправленныхъ куколъ, задача которыхъ, повидимому, заключается единственно въ томъ, чтобъ носить придворный мундиръ, она бы называла себя несчастной, но жила бы въ мирѣ сама съ собой. Она могла бы тогда считать себя прекрасной, украшенной цвѣтами жертвой, которая терпѣливо, съ достоинствомъ переноситъ свою горькую участь и, оплакивая себя, она бы постоянно росла въ собственныхъ глазахъ. Теперь же, въ сосѣдствѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Клодвигъ, она кажется самой себѣ все ничтожнѣе и ненавистнѣе. Онъ ее оскорбляетъ тѣмъ, что отодвигаетъ ее на второй планъ и нерѣдко порицаетъ ея образъ мыслей, хотя это у него почти всегда выражается только легкимъ движеніемъ бровей. Она, сама впрочемъ того не сознавая, просто - на - просто ненавидитъ своего мужа за то, что онъ изъ простой игры въ высокія мысли и чувства дѣлаетъ нѣчто очень серьезное. Къ тому же онъ какъ бы невольно заставляетъ ее сознаваться въ ея ребячествѣ и неразуміи. Я теперь только впервые понялъ смыслъ преданія о гарпіяхъ. Новыя гарпіи кидаютъ грязью во все высокое, съ цѣлью сдѣлать его отвратительнымъ и негоднымъ къ употребленію. Клодвигъ принужденъ добывать съ бою свой насущный духовный хлѣбъ. И со всѣмъ этимъ графиню Беллу нельзя назвать безусловно дурной. Она охотно помогаетъ больнымъ, хотя нѣсколько деспотически предписываетъ имъ употребленіе своихъ лекарствъ. Но знаете ли вы, что всего опаснѣе въ этой женщинѣ?

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю. Что худшаго можете вы еще сказать?

— Только слѣдующее. Злой духъ, называемый въ церкви дьяволомъ, является здѣсь въ видѣ очень ловкаго, благороднаго и великодушнаго демона. Онъ приходитъ и говоритъ: «Ты другъ этой женщины; она такъ хорошо къ тебѣ расположена, такъ довѣряетъ тебѣ! Употреби же въ дѣло твое вліяніе надъ ней; раскрой ей глаза насчетъ ея мужа, пусть она отъ тебя научится его по заслугамъ цѣнить и уважать». Этотъ вооруженный софизмами демонъ только въ первую минуту кажется такимъ тонкимъ и ловкимъ, на дѣлѣ же онъ одинъ изъ самыхъ грубыхъ. Еще не видано, чтобъ внимательство третьяго лица могло когда-нибудь заставить одного человѣка уважать другого, а тѣмъ болѣе жену — мужа. Только та жизнь и та любовь сильны, которыя возникаютъ и развиваются сами собой. Гдѣ же ихъ нѣтъ — тамъ всѣ усилія вызвать ихъ ога-

жуются бесплодными, хотя бы вы для этого заговорили на языкѣ ангельскомъ... Видѣли ли вы голову Медузы? Древніе считали величайшимъ подвигомъ Персея то, что онъ побѣдилъ Медузу, эту ядовитую красоту. Въ прежнія времена она превращала людей въ камни, теперь она ихъ расслабляетъ... Я питаю къ графинѣ Беллѣ особенную ненависть, и знаете ли почему? Потому, что, благодаря ей, я всякій разъ, что бываю въ Вольфсгартенѣ, дѣлаюсь льстецомъ. Мнѣ не слѣдовало бы быть съ ней такъ учтивымъ, и то, что я оказываю ей уваженіе единственно изъ любви къ Клодвигу, нисколько меня не оправдываетъ. Она шарлатанъ въ юбкѣ и въ нравственномъ смыслѣ еще болѣе, чѣмъ въ отношеніи къ медицинѣ. Отъ послѣдняго я, впрочемъ, ее уже отчасти отъучилъ. Когда я предписываю лекарство, она всегда напередъ знаетъ, что я предпишу. Нѣтъ, ни въ чьемъ обществѣ не бываю я такъ дурень, какъ въ обществѣ графини Беллы. Принужденный ей льстить, я, въ ея присутствіи, испытываю такіе припадки злобы, на какіе не считалъ себя способнымъ. Она обо всемъ говорить, во все вмѣшивается, такъ что можно подумать, будто ей все извѣстно, — на дѣлѣ же она просто ничего и никого не уважаетъ, а всѣхъ и все считаетъ пустяками. Она и собственную свою личность не уважаетъ, потому что сознаетъ все ея ничтожество... Чуть ли не самую главную черту ея характера составляетъ неблагодарность. Оказывайте ей какія хотите услуги, она все-таки останется неблагодарной. Въ этомъ отношеніи маіоръ составляетъ полную противоположность графини Беллы. Тотъ благодаренъ за все, даже за воздухъ, которымъ дышетъ. Маіоръ, это семидесятилѣтнее дитя, до сихъ поръ отказывается вѣрить въ людскіе пороки. Еслибъ ему явился самъ чортъ, онъ и въ немъ бы открылъ хорошія стороны. Что касается до Беллы, то она вся зло. Случается, что злой мужчина все-таки бываетъ дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества, но злая женщина уже ни на что не годна. Знаете ли кто пришелъ бы подъ пару графинѣ Беллѣ?

— Ничего не знаю, въ отчаяніи проговорилъ Эрихъ. Онъ былъ готовъ выскочить изъ экипажа.

— Единственный подходящий къ ней мужчина, который сумѣлъ бы ее укротить — это Зонненкампъ. И замѣчательно, что они втайнѣ другъ другу симпатизируютъ.

Эрихъ былъ радъ предлогу засмѣяться. Докторъ между тѣмъ продолжалъ:

— Признаюсь вамъ, мой юный другъ, что я еретикъ. Женщины въ моихъ глазахъ существа низшей породы. Мужчина никогда не бываетъ ни такъ золъ, ни такъ лживъ, какъ женщина.

За послѣднее впрочемъ ее нельзя и упрекать. Ей съ дѣтства твердятъ: лги, — свѣтъ судить только по наружности. Но хуже всего въ женщинахъ — это полное отсутствіе въ нихъ гуманности. Онѣ никогда не углубляются въ сущность вещей. Для нихъ все подготовлено, скрѣплено и сшито, какъ шляпка или мантилья въ модномъ магазинѣ. Кромѣ того надъ ними тяготѣетъ еще особаго рода проклятіе: имъ никогда не могутъ быть вполнѣ знакомы радости дружбы. Злословіе составляетъ для нихъ какъ бы животную потребность. Во всей природѣ, женскій полъ отличается наибольшей лютостью.

Эрихъ сидѣлъ молча и совсѣмъ растерянный. Между тѣмъ они достигли мѣста, гдѣ имъ предстояло разстаться. Докторъ снова немного посвисталъ, а потомъ, весь раскраснѣвшійся, сказалъ:

— Наконецъ-то я облегчилъ себя, а то меня точно кто-нибудь душилъ. Спасибо вамъ, мой другъ, за то, что вы меня такъ терпѣливо выслушали, — и онъ ласково положилъ руку на плечо Эриха. — Я золь на поэтовъ, которые, изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе женщинъ, сдѣлали изъ нихъ какихъ-то богинь. Но я съ своей стороны можетъ быть тоже хватилъ черезъ мѣру и сказалъ о нихъ что-нибудь лишнее. Въ такомъ случаѣ забудьте это и помните только то, что справедливо, и отчего я ни въ какую минуту, моей жизни не откажусь.

Эрихъ взялъ лошадь за поводья и, погруженный въ размышленія, медленно продолжалъ путь пѣшкомъ. Ему было больно, что о Беллѣ такъ дурно отзывались, и онъ сердился на себя за то, что не сумѣлъ ее лучше защитить. Но въ то же время онъ съ благодарностью смотрѣлъ на небо и давалъ обѣщаніе никогда не впадать въ проступокъ, который потомъ заставилъ бы его краснѣть. Мысли его мало-по-малу обратились на Роланда и внутри его шепталъ голосъ: «Теперь ко мнѣ больше не вернется ни одно изъ преступныхъ желаній и я надѣюсь быть въ состояніи достойнымъ образомъ воспитать человѣка. Тщеславіе меня чуть не погубило; я хотѣлъ блистать; мнѣ было пріятно слушать похвалы изъ устъ прекрасной женщины, чувствовать на своей рукѣ прикосновеніе ея теплой перчатки, когда она, шутя, ударяла меня ею по пальцамъ. Въ это время мнѣ было бы не подъ силу воспитать юношу въ нравственной чистотѣ, — теперь же я надѣюсь этого достигнуть!»

И онъ съ облегченнымъ сердцемъ пришелъ на виллу. Тамъ его ожидала телеграмма, извѣщавшая о намѣреніи Зонненгампа переночевать въ столицѣ. Эрихъ былъ одинъ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

На слѣдующее утро Церера все говорила о томъ, какъ ей не хочется возвращаться на виллу. Праздникъ на Рудольфской-горѣ не выходилъ у нея изъ головы, и она рада была бы, чтобъ онъ и сегодня повторился. Она убѣдительно просила совѣтницу поѣхать вмѣстѣ съ ней на виллу и тамъ остаться погостить. Совѣтница отказалась, но въ то же время дала обѣщаніе скоро навѣстить своихъ новыхъ друзей.

Церера была въ очень дурномъ расположеніи духа, и Зонненкампъ, чтобы хоть сколько-нибудь ее развеселить, посадилъ къ ней въ экипажъ Прангена, а съ собою взялъ Роланда. Оставшись наединѣ съ сыномъ, онъ сталъ его распрашивать о томъ, о семь, и преимущественно объ Эрихѣ, какъ часто тотъ видѣлся и гулялъ съ графиней Беллой. Роландъ былъ въ недоумѣніи.

Дорогой они обогнали верховыхъ лошадей, которыхъ Зонненкампъ отправилъ впередъ. Лошади были покрыты длинными попонами, севозъ отверстія которыхъ они какъ-то странно поглядывали вокругъ своими большими, круглыми глазами. Зонненкампъ приказалъ остановиться, еще издали завидѣвъ, какъ одинъ изъ конюховъ, вмѣсто того, чтобъ идти пѣшкомъ возлѣ лошади, предпочелъ помѣститься у нея на спинѣ. Зонненкампъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ и погрозилъ за вторую вину такого рода отставить его отъ мѣста.

Они поѣхали далѣе.

— Наши лошади, совсѣмъ неожиданно замѣтилъ Роландъ: одѣты лучше людей.

Зонненкампъ ничего не отвѣчалъ, но искоса поглядѣлъ на сына.

Вдругъ Роландъ закричалъ вучеру, чтобъ тотъ остановился. Онъ примѣтилъ на краю дороги того самаго извозчика, котораго встрѣтилъ ночью съ грузомъ глиняныхъ кувшиновъ, предназначенныхъ для минеральныхъ водъ. Мальчикъ высочилъ изъ экипажа, подбѣжалъ къ извозчику и взявъ его за руку, попросилъ, когда онъ увидится съ дворникомъ, передать ему, что никто болѣе не можетъ сомнѣваться въ его честности. Затѣмъ Роландъ также быстро опять вскочилъ въ экипажъ, а извозчикъ остался въ изумленіи стоять на дорогѣ. Отецъ потребовалъ у мальчика объясненія столь страннаго поступка, и тотъ рассказалъ ему все, не исключая и преданія о духѣ смѣха, которое однако не вызвало

ни малѣйшей улыбки на лицѣ Зонненкампа. Когда же Роландъ упомянулъ о своемъ желаніи испробовать на себѣ жизнь бѣдныхъ, борющихся съ нуждой людей, Зонненкампъ тихо засвисталъ. Мальчикъ продолжалъ говорить, а отецъ не могъ надивиться подвижности и свѣжести его ума. Наконецъ очередь дошла и до разговора у крѣпости, вызваннаго извѣстнымъ вопросомъ Клауса. Слова Эриха были переданы Роландомъ конечно по своему, съ разнаго рода измѣненіями, пропусками и дополненіями.

Зонненкампъ не зналъ на что́ ему рѣшиться. Немедленно отпустить Эриха—не годилось для Роланда, который послѣ этого тѣмъ упорнѣе бы привязался въ своимъ извращеннымъ понятіямъ. Съ другой стороны онъ боялся окончателнымъ разрывомъ съ Эрихомъ оскорбить совѣтницу, которая такъ ясно высказала свои желанія на счетъ матери молодого человѣка. Наконецъ, не слѣдовало забывать и того, что ничуть не Пранкенъ, а Эрихъ былъ главнымъ виновникомъ сближенія его съ Клодвигомъ, который теперь сдѣлался ему особенно нуженъ для осуществленія извѣстнаго плана.

Вдобавокъ во всему, Зонненкампа терзала еще двойная ревность. Съ одной стороны, духовенство отняло у него дочь, съ другой—человѣкъ свѣтскій хотѣлъ лишить его сына. Онъ не пытался доказывать Роланду, какъ ложны идеи, проповѣдуемыя Эрихомъ, а только усиливался дать ему понять, что онъ вовсе не обязанъ безпрекословно повиноваться человѣку, который живетъ у нихъ въ домѣ на жалованьи. Да и самой наукой ему нѣтъ никакой надобности ужъ такъ усердно заниматься: это хорошо для тѣхъ людей, которымъ предстоитъ прокладывать себѣ путь въ жизни,—а ему, богатому юношѣ, достаточно знать только то, что нужно для обихода въ свѣтѣ. Онъ вообще уговаривалъ сына не портить себѣ жизнь несбыточными мечтами и старался изобразить ему въ самомъ яркомъ свѣтѣ веселое, блестящее существованіе офицеровъ въ столицѣ.

Возвратясь домой, Зонненкампъ первымъ дѣломъ освѣдомился, гдѣ Эрихъ провелъ вчерашній день. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ тономъ человѣка, который имѣетъ право требовать у своего подчиненнаго отчета во всѣхъ его поступкахъ. Эрихъ отвѣчалъ, что былъ въ Вольфсгартенѣ и распространился на счетъ молодого русскаго князя. Зонненкампъ слушалъ его съ улыбкой: ему было пріятно видѣть, какъ ловко этотъ добродѣтельный человѣкъ прикрывалъ свои уклоненія отъ истиннаго пути.

Въ тоже время Роландомъ овладѣло сильное желаніе нарушить порядокъ, который Эрихъ, съ его согласія, внесъ въ ихъ

занятія. Внушенія отца не пропали даромъ, и мальчикъ сидѣлъ за урокомъ печальный и угрюмый. Взгляды, которые онъ по временамъ бросалъ на Эриха, ясно доказывали ему, что онъ начинаетъ въ немъ видѣть своего тюремщика. Роландъ до сихъ поръ на все смотрѣлъ глазами Эриха и жилъ, такъ сказать, по его программѣ. Но теперь это миновало, и въ тому же у него въ ушахъ все еще раздавались звуки военной музыки, а въ глазахъ мелькали оживленныя группы офицеровъ.

Эрихъ замѣтилъ перемѣну въ своемъ воспитанникѣ и сильно огорчился. Онъ отдавалъ Роланду всѣ свои силы, а тотъ принималъ его заботы какъ-то вяло и неохотно. Теперь, когда мальчикъ, не сдерживаясь, высказывалъ свое дурное расположеніе духа, къ Эриху опять вернулись его сомнѣнія, и онъ впалъ въ уныніе. Ему снова представилась вся трудность задачи воспитателя, и мысли его невольно обратились къ прошлому. Въ полку онъ обыкновенно, сдавъ службу, пользовался полной свободой и жилъ исключительно для себя. Позже, въ родительскомъ домѣ, онъ тоже не зналъ никакихъ стѣсненій. Профессорша, привыкшая ничѣмъ не беспокоить мужа на томъ основаніи, что ученымъ и безъ того много есть о чемъ думать, продолжала точно также охранять и покой своего сына. Ему никогда никто не мѣшалъ въ его занятіяхъ, и все внутри его могло свободно перерабатываться. Теперь же за обѣдомъ и на прогулкахъ, онъ долженъ былъ быть постоянно на готовѣ, чтобъ поддерживать разговоръ съ отцемъ, или отвѣчать на вопросы сына. Эрихъ слишкомъ долго жилъ самостоятельно, имѣя въ виду только свое умственное развитіе, и теперь ему казалось, что онъ вмѣстѣ съ независимостью какъ бы утратилъ собственную личность и сдѣлался тѣнью своего прежняго «Я». Ничего новаго или свѣжаго не могло болѣе расцвѣсть въ его душѣ, и ему стоило большихъ усилій вызывать въ себѣ воспоминаніе о томъ, что онъ въ былое время передумалъ и почувствовалъ. Однимъ словомъ, Эрихъ оплакивалъ свою преждевременную кончину. Онъ прежде едва признавался даже самому себѣ въ удовольствіи, какое ему доставляло общество Беллы, но теперь, когда онъ и его лишился— что болѣе оставалось ему въ жизни?

Онъ ужаснулся, увидѣвъ, до какой степени успѣлъ связать съ чужимъ существованіемъ все, что было въ немъ наилучшаго и святаго. Но вотъ настало время пробудиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ Эриха внезапно поразило охлажденіе къ нему Зонненкампа и Роланда. Онъ принималъ это какъ заслуженное наказаніе, удвоилъ рвеніе,—но все было напрасно.

Наконецъ дѣло совершенно неожиданно дошло до кризиса.

Зонненкампъ, въ присутствіи Роланда и съ торжествомъ на него поглядывая, вручилъ Эриху первое слѣдовавшее ему жалованье. Эрихъ смутился, но мгновенно овладѣлъ собой. Онъ взялъ деньги и сдѣлалъ шагъ къ окну, около котораго стоялъ Роландъ. Зонненкампъ въ первую минуту подумалъ, что онъ хочетъ бросить деньги въ окно. Но Эрихъ очень спокойно произнесъ:

— На, Роландъ, возьми мое жалованье, отнеси его ко мнѣ въ комнату и подожди меня тамъ.

Роландъ взялъ золото и въ смущеніи смотрѣлъ то на отца, то на Эриха.

— Пожалуйста, снеси деньги въ мою комнату, повторилъ Эрихъ. Ну, ступай-же.

Роландъ пошелъ, неся деньги, какъ будто они составляли для него слишкомъ тяжелую ношу. Въ комнатѣ Эриха, онъ положилъ золото на столъ и хотѣлъ уйти, но подумалъ, что деньги опасно оставлять такъ на виду. Онъ собрался затворить двери на ключъ, но вспомнилъ, что Эрихъ привазалъ ему его здѣсь дожидаться. Онъ стоялъ посреди комнаты, а вокругъ него все вертѣлось и въ глазахъ стоялъ туманъ. Что такое случилось?

Вдругъ пришелъ Пранкенъ, поздоровался съ нимъ и сталъ его поздравлять съ тѣмъ, что онъ вскорѣ избавится отъ Эриха. Теперь только Роланду сдѣлалось ясно все, что произошло и чему еще надлежало произойти. Пранкенъ продолжалъ говорить объ Эрихѣ, какъ о человѣкѣ, который ничего болѣе не заслуживаетъ кромѣ состраданія. Наконецъ онъ простился и ушелъ, а Роландъ почувствовалъ, что онъ никогда болѣе не будетъ въ состояніи любить Пранкена. Онъ почувствовалъ это съ болью, какъ бы переживая горькую утрату и продолжалъ стоять у стола, не спуская глазъ съ сверкаващаго передъ нимъ золота. Потомъ онъ, движимый ребяческимъ любопытствомъ, принялся считать, какъ велико было жалованье Эриха, но не могъ сообразить, за сколько времени приходилось ему получить лежавшую теперь на столѣ сумму. Роландъ съ досадой отвернулся къ окну, но золото оставалось у него за спиной и чей-то голосъ, казался шепталъ ему: «не забывай меня!»

Эрихъ между тѣмъ стоялъ передъ Зонненкампомъ, а Зонненкампъ съ удивленіемъ говорилъ ему:

— Вы умышленно уничтожаете въ мальчикѣ любовь къ себѣ!

Эрихъ отвѣчалъ, что предпочелъ бы не прибѣгать къ такой мѣрѣ, но она вынуждена тѣмъ способомъ, какимъ ему было предложено жалованье.

— Я васъ оскорбилъ?

— Нѣтъ, я не обидчивъ и уважаю деньги, насколько они того заслуживаютъ. Кромѣ того мнѣ пріятна плата за честный трудъ. Я люблю вашего сына, можетъ быть болѣе.... но, нѣтъ, для любви не существуетъ мѣрилы, и одну любовь нельзя измѣрять другою.

— Благодарю васъ.

— Извините, я продолжаю. Я люблю вашего сына и по тому самому предпочитаю, чтобъ онъ видѣлъ недостатки во мнѣ, а не въ своемъ отцѣ.

— Во мнѣ?

— Да. Я могъ бы вамъ отплатить за то, что вы мнѣ отдали деньги въ присутствіи моего воспитанника. Я могъ бы вамъ сказать, что свободный трудъ.... я не говорю о любви, а подразумеваю только простой, свободный трудъ, предлагаемый однимъ человѣкомъ другому.... и такъ я могъ бы сказать, что такого рода трудъ никогда не можетъ быть вполне оплаченъ. Но я воздержался отъ этого, потому что хочу, чтобъ вашъ сынъ любилъ и уважалъ васъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, болѣе меня самого.

Зонненкампъ стиснулъ кулаки и съ минутою въ смущеніи смотрѣлъ на Эриха. Потомъ онъ опустилъ глаза, видимо собираясь съ духомъ и усиливаясь скрыть свое волненіе.

— Я не знаю, проговорилъ онъ наконецъ, да и знать не хочу, что означаютъ ваши слова. Но предупреждаю васъ, что я скорѣй способенъ послать кому-нибудь пулю въ лобъ, чѣмъ подставить подъ нее свой собственный, и кто осмѣлился бы....

— Мнѣ рѣшительно непонятно ваше волненіе, сказалъ Эрихъ, спокойно смотря Зонненкампу въ глаза.

— Кто вы, и кто я? спросилъ Зонненкампъ, и лицо его искажилось.

— Я наставникъ вашего сына и хорошо знаю, какую великую отвѣтственность возлагаетъ на меня это званіе. Я нахожусь у васъ въ услуженіи, это вашъ домъ, вы каждый часъ, каждую минуту можете меня изъ него удалить.

— Я этого не хочу.... вовсе не хочу! Развѣ я сказалъ что-нибудь подобное? Мнѣ просто надо съ вами объясниться. Говорили ли вы Роланду, что настанетъ время, когда болѣе не будутъ частныхъ имуществъ?

Эрихъ отвѣчалъ, что ему ничего подобнаго никогда и въ голову не приходило. Онъ видитъ теперь, что выбралъ для враждебнаго мальчишка дурной примѣръ, и сожалѣетъ, что Роландъ такъ ложно его истолковалъ.

— Сядемте пожалуйста, сказалъ Зонненкампъ, у котораго

дрожали ноги: и поговоримъ, какъ люди разсудительные, какъ друзья, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться.

Онъ тихо засвисталъ, а потомъ продолжалъ совершенно другимъ тономъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что во всякомъ случаѣ вашъ образъ мыслей вреденъ для моего сына. Вы — филантропъ, и я васъ за то уважаю. Вы принадлежите въ разряду тѣхъ людей, которые готовы благодарить, и по возможности матеріальнымъ образомъ, каждаго уличнаго мальчика, если тому удастся оказать вамъ какую-нибудь ничтожную услугу. Вы видите, я вѣрю въ ваши человѣколюбивыя наклонности и ничуть не подозреваю въ васъ желанія порисоваться, приобрести себѣ популярность. Но такого рода филантропія, — говорю вамъ откровенно, безъ обвиняевоу, — вовсе не годится для моего сына. Доходы его равняются герцогскимъ. Еслибъ богатъ весь свой вѣкъ только думалъ о нуждѣ, да о несоотвѣтствующей труду платѣ, такъ онъ былъ бы несчастнѣе всякаго нищаго. Самое худшее, что могло бы случиться съ моимъ сыномъ, это еслибъ въ немъ развилась сантиментальность, склонность постоянно и черезъ мѣру огорчаться бѣдствіями другихъ людей. Я самъ не принадлежу къ числу тѣхъ, которые всю жизнь стремятся въ чему-то недосягаемому и не хотѣлъ бы, чтобъ мой сынъ сдѣлался однимъ изъ нихъ. Вѣрьте мнѣ, въ чувствахъ тоже существуетъ своего рода контрабанда, и напрасно воображаемъ мы себѣ, будто наши меньшіе братья думаютъ и чувствуютъ также какъ мы.

— Благодарю васъ за наставленіе, возразилъ Эрихъ. Но въ тоже время я радъ случаю сказать вамъ, что желаю сдѣлать изъ вашего сына добраго и сострадательнаго, а ничуть не слабаго человѣка. Пусть онъ узнаетъ цѣну своему счастью и научится изъ самого себя извлекать все высокое и прекрасное — и тогда онъ будетъ умно и благородно управлять силой, которая со временемъ сдѣлается его достояніемъ.

Эрихъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ продолжалъ еще говорить въ этомъ же духѣ. Зонненкамъ протянулъ ему руку и свазалъ:

— Вы... вы благородный человѣкъ, и я хотѣлъ бы, чтобъ вы и меня тоже воспитали. Забудьте все, что между нами произошло: я вамъ безусловно вѣрю. Вы не захотите лишить меня привязанности моего сына и не сдѣлаете изъ него сантиментальнаго чудака, который поставилъ бы себѣ задачей помогать всему міру.

Зонненкамъ говорилъ быстро и отрывисто. Внутри его кипѣлъ гнѣвъ отъ того, что человѣкъ, котораго онъ собирался уни-

зить, смирилъ его самого. И теперь онъ стоялъ передъ нимъ какъ нищій, и какъ тотъ молитъ прохожаго о милости, такъ онъ просилъ не отнимать у него сердца сына.

— Зачѣмъ.... началъ онъ снова: извините, я спрашиваю въ увѣренности, что вы ничего не сдѣлаете безъ причины.... и не смотря на всю его сдержанность, въ глазахъ у него свергнула злоба:—зачѣмъ не позволяете вы Роланду свободно располагать его деньгами? Я это только недавно узналъ, во время нашей послѣдней поѣздки въ столицу.

— Не всѣ мои поступки имѣютъ такія основательныя причины, какъ этотъ. Роландъ соритъ деньгами совершенно безсознательно и не чувствуетъ при этомъ ни малѣйшаго раскаянія. Я же полагаю, что умѣнье управляться съ деньгами составляетъ одно съ умѣньемъ человѣка управлять самимъ собой.

Эрихъ воспользовался случаемъ рассказать Зонненкампу о впечатлѣніи, какое произвело на Роланда воровство. Зонненкампъ съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ:

— Я очень радъ тому, что онъ уже такъ рано узналъ, какими лжецами и негодяями наполненъ свѣтъ. Сдѣлавшись самъ хозяиномъ своего богатства, онъ будетъ остороженъ. Да, господинъ философъ, пишите что хотите въ вашихъ книгахъ, а по моему, главное отличіе человѣка отъ животныхъ заключается въ томъ, что онъ умѣетъ льстить и лгать. И чѣмъ раньше и тверже мой сынъ выучится этой истинѣ, тѣмъ спокойнѣе буду я. Я хотѣлъ бы, чтобъ Роландъ прошелъ уже и вторую школу.

— Какую?

— Человѣкъ сначала оказываетъ своимъ ближнимъ благодѣянія, а потомъ научается видѣть въ нихъ плутовъ и мошенниковъ. Это тоже, что играть въ азартную игру и надѣяться на выигрышъ. Долги, возлагаемые на людей благодѣяніями, и игорные долги вообще неохотно выплачиваются.

Въ тонѣ, какимъ Зонненкампъ сначала хвалилъ Эриха за его идеальную филантропію, а потомъ предостерегалъ его на счетъ людскихъ пороковъ, звучала какъ будто отеческая заботливость. Основнымъ его правиломъ было: «для человѣка человѣкъ — волкъ!»

Когда Эрихъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился Роландъ, тотъ встрѣтилъ его на порогѣ, протянувъ ему обѣ руки.

— Благодарю тебя, воскликнулъ мальчикъ, за то, что ты поступоювъ моего отца обратилъ на меня. Я не хочу болѣе имѣть денегъ. Пожалуйста, прости его за то, что онъ хотѣлъ вознаградить тебя, какъ слугу.

Эриху стоило не малаго труда объяснить Роланду это собы-

тѣ такъ, чтобъ, не извращая его природнаго здраваго смысла, сохранить въ немъ любовь и уваженіе къ отцу.

— Спрячь пожалуйста деньги, сказалъ Роландъ, и Эрихъ, понимая, какъ видъ ихъ долженъ былъ неприятно дѣйствовать на мальчика, поспѣшилъ залпереть ихъ въ шкафъ.

— Подари мнѣ что-нибудь, попросилъ потомъ Роландъ.

— У меня ничего нѣтъ, отвѣчалъ Эрихъ... Но съ этой минуты да будетъ тебѣ извѣстно, что человѣкъ человеку можетъ дать нѣчто гораздо болѣе драгоцѣнное, чѣмъ все золото въ мірѣ. Мы съ тобой оправдаемъ на дѣлѣ пословицу, которая говоритъ: кто отъ насъ отрекается, тотъ никогда и не былъ нашимъ другомъ.

Роландъ внезапно поцѣловалъ Эриху руку, ту самую, которая приняла деньги. Эрихъ былъ врагъ сантиментальности, но теперь ему показалось, будто на его глазахъ внезапно распустился цвѣтокъ и впервые наполнилъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Цвѣтокъ этотъ былъ не что иное какъ сердце юности.

— Пойдемъ къ маіору, немного спустя сказалъ Роландъ. Ему видимо хотѣлось отдохнуть въ обществѣ человѣка, который ничего не зналъ о всей этой неурядицѣ на виллѣ и жилъ въ мірѣ съ самимъ собой и съ другими.

Они отправились къ маіору, но не застали его дома и пошли бродить по окрестностямъ. Начало смеркаться, а они все еще гуляли, изрѣдка обмѣниваясь словами и вернулись на виллу уже съ наступленіемъ ночи.

Зонненкампъ тоже провелъ вечеръ въ прогулкѣ по саду. Но внутри его все кипѣло и волновалось. Ему постоянно приходилось что-нибудь въ себѣ скрывать, подобно тому, какъ онъ скрывалъ теперь борьбу, вызванную въ его сердцѣ словами Эриха о свободномъ трудѣ. Кромѣ того ему казалось просто невѣроятнымъ, чтобъ онъ могъ оскорбить этого самаго Эриха, мать котораго намѣревался пригласить къ себѣ на виллу. Зонненкампу стало неловко при мысли, какъ люди, съ пріѣздомъ профессорши, начнутъ превозносить его доброту. Ахъ, еслибъ это дѣйствительно была доброта! Но онъ самъ хорошо зналъ, что побуждало его къ этому шагу. Всегда и вездѣ одно и то же! Какъ это свѣтъ еще можетъ вѣрить въ добро? Но что же? Вѣдь нарумяненная кокетка знаетъ, что на щекахъ ея играетъ не натуральный румянецъ, но она довольствуется тѣмъ, что обманываетъ другихъ, и радуется и молодится.

Зонненкампъ выразилъ желаніе, чтобъ Прангенъ занялся приобрѣтеніемъ для него виллы, предназначаемой для совѣтницы. Но Прангенъ дружески отъ этого уклонился и привелъ весьма

основательную причину своего отказа, находя впрочемъ весьма естественнымъ старанія Зонненкампа составить себѣ пріятное сосѣдство. А Зонненкампъ не зналъ, желать ему, или бояться этого сосѣдства. Онъ подозрѣвалъ, что Пранкенъ нарочно повелъ это дѣло издали, такъ чтобы и на его долю выпали нѣкоторыя выгоды. Но въ такомъ случаѣ неужели онъ, Зонненкампъ, дастся своему будущему зятю въ обманъ?

Слѣдующіе дни Зонненкампъ мало занимался домомъ и садомъ и почти не обращалъ никакого вниманія ни на Эриха, ни на Роланда. Онъ осматривалъ виллу и прилежащія къ ней виноградныя горы и успѣлъ убѣдиться, что Пранкенъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ этимъ дѣломъ. Успоившись съ одной стороны, Зонненкампъ былъ непріятно пораженъ съ другой, увидавъ, какъ ему еще плохо знакомы нравы и обычаи знати. Пранкенъ оказывался не такимъ человѣкомъ, чтобъ изподтишка хлопотать о своихъ выгодахъ.

«Винный графъ» тоже торговалъ виллу, съ цѣлью подарить ее будущему мужу своей дочери, сыну гофмаршала. Зонненкампъ, узнавъ объ этомъ, поторопился совершить вупчую.

ГЛАВА VII.

НЕУДОВОВАРИМОЕ ДЛЯ ГОСТЯ.

Еслибъ извѣстіе о покупкѣ Зонненкампомъ новаго имѣнія могло проникнуть въ тюрьму Клауса, тотъ, безъ сомнѣнія, воскликнулъ бы: — «Ну, не говорилъ ли я, что онъ скупить всѣ берега Рейна!» Но бѣдняга рѣшительно ничего не зналъ.

Слѣдствіе между тѣмъ шло своимъ чередомъ. Судья былъ такъ любезенъ, что когда при составленіи новаго протокола понадобилось отобрать показанія отъ Эриха и Роланда, онъ, вмѣсто того, чтобъ призывать ихъ къ себѣ, самъ явился на виллу. Вообще печальный, все еще не разъясненный фактъ воровства внесъ въ занятія мальчика гораздо больше безпорядка, чѣмъ этого можно было ожидать.

Другого рода развлеченіямъ тоже не предвидѣлось конца. Роландъ вдругъ объявляетъ Эриху:

— Графъ Вольфсгартенъ надняхъ даетъ большой обѣдъ. Отецъ и мать очень этимъ довольны, и мы съ тобой тоже приглашены.

Зонненкампъ дѣйствительно былъ очень доволенъ. Они съ Пранкеномъ порѣшили заинтересовать въ пользу своего дѣла

Блодвигъ, который былъ самымъ вліятельнымъ членомъ орденской комиссіи.

Зонненкампъ стоялъ передъ большимъ, вдѣланнымъ въ стѣну нестараемымъ шезамомъ, гдѣ у него хранились деньги. Здѣсь, думалъ онъ, собраны всѣ его обыкновенно побѣдоносныя силы, но на этотъ разъ онѣ не могутъ ему ничѣмъ помочь, и онъ долженъ ограничиться однѣми личными своими средствами. Съ минутой онъ даже отчаявался въ успѣхѣ, но потомъ гордо выпрямился: вѣдь удавались же ему другія дѣла — неужели счастье измѣнить ему теперь?

Въ день, назначенный для обѣда въ Вольфсгартенѣ, Зонненкампу пришлось выдержать тяжелую борьбу съ Церерой. Она непремѣнно хотѣла отправиться туда въ брильянтахъ, и даже фрейленъ Пэрини не могла ее отъ этого отговорить. Напрасно увѣряла она ее, что при дневномъ свѣтѣ никто не носитъ брильянтовъ: Церера плакала, какъ ребенокъ, и говорила, что въ такомъ случаѣ она лучше вовсе не побѣдетъ. Зонненкампъ просилъ ее пожалѣть графиню, брильянтовый уборъ которой стоилъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ менѣе ея. Онъ находилъ въ эту минуту неудачнымъ оскорблять Беллу и общалъ за то женѣ дать вскорѣ праздникъ, на который ей будетъ позволено надѣть все, что она захочетъ. Но Церера стояла на своемъ и продолжала говорить, что лучше вовсе не побѣдетъ безъ брильянтовъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Зонненкампъ: въ такомъ случаѣ я немедленно отправлю въ Вольфсгартенъ верхового съ извѣстіемъ, что ты не будешь.

Онъ позвалъ конюха и тутъ же отдалъ ему приказаніе пойти сѣдлать лошадь и готовиться къ поѣздкѣ въ Вольфсгартенъ.

Зонненкампъ ушелъ, а Церера угрюмо посмотрѣла ему вслѣдъ. Ей жаль было самое себя, и она не могла примириться съ мыслью что останется дома одна, между тѣмъ какъ всѣ другіе побѣдутъ на праздникъ. Немного спустя, она не вытерпѣла и побѣжала въ комнату Зонненкампа просить, чтобъ онъ отмѣнилъ приказаніе, данное слугѣ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что слуга, къ сожалѣнію, уже уѣхалъ. Тогда Церера начала его умолять послать ему въ догонку другого. Зонненкампъ долго не соглашался, потомъ сдѣлалъ видъ, будто сдастся на просьбы жены, и самъ отправился на конюшню, гдѣ ему всего стоило только сказать конюху: «не сѣдлай лошади, не надо.» Онъ еще ниѣго не посылалъ въ Вольфсгартенъ, зная, что Церера, какъ капризное дитя, непремѣнно придетъ его просить объ отмѣнѣ перваго рѣшенія.

Наконецъ, они собрались и поѣхали.

Белла была очень довольна тѣмъ, что въ числѣ гостей ея находилась также и совѣтница. Сіящая красотой, любезная и привѣтливая со всѣми, она особенно ласково обошлась съ Эрихомъ. Она подмѣтила его дурное расположеніе духа въ послѣднее посѣщеніе, и теперь хотѣла его задобрить. Онъ принималъ ея вниманіе съ благодарностью, но отъ нея, тѣмъ не менѣе, какъ отъ умной женщины не ускользнула его крайняя сдержанность.

Зонненкампъ, притаивъ дыханіе, зорко слѣдилъ за ними, какъ охотникъ, подстерегающій добычу. «Ловко же они играютъ», думалъ онъ. Хорошая слава этого дома до сихъ поръ камнемъ лежала у него на сердцѣ, но теперь онъ началъ свободнѣе дышать.

Въ Вольфсгартенѣ точно составился маленькій дворъ, при которомъ однако, вмѣсто обычной стѣснительности, замѣтна была извѣстнаго рода сельская свобода. Собранныя здѣсь лица тѣмъ довольнѣе были свидѣться, что явились сюда изъ деревенскаго затишья. Большинство гостей составляли отставные офицеры, и у нихъ въ петлицахъ нерѣдко мелькали красныя, синія, желтыя орденскія ленточки. Всѣ мужчины были завиты, а бороды ихъ тщательно выбриты. Наряды дамъ свидѣтельствовали, что онѣ не даромъ каждый годъ по нѣсколькеу недѣль проводили въ Парижѣ. Въ числѣ ихъ находилась одна французенка и изъ любезности въ ней разговоръ велся на французскомъ языкѣ.

Здѣсь былъ между прочимъ одинъ знаменитый, только - что вернувшійся изъ путешествія музыкантъ; онъ извѣздилъ много городовъ, вездѣ давалъ концерты, а теперь отдыхалъ въ домѣ товарища, который, женившись на богатой наслѣдницѣ, бывшей своей ученицѣ, купилъ на берегахъ Рейна прелестную виллу и поселился въ ней.

За исключеніемъ Эриха, Зонненкампъ и музыкантъ были, посреди всей собранной здѣсь знати, единственными представителями средняго сословія. Но музыканта возвышалъ его талантъ, а Зонненкампа милліоны. Что касается до «виннаго графа,» то его уже почти можно было считать дворяниномъ. Онъ надняхъ ожидалъ диплома на свое новое достоинство, и всѣ это знали. Женихъ съ невѣстой тоже были приглашены; но утромъ въ самый день обѣда въ Вольфсгартенъ пришла записочка, извѣщавшая о нездоровьи жениха, который такимъ образомъ не могъ присутствовать на праздникѣ.

Въ числѣ гостей находился также и живописецъ, гостившій у «виннаго графа», гдѣ онъ уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль писалъ портреты жениха и невѣсты во весь ростъ. Живописецъ этотъ былъ въ большой модѣ. Онъ съ особеннымъ искус-

ствомъ изображалъ жемчугъ, кружева и сѣрый атласъ. Лица тоже ему бѣльшей частью удавались, но всегда имѣли синеватый оттѣнокъ. Его очень любили при дворѣ, и конечно онъ, а никто другой, долженъ былъ писать портретъ съ прелестной невѣсты.

Русскій князь, совершенно естественно, привлекалъ на себя всеобщее вниманіе.

За обѣдомъ Зонненкампъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ Беллой, по другую сторону которой помѣщался молодой иностранецъ.

Зонненкампъ пустилъ въ ходъ свою артиллерію любезностей, въ которыхъ у него никогда не было недостатка. Но на этотъ разъ онѣ имѣли мало успѣха, такъ какъ Белла слушала его только однимъ ухомъ, стараясь уловить другимъ, что говорили Эрихъ и русскій.

Внезапно всѣ отдѣльные разговоры за столомъ смолкли. Князь обратился къ Зонненкампу и спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, невольниковъ въ Америкѣ тоже считаютъ душами?

— Я васъ не понимаю.

— У насъ, въ Россіи, крѣпостныхъ людей называли душами. У него столько-то сотенъ или тысячъ душъ, говорилось обыкновенно. Я и спрашиваю, также ли у васъ, въ Америкѣ?

— Нѣтъ!

— Нѣкоторые сомнѣваются, замѣтилъ Клодвигъ, дѣйствительно ли негры имѣютъ душу. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе дивихъ объ обезьянахъ, которыя, по ихъ понятіямъ, обладаютъ даромъ слова, но скрываютъ это изъ боязни, чтобъ ихъ не заставили работать.

Всѣ засмѣялись, а Клодвигъ продолжалъ:

— Самый ничтожный изъ греческихъ и римскихъ сосудовъ, который мы откапываемъ въ землѣ, непременно поражаетъ насъ своей изящностью. Негры, сколько мнѣ извѣстно, не создали ничего прекраснаго.

— Они, какъ говорится, вмѣшался князь, не изобрѣли сами даже и мышеловки.

— Да, подтвердилъ Клодвигъ. Теперь спрашивается: могутъ ли негры быть наслѣдниками общаго человѣческаго образованія, разъ, что они не наслѣдовали прекраснаго человѣческаго образа, который перешелъ къ намъ отъ древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ? Могутъ ли они содѣйствовать дальнѣйшему развитію искусства, которое уже одно упрочиваетъ за людьми ихъ благородное происхожденіе,—могутъ ли создавать прекрасное, не имѣя возможности при этомъ руководствоваться собственной наруж-

ностью? Въ св. писаніи сказано: Богъ сотворилъ человѣка по образу и по подобію своему. Человѣкъ, въ свою очередь, создаетъ себѣ божество по своему образу и подобію, — а для негровъ это невозможно. Они, можетъ быть, современемъ и создадутъ что-нибудь для себя, но никогда для другихъ. Поэтому имъ, какъ дѣтямъ, лишеннымъ наслѣдства, суждено всегда стоять отдѣльно, не имѣя ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ.

Зонненгампъ вдругъ точно выросъ: такъ говоритъ человѣкъ, въ любви къ ближнимъ котораго никто не станетъ сомнѣваться!

— Прекрасно! вослихнулъ онъ. Въ Америкѣ мы не отличаемся сантиментальностью. Наши твердыя, ясныя понятія, школьная наука называетъ еретическими и кладетъ на нихъ клеймо безчеловѣчности. Но вѣдь и пресловутая гуманность тоже имѣетъ своихъ фанатическихъ приверженцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою иневизицію.

Зонненгампъ говорилъ небрежно, съ сдержанной насмѣшкой, — тономъ, который ясно показывалъ, какъ неумѣстнымъ казался ему вопросъ, поднятый княземъ. Клодвигъ смельчужествомъ его поддержать и началъ тихимъ голосомъ, который становился все громче и сильнѣе по мѣрѣ того, что онъ говорилъ:

— Кто умѣетъ спокойно и хладнокровно обсуживать историческія событія, тому видѣнъ весь постепенный ходъ идеи, какъ она тихо, незамѣтно, въ теченіи долгаго времени, совершаетъ свою работу, и какъ, наконецъ, достигнувъ своего полного развитія, выражается въ событіи, съ которымъ, повидимому, не имѣетъ ничего общаго. Но не слѣдуетъ забывать, что характеръ идеи чисто приготавительный, а у событія — положительный.

Белла, наклонясь къ князю, что-то ему очень тихо говорила. Клодвигъ догадался, что она извинялась за него въ томъ, что онъ, по обыкновенію, углубился въ тяжеловѣсныя разсужденія и логическіе выводы. По лицу его пробѣжала легкая судорога, онъ едва замѣтно закусиль губу, но продолжалъ:

— Я убѣжденъ, что еслибъ союзники не взяли Севастополя, освобожденіе крестьянъ въ Россіи совершилось бы не такъ и еще не теперь, — а кто знаетъ, какъ и когда? И въ наше время, какъ въ былое, Саулъ идетъ отыскивать ослицу и вмѣсто нея обрѣтаетъ царство, — и это есть царство всемогущей идеи. Крымская война была предпринята съ цѣлью унижить Россію, а вмѣсто того, она побудила ее даровать крестьянамъ свободу и тѣмъ самымъ содѣйствовала ея внутреннему возрожденію. Это великія историческія событія, въ которыхъ мы ни при чемъ...

— Ваша идея для меня совершенно нова, прервалъ князь.

Но Клодвигъ продолжалъ.

— Мнѣ говорилъ русскій посланникъ, что во время крымской войны вдругъ распространился слухъ, будто всѣ сражающіеся подъ Севастополемъ и добровольно ополчающіеся для избавленія Россіи отъ нашествія союзниковъ, по окончаніи войны получаютъ земли и будутъ свободными крестьянами. Никто не зналъ, откуда вышелъ этотъ слухъ, но его всѣ съ убѣжденіемъ повторяли. Идея освобожденія крестьянъ, дотолѣ жившая только въ книгахъ, газетахъ и въ высшихъ слояхъ общества, вдругъ перешла въ народную массу и стала быстро слагаться въ событіе, для полного осуществленія котораго не доставало только императорской воли.

Клодвигъ остановился. Онъ казался утомленнымъ, но послѣ минутнаго молчанія воскликнулъ:

— Это новое подтвержденіе стараго сказанія: мечъ да обратится въ плугъ.

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись, не понимая, какимъ путемъ Клодвигъ пришелъ къ этому заключенію. Одинъ Эрихъ смотрѣлъ вполне осмысленно и лицо его выражало восторгъ. Вдругъ чья-то рука коснулась его плеча. Эрихъ быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Роландъ.

— Ты мнѣ уже говорилъ нѣчто весьма похожее на это, сказалъ мальчикъ.

— Пойди на мѣсто и сяди смирно, шепнулъ ему Эрихъ.

Роландъ повиновался и все ожидалъ, когда Эрихъ на него взглянетъ. Наконецъ желаніе его исполнилось. Онъ взялъ стаканъ съ виномъ и сдѣлалъ Эриху знакъ, что пьетъ за его здоровье.

Белла на всѣхъ грустно поглядывала, видимо тяготясь разговоромъ, который казался ей въ высшей степени неумѣстнымъ за обѣденнымъ столомъ. Она сдѣлала знакъ Эриху, какъ бы прося его отвести рѣчь отъ столь ненавистнаго для нея предмета.

Въ это самое время слуга началъ разносить въ тонкихъ, изящныхъ рюмкахъ іоганнисбергское вино. Эрихъ, приподнявъ стаканъ, воскликнулъ:

— А какъ вы думаете, графъ, вѣдь древніе нивогда не пили такого вина изъ своихъ глиняныхъ кружекъ и кубковъ, которые мы теперь находимъ въ землѣ?

Белла одобрительно кивнула головой. Эрихъ остановился.

— А извѣстно ли намъ, живо подхватила она, что-нибудь положительное о винодѣліи древнихъ?

— Очень мало, отвѣчалъ Эрихъ. По всей вѣроятности, древ-

ніе и понятія не имѣли о крѣпости и возбуждательныхъ свойствахъ нашего вина. Они знали только одно прѣсное вино.

— Я не имѣю претензіи на ученость, сказалъ Зонненкампъ, но полагаю, что причину этому легко объяснить. Виноградная лоза, если ее не подстригать, никогда не дастъ такого сочнаго плода, какъ та, которую постоянно подрѣзаютъ. Кромѣ того, вино непременно должно храниться въ бочкахъ, иначе оно не можетъ ни вполнѣ перебродить, ни достигнуть своей настоящей крѣпости.

— Бочки? спросилъ русскій князь: чѣмъ онѣ такъ полезны? Или дерево содѣйствуетъ очищенію вина?

— Я такъ думаю, отвѣчалъ Зонненкампъ. Кромѣ того бочка пропускаетъ въ себя воздухъ и тѣмъ самымъ поддерживаетъ въ винѣ броженіе и даетъ ему возможность достигнуть надлежащей зрѣлости и крѣпости. Въ глиняныхъ же сосудахъ вино или задыхается, или по крайней мѣрѣ остается въ одномъ и томъ же положеніи.

— Какъ пріятно думать, замѣтила Белла, что успѣхи цивилизаціи содѣйствуютъ еще и тому, чтобъ доставлять человѣку болѣе полныя наслажденія.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ собой. Ему удалось встать высказать нѣсколько остроумныхъ замѣчаній и показать себя въ наилучшемъ свѣтѣ. Разговоръ опять пересталъ быть общимъ и раздробился на мелкія бесѣды съ разныхъ концовъ стола.

Вообще всѣ были оживлены: печали и заботы казались вполнѣ забытыми и когда общество наконецъ встало изъ за-стола, на всѣхъ лицахъ игралъ румянецъ, во всѣхъ глазахъ свергало веселье.

ГЛАВА VIII.

САМЪ СЕБѢ ПОМОГАЙ.

Дамы удалились, а мужчины сидѣли въ саду и пили кофе. Князь, желая оказать любезность Зонненкампу, заговорилъ о своемъ намѣреніи посѣтить Америку. Клодвигъ его одобрилъ и выразилъ сожалѣніе, что самъ въ молодости тамъ не побывалъ.

— Я того мнѣнія, сказалъ онъ, что кто не былъ въ Америкѣ, тотъ не знаетъ вполнѣ людей. Тамошняя жизнь пробуждаетъ въ человѣкѣ новую энергію; онъ крѣпнетъ въ борьбѣ за обладаніе міромъ и, какъ Робинзонъ, долженъ безпрестанно отыскивать въ самомъ себѣ новые источники силъ и знанія. На мои глаза Аме-

рива похожа на Грецію. Греція видѣла физическую наготу людей, Америка видитъ ихъ нравственную наготу. Нельзя сказать, чтобы зрѣлище это всегда было пріятно, но оно предвѣщаетъ возможность возрожденія человѣчества.

Музыкантъ, тоже собиравшійся въ Америку, съ цѣлью давать тамъ концерты, затѣтилъ:

— Не понимаю, какъ это люди живутъ въ странѣ, почва которой не производитъ винограда, и гдѣ въ воздухѣ не поютъ жаворонки.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, графъ, сказалъ Эрихъ: не находите ли вы страннымъ, что въ Америкѣ не изобрѣтено ни одно новое наименованіе? Тамъ рѣки, горы, города, люди, всѣ носятъ только тѣ названія, которыя, или даны имъ первобытными обитателями, или позже вывезены изъ Европы. Мнѣ представляется еще вопросъ: прибавилъ ли Новый Свѣтъ хоть одно нравственное правило къ тѣмъ, которыя у насъ уже и прежде существовали?

— Конечно прибавилъ и самое лучшее изъ всѣхъ, быстро проговорилъ Зонненгампъ.

— Самое лучшее? Какое?

— Оно заключается въ трехъ словахъ: «самъ себѣ помогай.»

Клодвигъ сомнительно покачалъ головой.

— Правило: «самъ себѣ помогай» сказалъ онъ, взятое въ строгомъ смыслѣ, гораздо болѣе относится къ животнымъ, нежели къ людямъ. Каждое животное изъ всѣхъ силъ старается себѣ помогать. Какъ противодѣйствіе общественному злу, извѣженной морали, которая во всемъ полагалась на государство и искала существовать на его счетъ,— правило это конечно имѣетъ значеніе. Кромѣ того оно весьма пригодно въ путешествіи, для одинокаго странника, но лишь только этотъ странникъ превращается въ осѣдлаго жителя какой-либо страны, на него тотчасъ возлагаются обязанности въ отношеніи къ другимъ. Въ западной Америкѣ знаменитое «самъ себѣ помогай» не имѣетъ никакого значенія: тамъ сосѣди много другъ другу помогаютъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ правило это еще можетъ служить отдѣльнымъ личностямъ, но никогда цѣлому обществу, классу или сословію людей. Крѣпостные крестьяне, на примѣръ, невольники не могутъ сами себѣ помогать. Нравственная солидарность предписываетъ другое. Помогай ближнему, говоритъ она, какъ ближній помогаетъ тебѣ, а помогая себѣ, ты въ тоже время помогаешь и другимъ.

Такимъ образомъ разговоръ, показавшійся неумѣстнымъ за столомъ, былъ снова возобновленъ, и на этотъ разъ никто и не думалъ его прерывать.

— Всякій народъ, продолжалъ Клодвигъ, чтобъ занять мѣсто въ исторіи, долженъ внести въ нее какую-нибудь идею, надъ осуществленіемъ которой ему предстоитъ трудиться. Америка, мнѣ кажется, призвана совершить великое дѣло, а именно уничтожить въ мірѣ рабство. Но это, какъ я уже и говорилъ, все-таки будетъ только осуществленіе идеи, которая въ теченіи долгаго времени совершала и наконецъ окончила свое дѣло подготовки. А мы добиваемся того, создала-ли Америка какое-либо новое нравственное начало?

— Такое начало, шутливо замѣтилъ Пранкенъ, заключается можетъ быть въ швейной машинѣ.

Всѣ засмѣялись

— Мнѣ кажется, сказалъ Эрихъ, что изреченіе «самъ себѣ помогай», есть не что иное, какъ выраженіе нравственнаго принципа. У насъ, въ Европѣ, люди приобрѣтаютъ себѣ положеніе и богатства или чрезъ наслѣдство, или посредствомъ милостей, рассыпаемыхъ на нихъ герцогами и государями. Въ Америкѣ человѣкъ ничѣмъ не хочетъ быть обязанъ другому и желаетъ для себя только того, что самъ себѣ можетъ дать безъ всякой посторонней помощи. Изреченіе «help yourself» между прочимъ далеко не лишено смысла, если его противопоставить вѣрованію, дѣлающему изъ человѣка нѣчто въ родѣ товарнаго тюка, который черезъ посредника препровождается въ мѣсту своего небеснаго значанія. Ты—человѣкъ, не чемоданъ, набитый правилами и законами, крѣпко стянутый ремнями и отмѣченный клеймомъ духовной таможи,—ты живой, свободный пассажиръ и долженъ самъ о себѣ заботиться. Мы, нѣмцы, имѣемъ пословицу, весьма близко подходящую къ изреченію: «самъ себѣ помогай». Пусть, говоримъ мы, всякій самъ несетъ свою шкуру на рынокъ.

— Могу я тоже сдѣлать вопросъ? неожиданно для всѣхъ произнесъ Роландъ.

Всѣ были поражены, а Зонненвамъ и Эрихъ въ особенности.

— Говори, что ты думаешь? сказалъ Эрихъ.

— Когда графъ упомянулъ о наслѣдникахъ образованія, мнѣ очень хотѣлось спросить, почему можемъ мы знать, что образованіе наше истинное?

Мальчикъ говорилъ робко и нерѣшительно. Эрихъ старался его ободрить.

— Ну, продолжай, сказалъ онъ: вырази свою мысль полнѣе.

— Китайцы и турки можетъ быть считаютъ насъ варварами.

— Ты хочешь знать, помогъ ему Эрихъ, гдѣ тѣ несомнѣнные признаки, по которымъ можно безошибочно сказать, что тотъ или другой народъ, то или другое время, религія, или человѣкъ

попали въ струю историческаго всемірнаго образованія?—и между ними завязался діалогъ.

— Да, именно это, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Хорошо. Подумай, чѣмъ отличается образованный человѣкъ отъ необразованнаго?

— Тѣмъ, что онъ здраво мыслить и ясно понимаетъ вещи.

— Такъ, но откуда это у него берется?

— Онъ это почерпаетъ изъ самого себя.

— А посредствомъ чего онъ изоощряетъ и пополняетъ свои взгляды и понятія?

— Посредствомъ сравненія.

— Съ чѣмъ?

— Съ мыслями великихъ людей.

— А въ чемъ онъ познаетъ истину: въ согласіи, или противорѣчіи своихъ взглядовъ съ понятіями другихъ?

— Въ согласіи.

— А гдѣ находятся эти другіе?

— Всюду вокругъ него.

— А до него жили люди, или нѣтъ?

— Конечно, жили.

— А можемъ мы сравнивать наши мысли и взгляды съ мыслями и взглядами нашихъ предшественниковъ? Можемъ мы у нихъ учиться?

— Да, на то у насъ есть письменность.

— Хорошо. Когда человѣкъ или народъ, обладая извѣстной степенью развитія или образованія, однако не находится въ связи ни съ однимъ изъ предшествовавшихъ ему народовъ, — что тогда можно сказать про такого человѣка, или про такой народъ?

— Что у нихъ нѣтъ наслѣдства.

— Я не ожидалъ этого отвѣта, но принимаю его. Хорошо. Теперь скажи же: человѣкъ или народъ, не наслѣдовавшій отъ своихъ предшественниковъ ихъ образованія, что онъ — стоитъ въ связи съ человѣчествомъ, или особнякомъ отъ него?

— Особнякомъ.

— Вотъ мы и добрались, узнали, что стоимъ въ центрѣ истиннаго образованія, и занимаемся его продолженіемъ, — и это потому что мы наслѣдники прошлаго. Мы приняли образованіе съ персовъ, іудеевъ, египтянь, грековъ и римлянъ и ведемъ его далѣе. Ни турки, ни китайцы этого не дѣлаютъ и не могутъ дѣлать: они въ исключительномъ положеніи и заменуты въ самихъ себѣ. Мы, нѣмцы, можемъ безъ хвастовства сказать, что стоимъ во главѣ образованія. Ни одинъ другой народъ не содѣйствовалъ столько его успѣхамъ, сколько нѣмцы, или лучше сва-

зять все германское племя, къ которому принадлежать также и твои соотечественники.

— Bravo, bravo! воскликнуть Клодвигъ. Всѣ поднялись съ мѣсть. Клодвигъ подошелъ къ Зонненкампу.

— Никогда рекомендація не была справедливѣе, сказалъ онъ, какъ въ тотъ день, когда я вамъ рекомендовалъ капитана. Вы правы, господинъ Зонненкампъ: изреченіе «самъ себѣ помогай» заключаетъ въ себѣ великое новое—если не нравственное, то во всякомъ случаѣ педагогическое начало. Нашъ другъ учить вашего сына самому себѣ помогать въ томъ, что составляетъ высшую задачу жизни: это новая сокровенная метода.

Эрихъ и Роландъ сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Князь подошелъ къ Эриху и пожимая ему руку, сказалъ:

— Вы настоящій учитель!

Между тѣмъ явился посланный отъ дамъ и пригласилъ мужчинъ пожаловать къ нимъ въ залу. Съ ихъ появленіемъ, не замедлило водвориться веселье. Одинъ австрійскій офицеръ, женатый на дочери негоціанта, которую такимъ образомъ вывелъ въ знать, презабавно пѣлъ комическія пѣсни. Пранкенъ показавъ нѣсколько фокусовъ, которымъ нарочно учился у фокусника, а въ заключеніе музыкантъ игралъ на старой скрипкѣ Клодвига.

Зонненкампъ, сидя вмѣстѣ съ Клодвигомъ въ уголѣ залы, защищенномъ отъ сквозного вѣтра, подумалъ, что настала удобная минута воснуться предмета, который теперь его больше всего занималъ. Онъ съ благодарностью упомянулъ объ участіи, какое Клодвигъ всегда вызывалъ къ Роланду, а потомъ съ отеческой заботливостью продолжалъ, говоря, что ему самому ужъ болѣе ничего не нужно въ жизни и что всѣ его желанія теперь влонятся единственно къ тому, чтобъ навсегда упрочить за Роландомъ почетное мѣсто въ обществѣ. Клодвигъ выразилъ увѣренность, что примѣръ и уроки Эриха со временемъ разовьютъ въ мальчикѣ самостоятельность, строгое пониманіе жизни и вообще такія качества, которыя непременно откроютъ ему доступъ въ общество людей высшаго круга.

Слова: «общество людей высшаго круга» возбудили всю энергію Зонненкампа. Но Клодвигъ дѣлалъ видъ, будто не понимаетъ куда Зонненкампъ мѣтитъ, и тотъ былъ такъ этимъ озадаченъ и смущенъ, что вмѣсто того, чтобъ прямо обратиться къ Клодвигу за содѣйствіемъ, сталъ просить у него совѣта. Клодвигъ самымъ рѣшительнымъ тономъ и даже въ рѣзкихъ выраженіяхъ посовѣтовалъ лучше и не начинать этого дѣла. Неблаговидно, говорилъ онъ, стараться проникнуть въ отживающее учрежденіе, гдѣ, къ тому же, никогда не будешь себя чувствовать вполнѣ

дома. Зонненкампу ничего болѣе не оставалось, какъ поблагодарить. А Клодвигъ воспользовался первой удобной минутой, чтобъ присоединиться къ другимъ гостямъ.

Всѣ начали еще за-свѣтло разбѣзжаться. Зонненкампъ посадилъ Роланда въ экипажъ къ матери, не желая вторично испытать на себѣ ея дурное расположеніе духа. Онъ видѣлъ, какъ взоры ея безпрестанно съ неудовольствіемъ обращались на богатое жемчужное ожерелье Беллы, и предпочелъ совершить обратный путь вмѣстѣ съ Эрихомъ и майоромъ.

— Вотъ оно, нѣмецкое общество! сказалъ Зонненкампъ дорогой. Нашъ почтенный хозяинъ сильно смахиваетъ на стараго профессора.

Никто ему не отвѣчалъ.

Затѣмъ Зонненкампъ по-англійски похвалилъ Эриха за таять, съ какимъ онъ въ присутствіи такого молодого мальчика, какъ Роландъ, остерегался высказывать свою короткость съ графомъ и съ его красавицей женой. Положивъ руку Эриху на плечо, онъ прибавилъ:

— Молодой человѣкъ, я могъ бы вамъ позавидовать. Я знаю, вы станете отпираться, но тѣмъ не менѣе приношу вамъ свое поздравленіе. Старый графъ правду говоритъ: изрѣченіе «самъ себѣ помогай» — не есть выраженіе какого-нибудь нравственнаго принципа.

Эрихъ могъ только учтиво отклонить отъ себя поздравленіе. Онъ чувствовалъ себя жестоко наказаннымъ за мысленно совершенный проступокъ и находилъ большое утѣшеніе въ томъ, что могъ себѣ сказать: «Да, я на дѣлѣ выполнилъ поговорку: самъ себѣ помогай».

Зонненкампъ тоже думалъ объ этихъ словахъ, и ему становилось досадно. Теперь у него было на рукахъ дѣло, съ которымъ онъ одинъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать; ему была нужна посторонняя помощь. Онъ искалъ почетнаго положенія въ свѣтѣ, котораго нельзя приобрѣсти, такъ какъ приобрѣтаются богатства. Тутъ необходима чужая помощь, но вотъ на первомъ же шагу встрѣчается затрудненіе: человѣкъ самый сильный, тотъ, который всѣхъ болѣе могъ бы быть ему полезенъ, отказываетъ ему въ своемъ содѣйствіи. Клодвигъ, какъ оказывалось, ничѣмъ нельзя было привлечь на свою сторону.

Б. АУЭРВАХЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ

0

ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ.

I*).

Недалеко еще то время, когда родился вопросъ о правахъ женщины; при первомъ своемъ появленіи онъ былъ не понятъ и откинутъ, какъ химера, потому преданъ на посмѣяніе; а между тѣмъ, въ наши дни, не взирая на брошенную въ него массу предразсудковъ и сарказмовъ, онъ поднимается и въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ, и съ каждымъ днемъ растетъ.

Родился этотъ вопросъ въ ту же эпоху, когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, была вообще обновлена жизнь старой Европы. Но человѣчество рѣдко обнимаетъ вдругъ весь смыслъ своихъ открытій. Среди того страстнаго порыва, который сбиль столько оковъ, который въ рабѣ призналъ человѣка и въ закрѣпощенномъ крестьянинѣ — гражданина, женщина осталась забытою, о

---

*) Приобрѣта въ рукописи у известной французской писательницы, Андрѣ Лео, новую ея повѣсть, которая будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книгъ, мы получили отъ автора вмѣстѣ предложеніе доставить въ редакцію особую статью по вопросу, который въ послѣднее время такъ сильно занимаетъ общественное мнѣніе у насъ, а за границей давно уже обратилъ вниманіе на себя и въ литературѣ, и въ разныхъ сферахъ общественной и официальной жизни. Въ русскомъ переводѣ мы позволили себѣ опустить только то мѣсто, гдѣ авторъ оспариваетъ несправедливое положеніе женщинъ по французскому законодательству, которое въ этомъ отношеніи стоитъ ниже нашего.

Ред.

ней и не подумали. Нашелся, впрочемъ, свѣтлый и возвышенный умъ, который прозрѣвалъ дальше своего времени, но и до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству, умъ, вникшій въ то, о чемъ не догадывались другіе. Это былъ—Кондорсѣ, и вотъ что онъ писалъ:

«Люди — говоритъ онъ — могутъ съвѣннуться до таковой степени съ нарушеніемъ своихъ естественныхъ правъ, что въ самой средѣ тѣхъ, чьи права нарушены, никто и не думаетъ потребовать возстановленія ихъ, даже не сознаетъ совершенной надъ нимъ несправедливости. Есть такія правонарушенія, которыя ускользнули отъ вниманія даже философовъ и законодателей, въ то самое время, когда они съ наибольшимъ рвеніемъ старались опредѣлить общія права личности и человѣчества и обратить ихъ въ единственную основу политическихъ учрежденій. Напримѣръ, не нарушенъ ли всѣми нами принципъ равноправности, когда мы преспокойно лишили цѣлую половину человѣчества права участвовать въ учрежденіи законовъ, отстранивъ женщинъ отъ пользованія правомъ гражданства?..... Чтобы такое отстраненіе не было актомъ насилія, предстояло бы доказать одно изъ двухъ: не тождественность естественныхъ правъ женщинъ съ правами мужчинъ или неспособность женщинъ къ пользованію этими правами.

«Но права человѣческой личности истекаютъ единственно изъ ея разумности, изъ того факта, что человѣкъ способенъ усвоивать нравственныя идеи и вырабатывать ихъ своимъ сужденіемъ. А такъ какъ женщинамъ присущи эти свойства, то по природѣ онѣ должны быть равноправны. Или ни одна человѣческая личность не имѣетъ дѣйствительныхъ правъ, или всѣ должны быть равноправны; при послѣднемъ положеніи, всѣ, кто подаетъ голосъ противъ чужой равноправности — каковы бы ни были его вѣра, цвѣтъ кожи и полъ — тѣмъ самымъ опровергаютъ разумность собственныхъ своихъ правъ....»

Это сужденіе Кондорсѣ не нашло ни приверженцевъ, ни противниковъ. Оно было отнесено въ области чистой философіи, а тогдашніе революціонеры, хотя и происходили отъ философовъ, но сами философствовали весьма мало. Принявъ дѣятельное участіе въ большой французской революціи, но не бывъ признаны ею, женщины сами утратили ея смыслъ, который, впрочемъ, и самъ по себѣ исказился, а скоро онъ же и задушили ее. Бросившись въ революцію изъ ненависти къ насилію, женщины затормозили ее, какъ потому, что революція привела къ насилію, такъ и изъ жалости къ жертвамъ, изъ усталости отъ дѣре-товъ и проскрипціонныхъ мѣръ. Во имя человѣчества, революція

такъ ужасно пограла человѣчность, а во имя свободы довела тираннію до того, что утратился исходный ея порывъ, потерялось сознание цѣли, а ориентироваться было нѣгдѣ. Женщины обернулись къ старинѣ, разочаровавшись въ новомъ положеніи дѣлъ. Тогда католицизмъ, который одинъ знаетъ хорошо могущество женщинъ, пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы завлечь ихъ на свою сторону: онъ обновилъ для женщинъ свой духъ, сталъ романтичнымъ, окружилъ себя поэзіею и благоуханіемъ.

Однакожь разумъ опять-таки нашелъ свой путь. Вопреки католической церкви и предрасудкамъ, женщины снова обратились къ литературѣ и къ философіи. Въ каждомъ движеніи есть роздыхи; но отъ одного этапа къ другому путь ведетъ все-таки впередъ. Женщины воспользовались словомъ освобожденія ихъ, которое было произнесено Сен-Симономъ, и изъ ряда наиболее умныхъ и прямодушныхъ, вышли защитницы правъ женщины.

Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ ходячія оговорки, исторія женщинъ есть исторія всего человѣчества. На площади голосъ ихъ раздается только въ исключительные моменты громаднаго раздраженія, въ обыкновенное же время трудно опредѣлить ихъ вліяніе. Но важнѣе всего вопросъ: каковаго рода вліяніе ихъ предпочтительно: инстинктивное ли, или направленное разумно? Лучше ли, чтобы оно дѣйствовало прямыми или извилистыми путями, при свѣтѣ солнца, или въ тѣни?

II.

1830-ый годъ у насъ, во Франціи, былъ пробужденіемъ. Тогда женщина проникла всюду, и въ литературу, и въ социализмъ, и даже въ возстанія. Противъ ея порыва пущена была въ ходъ насмѣшка. Въ писательницъ бросили кличку *bas-bleus*, кличку, на первый взглядъ только странную, но заключающую въ себѣ смыслъ вѣрный: женщина, дѣйствительно, тѣмъ болѣе отдаляется отъ кокетства, чѣмъ болѣе вырабатываетъ въ себѣ умъ. Такъ-то тогдашнее общество, пробавлявшееся компромиссами, поверхностное и мѣщански-аристократичное, жившее со дня на день, безъ связи съ прошлымъ, безъ заботы о будущемъ, блестящее, но нерасположенное къ глубокому мышленію, — клеймило въ женщинѣ стремленія дѣльныя, а пустоту считало добродѣтелью. Эти насмѣшки оказали не малое вліяніе въ томъ смыслѣ, что образованіе дѣвушкамъ не подвинулось впередъ; государство оставило его въ полномъ пренебреженіи; насмѣшки эти изъ многихъ мужчинъ

подблали Кризалеѣ ¹⁾, женщинамъ крѣпче надвинули на глаза повязку католицизма и предрасудка, и заставили ихъ же произвести два послѣдствія, которыя продолжаются и теперь и будутъ продолжаться еще нѣкоторое время: женщины честныя, преданныя домашней жизни по убѣжденію, затормозили прогрессъ въ обществѣ и стали душить всякій порывъ впередъ, какъ бы чистъ и благороденъ онъ ни былъ, а женщины, преданныя роскоши или торгующія собою, подорвали, съ успѣхомъ, даже нравственность частной жизни. Но не слѣдуетъ забывать, что во всемъ этомъ безнравственный элементъ представляется не однѣми женщинами, и не преимущественно женщинами. Женщина идетъ за волею мужчины, а поступаетъ она такъ потому, что находится въ положеніи зависимомъ. Вина въ распущенности общества, въ пошлости — обоюдная.

Къ счастью, въ человѣческой проницательности есть нѣчто фаталистическое; она можетъ заблуждаться, но въ концѣ концовъ возвращается на путь прямой. Въ настоящемъ случаѣ задачу разъясненія взялъ на себя романъ. Романисты раскрыли язвы современнаго общества, и оно поняло ихъ лучше, чѣмъ философовъ, потому что они, вмѣсто умозрѣній, изъяснялись фактами. Они показали, какъ женщина дѣлается жертвою обмана, какъ приносится въ жертву ребенокъ, какъ, въ низшихъ слояхъ общества, нищета ведетъ къ воровству, убійству и разврату, а въ высшихъ слояхъ ведетъ въ тому же жадность въ наживѣ. Ж. Сандъ, Бальзакъ, Э. Сю, исполнили свое призваніе рядомъ съ Сен-Симономъ, Кабэ и Фуррьё. Вездѣ выставлялись наружу недостатки брака на ряду съ бѣдствіями пролетаріата. Но—что бы ни говорили консерваторы, которымъ дороже всего одна форма — на семейство нападали не для того, чтобы разрушить, а чтобы преобразовать его, точно такъ, какъ съ тою же цѣлью прежде нападали на государство. Такимъ-то образомъ, дѣло революціи повели дальше того пункта, на которомъ она остановилась, и на которомъ она не могла не остановиться, такъ какъ собственно политическій переворотъ не могъ пойти далѣе, чѣмъ зашла она.

Этотъ вопросъ о положеніи женщины, объ устройствѣ семейныхъ отношеній является на сцену позже другихъ по самой глубинѣ своей и трудности рѣшенія. Сами республиканцы передъ нимъ остановились и, надо замѣтить, что въ ихъ-то рядахъ вопросъ этотъ встрѣтилъ наиболѣе ярыхъ противниковъ; республи-

¹⁾ Chrysale, въ «Femmes Savantes» Мольера, декламируетъ противъ научнаго образованія женщинъ (собственно говоря, противъ карикатуры его въ современномъ кружкѣ отеля Рамбулле).

канцы по этому вопросу превращались въ строгихъ консерваторовъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло, потому что республиканцамъ, какъ всякой политической партіи, всего дороже была форма, и для осуществленія этой формы они стремились захватить власть, силу. Настоящій республиканецъ еще не родился. Тѣ, которыхъ мы видѣли, дѣйствовали скорѣе какъ инсургенты, чѣмъ какъ преобразователи. Они вѣрили въ силу, въ диктатуру; они стыдились только повиноваться, но не стыдились повелѣвать; своей гордости они не распространяли на всѣхъ; имъ не доставало и любви, и справедливости.

Вотъ почему притязанія женщинъ казались и неприличными, и смѣшными. Каждому изъ республиканцевъ хотѣлось имѣть-таки свое маленькое королевство; они не желаютъ быть подданными, но вѣдь это только потому, что чувствуютъ себя достойными быть властелинами. Логика, до сихъ поръ, — вещь еще далеко не вулгарная, общепринятая: въ душѣ человѣка, изъ ненависти къ деспотизму еще не истекаетъ непременно логическое послѣдствіе — любовь къ свободѣ.

III.

До 1848 года, одни социалисты провозглашали *право* женщины. Между женщинами въ тотъ годъ была агитація, но слабая; устроился женскій клубъ, на который, конечно, обратились насмѣшки, хотя онъ не былъ смѣшнѣе иныхъ клубовъ. Сами социалисты были такъ мало приготовлены ко вступленію женщины въ политическую дѣятельность, что кандидатура Жанны Дервевъ (Derwin) нашла только очень немногихъ приверженцевъ въ самой ея партіи, а самъ Пьеръ Леру, бывшій тогда мэромъ въ Буссажъ, принялъ требованіе Полины Роланъ, о внесеніи ея имени въ избирательный списокъ, почти столь же немилостиво, какъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ всякій иной мэръ. Книга Легувэ о женщинѣ произвела нѣкоторое впечатлѣніе, быть можетъ, потому именно, что представляла скорѣе крикъ великодушнаго протеста противъ крайностей злоупотребленія силою, и обращеніе къ жалости, — чѣмъ заявленіе правъ.

Декабрьскій переворотъ наложилъ молчаніе на этотъ вопросъ, какъ и на всѣ другіе. Пренія снова открылись не ранѣе 1857 г., и именно двумя книгами: *La Justice dans la Révolution*, Прудона, въ которой онъ осыпалъ женщину грубыми оскорбленіями, и *L'Amour et la Femme*, въ которой Мишлэ, въ иной, льстивой формѣ, оскорблялъ женщину не менѣе. Имъ энергически воз-

ражали: *Les Idées anti-proudhoniennes*, подписанное Жюльеттою Ламбёръ, и *La Femme affranchie* г-жи д'Эрикуръ. Это были полныя здраваго смысла и сильныя логикою и ироніею возраженія Прудону, Мишлэ, Огюсту Конту и всѣмъ отрицателямъ женской полноправности. Но книги эти были слишкомъ серьезны, чтобы сдѣлаться популярными и противостать съ успѣхомъ ученіямъ писателей съ такими именами. Нѣкоторые приписываютъ книгѣ Мишлэ влияние въ смыслѣ смягченія отношеній супружеской жизни. Это сомнительно; во всякомъ случаѣ прочную гарантію противъ эгоизма власти можетъ представлять только приобрѣтенное положительное право, а не милостивое расположеніе ея самой.

Однимъ словомъ, до сихъ поръ женщина изъ всѣхъ плодовъ революціи воспользовалась только однимъ: измѣненіемъ закона о правахъ наслѣдства, да еще приобрѣла недостаточное покровительство закона противъ публичныхъ обидъ. Быть можетъ, теперь ее даже менѣе уважаютъ; во всякомъ случаѣ, на ея права теперь болѣе нападаютъ, потому именно, что они неволью прокрадываются въ сознаніе; въ ней не хотятъ признать равную, но смотрятъ на нее какъ на противницу.

Въ 1858 году, по иниціативѣ г. Арлесь-Дюфура, ліонская академія объявила конкурсъ на вопросъ: «о средствахъ къ уравненію заработной платы женщинъ съ заработной платою мужчинъ, при равной работѣ, а также къ расширенію круга дѣятельности женщинъ». Этотъ конкурсъ вызвалъ дѣльную и правдивую записку, которая появилась потомъ въ печати съ заглавіемъ: *La femme pauvre au XIX-me siècle*. Авторомъ ея была молодая, начитанная и бѣдная дѣвушка M-lle Daubie; она, въ дополненіе къ мнѣнію, подала и примѣръ: два года спустя, она выдержала въ ліонскомъ филологическомъ факультетѣ экзаменъ и получила дипломъ на степень бакалавра словесности. Ея примѣру послѣдовали другія: г-жа Шеніо получила степень бакалавра (магистра) словесности и лиценціата (кандидата) математическихъ наукъ; такіе примѣры не рѣдки. Въ настоящее время слушаютъ курсъ медицинскаго училища въ Парижѣ двѣ французенки, одна русская и одна американка; чтобы достигнуть этого, онѣ должны были преодолѣть не мало затрудненій и разочарованій.

Книга Жюля Симона: *L'Ouvrière*, также какъ и книга г-жи Daubie, излагаетъ нищету матеріальную и умственное убожество, на которое осуждаютъ женщину. Въ этой книгѣ есть факты, которые должны бы, кажется, поразить ужасомъ общество, еслибы оно было серьезно и нравственно, или, если бы оно думало хотя о самосохраненіи.

Факты эти можно резюмировать въ цифрахъ. Средній заработокъ женщины въ Парижѣ составляетъ 1 франкъ 10 сантимовъ въ день; многія получаютъ не болѣе 60 сантим. Въ Парижѣ находится отъ семи до восьми тысячъ женщинъ промышленницъ развратомъ открыто; тайная проституція не входитъ сюда въ расчетъ. Во Франціи считается 1 м. 500,000 незаконнорожденныхъ; дѣтоубійства составили тоже изрядную цифру.

Эти ужасныя цифры много разъ были обнародываемы и не одними социалистами, но и официальными писателями, а между тѣмъ, въ виду этой ужасной гибели въ людяхъ началъ чести и справедливости—у насъ все еще есть консерваторы!

Но вопросъ о правѣ женщинъ недаромъ распространяется въ воздухъ; въ настоящее время онъ поставленъ вездѣ. Известно, что въ англійской палатѣ общинъ 73 члена подали голосъ въ пользу предложенія Стюарта Милля, клонившагося къ признанію за женщинами избирательнаго права; что 5,000 женщинъ заявили требованія о внесеніи ихъ именъ въ избирательные списки; что въ числѣ краснорѣчивыхъ подвижниковъ этого дѣла находится миссъ Лидія Бичеръ, и что для защиты этой мысли создались и общества, и журналы.

Въ Германіи идутъ инымъ путемъ, но къ той же цѣли: нравственное, интеллектуальное и ремесленное образованіе женщинъ обращаетъ на себя общее вниманіе, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя учрежденія, двѣ спеціальныя газеты и конгрессы, на которые собираются просвѣщеннѣйшіе мужчины и женщины Германіи.

Въ Италіи, вопросъ о непризнанныхъ правахъ цѣлой половины народа былъ также представленъ парламенту. Въ Италіи тоже основана съ этой цѣлью спеціальная газета: *La Donna*, редактируемая г-жами Беквари, Модзони и др. Въ Португаліи выходитъ *a Voz feminina*.

Въ Швейцаріи, на конгрессѣ друзей мира и свободы, происходившемъ въ Бернѣ, въ прошломъ году, вопросъ о равноправности женщины былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ лучшими представителями европейской демократіи единогласно, хотя по инымъ вопросамъ далеко не оказалось подобнаго единодушія. Вслѣдствіе такого рѣшенія центральный комитетъ принялъ въ число своихъ членовъ г-жу Марію Геггъ (Goegg), которая недавно основала въ Женевѣ *Le Journal des femmes*.

Въ Соединенныхъ Штатахъ движеніе началось съ 1848 года. Оно вышло изъ кружка тѣхъ самыхъ абolicіонистовъ, которые поставили себѣ задачу освобожденіе невольниковъ. Изъ числа представительницъ мысли о равноправности женщинъ назовемъ

Лукрецію Моттъ, Уильяма Гаррисона, Люри Стонъ, Уэнделля Филиппса, Елисавету Стантонъ. Началась дѣятельная пропаганда въ видѣ митинговъ, чтеній, брошюръ. Въ ней отличались: Каролина Долль, Анна Диккинсонъ, Генри Уордъ Бичеръ и др. Во время опасности, угрожавшей націи, женщины явились ревностными патріотками, не дожидаясь титула гражданокъ. Въ то же время, по недостатку чиновниковъ въ гражданскихъ управленіяхъ, туда получили доступъ женщины, и вопросъ, на практикѣ, сдѣлалъ такимъ образомъ немаловажный шагъ впередъ. Между тѣмъ, Елисавета Блэгуэлль первая завоевала для женщинъ право доступа въ медицинскую профессію. Будучи единодушно признаемы въ качествѣ наставницъ, допущенныя въ нѣкоторой степени къ занятію административныхъ должностей, женщины въ Соединенныхъ Штатахъ почти болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сдѣлали для приближенія равноправности своего пола.

Здѣсь, во Франціи, вопросъ не заглохъ, не смотря на встрѣченныя противодѣйствія. Замѣчательно, что даже насмѣшка, это столь страшное у насъ оружіе, притушается передъ этимъ вопросомъ, касающимся слишвомъ глубокихъ интересовъ. При существованіи поголовной подачи голосовъ, стали, наконецъ, находить нелогичнымъ лишеніе правъ цѣлой половины народа. Демократіи не все равно, будетъ ли эта половина народа за или противъ нея, будетъ ли воспитываться на лонѣ церкви или въ средѣ современныхъ идей? Республиканцы—и тѣ убѣдились, наконецъ, въ серьезной хотя бы только необходимости преобразовать воспитаніе женщинъ, не для нихъ самихъ конечно, а съ тѣмъ, чтобы онѣ могли воспитывать изъ своихъ дѣтей себѣ преемниковъ.

Вопросъ о правѣ женщинъ такъ сильно занимаетъ у насъ умы, такъ современенъ, что онъ именно былъ предметомъ первыхъ преній, которыми открылось здѣсь право общественныхъ сходовъ. Эти сходки въ самомъ дѣлѣ народны. Классъ буржуазіи имѣетъ на нихъ мало представителей, буржуа являются туда рѣдко и только изъ любопытства: сюда относятся журналисты, экономисты и т. д. Но масса участвующихъ принадлежитъ къ категоріи мелкихъ торговцевъ и той избранной части рабочихъ, которые послѣ дневного труда съ истинно-геройскимъ усиліемъ берутся за ученіе. Въ этой средѣ новыя идеи, стремленіе къ справедливости въ государствѣ, къ дѣйствительной равноправности всѣхъ его членовъ, находятъ живое вниманіе и откликъ.

Въ этихъ-то собраніяхъ обсуждался, въ продолженіе около трехъ мѣсяцевъ общій вопросъ о правѣ женщинъ подъ названіемъ: «о женскомъ трудѣ». Здѣсь прудонисты предъявили всѣ свои аргу-

менты противъ равноправности женщинъ: слабость ея, физиологическія особенности, дѣлающія ее неспособною къ усиліямъ, вредное вліяніе мастерской на ея характеръ, выводъ отсюда извѣстенъ: заключить женщину въ обязанности исключительно-домашнія, предоставить мужу кормить это существо, «созданное не для труда, а для любви, и поведѣвать имъ». Напрасно имъ возражали, что свобода необходима для самой нравственности, что безъ свободы нѣтъ истиннаго сознанія достоинства личности. Они отвѣчали избитыми антитезами; «мужчинъ — сила и разумъ, женщинъ — грація и чувствительность; мужчинъ — возвышенныя мысли, великіе планы, тяжкіе труды, творческая способность, женщинъ — внушенія сердца, тонкости ума, кротость, фантазія, попеченіе, самопожертвованіе» и т. д. Но женщина сама отеклась отъ того портрета, который такъ услужливо рисовали будто бы съ нея, и громко объявила себя оскорбленною тѣмъ, что осмѣливаются предлагать для нея мужчину въ видѣ особаго бога, поклоненіе которому, быть можетъ, было бы не совсѣмъ сообразно съ разумомъ, а во всякомъ случаѣ слишкомъ лишено обаянія.

Впрочемъ, нашлись защитники и изъ мужчинъ. Женщины въ большомъ числѣ посѣщали эти собранія. При закрытіи преній были постановлены рѣшенія въ болѣе умѣренномъ тонѣ, которыми высказывалось право женщины на самостоятельный трудъ, на образованіе и на свободное развитіе своихъ способностей. Что касается политическаго права женщинъ, то оно было оговорено въ видѣ нерѣшеннаго вопроса. Эти рѣшенія даютъ мѣрку наиболѣ либеральнаго взгляда на право женщинъ, существующаго въ массѣ рабочихъ. Далѣе, до полной равноправности человѣческихъ существъ идутъ только очень немногіе.

Около того же времени кружокъ приверженцовъ ученія о равноправности женщинъ издалъ манифестъ, въ которомъ эта равноправность требовалась на основаніи коренныхъ демократическихъ началъ; манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ «Opinion Nationale». Таже лига въ защиту права женщины издала недавно, въ той же газетѣ, новый манифестъ, въ которомъ несправедливость нынѣшняго положенія женщинъ объяснена съ подробными ссылками на статьи гражданскаго кодекса ¹⁾.

Лига имѣетъ въ виду прежде всего основать образцовую школу первоначальнаго образованія для женщинъ, образованія, въ которомъ не преобладали бы суевѣріе и предрасудки. Спра-

¹⁾ Такъ какъ эти манифесты составлены въ виду преимущественно мѣстныхъ условий, то мы позволили себѣ выпустить ихъ. *Ред.*

пивается, отълихнутся ли женщины на эти призывы? Нетрудно догадаться, что многія и многія будутъ убѣждены, но не выскажутъ своего убѣжденія гласно. Другія, поставленныя въ болѣе счастливыя условія, будутъ разсуждать: «одною больше, одною меньше — не все ли равно». И такъ будутъ думать сотни тысячъ женщинъ и болѣе, забывая, что убѣжденіе негласное, внѣ обязательной формы, для успѣха дѣла все равно какъ бы не существуетъ.

IV.

Обратимся къ теоріи вопроса о правѣ женщинъ, и прежде всего къ возраженіямъ противниковъ этого права. Они берутъ за исходную точку положеніе, что женщина по природѣ слабѣе, ниже мужчины, и затѣмъ, разумѣется, доказываютъ, что то, что установлено самою природою — законно и не подлежитъ измѣненію, и напротивъ служить необходимымъ основаніемъ всему строю общества и семейства.

Они говорятъ, что женщина стоитъ ниже мужчины въ отношеніяхъ физическомъ и умственномъ... А въ нравственномъ? Здѣсь мнѣнія самихъ этихъ теоретиковъ расходятся. Одни, наиболѣе логичные, признаютъ, что и въ нравственномъ отношеніи женщина ниже мужчины, что она по природѣ существо пустое, руководимое только инстинктомъ, капризное и развращенное. Другіе, наоборотъ, дѣлаютъ изъ нее — «божество чувства».

Но возможно ли допустить, чтобы изъ физической и умственной слабости исходила нравственная сила? Развѣ человѣческая душа составлена изъ антитезъ, какъ проза гг. теоретиковъ? Развѣ сердцемъ можно думать, отличать добро отъ зла? Что за странность! Вѣдь сердце въ сущности не болѣе, какъ только мускулъ — опредѣленіе не совсѣмъ пріятное, но что дѣлать, наука не церемонится ни съ чѣмъ. Гдѣ же сосредоточивается чувство, если мускулъ, называемый сердцемъ, средоточіемъ его служить не можетъ, несмотря на приписываемую ему способность вмѣщать въ себѣ столько фугъ и столько элегій? Очевидно — въ мозгу. А вы утверждаете, что мозгъ женщины имѣетъ меньшій объемъ, чѣмъ мозгъ мужчины. Отчего же зависитъ то нравственное совершенство, которое вы такъ обязательно признаете за женщинами?

Недавно намъ случилось посѣтить катакомбы. Два господина, съ весьма важнымъ видомъ, указывали другъ другу тросточкой на различные черепа; какъ только они замѣчали черепъ слав-

ленный и малый — «вотъ это черепъ женщины» провозглашали они. «Въ самомъ дѣлѣ»? было наше любопытство. «Нѣтъ ниваго сомнѣнія», важно успокоили они насъ.

Ясно, что изъ умственного убожества женщины, если допустить его какъ фактъ, должно слѣдовать и нравственное ея убожество. Различіе между мыслью и чувствомъ, которое приводятъ теоретики — вещь что-то непонятная. Развѣ человѣческая природа есть совокупность антиномій, борьба контрастовъ? Кажется, трудновато было бы указать предѣлъ между чувствомъ и мыслью. — Что такое разсудокъ? — Способность производящая сужденія. — Что такое чувство? — Способность производящая желаніе, стремленія. Развѣ же между ними не должно необходимо быть связи? Наклонность ли производить сужденіе или сужденіе опредѣляетъ наклонность, какъ бы то ни было, нельзя представить себѣ сужденіе, которое бы не вело къ предпочтенію, стало быть — къ акту воли. Точно такъ, нѣтъ чувства, въ основаніи котораго не лежала бы какая либо усвоенная истина или иллюзія, стало быть сужденіе, вѣрное или невѣрное. И сужденіе можетъ заблуждаться, какъ и чувство. Чувство, мнѣ кажется, можно бы опредѣлить такъ: сужденіе, укоренившееся издавна, и слывущее подъ именемъ «прирожденныхъ идей», предрасудка, вліянія и воспитанія.

Вѣчное противопоставленіе сужденія чувству рѣшительно не имѣетъ рациональнаго основанія. Нерѣшительность, такъ-называемыя колебанія воли, которыя человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ, суть не что иное, какъ безпокойство его относительно послѣдствій таковаго или иного акта. Когда чувство колеблется, это значитъ, что умъ сомнѣвается.

Какъ только чувство перестаетъ опираться на поводъ, на сужденіе, на иллюзію, оно уже перестаетъ быть нравственнымъ чувствомъ и обращается въ нисшаго разряда животный инстинктъ. Итакъ, когда намъ говорятъ, что въ женщинѣ болѣе всего слѣдуетъ уважать и охранять чувство, то это значитъ не что иное, какъ намѣреніе оставить женщину на произволь нисшихъ инстинктовъ, давать ей какъ можно меньше образованія. Вотъ къ какому противо-цивилизационному, анти-прогрессивному выводу приходитъ та теорія, которая въ мужчинѣ и женщинѣ видитъ двѣ различныя природы, на основаніи того предполагаемаго контраста въ душѣ человѣка, котораго въ дѣйствительности вовсе не существуетъ.

Но глубокіе моралисты, писавшіе о женскомъ вопросѣ, а за ними и общественное мнѣніе, рѣшили, что «учить женщину значитъ портить ея сердце». Впрочемъ, вѣдь извѣстно, что познаніе ведетъ ко злу, даже прямо въ адъ. «Это несовсѣмъ такъ»!

восклидаютъ они. «Мы хотимъ сказать только то, что женщина не должна получать образованія одинаковаго съ мужчиной; слѣдуетъ разбирать въ наукѣ, что согласно съ деликатностью, и не «обмужчинивать» (masculiniser) ея умъ.»

Прекрасно; итакъ, будутъ двѣ науки, одна мужская, другая женская. Солнце поставятъ на одну сторону, а луну на другую. Самый выборъ, впрочемъ, не лишень затруднительности. Исторію, напримѣръ, какъ стануть сортировать — по вѣкамъ или по фактамъ, оставляя безъ связи причины и послѣдствія? Довольно трудно представить себѣ двоякую манеру объяснять свойства солнечнаго луча или убійство Генриха IV.

Или выборъ дѣлать собственно только въ размѣрахъ преподаванія; ограничиться ознакомленіемъ «нѣжнаго» ума женщинъ съ одними основаніями и общими законами въ наукѣ. Да вѣдь это-то и есть самое трудное! Вѣдь подробности, частные факты только послѣдствія основаній, объясненіе законовъ, прибавимъ — объясненіе необходимое.

Или дѣлать выборъ по отраслямъ знанія? Точныя науки, напримѣръ — для мужчины. Да вѣдь и женщина участвуетъ ежедневно, сознательно или нѣтъ, въ физическихъ и химическихъ явленіяхъ, подчиняется законамъ механики и геометріи, — хотя бы такъ, какъ мольеровскій Журденъ писалъ прозою. А гигиена, которой примѣненіе зависитъ прежде всего отъ женщинъ, что она будетъ безъ естественно-научной подготовки? Ну, такъ мужчинѣ представимъ науки гуманитарныя... Помилуйте, да развѣ есть исторія, языкъ, литература безъ участія женщинъ? Безъ женщины они немислимы, какъ немислимо и самое человѣчество.

Но оставимъ въ сторонѣ эту карикатуру, — говорятъ намъ; скажемъ просто, что женщинъ въ учености, въ знаніи не слѣдуетъ вести такъ далеко, какъ мужчинъ. А почему же? Если потому, что онѣ неспособны, то не надо запрещенія: онѣ сами остановятся, не пойдутъ далѣе предѣловъ своего ума. Но нѣтъ, вы не объ этомъ заботитесь; возстае-то вы именно противъ самой возможности сдѣлать такой опытъ, котораго вы опасаетесь. Ваши крики, ваши заклинанія свидѣтельствуютъ, что вы просто боитесь чего-то. Развѣ есть тутъ опасность? Опасность — знаніе!

Друзья, будьте откровенны: признайтесь, положи руку на сердце, что вы боитесь знанія для женщинъ, потому что знаніе ведетъ въ размысленію, а размысленіе ведетъ въ независимости. Вы боитесь распространенія знанія между женщинами на томъ же основаніи, какъ боялись распространенія знанія въ народѣ... Но въ такомъ случаѣ не стыдитесь своихъ убѣжденій, и цѣлуйте туфлю св. отца.

И это сыны XVIII вѣка! Они поддерживаютъ въ семействѣ — деспотизмъ, которому полезно невѣжество рабовъ. Но вспомните «l'Ecole des Femmes» Мольера, вспомните, можно ли полагаться на Агнесъ?

Внѣ правды напрасно искать предупредительныхъ мѣръ; внѣ здраваго смысла, никакая фраза, никакая антитеза не можетъ имѣть дѣйствительной силы. Такова именно та антитеза, въ которой сопоставляется нравственное превосходство женщины съ ея умственной слабостью.

Да и чѣмъ же, наконецъ, доказывается сравнительная слабость женщины въ умственномъ отношеніи? — «Тѣми данными, тѣми результатами, которые мы имѣемъ на лицо», говорятъ намъ. Но съ которыхъ поръ наличные результаты принимаются за неопровержимые доказательства, безъ справокъ съ тѣми причинами, которыя ихъ произвели? Никто не станетъ оспаривать, что умственная приниженность, въ которой такъ давно держали народъ, лишила человѣчество неоцѣнимыхъ сокровищъ. Но развѣ этотъ результатъ ставить въ вину народу? Случалось все-таки, что мальчикъ изъ народа, одаренный необыкновенными способностями, дѣлался извѣстнымъ какому-нибудь вліятельному лицу, уважавшему умственное развитіе; тогда на такого ребенка обращали вниманіе, старались дать полное развитіе его способностямъ, помогали необыкновенному ребенку исполнить свое призваніе. Но если этотъ необыкновенный ребенокъ была дѣвочка, что тогда? Тогда не дѣлали ничего; тогда говорили: кчему? Такъ говорятъ и доселѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ поощрять въ дѣвушкѣ любовь къ ученью? Изъ мальчика можетъ выйти полезный членъ общества: математикъ, архитекторъ, полководецъ, мыслитель. А дѣвушкѣ предстоить только сдѣлаться матерью семейства, больше ничего. Вотъ почему родители заботливо заглушаютъ въ дочери безпокойныя зачатки умственнаго развитія, останавливаютъ образованіе ея на предѣлахъ, установленныхъ обычаемъ. Сынъ — тотъ, встрѣчая препятствіе слѣдовать своему призванію, имѣетъ возможность настаивать на своемъ, противиться. Дѣвушка же, оставаясь вѣчно подъ рукою родителей и подъ неуспыннымъ слѣдствіемъ общественнаго мнѣнія, такой возможности лишена безусловно. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ препятствій ея умственному развитію, сколько препятствій внутреннихъ! Къ ней подступаютъ и внушенныя съ малолѣтства наклонности тщеславія, и обязанности, налагаемыя свѣтскою суетою, наконецъ, непосредственный личный интересъ, указывающій ей всю будущность въ одномъ замужествѣ. Вспомнимъ, что все это происходитъ, что судьба дѣвушки

рѣшается въ томъ возрастѣ, когда у нея еще не сформировался характеръ.

А тамъ, разъ замужемъ, дѣло съ умственнымъ развитіемъ, со стремленіемъ къ знанію, покончено навсегда: дѣти, деспотизмъ семейныхъ обязанностей и общаго обычая, утрата случая, отсутствіе времени и средствъ, наконецъ — зависимость....

Нужно ли еще объяснять почему, въ наличности, обазывается такъ мало замѣчательныхъ женщинъ въ рядахъ науки мысли и искусства? Женщину съ дѣтства посвящаютъ любви; ее лишаютъ всякой иной цѣли, останавливаютъ ея развитіе въ томъ самомъ возрастѣ, когда стремленіе къ нему возникаетъ, — а потомъ у нея требуютъ отчета не только въ томъ, чего ей не было дано, но и въ томъ, чего ее съ такою заботливостью лишили, въ томъ, что систематически душили въ ней... Развѣ это не пропія?

Хорошо, говорятъ намъ: но препятствія эти, не слѣдуютъ ли они изъ самой природы и назначенія женщины?—Нѣтъ, изъ назначенія женщины вовсе не слѣдуетъ, чтобы необходимо было выдавать ее замужъ прежде чѣмъ она созрѣла, и тѣломъ и умомъ. Назначеніе женщины есть общее назначеніе человѣческой личности: дѣйствовать сознательно, договариваться самой за себя, съ полнымъ знаніемъ условій договора и съ полной свободой заключать его или не заключать. Назначеніе ея, какъ всякой человѣческой личности есть: учиться, чтобы знать, принимать законъ, а не покоряться ему, безсознательно и безотвѣтно, наконецъ быть способною исполнять тѣ обязанности, которыя она беретъ на себя. Да! постыдный и идиотическій взглядъ на женщину, какъ на агента воспроизведенія и наслажденія, этотъ взглядъ именно и произвелъ тотъ вопіющій безпорядокъ, тотъ уродливый фактъ, что преднамѣренно дѣлаютъ умственно несостоятельнымъ именно существо, которое обновляетъ человѣчество, сообщаетъ каждой личности первыя ея впечатлѣнія, а общественному организму его основную форму—семейство. Нѣтъ сомнѣнія, что это призваніе истинно, необходимо и велико. Но не странно ли ссылаться на него именно съ цѣлью уронить его великое значеніе?

Да, женщина должна быть матерью; но именно потому-то образованіе ея должно быть обширно и полно; потому-то и слѣдуетъ стараться воспитать въ ней характеръ сильный, направленіе дѣльное. Именно потому, что ей предстоитъ быть не только человѣческой личностью, но еще матерью, и слѣдуетъ искоренять въ ней пустоту, это искривленіе ума, столь же заботливо, какъ неправильность въ развитіи тѣла.

Пусть воспитываютъ ея умъ также заботливо и полно, какъ

умъ мужчины—вотъ тогда мы увидимъ, во что обратится ея сравнительная умственная слабость.

Но что, если наслажденія умственной жизнию отклонять женщину отъ ея материнскихъ обязанностей?—Опять-таки, зачѣмъ, о маловѣрные, полагаете вы, что умственное развитіе ведетъ въ дурному? Наконецъ, возможность злоупотребленій развѣ можетъ служить основаніемъ не допускать никого къ пользованію правомъ? Но такъ ужъ водится. Каждый разъ, когда голодный проситъ себѣ мѣста за общественнымъ пиршествомъ, его сперва отстраняютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ напиться пьянъ.

Какая изысканная заботливость! Но жизнь, какъ и свобода, на каждомъ шагѣ представляетъ рискъ, опасность; отстранять ихъ отъ человѣка преданіемъ его смерти или рабству—это выходитъ изъ границъ благоразумной осторожности.

Что касается физической слабости женщины, слабости ея мускуловъ, то и ее вообще преувеличиваютъ. Въ дѣйствительности, женщина была первымъ «вьючнымъ слугою» мужчины. Да и теперь она раздѣляетъ съ мужчиною большую часть тяжелыхъ работъ. Сила женщины не тождественна съ силою мужчины, но равна ей. Это вовсе не парадоксъ.

Переносить беременность и тотъ кризисъ, которымъ она оканчивается, кормить ребенка грудью, нянчить его въ первые года его жизни, — все это требуетъ такого расхода силъ, что женщину, совершающую этотъ подвигъ, едва ли можно признавать существомъ *болынымъ*, какъ то дѣлаетъ Мишле. Между мужчинами очень немного такихъ, которые выдержали бы усталость ухода за ребенкомъ, и нѣтъ ни одного, который въ этомъ отношеніи могъ бы превзойти мать. Большинство врачей, удивляясь той силѣ, съ какою женщина выноситъ страданія, ставятъ ея мужество выше мужества мужчины.

Что же было бы еще, еслибы здоровое воспитаніе не искажало, а укрѣпляло женщину; еслибы отсутствіе фальшивыхъ нѣжностей не прививало бы къ женщинѣ какой-то обязательной робости и слабости, не заставляло бы ее официально ахать и пугаться по пустякамъ, не ослабляло бы ее праздностью и не сковывало бы природной энергіи, навязанной деликатностью? Тогда увидѣли бы, что для перенесенія страданій, трудовъ и всякаго рода житейской борьбы—однимъ словомъ, того болѣзненного бремени, котораго женщина несетъ большую долю, чѣмъ мужчина — у нея есть сила, правда особаго рода, сила внутренняя, такъ сказать — скрытая, но представляющая въ общей суммѣ нѣчто ужъ никакъ неуступающее силѣ мужчины, силѣ по преимуществу — вѣшней.

Между тѣмъ, именно изъ того явленія, изъ того подвига, которые наиболѣе обнаруживаютъ удивительную силу женскаго организма, изъ материнской функціи ея, которая на женщину возлагаетъ и рожденіе и первоначальное воспитаніе людей—выводятъ странное положеніе о ея слабости и подчиненности ея природы.

V.

Тѣ, кому лѣтъ черезъ сто придется судить наше время по этому дѣлу, разбирать отношенія современниковъ къ вопросу о природѣ и правѣ женщины—не могутъ не произнести надъ нами строгаго приговора. Въ самомъ дѣлѣ, ни по одному изъ другихъ вопросовъ не оказывается столько противорѣчій, поверхностности, отсутствія искренности и знанія, наконецъ логичности,—какъ въ этомъ вопросѣ. Каждый старается какъ-нибудь закрыть этотъ вопросъ, прихлопнуть его какимъ-нибудь компромиссомъ. Передъ лицомъ его нѣтъ ни истинныхъ демократовъ, ни истинныхъ консерваторовъ, а есть только поползновенія и тщеславія, стояція насупротивъ нѣсколькихъ людей, руководимыхъ просто добросовѣстностью. И эти поползновенія, эти заднія мысли совершенно основательно ополчаются противъ рациональнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно, тутъ рѣчь идетъ о реформѣ величайшей важности и самаго коренного свойства, которая коснется законовъ, обычаевъ, характера человѣчества. Вѣдъ равноправность женщины повлечетъ за собою безвозвратную отміну проституціи, перенесетъ мораль изъ теоріи въ фактъ, отождествитъ семейство съ любовью, и установитъ для общественнаго порядка полную нравственность.

Какъ не опасаться столь варварскаго переворота! А анакреонтическія оды, а букеты Хлорѣ, а двусмысленныя шуточки, а любезная галантерейность, украшеніе французской литературы и прелесть салоновъ? Все это погибнетъ, все будетъ скошено какими-то учеными женщинами.

Перестать считать женщину ребенкомъ, признать ее полноправною личностью—вѣдъ это значитъ установить въ обществѣ справедливость, взаимныя произвола и милости, вѣчно пристрастныхъ, всегда унижительныхъ; на мѣсто моральнаго поученія—поставить фактъ.

Старое общество было устроено по образцу животнаго организма: голова, станъ, руки, ноги. Первымъ и наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этой системы былъ браманизмъ; затѣмъ она

проявлялась въ разныхъ видахъ. Человѣкъ все представлялъ себя устроеннымъ по собственному своему подобію, еще не зная хорошоенько самъ себя. Извѣстная басня Мененія Агриппы, еще такъ недавно бывшая на устахъ нашихъ моралистовъ, доказываетъ, что таковъ былъ идеалъ и римской республики. О возможности иного идеала и не думали. Правда, и въ тѣ времена, естественный инстинктъ народа порою выдвигалъ впередъ вопросъ объ устройствѣ общества; но невѣжество не знало, что отвѣчать Мененіямъ, и народъ сходилъ съ авентинскаго холма. Не находилось никого, кто бы возразилъ, что каждая человѣческая личность есть существо самозаконное и полное, существующее для себя, а не для того, чтобы быть безотвѣтнымъ колесомъ какаго-то уродливаго механизма; что общество — вовсе должно быть не зданіемъ, основаннымъ прежде всего на отвлеченныхъ условіяхъ равновѣсія, а простою совокупностью личныхъ силъ, вступившихъ въ соединеніе. Никто не сказалъ этого и во всемъ прошедшемъ: до конца XVIII вѣка надъ человѣчествомъ стоятъ какіе-то храмы, изъ которыхъ выходятъ законодатели; подъ ними — рабство.

Вотъ въ этой-то системѣ, чисто-іерархической, несмотря на имя демократіи и призраки свободы, при такомъ взглядѣ на общественное устройство, когда неравноправность членовъ общества считалась необходимымъ условіемъ порядка, когда на человѣка смотрѣли какъ на колесо общественной машины, когда личность признавалась фактомъ нисшимъ, чѣмъ общество, — тогда и семейство, разумѣется, должно было имѣть строй іерархическій, а женщина принесена въ жертву семейству. Всѣ думали, что того требуетъ справедливость. Когда образецъ берется въ природѣ, то ему, неизбѣжно, приносится въ жертву то, что въ человѣчествѣ несогласно съ нимъ.

Да и до сихъ поръ еще недостаточно уразумѣли всю пустоту цѣли посторонней самому человѣку, его собственной личности, всю нелѣпость этихъ построеній, создаваемыхъ челоѣкомъ въ челоѣчества. Такъ какъ жизнь существуетъ только въ живущей личности, то польза такого плана, который нарушаетъ право личности, несомнѣнно фальшива, ибо самъ планъ не можетъ же внушать того, что дѣлается именно только ради его. А между тѣмъ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, о которыхъ сохранилась память, вѣчно приносили челоѣческія существа въ жертву идеѣ «порядка». И демократы наши, забывая смыслъ своей исходной точки, сами тоже ссылаются на порядокъ, оправдывая правонарушенія!

Новая основа общества, принципъ общества современнаго,

это—право личности. Право это точно, ибо опредѣляется природою человѣческой личности, а вмѣстѣ и прогрессивно въ своемъ существѣ. Это-то право измѣняетъ всю систему. Фактъ заступаетъ мѣсто мечты, опредѣленность замѣняетъ произволь, и право общественное обращается просто въ совокупность правъ личностей.

Итакъ, когда свободѣ женщины противопоставляютъ необходимость ея рабства для порядка,—то это возраженіе очевидно исходить изъ духа прошедшаго и находится въ безусловномъ противорѣчій съ новымъ принципомъ общественнаго порядка.

Если человѣкъ признается по праву свободнымъ, какъ личность, какъ законченный организмъ, одаренный способностью сужденія и воли, наравнѣ со всѣми другими личностями, то на какомъ же основаніи можно лишать женщину хотя бы части того, что принадлежитъ человѣчеству? Или тотъ принципъ, который усвоенъ современнымъ обществомъ ложенъ, или женщина, также какъ мужчина, имѣетъ естественныя и неотчуждимыя права.

Когда мы проникнемся справедливостью, тогда тѣ произвольныя, утилитарныя доводы, которые ссылаются на «общее благо», требуя принесенія ему въ жертву личностей, не будутъ имѣть болѣе смысла. Напрасно держаться противъ теченія и оспаривать въ женщинѣ право на независимость, когда мы болѣе и болѣе убѣждаемся и громко признаемъ, что независимость служить необходимымъ условіемъ и силы, и нравственности; когда мужчина, съ своей стороны, самъ страстно добивается правъ, оспариваемыхъ у него, и которыхъ онъ не успѣлъ пріобрѣсть такъ долго потому именно, что самъ держитъ въ невольничествѣ свою подругу.

Андрѣ Лво.

Парижъ. 2 апрѣля 1869.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

ВЪ РОССІИ XVIII-ГО СТОЛѢТІЯ.

Собранные мною въ послѣднее время и до сихъ поръ нигдѣ неизданные материалы даютъ мнѣ возможность представить нѣкоторыя небезынтересныя свѣдѣнія о нашихъ финансахъ въ царствованія Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Для сравненія же съ этими данными я предпосылаю имъ краткій очеркъ уже опубликованныхъ, но мало въ публикѣ извѣстныхъ цифръ государственныхъ доходовъ и расходовъ за время Петра Великаго.

I.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Находящіяся у меня подъ руками свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ временъ Петра Великаго касаются различныхъ годовъ его царствованія. Голиковъ ¹⁾ упоминаетъ въ своихъ «Дѣяніяхъ», что въ началѣ царствованія Петра I доходы государственные не превосходили 1.750,000 рублей. Соловьевъ, въ XVI томѣ его исторіи, приводитъ ²⁾, что 27 января 1710 года государь велѣлъ, въ первый разъ, сличить приходъ съ расходомъ, и оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу, по сложности трехъ послѣднихъ лѣтъ, 3.134,000 рублей. За симъ, въ Пол-

---

¹⁾ Томъ XVIII, стр. 525.

²⁾ Томъ XVI, стр. 44.

номъ Собраніи Законовъ ³⁾ находится «Табель коликое число по при-
сланнымъ вѣдомостямъ изъ губерній и изъ провинцій на 1720 году
надлежало взять по окладу, таможенныхъ и кабацкихъ и канцеляр-
скихъ и другихъ сборовъ, кромѣ двороваго числа». Табель эта содер-
житъ лишь тѣ доходы, которые находились въ вѣдѣніи камеръ-колле-
гій и раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

I. Сборъ таможенный и кабацкіе:

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
Таможенныхъ	655,865 руб. 79 коп.	420,186 руб. 92 коп.
Кабацкихъ съ винной и во- дочной и пивной и медовой про- дажи	585,584 — 83 —	710,874 — 48 —
Съ влейменія винокуренныхъ кубовъ и котловъ	12,773 — 50 —	11,512 — 23 —
Таможенныхъ и кабацкихъ по- рознь, не росписныхъ и вторые отдаются откупщикамъ на откупъ, обще	376,731 — 77 —	229,468 — 91 —
Табачныхъ и трубочныхъ . .	26,819 — 38 —	9,498 — 47 —

Итого таможенныхъ и кабацкихъ 1.658,775 руб. 27 коп. 1.381,541 руб. 1 коп.

II. Канцелярскихъ сборовъ . . . . . 244,123 руб. 99 коп. 169,311 руб. 91 коп.
(14 отдѣльныхъ наименованій.)

Въ эту категорію отнесены слѣдующіе сборы, коиъ поступило:
1) за гербовую бумагу 19,898 р. 41 к.; 2) печатныхъ пошлинь отъ
печатанія указовъ 18,136 р. 73 к.; 3) съ вотчинныхъ и съ истцовыхъ
дѣлъ пошлинь 39,846 р. 69 к.; 4) съ письма вѣрностей пошлинь
30,172 р. 17 к.; 5) сбора патриарша казеннаго приказа, для того-жъ
сбора и по губерніямъ съ церквей данныхъ и съ вѣчныхъ памятей
15,845 р. 94 к.; 6) изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей остаточ-
ныхъ 660 р. 57 к.; 7) съ подъячихъ и съ церковныхъ и причетниковъ
возловскаго окладу 13,730 р. 28 к.; 8) съ поповъ и дьяконовъ за дра-
гунскія лошади 6,066 р. 83 к.; 9) съ мурзь и татаръ и съ однодвор-
цевъ, вмѣсто службы, 1,522 р. 36 к.; 10) конскихъ пошлинь съ про-
дажи лошадей 19,716 р. 56 к.; 11) оброчныхъ и за прикащичьи до-
ходы патриарша приказа 289 р. 12 к.; 12) съ отписныхъ деревень и
съ дворовъ и съ помѣстій и вотчинъ 2,140 р. 35 к.; 13) земскаго при-
каза на мостовое строеніе 985 р. 70 к.; 14) съ неуказаннаго платья
и съ бородъ 297 р. 20 к.

III. Съ оброчныхъ и откупныхъ статей . . . . . 475,632 руб. 21 коп. 241,061 руб. 56 коп.
(17 наименованій.)

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 4220.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ сборы по дѣйствительному поступленію, простиравшіеся до: 1) съ пчель и бортныхъ угодьевъ 15,330 р. 4 к.; 2) съ мельницъ 33,696 р. 31 к.; 3) съ бань съ дворовыхъ 25,071 р. 88 к.; 4) съ бань же торговыхъ 1,084 р. 84 к.; 5) съ рыбныхъ ловель 43,942 р. 59 к.; 6) съ найма извошниковъ и съ мастеровыхъ и промышленныхъ людей 11,165 р. 64 к.; 7) съ плавныхъ судовъ и привального и отвалнаго и съ дровъ 13,042 р. 26 к.; 7) съ ледоколу и съ водопою 3,622 р. 90 к.; 9) съ мостовъ и перевозовъ 7,825 р. 8 к.; 10) съ пашенныхъ земель и съ сѣвныхъ покосовъ и съ другихъ угодій оброчныхъ 7,637 р. 49 к.; 11) съ лавокъ и съ анбаровъ, и съ кузницъ и съ постоянныхъ дворовъ, оброчныхъ 8,474 р. 45 к.; 12) съ земельныхныхъ, помѣрныхъ и съ вѣсовъ вѣсчихъ 1,827 р. 50 к.; 13) съ откупныхъ статей надаточныхъ и прикладныхъ пошлинъ 1,980 р. 76 к.; 14) отъ пятванья хомутовъ и съ клейменія шапокъ и сапоговъ 347 р. 78 к.; 15) съ скотины и съ конинныхъ и яволочныхъ кожъ 2,842 р. 93 к.; 16) съ мостовъ и перевозовъ и конскихъ и хомутныхъ неросписныхъ 23,598 р. 95 к.; 17) за виноградъ и съ арбузовъ и огурцовъ и съ орѣшной продажи и за яблони и другихъ мелочныхъ неросписныхъ всякихъ сборовъ 39,570 р. 16 к.

Кромѣ того, показано доходовъ въ Москвѣ на денежныхъ дворахъ съ передѣловъ по окладу: по вступленію 1720 г.:
денежныхъ и монетныхъ прибыльныхъ . . . 216,808 р. 301,276 р.

Общій итогъ окладныхъ доходовъ камеръ-коллегии за упомянутый годъ будетъ равняться по окладу . . . . . 2,595,339 руб. 74 коп.

А по дѣйствительному вступленію . . . . . 2,093,190 — 48 —

Независимо отъ того, въ той же табели значится поступления по неокладнымъ сборамъ 30,131 р. 22 к. и доходовъ съ С.-Петербургга, острова Котлина и Шлиссельбурга, Рижской и Ревельской губерній, Нарвской провинціи, Выборга и Абова — 570,340 р. 56 к.

Голиковъ, который приводитъ свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ за 1725 годъ ¹⁾ исчисляеть ихъ общую сумму въ 10.186,707 р. 17 коп.

Самое видное мѣсто въ числѣ перечисляемыхъ имъ сборовъ занимаютъ прямыя подати, а именно:

Подушная подать, приносившая съ 5.794,928 душъ, по переписи 1722 года по 74 коп. съ души	4,289,246 руб.
съ купечества по 120 коп. съ души	206,862 —
съ нихъ же, вмѣсто рекрутъ, деньгами	10,950 —
съ подушныхъ по деньгъ съ рубля на жалованье комиссарамъ	21,124 —

¹⁾ Т. XVIII, стр. 484 и слѣд.

съ однодворцевъ и крестьянъ, не принадлежавшихъ помѣщикамъ и духовенству, по 40 коп. съ души	553,158	—
За симъ доходы съ двойного оклада, которымъ были обложены раскольники и съ сибирскихъ иновѣрцевъ и лопарей, Голиковъ исчисляетъ приблизительно въ	400,000	—
Итого съ прямыхъ податей	5.481,340	—
Доходъ съ судебныхъ пошлинъ на канцелярскіе расходы исчисленъ въ	100,000	—

Въ числѣ косвенныхъ налоговъ и оброчныхъ статей и доходовъ съ казенныхъ имуществъ и регалій, Голиковъ приводитъ какъ тѣ налоги, которые, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, поступали въ камеръ-коллегію, такъ и нѣкоторые другіе, непоименованные въ поманутой таблицѣ.

Доходность косвенныхъ налоговъ и оброчныхъ статей и регалій уже перечисленныхъ выше, какъ составлявшихъ принадлежность камеръ-коллегіи, исчислена у Голикова въ 2.647,364 руб. ¹⁾

Итогъ прочихъ сборовъ и доходовъ, не вошедшихъ въ упоминаемую таблицу, составляетъ, по Голикову—1.956,986 рублей.

Въ сумму эту входятъ слѣдующіе сборы: 1) портовые 640,326 р., 2) соляной доходъ 662,118 р., 3) отъ поташа и смольчуга 42,000 р., съ продажнаго вина по гривнѣ съ рубля 44,559 р., 5) съ приказовъ: синодскаго, дворцоваго и казеннаго 25,254 р., 6) съ монастырскаго приказа пошлинныхъ 2,383 р., 7) за остаточный хлѣбъ въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ, за ихъ расходами 147,805 р., 8) съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, за опредѣленными имъ дачами, денегъ—29,443 р., 9) новоположеннаго сбора съ возовъ въ Москвѣ 58,014 р., 10) почтамскаго дохода—16,261 р., 11) таможенныхъ акциденцій съ платежныхъ денегъ по 2⁰/₀—14,134 р., 12) отъ справокъ по вотчиннымъ дѣламъ—4,538 р., 13) съ чугуна десятой доли съ партикулярныхъ заводовъ желѣзныхъ—10,804 р., 14) отъ продажи лекарствъ въ аптекахъ—9,607 р., 15) отъ вычетовъ изъ жалованья военнослужащихъ за отпуска—13,240 р., 16) вычетовъ у подрядчиковъ—6,328 р., 17) отъ продажи казенныхъ игры и клею—14,955 р., 18) отъ продажи печатаемыхъ въ сенатской типографіи указовъ и

¹⁾ Вотъ ихъ наименованія по Голикову: 1) таможенные внутренніе; 2) отъ продажи казенныхъ вина и другихъ напитков и отъ клейменія кубовъ; 3) табачнаго дохода; 4) печатныхъ съ письма крѣпостей и мелкихъ канцелярскихъ; 5) отъ передѣла ефимковъ; 6) отъ гербовой бумаги; 7) съ первой данныхъ; 8) съ вѣчныхъ памятей; 9) съ мельницъ, мостовъ и перевозовъ; 10) съ рыбныхъ ловель; 11) съ бань; 12) съ судовъ привальнаго и отвальнаго; 13) конскихъ пошлинъ; 14) съ клейменія хомутовъ и найма извозчиковъ; 15) оброчныхъ съ земель; 16) мелочныхъ сборовъ; 17) съ Нарвы, Выборга, Риги, Ревеля, Дерпта и 18) съ петербургской верфи и отъ перевозовъ черезъ Неву.

книгъ 1,320 р., 19) отъ спуска судовъ и плотовъ на Боровицкихъ порогахъ 2,471 р., 20) отъ сибирскихъ казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ—60,403 р., 21) штрафныхъ—8,754 р., 22) съ свадебъ куничныхъ, выходныхъ и убрусныхъ — 3,910 р., съ приписной къ гошпиталю вотчины Плещеева 1.008 р., и 24) малороссійскихъ доходовъ — 137,351 руб.

Что касается государственныхъ расходовъ за время царствованія Петра Великаго, то, согласно Соловьеву, въ 1710 году ¹⁾ они простирались до 3.834,418 руб.; въ томъ числѣ:

На армію	1.252,525 руб.
> артиллерію.	221,799 —
Рекрутамъ	30,000 —
На оружейныя дѣла	84,104 —
Гарнизоннымъ служителямъ	977,896 —
На флотъ	444,288 —
> посольскія дачи.	148,031 —
На разныя дачи, какъ-то приказнымъ, на строенія, ямщикамъ, ружникамъ, на дворцовыя расходы и такъ далѣе	675,775 —

За 1725 годъ Голиковъ исчисляетъ расходы въ 9.829,949 р., но по повѣркѣ выходитъ только 9.776,554 руб.

Въ числѣ этихъ расходовъ не встрѣчается расходовъ на дворъ; за симъ группируя остальные по роду ихъ, получатся слѣдующіе частныя итоги:

1) На центральное управленіе:	
а) кабинетъ Его Величества	200,147 руб.
б) сенатъ	32,347 —
в) коллегіи, приказы, конторы	216,822 —
	<hr/>
	449,316 руб.
2) На содержаніе войска и укрѣпленіе крѣпостей.	5.351,902 руб.
3) > флотъ	1.546,676 —
4) > мѣстное управленіе	562,266 —
5) > коллегію иностранныхъ дѣлъ, на посольства и на подарки иностраннымъ государямъ и прочіе секретныя расходы	761,958 —
(въ томъ числѣ содержаніе царя Вахтанга)	
6) На строенія.	662,118 —
7) > дворцовую канцелярію	132,416 —
8) > Академіи морскую и наукъ	47,371 —
9) > богадѣльни и госпитали	35,417 —
10) > духовенство	87,066 —
11) > управленіе горными казенными заводами и на ихъ содержаніе.	60,403 —
12) > производство китоваго, звѣринаго и рыбнаго промысловъ	15,000 —

¹⁾ Томъ XVI, стр. 44.

13) Герцогу Голштинскому	8,490 руб.
14) На выкупъ коронныхъ мызъ, заложенныхъ шведскимъ ко- ролемъ мѣстнымъ въ Остзейскихъ провинціяхъ помѣщи- камъ	56,155 —
Итого.	9.776,554 руб.

II.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Въ теченіи всего царствованія Елисаветы Петровны, дѣла сенатскія (хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), содержатъ рядъ указовъ, которые ежегодно были разсылаемы изъ сената по всѣмъ мѣстамъ и ко всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ въ своемъ завѣдываніи часть государственныхъ доходовъ и расходовъ, съ подтвержденіемъ о представленіи въ сенатъ вѣдомостей; при чемъ въ указахъ этихъ упоминается, что, несмотря на неоднократныя повторенія, подлежащія мѣста требуемыхъ вѣдомостей не высылаютъ.

Лишь за 1745 годъ въ дѣлахъ генераль-прокурорскихъ находится рядъ любопытныхъ вѣдомостей, представленныхъ въ правительствующій сенатъ изъ статсъ-конторы и камеръ-коллегіи. Вѣдомости эти содержатъ обзорніе статей доходовъ камеръ-коллегіи и расходовъ статсъ-конторы за три года. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что прямыя подати, которыя однако составляли главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, не поступали въ завѣдываніе камеръ-коллегіи, а потому и не входятъ въ представленныя ею вѣдомости.

За тѣмъ, какъ видно изъ упомянутыхъ вѣдомостей, значительная часть остальныхъ государственныхъ доходовъ стекалась въ камеръ-коллегію и изъ нея производилось распредѣленіе этихъ доходовъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, согласно штатнымъ требованіямъ статсъ-конторы, которая служила генеральнымъ расходнымъ казначействомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ контролирующимъ мѣстомъ.

Вѣдомость ¹⁾ представленная камеръ-коллегіи даетъ полное обзорніе источниковъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ общія казначейства въ 1742 — 44 годахъ. Раздѣливъ эти доходы для сравненія на тѣ подраздѣленія, которыя приняты при обзорніи государственныхъ доходовъ за 1720 годъ ²⁾, получатся слѣдующіе выводы:

Согласно окладу и дѣйствительному вступленію за 1744 годъ состояло:

¹⁾ Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи.

²⁾ Полное собраніе законовъ, № 4220; смотри выше.

I. *Сборы таможенные и кабацкіе.*

	По окладу:	По вступленію 1744 года:
1) Таможенныхъ	691,006 р. 43 ¹ / ₂ к.	741,387 р. 95 ³ / ₄ к.
2) Кабацкихъ	1.069,752 р. 36 ³ / ₄ к.	962,761 р. 98 к.
3) Съ клейменія кубовъ и казановъ	29,679 р. 79 ¹ / ₂ к.	29,388 р. 95 ¹ / ₂ к.
4) Таможенныхъ и кабацкихъ порознь неросписныхъ, присоединя сюда особо поименованные сборы съ съ явки брагъ, ставки медовъ, съ пропуска вина, съ продажи Черкасамъ вина, съ нерусскаго лѣса и пропуска лѣсовъ	17,166 р. 97 ¹ / ₄ к.	6,806 р. 71 к.
Итого таможенныхъ и кабацкихъ	1.807,605 р. 57 к.	1.740,345 р. 60 ¹ / ₄ к.
II. <i>Канцелярскихъ сборовъ . . . . .</i>	80,691 р. 45 ¹ / ₄ к.	86,540 р. 79 ¹ / ₄ к.

(До 11-ти отдѣльныхъ наименованій).

Въ эту категорію отнесены: 1) крѣпостныя пошлыны по дѣйстви- тельному поступленію 42,514 р. 59¹/₂ к., 2) канцелярскія 4,598 р. 2 к., 3) конскія пошлыны 30,695 р. 97³/₄ к., 4) съ иновѣрческихъ сва- дебъ и выводныхъ, 5) съ продажи калмыками въ Казани лошадей, 6) съ ясашныхъ иновѣрцевъ приставныя и ѣздовыя 6,945 р. 97¹/₂ к., 7) съ проѣзжихъ грамотъ, 8) съ иновѣрцевъ за конскія продажи и мѣны, 9) съ записки лошадей и выписей пищихъ, 10) съ неуказан- наго платья и бородъ, 11) съ клейменія серебра и пробы.

	По окладу:	По вступленію 1744 года:
III. <i>Сборовъ съ оброчныхъ ста- тей и промысловъ . . . . .</i>	313,748 р. 46 ¹ / ₄ к.	199,912 р. 49 ¹ / ₂ к.

(49-ть наименованій).

Въ этотъ отдѣлъ входятъ сборы: 1) съ лавокъ, анбаровъ, кузницъ, харчевень и т. д. по поступленію 23,228 р. 82 к., 2) съ клейменія хомутовъ и найма извозчиковъ 26,877 р. 27 к., 3) съ мостовъ и пере- возовыхъ плотовыхъ 21,992 р., 4) съ продажи винограда, арбузовъ и другихъ фруктовъ и отдачи казенныхъ огородовъ 73 р. 40 к., 5) вмѣ- сто валешныхъ подымныхъ, 6) съ торговыхъ бань 8,231 р. 10¹/₂ к., 7) съ квасныхъ и укусныхъ промысловъ 1,737 р. 65¹/₂ к., 8) при- вальныхъ и отвалныхъ 3,622 р., 9) съ подпалыхъ и палыхъ кожъ 3,140 р., 10) съ рыбныхъ ловель 28,578 р., 11) съ мельницъ 46,229 р., 12) съ оброчныхъ земель 8,149 р., 13) съ овчиннаго и красильнаго промысловъ Илецкой провинціи 1 р. 50 к., 14) съ домовыхъ бань 8,121 р., 15) съ ледоклушъ водою 1,406 р., 16) съ извозу и приста- ней 1,598 р., 17) за Кабаній островъ 17 р., 18) съ продажи салныхъ свѣчъ, мыльнаго и жироваго промысловъ, 19) съ стрѣлечихъ земель, 20) съ юртовъ и звѣринныхъ ловель, 21) съ отпуску судовъ, 22) съ

стругового караула и лодейнаго спуска, 23) съ отдаточныхъ хлѣбныхъ мѣръ, 24) съ поплашныхъ дровъ, 25) съ мельничныхъ прудовъ, 26) съ постоялыхъ и гостинныхъ дворовъ и отдачи загородныхъ огородовъ, 27) оброчные съ соляныхъ варницъ, 28) съ маслобойнаго и воскобойнаго промысловъ, 29) съ продажи дегтя, 30) съ Москворѣцкихъ береговъ за поклажу лѣса, 31) съ Янбохтанскаго торжку, 32) съ кормщиковъ и работныхъ людей поголовныхъ, 33) съ желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ, 34) съ каменнаго, жерноваго и ломоваго промысловъ, 35) умѣтныхъ въ казнѣ, 36) вѣснхъ, 37) съ Яицкой рыбы 5,710 р., 38) съ бортныхъ угодій и тетеревныхъ луговъ, 39) съ сѣнной продажи, 40) съ продажи орѣшной, пряничной и калачной 7 р. 50 к., 41) поземельнаго сбору и съ пустыхъ бобыльскихъ дворовъ 6 к., 42) на Макарьевской ярмаркѣ съ пасебнаго двора 18 р., 43) четвертные по Шацкой провинціи, 44) съ притычки берега, 45) пшеницы пошлины, 46) съ мельницъ арендныхъ, 47) съ кievскаго войта, 48) со ступъ, 49) луковой дани съ Самоядей.

Общій итогъ доходовъ камеръ-коллегіи, поступавшихъ въ распоряженіе статсъ-канторы, будетъ такимъ образомъ по окладу . . . . . 2.202,045 р. 48¹/₂ к.
по вступленіи за 1744 годъ . . . . . 2.026,798 » 89 »

Изъ сравненія цифръ этихъ съ относящимися къ 1720-му году видно, что доходы съ таможенъ и питей значительно возрасли въ эти 24 года, но въ гораздо сильнѣйшей пропорціи возрасло число оброчныхъ мелкихъ статей и разнородныхъ сборовъ съ различныхъ промысловъ, стѣснявшихъ промышленность и не приносившихъ значительныхъ выгодъ казнѣ. Не было почти промысла, который бы былъ отъ нихъ свободенъ и если припомнить тѣ мѣры взысканій, правейей, которыя были введены въ царствованіе Анны Иоанновны и регентства Бирона, то можно себѣ составить понятіе о той тягости, которую сборы эти составляли для народа.

Большинство означенныхъ сборовъ введены были въ царствованіе Анны Иоанновны и часть ихъ имѣла чисто мѣстный характеръ.

Однакоже приведенныя суммы доходовъ, отсылавшіяся изъ камеръ-коллегіи въ статсъ-кантору, не составляли единственнаго источника доходовъ послѣдней и изъ особаго рапорта статсъ-канторы видѣно, что общая сумма ея доходовъ за 1744 годъ составляла 3,536,027 р. 68¹/₄ к. ¹⁾, но и эта вѣдомость повидимому не полная, такъ какъ послѣдующія показываютъ отъ той же статсъ-канторы несравненно болѣе расходовъ.

О государственныхъ расходахъ за это время можно судить изъ трехъ вѣдомостей, представленныхъ статсъ-канторою въ правитель-

¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи.

ствующій сенатъ: о расходахъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ за тѣ же три года 1742 — 44 ¹⁾.

Эти вѣдомости представляютъ слѣдующіе итоги за 1744 годъ:

Повсягодныхъ окладныхъ расходовъ	2.943,460 руб. 33 коп.
На окладныя повсягодныя жалованныя дачи и канцелярскіе расходы	363,094 — 1 $\frac{1}{4}$ —
На чрезвычайныя дачи	903,681 — 10 —
	<hr/>
	4.210,235 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп.

Если же статьи расходовъ на однородные предметы подвести подъ общія дѣленія, то получаются слѣдующіе результаты:

	Расходовъ обыкновенныхъ:	Чрезвычайныхъ:	Итого:
1) На личные расходы ея императорскаго величества и на дворъ	372,668 р. 73 к.	262,363 р. 39 $\frac{1}{4}$ к.	635,032 р. 12 $\frac{1}{4}$ к.
2) На центральное управление:			
На кабинетъ ея императорскаго величества.	7,180 — 00 —		
На сенатъ	70,500 — 77 $\frac{1}{4}$ —	17,212 — 82 —	
На коллегіи, приказы, конторы	120,469 — 24 —	23,880 — 15 $\frac{1}{4}$ —	
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	198,150 р. 01 $\frac{1}{4}$ к.	41,092 р. 97 $\frac{1}{4}$ к.	239,242 р. 98 $\frac{1}{4}$ к.
3) На сухопутное войско и укрѣпленіе крѣпостей	998,749 — 05 —	87,888 — 03 $\frac{1}{2}$ —	1.086,637 — 08 $\frac{1}{2}$ —
4) На флотъ	1.205,000 — 00 —		1.205,000 — 00 —
5) На мѣстное управленіе	78,899 — 94 $\frac{1}{4}$ —	25,938 — 21 $\frac{1}{4}$ —	104,838 — 16 $\frac{1}{4}$ —
6) На коллегію иностранныхъ дѣлъ и содержаніе пословъ	173,713 — 47 $\frac{3}{4}$ —	147,606 — 91 $\frac{1}{2}$ —	321,320 — 39 $\frac{1}{4}$ —
7) На строенія	152,424 — 79 $\frac{1}{2}$ —	128,958 — 35 $\frac{1}{2}$ —	281,383 — 15 —
8) На богоугодныя заведенія	2,964 — 00 —	317 — 35 —	3,281 — 35 —
9) Жалованныхъ разнымъ лицамъ	57,271 — 13 $\frac{3}{4}$ —	151,448 — 71 $\frac{1}{2}$ —	208,719 — 85 $\frac{1}{4}$ —
10) На монетное дѣло . . . . . (на исправленіе монетной системы).	— — —	17,537 — 75 $\frac{1}{2}$ —	17,537 — 75 $\frac{1}{2}$ —
11) Разныхъ расходовъ	— — —	37,846 — 54 $\frac{3}{4}$ —	37,846 — 54 $\frac{3}{4}$ —
12) Въ академію наукъ	26,112 — 00 —	— — —	26,112 — 00 —
13) Управление казенными заводами	40,601 — 20 —	2,682 — 84 $\frac{1}{2}$ —	43,284 — 04 $\frac{1}{2}$ —
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	3.306,554 р. 34 $\frac{3}{4}$ к.	903,681 р. 10 к.	4.210,235 р. 44 $\frac{3}{4}$ к.

Но въ итогъ этотъ расходы на войско входятъ очевидно не вполнѣ, такъ какъ они были удовлетворяемы изъ прямыхъ подушныхъ сбо-

¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи.

ровъ, которые расходовались непосредственно военнымъ управленіемъ, и уже при Петрѣ I достигали, какъ видно было выше, 5½ миллионъ рублей. Такимъ образомъ общій итогъ всѣхъ государственныхъ расходовъ за рассматриваемое время трудно вывести, но, по всей вѣроятности, онъ превосходилъ 10 миллионъ рублей.

Характеръ государственнаго управленія этой эпохи вполне опредѣляется сравненіемъ суммъ, употреблявшихся на различныя отрасли. Такъ, напримѣръ, изъ общаго принятаго итога 10,000,000 руб. до 7.300,000 руб., т. е. до $\frac{3}{4}$ поглощались издержками на содержаніе сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

III.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА III.

Мѣра, которою заканчивается царствованіе Елисаветы Петровны и начинается царствованіе Петра III, это—указъ 1760 года, увеличившій оброчную съ государственныхъ крестьянъ подать увеличена съ 4-хъ гривенъ до 1 рубля съ души, «для уравниенія съ доходомъ, получаемымъ помѣщиками и синодальными и дворцовыми вѣдомствами съ принадлежащихъ тѣмъ лицамъ и вѣдомствамъ крестьянъ»; это возвышеніе оклада указомъ 1761-го года было распространено на разночинцевъ.

Императоръ Петръ III началъ царствованіе свое рядомъ мѣръ, назначеніемъ которыхъ было развитіе промышленныхъ силъ народа. Указомъ марта 21-го, онъ отмѣнилъ для монастырскихъ крестьянъ личныя повинности въ пользу монастырей и архіерейскихъ домовъ и замѣнилъ всѣ собиравшіеся съ нихъ сборы и личную повинность платежей, на равнѣ съ дворцовыми и синодальными, однорублевого подушнаго оброка ¹⁾.

Съ другой стороны императоръ находилъ, въ видахъ государственной пользы, нужнымъ сдѣлать и нѣкоторыя общія распоряженія о торговлѣ.

«Сколь нужно для благосостоянія и пользы государства вообще и особенно для его коммерціи, говоритъ онъ въ указѣ сенату отъ 28-го марта ²⁾—чтобы выпускъ здѣшняго продукта товаровъ, сколь можно, большимъ былъ противу привоза въ государство иностранныхъ товаровъ, потому, что за излишній противу привоза выпускъ, получались бы въ государство наличныя деньги, столько то подлинно къ сожалѣнію нашему, что далеко доведенною съ нѣсколькихъ лѣтъ роскошью

¹⁾ Полное собр. законовъ № 11.219 и 11.481.

²⁾ Полн. собр. зак. № 11.489.

много потеряно изъ баланса въ коммерціи, какъ то великій упадокъ вексельнаго курса больше всего доказываетъ».

Съ этою цѣлью предписывалось въ томъ-же указѣ:

1. Освободить хлѣбный торгъ отъ всякихъ стѣсненій и собирать съ вывозимаго хлѣба во всѣхъ портахъ половинную пошлину противъ той, которую обложенъ онъ былъ въ портахъ Рижскомъ, Ревельскомъ, Перновскомъ и островѣ Езелѣ.

2. При отпускѣ мяса и скота изъ морскихъ сѣверныхъ портовъ, взимать лишь половинную пошлину противъ таможенъ украинскихъ.

3. Уничтожить всякія ограниченія относительно торговли саломъ, опредѣленныя сверхъ тѣхъ, которыя были положены при отдачѣ ея въ 1748 году графу Шувалову.

4. Уничтожить тѣ отягощенія, которыя были постановлены относительно Архангельскаго порта, возвышеніемъ пошлинъ и запрещеніемъ нѣкоторыхъ товаровъ.

5. Разрѣшить отпускъ ревеня, холста и другихъ товаровъ «кои по одностороннимъ разсужденіямъ или по неправильному воображенію о казенной будто-бы отъ государственной пользы раздѣленной прибыли запрещены» и убавить съ нихъ пошлины.

6. Уничтожить нѣкоторыя привилегіи, полученныя разными фабриками, не въ силу закона, а по ложному его толкованію, какъ-то, подъ видомъ беспошлиннаго провоза инструментовъ, нѣкоторыя фабрики получаютъ беспошлинно и самые матерьялы.

7. Уничтожить компанію, пользовавшуюся монополіею персидскаго торговаго и стѣснявшую цвѣтущую съ Персіею, по Каспійскому морю торговлю, и всѣ подобныя ей компаніи.

Однако же, при этомъ, сдѣлано было исключеніе относительно вывоза льнянаго сѣмени, который былъ оставленъ въ монополіи купца Евреинова, по случаю затраты имъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго капитала¹⁾.

Лишь въ случаѣ неумѣреннаго возвышенія цѣны на хлѣбъ повелѣно было доносить императору²⁾.

Рядомъ съ этими общими мѣрами, принятыми съ цѣлью освободить народъ отъ стѣсняющихъ развитіе его производительныхъ силъ условій, Петръ III долженъ былъ обратить вниманіе и на состояніе государственнаго хозяйства. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ нашелъ его въ крайнемъ разстройствѣ. Правительство не имѣло, повидимому, никакихъ положительныхъ свѣдѣній, ни о количествѣ доходовъ, ни о томъ, куда и на какіе предметы они расходуются. Цѣлый рядъ различныхъ, самостоятельныхъ другъ отъ друга, вѣдомствъ занимались

¹⁾ Полн. собр. законовъ № 11.517.

²⁾ Полн. собр. законовъ № 11.557.

каждое взиманіемъ того или другого налога, специально назначеннаго на удовлетвореніе расходовъ того вѣдомства; въ одномъ вѣдомствѣ были излишки, въ другомъ значительные недостатки; несмотря на прежнія неоднократныя предписанія и указы, эти различныя вѣдомства не присылали въ правительствующій сенатъ никакихъ вѣдомостей о состояніи ихъ бюджетовъ, такъ, что правительство не имѣло возможности получить какое-либо общее понятіе о состояніи государственной казны.

Потому, сознавая необходимость такого общаго обзорѣнія состоянія государственнаго хозяйства, Петръ III, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 23 мая ¹⁾, повелѣлъ правительствующему сенату: 1) доставить со всѣхъ штатовъ его императорскому величеству копій; 2) собрать изъ всѣхъ вѣдомствъ и мѣстъ, завѣдывающихъ государственными доходами и расходами, подробныя и краткія вѣдомости о суммахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ съ обозначеніемъ, на основаніи какихъ указовъ производятся расходы. Вслѣдствіе этого указа, сенатъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго его рапорта ¹⁾, отъ 5-го іюня, предписалъ всѣмъ подлежащимъ вѣдомствамъ представить требовавшіяся подробныя вѣдомости копій со штатовъ и экстракты, но могъ поднести императору лишь одинъ краткій экстрактъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, такъ какъ списаніе штатовъ потребовало много времени и оказалось весьма затруднительнымъ, по тому случаю, что многіе изъ нихъ оказались отмѣненными, дополненными и измѣненными.

Изъ приведеннаго рапорта сената видно, что слѣдующія мѣста совершенно самостоятельно занимались сборомъ и расходованіемъ различныхъ отраслей государственныхъ доходовъ.

1. Главный комиссаріатъ завѣдывалъ сборомъ подушныхъ денегъ, хотя, сверхъ того, получалъ на свои расходы и изъ другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.

2. Главная соляная контора завѣдывала солянымъ сборомъ.

3. Коммерцъ - коллегія — таможенными, портовыми и внутренними сборами.

4. Сибирскій приказъ—всѣми по Сибири сборами, и продажей мягкой рухляди и прочихъ товаровъ.

5. Коллегія экономіи—сборами съ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ и состоящими при тѣхъ вотчинахъ заводами, мельницами и прочими сборами.

6. Бергъ-коллегія—доходами съ продажи мѣди и желѣза.

7. Мануфактуръ-коллегія—сборомъ за гербовую бумагу.

¹⁾ Полное собр. законовъ № 11, 548.

²⁾ Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи.

8. Канцелярія конфискаціи, доходами съ отписныхъ вотчинъ, штрафными сборами.

9. Ревизионъ-коллегія взысканіями по счетамъ начетныхъ и штрафныхъ денегъ.

10. Ямская канцелярія и с. петербургскій почтамтъ вѣсовыми сборами.

11. Сборомъ остальныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ, а именно: питейныхъ, такъ-называемыхъ канцелярскихъ и съ оброчныхъ статей и откупныхъ, завѣдывали камеръ-коллегія и штатсъ-контора.

Этотъ краткій экстрактъ, о состояніи государственныхъ доходовъ и расходовъ, представленный сенатомъ при рапортѣ вмѣстѣ съ другимъ документомъ, относящимся въ тому-же году, но уже къ царствованію Екатерины II, а именно вѣдомостью о доходахъ и расходахъ штатсъ - конторскихъ ¹⁾, могутъ, соединенные вмѣстѣ, дать довольно полное и вѣрное понятіе объ источникахъ государственныхъ доходовъ и о государственныхъ расходахъ того времени.

Въ первомъ изъ этихъ документовъ перечислены въ числѣ государственныхъ расходовъ штатсъ-конторскіе общимъ итогомъ; второй-же содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе этихъ послѣднихъ по предметамъ. По первому, сумма штатсъ - конторскихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ ежегодныхъ расходовъ показана въ 2.943,149 р. 46 к., по второму она равняется 3.285,101 р. 5³/₄ к.; но такъ какъ послѣдняя цифра содержитъ подробное исчисленіе этихъ расходовъ, то въ основаніе нашихъ расчетовъ мы и примемъ эту цифру. Соединивъ такимъ образомъ данныя обоихъ документовъ, получатся слѣдующіе общіе выводы, которые ясно будутъ выражать состояніе государственнаго казначейства въ 1762-мъ году.

Доходовъ было въ этомъ году:

1) Подушныхъ	5.668,199 руб. 20 коп.
2) Акцизныхъ сборовъ съ питей, канцелярскихъ и другихъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ прежнихъ	3.356,669 — 77 ¹ / ₂ —
3) Вновь положенныхъ въ 1750 и 56 годахъ на вино	1.524,688 — 29 ¹ / ₂ —
4) Соляныхъ сборовъ	2.206,035 — 16 —
5) Таможенныхъ сборовъ	2.003,094 — 42 ¹ / ₂ —
6) Сибирскихъ доходовъ	591,495 — 11 ¹ / ₂ —
	<hr/>
	15.350,181 руб. 97 коп.

¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Расходовъ же значилось:

	По вѣдомости общей.		По вѣдомости штатсъ-контор- скихъ расходовъ.				Итого:	
	Руб.	Коп.	Обыкновенныхъ:		Чрезвычайныхъ:		Руб.	Коп.
1) На высочайшій дворъ	1.733,333	33¼	511,996	22¼	—	—	2.265,329	33¼
2) На военныя потребности	9.218,747	70¼	549,783	80	135,380	38½	9.903,911	89¼
3) На адмиралтейство и флотъ	1.200,000	00	712,957	43	—	—	1.912,957	43
4) На постройки	102,984	93¼	180,215	62¼	74,672	67	357,873	23
5) На кабинетъ	—	—	3,900	00	—	—	3,900	00
6) На сенатъ	—	—	138,397	00¼	892	39¼	139,289	40¼
7) На коллегію иностранныхъ дѣлъ	—	—	203,381	50	6,312	38¼	214,693	88¼
8) На академіи наукъ и художествъ	—	—	59,298	00	900	00	60,198	00
9) На университетъ московскій	20,000	00	17,700	00	6,000	00	43,700	00
10) На центральное управленіе	33,867	45	152,943	07	32,662	66¼	219,473	18¼
11) На мѣстное управленіе	413,475	20¼	157,555	41	69,651	41	640,682	02¼
12) Пожалованныхъ разнымъ лицамъ	—	—	161,590	27¼	6,243	98¼	167,834	26¼
13) На монетное дѣло	—	—	—	—	15,246	36¼	15,246	36¼
14) На казенныя заводы	—	—	8,871	57¼	—	—	8,871	57¼
15) На богоугодныя заведенія	—	—	18,979	60¼	—	—	18,979	60¼
16) Разныхъ расходовъ	—	—	29,757	80¼	24,815	47¼	54,573	27¼
Итого	12.742,408	63¼	2.912,327	32¼	372,777	73¼	16.027,513	46¼
17) Кромѣ того за прежніе годы произведено штатныхъ расходовъ согласно общей вѣдомости 2.104,940 р. 62¼ к., потому итогъ всѣхъ расходовъ произведенныхъ въ 1762 году будетъ 18.132,454 09!								

Изъ сравненія этихъ данныхъ съ таковыми же, приведенными выше за царствованіе Елисаветы Петровны видно, что доходы и расходы государственные въ этотъ промежутокъ времени значительно возрасли и правительство Петра III нашлось въ виду дефицита, равнявшася пятой части государственныхъ доходовъ. Расходы на сухопутное войско возрасли въ этотъ промежутокъ времени съ 6.500,000 до не съ большимъ 10 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ расходы на флотъ и центральное управленіе оставались безъ значительнаго увеличенія. Какъ мало измѣнился однако общій характеръ управленія—можно видѣть изъ того, что въ 1762 году, равно какъ и въ сороковыхъ годахъ,

расходы на сухопутныя и морскія силы въ совокупности поглощали до 12 м. руб., т. е. до $\frac{3}{4}$ государственныхъ доходовъ и до $\frac{2}{3}$ общаго числа издержекъ.

Таже спеціализація государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе которой каждый изъ отдѣльныхъ сборовъ имѣлъ особое опредѣленное назначеніе на удовлетвореніе какой-либо части государственныхъ нуждъ (на это указывается и въ самой вѣдомости), осталась въ государственномъ хозяйствѣ, какъ это было и прежде, и въ этомъ отношеніи было сдѣлано чрезвычайно мало для большаго объединенія государственной казны.

Бѣдственное положеніе государственной казны вызвало со стороны правительства мѣры къ восстановленію равновѣсія.

Вслѣдствіе этого былъ изданъ мая 11 указъ ¹⁾, которымъ повелѣвалось «всѣ публичныя казенныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи, на то время пока доходы паки умножатся, остановить». Объ исполненіи этого высочайшаго повелѣнія были посланы правительствующимъ сенатомъ указы во всѣ коллегіи, конторы, канцеларіи губерній и провинцій, которымъ предписывалось представить правительствующему сенату рапорты съ показаніемъ, сколько гдѣ на сверхштатные расходы и строенія было ассигновано суммъ и сколько таковыхъ оставалось на лицо, и, по подачѣ въ сенатъ вѣдомостей о всѣхъ такихъ расходахъ, вновь уже ихъ, безъ разрѣшенія сената, не дѣлать. Съ другой стороны, съ тою же цѣлью — восстановить по возможности равновѣсіе между государственными доходами и расходами — были приняты Петромъ III нѣкоторыя финансовыя мѣры. Онъ находилъ, какъ видно изъ указа сенату отъ 28 марта ²⁾, что «никакимъ сборамъ не приличествуетъ только на откупъ быть какъ таможеннымъ и что за время содержанія ихъ на откупъ въ пять лѣтъ не мало казнѣ было приращеніе и отъ купечества жалобъ слышно не было» — потому приведеннымъ указомъ таможенные сборы были вновь отданы на откупъ на 10 лѣтъ Шемякину и Саввѣ Яковлеву, причемъ, на откупъ были отданы сборы, какъ въ російскихъ, такъ и въ эстляндскихъ, лифляндскихъ, финляндскихъ, сибирскихъ и оренбургскихъ таможенныхъ, а также и нѣкоторые отдѣльные сборы, которые прежде собирались въ казну, нынѣ были для единообразія отданы, наравнѣ съ прочими на откупъ.

Въ тѣхъ же видахъ, умноженія государственныхъ доходовъ, указомъ 1 іюня ³⁾ повелѣно было замѣнить прежнюю таможенную при вывозѣ пошлину съ мѣди по 30 к., а съ желѣза по 2 коп. съ пуда,

¹⁾ Полное Собр. Зак. № 11,532.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,489.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,559.

десятиннымъ сборомъ съ желѣза, чугуна и мѣди выдѣлываемыхъ на частныхъ заводахъ.

Наконецъ правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилось къ мѣрамъ для взыскапія недоимокъ. Но при этомъ оно поняло, что прежній порядокъ взыскапія недоимокъ самъ по себѣ служилъ причиною разоренія податныхъ сословій и содѣйствовалъ накопленію тѣхъ самыхъ недоимокъ. Такой взглядъ высказывается въ сенатскомъ указѣ отъ 31 января ¹⁾, въ которомъ указывается, что посылка нарочныхъ съ повѣстками въ уѣзды изъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, при наступленіи сроковъ платежа подушныхъ, а затѣмъ содержаніе неисправныхъ крестьянъ при канцеляріяхъ служить лишь къ обремененію крестьянъ подводами и заставляеть ихъ безъ пользы терять необходимое для исправленія ихъ крестьянскихъ работъ время— «многіе чрезъ то и послѣдняго своего иждивенія лишаются». «Слѣдственно, отъ того — говорится далѣе въ указѣ — впредь съ крестьянства не токмо исправному государственнхъ податей платежу быть не можно, но паче умножается недоимка». Потому, съ цѣлью привести крестьянъ къ болѣе исправной уплатѣ недоимокъ, предписывалось, чтобы впредь подушныя деньги доставлялись въ канцеляріи помѣщикамъ или ихъ повѣренными старостами и выборными и затѣмъ посылать отъ канцеляріи нарочныхъ уже лишь для взыскапія недоимокъ и притомъ на счетъ тѣхъ повѣренныхъ старостъ или выборныхъ, и въ этихъ случаяхъ наказывать повѣренныхъ, старостъ и выборныхъ «нещадно батогами».

Въ другомъ указѣ, по представленію рижской воеводской канцеляріи, предписывалось отданныя разнымъ владѣльцамъ за оброкъ земли, въ случаѣ неплатежа ими оброчной суммы отбирать отъ тѣхъ владѣльцевъ со взыскапіемъ недоимки и отдавать другимъ ²⁾.

Этими узаконеніями завершаются тѣ мѣропріятія, которыя были предположены въ кратковременное царствованіе Петра III; объ ихъ исполненіи конечно не могло быть и рѣчи.

А. КУДОМЗИНЪ.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,429.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,555.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ*).

Sine ira et studio.

Новымъ учрежденіямъ въ Россіи, цѣль которыхъ—обновить застоявшуюся и, оттого, издряхлѣвшую жизнь русскаго общества, суждено пережить много перипетій. Встрѣченныя восторженными похвалами со стороны однихъ, и отчаянными порицаніями со стороны другихъ, новыя учрежденія, по началу, не произвели особенно благопріятныхъ впечатлѣній на массу народа. Частію отъ непониманія—въ чемъ сущность дѣла, частію отъ недостатка довѣрія къ всѣмъ и всяческимъ преобразовательнымъ мѣрамъ, а больше всего отъ сосредоточенія всей силы новыхъ учрежденій въ тѣхъ самыхъ рукахъ, которыя доселѣ лежали такимъ тяжелымъ гнетомъ на всей народной жизни, — народъ далеко не ликовалъ при нѣкоторыхъ преобразованіяхъ. Правда, отъ мѣна крѣпостного положенія подняла нѣсколько задавленный духъ народа, и оживила надежды измученныхъ крѣпостничествомъ на что-либо лучшее въ жизни; но и это во многихъ, даже очень многихъ мѣстностяхъ, было парализовано такими стѣснительными, для развитія народной жизни, условіями, что и желанная свобода не доставила всей той радости получившимъ ее, какую могла бы доставить при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

*) Мы не считаемъ себя въ правѣ уклоняться отъ показаній лицъ, выступающихъ свидѣтелями-очевидцами того или другого общественнаго явленія, и въ этомъ смыслѣ помещаемъ настоящую статью, адресованную въ редакцію. Почтенный авторъ, указывающій съ такою яркостью недостатки нашихъ земскихъ учрежденій, безъ сомнѣнія, согласится съ нами въ одномъ, что самая возможность такого откровеннаго объясненія своихъ мыслей относительно земства, составляетъ уже большое преимущество земскихъ учрежденій. На землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и потому совершенствомъ должно считать одну возможность усовершенствоваться; а усовершенствованіе возможно только тамъ, гдѣ свободно допускается критика, независимо отъ того, пріятны или непріятны ея результаты для представителей какого-нибудь учрежденія въ данную эпоху.

Ред.

Теперь, когда влияние новых учреждений достаточно выразилось въ ходѣ народной жизни, когда народъ достаточно присмотрѣлся къ нимъ, — радуется ли онъ, по крайней мѣрѣ, теперь за нихъ? — Едва ли! Не умѣя отвлекать самага дѣла отъ его дѣятелей, учреждений отъ исполнителей, онъ первымъ вмѣняетъ въ вину все то тяжелое, что легло на его жизнь за три послѣдніе года; къ нимъ непосредственно относитъ онъ тяготы, задавившія его болѣе прежняго. Больше, чѣмъ не радуется онъ теперь за новыя учреждения, которыми прямо приписываетъ всецѣлое разстройство своего экономического быта, не вознаграждаемое никакимъ добромъ въ настоящемъ, и никакими надеждами на что-либо лучшее въ будущемъ.

И нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не правъ былъ народъ. Всецѣлое разстройство экономического быта крестьянства, напр., въ очень многихъ мѣстностяхъ, фактъ не подлежащій сомнѣнію. И причины этого, главнѣйшимъ образомъ, лежатъ въ дѣятеляхъ новыхъ учреждений. Провинціальное земство, или, точнѣе, соединившіе силу земства въ своихъ рукахъ, какъ-то черезчуръ своеобразно отнеслись къ своему призванію: не дѣятелями на пользу общую многіе изъ нихъ заявили себя, а лишь преслѣдующими цѣли личныя, или сословныя. Отсюда, освобожденіе отъ разныхъ повинностей однихъ, и чрезвычайное обремененіе ими другихъ, и вообще неравномѣрность земскихъ раскладокъ, всей своей тяжестью падающая именно на тѣхъ, которые владѣютъ наименьшими экономическими способами для уплаты ихъ. Отсюда, быстрое накопленіе недоимокъ, разрѣшающееся распродажей того, безъ чего — не только правильное, но и какое хозяйство немислимо. Отсюда, и всецѣлое разстройство экономического быта крестьянства, — разстройство, до какого оно не доходило въ былыя времена.

Чтобы представить наглядно — какъ дѣлается это, и по скольку народъ имѣетъ право не радоваться за новыя учреждения, — передадимъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности земства и объ результатахъ этой дѣятельности по Калязинскому уѣзду. Передаваемое нами не будетъ какимъ-либо исключеніемъ изъ общаго хода дѣлъ; а лишь можетъ послужить образчикомъ того, что творится въ большинствѣ провинціальныхъ мѣстностей. И тѣмъ удобнѣе передать теперь эти свѣдѣнія, что названный уѣздъ еще нѣсколько не дошелъ до тѣхъ конечныхъ результатовъ, до какихъ успѣшили довести, напр., весьегонскій уѣздъ — эту житницу тверской губерніи. Въ скоромъ времени и о Калязинскомъ уѣздѣ говорить будетъ уже нечего, да и не для чего; а потребуетъ лишь, какъ въ весьегонскомъ ¹⁾, слѣдствіе — которое, безъ

¹⁾ «Изъ Весьегонска пишутъ, что тверской губернаторъ обратилъ вниманіе на дѣйствія мировыхъ посредниковъ весьегонскаго уѣзда, которые, при взисканіи съ крестьянъ податей и недоимокъ, принимали уже слишкомъ строгія мѣры. Вслѣдствіе этого, всѣ

сомнѣнія, откроетъ—это поревновать довести крестьянство до безвыходнаго положенія, отъ котораго — ни крестьянству, ни обществу и никому не будетъ легче, потому что не вернешь же того, что пошло на вѣтеръ.

Прежде всего о томъ, что имѣетъ государственное значеніе,—о казенныхъ повинностяхъ крестьянства.

Къ апрѣлю прошлаго 1868-го года (чѣмъ обыкновенно заключается платежный годъ), за крестьянами Калязинскаго уѣзда, изъ «окладныхъ казенныхъ сборовъ», осталось недоимокъ:

За государственными крестьянами разныхъ наименованій (23,282 души) — 140,429 руб. 15½ коп.

За крестьянами временно-обязанными и собственниками, бывшими помѣщичьими (21,944 души) — 60,147 руб. 7½ коп.

За ними же — выкупныхъ платежей — 45,140 руб. 73¼ коп. (въ томъ числѣ съ предсѣдателя земства, Перонова, по случаю перебора имъ оброка — 808 руб. 68 коп.).

За крестьянами — бывшими удѣльными (324 д.) — 1,033 р. 56 к.

За ними же — выкупныхъ платежей — 710 р. 11 к.

Затѣмъ изъ «окладныхъ земскихъ сборовъ»:

Поземельныхъ, за крестьянами всего уѣзда — 31,128 р. 15 к.

Съ недвижимыхъ имуществъ, тоже — 2,659 р. 65½ к.

(О недоимкахъ изъ тѣхъ повинностей, которыми завѣдуетъ непосредственно управа, и цифры которыхъ, не смотря на требованіе казначейства, она не сочла нужнымъ означить въ «Раскладкѣ на губернска и уѣздныя земскія повинности», — неизвѣстно. Такъ, на одну подводную повинность управа распорядилась, въ 1867 г., собрать съ крестьянства 27,000 руб.; но что изъ этого осталось въ недоимкѣ на 68 г. — неизвѣстно. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что тутъ недоимокъ не оказалось, какъ не оказывается ихъ, напр., въ сборахъ на жалованье членамъ управы, до послѣдняго ея служителя.)

Итого, за 45,550 д. уѣздныхъ крестьянъ осталось недоимокъ: казенныхъ 247,460 р. 63¼ коп.; земскихъ (по казначейству) 33,787 р.

мировые посредники и мѣстный исправникъ были вызваны въ Тверь, и, какъ говорятъ, по этому предмету будетъ производиться слѣдствіе» («М. Вѣд.» 68 г., № 270). Слѣдствіе — послѣ того уже, какъ крестьянство доведено до безвыходнаго положенія Поможетъ ли оно общагому крестьянству, когда въ тридцать лѣтъ не поправится то, что натворено за три года? А между тѣмъ, въ свое время, было заявлено въ печати — что готовится крестьянству вьсегонскаго уѣзда въ близкомъ будущемъ. Пусть хоть изъ любопытства прочтутъ, въ 153 № «Москвы» 68 г., эту, всю душу потрясающую, картину, — что творилось въ этомъ уѣздѣ, — и ни единая душа не подвинулась повѣрить страшную дѣйствительность!... Такъ и теперь, изъ многихъ мѣстъ слышится о неотлагаемой необходимости — повѣрить дѣйствія управъ; но не слышно, чтобы эта необходимость, гдѣ-либо, была удовлетворена во-время.

80½ к.; а всего—281,248 р. 43¾ к. Цифра, какъ можно видѣть, довольно почтенная; при текущихъ платежахъ, — а земскія повинности на 68 г. управа весьма значительно увеличила, крестьянству не легко одолѣть ее. И не только не одолѣетъ оно ее при настоящихъ порядкахъ, но она будетъ расти, въ геометрической прогрессіи, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано дальше. Но какимъ образомъ недоимки могли дойти и до этой цифры? — самымъ простымъ, но вѣстѣ съ тѣмъ, и неизбѣжнымъ образомъ.

Для уясненія дѣла, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ экономическомъ положеніи, въ какомъ крестьянству уѣзда пришлось вступить въ новый фазисъ своего существованія и столкнуться съ новыми учрежденіями.

Хозяйство помѣщичьихъ крестьянъ, къ великой минутѣ освобожденія изъ крѣпостничества, въ большинствѣ находилось въ самомъ плачевномъ положеніи. Пяти—и даже шестидневная барщина, оброки— въ 35 до 45 руб. съ души, кромѣ такъ-называемыхъ—«натурою» (бараны, куры, яйца, тальки и пр. и пр.), отсутствіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ самыхъ необходимыхъ средствъ существованія — лѣсу и дровъ напр., и пр. и пр.,—при подобныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство, очевидно, процвѣтать не могло. Но что представляло оно въ дѣйствительности, — объ этомъ и приблизительное понятіе едва ли могли бы составить себѣ незнакомые съ провинціальной жизнью. Недостатокъ скота дошелъ до того, что не во всякой семьѣ можно было найти корову; поля—неудобренные и необдѣланные во-время и какъ слѣдуетъ; безвременная уборка чахлахъ хлѣбовъ, напр. овсовъ изъ-подъ снѣгу; безвременные посѣвы, покосы, —и все кое-какъ, лишь урывками отъ барщинскихъ работъ, — такъ, въ главномъ, шло крестьянское хозяйство, если можно только назвать это хозяйствомъ. Были имѣнія въ двѣ, три и больше тысячъ душъ, за крестьянами которыхъ такъ и стояло издавна названіе — «...скіе нищіе». И это были нищіе во всемъ значеніи слова: они существовали на счетъ сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, такъ что, пока отцы и матери отработывали барщину, ихъ дѣти побирались по казеннымъ деревнямъ и такимъ способомъ прокармливали себя и своихъ родителей.

Благодѣтельная реформа произвела-было громадное нравственное вліяніе на этихъ измученныхъ невыносимыми тяготами крестьянъ: куда дѣлась вѣковая апатія — съ какою относились они къ-своему безвыходному положенію! При сколько-нибудь благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ, они скоро подняли бы свое хозяйство и улучшили бы весь свой бытъ; потому что, вообще, крестьянинъ нашей мѣстности—неутомимый труженикъ и домовитъ въ высшей степени. Но тутъ является отнятіе пастбищъ, покосовъ, всего, что дало бы имъ возможность усилить скотоводство и, чрезъ то, поправить до тла вымо-

танныя поля, обрѣзка надѣловъ и самыхъ усадебъ такъ—чтобы крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ, какъ тисками былъ сжатъ помѣщичьей землей, и за каждый лишній шагъ скотины и даже курицы платилъ штрафъ; лишеніе всякой возможности—имѣть какой-либо дѣсной матеріалъ свой, безъ чего никакое хозяйство сельское правильно развиваться не можетъ; словомъ, эти крестьяне увидѣли, что радость ихъ за полученную свободу не можетъ быть особенно-продолжительною, и самыя существенныя нужды жизни снова погонять ихъ подъ то же ярмо, изъ-подъ котораго они только-что было выбились.

Отсюда, вотъ положеніе — въ какомъ одна половина уѣзднаго крестьянства столкнулась съ новыми учрежденіями: нищенское хозяйство — результатъ прошлаго, отсутствіе всего, чѣмъ, по возможности, скоро можно было бы поднять это хозяйство, — всякихъ жизненныхъ ресурсовъ—въ хлѣбѣ, въ деньгахъ, въ чемъ бы то ни было; и ко всему этому, выкупные платежи, казенныя повинности съ каждымъ годомъ увеличивающіяся, повинности «натурой» отъ рекрутчины, повторявшейся въ послѣднее время, каждый годъ, и до подводныхъ, дорожныхъ, постоянныхъ, — имъ же нѣсть числа. Положеніе, какъ легко понять, больше чѣмъ не легкое. И если крестьянство на самыхъ же первыхъ порахъ не махнуло на все рукой, то это произошло лишь отъ того, что слишкомъ сильно было нравственное вліяніе на нихъ реформы.

Другая половина уѣзднаго крестьянства, казеннаго, была, сравнительно, въ лучшемъ положеніи. Сельское хозяйство — собственно не стояло у нихъ на высокой степени; да и не могло стоять. Чрезвычайное малоземеліе (въ большинствѣ — полторы, двѣ десятины на душу — *всей* земли), немѣнне покосовъ; пастбищъ и хоть чего-либо въ родѣ дѣсныхъ дачъ, при такихъ условіяхъ, конечно, крестьянинъ не могъ имѣть избытковъ отъ своего сельскаго хозяйства. И онъ считалъ его достаточнымъ—если оно прокармливаетъ его съ семьей; не унывалъ, если, подъ иной годъ, земля не доставляла ему годового продовольствія, и ему приходилось, болѣе или менѣе, прикупать хлѣбъ. Все, отъ найма покосовъ, покупки дровъ—и до всевозможныхъ повинностей, до удовлетворенія прочихъ потребностей семьи, онъ восполнялъ или домашними ремеслами (колесники, шорники, сапожники, шерстобиты и т. п.), или сторонними заработками, преимущественно на фабрикахъ и заводахъ. Отсюда, если казенные крестьяне нашей мѣстности, вообще, не могли назваться «богатымъ» населеніемъ, то на названіе «достаточнаго» имѣли все право. По крайней мѣрѣ, никакія повинности за ними не стояли, и нищенство въ этой средѣ считалось послѣдней степенью позора: нищій или барщинскій, какъ синонимами, принимались здѣсь за самую оскорбительную брань.

Но и надъ этимъ крестьянствомъ, въ послѣднее десятилѣтіе, обру-

шилось много невзгодъ, которыя отозвались сильнымъ разстройствомъ всего его экономическаго быта. Послѣдовательный неурожай всѣхъ хлѣбовъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, почти ежегодныя падежи скота, въ основѣ подорвали его хозяйство, не сильное и прежде. А къ этому, упадокъ всѣхъ ремесленныхъ и промышленныхъ дѣлъ почти во всѣхъ провинціальныхъ мѣстностяхъ; быстро и чрезвычайно подымавшаяся дороговизна всѣхъ потребностей жизни, вслѣдствіе чего, сторонніе заработки сдѣлались лишь средствомъ прокормленія для работающихъ; увеличеніе повинностей, все одно къ одному, — и достойное населеніе, въ массѣ, значительно обѣднѣло. До нищенства дѣло не доходило; но для прокормленія семей распродалось все, что приобрѣталось многимъ временемъ прежде; да и тутъ еще въ хлѣбъ примѣшивались — мякина, отруби, мѣситка, и тому подобныя малопитательныя ингредиенты.

Такимъ образомъ, и этой половинѣ уѣзднаго крестьянства пришлось столкнуться съ новыми учрежденіями далеко не въ лучшую пору своего быта.

Чтожь должно было стать во главѣ всѣхъ заботъ вновь сформировавшагося земства и составленной изъ него управы?

Еслибъ самыя первыя строки «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и не говорили, что земскія учрежденія образуются «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждаго уѣзда», то достаточно было самой малой доли здраваго смысла и честныхъ стремленій, чтобы во главѣ всѣхъ заботъ поставить — поднятіе экономическаго уровня уѣзднаго крестьянства, такъ низко упавшаго. Все дальнѣйшее, отъ исправнаго взноса государственныхъ повинностей и до всевозможныхъ мѣстныхъ улучшеній, обусловливалось именно поднятіемъ этого уровня; съ разореннымъ до тла и обнищавшимъ крестьянствомъ ничего не подѣлаешь; вмѣсто необходимыхъ мѣстныхъ улучшеній, ему потребуются сильная внѣшняя помощь, что и случилось съ крестьянствомъ весьгонскаго уѣзда, и что предвидѣть повсюду было такъ легко. А помимо этой матеріальной стороны дѣла, что безконечно выше ея, своевременной заботой о поднятіи сказаннаго уровня поддержалась бы сила нравственнаго толчка произведеннаго реформой, и пробудилось довѣріе къ новымъ учрежденіямъ, значенія которыхъ крестьянство вначалѣ совсѣмъ не поняло.

Этой ли заботой задались, соединившіе всю силу въ своихъ рукахъ, дѣятели Калязинскаго земства и сформировавшейся изъ него управы? — Совершенно напротивъ. Поборы, поборы и поборы, съ этого начали и это продолжали сказанные дѣятели, возвышая цифру поборовъ параллельно съ упадкомъ экономическаго благосостоянія крестьянства. Такъ, въ 1867 году управа собрала и израсходовала (на что, о томъ рѣчь впереди) 30,694 руб. 47 коп.; въ 1868 году — 57,755 р. 32 коп.

И эту послѣднюю цифру, противъ утвержденныхъ въ «смѣтѣ» 41,805 руб. 89 коп., управа возвысила собственной своей волей.

И еще, еслибъ только общія земскія повинности!—нѣтъ, на крестьянство же взвалены повинности: подводная, дорожная, на содержаніе—волостныхъ правленій, сотскихъ и десятскихъ,—не говоря уже о рекрутской повинности—съ расходами при сдачѣ и съ надѣлами рекрутъ, и постоянной солдатъ и пр. и пр. Чтобы имѣть понятіе о значеніи этихъ повинностей, достаточно сказать, что первую изъ нихъ, съ 1867 г., управа взяла распоряжаться сама и успѣшила собрать: въ первое же полугодіе—18,000 руб., и во второе—9,000 руб. И еще еслибъ только крупные поборы! нѣтъ, въ дополненіе къ нимъ—мелкіе¹⁾.

При такомъ порядкѣ дѣлъ, совершенно очевидно, никакого другого результата и не могло быть, кромѣ быстрого накопленія за крестьянами всевозможныхъ недоимокъ. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, станешь

¹⁾ Чтобы имѣть хоть приблизительное понятіе о значеніи крестьянскихъ повинностей, представляемъ цифру платежей одной деревни, по которой можно судить и о прочихъ.—Крестьянъ—93 души (бывшіе казенные). Земли у нихъ—188 десятинъ; тутъ усадьбная и полевая, словомъ—вся тутъ; да и изъ этой—12 дес. неудобныхъ.

Платежи 1867 года (въ 1868 г., какъ означено выше, земскія повинности увеличены почти въ двое):

Податныя подати (по 1 р. 83 к. съ души)—170 р. 19 к.—Оброчная подать,—съ разными дополнительными, 347 р. 40³/₄ к.—Еще дополнительныхъ—249 р. 46¹/₂ коп. Итого по селенію—767 р. 6¹/₄ к.

Мірскаго и земскаго сбора—91 р. 2³/₄ к. На уѣздныя и земскія повинности—24 р. Всего—882 р. 9 к.

Тутъ общія земскія повинности. Значить, не говоря уже объ особенныхъ, каждая душа платитъ—9 р. 43 к.—Прибавляя къ этому, съ временно обязанныхъ крестьянъ, 9 р. выкупной суммы,—18 р. 43 к.; а съ мелкими расходами при томъ, наберется и всѣхъ—20 р. однихъ общихъ платежей.—Цифра, сама по себѣ, не неодолимая для крестьянина,—но лишь при благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ. А тутъ пастбищъ нѣтъ; покосы нанимаются (для прокормленія одной лошади на 10—15 р.); льняной матеріалъ,—отъ прута и кола для изгородей и до дровъ въ избы и овины, и до бревенъ на строенія, весь покупается, — и теперь, за истребленіемъ помѣщиками лѣсовъ, по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ. Легко ли же одолима сказанная цифра при такихъ условіяхъ?—А если представить себѣ тѣ бѣдствія, отъ неурожая и надеждъ, которыя обрушились на крестьянство нашихъ мѣстностей за послѣднее время, то самая возможность этой цифры не представится ли больше—чѣмъ сомнительною?—Такъ, въ послѣдніе годы, больше—чѣмъ двѣ трети уѣзднаго крестьянства, съ самаго начала зимы, уже покупаютъ ржаную муку, цѣна которой, въ прошлые два года доходила до 1 р. 25 к., а въ настоящемъ стоитъ на 95—1 р. 5 коп. за пудъ. Для самой обыкновенной семьи, въ 8—10 на большихъ и малыхъ, требуется не менѣе двухъ пудовъ въ недѣлю, къ хлѣбу требуется соль (и та вѣдорожала),—а о чемъ либо въ родѣ харчей крестьянство уже не помышляетъ. Какая же есть возможность сказанной цифры, когда зимній заработокъ крестьянина—1 р.,—1 р. 25 к. въ недѣлю, на всемъ своемъ?—На что потянешь, и какимъ несодѣяннымъ чудомъ растянешь на всѣ жизненныя потребности этотъ жалкій заработокъ?

платить, когда — ни въ домѣ взять нечего, ни внѣ дома достать не откуда? когда помимо всѣхъ платежей, ни куска хлѣба, ни полѣна дровъ нѣтъ у семей?—Правда, недоимки «выбивали» и продолжаютъ «выбивать»; но разумѣютъ ли, не «выбиватели»—эти-то «вѣдаютъ—что творять», а стоящіе внѣ народной жизни—что именно «выбиваніе» недоимокъ и ведетъ неизбежно къ возрастанію ихъ въ геометрической прогрессіи?—Да!.. И вотъ—какимъ образомъ ведетъ.

Въ началѣ земства, административная власть въ Калезинѣ стояла въ сторонѣ отъ дѣятелей земства и, не подчиняясь ихъ деспотическимъ притязаніямъ, умѣрала до нѣкоторой степени ихъ рвеніе—располагать крестьянствомъ, какъ благопріобрѣтенной собственностью. Вслѣдствіе этого, было все пущено въ ходъ — чтобы избавиться отъ «безпокойной» административной власти и благопріобрѣсть «спокойную», т. е. такую, которая не только не мѣшала бы, но всячески содѣйствовала сказанному рвенію. Усилія увѣнчались успѣхомъ. Благопріобрѣтенной власти потребовалось, какъ говорится, «оправдать довѣріе». И распорядилась она — «выбить» недоимки, не обращая вниманія ни на кого и ни на что, не соображаясь ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ крестьянства,—т. е. распродать у крестьянина все—что въ данную минуту меньшая полицейская власть найдетъ у него. И въ то самое время, какъ у крестьянина, за какой-нибудь десятокъ рублей недоимки, вырываютъ послѣднія жизненныя опоры, помѣщикъ — съ сотнями, съ тысячами руб. недоимки,—знать никого и ничего не хочетъ. Такъ напр., за предсѣдателемъ управы, кромѣ всего прочаго, стоитъ недоимка — *штрафъ*, за уклоненіе отъ платежа долговъ, въ 1,500 руб.—по казначейству;—и никому до этого и дѣла нѣтъ. И сколько такихъ недоимокъ по уѣзду!.. Прекрасно. И послѣдняя скотина, на которой, какъ на послѣднемъ волосѣ, висѣло хозяйство крестьянина, продана; продана, понятно, за безцѣнокъ, какъ бываетъ при всякой безвременной продажѣ;—недоимка, больше или меньше, выбита. Но что за тѣмъ?—у земли отняты и тѣ послѣдніе клочки удобрения, которые, за зиму, могла приготовить проданная скотина; у крестьянина отнята возможность обработки; значить, впереди—брошенные поля, лишеніе всего, что только требуется для человѣческаго существованія, и то страшно-безвыходное положеніе, въ которомъ самая сильная внѣшняя помощь можетъ быть лишь паллятивомъ. А текущіе платежи, между тѣмъ, стоятъ въ своей неприкосновенной цѣлости; потому что еслибъ сама благопріобрѣтенная власть, и съ какимъ-либо «митхадъ-пашей» за едино, отпиралась «выбивать» ихъ, то можетъ сдѣлать только одно — распродать послѣднія лачуги и выгнать крестьянство «во чисто поле», прежде чѣмъ оно само побросало свои селенія. Чтожь остается? одно и послѣднее: во имя «круговой поруки» принятъ за тѣхъ крестьянъ—которые, по какимъ-либо исклю-

чительнымъ обстоятельствамъ, не обѣднѣли окончательно, распродать все, что еще сохранилось у нихъ, и такимъ образомъ, провести уровень обнищанія надъ всей мѣстностью. Вотъ путь, которымъ довели (получая благодарности, и чуть ли не награды—«за успѣшное выбитіе недонмокъ») весьегонское крестьянство до голода, до необходимости сильной внѣшней помощи и, въ концѣ концовъ, до слѣдствія, вѣроятнымъ исходомъ котораго будетъ: «волею божіей, за наши прегрѣшенія, случилось все таковое». Этимъ же путемъ, съ наилучшимъ успѣхомъ—достойнымъ благодарностей и наградъ, ведется калазинское крестьянство, которому до сказаннаго уровня остается уже одинъ шагъ. Только ли двухъ уѣздовъ? Пусть, кому желательно знать—сколько уѣздовъ не ведется этимъ путемъ, возьметъ на себя трудъ—лично изслѣдовать дѣятельность провинціального земства и настоящее положеніе крестьянъ: такое изслѣдованіе безошибочно покажетъ обратную сторону медали, лицевая сторона которой не перестаетъ еще обольщать неразумѣющихъ дѣла, какъ оно есть.

Чѣмъ, покрайней мѣрѣ, вознаграждается крестьянство за всецѣлое разстройство своего экономического быта?

Передъ нами отчеты калазинской управы за всѣ три года ея дѣятельности. Читая ихъ, невольно изумляешься:—что за роскошь заботъ объ народѣ!. На все-то обращено вниманіе; все обдуманно, обсуждено, для всего взяты нужныя мѣры: за этимъ потокомъ, разливаемого дѣятелями управы, добра въ народной средѣ можно забыть даже и объ разореніи крестьянства.—Но какую непроходимую, старо-подъяческую ложь тутъ обличаетъ первая же повѣрка того, что есть въ дѣйствительности!. И еще, еслибъ только ложь!

За заботой объ экономическомъ благосостояніи крестьянства должны слѣдовать заботы объ народномъ здоровьи и образованіи. Что тутъ есть въ дѣйствительности, по части санитарной и образовательной?

Въ дѣйствительности, крестьянство по части своего здоровья и теперь также предоставлено волѣ судьбы, какъ это велось въ былыя времена. Не говоря уже о тѣхъ спорадическихъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, которыя, время отъ времени, донимаютъ крестьянство безъ всякой пощады, — доселѣ не взяты надлежащія мѣры даже противъ той язвы, которая губитъ цѣлыя генерации: сифилисъ на всей свободѣ продолжаетъ отравлять всю мѣстность, загоняемый въ самую глубь народной жизни знахарскими леченьями. И еще что? въ настоящее время — оспа принимаетъ тоже эпидемическое свойство, какъ это было дѣтъ восемьдесятъ тому, когда она произвела столько опустошеній во всей нашей мѣстности. А между тѣмъ крестьянство обязано платить значительныя суммы за свое здравіе; существуютъ и лица для полученія какой-либо части изъ этихъ суммъ;

quasi-есть и аптеки съ аптечками, и хирургическіе инструменты, все какъ быть тому слѣдуетъ. Почемужъ quasi и не быть всему этому? вѣдь никто же не повѣряетъ того, что есть въ дѣйствительности, какъ и *дѣйствительныхъ* расходовъ по части санитарной; а бумага, какъ извѣстно, все терпѣть—какими цифрами ни испестри ее. Необходимо замѣтить, что крестьянство, особенно огорченное тѣмъ, что нѣкая личность, судившаяся за обирательство его при наборѣ, лишь вельможнымъ паномъ развѣзжала по волостнымъ правленіямъ и получала за то 700 рублей жалованья,—положительно не сочувствовало налогу ради своего же здравія.

По части образовательной, въ послѣднемъ «отчетѣ» объявляется, что въ уѣздѣ имѣется—9 школъ казенныхъ и 24 частныхъ, въ которыхъ «воспитывается (даже *воспитывается!!*) 757 муж. и ж. пола учащихся». Затѣмъ заявляется, какъ то слѣдуетъ, а именно: «цифра эта по числу народонаселенія въ сожалѣнію весьма незначительная; поэтому долгомъ считаю обратить особенное вниманіе земскаго собранія на возможное распространеніе въ народѣ грамотности, чрезъ устройство и открытіе правильно организованныхъ (sic) школъ на первый разъ хотя по одной въ каждой волости временно-обязанныхъ крестьянъ». Что можетъ быть отрадіе этого заявленія? найдено возможнымъ, въ каждой волости открыть по школь, да и не кое-какой, а по *правильно организованной* школь: что и требуется, чего и жаждетъ такъ давно и такъ сильно крестьянство!! Но что, еслибъ какой-нибудь педагогъ, даже и не-педагогъ, а лишь честно желающій узнать правду дѣла, заглянулъ хоть только въ то, что названо существующими школами? Онъ нашелъ бы, что скорѣй и вѣрнѣй убить народное образованіе, какъ оно убивается теперь мнимыми ревнителями его, уже не возможно; что оттолкнуть крестьянство отъ всего, что зовется школой, нельзя лучше того, какъ оно теперь отталкивается. Были ославлены казенно-волостныя училища, какъ никуда негодныя, но всежъ они хоть что-нибудь да дѣлали. А теперь, вотъ образчикъ. Село Талдомъ, по развитости тутъ крестьянства, самое бойкое изъ всей мѣстности и центральное мѣсто раскола. Въ училищѣ этого села, пока оно не попало въ руки этихъ ревнителей образованія, менѣе 70 учениковъ не бывало; въ настоящемъ году ихъ—22;—прогрессъ!.. Тутъ же существуетъ училище для дѣвочекъ, съ учительницей, у которой на лицо ни единой ученицы. И это, послѣ вышеписанныхъ заявленій!..

И все-таки, по части санитарной и образовательной, если не самое дѣло, то хоть призракъ дѣла существуетъ. Но напрасно захотѣли бы поискать въ дѣйствительности хоть чего-либо по части, напр., ветеринарной, въ нашей мѣстности, гдѣ такъ часто повторяются скотскіе падежи; или акушерокъ, для несчастныхъ крестьянокъ, которыхъ

столько гибнетъ безвременно отъ варварскихъ приемовъ существующихъ повитухъ; или по части пожарной, при пожарныхъ эпидеміяхъ, каждое лѣто охватывающихъ наши селенія,—по какой бы то нибыло части, даже и призрака чего либо, для уврачеванія всѣхъ подобныхъ золъ, нѣтъ въ дѣйствительности. А, между тѣмъ, по «отчетамъ», ни одна сторона народной жизни не оставлена безъ вниманія и самыхъ благодѣтельныхъ мѣропріятій.

Но на что же нибудь тратятся деньги земства, эти десятки тысячъ собираемые съ народа и такъ быстро возрастающіе въ количествѣ?

Само-собой разумѣется, расходуются управой сполна. Даже и отчеты въ приходѣ и расходѣ суммъ земства представляются. Но премію, и значительную премію нужно назначить тому, кто взялъ бы на себя трудъ, въ отдѣлѣ расходовъ, привести въ нѣчто ясное и понятное всѣ эти «отчислено, перечислено, отнесено, перенесено, позаимствовано, уплачено заимобразно братья», и пр. и пр. И все это изъ однихъ и тѣхъ же суммъ, находящихся въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, расходуемыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Къ чему эта разбивка крупныхъ цифръ на мелкія, растасовка и перетасовка ихъ такая — что и концовъ не найдешь; къ чему вся эта невообразимая путаница, изъ староподъяческаго міра, славнаго умѣньемъ хоронить всѣ и всяческіе концы въ воду, перенесенная и въ отчеты земской управы,—нужно ли говорить о томъ? И это лишь по части цифръ, какъ онѣ значатся въ отчетахъ, а о повѣркѣ ихъ съ дѣйствительностью, мы уже и рѣчи не поведемъ.

Не будетъ впрочемъ лишнимъ сдѣлать двѣ-три выписки изъ отчетовъ: чтущіе уразумѣютъ, въ чемъ суть дѣла.

Въ самомъ первомъ отчетѣ (1866 г.) читается: «вслѣдствіе представленія управы и по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, почетный гражданинъ П. удостоился высочайшаго благоволенія за *безвозмездную отдачу* дома къ удовлетворенію потребностей земства». Въ слѣдующихъ отчетахъ читаемъ: *на наемъ* и содержаніе дома купца П. 1,200 руб.; *на наемъ* помѣщенія для рекрутскаго присутствія (которое помѣщалось въ томъ же домѣ) 150 руб.» Куда дѣвались эти тысяча триста пятьдесятъ рублей, взятые съ земства за *безвозмездно* отданный домъ? Какъ-то всѣ израсходовались, разбросанныя въ отчетахъ по влочкамъ и отдѣламъ, «отчисленныя, перечисленныя, зачисленныя», и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. *Ab uno disce omnia!*

Въ «Смѣтѣ на 1868 г.»: на канцелярію уѣздной управы 1,900 р.; на канцелярію мирового съѣзда судей 2,000 р.; на содержаніе канцеляріи съѣзда мировыхъ посредниковъ 500 р.. Нужно замѣтить, что всѣ эти, *soi-disant*, «три канцеляріи»—одно и то же. И вотъ эти «три канцеляріи», по смѣтѣ на 1867 годъ, обошлись земству въ 4,900 р.; по

смытъ на 1868 г. должны были обойтись въ 4,400 р.; а причисляя сюда же — на содержаніе кандидатовъ мировыхъ посредниковъ (не существующихъ) 150 р.; на наемъ землемѣровъ при мировомъ сѣздѣ посредниковъ (весьма сомнительный) 500 р., — въ 5,050 р. Казалось бы достаточно, и сверхъ всякой мѣры достаточно?—нѣтъ, какъ видно изъ ноябрьскаго отчета за прошлый годъ, управа собственной волей распорядилась: «на усиленіе канцеляріи сей управы—120 р.; на наемъ для управы—казначая, бухгалтера и помощника—600 р.». Итого, въ прошломъ году, земство поплатилось управѣ суммой въ 5,770 рублей!... И такая сумма въ то самое время, когда у разоряемаго крестьянства «выбиваются» недоимки, до распродажи послѣдней скотины со двора!...

Въ прошломъ же году, «на покупку фашиннику выдано: въ распоряженіе члена управы, Ш., 287 р., калязинскому исправнику—50 р., приставу 1-го стана—120 р., волостнымъ старшинамъ—180 р., и пр.; всего—753 р.». И еще: «съ 1 по 26 сентября на покупку фашиннику и пр. — 1,115 р. 68 к.»;—тутъ уже безъ означенія кому. Что, еслибъ повѣрить хоть одинъ этотъ фашинникъ, по поводу котораго такъ много крѣпкихъ словъ слышалось въ крестьянской средѣ? Впрочемъ, у одного изъ крестьянъ-старшинъ не хватило духу... израсходовать на фашинникъ выданные ему 60 р., и онъ употребилъ ихъ на волостныя потребности; а все-таки не могъ не выполнить того, ради чего раздавались старшинамъ фашинниковыя деньги.

Въ прошломъ же году: «на содержаніе мировыхъ посредниковъ—3,000 р., на содержаніе мировыхъ судей и ихъ канцелярій—6,000 р., и дополнительныхъ къ этой послѣдней цифрѣ — 400 р.» Чтб, еслибъ догадались спросить народъ, — какой жизненной пользой вознаграждаются ему эти девять тысячъ четыреста рублей? Чтб, еслибъ кому-либо изъ разумѣющихъ дѣло пришло на мысль — повѣрить дѣятельность этихъ, дорого стоящихъ народу и не народомъ избранныхъ, дѣятелей? или хоть только всмотрѣться въ способность ихъ къ дѣлу?

Замѣчательно, что единственная цифра идетъ сквозь всѣ отчеты безъ «отчисленій, перечисленій» и тому подобной путаницы: «на содержаніе членовъ уѣздной земской управы — 3,100 р.»

Наконецъ, съ 1-го по 26-е сентября управа показала въ расходѣ 12,926 р. 13 к. Ради какихъ земскихъ потребностей такой крупный расходъ въ такое короткое время? По отчету ни для какихъ особенныхъ; а та же, что и прежде разбивка и перетасовка цифръ. Но дѣло въ томъ, что послѣ 26 сентября, избранными отъ земства депутатами, должна была произвестись повѣрка израсходованныхъ управой суммъ; депутатамъ могла войти въ голову дикая мысль: потребовать, для повѣрки, налицо всѣ эти тысячи; ну, и т. д. Когда же они потребовали, по крайней мѣрѣ, документовъ на эти, такъ крупно израсходованныя тысячи, тогда юпитеровское: «я израсходоваль», вразу-

милу ихъ, что тутъ слѣдуетъ не документовъ требовать, а подписать и благодарить; а иначе, кому придется и мѣсто полутора-тысячное потерять, кому въ управу не попасть, и т. п. Подписали и благодарили.

Да, расходуются земскія суммы. Израсходовались въ прошломъ году и калязинской управой 57,755 руб. 32 к. (не утверждаемъ, впрочемъ, чтобы изъ этой суммы не былъ показанъ какой-нибудь ничтожный остатокъ; но всего вѣроятнѣе, что будетъ показанъ дефицитъ, и явятся «позаимствованные»; по послѣднему отчету, наличной суммы на расходъ отъ 26 сентября до конца года оставалось уже только 7,053 р. 98 к.; — что это, для управы?!..). Но кто въ состояніи взвѣсить сумму лишений, горя, слезъ, разоренія окончательнаго, и пр. и пр., — въ каковую сумму обошлись эти десятки тысячъ крестьянству?

Но что-жъ само-то крестьянство? Въ прошломъ году кончилось первое трехлѣтіе земства и нужно было выбирать дѣятелей на новое трехлѣтіе; — воспользовалось ли же крестьянство своимъ правомъ — отстранить разоряющихъ его дѣятелей и избрать болѣе благонамѣренныхъ и достойныхъ?

Здѣсь, прежде всего, передадимъ отрывокъ изъ одной крестьянской «бумаги», который былъ напечатанъ въ 106 № «Русскаго» за прошлый годъ. «Бумага», какъ объяснено тамъ, нѣчто въ родѣ докладной записки, которую уѣздное крестьянство изготовило или уже представило куда-то.

«Вотъ уже оканчивается трехлѣтіе управленія земствомъ; и государственнымъ крестьянамъ, по передачѣ въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, уже исполнилось два года; но улучшенія крестьянскому сословію нисколько не предвидится, кромѣ бесполезныхъ для общества денежныхъ налоговъ. А именно: въ 1867 году, по раскладѣ на земскія повинности, было предположено и собрано съ уѣзда 26,825 руб.; въ число которыхъ съ крестьянъ собиралось: съ земель по 8 коп. съ десятины, а съ промысловыхъ и торговыхъ заведеній по 10 коп. съ cadaго оборотнаго рубля, которыхъ прежде никогда не платили ¹⁾).

¹⁾ Точно также обложены и всѣ ремесленники — плотники, пильщики, сапожники и т. п. Т. е. крестьянинъ — весь закованъ въ повинности — отъ «души», земли и до самаго, едва пропитывающаго его лично, ремесла. Между тѣмъ, освобождены отъ всякой повинности помѣщичьи, не говоря уже о «душахъ», усадьбы, изъ которыхъ нѣкоторые превышаютъ дѣйностью крестьянскіе надѣлы дѣльныхъ селеній, всѣ и всякіе ремесла и промыслы, и даже самый главный — картежный. Самая разцѣпка земель произведена забравшими всю силу земства въ свои руки такъ, что крестьянскія земли, даже надѣльные торфяники и глиняники, зачислены въ *первый* разрядъ (въ 24 р. десятина); помѣщичьи — отхожія пустоши, земли, отрѣзанныя отъ крестьянскаго надѣла, состоящія подъ лѣсомъ и подъ вырубамы — во *второй* разрядъ (въ 12 р. десятина; — «Отч. 65 г., стр. 24»). Т. е. тѣ самыя земли и зачислены во *второй* разрядъ, которыя же вдвое, а въ двадцать разъ дѣннѣе и доходнѣе крестьянскихъ пустырей. Пустошь,

Сверхъ того собрано съ 45,000 душъ, въ уѣздѣ находящихся,—по 40 коп. съ каждой, на отправленіе подводной повинности; и еще къ концу того же года по 20 к.—на ту же повинность. Въ 1868 г., сборъ этотъ увеличился и собирается съ земель, вмѣсто 8, по 12 коп. съ десятины, съ промысловыхъ и торговыхъ заведеній, вмѣсто 10, по 15 коп. съ рубля. Слѣдовательно, вмѣсто 26,825 р., — 40,238 р. 41 коп. (кромя подводныхъ по 40 к. съ души). Но что противъ 1867 г. улучшено, никому неизвѣстно. Исправленіе мостовъ и трубъ на почтовыхъ и большихъ дорогахъ хотя и приняло на себя земство, а полотно дорогъ, и вообще всѣ земляныя работы, оставлены на натуральной обязанности крестьянъ, при покупкѣ, на счетъ земства же, фашиннику и другого дѣснаго матерьяла. А за тѣмъ управа распорядилась и выдала деньги на покупку означеннаго матерьяла членамъ управы, ставнымъ приставамъ и нѣкоторымъ волостнымъ старшинамъ; но дороги тѣ исправляются по прежнему — тѣми же крестьянами, безъ всякихъ пособій, для чего наряжаются несмотря и на самую рабочую пору, а въ особенности по тракту гдѣ проѣзжаетъ предсѣдатель управы.... Подводная повинность также ничѣмъ не улучшена.... (слѣдуютъ доказательства). Старшины (ничего не дѣлая, какъ тутъ объясняется, а дѣлаютъ все писаря) получаютъ отъ волости жалованье—140 руб., и на разѣзды отъ управы—120 р., а всего—260 р. въ годъ....

«При новомъ образованіи земства, мы не могли объ ономъ хорошо понимать, и избирались нами въ гласные люди безъ большого разбора въ достоинствѣ ихъ къ прохожденію этой должности; на слѣдующее же трехлѣтіе хотя уже и поняли, въ чемъ состоятъ неудобства, для чего и желали избрать гласныхъ, — людей опытныхъ и достойныхъ довѣрія, но и тутъ барская власть преобладаетъ крестьянъ. Такъ, напр., при выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ перваго участка, выборщики, въ числѣ 170 человекъ, единогласно предлагали избрать гласнымъ священника Б.; но мировой посредникъ Н., не смотря на законъ статей — 31 и 35 «положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и статьи 44 «правилъ о порядкѣ» и пр., оному избранію, единственно своею волею, воспрепятствовалъ, и быть избраннымъ священника Б. не допустилъ. Тутъ же.... волостной писарь изъ мѣстныхъ крестьянъ С., балотировавшійся по желанію всего общества, но противъ желанія посредника Н., получилъ избирательныхъ 129 шаровъ, а неизбирательныхъ 41; но какимъ-то случаемъ, какъ видно изъ списка гласныхъ изложеннаго въ тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, онъ С. въ число гласныхъ не помѣщенъ...

напр., за всецѣлымъ отсутствіемъ у крестьянства покосовъ и пастбищъ, самая доходная статья въ нашей мѣстности, и притомъ не требующая затраты ни капитала ни труда: лишь отдай, и деньги всегда впередъ.

«Изъ крестьянъ выбрано гласныхъ—15 (общее число—38); въ числѣ ихъ, по настоящему требованію посредника избраны нѣкоторые волостные старшины, которые обязаны исполнять лишь приказанія начальства, а не общественныя выгоды соблюдать, и которые будутъ держать сторону могущихъ ихъ старшинами оставить и даже еще большимъ жалованьемъ на счетъ мірской вознаграждать. А за тѣмъ, нѣсколько неопытныхъ мужиковъ, что къ общей пользѣ могутъ противопоставить 18-ти на все искуснымъ дворянамъ?—вовсе ничего. А по этому и должно ожидать впередъ того же барскаго управленія, какъ и прошедшее трехлѣтіе...»

Изъ этой бумаги, составленной крестьянствомъ, до осязаемости очевидно, что оно вполне понимаетъ, откуда и въ чемъ зло; но совершенно бессильно бороться съ нимъ. Такъ, по окончаніи перваго трехлѣтія земства, во чтобы то ни стало, хотѣло крестьянство избавиться отъ забравшихъ всю силу въ свои руки: на частныхъ и общественныхъ собраніяхъ заранѣе обсудило и рѣшило оно, кому быть гласнымъ отъ него;—гласнымъ, которыхъ нельзя было бы соблазнить ни фашинниковыми, ни иными благоволеніями—за мірской счетъ, и которые достаточно имѣли бы въ себѣ силы духа, чтобы, не устращась юпитеровскихъ—«Я»!..., вотировать за переменѣн наличнаго состава управы и учинить строго справедливую повѣрку развѣянныхъ ею десятковъ тысячъ. Обо что разбились вполне законныя стремленія крестьянства, изъ приведеннаго отрывка видно. Къ переданному въ немъ объ единогласномъ избраніи священника нужно прибавить еще то, что избиратели слишкомъ два часа стояли за свой выборъ,—и ничего не могли подѣлать противъ такого безцеремоннаго попранія высочайше дарованнаго имъ права; что тутъ же засѣдала высшая административная власть уѣзда,—и молчаніемъ отдѣлывалась, когда крестьянство, во имя закона и правды, обращалось къ ней съ просьбой о поддержкѣ его права. Чтожъ тутъ подѣлаешь?!.. «Оно могло протестовать, жаловаться», и т. п., безъ сомнѣнія скажутъ или невѣдающіе дѣйствительности, или игнорирующіе ее. Могло, что и говорить!.. Но для осуществленія этой возможности, для крестьянъ требовалась, по крайней мѣрѣ увѣренность, что за протестъ, при всей его законности, не придется заплатить также, какъ это случалось въ былое время; что протестъ примутъ въ его истинномъ значеніи—какъ легальное заявленіе о нарушенномъ правѣ, а не какъ возмущеніе противъ власти, и даже двухъ властей засѣдавшихъ тутъ; а откуда могла быть въ нихъ эта увѣренность? Ни единого прецедента для нея въ ихъ жизни еще не случалось. Поневоля оставишь всякую мысль о чемъ-либо въ родѣ протеста, и выберешь—въ гласные, въ члены управы, во что бы то ни было,—не желанныхъ, а кого прикажутъ.

И что говорить о крестьянствѣ, когда даже городскія общества

обдѣлывать, если не такъ безцеремонно, то также ловко, чтобы не допустить въ гласные лица, способныя противодѣйствовать вышеописаннымъ стремленіямъ? Не дальше какъ въ томъ же Калазинѣ, на общественномъ собраніи для выбора гласныхъ, весьма значительное число голосовъ было за одного изъ мѣстныхъ священниковъ ¹⁾. Но это было предвидѣно, потому что въ обществѣ задолго прежде и громко говорили о необходимости избрать этого священника. И вотъ какой фокусъ былъ употребленъ, чтобы, не только не допустить выбора этого священника въ гласные, но и выбрать именно такихъ, какихъ было приказано, т. е., которые шли бы къ масти. Когда дѣло дошло до самой балотировки въ гласные, вдругъ нѣкая, засѣдавшая тутъ, власть заявляетъ, что она не имѣетъ возможности оставаться долѣе въ собраніи, и проситъ отложить балотировку до слѣдующаго раза. Кто нужно, были подготовлены, и сейчасъ же изъявили свое согласіе. Не подготовленные не смекнули сразу въ чемъ дѣло, и не нашлись, что сказать толкомъ, а лишь подняли безтолковый крикъ, изъ котораго, понятно, ничего не вышло. Черезъ день было опять собраніе, но не общества, которому даже и «повѣстки» не были разосланы, — а какого-нибудь десятка личностей, хорошо налаженныхъ, что именно слѣдуетъ устроить. И устроили, подобрали къ масти. Одураченное большинство покричало, покричало, да на томъ и повершило: «протестовать?! поди-туть свяжись еще; пойдутъ слѣдствія, да допросы»... Чтожь, послѣ этого, говорить о крестьянствѣ?..

Осуществились ли желанія крестьянъ, чтобы былъ измѣненъ личный составъ управы, угадать не мудрено. И отчегобъ онъ измѣнился?

Землевладѣльцы, извѣстные въ уѣздѣ своей пуританской честностью и несомнѣнной общепольностью стремленій, съ перваго же раза, какъ только увидѣли, кто и какими путями забралъ силу зем-

¹⁾ Въ послѣднихъ нумерахъ «От. Зап.» за прошлый годъ были напечатаны статьи: «Изъ недавней поѣздки», которыя стоить прочесть желающимъ имѣть вѣрное и ясное понятіе о провинціальномъ земствѣ. Но вотъ что говорится въ ней о духовенствѣ: «представительство духовенства такъ ничтожно, что о немъ и упоминать не стоитъ; да, притомъ, и личные интересы его слишкомъ малы и исключительны. На первыхъ собраніяхъ гласные отъ духовенства рассчитывали, что земство имъ дома выстроитъ и дастъ малую толику деньжонокъ за то, что они при своихъ приходахъ, будтобы, школы завели; но, встрѣтивъ полное равнодушіе къ своимъ нуждамъ и разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, большинство изъ нихъ бросило даже ѣздить на собранія, отъ которыхъ, какъ видно, толку для нихъ, какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока». Трудно вѣрить этимъ словамъ. Не само духовенство отстранилось отъ земства, которому оно и могло, и желало принести самую существенную пользу, а для его отстраненія не жалѣли и не жалѣютъ козней и интригъ. Такъ—во всей тверской губерніи; такъ, по печатнымъ заявленіямъ — изъ множества мѣстныхъ губерній.

ства въ свои руки, уклонились отъ всякаго участія въ дѣлахъ его. Одинъ же изъ таковыхъ, на котораго крестьянство возлагало наибольшее надежды, выбранный въ гласные, не явился на то собраніе, на которомъ шла балотировка членовъ управы, не смотря на то, что весь день пробылъ въ городѣ и посѣтилъ, кого для личныхъ дѣлъ было нужно. Всѣ могущіе стать за дѣло крестьянства были отстранены. Старшины-гласные горой стали за своихъ благодѣтелей; земно-клянаясь, благодарили за благодѣянія земству и просили униженно о продолженіи ихъ; и какъ иначе? жалованье, подводныя, ни за-что, ни про-что, фашинникъ... И вышло, въ концѣ концовъ, что съ десятковъ гласныхъ не «обдѣланныхъ» положили, кому слѣдуетъ, черные шары; всѣ же прочіе гласные вляли бѣлые шары. Цѣль, такимъ образомъ, была достигнута, какъ нельзя лучше. Сила земства осталась въ тѣхъ же рукахъ, такъ благодѣтельныхъ для крестьянства. И тутъ же воспользовались этой силой: вмѣсто четверыхъ членовъ управы нашли нужнымъ оставить лишь троиныхъ;— ради облегченія крестьянства? всего менѣе;— а ради того, чтобы жалованье четвертаго было раздѣлено между троиными. Нельзя не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, двое изъ этихъ троиныхъ имѣютъ лишь фиктивную собственность, а поэтому и фиктивное право даже и на то, чтобы быть гласными, не говоря уже о томъ, чтобы быть членами управы. Слѣдовательно, въ случаѣ какихъ-либо прорухъ, или строго-честной повѣркѣ откуда либо сверху, вся тяжесть оказавшихся недочетовъ ляжетъ опять-таки на несчастное крестьянство.

И не то еще самое худшее во всемъ этомъ, что разореніе крестьянства доведется до конца: свѣтъ не безъ добрыхъ людей, — до голодной смерти не допустятъ, какъ не допустили до этого и весьегонское крестьянство; а разоренные даже и «французомъ» поправились же наконецъ. Но то самое худшее, что въ народной массѣ убивается окончательно и навсегда всякая вѣра въ лучшее дѣло нашего времени, въ то самое дѣло, которое должно было положить историческую грань между Русью крѣпостничества, со всѣми его благами, и Русью новой жизни.

«Въ народной массѣ?— но это, или ложь, или непозволительное преувеличеніе. Тамъ и здѣсь, появляются корреспонденціи изъ провинціальныхъ мѣстностей, въ которыхъ самыми радужными красками описываются благодѣянія, потоками изливаемыя на народъ забравшими силу земства въ свои руки».

А кѣмъ пишутся эти корреспонденціи—крестьянствомъ ли? А что говорятъ люди не причастные дѣлу, имѣвшіе возможность заглянуть въ ту или другую провинціальную мѣстность?—Что сказано въ «Недавней повѣздкѣ», о которой упомянуто выше?

Конечно, было бы непозволительнымъ преувеличеніемъ утверждать,

что вездѣ такъ, и нѣтъ добрыхъ исключеній: Русь слишкомъ обширна, чтобы не нашлось въ ней мѣстности, гдѣ крестьянство благословляетъ и свою земскую управу, и даже своихъ мировыхъ судей, выбранныхъ законнымъ порядкомъ, а не между карточными сдачами распределенныхъ. Но много ли найдется такихъ исключеній?*)

То, по крайней мѣрѣ, можетъ служить утѣшеніемъ для каждой мѣстности, какъ и для калезинскаго крестьянства, что не онѣ первыя, не онѣ и послѣднія, которыя обдѣлываются такимъ благотѣльнымъ образомъ. Вотъ, напр., что заявлялось въ прошломъ году о смоленскомъ земствѣ: «въ настоящемъ году оканчивается первое трехлѣтіе нашей земской жизни. Минута отдѣлки приближается, и что же мы видимъ кругомъ себя въ Смоленской губерніи? — громадный расходъ на содержаніе управъ и съ каждымъ днемъ возрастающую нищету народа; огромный непроизводительный долгъ на прокормленіе крестьянъ и страшный голодный тифъ, который до сихъ поръ уноситъ ихъ цѣлыми семьями. Никакихъ искреннихъ заботъ, никакихъ своевременныхъ мѣръ для пользы народа, кромѣ заботъ объ акуратномъ полученіи жалованья. Я вижу десятки и сотни тысячъ рублей, кидаемыхъ бесплодно и бесполезно. Я вижу людей, съ убійственнымъ равнодушіемъ опускающихъ себя въ карманъ эти рубли на счетъ разоряемаго народа. Смерть, нищета, воровство, позоръ, — вотъ что заставило меня говорить наконецъ публично» и т. д. Что можетъ быть утѣшительнѣе этого единодушія благотѣльныхъ стремленій? — никому незавидно: всѣмъ достанется поровну; все сведется подъ одинъ уровень. А на людяхъ, какъ извѣстно, и смерть красна. А тамъ, дастъ Богъ, общицалое крестьянство, проклявъ новыя учрежденія, возжаждетъ поворота въ старую колею; что и требовалось доказать, — думаютъ иные.

Калезинъ.

в.

*) Мы полагаемъ, что въ настоящемъ случаѣ важно не то, много ли, или мало найдется исключеній, а то, что сколько бы ни было случаевъ злоупотребленія, въ наше время зло собственно должно называть исключеніемъ, а не правиломъ, и это большой успѣхъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ авторомъ относительно причинъ тѣхъ печальныхъ явленій, на которыя онъ указываетъ: нельзя объяснять злоупотребленіемъ отдѣльныхъ лицъ неудачу цѣлаго строя жизни, такъ какъ сами злоупотребленія есть только результатъ болѣе отдаленныхъ причинъ, которыхъ мы касались не разъ, говоря о земствѣ и объ охлажденіи къ нему его дѣателей.

Ред.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го мая 1869.

Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. — Туркестанская выставка и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. — Волненіе въ оренбургскомъ краѣ. — Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 годъ. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ сословіи. — «Всеобщее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи.

Отъ преній и диспутовъ, переходившихъ, до послѣдняго времени, въ брань и обвиненія противниковъ чуть не въ измѣнѣ, пресловутый вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ попалъ наконецъ на почву фактовъ, болѣе здоровую и освятельную почву. Въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ «Правительственнаго Вѣстника» мы прочли:

«Министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что имъ внесены въ Комитетъ министровъ *ходатайства земскихъ собраній*: а) черниговскаго губернскаго и нѣжинскаго уѣзднаго — о *преобразованіи нѣжинской классической гимназіи въ реальную, съ предоставленіемъ затѣмъ окончившимъ въ ней курсъ ученія права на поступленіе въ университетъ; на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и воспитанникамъ классическихъ гимназій*; б) alexандрійскаго уѣзднаго — объ измѣненіи въ томъ же смыслѣ § 122 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 г.; и в) нижегородскаго губернскаго — о дозволеніи воспитанникамъ реальныхъ гимназій при поступленіи въ университетъ держать экзаменъ лишь изъ тѣхъ древнихъ языковъ, знаніе которыхъ необходимо въ избранномъ ими факультетѣ.

«Разсмотрѣвъ представленія министра народнаго просвѣщенія по этому предмету и усматривая изъ нихъ, что ходатайства, возбужденныя упомянутыми земскими собраніями, касаются общей системы образованія и организаціи учебной части въ Имперіи, подвергавшихся, въ установленномъ порядкѣ, подробному обсужденію, и получившихъ, законодательнымъ путемъ, окончательное разрѣшеніе высочайше утвержденными, 18-го іюня 1863 г. и 19-го ноября 1864 г., уставами университетовъ, гимназій и прогимназій, *Комитетъ министровъ нацѣль, что вопросы сіи не подлежатъ обсужденію означенныхъ земскихъ учрежденій.*»

Итакъ, нѣкоторыя земскія собранія ходатайствуютъ объ измѣненіи одного изъ параграфовъ послѣдняго устава гимназій; а Комитетъ ми-

нистровъ отказываетъ имъ въ этомъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что подобныя вопросы не подлежатъ обсужденію означенныхъ земскихъ учреждений. Въ этомъ дѣлѣ есть общая и специальная сторона. Къ чему вообще могутъ относиться ходатайства? Комитетъ министровъ отказалъ въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что ходатайство земскихъ собраній направлено къ отмѣнѣ того, что подвергалось подробному обсужденію и получило силу закона; должно ли изъ этого заключать, что ходатайство должно состоять въ просьбѣ о позволеніи воспользоваться тѣмъ, что и безъ того разрѣшено закономъ? Но о томъ, что намъ слѣдуетъ по закону, нечего и ходатайствовать; по самому смыслу слова, ходатайство должно всегда относиться къ тому, чтобы просить объ отмѣненіи или измѣненіи прежде постановленнаго, но на опытѣ оказавшагося препятствіемъ къ развитію той или другой общественной потребности. Можно найти самое ходатайство неосновательнымъ по отношенію къ доводамъ, вызвавшимъ его; но на этотъ разъ комитетъ министровъ отказалъ ходатайству, мотивируя его вовсе не тѣмъ, что доводы его неосновательны, а именно тѣмъ, что ходатайствуютъ объ отмѣнѣ прежде установленнаго. Но ходатайство и можетъ только касаться отмѣны прежде установленнаго, или иначе пришлось бы объяснить земскимъ учрежденіямъ, что ходатайство должно имѣть своимъ предметомъ право воспользоваться тѣмъ, что разрѣшено закономъ. Вотъ, еслибы земскія учрежденія ходатайствовали о дозволении изъ классическихъ гимназій поступать въ университеты, то имъ можно это разрѣшить, такъ какъ ихъ ходатайство не противорѣчило бы уставу гимназій.

Спеціальную сторону въ настоящемъ случаѣ составляетъ самый § 122, къ измѣненію котораго направлено ходатайство упомянутыхъ земствъ. Но для разъясненія его необходимо обратиться къ исторіи самаго устава 19-го ноября 1864 г., дѣйствующаго и доннынѣ. Не многіе уставы слагались у насъ такимъ путемъ, какимъ сложился этотъ уставъ. Выработанный предварительно въ комитетѣ изъ специалистовъ, онъ былъ отданъ на публичное обсужденіе; потомъ вновь переработанъ по замѣчаніямъ, доставленнымъ отвсюду, и уже въ этомъ видѣ вышелъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы получить окончательное утвержденіе законодательнымъ путемъ. Однимъ словомъ, уставъ родился не въ канцеляріи, и не могъ быть приписанъ ни волѣ, ни частнымъ вкусамъ одного лица. Но, тѣмъ не менѣе, одна изъ существенныхъ сторонъ этого устава понесла на себѣ слѣды переходнаго состоянія дѣла, а можетъ быть и уступки тѣмъ, которые говорили громче. Однимъ словомъ, были допущены два вида гимназій, классическія и реальныя, но право поступленія въ университетъ было предоставлено однимъ классическимъ, т. е. предположено было основать реальныя гимназій, но въ тоже время ихъ обставили такимъ

условіемъ, чтобы онѣ остались безъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, реальныя гимназіи осуждены были впередъ на смерть, а классическія продолжали по прежнему недоучивать 95 человѣкъ, и 5 человѣкъ доучивать, т. е. изъ 100 поступавшихъ, — 95 выходили, не окончивъ курса, а 5 кончали съ правомъ поступленія въ университетъ. Въ виду такого происхожденія § 122, надобно было ожидать отъ послѣдующаго времени указаній опыта и выраженій мнѣнія. Вышеприведенныя ходатайства земскихъ учреждений нельзя не отнести именно къ подобнымъ указаніямъ; въ нихъ выразилось мнѣніе людей искренно и безкорыстно заинтересованныхъ дѣломъ просвѣщенія общества, хозяйство котораго лежитъ на ихъ рукахъ. При выработкѣ устава нашли полезнымъ совѣщаться съ экспертами; почему же обсужденіе о дополненіи или измѣненіи того, что очевидно оставлено было на половинѣ дороги, не должно допускаться, когда дѣло идетъ объ общественной пользѣ?

Говорятъ обыкновенно, что земству можно позволить жертвовать деньги на народное и общественное образованіе, но за тѣмъ вопросъ о томъ, какую систему допустить въ устройствѣ школы—не касается земства, такъ какъ оно не состоитъ изъ специалистовъ. Но, во-1-хъ, въ настоящемъ случаѣ земство не представило отъ себя никакой новой системы образованія, а изъ двухъ допущенныхъ уставомъ, избирало ту, которая ему казалась цѣлесообразнѣе. Реальныя гимназіи, о которыхъ ходатайствуютъ тѣ земскія собранія, допущены уставомъ, и земство ходатайствовало только объ измѣненіи той непоследовательности въ уставѣ, на которую мы указали выше, а именно, реальныя гимназіи допущены и сдѣланы въ тоже время невозможными, такъ какъ ихъ воспитанники впередъ наказаны лишеніемъ права на высшее образованіе, и слѣдовательно, на лучшее положеніе въ обществѣ. Если въ уставѣ остаются допущенными два разряда гимназій, то вопросъ о выборѣ разряда почему не можетъ подлежать обсужденію земскихъ учреждений? Если одинъ параграфъ устава осуждаетъ на смерть то, что другимъ параграфомъ призывается къ жизни, то почему нельзя ходатайствовать объ отмѣнѣ того §, который вредитъ дѣлу, допущенному тѣми же уставами? Развѣ только потому, что подобное измѣненіе слѣдовало сдѣлать, не ожидая ничьего ходатайства.

Еще разъ повторяемъ, что ходатайство, по природѣ своей, всегда предполагаетъ, что ходатайствующій имѣетъ въ виду не пользованіе тѣмъ, что законъ уже далъ, но тѣмъ, чего онъ не далъ; а что ходатайство можетъ касаться подобныхъ предметовъ, доказательствомъ служитъ ходатайство гг. Каткова и Леонтьева объ устройствѣ такого учебнаго заведенія, какое совсѣмъ не предвидѣно уставами 1863 и 1864 г., а именно, пансіонъ упомянутыхъ господъ будетъ вмѣстѣ и гимназія и университетъ. Если частнымъ лицамъ дозволено обсудить свое дѣло

по своему крайнему разумѣнію, и потому ходатайствовать о томъ, что лежитъ внѣ устава, то почему же цѣлое вѣдомство, какъ земскія учрежденія, лишаются такого же права? Намъ казалось бы, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, на министерствѣ народнаго просвѣщенія лежала обязанность, по поводу ходатайства земства, возбудить законодательный вопросъ, такъ какъ ходатайство земства клонится къ измѣненію или лучше сказать къ дополненію одного изъ параграфовъ устава гимназій. Относительно же ходатайства нижегородскаго губернскаго земства не предстояло и такой надобности, такъ какъ для удовлетворенія его ходатайства не нужно было ни юты измѣнять въ уставѣ: додержать экзаменъ изъ предмета, недостающаго реальнымъ гимназіямъ, совершенно согласно съ духомъ устава и съ обыкновенною практикою. Земскія собранія, встрѣчая препятствія въ своемъ стремленіи содѣйствовать успѣхамъ образованія, конечно, охладѣютъ къ вопросамъ, отъ обсужденія которыхъ имъ рекомендуютъ устраниваться, да и вообще охладѣютъ къ своему дѣлу, такъ какъ нельзя ограничиваться заботами о матеріальномъ хозяйствѣ, когда успѣхъ матеріальнаго богатства тѣсно связанъ съ успѣхами образованія.

Петербургу, въ минувшемъ мѣсяцѣ, предоставленъ былъ случай ознакомиться хотя немного съ новыми нашими приобрѣтеніями въ Средней Азій для усвоенія которыхъ массою нашего общества нужно не столько умѣнье спрягать по-латыни и по-гречески, сколько реальное образованіе. Для большинства, туркестанскій край доселѣ существовалъ только на бумагѣ, въ реляціяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ: на выставкѣ онъ является въ оригиналѣ, представляемый своими произведениями. Подобныя выставки произведеній и разныхъ предметовъ вновь присоединенныхъ къ государству странъ въ большомъ ходу въ Англіи, гдѣ общество относится къ нимъ съ живѣйшимъ интересомъ. Надо надѣяться, что у насъ нынѣшняя выставка повлечетъ за собою нѣсколько другихъ, болѣе полезныхъ выставокъ произведеній Туркестана. Нынѣшняя выставка далеко не полна; на ней вовсе не представлена растительность края, нѣтъ изображеній домашнихъ животныхъ: верблюда, киргизской породы лошадей, скота, почти нѣтъ домашней утвари, нѣтъ образцовъ хлопка, наконецъ — нѣтъ маннекевовъ, которые бы представляли экземпляры племенныхъ группъ, довольно разнообразныхъ въ Средней Азій. Но, какъ бы то ни было, нельзя не благодарить гг. Сѣверцова, Татаринова, Верещагина и за то ознакомленіе публики съ туркестанскимъ краемъ, какое достигается обозрѣніемъ ихъ коллекцій.

Наиболѣе существенныя свѣдѣнія о краѣ даютъ коллекціи орнитологическая и минералогическая. Первая замѣчательна и по численности предметовъ и по красотѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ. Въ кол-

лекціи преобладаютъ птицы хищныя, орлы, грифы — достойные представители этихъ степей, исконнаго отечества хищническихъ ордъ. Въ коллекціи минераловъ есть замѣчательные образчики каменнаго угля и рудъ серебряныхъ, мѣдныхъ и проч. Каменноугольные пласты доселѣ замѣчены въ туркестанской области только въ двухъ мѣстахъ, и мы не знаемъ, началась ли уже правильная ихъ разработка. Что касается рудъ, въ особенности желѣзныхъ и свинцовыхъ, то всѣ показанія путешественниковъ свидѣтельствуютъ, что туркестанскій край долженъ быть богатъ ими. Край, одаренный каменнымъ углемъ и спутникомъ его — желѣзомъ, имѣетъ важные задатки развитія.

Коллекція мануфактурныхъ издѣлій представляетъ образецъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей и вышитыхъ кожъ. Издѣлія эти (за исключеніемъ ковровъ и шитыхъ кожъ) далеко не замѣчательны. Само собою разумѣется, что работа здѣсь исключительно ручная. Бумажныя ткани низки, и по неровности нитки (что зависитъ отъ неправильной очистки хлопка), и по краскамъ. Шелковыя ткани — не чисты; ихъ скорѣе слѣдуетъ отнести къ полшелковымъ. Вообще изготовленіе тѣхъ и другихъ тканей въ нашей туркестанской области стоитъ на очень низкой степени. Въ одномъ Ходжентѣ производство ихъ сколько-нибудь значительно, но добротныя, чистыя ткани употребляемыя въ туркестанской области — не туземнаго происхожденія; онѣ ввозятся изъ ханствъ. Исключеніе представляютъ только шерстяныя туркестанскія матеріи и издѣлія изъ войлока. Такъ какъ овцеводство въ рукахъ кочевниковъ, то они же занимаются и приготовленіемъ шерстяныхъ тканей. Коллекція холоднаго оружія любопытна, но ничего не доказываетъ относительно мѣстнаго искусства выдѣлки, такъ какъ лучшіе клинки имѣютъ происхожденіе коканское или бухарское.

О вкусѣ нѣкоторыхъ туземныхъ мастеровъ, вкусѣ конечно своеобразномъ, но тѣмъ не менѣе замѣчательномъ, свидѣтельствуютъ нѣсколько эмалированныхъ металлическихъ издѣлій, особенно пояса изъ бляхъ и шитье по козловой и бараньей кожѣ шелками. Эти кожи выдѣлываются на мѣстѣ, между тѣмъ какъ кожи для шорныхъ предметовъ употребляются, по большей части, привозныя и именно русскія. При огромномъ мѣстномъ скотоводствѣ, выдѣланныя кожи придутся все-таки привозить, по отсутствію на мѣстѣ заведеній для порядочной обработки ихъ.

Нравственная фізіономія края, типы его обитателей, нравы, особенности быта представляются на выставкѣ исключительно картинами и эскизами, если не считать бухарскую палатку и могилу мусульманскаго святого, которыя, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ чучеломъ «каменнаго барана» наиболѣе занимаютъ публику. Бытовыя картины г. Верещагина очень интересны и характеристичны. Въ нихъ особенно замѣчательны именно — типы разныхъ сословій. Но посѣтитель вы-

ставки, разумеется, не выносить отсюда сколько нибудь определеннаго понятія о составѣ мѣстнаго населенія. Онъ видитъ типы самыя различныя и объясняетъ ихъ себѣ различіемъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ. Между тѣмъ, сами сословныя различія, въ Средней Азіи, представляютъ различія племенныя. Картины никакъ не могутъ замѣнить манекеновъ или хотя бы статуэтокъ, со строга научною классификаціею типовъ.

Въ наше намѣреніе не могло входить помѣщеніе здѣсь обстоятельнаго описанія туркестанской выставки; мы упоминаемъ здѣсь о ней только какъ о фактѣ перваго нагляднаго ознакомленія нашей публики съ фizioноміею новыхъ пріобрѣтеній Россіи. Уже и этого слишкомъ неполнаго ознакомленія достаточно для убѣжденія публики, хотя не въ томъ, что пріобрѣтенный нами край — край *богатый*, но въ томъ, что этотъ край имѣетъ всѣ задатки къ тому, чтобы сдѣлаться богатымъ, если мы сумѣемъ воспользоваться его натуральными условіями. Одно это бѣглое обозрѣніе показываетъ, что въ край есть данныя для серьезной промышленности, и вмѣстѣ, что промышленность теперь стоитъ тамъ низою и по недостатку вспомогательныхъ средствъ, и по неумѣнью. Стало быть, намъ представляется новое обширное поле для дѣятельности. Что касается торговли, то она должна получить сильное развитіе еще гораздо раньше, чѣмъ поднимется туземная промышленность, такъ какъ важнѣйшая торговля въ туркестанскомъ крайѣ — транзитная. Коканъ, Бухара, китайскій Туркестанъ, даже Афганистанъ представляютъ громадный рынокъ для сбыта издѣлій восточной Россіи, несмотря на англійскую конкуренцію. Англійская конкуренція тамъ можетъ съ успѣхомъ оспаривать намъ рынки преимущественно потому, что англійская торговля опирается на политику, преимущественно торговую, сосѣднаго англійскаго владѣнія, между тѣмъ какъ наша торговля должна прокладывать себѣ пути сама, не имѣя опоры въ нашей мѣстной политикѣ, носящей на себѣ характеръ военный, политически-преобразовательный, какой угодно, только не торговый. Мало того: и въ этой политикѣ, преимущественно военной и административной, у насъ нерѣдко преодолеваетъ «ощущъ». Между тѣмъ, для установленія и развитія торговыхъ сношеній нѣтъ ничего хуже, какъ неопредѣленность цѣлей — *une politique de tâtonnement*.

Конкуренція съ Англіею и преобладающее «административное свойство» нашей дѣятельности въ уральскихъ и сырь-дарьинскихъ степяхъ — вотъ два вопроса, на которыхъ надо остановиться по требованію нѣсколькихъ новѣйшихъ фактовъ.

Изъ объявленія британскаго премьера въ палатѣ общинъ, мы узнаемъ то, о чемъ не могли бы узнать иначе, именно, что въ настоящее время происходитъ «обмѣнъ весьма дружественныхъ соображеній»

между сент-джемскимъ и нашимъ кабинетами, и что переговоры эти обѣщаютъ «благоприятный исходъ». Гладстонъ даже отказался отвѣчать на предложенный ему однимъ членомъ запросъ по поводу среднеазиатскихъ дѣлъ, отозвавшись, что это могло бы помѣшать происходящимъ переговорамъ. Еще до того дня, когда наше обозрѣніе появится въ печати, отсроченный запросъ будетъ повторенъ въ палатѣ общинъ. Во всякомъ случаѣ, о результатѣ переговоровъ мы узнаемъ изъ того же источника прежде, чѣмъ они будутъ примѣнены на практикѣ.

Весьма естественно спросить, — хотя бы только себя, такъ какъ намъ больше спрашивать некого — въ чемъ могутъ состоять эти переговоры? Нѣтъ сомнѣнія, что британское правительство не станетъ добиваться отъ Россіи прямого обязательства относительно сохраненія въ Средней Азій *statu-quo*. Но кабинеты могутъ обмѣняться изложеніями своихъ взглядовъ на общія цѣли политики въ Средней Азій, хотя изложенія такого рода обыкновенно содержатъ въ себѣ мало опредѣленнаго и ничего обязательнаго. Представляется несовсѣмъ вѣроятнымъ ходатайство англійскаго правительства о допущеніи его консуловъ въ наши среднеазиатскія владѣнія, хотя подобное ходатайство и возможно, какъ не противорѣчащее политическимъ принципамъ. Но дѣло въ томъ, что собственный примѣръ слишкомъ противорѣчилъ бы подобному предложенію. Правда, Англія допускаетъ пребываніе иностранныхъ консуловъ въ главныхъ портовыхъ городахъ своихъ ост-индскихъ владѣній. Но внутри страны она никогда не допускала иностранныхъ агентовъ; напротивъ, съ величайшей подозрительностью смотрѣло всегда ост-индское правительство на попытку какаго бы то ни было иностранца проникнуть внутри страны, именно подозрѣвая въ немъ агента иностраннаго правительства. Бывали даже необъясненные случаи исчезновенія подобныхъ смѣльчаковъ. Но въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ нѣтъ портовыхъ, болѣе или менѣе изолированныхъ отъ центровъ туземной національности, пунктовъ. Англійскій консулъ въ Ходжентѣ, напримѣръ, былъ бы въ самомъ центрѣ непосредственныхъ сношеній и съ консулами, и съ бухарцами и съ нашими кочевниками, и съ кастою улемовъ, простирающею свое вліяніе на весь среднеазиатскій міръ. Едва ли британское правительство рѣшилось сдѣлать предложеніе, столь мало согласное съ примѣрами собственной его политики.

Едва ли можно предположить въ переговорахъ, начатыхъ сент-джемскимъ кабинетомъ, кромѣ обмѣна общихъ взглядовъ, непосредственно практическую цѣль, кромѣ созданія предлога на будущее время. Скорѣе всего слѣдуетъ ожидать, что оно повело рѣчь о положеніи независимыхъ владѣній, находящихся между территоріями, принадлежащими обѣимъ великимъ державамъ: Афганистана, Бухары и

Бохана, изъ которыхъ первыя двѣ недавно были обуреваемы внутренними раздорами, а послѣднее сохранило только тѣнь независимости. Относительно Афганистана, Англія имѣетъ кое-что сообщить намъ, относительно Бухары и Бохана она имѣетъ кое-что спросить насъ. Политика, которой слѣдовало ост-индское правительство, при прежнемъ генераль-губернаторѣ сэръ Дж. Лауренсѣ, относительно Афганистана была политикою полного нейтралитета. При чемъ преобладало мнѣніе, что Англіи невыгодно дѣлать шага навстрѣчу Россіи, что лучше всего оставить Афганистанъ между ея властью и властью Россіи, съ тѣмъ, что если бы, современемъ, Россія послала войска и въ Афганистанъ, то трудъ пройти и покорить его — это трудъ огромный и опасный, выпалъ бы на долю Россіи, предпринявшей нападеніе, а не Англіи, заботящейся слишкомъ преждевременно къ предупреденію такого нападенія. Это мнѣніе сэра Дж. Лауренса преобладало и въ англійской журналистикѣ.

Но мнѣніе это уступило мѣсто другому взгляду; новый англійскій генераль-губернаторъ, лордъ Майо, счелъ нужнымъ прибрать къ рукамъ Афганистанъ заблаговременно, и нашелъ возможнымъ сдѣлать это, не повторяя прежней, бѣдственной экспедиціи, однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, посредствомъ признанія владѣтелемъ Афганистана Эмира Ширъ-Али, одного изъ претендентовъ на господство въ Афганистанѣ. Лордъ Майо, какъ извѣстно, недавно имѣлъ торжественное свиданіе съ Ширъ-Али и послѣднему посулилъ, какъ говорить, ежегодную субсидію въ 120 т. фунтовъ. Это мнѣніе о необходимости заблаговременно обезопасить свою границу въ Индостанѣ противъ предполагаемаго покушенія Россіи (которое теперь представляется намъ совершенно невозможнымъ, но тотчасъ бы пришло намъ на умъ, въ случаѣ войны нашей съ Англіею въ Европѣ) нашло себѣ отголосокъ въ томъ же «Times», который еще недалеже, какъ минувшимъ лѣтомъ такъ убѣдительно доказывалъ правильность взгляда сэра Дж. Лауренса. Теперь корреспондентъ «Times» говоритъ, что преданному Англіи афганистанскому эмиру можно давать не только по 120 т. фунтовъ въ годъ, но еще и большія пособія по-временамъ, вслучаѣ нужды, потому именно, что: «со стороны Россіи грозитъ опасность, и необходимо энергически противоудѣйствовать ея завоевательнымъ видамъ».

Эти слова мы приводимъ для того только, чтобы показать, какъ измѣнился взглядъ англійской политики на наши успѣхи въ Средней Азій; сами по себѣ подобныя опасенія совершенно лишены основанія, особенно въ настоящее время, когда у насъ все еще стоитъ на очереди вопросъ: не отдать ли намъ назадъ эмиру бухарскому самый Самаркандъ? Но вотъ именно этою-то неопредѣленностью, нерѣшительностью съ нашей стороны, англійская дипломатія и можетъ воспользоваться. Обязательно сообщая намъ о своемъ намѣреніи признать Шира-Али эмиромъ Аф-

ганистана, для водворенія тамъ спокойствія, и конечно выражая намѣреніе вполне уважать независимость Афганистана, пожалуй даже считать его нейтрализованною областью между владѣніями Англии и Россіи, британская дипломатія можетъ спросить мнѣнія нашего кабинета какъ относительно своихъ взглядовъ на положеніе Афганистана, такъ и относительно положенія ханствъ сосѣднихъ съ нашими владѣніями; спросить насъ покажѣтъ только: признаемъ ли мы Бухару и Коканъ независимыми владѣніями, подобно тому, какъ она признаетъ Афганистанъ? Вслучаѣ, если мы дадимъ отвѣтъ утвердительный (а отрицательнаго мы, разумѣется, дать не можемъ), англійская дипломатія будетъ имѣть въ рукахъ предлогъ уже къ формальнымъ представленіямъ впослѣдствіи, при малѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ впередъ. Конечно и утвердительный отвѣтъ съ нашей стороны еще не составитъ обязательства, а предлогъ, полученный англійскою дипломатіею не увеличитъ матеріальныхъ средствъ ея вредить намъ. Но въ политикѣ каждое лишнее-сказанное слово вредно. Мы опасаемся именно, чтобы такое лишнее слово не было сказано теперь, подъ вліяніемъ тѣхъ неустановившихся взглядовъ, при которыхъ считается возможнымъ даже вопросъ о возвращеніи Самарканда. Если еще не поставлено вѣ всякаго вопроса даже и обладаніе тѣмъ, что уже принадлежитъ намъ, то легко можетъ случиться, что отъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній мы отречемся, высказавшись въ смыслѣ признанія нами независимости ханствъ, а подобнаго слова не слѣдовало бы произносить ни въ какомъ случаѣ, особенно же, когда ничто насъ къ тому не принуждаетъ.

Вопроса о возвращеніи бухарскому эмиру Самарканда мы уже касались; упомянувъ о немъ теперь, повторимъ, что возвращать ключъ отъ Бухары, когда можно поручиться, что въ будущемъ намъ предстоятъ новыя столкновенія съ нынѣшнимъ ея владѣтелемъ или съ его преемниками, было бы слишкомъ странно. Сверхъ того, надо остановиться на чемъ-нибудь изъ двухъ: или держать въ своей власти Бухару, или замкнуться въ границу Сыра: средняго термина тутъ быть не можетъ.

Возвратимся къ внутреннимъ дѣламъ нашихъ степныхъ владѣній. Выше мы опредѣлили характеръ внутренней политики въ этомъ краѣ, назвавъ его по преимуществу «административнымъ». Какъ-то не слышно, чтобы дѣлалось много для разработки минеральныхъ богатствъ страны, для содѣйствія промышленности. Важный вопросъ о выборѣ рода и направленія путей, для развитія торговли въ Средней Азіи, недавно былъ предметомъ оживленныхъ преній въ «Обществѣ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности», которое положило заняться этимъ вопросомъ спеціально и пригласить къ содѣйствію нѣсколько постороннихъ, знающихъ лицъ.

Не знаемъ, обратили ли вниманіе на устройство дорогъ, конно-железныхъ или иныхъ, мѣстныхъ управленія оренбургскаго и туркестанскаго края. Но преобразование края въ административномъ отношеніи энергически приводится въ исполненіе. Туркестанскій край и край оренбургскій составляютъ теперь отдѣльныя области. Но въ обѣихъ дѣло преобразования ведется на одинаковомъ принципѣ: устраненія туземныхъ вліяній и замѣны ихъ безпрепятственнымъ дѣйствіемъ властей, установленныхъ положеніями.

Изъ свѣдѣній, недавно опубликованныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», оказывается, что при введеніи новаго положенія объ управленіи киргизами въ оренбургскомъ г.-губернаторствѣ, не обошлось безъ смуть въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, не только восточныхъ, но и западныхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ половинѣ марта, въ оренбургской степи произошло даже довольно значительное нападеніе киргизовъ на нашу команду, причемъ было убито киргизовъ до двадцати человекъ. «Русскій Инвалидъ», отзываясь о вводимой реформѣ, какъ о благодѣтельной для киргизскаго народа и встрѣченной сочувственно большинствомъ киргизскаго населенія, приводитъ статистику этого сочувствія. Но изъ нея мы узнаемъ, что новое положеніе введено уже между киргизами, обитающими 60 тысячъ кибитокъ, и что обитатели около 18 тысячъ кибитокъ, въ западной части илецкаго, южной части уральскаго и сѣверовосточной части калмыковскаго уѣзда, «отнеслись къ новому положенію неприязненно и обнаружили противодѣйствіе при введеніи его путемъ гражданской администраціи», вслѣдствіе чего и потребовались мѣры военныя.

Такия обстоятельства военная газета объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Ложныя толкованія положенія, подстрекательства со стороны муллъ и въ особенности высшихъ классовъ киргизскаго населенія». Киргизы «бѣлой кости» — султаны и родоправители, сознавая, что введеніе новаго положенія ослабитъ ихъ деспотическую власть и безграничное значеніе въ средѣ народа, *воспринимающаго начала гражданственности* — сколько извѣстно, не остались безъ вліянія на возбужденіе умовъ» и т. д. Это объясненіе сформулировано слишкомъ удачно, чтобы оно могло остаться безъ отголоска въ другихъ органахъ печати, и, дѣйствительно, оно уже нашло такой отголосокъ. Что касается до насъ, то мы привели это объясненіе не потому, чтобы оно насъ вполне удовлетворяло, а потому, что въ немъ высказывается не только причина происшедшихъ нынѣ безпорядковъ, но и самый духъ нашихъ преобразованій какъ въ оренбургскомъ краѣ, такъ и въ Средней Азіи.

Объясненіе само содержитъ въ себѣ поводъ къ недоумѣнію: вводится реформа благодѣтельная для народа, реформа, имѣющая цѣлью освободить его отъ деспотической власти касты, а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, народъ слѣдуетъ вѣроломнымъ внушеніямъ

этой касты и возстаетъ противъ этой реформы. Какъ объяснить это обстоятельство? Дикостью народа, неспособностью его понять собственный интересъ? Такъ толкуеть дѣло само объясненіе. Но въ такомъ случаѣ, своевременно ли мы являемся для установленія гражданственности тамъ, гдѣ пока первый нашъ интересъ долженъ состоять въ томъ, чтобы прочно установить свою власть и пріобрѣсть довѣріе всѣхъ классовъ: и низшихъ, и высшихъ. За дѣло гражданского уравненія мы можемъ взяться успѣшно только тогда, когда этотъ первый интересъ нашъ будетъ вполне обезпеченъ.

Примѣняясь собственно къ внутренней политикѣ въ Средней Азій, также носящей на себѣ преимущественно-административный характеръ, спросимъ себя, вполне ли практично начинать дѣло съ соціальной ломки, съ переименованія народнаго быта тамъ, гдѣ прежде всего слѣдуетъ прочно основать свою власть? Политика поднятія, уравненія массы, освобожденія ея отъ господства касты могла быть примѣнена съ успѣхомъ въ сѣверозападномъ краѣ; но не на всѣхъ окраинахъ государства одинаковый образъ дѣйствія наиболѣе соотвѣтствуетъ одинаковой цѣли. Въ сѣверозападномъ краѣ мы имѣли дѣло съ массою намъ близкою, родною, которая могла понимать пользу мѣръ предпринятыхъ для нея и сочувствовать самой политической цѣли—освобожденія ея. Понимая это, она потому и не поддавалась ни на какіе «злонамѣренныя слухи и подстрекательства», исходившія отъ высшаго сословія.

То ли же самое мы видимъ въ Туркестанѣ или хотя бы въ оренбургскомъ краѣ? Совсе нѣтъ: масса населенія тамъ, во-первыхъ, совершенно чужая русскому народу, да и въ добавокъ полудикая. Ассимилировать ее нельзя въ короткое время; апеллировать къ ея интересамъ противъ тѣхъ вліяній, на которыя мы положиться не можемъ, въ то время, когда намъ прежде всего нужно, чтобы край свылся съ нашей властью,—это похоже на то, какъ бы мы отдавали деньги въ ссуду хотя бы подъ самый вѣрный залогъ, но на очень продолжительный срокъ, въ то время, какъ деньги нужны намъ для расходовъ сегодня и завтра.

Устранить вліяніе духовенства на судъ, не признавать традиціонной власти султановъ и родоправителей, ввести въ полудикомъ отечествѣ кочевниковъ наши окружныя и волостныя правленія, да еще, въ добавокъ, назначать въ начальники мѣстныхъ правленій офицеровъ и урядниковъ изъ казаковъ, въ которыхъ туземныя населенія видятъ историческихъ своихъ враговъ—это такая ломка, которая едва ли не была бы болѣе своевременною тогда уже, когда самая власть наша, покорность жителей будутъ внѣ вопроса, когда они уже утратятъ и мысль о возможности послушанія, а тѣмъ болѣе возмущенія. Напомнимъ еще разъ примѣръ англичанъ въ Азій: они сперва все оставляютъ по

старому. Нельзя всего дѣлать вдругъ и тамъ, гдѣ на первомъ планѣ еще долженъ стоять вопросъ политическій, бесполезно усложнять его общественными преобразованиями, если эти преобразованія не имѣютъ для себя подготовленной, способной оцѣнить и ухватиться за нихъ, массы.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не пожелать, чтобы внутренняя политика наша въ зауральскихъ и сурь-дарьинскихъ степяхъ по мѣрѣ возможности смѣняла свой административный, хотя бы самый либеральный характеръ, характеромъ экономическимъ, промышленнымъ, торговымъ. Твердое положеніе на передовыхъ границахъ, съ рѣшимостью исполнить неизбежное рано или поздно, а внутри края — болѣе всего заботливости о скрѣпленіи его дорогами и промышленностью съ Россією — вотъ пока существенныя черты нашей задачи.

Вопросъ о томъ, будетъ ли въ нынѣшнемъ году сдѣланъ новый заемъ, рѣшился въ утвердительномъ смыслѣ. Объявлено о новомъ выпускѣ облигацій николаевской желѣзной дороги, на нарицательный капиталъ около 69½ милліоновъ руб. По акту о продажѣ николаевской дороги Главному обществу, оно приняло на себя, какъ первый выпускъ облигацій дороги, сдѣланный правительствомъ еще въ 1867 году, на 75 мил. р., такъ и имѣвшій послѣдовать второй выпускъ ея облигацій. Уплата процентовъ и погашенія этихъ займовъ производится правительствомъ, но въ силу того же акта продажи, Главное общество представляетъ ему, для этой цѣли, изъ чистаго дохода дороги по 7 м. 200 т. р. въ годъ.

Хотя, такимъ образомъ, второй и послѣдній выпускъ облигацій николаевской дороги былъ заранѣе предусмотрѣнъ, но реализированіе его въ настоящее время все-таки составитъ новый заемъ, и прибавимъ, заемъ, который является довольно неожиданно. Не далѣе, какъ четыре мѣсяца назадъ, во время обсужденія бюджета на 1869 годъ, говорили, что у правительства находится въ рукахъ много наличныхъ средствъ, такъ что новаго займа, по всей вѣроятности, не потребуется. Нынѣшній заемъ, правда, имѣетъ назначеніе специальное; онъ дѣлается не для усиленія средствъ казначейства, а для усиленія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго для споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, — какъ сказано въ указѣ данномъ министру финансовъ.

Но нельзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что состояніе экстраординарныхъ ресурсовъ у насъ не публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Безъ точныхъ свѣдѣній объ употребленіи экстраординарныхъ ресурсовъ нельзя составить себѣ правильного сужденія о бюджетѣ, хотя онъ и публикуется; безъ свѣдѣній о наличности экстраординарныхъ ресурсовъ нельзя хотя бы приблизительно судить объ истинномъ финансовомъ положеніи страны. Операціи частныхъ банковъ и лицъ торго-

вѣхъ всегда могутъ быть застигнуты врасплохъ новымъ займомъ, котораго необходимости они не имѣли возможности предвидѣть. Намъ возразятъ пожалуй, что финансовыя операціи не могутъ подлежать гласности, по самому существу своему. Это совершенно справедливо относительно частныхъ лицъ и обществъ, которыхъ операціи имѣютъ прежде всего цѣль спекулятивную. Такъ какъ спекуляція вся основывается именно на разности свѣдѣній и на тайнѣ, которою облечены дѣйствительныя средства каждаго изъ конкурентовъ въ данную минуту, то понятно, что о гласности тутъ не можетъ быть и помину. Но цѣль финансовыхъ операцій государства—не спекулятивная, а хозяйственная, и облеченіе ихъ тайною можетъ отражаться преимущественно и именно на интересахъ самыхъ членовъ государства.

Представьте себѣ, что вы, получивъ концессию, составили акціонерное общество и въ настоящую минуту намѣрены реализовать капиталъ этого общества. Въ какое положеніе поставитъ васъ внезапное объявленіе правительственнаго желѣзнодорожнаго займа? Даже если у васъ въ рукахъ концессія съ гарантіей правительства, то банкиры все-таки отдадутъ преимущество, при равныхъ условіяхъ, желѣзнодорожнымъ облигаціямъ самого правительства. Было бы конечно иначе, если бы желѣзныя дороги, предпринимаемыя у насъ частными лицами, привлекали къ себѣ внутренніе и заграничныя капиталы ожиданіемъ собственныхъ своихъ барышей, независимо отъ правительственной гарантіи. Тогда выпускъ правительственныхъ облигацій не могъ бы мѣшать реализаціи ихъ акціонернаго капитала, а могъ бы конкурировать только съ выпусками облигацій же частныхъ компаній. Но дѣло стоитъ иначе. Правда, нѣкоторыя изъ нашихъ частныхъ линій давали уже дивидендъ, далеко превышающій правительственную гарантію. Но при подпискѣ на ихъ акціи, при составленіи основнаго ихъ капитала, какъ въ Россіи, такъ и за границею, имѣлся въ виду не неопредѣленный дивидендъ ихъ, а именно только правительственная гарантія.

Такимъ образомъ, акціи нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, при подпискѣ на нихъ, рассматриваются просто въ смыслѣ правительственныхъ облигацій. Вотъ почему выпускъ правительственныхъ облигацій становится въ прямую конкуренцію съ реализованіемъ основныхъ капиталовъ новыхъ желѣзнодорожныхъ компаній. До сихъ поръ, на заграничныхъ биржахъ, капиталы нашихъ желѣзнодорожныхъ компаній реализовались очень удачно, иногда даже съ блестящимъ успѣхомъ. Одною изъ причинъ такого благопріятнаго явленія были, если можно такъ выразиться—удача самого начала, зависѣвшая отъ накопленія на европейскихъ рынкахъ капиталовъ, и боязнь новой войны въ центрѣ Европы, мѣшавшая дѣламъ на мѣстѣ. Другою, уже не случайною, а существенною причиною была правительственная гарантія. Безукоризненная аккуратность нашего правительства

въ платежахъ по займамъ создали Россіи въ Европѣ прочный кредитъ, кредитъ гораздо болѣе благопріятный, чѣмъ онъ могъ бы быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ нашими экономическими обстоятельствами. Европейскіе капиталы, оставаясь безъ помѣщенія, жадно бросились на наши первые желѣзнодорожные займы; а когда начало было такъ удачно, то успѣхъ этого дѣла неизбежно долженъ былъ продлиться нѣкоторое время, потому что русскія желѣзнодорожныя акціи стали предметомъ биржевой спекуляціи. Когда являлись новыя акціи, съ тою же правительственною гарантіею, то ихъ брали нарасхватъ, потому именно, что прежнія—т. е. акціи прежде основавшихся компаній, ходили съ преміею.

Но вотъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, выпускъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій и не можетъ быть выгоденъ для помѣщенія за границую нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ акцій. Сильный притокъ заграничныхъ капиталовъ къ дѣлу нашего частнаго желѣзнодорожнаго строительства, въ виду правительственной гарантіи, и въ тоже время повторенное обращеніе къ заграничнымъ же капиталамъ для усиленія особаго желѣзнодорожнаго фонда, т. е. для самой уплаты по гарантіи — это два факта, которые очевидно не могутъ взаимно поддерживать одинъ другой.

Новый выпускъ облигацій николаевской дороги дѣлается «для споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ». Но изъ того, что мы сказали выше, слѣдуетъ, что покрайней мѣрѣ съ одной стороны, въ одномъ смыслѣ,—онъ долженъ прежде всего повліять несовсѣмъ благопріятно на развитіе у насъ желѣзнодорожнаго дѣла. Онъ долженъ отчасти помѣшать реализованію новыхъ компанейскихъ капиталовъ за границую. Но, само собою разумѣется, что онъ совсѣмъ прекратитъ возможность такихъ реализацій, если въ немъ самомъ заключались бы какія либо особыя обязательства, обусловленныя желаніемъ поддержать этотъ заемъ. А по слухамъ, такія обязательства именно есть. По слухамъ, въ объявленіи о выпускѣ облигацій николаевской дороги, выставленномъ въ Лондонѣ, сказано, что наше правительство обязывается не заключать новыхъ внѣшнихъ займовъ и не давать разрѣшенія на дальнѣйшіе выпуски «гарантированныхъ облигацій» до начала 1870 года.

Если такое обязательство, въ указѣ неупомянутое, въ самомъ дѣлѣ дается съ цѣлью поддержанія новаго займа, то оно требовало бы разъясненія. Что правительство наше обязуется не заключать новыхъ займовъ за границую до 1870 года, если нынѣшній заемъ удастся, это кажется невѣроятнымъ. Во-первыхъ, никто не имѣетъ права требовать подобнаго обязательства отъ правительства. Во-вторыхъ, правительство не можетъ принять на себя подобное обязательство потому, что нельзя навѣрное предвидѣть будущее, хотя и втеченіи только

одного года. А если до 1870 года мы будемъ вовлечены, какимъ-нибудь непреодолимымъ стеченіемъ обстоятельствъ, противъ воли, въ европейскую войну?

Мало того; необходимо бы объяснить, касается ли это обязательство—если только оно въ самомъ дѣлѣ существуетъ—только выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій по дорогамъ гарантированнымъ казною, или относится также и къ акціямъ новыхъ компаній, имѣющихъ образоваться съ гарантіею отъ правительства? Въ послѣднемъ случаѣ, это было бы равносильно обязательству не выдавать втеченіи опредѣленнаго времени концессій съ гарантіею. Между тѣмъ, въ программѣ желѣзныхъ дорогъ, на которой остановилось правительство, и которую мы разбирали въ мартовской хроникѣ, начертана цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, которымъ правительство предполагаетъ содѣйствовать. Спрашивается, почему же откладывать, хотя бы на годъ, выдачу концессій по которой либо изъ тѣхъ, которыя признаны наиболѣе нужными?

Спрашивается также, много ли можетъ содѣйствовать успѣху нынѣшняго займа обязательство не заключать новыхъ займовъ за границею втеченіи всего 8 мѣсяцовъ?

Очень можетъ быть, что правительство вовсе и не принимаетъ на себя такихъ обязательствъ, которыя, какъ говоритъ англійская газета «Economist», приведены въ объявленіи о выпускѣ облигацій николаевской дороги въ Лондонѣ. Но въ такомъ случаѣ, полезно было бы опровергнуть такой слухъ.

Какъ бы то ни было, этотъ выпускъ, предназначенный для содѣйствія безостановочному развитію нашей желѣзнодорожной сѣти, въ извѣстномъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, можетъ стѣснить самое это развитіе. Если же помянутое обязательство существуетъ—касается ли оно желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій вмѣстѣ или хотя бы однѣхъ облигацій—то оно повліяетъ именно на безостановочность постройки и развитія частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Наконецъ, въ общемъ смыслѣ, слѣдуетъ признать, что въ то время, когда наши частныя желѣзнодорожныя компаніи такъ часто и такъ успѣшно обращаются къ кредиту за границею для помѣщенія своихъ бумагъ, и когда кредитъ этихъ бумагъ основанъ именно на гарантірованіи правительствомъ дорогъ, — появленіе самого правительства передъ европейскимъ кредитомъ, съ цѣлью усиленія желѣзнодорожнаго фонда, можетъ повліять положительно-вредно на благопріятное намъ настроеніе европейской биржи, по отношенію къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ въ Россіи. Что касается выражаемаго англійскою газетою при этомъ случаѣ недоумѣніи: «зачѣмъ рискуютъ выпускать новый заемъ на такую большую сумму, когда еще значительныя суммы изъ прежнихъ займовъ остаются неупотребленными, какъ то положи-

тельно извѣстно», — то въ этомъ отношеніи мы можемъ только сказать, что намъ все это извѣстно еще менѣе, чѣмъ англійской биржевой газетѣ; намъ неизвѣстно даже, остается ли еще что-нибудь отъ прежнихъ займовъ или не остается ничего. Предполагаемыя цифры бюджета намъ извѣстны, но хозяйство экстраординарныхъ ресурсовъ для насъ тайна.

Желѣзнодорожное дѣло пошло у насъ въ послѣдніе года такъ хорошо, что должно быть поставлено въ ряду наиболѣе блестящихъ дѣяній нашего періода. Необходимо съ величайшею заботливостью отклонять возможность какого бы то ни было кризиса въ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время частная промышленность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ у насъ уже рѣшительно преобладаетъ. Изъ опубликованнаго недавно отчета оказывается, что въ 1868 году движеніе происходило на 6.413 верстахъ желѣзнаго пути, изъ которыхъ къ казеннымъ линіямъ принадлежатъ только 996 верстъ, а 5.417 къ частнымъ. Валовой сборъ на всѣхъ дорогахъ составлялъ около 51¼ милл. рублей, и изъ него болѣе 46½ милл. доставлялись частными дорогами. Сравнительную доходность казенныхъ и частныхъ дорогъ нельзя вывести изъ цифръ отчета, но не подлежитъ сомнѣнію, что частныя дороги въ этомъ отношеніи превосходятъ казенныя. Развитіе сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и возвышеніе сборовъ представляетъ поразительныя цифры. Такъ, на частныхъ дорогахъ перевезено въ 1868 году болѣе 8.783 тысячи человѣкъ и 384.860 тысячъ пудъ грузовъ; въ сравненіи съ 1867 годъ болѣе: слишкомъ на 1 милл. человѣкъ и слишкомъ 94½ милл. пудъ грузовъ. Общій валовой сборъ на казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ 1867 году составлялъ свыше 40 милл. р., а въ 1868 году, какъ уже сказано, около 51¼ милл. р., на 11 слишкомъ миллионѣвъ рублей болѣе. Замѣчательны особенно нѣкоторые примѣры возвышенія сборовъ за годъ на рязанско-козловской дорогѣ, гдѣ оно составило 58,3%, на московско-рязанской — 36,5%, лодзинской — 27,3%, волжско-донской — 26,9%.

Несмотря однако на такое огромное возвышеніе сборовъ, нѣкоторыя частныя компаніи долго не приступаютъ къ проложенію второго рельсоваго пути, слѣдствіемъ чего является скопленіе на станціяхъ грузовъ, замедленіе торговаго движенія и т. д. Особенно жалуются за это на линію московско-рязанскую, гдѣ, несмотря на повторенныя заявленія бывшаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ о необходимости проложенія второго пути, компанія уклонялась отъ этого, ссылаясь на уставъ, который ее къ тому не обязываетъ.

Передача николаевской дороги Главному обществу нисколько не остановила возрастаніе на ней перевозки и сбора. Отчетъ о движеніи на этой дорогѣ за первые два мѣсяца нынѣшняго года показываетъ значительное увеличеніе сравнительно съ тѣми же мѣсяцами прошлаго

года, именно около $5\frac{1}{4}$ милл. пудовъ болѣе противъ прошлогодней цифры и сбора почти на миллионъ рублей больше. Нѣтъ сомнѣнiя, что главными причинами такой значительной разности были, во-первыхъ, значительное усиленiе подвижнаго состава, а во-вторыхъ, указанное выше общее стремленiе къ возвышенiю движенiя и сборовъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, такъ что приведенныя цифры сами по себѣ еще не могутъ служить вполне убѣдительными доказательствами преимущества компанейскаго управленiя передъ казеннымъ. Но важно уже и то, что возрастанiе движенiя при частномъ управленiи продолжается увеличиваться; не менѣе важенъ тотъ фактъ, что усиленiе подвижнаго состава произведено новымъ управленiемъ съ успѣхомъ и въ непродолжительное время, такъ что насчетъ будущности этой важнѣйшей нашей линiи, въ рукахъ Главнаго общества, можно быть спокойнымъ, вопреки пессимистскимъ увѣренiямъ, заявленнымъ въ свое время не безъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Въ числѣ тѣхъ интересныхъ официальныхъ матеріаловъ, которые публикуются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», мы находимъ статистику нашего земскаго представительства. По случаю новыхъ выборовъ, бывшихъ въ большинствѣ губерній вслѣдствiе истеченiя трехлѣтняго срока дѣятельности прежняго состава земскихъ собранiй и управъ, министерство внутреннихъ дѣлъ собрало свѣдѣнiя, какъ о результатахъ первыхъ и вторыхъ выборовъ, такъ и о суммахъ ассигнованныхъ земскими собранiями на содержанiе управъ. Изъ этихъ свѣдѣнiй оказывается, что численность въ составѣ земскихъ учреждений гласныхъ изъ дворянъ увеличилась на $2\frac{1}{2}\%$, а численность гласныхъ изъ крестьянъ уменьшилась на $1\frac{1}{2}\%$; наконецъ, число гласныхъ изъ духовнаго сословія уменьшилось съ 1% на $\frac{1}{2}\%$. Итакъ, дворянство не только не лишилось своего первенствующаго положенiя въ земствѣ, но даже выиграло въ этомъ отношенiи. Фактъ этотъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствiи у насъ того антагонизма между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіями, который иные предсказывали при уничтоженiи крѣпостнаго права, вслѣдствiе случаевъ предпочтенiя крестьянами, на первыхъ выборахъ, представителей изъ своего сословія — кандидатамъ изъ сословія «образованнѣйшаго въ государствѣ».

Результатъ нынѣшнихъ выборовъ имѣетъ значенiе уже потому, что онъ далеко не есть простое повторенiе перваго избранiя. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа избранныхъ на второе трехлѣтiе 9,338 гласныхъ, осталось прежнихъ гласныхъ только 3,337, а 6,001 избраны вновь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что это преобладанiе въ новыхъ выборахъ новыхъ представителей не слѣдуетъ принимать за знакъ недоувѣрiя къ прежнимъ гласнымъ, потому что въ дѣйствитель-

ности забаллотировано изъ прежнихъ гласныхъ только 786 человекъ, остальные же не избраны или по собственному нежеланію или по отсутствію.

Преобладаніе дворянства, какъ въ первомъ, такъ и въ нынѣшнемъ составѣ земскаго представительства представляется слѣдующими цифрами: изъ всего состава гласныхъ перваго избранія къ дворянству принадлежали $42\frac{1}{2}\%$, а изъ нынѣшняго состава — 45% . Итакъ, на долю одного сословія, именно дворянства, приходится немного менѣе половины всего числа гласныхъ. Само собою разумѣется, что въ составѣ самого управленія, избираемаго земствомъ, пропорція еще болѣе благоприятна дворянамъ.

Этотъ фактъ, казалось бы, долженъ служить достаточнымъ утѣшеніемъ для дворянства въ потерѣ значенія его сословнаго представительства — явленіе, надъ которымъ мы останавливались въ прошлой хроникѣ по поводу сессіи дворянства петербургской губерніи. Но фактъ этотъ долженъ быть для дворянства не только утѣшеніемъ, но и доводомъ въ пользу того, чтобы оно окончательно слилось съ земствомъ, видѣло свою будущность только въ дѣятельности своей какъ составной — и притомъ преобладающей — части земства.

Но въ виду того преобладанія, которое явилось само собою, вдвойнѣ странно было бы домогаться утвержденія за дворянствомъ преобладанія въ земствѣ посредствомъ искусственныхъ мѣръ. Это было бы равнозначуще съ законодательнымъ подчиненіемъ земства дворянству или сословію крупныхъ землевладѣльцевъ, разрушеніемъ самого принципа всесословнаго земскаго представительства и управленіемъ принципомъ сословности. Еще болѣе странно было бы нарушить и самую сословность, какъ она установлена девятымъ томомъ и принципъ земской всесословности, какъ она установлена положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, для созданія какого-то новаго сословія крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ котораго съ одной стороны было бы исключено мелкопомѣстное дворянство, и которому, съ другой стороны, было бы подчинено земство.

Между тѣмъ, таковъ именно характеръ проекта, заявленнаго въ недавно вышедшей книгѣ г. Кошелева: «Голосъ изъ земства». Г. Кошелевъ соглашается съ тѣмъ, что роль сословнаго дворянскаго представительства окончилась, что учрежденіямъ дворянскимъ уже не остается дѣла, и при этомъ распространяется о всевозможныхъ неудобствахъ слитія дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія, съ крестьянскимъ обществомъ. Но роль дворянства онъ не считаетъ оконченною и хочетъ поручить ему организацію *землевладѣльческаго состоянія*, которое бы стояло въ главѣ земства. Этому землевладѣльческому состоянію, изъ котораго были бы исключены дворяне мелкопо-

мѣстные, авторъ проекта предоставляетъ право избирать предводителей, и старшинамъ этого новаго сословія, долженствующаго и замѣнять дворянство и представлять его въ одно и тоже время, предназначаетъ предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ. Дворянъ же, не владѣющихъ землею, г. Кошелевъ полагаетъ совсѣмъ отдѣлить отъ создаваемаго имъ «сословія» крупныхъ землевладѣльцевъ и предоставляетъ имъ приписываться къ городскимъ обществамъ.

Излишне, кажется, настаивать на всей несообразности такого проекта. Если, какъ говорить г. Кошелевъ, дворянству должно принадлежать въ земствѣ преобладающее положеніе по образованности его и «опытности въ управленіи», то во-первыхъ, это осуществляется уже, какъ мы видѣли, на практикѣ существеннымъ образомъ, а во-вторыхъ, развѣ образованность и опытность въ дѣлахъ управленія составляютъ исключительный удѣлъ крупныхъ землевладѣльцевъ? Г. Кошелевъ хочетъ создать сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ, съ допущеніемъ въ него и не-дворянъ, и между тѣмъ доводомъ къ образованію его ссылается именно на положеніе, занимаемое дворянствомъ.

Мы упомянули о проектѣ г. Кошелева потому, что не онъ одинъ защищаетъ мысль о необходимости создать изъ крупнаго землевладѣнія привилегированное сословіе, съ нарушеніемъ сословной равноправности, лежащей въ основаніи нашего земскаго устройства.

Неравноправность гражданъ въ государствѣ вообще нераціональна; но едва ли какой либо видъ неравноправности столь очевидно лишень рациональнаго основанія, какъ неравноправность гражданъ по національностямъ или вѣрѣ, и при томъ неравноправность не только въ политическомъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Дѣлая это замѣчаніе, мы имѣемъ въ виду неравноправность евреевъ у насъ съ подданными, принадлежащими къ другимъ національностямъ. Въ теоріи кажется уже излишне въ настоящее время заниматься еврейскимъ вопросомъ. Вопросъ этотъ въ общественномъ сознаніи рѣшенъ, даже и у насъ. Сомнѣваемся, чтобы въ наше время кто-нибудь рѣшился открыто выступить съ доводами въ пользу неравноправности еврея, хотя мы должны, къ сожалѣнію, признать вѣроятнымъ, что найдутся люди, которые въ повседневной жизни не признаютъ еврея за равнаго себѣ по природѣ, какъ равны всѣ люди. Такіе люди, если спросить ихъ мнѣнія объ уравниеніи въ Соединенныхъ Штатахъ негровъ съ бѣлыми даже въ высшемъ правѣ—въ правѣ политическомъ—навѣрное согласятся, что это вполне справедливо. Между тѣмъ, негръ по природѣ разнится отъ бѣлаго вообще ужъ конечно болѣе, чѣмъ еврей отъ какаго либо европейца. Но негръ — далеко, а еврей близко.

Истина, не признанная въ принципѣ, обыкновенно еще довольно долго

дожидаетъ своего примѣненія на практикѣ. Отъ сознанія до осуществленія еще далеко, особенно когда дѣло идетъ о чужихъ правахъ. Относительно примѣненія принципа гражданской равноправности для евреевъ мы положительно *составляемъ исключеніе въ Европѣ*. Въ гражданскомъ отношеніи евреи равноправны во всей Европѣ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ странъ признана и политическая ихъ равноправность, не указываемъ на примѣры Ротшильда, Фульда, Кремье и т. д. Только у насъ, у насъ однихъ, ограничено право мѣстопробыванія для евреевъ. И замѣтите, что эта неравноправность евреевъ у насъ основана даже не на вѣрѣ, а именно на національности. Язычникъ можетъ жить въ столицѣ, не будучи ни купцомъ 1-й гильдіи, ни его прикащикомъ, ни ремесленникомъ, а еврей—внѣ этихъ условій—не можетъ.

Какая цѣль имѣется при этомъ въ виду—трудно сказать. Вѣрнѣе, цѣли въ настоящее время въ виду уже не имѣется, а просто остается въ силѣ старый законъ потому только, что онъ не отмѣненъ.

Недавно происходила интересная корреспонденція относительно пребыванія евреевъ въ нашихъ столицахъ между парижскимъ Alliance israélite Universelle (президентъ Кремье) и нашимъ же правительствомъ. Мѣры, принятія въ прошломъ году петербургскою полиціею для «очищенія» города отъ безпаспортныхъ и нищихъ, не могли не вознудиться и евреевъ; нищихъ евреевъ—къ чести этого народа—бываетъ весьма мало, хотя живущихъ въ нищетѣ евреевъ есть множество; въ Петербургѣ между нищенствующими никогда не встрѣчаются евреи или еврейки. Но къ безпаспортнымъ между евреями въ Петербургѣ должны принадлежать всѣ тѣ, кто по состоянію не имѣетъ права пребывать въ столицѣ, а, между тѣмъ, принужденъ къ тому обстоятельствами. Говоримъ это съ тою цѣлью, чтобы напомнить, что между безпаспортными *евреями* въ Петербургѣ могли быть люди совершенно порядочные, между тѣмъ, какъ этого не можетъ быть (развѣ какъ особое исключеніе) между людьми другихъ національностей въ состояніи безпаспортныхъ.

Въ какой мѣрѣ полиція наша обратила вниманіе на это весьма существенное различіе и примѣнила ли его въ тѣхъ мѣрахъ, которыя приняла для «препровожденія безпаспортныхъ» на родину,—вопросъ, который мы не будемъ разсматривать. Необходимо сказать, что въ настоящемъ случаѣ полиція только исполняла свой долгъ, и дѣйствовала законно, если не сдѣлала въ пользу евреевъ никакого исключенія изъ общей манеры «препровожденія» бродягъ для водворенія ихъ, гдѣ слѣдуетъ.

Съ другой стороны, г-ну Кремье, живущему въ странѣ, гдѣ евреи давно пользуются всѣми гражданскими и политическими правами,

позволительно было не знать, что можетъ существовать законъ, воспрепятствующій спеціально евреямъ пребываніе гдѣ либо, а потому, понятно, что въ высылкѣ изъ Петербурга тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ права постоянного здѣсь жительства, онъ могъ видѣть просто произвольное дѣйствіе полиціи, нѣчто очень похожее на преслѣдованіе, и обратиться къ нашей администраціи съ представленіями въ родѣ тѣхъ, съ какими онъ обращался къ правительству румынскому, по поводу высылки евреевъ молдавскими властями.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ своемъ на эти представленія, имѣлъ полное основаніе сказать, что мѣра, которой въ данномъ случаѣ подверглись евреи была *общая* мѣра, что «при приведеніи ея въ исполненіе, религія и національность не имѣли никакого вліянія, и она одинаковымъ образомъ примѣнялась бы къ христіанскимъ подданнымъ имперіи, еслибъ у нихъ не оказалось требуемыхъ видовъ». Министръ, конечно, могъ отвѣчать не иначе, какъ согласно съ существующимъ закономъ. Но не имѣемъ ли мы права спросить себя, для какой цѣли остается еще въ силѣ тотъ законъ, по которому евреи, въ настоящемъ случаѣ, должны были подвергнуться *общей* мѣрѣ? Мѣра эта, дѣйствительно, была общая, но законъ тутъ положительно не общій, а спеціальннй для евреевъ, и предъ этимъ-то закономъ религія и національность именно и составляютъ причину правоограниченія.

Какая можетъ быть цѣль не допускать евреевъ, за извѣстными исключеніями, къ пребыванію во внутреннихъ губерніяхъ, а между прочимъ въ столицахъ? Въ прежнее время — когда былъ изданъ относящійся сюда законъ — существовалъ предрассудокъ, что если допустить евреевъ во внутреннія губерніи и въ особенности въ столицы, то они захватятъ въ свои руки всю торговлю, какъ они то сдѣлали въ Польшѣ и въ западномъ краѣ. Но пора бы, кажется, понять, что если евреи захватили въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ торговлю, то это случилось отъ того, что по историческимъ условіямъ въ этихъ краяхъ не могло развиться среднее, торговое сословіе, между тѣмъ, какъ въ старыхъ русскихъ губерніяхъ сословіе это образовалось давно и организовалось прочно. Сверхъ того, самъ законъ уже сдѣлалъ отступленіе отъ того предрассудка, на которомъ онъ первоначально основался: пребываніе въ столицахъ разрѣшено именно наиболѣе сильнымъ коммерсантамъ изъ евреевъ — купцамъ первой гильдіи. И дѣйствительно, богатые негоціанты изъ евреевъ имѣютъ значеніе на столичныхъ биржахъ. Почему же именно въ пользу ихъ сдѣлано исключеніе, тогда какъ, съ точки зрѣнія предрассудка, они должны были казаться наиболѣе опасными? Очевидно потому, что законодательство отказалось отъ этого предрассудка. Но въ такомъ случаѣ, почему же правоограниченіе, на немъ основанное, не отмѣнено вовсе?

Переходя отъ теоріи къ практикѣ, мы можемъ доказать фактомъ, что въ общественномъ сознаніи предрасудокъ этотъ уже потерялъ силу. Само петербургское биржевое купечество недавно входило съ ходатайствомъ о дозволеніи евреямъ права постоянного жительства въ Петербургѣ. Кто же можетъ лучше судить объ интересахъ торговли и предвидѣть что либо для нея опасное, какъ не сами негоціанты? Между тѣмъ, по слухамъ, на ходатайство биржевого купечества послѣдоваль отказъ. Трудно объяснить себѣ его мотивы.

А между тѣмъ, всякое исключеніе изъ общаго права какой либо группы людей—національности или сословія—неизбѣжно создаетъ въ самой этой группѣ исключительность, замкнутость въ себѣ. Излишне было бы напоминать, какъ повсемѣстныя преслѣдованія выработали въ еврейской средѣ именно это свойство, и какъ изъ него проистекли съ одной стороны невѣжество и фанатизмъ, съ другой полная отчужденность, равнодушіе къ интересамъ той страны, въ которой они были условно терпимы и преслѣдуемы вмѣстѣ.

Все это уже совершенно измѣнилось нынѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи сдѣлались полноправными гражданами. У насъ же, когда говорить о невѣжествѣ и фанатизмѣ евреевъ, то все это приписываютъ какимъ-то проискамъ фанатическихъ и деспотическихъ учителей іудаизма, «которыхъ личный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы держать въ невѣжествѣ и отчужденности еврейскую массу». Произносящіе это, довольно часто повторяющееся сужденіе, забываютъ ту историческую истину, что личные интересы отдѣльныхъ личностей не могутъ *à la longue* управлять настроеніемъ и дѣйствіями массы, если въ самомъ положеніи ея нѣтъ такихъ неизмѣнныхъ условій, которыя могли бы служить для этихъ личныхъ интересовъ прочною опорой.

Противъ невѣжества и фанатизма евреевъ у насъ обыкновенно предлагаютъ одно средство: распространеніе между ними образованія, забывая, что свойства, которыя предполагается искоренить, имѣютъ свое основаніе въ особомъ условіи, именно исключительности положенія евреевъ въ государствѣ. Само распространеніе между евреями образованія еще не достаточно, чтобы искоренить въ средѣ еврейской массы замену, обусловленную ея положеніемъ. Вѣдь нельзя же ожидать, что вся масса еврейскаго населенія получитъ ученые дипломы, которые дали бы ей равноправность въ силу воспитанія.

Странное дѣло! Съ одной стороны жалуются на евреевъ, что они даже обогатятся или получивъ образованіе не всегда дѣлаются русскими, и скорѣе превращаются въ нѣмцевъ или поляковъ, — между тѣмъ, не пускаютъ ихъ во внутренность Россіи, и держатъ ихъ именно на окраинахъ, гдѣ русскій элементъ менѣе силенъ. Съ другой стороны жалуются, что пребываніе евреевъ въ западномъ краѣ, гдѣ они составля-

ютъ силу, мѣшаетъ обрусенію этого края; что имѣнія переходятъ въ руки не русскихъ, а евреевъ, что города, утрачивая то, что въ нихъ было по наружности польскаго, не дѣлаются русскими, а остаются преимущественно еврейскими—и между тѣмъ усиленно сосредоточиваютъ еврейскій элементъ именно въ томъ краѣ, гдѣ онъ препятствуетъ обрусенію, скучиваютъ его въ массу и посредствомъ правоограниченія замыкаютъ его въ самомъ себѣ. Логика тутъ, кажется, мало.

Распространясь по внутренности имперіи, евреи не захватили бы въ свои руки торговлю, какъ не захватили ея до сихъ поръ богатѣйшіе изъ нихъ, потому именно, что встрѣтили здѣсь прочно организованное и многочисленное торговое сословіе всѣхъ степеней, отъ купцовъ - милліонеровъ, до мелочныхъ торговцевъ и разнощиковъ. Получивъ доступъ во внутреннія губерніи и столицы, еврейскій элементъ, мало-по-малу, ослабѣлъ бы на той окраинѣ, гдѣ онъ, оставаясь замкнутымъ въ городахъ, всегда будетъ помѣхою обрусенія ихъ. Наконецъ, получивъ полную равноправность, талантливое и жадное къ просвѣщенію еврейское племя скоро сбросило бы съ себя иго фанатическихъ учителей, а съ нимъ и замкнутость въ самомъ себѣ, потому что было бы окончательно устранено коренное условіе этихъ историческихъ явленій. А одни казенныя училища для евреевъ, газеты разрѣшенныя для нихъ, и увѣщанія нашихъ органовъ печати, чтобы, переставая быть евреями (въ чемъ собственно говоря нѣтъ необходимости) они не превращались въ нѣмцевъ, а дѣлались русскими — едва ли когда либо достигнуть цѣли. Не мѣшаетъ объ этомъ подумать и перестать держать евреевъ въ томъ положеніи, какового мы не рѣшились бы пожелать самимъ себѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

1 (13) мая, 1869.

Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Официальныя кандидатуры и свобода выборовъ. — Эмиль Оливье и его новая книга: „Деятнадцатое января“. — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Италіею. — Послѣднія испанскія дѣла.

Самое большое зло въ политической жизни націй — ожиданія; всѣ постоянно чего-то ждутъ, на что-то надѣются, чего-то опасаются, всѣ подвержены какому-то страху, который мѣшаетъ обществу вполне предаться настоящему и съ увѣренностью смотрѣть на будущее. Эта неувѣренность въ настоящемъ и опасеніе за будущее существуютъ почти во всей Европѣ, среди всѣхъ народовъ, хотя и не въ одинаковой степени. Если мы обратимся къ свободной Англіи, то можемъ тотчасъ убѣдиться, что тамъ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, люди подвержены видѣнію страшныхъ призраковъ; тамъ живутъ настоящимъ, занимаются важными вопросами дня, безъ особенныхъ опасеній предпринимаютъ разрѣшеніе такихъ колоссальныхъ задачъ, какъ уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи, и отдають имъ все свое вниманіе, всѣ заботы. Бюджетъ такой страны не отягощается ужасающими военными издержками, рабочія руки не отрываются отъ производительнаго труда, рамки арміи не расширяются. Жизнь идетъ тутъ разумно, совершенно нормально, и если изрѣдка въ обществѣ или въ кружкѣ можно, и то съ трудомъ, подмѣтить кое-какіе лихорадочные порывы, то, очевидно, они явились туда ризошетомъ, благодаря только той солидарности, той общей связи, которая существуетъ болѣе или менѣе между всѣми европейскими государствами. Но лишь только мы переплывемъ каналъ, соединяющій Англію съ континентомъ, мы находимъ тотчасъ другую картину, далеко не столь привлекательную. Люди лишены здѣсь того спокойствія, которое необходимо, чтобы успѣшно заниматься своими собственными дѣлами, вниманіе постоянно отвле-

кается вопросомъ: что дѣлается у моего сосѣда, что думаетъ мое правительство, на что оно рѣшится и тому подобное....

Подобное колебаніе въ одной странѣ сказывается больше, въ другой меньше, и эта градація среди западныхъ націй существуетъ не даромъ, она говоритъ собою больше чѣмъ можно предполагать. Австрія, съ 1866 года смѣло ставъ на дорогу реформъ и искренняго народнаго представительства, можетъ еще съ бѣльшимъ успѣхомъ предаваться дѣлу политическаго возрожденія, и хотя она не совсѣмъ освобождена отъ пагубныхъ опасеній, тѣмъ не менѣе они не играютъ здѣсь такой роли какъ въ Пруссіи или Франціи. Откуда же происходитъ это различіе въ большемъ или меньшемъ спокойствіи западныхъ націй? Причина такъ очевидна, что едва ли о ней нужно говорить: чѣмъ больше тамъ народъ управляется самъ собою, чѣмъ яснѣе его собственная воля и чѣмъ меньше зависитъ онъ отъ произвола, тѣмъ сильнѣе въ немъ увѣренность въ будущее и спокойствіе въ настоящемъ. Если въ Пруссіи эта причина скрывается отъ глазъ націи въ туманѣ военнаго величія, если тутъ политическая жизнь получила совершенно фальшивое направленіе, и народъ не замѣчаетъ той пропасти, въ которую онъ можетъ быть брошенъ Бисмаркомъ, за то во Франціи съ каждымъ днемъ дѣлаются все бѣльшія усилія, чтобы сорвать съ глазъ гибельную повязку и вырвать изъ рукъ Наполеона произвольную власть, не смотря на то, что произволъ этотъ становится все мягче и мягче. Много уступокъ сдѣлано уже правительствомъ, во многомъ произволъ этотъ самъ себя ограничилъ, не говоря уже о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя онъ всегда встрѣчалъ въ нравахъ и традиціяхъ страны. Во Франціи свобода до такой степени вошла въ плоть и кровь націи, что никакая сила не способна вырвать ее съ корнемъ; она можетъ быть на время придавлена во внѣшнихъ проявленіяхъ, она можетъ быть нарушена, но не можетъ быть уничтожена, и черезъ извѣстный промежутокъ времени снова предъявляетъ свои права. Въ странѣ, которая пользовалась еще не такъ давно всей свободой, люди называютъ уже унизительнымъ рабствомъ то, что среди другого народа считалось бы еще величайшею вольностью. Подобная мысль не можетъ не придти въ голову всякому, кто захотѣлъ бы слѣдить за живыми преніями французскаго законодательнаго корпуса. Вотъ страна, которую мы такъ любимъ обвинять въ угодливости деспотизму, которую мы чуть не презираемъ за ея паденіе, за рабство, страна находящаяся въ рубрахъ возмутительнаго произвола, какъ у насъ принято говорить; но когда мы сравниваемъ ее съ какою-нибудь другою страной, напр. съ Пруссіей, что мы въ ней увидимъ? Еще не въ рабствѣ тѣ націи, которыя могутъ подобнымъ образомъ рассуждать о своихъ дѣлахъ, требовать отчета у правительства, обвинять его, указывать на его ошибки и диктовать ему свою волю; тамъ черезъ своихъ представителей могутъ

высказывать правительству такія истины, о которыхъ въ другихъ странахъ люди не смѣютъ даже и думать, а тѣмъ болѣе, такъ ясно формулировать ихъ.

Въ сессіи, которая только-что окончилась, въ послѣдней сессіи, передъ обновленіемъ законодательнаго корпуса, задѣты были всѣ вопросы, вызваны были самыя ожесточенныя споры и сдѣланы самыя рѣшительныя нападенія на правительство. Судя по этимъ нападеніямъ, если бы самый фактъ ихъ существованія не служилъ доказательствомъ болѣшой свободы, можно было бы подумать, что французское правительство представляетъ собою типъ абсолютнаго правленія. Такое мнѣніе было бы далеко отъ истины. Оппозиція нападаетъ на правительство, потому что она желаетъ еще болѣшого расширенія народныхъ правъ, потому что она стремится дать свободѣ еще болѣе широкія основанія и болѣе прочный фундаментъ, и въ этомъ недовольствѣ лежитъ залогъ прогресса, движенія впередъ. Оппозиція знаетъ, что политической жизни народа наносится ударъ, когда прежде достиженія «всей» свободы, люди начинаютъ довольствоваться дарованнымъ и не предъявляютъ новыхъ требованій. Не было другого такого пунета, на который оппозиція напала съ такимъ упорствомъ, съ такою силою, какъ тотъ, который имѣетъ отношеніе къ внѣшней политикѣ французскаго кабинета. «Нація неспокойна, она находится въ постоянномъ ожиданіи, а слѣдовательно, и въ постоянномъ колебаніи», говоритъ вся неофициальная пресса, говоритъ вся оппозиція, обвиняя въ этомъ неспокойствѣ и колебаніи правительство, которое держитъ пока въ своихъ рукахъ право войны и мира. Это обвиненіе послужило исходною точкою для преній по поводу внѣшнихъ дѣлъ, которыя главнымъ образомъ привлекаютъ собою вниманіе общества, такъ какъ съ этими дѣлами самымъ тѣснымъ образомъ связана вся внутренняя жизнь: ей иначе нельзя отдѣлаться отъ висящаго надъ нею Дамоклова меча. Внѣшняя политика, въ которой больше чѣмъ гдѣ-нибудь находится себѣ мѣсто личный произволь, составляетъ именно самое больное мѣсто французскаго правительства, и неудачи, понесенныя имъ въ дипломатіи, должны были бы убѣдить его въ невыгодѣ пользоваться тутъ безграничною властью. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ оппозиція, выиграло правительство своею произвольною политикою? Неудачу въ Мексикѣ, неудачу въ Германіи, неудачу во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ, и главнымъ образомъ неудачу внутри страны, пришедшей въ такое волненіе, которое уляжется только тогда, когда она сама сдѣлается полною властительницею своей судьбы. Но она сдѣлается такою тогда, когда она именно достигнетъ «всей» свободы. «Если бы свобода, говорилъ Тьеръ, была бы только правомъ критики, я бы сказалъ тогда, что можно подождать; но при настоящихъ обстоятельствахъ свобода просто настоятельно необходима. Взгля-

ните, какое зрѣлище представляетъ собою мѣръ. Когда онъ былъ болѣе безпокойнымъ и болѣе безпокоящимъ? Кто создалъ это положеніе? Конечно, не мы». Подъ словомъ «мы» Тьеръ разумѣетъ оппозицію, которая достаточно предсказывала, къ чему приведетъ ложная императорская политика. «Свобода, продолжалъ онъ, означаетъ при настоящихъ обстоятельствахъ то, что націи принадлежить рѣшеніе въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Ея права на свободу также очевидны, какъ само солнце. Свобода есть ея право, самый дорогой изъ всѣхъ ея интересовъ, интересъ существованія».

Что можетъ отвѣчать французское правительство на всѣ подобныя требованія и вмѣстѣ обвиненія оппозиціи? оно знаетъ также хорошо, какъ и оппозиція, что страна не можетъ придти въ равновѣсіе, что она находится въ постоянномъ трепетѣ услышать ужасное слово: война! Оно отвѣчаетъ блистательно рѣчью министра иностранныхъ дѣлъ Лавалетта, въ которой онъ старается показать, какъ миролюбива была императорская политика въ прошедшемъ, и какъ миролюбива останется она въ будущемъ. Онъ старается увѣрить законодательный корпусъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всю Францію, что на политическомъ горизонтѣ Европы нѣтъ никакихъ тучъ, никакихъ «черныхъ точекъ», что барометръ нигдѣ не предвѣщаетъ бури. Говоря объ отношеніи Франціи къ Германіи, или вѣрнѣе къ Пруссіи, къ которой главнымъ образомъ сводится вся тревожная политика послѣдняго времени, Лавалеттъ высказываетъ довольно рѣшительно: «намъ нечего вмѣшиваться въ движеніе, которое мы не создали; мы и не станемъ вмѣшиваться, до тѣхъ поръ пока не будетъ перейдена граница, которая нарушила бы нашу честь или наше право. Но уважая права другихъ, мы не имѣемъ причинъ опасаться, чтобы наши собственныя были нарушены». Весь вопросъ заключается въ томъ, въ чемъ увидитъ французское правительство границу, за которою будетъ нарушена его честь или право? Еще болѣе убѣдительно говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ объ отношеніяхъ къ Востоку, Италіи, обѣщая, что наступитъ, болѣе или менѣе скоро, минута, когда на итальянской почвѣ не останется ни одного французскаго солдата, т. е., когда правительство возвратится къ сентябрьской конвенціи 1864 года. Но французское общество, французская пресса не обманываются на счетъ значенія подобныхъ министерскихъ словъ. Они очень хорошо знаютъ, и знаютъ по опыту, что сегодня министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ давать самыя пламенныя увѣренія въ мирѣ, и завтра можетъ быть объявлена война. На всѣ мирныя заявленія и деклараціи пресса отвѣчаетъ одно: дайте намъ другого рода отвѣтъ, другого рода доказательство, приведите другіе аргументы, которые были бы, неопровержимы; пусть будетъ создано такое положеніе вещей, при которомъ немислима была бы война безъ воли всей націи, чтобы помимо ея желанія никто

бы не заботился о ея славѣ или какой-нибудь другой выгодѣ. Только при такомъ условіи, а не иначе, утверждаетъ оппозиція, возвратится странѣ довѣріе и спокойствіе. Условіе это тяжело для правительства, потому что никто добровольно не отказывается отъ власти, отъ произвола, но французское правительство будетъ къ этому приведено, если не собственной инициативою, то общимъ ходомъ событій.

Тѣмъ болѣе ни французское, ни европейское общество не можетъ относиться съ довѣріемъ, можетъ быть, и къ искреннимъ словамъ Лавалетта, но не обязательнымъ для правительства, что въ тоже самое время, когда въ законодательномъ корпусѣ раздавались горячія слова въ пользу мира, въ другомъ собраніи, въ сенатѣ, шли горячія пренія о необходимости для Франціи милліонной арміи для защиты отечества. Давно не испытывалъ сенатъ такого бурнаго засѣданія, и тѣмъ интереснѣе было оно, что буря эта обрушилась на голову несчастнаго экономиста, въ былые дни, сень-симониста Мишеля Шевалье. Вина его между тѣмъ была вовсе не велика. Онъ не рѣшился даже сознаться, что считаетъ содержаніе постоянныхъ армій страшнымъ бѣдствіемъ для народа, что эта вооруженная громадная масса пагубно дѣйствуетъ не только на его матеріальное благосостояніе, но и на нравственное положеніе народа; претензіи его шли вовсе не такъ далеко: онъ только позволилъ себѣ замѣтить, что излишнее усиленіе арміи тяжело ложится на все населеніе и на государственный бюджетъ, который такъ скромнень, когда дѣло идетъ о школьныхъ учителяхъ, и такъ широкъ, когда заходитъ рѣчь объ арміи, о солдатахъ. Это уродливое возрастаніе военныхъ силъ тѣмъ поразительнѣе, что оно происходитъ въ то самое время, когда народы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уничтожаютъ существующія между ними преграды, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя. «Симпатіи народныя возрастаютъ, сказалъ онъ, а между тѣмъ вооруженія, служація доказательствомъ недовѣрія, усиливаются. Единственно, разумѣется, на что можно надѣяться, это—что народы возьмутся, наконецъ, за умъ, и обратятся къ своимъ правительствамъ, скажутъ: избавьте насъ отъ вашего вліянія на нашу судьбу; оно болѣе велико, чѣмъ должно бы было быть». Разумѣется, при послѣднемъ словѣ не могла не разразиться страшная гроза, всѣ засѣдающіе въ почтенномъ собраніи воинственные старцы, чующіе свое близкое паденіе, возстали противъ дерзкаго, осмѣливагося предсказать минуту, когда всѣ эти раболѣпные слуги щедрого барина будутъ выброшены какъ ненужный хламъ. Одинъ изъ нихъ, *enfant terrible*, собратъ не удержался и выдалъ самую задушевную мысль правительства, воскликнувъ: «намъ нужны сильныя арміи, не только для внѣшнихъ враговъ, но и для внутреннихъ, которые подкапываются подъ насъ!» Противъ подобнаго заявленія нечего было возражать, потому что кому неизвѣстно, что многочисленная и постоянная армія, служащая, какъ го-

ворять, для защиты народа отъ его враговъ, въ сущности гораздо болѣе служить оружіемъ противъ самого народа въ рукахъ деспотическаго правительства. Какъ ни страшенъ былъ въ своихъ выраженіяхъ исправившійся сенъ-симонистъ, но тѣмъ не менѣе нельзя было не вывести изъ его рѣчи прямого заключенія: источникъ всѣхъ бѣдъ лежитъ въ личномъ правленіи. Выводъ этотъ, къ чести французскихъ сенаторовъ, былъ понятъ, потому-то онъ и вызвалъ со стороны столповъ имперіализма такую злобу и негодованіе.

Возвратимся однако въ законодательный корпусъ, гдѣ оппозиція и большинство вмѣстѣ съ правительствомъ передъ окончаніемъ сессіи, передъ днемъ рѣшительнаго сраженія, передъ новыми выборами подводятъ итоги, одни того, что сдѣлано, другіе того, что нужно было сдѣлать и что не сдѣлано. Роль счетчика принялъ на себя министръ іюльской монархіи Тьеръ, которому слишкомъ хорошо знакома правительственная тактика. Съ свойственною ему ловкостью и умѣніемъ онъ вывелъ на сцену «необходимыя вольности», какъ выразился онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и постарался показать, въ какомъ положеніи находятся эти вольности въ настоящую минуту. Какія же должны быть необходимыя вольности, что считаетъ неотъемлемыми народными правами этотъ умѣренный либераль и монархистъ? Для того, чтобы нація могла считаться свободною, нужно, чтобы каждый человѣкъ пользовался безусловною безопасностью, какихъ бы мнѣній онъ ни держался, однимъ словомъ, нужна «индивидуальная свобода». Затѣмъ нужно, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно высказывать свои мнѣнія, могъ говорить и узнавать о всѣхъ фактахъ, интересующихъ страну, однимъ словомъ, нужна «свобода печати». Далѣе, требуетъ Тьеръ, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно выбирать своихъ представителей, не подвергаясь угрозамъ или соблазнамъ, выходящимъ отъ власти, однимъ словомъ, нужна: «свобода выборовъ». Послѣ того, какъ всѣ представители выбраны, и они собрались, нужно, чтобы имъ были предоставлены всѣ дѣла государства, а чтобы ихъ воля была приведена въ исполненіе, нужна «свобода парламента». И наконецъ нужно, чтобы народное представительство встрѣтило такое правительство, которое было бы ничѣмъ инымъ, какъ исполнителемъ выраженной народомъ воли. «Эти принципы необходимы, и правительства, которыя не подчиняются имъ, падаютъ». Какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, такъ и теперь, французское правительство отвѣчаетъ ораторамъ оппозиціи: «всѣ эти вольности вы имѣете и даже больше того, чѣмъ вы добиваетесь.» Тьеръ, зная напередъ это возраженіе, дѣлаетъ болѣе или менѣе подробный разборъ, насколько онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ. Никто не можетъ отрицать, чтобы во Франціи не существовала индивидуальная свобода, не отрицаетъ ее и ораторъ оппозиціи, который все-таки не пропустилъ при этомъ слу-

чаѣ бросить въ правительство камень за то, что оно преслѣдовало нѣсколько человѣкъ въ дѣлѣ Бодена, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ обзорѣній. Онъ требуетъ, чтобы были уничтожены послѣдніе слѣды закона объ общественной безопасности.

Что касается до свободы прессы, то тутъ нельзя произнести такъ рѣшительно. Если мы будемъ сравнивать положеніе французской прессы съ положеніемъ ея въ Англіи или Италіи, то, разумѣется, пресса во Франціи не можетъ внушать особенной зависти. Сравнивая же ее съ положеніемъ прессы даже въ такой конституціонной странѣ, какъ Пруссія, мы согласимся, что во Франціи она окружена еще довольно выгодными условіями. Во всякомъ случаѣ, и Тьеръ признаетъ, какъ и всѣ другіе, что въ положеніи французской прессы сдѣлался въ послѣднее время значительный успѣхъ. Предварительное дозволеніе, произвольныя пріостановленія и запрещенія, все это уничтожено. Но къ несчастію, не смотря на то, что каждый свободно высказываетъ теперь, что онъ думаетъ, правительство слишкомъ часто прибѣгаетъ къ процессамъ, которые тѣмъ не менѣе, съ большою выгодною для прессы, замѣнили собою предостереженія и другія административныя мѣры. Какое самое лучшее средство, спрашиваетъ Тьеръ, чтобы правительство и пресса жили между собою въ мирѣ. Собственно говоря есть одно только средство—это предоставить право говорить все, что угодно. «Только такимъ путемъ, говоритъ маститый ораторъ, можно дойти до того, что пресса будетъ говорить только то, что нужно. Таково заключеніе, прибавилъ онъ, моей долгой опытности». Но если нуженъ законъ для огражденія частнаго лица, неотвѣтственнаго моварха, то нуженъ и судъ; и судъ этотъ можетъ быть только одинъ, тотъ, который представляетъ собою рѣшеніе цѣлаго общества—судъ присяжныхъ. Для того, чтобы пресса во Франціи была свободна, ей недостаетъ теперь именно только одного — суда присяжныхъ, котораго и требуетъ оппозиція.

Пренія по поводу остальныхъ «необходимыхъ вольностей» вызвали болѣе горячіе споры между правительствомъ и оппозиціею, и споры эти тѣмъ интереснѣе, что они происходятъ наканунѣ выборовъ и опредѣляютъ такимъ образомъ будущее поведеніе правительства. Ему нужно отдать честь—оно искренно, оно не говоритъ одно, собираясь дѣлать другое. Слово и дѣло совпадаютъ въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе. Два вопроса, которые имѣютъ особенное свойство возбуждать горячность правительства и его негодованіе, это вопросъ о свободѣ выборовъ въ законодательный корпусъ, объ уничтоженіи официальныхъ кандидатуръ, и затѣмъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ, или иными словами, о замѣнѣ личнаго правленія парламентаризмомъ. Это два права, которыя Тьеръ причисляетъ къ «необходимымъ». Правительство,

при помощи своей административной машины, имѣеть тысячи средствъ доставить торжество своему кандидату, но большинство въ палатѣ не всегда служитъ ручательствомъ прочности правительства. Не смотря на большинство, оно легко можетъ достигнуть того же результата, котораго достигла монархія реставраціи, монархія, вышедшая изъ юльскихъ дней, т. е. паденія. Когда рушился тронъ Карла X и Луи-Филиппа, они оба точно также имѣли за собою большинство въ палатѣ, но тѣмъ не менѣе оно не могло спасти ихъ отъ гибели. Та же участь, можетъ быть, ожидаетъ и настоящій порядокъ, даже въ томъ случаѣ, если при слѣдующихъ выборахъ правительство получить болѣе сильное большинство чѣмъ то, которое оно имѣеть теперь. Вопросъ объ официальныхъ кандидатурахъ принадлежитъ, нужно сказать правду, къ тѣмъ немногимъ вопросамъ, въ которыхъ правительство держится старой системы и не хочетъ сдѣлать никакой уступки, не смотря на то, что каждый день обнаруживаются тутъ злоупотребленія, которыми не пренебрегаетъ оппозиція, чтобы со всею силою нападать на правительство. Никогда еще правительство не подвергалось такой сильной атакѣ, никогда еще депутаты оппозиціи не дѣлали такого натиска и съ такою настойчивостью не требовали уничтоженія официальныхъ кандидатуръ, какъ въ послѣднія нѣсколько засѣданій, вообще отличавшихся необыкновенною живостью. Но, если правительство совершенно откровенно высказалось и рѣшительно объявило, что оно никогда не откажется отъ законнаго права имѣть своихъ кандидатовъ, рекомендовать ихъ и т. д., и въ этомъ случаѣ ссылалось на тотъ фактъ, что во всѣхъ странахъ народнаго представительства всегда обѣ стороны употребляютъ всѣ средства, чтобы доставить побѣду своимъ кандидатамъ, то вмѣстѣ съ этимъ нельзя не признать, что самыя пренія объ официальныхъ кандидатурахъ показываютъ, какой значительный прогрессъ сдѣланъ Франціею на пути возвращенія къ полной свободѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобныя пренія были бы немислимы. Споры объ официальныхъ кандидатурахъ доказали только одно, что правительство нисколько не ошибается относительно прогресса, сдѣланнаго въ политической жизни націи, и само признаетъ, что избирательная борьба будетъ теперь несравненно труднѣе для него. «Когда новыя вольности, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Форкадъ-де-ла-Рокетъ, дадутъ болѣе могущественныя орудія противъ правительства, тогда для него не время обезоруживать себя, напротивъ, оно обязано внести въ борьбу болѣе энергію и болѣе предусмотрительность», а для того, чтобы такое заявленіе не показалось опаснымъ или угрожающимъ свободѣ страны, министръ внутреннихъ дѣлъ снѣшить сослаться на примѣры не только изъ исторіи Франціи, но онъ призываетъ на свою помощь авторитеты замѣчательныхъ государственныхъ людей другихъ странъ: «при всѣхъ старыхъ порядкахъ, говоритъ онъ, во время рес-

тавращія, при правительствѣ іюльской монархіи, въ особенности во время республики, официальные кандидатуры были поддерживаемы съ преувеличеніемъ, которому правительство не будетъ подражать. Великій министръ, имя котораго связано съ возрожденіемъ Италіи, Кавуръ, объявилъ, что правительство не можетъ оставаться чуждымъ самому важному моменту въ политической жизни націи, выборамъ, и что оно должно вмѣшиваться въ нихъ честнымъ и откровеннымъ образомъ для поддержанія тѣхъ, которые раздѣляютъ его принципы и хотятъ доставить торжество его политикѣ».

Если положеніе французскаго министра, что правительственная поддержка кандидатуръ нисколько не противорѣчитъ духу свободнаго правительства, можетъ быть опровергнуто въ теоріи, то, перенося вопросъ на практическую почву и спрашивая себя, держались ли и держатся ли въ самомъ дѣлѣ свободныя правительства подобной системы, должны будемъ отвѣтить, что французскій министръ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти во всѣхъ свободныхъ государствахъ мы находимъ, что правительство имѣетъ своихъ кандидатовъ и старается доставить имъ большинство голосовъ, изъ чего однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно всегда торжествовало. Часто, именно благодаря этому большинству, ослѣпленное своимъ успѣхомъ, и увѣренное въ поддержкѣ цѣлой націи, правительство засыпаетъ на лаврахъ, и когда, пробужденное народнымъ гуломъ, оно спрашиваетъ въ чемъ дѣло, ему отвѣчаютъ: нація избрала себѣ другое правительство. Кто виноватъ тогда въ паденіи? очевидно, система, доставившая искусственное большинство въ палатѣ, и закрывшая отъ его глазъ дѣйствительныя нужды народа и его настоятельныя требованія. Мы не станемъ останавливаться болѣе на интересныхъ преніяхъ по поводу официальныхъ кандидатуръ, такъ какъ дальнѣйшія ихъ подробности могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ странъ, которыя достигли уже народнаго представительства. Упомянемъ только объ одномъ еще пунктѣ въ министерской рѣчи, вызвавшемъ горячее опроверженіе со стороны всей оппозиціонной партіи.

«Обязанность чиновниковъ, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, чтобы не противодействовать видамъ правительства; поддерживать эти виды—лежитъ на ихъ достоинствѣ». Не совсѣмъ такъ, отвѣчаетъ на это оппозиція: поддерживать виды правительства слѣдуетъ только тогда, когда чиновникъ убѣжденъ въ ихъ честности и въ томъ, что они направлены на благо народа. Сдѣлаться чиновникомъ не значитъ отречься отъ обязанностей честнаго человѣка и гражданина, возражали министру, его долгъ—служить обществу, а не интересамъ отдѣльнаго лица. Вы утверждаете, восклицаетъ оппозиціонная пресса, что тотъ, кто получилъ должность, кто получаетъ жалованье отъ правительства, обязанъ продать ему свою душу! Вы ошибаетесь, чиновникъ получаетъ свое жалованье изъ бюджета, доставляемаго на-

родомъ, слѣдовательно его первая обязанность—служить этому народу, и никому другому. Онъ обязанъ исполнять возложенныя на него обязанности, когда эти обязанности не противорѣчатъ, по его убѣжденію, интересамъ общества. Чиновникъ долженъ всегда оставаться человекомъ и не превращаться никогда въ бессмысленную машину. Этотъ взглядъ на чиновниковъ тѣмъ важнѣе, что онъ высказывается въ странѣ, гдѣ такъ долго большинство честныхъ людей обрекало себя на добровольное бездѣйствіе, проповѣдуя, что самая лучшая тактика—это, удаленіе отъ всѣхъ дѣлъ. Общество поняло теперь, что система удаленія ложная, что благодаря ей извѣстный порядокъ только укрѣпляется и усиливается.

Въ этихъ оживленныхъ засѣданіяхъ послѣднихъ двухъ недѣль возвысили свой голосъ почти всѣ сколько-нибудь извѣстные ораторы законодательнаго корпуса: они знаютъ, что въ эту минуту больше чѣмъ когда-нибудь на нихъ смотритъ вся Франція, готовящаяся черезъ какой-нибудь мѣсяцъ приступить къ новымъ выборамъ..... Давно страна не находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи какъ теперь, и все содѣйствуетъ тому, чтобы это возбужденіе усиливалось все больше и больше. По всей Франціи каждый день происходятъ сотни митинговъ, народныхъ собраній, гдѣ обсуждаются всѣ вопросы, забытые со времени послѣдней революціи, каждый день возникаютъ новые журналы, издаются брошюры, книги, и все это направлено къ одному—къ борьбѣ съ правительствомъ и его официальными кандидатами. Оппозиція добивается одного, это нѣсколько усилить свои ряды, впередъ совершенно увѣренная, что большинство, несмотря на все существующее въ странѣ волненіе, останется за правительствомъ. Нельзя, конечно, услѣдить за всѣми явленіями этой борьбы наканунѣ выборовъ, но мы остановимся все-таки на одномъ изъ нихъ, какъ крайне любопытномъ. Это—книга Эмиля Оливье—его исповѣдь передъ избирателями, которую онъ окрестилъ именемъ «Le 19 Janvier».

Эмиль Оливье, одинъ изъ знаменитыхъ «пяти» человекъ, составившихъ оппозицію въ законодательномъ корпусѣ, игралъ, можетъ быть и изъ желанія истиннаго добра Франціи, довольно двусмысленную роль. Избранный въ 1857 году, когда декабрьскій переворотъ былъ еще такъ свѣжъ въ памяти народа, крайнею партією въ депутаты, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, который сталъ требовать возвращенія свободы странѣ, похищенной 2 декабря. Положеніе оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ было тогда до крайности тяжело, она была изолирована, съ нею боялись говорить, и Эмиль Оливье приводитъ въ своей книгѣ фактъ, который отлично характеризуетъ эпоху, кажется, недалекую еще отъ настоящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющую съ нимъ почти никакого сходства: «Нѣсколько дней спустя послѣ открытія сессіи, подойдя въ залѣ къ одному изъ храбрыхъ депутатовъ,

который заговорил со мной, я замѣтилъ на его лицѣ какое-то безпокойство, потомъ настоящее волненіе, и наконецъ онъ сказалъ неровнымъ голосомъ: «Мы поговоримъ на улицѣ, Морни смотритъ на насъ!» Такова была среда, прибавляетъ Оливье, въ которой я одинъ, какъ ораторъ, поддерживалъ демократическіе и либеральныя принципы.» Такъ шло дѣло до 1859 года, когда образовалась оппозиція «пяти», и когда къ голосу Эмиля Оливье, прибавилось краснорѣчіе Жюль Фавра и рѣзкое остроуміе Пикара. Положеніе оппозиціи было все-таки неблестяще. Большинство не терпѣло ни одного рѣзкаго правдиваго слова, засѣданія не были публичны, самая замѣчательная рѣчь одного изъ «пяти» встрѣчала не болѣе какъ четыре одобрительныхъ голоса. Но пробужденіе тѣмъ не менѣе уже начиналось. Наполеонъ III, почерпнувшій нѣкоторую увѣренность въ прочности своего престола въ той популярности, которую доставила ему Итальянская война 59 года, рѣшился сдѣлать либеральную реформу 24 ноября 1860 года. Эта реформа вдохновила Эмиля Оливье мыслию, что правительство не остановится на этомъ, и что даже безъ требованій, безъ того, чтобы оно было вынуждено, возвратитъ странѣ всю узурпированную его свободу. Остальные члены оппозиціи «пяти» были болѣе тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, чѣмъ Эмиль Оливье, они знали, что сила уступаетъ только силѣ, а не безсилію, и потому твердо держались своихъ требованій полной свободы и съ твердостью выражали ихъ. Скоро должна была между Эмилемъ Оливье и оппозиціею произойти размолвка, она и произошла по поводу закона о стачкахъ, въ которыхъ Оливье отдѣлился отъ своихъ товарищей, имѣвъ предварительное совѣщаніе съ Морни. Эмиль Оливье очевидно увлекся мыслию сдѣлаться какъ бы посредникомъ, примирителемъ между имперіею и ея врагами, и Морни постарался втянуть его въ свои сѣти. Портретъ, который Оливье рисуетъ съ Морни въ своей книгѣ мало похожъ на тѣ портреты, которые мы находимъ у историковъ декабрьскаго переворота: онъ не былъ «ни жестокъ, ни мстителенъ», говоритъ Оливье, «онъ отдавался призыву къ великодушію, и нельзя было приблизиться къ нему безъ того, чтобы не почувствовать къ нему влеченія, привязанности». Эмиль Оливье всѣми силами отдѣливается отъ того, будто онъ былъ подъ вліяніемъ Морни, напротивъ, утверждаетъ онъ, «подъ моимъ вліяніемъ измѣнились идеи Морни». Онъ рассказываетъ тоже, что Морни былъ совершенно доволенъ реформой 24 ноября, которая была сдѣлана отчасти по настоянію его и Валуевскаго, но больше всего «по личному вдохновенію императора». «Надѣюсь, говорилъ Морни Эмилю Оливье, встрѣчая его у рѣшетки законодательнаго корпуса, что вы довольны теперь?—Да, отвѣчалъ Оливье, доволенъ; только, если вы желаете знать мое мнѣніе, то позвольте прибавить, что съ этого дня вы или упрочились, или погибли.—Какъ такъ? возразилъ Морни.—Вы упрочились,

если это только начало, вы погибли, если это конецъ!» Эмиль Олливе долго не сближался съ Морни, пока этотъ послѣдній не привлекъ его на свою сторону выраженнымъ участіемъ къ его семейному горю. Нельзя не улыбнуться конечно, читая, какъ мало нужно было Эмилю Олливе, чтобы броситься въ объятія одного изъ самыхъ крупныхъ и рѣшительныхъ дѣятелей 2-го декабря. Съ этой минуты Эмиль Олливе скользитъ все больше и больше по выложенной дорогѣ, ведущей къ Тюльери. Онъ защищается передъ своими избирателями 69 года, которымъ посвящена его книга, отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ и передаетъ, что въ одномъ изъ первыхъ свиданій съ Морни, онъ успѣшилъ предупредить его, что не желаетъ получить никакого министерства, что впрочемъ не помѣшало Морни предложить ему, Эмилю Олливе, министерскій портфель. Какъ далеко онъ былъ въ эту минуту отъ оппозиціи «пяти»! Переговоры, начатые съ Морни, прервались его смертью, но скорѣ были возобновлены съ его преемникомъ Валевскимъ, и тутъ начинается самая интересная часть исповѣди Олливе, такъ какъ она касается тѣхъ реформъ, которыя объявлены были 19-го января 67 года, и въ которыхъ Олливе принималъ довольно дѣятельное участіе. Въ это время связь Олливе съ оппозиціею была уже совершенно разорвана, и онъ стремился стать во главѣ tiers-parti, но, какъ всякое стремленіе Олливе, и это было безуспѣшно. Съ самаго начала переговоровъ между Валевскимъ и Олливе, первый предложилъ ему отъ имени императора министерство, менѣ другихъ имѣющее вліяніе на общій ходъ дѣлъ, а именно, народнаго просвѣщенія, на что Олливе, разумѣется, отвѣчалъ отказомъ. Валевскій настаивалъ, говоря, что и онъ самъ и императоръ получили полную увѣренность, что имперія не можетъ держаться безъ свободы, что свободу эту нужно водворить при помощи постепенныхъ реформъ, и что для того, чтобы ихъ совершить, необходима помощь его, Олливе. Совѣщанія эти кончились тѣмъ, что Эмиль Олливе сдался, написавъ Валевскому письмо, въ которомъ говорилъ: «если вы можете, избавьте меня отъ этого испытанія (министерскій портфель), сдѣлайте все безъ меня съ вашими друзьями; но если вы мнѣ по совѣсти скажете, что мой отказъ сдѣлаетъ все невозможнымъ, я соглашусь;» и при этомъ онъ ставилъ три условія, между которыми было и уничтоженіе административнаго произвола въ дѣлахъ прессы. Въ то время, когда Валевскій велъ переговоры съ Олливе, Наполеонъ обдумывалъ готовившіяся реформы, и также, насколько необходимо участіе Олливе. Этотъ послѣдній то соглашался, то отказывался войти въ новый кабинетъ, то снова соглашался, когда Валевскій обращался къ нему со словами: «Вы держите въ вашихъ рукахъ судьбу страны, отъ васъ зависитъ, чтобы былъ сдѣланъ шагъ впередъ.» Можно подумать, что дѣло шло ни болѣе ни менѣ какъ объ отреченіи отъ трона, въ то время, когда

вопросъ шелъ о реформѣ законовъ о печати, правѣ собранія и интерpellацияхъ. Наконецъ, Оливье окончательно рѣшился.... замѣнить Ружра, если онъ откажется отъ приведенія въ исполненіе новой программы. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ переговоровъ и совѣщаній, Наполеонъ назначилъ Эмилю Оливье день свиданія. Оптимистъ Оливье, какъ назвалъ его Гизо, видящій все въ какомъ-то розовомъ свѣтѣ, рисуетъ портретъ Наполеона тѣми же радужными красками, какими нарисовалъ онъ фигуры Морни и Валуевскаго. «О личности императора составилось самое ложное мнѣніе; его воображаютъ себѣ молчаливымъ, хладнокровнымъ; такимъ дѣйствительно является онъ на публичныхъ торжествахъ. Въ своемъ кабинетѣ онъ совсѣмъ другой; хотя его никогда не оставляетъ извѣстная сдержанность, похожая почти на застѣнчивость, приемъ его радушенъ, онъ обращается съ простотою, которая трогаетъ васъ, съ вѣжливостію, которая соблазняетъ. Онъ слушаетъ васъ какъ человѣкъ, желающій удержать; когда онъ не имѣетъ возразить вамъ что-нибудь особенное, онъ оставляетъ васъ говорить; онъ прерываетъ только, чтобы сдѣлать важное возраженіе. Умъ его не затемненъ никакими грубыми предразсудками, ему можно все говорить, все, что даже противорѣчить его мнѣнію, даже истинѣ, лишь бы выраженіе было мягко и не было лишено чувства симпатіи къ его личности.... можно было бы даже утверждать, что онъ склоненъ ко всему, что велико, еслибы иногда онъ не принималъ за великое то, что только эффектно.» Таковъ портретъ, нарисованный Эмилемъ Оливье, однимъ изъ «пяти», портретъ, написанный безъ сомнѣнія искренно, потому что никто не обвиняетъ Эмиля Оливье въ безчестности; но онъ доказываетъ только одно, какъ легко сбиться честному, но простому, незамѣчательному человѣку съ прямого пути, когда онъ возмечаетъ играть роль Мирабо или Бенжамена-Констана. Излишнее честолюбіе, жажда пробиться въ благодѣтели своей родины, и пробиться окольными дорогами, приводитъ часто къ тѣмъ же результатамъ, какъ низость и раболѣпство, т. е. кладетъ клеймо на всю жизнь человѣка. Оливье понялъ очень хорошо, что его сношенія съ Морни и Валуевскимъ, его посѣщеніе Тюльери убили его репутацію честнаго человѣка, потому онъ и поспѣшилъ сдѣлать свою публичную исповѣдь, выслушавъ которую можно произнести ему отпущеніе грѣховъ, ради его, съ одной стороны, политической недалковидности, съ другой, ради его стремленія оказать услугу своему отечеству. Политическая недалковидность Оливье заключается въ томъ, что онъ не понялъ, что между оппозиціонною Франціею и Наполеономъ не можетъ быть примиренія до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ сидитъ на престолѣ, потому что тутъ не столько важна ненависть между людьми, сколько несомнѣстимость двухъ принциповъ.

Послѣ долгаго разговора съ императоромъ, котораго къ сожалѣнію Оливье не передаетъ, Наполеонъ спросилъ его, правда ли, что

онъ не желаетъ принять министерства? На утвердительный отвѣтъ Олливе, и послѣ того, что онъ привелъ свои причины, Наполеонъ сказалъ ему: «ваши доводы такъ хороши, что я не могу привести никакого возраженія; я думаю, какъ и вы; я возвращаю вамъ свободу». Послѣ этихъ словъ, которыя можетъ быть только свидѣтельству о тонкости Наполеона, не желавшаго дѣлать изъ Олливе прямого помощника себѣ, разговоры не остановились на этомъ. «Мнѣ предлагали, говорить Олливе, хорошее министерство (народнаго просвѣщенія) и скромныя реформы: вмѣсто того, чтобы принять министерство, я думалъ только о томъ, чтобы, отказываясь отъ него, дать себѣ болѣе силы для расширенія реформы.» Послѣ этого разговора, Олливе послалъ Наполеону подробную записку о всемъ, что они говорили, и въ отвѣтъ, который онъ получилъ, Наполеонъ между прочимъ высказывался такимъ образомъ: «будьте убѣждены въ томъ, что то, что меня удерживаетъ отъ исполненія реформъ, вовсе не недостатокъ увѣренности, не пустое пристрастіе къ моимъ прерогативамъ, но боязнь лишить себя средствъ возстановить въ этой странѣ; взволнованной столь различными страстями, нравственный порядокъ, это существенное основаніе свободы». Наполеонъ въ эту минуту желалъ «увѣнчать зданіе», какъ нѣсколько разъ выразился онъ самъ, и предпочиталъ дать съ одного раза все, что онъ могъ дать по его понятіямъ, чѣмъ дѣлать каждый годъ, вынужденный обстоятельствами, новыя уступки, потому что такая уступчивость, онъ не заблуждался, можетъ довести до «паденія». Онъ остановился на тѣхъ реформахъ, которыя были объявлены въ знаменитомъ письмѣ 19 января 1867 г., т. е. на законѣ о правѣ собранія, на присутствіи министровъ въ законодательномъ корпусѣ и на уничтоженіи административнаго произвола въ дѣлахъ печати. «То, что меня болѣе всего побуждаетъ это сдѣлать, сказалъ онъ Олливе, это то, что Франція пользуется большою свободою, а между тѣмъ я имѣю видъ, какъ будто бы не даю никакой». Наполеонъ не утѣшалъ себя надеждою, что Франція придетъ въ особенный восторгъ отъ этихъ реформъ, онъ сознавалъ, что нація, привыкшая къ большому и требуетъ большаго, и потому говорилъ: «То, что я даю, это много, и если бы я вышелъ изъ первой имперіи, всѣ бы это признали; но такъ какъ я наслѣдую парламентарнымъ правительствамъ, то до тѣхъ поръ, пока я не войду въ старую колею, всегда будутъ находить, что я даю слишкомъ мало; вы увидите, что это скажутъ.»

Письмо 19 января было объявлено, дѣло шло теперь только о приведеніи въ исполненіе предначертанныхъ реформъ. Исполненіе это возложено было на государственнаго министра, или вѣрнѣе было бы сказать перваго министра — Руэра, на котораго обрушивается весь гнѣвъ Эмиля Олливе. Изъ его книги вытекаетъ одно, что если кто-

нибудь виновать въ неполномъ осуществленіи реформъ и ихъ урѣзаніи, то только Руэръ. Тутъ опять оказывается недалковидность Оливье: онъ долженъ былъ бы понять, что такой человекъ, какъ Руэръ, есть только исполнитель чужой воли, который сегодня говоритъ и защищаетъ одно, завтра совершенно противоположное. Онъ накидывается на него и изображаетъ уже совсѣмъ другими красками, которыхъ не употреблялъ для портрета Морни или Наполеона. «У него нѣтъ ни обширности общихъ знаній, ни литературнаго вкуса, ни богатства воображенія», и чѣмъ дальше онъ разбираетъ его, тѣмъ больше находитъ въ немъ недостатковъ: «у него нѣтъ, говоритъ Оливье, той возвышенности, которая рождается изъ сильнаго убѣжденія». Это человекъ «рѣшительно неспособный возвыситься до принципа». Въ то время, когда Руэръ совѣщался съ Оливье, по приказанію Наполеона, относительно выполненія реформъ, Руэръ интриговалъ противъ Оливье и возбуждалъ противъ него большинство законодательнаго корпуса. Руэръ все болѣе и болѣе переходилъ на сторону реакціи, враждовалъ противъ Валевскаго, добился его удаленія. Оливье сознавалъ, передаетъ онъ самъ, что объявленные реформы въ рукахъ Руэра уродуются все больше и больше, что они не дадутъ того, что онъ надѣялся, но обратиться прямо къ Наполеону онъ не могъ, потому что Наполеонъ совершенно одобрялъ Руэра. Почва ускользала изъ-подъ ногъ Оливье, онъ чувствовалъ свое положеніе страннымъ, неопредѣленнымъ, онъ такъ недавно публично жалъ руки Руэру, а теперь принужденъ былъ такъ же явно возставать противъ него. Невзбѣжный результатъ политической слѣпоты! Онъ долженъ былъ принять враждебное положеніе къ Руэру, а слѣдовательно и къ его господину, онъ долженъ былъ снова искать убѣжища въ рядахъ оппозиціи. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ наконецъ бросилъ снова перчатку правительству, произнесъ такую фразу: «программа 19 января исполнена дурно во всѣхъ своихъ частяхъ»; съ этой минуты онъ сталъ удаляться отъ всѣхъ официальныхъ приглашеній. Оливье сознается, что положеніе второй имперіи значительно ухудшилось со времени реформъ 19 января, что она пошатнулась, и что всѣ данныя реформы направлены теперь къ разрушенію существующаго порядка. Но не реформа виновата, рѣшаетъ Оливье, а ихъ дурное выполненіе; онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не привести своего пророчества Наполеону наканунѣ 19 января: «не дѣлайте ничего, говорилъ онъ, или дѣлайте хорошо; если вы сдѣлаете дурно, реформы обратятся противъ васъ»; и затѣмъ онъ прибавляетъ: «правительство сдѣлало и сдѣлало дурно; оно дало всю свободу, которая могла быть полезна противъ него, и отказало въ той, которая могла быть полезна для него; оно уступило все, что было необходимо для разрушенія имперіи, и отказало во всемъ, что позволило бы честнымъ людямъ сгруппиро-

ваться около него и поддержать его». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Эмилю Оливье болѣе всего помогло «прозрѣть» то обстоятельство, что онъ, который такъ распинался для правительства, разорвалъ свои кровные узы съ оппозиціею, и такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что именно и былъ удаленъ отъ исполненія реформы 19 января. Сколько онъ ни отказывался отъ портфеля министерства народнаго просвѣщенія, трудно думать, что ему бы не улыбнулась роль Руэра. Собственно говоря, Оливье, ставъ разъ на скользкую дорогу, долженъ былъ бы даже добиваться этого поста, тогда можетъ быть успѣхъ веденныхъ подъ его вліяніемъ реформъ сколько-нибудь оправдалъ бы въ глазахъ тѣхъ, которые послали его въ законодательный корпусъ.

Что же, спрашиваетъ онъ послѣ всего этого, нужно сдѣлать, чтобы поправить положеніе, какія средства нужно употребить, чтобы спасти имперію отъ вѣрной гибели. Для этого, отвѣчаетъ Оливье, нужно прежде всего два средства: 1) независимость и отвѣтственность министровъ, т. е. возвращеніе къ парламентаризму, и во 2) полная свобода выборовъ. Однимъ словомъ, Эмиль Оливье приходитъ къ тому же, что и требуетъ оппозиція, въ лоно которой онъ снова возвратился. Еслибы оппозиція могла простить честолюбивому и не брезгающему задними ходами депутату, то она должна была бы заколотъ тельца для празднованія возвращенія блуднаго сына. Для имперіи нѣтъ другого выхода, утверждаетъ и Оливье, какъ сдѣлать выборы 1869 года такими же свободными, какими они были въ 1789 году; для нея нѣтъ другого средства выйти изъ затрудненія, которое скоро превратится въ безысходное. Въ странѣ, что теперь очевидно для всѣхъ, существуетъ небывалое волненіе, безпокойство, мнѣнія раздѣлены о самыхъ важныхъ предметахъ, одни требуютъ мира во что бы то ни стало, другіе жаждутъ войны, одни хотятъ, чтобы Франція отдала Италіи Римъ, другіе требуютъ, чтобы войска не выходили изъ Чивитавеккіи. Одни призываютъ полную, безграничную свободу, другіе опасаются ее. Единственно, что необходимо сдѣлать, это созвать народъ и сказать ему, говоритъ Эмиль Оливье: «Назначьте депутатовъ, которые сообщали бы мнѣ ваше мнѣніе о всѣхъ важныхъ вопросахъ; я сообщу вамъ черезъ министровъ мои личные виды, и тогда послѣ обсуждения ваша воля будетъ исполнена». Только подобная мѣра, по словамъ Оливье, можетъ вывести имперію изъ затруднительнаго положенія. «Я не смѣю сказать, говоритъ онъ, каковы будутъ послѣдствія системы насилія, къ которому приготавливаются прибѣгнуть въ ближайшихъ выборахъ. Послѣдняя надежда добровольнаго сближенія между свободой и имперіею исчезаетъ, и свобода тогда попробуетъ диктовать законы: если имперія уступить, она будетъ унижена; если она станетъ сопротивляться, тогда начнется война не на жизнь, а на смерть, и

исходъ ея не подверженъ сомнѣнію; потому что свобода бывала побѣждена только у народовъ, достигшихъ періода дряхлости». Таково послѣднее пророческое слово Эмиля Оливье, этого недавняго еще друга имперіи. Итакъ, выборы—вотъ общій лозунгъ, за который схватились обѣ партіи: партія имперіи и растущая съ каждымъ днемъ партія анти-имперіалистовъ. На выборы уповаютъ какъ тѣ, которые надѣются, что имперія получитъ на нихъ послѣдній ударъ, такъ и тѣ, которые мечтаютъ, что имперія выйдетъ изъ нихъ обновленною и помолодѣвшею. Всѣ спѣшатъ дѣлать свое *profession de foi*, всѣ приносятъ свои исповѣди, всѣ стараются выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, но, разумѣется, главнымъ образомъ тѣ, у которыхъ, какъ говорится: пушекъ на рыльцѣ. Къ безчисленнымъ брошюрамъ, вызваннымъ предстоящими выборами, къ книгѣ Эмиля Оливье присоединилось надняхъ еще одно произведеніе, вышедшее изъ—подъ прессовъ императорской типографіи и украшенное гербомъ имперіи: «*Les Progrès de la France sous le gouvernement impérial*». Произведеніе это, какъ увѣряютъ, принадлежитъ августѣйшему перу Наполеона, и представляетъ собою какъ бы обращеніе къ народу наканунѣ выборовъ, чтобы вотирова за официальнаго или независимаго кандидата, избиратели помнили, какой прогрессъ сдѣланъ Франціей во время существованія второй имперіи. Изъ всѣхъ правительственныхъ выборныхъ маневровъ, императорская брошюра, разумѣется, есть самый невзвѣнный и вмѣстѣ самый законный.

Время выборовъ всегда представляетъ собою много заботъ для правительства, и какъ теперь ими волнуется вся Франція, такъ недавно еще выборы же волновали всю Австрію. Новый сеймъ былъ созванъ въ Венгріи, первый послѣ того, что система дуализма укрѣпилась въ странѣ. Правительство съ трепетомъ ожидало, въ чью пользу высветится венгерская нація, въ пользу ли партіи Деака - Андраши, — венгерскихъ представителей этой системы, или въ пользу ихъ противниковъ, недовольныхъ этою системою и желающихъ только одного личнаго соединенія между Австріей и Венгріей, на подобіе Швеціи и Норвегіи. Въ старомъ сеймѣ громадное большинство стояло за Деака и Андраши; вопросъ шелъ объ удержаніи этого большинства. Первые результаты выборовъ въ новый сеймъ бросили смущеніе въ министерскій лагерь; значительные члены партіи дуализма потерпѣли сильное пораженіе, оппозиція торжествовала, но торжество ея было непродолжительно. Побѣда осталась за правительственною партією, представляемой въ сеймѣ 217 голосами противъ 151, принадлежащихъ лѣвой сторонѣ. Если партія Деака потеряла около 30 голосовъ, то это должно ей служить только предостереженіемъ на будущее время, чтобы она не шла далѣе тѣхъ уступокъ, которыя сдѣланы уже для соглашенія съ Австрією. Австрійское правительство не можетъ не ра-

доваться успѣху въ Венгріи, потому что неудача тамъ повергла бы аданіе Австро-Венгерской монархіи въ полное разстройство. То, что укрѣплено было съ такимъ трудомъ, снова бы распаталось, и тогда затронуть былъ бы вопросъ о существованіи имперіи. Полное соглашеніе съ Венгріею тѣмъ важнѣе для австрійскаго правительства, что въ эту минуту между нимъ и Галиціею снова возникаютъ затрудненія, которыя усиливаютъ только значеніе тѣхъ, которыя доставляетъ ей чешское населеніе Богеміи. Если съ одной стороны нельзя не желать, чтобы какъ тѣмъ, такъ и другимъ, были предоставлены возможныя вольности и болѣе широкая автономія, то съ другой стороны Австрія не можетъ не желать себѣ избавленія отъ лишннихъ препятствій, которыхъ и безъ того она находитъ слишкомъ много въ своей трудной задачѣ возрожденія страны при помощи политической и нравственной свободы. Нельзя не желать полного успѣха всякой странѣ и правительству, которое имѣетъ достаточно силы, чтобы отбросить традиціонный консерватизмъ, свои старыя реакціонныя стремленія и смѣло вступить на дорогу истиннаго, а не фальшиваго либерализма.

Если трудно было представить себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что Австрія сдѣлается одною изъ либеральныхъ странъ Европы, то еще труднѣе было бы предположить возможность тѣснаго сближенія между ею и ея вѣковымъ врагомъ—Италіею. Тѣмъ не менѣе это сближеніе, эта дружественность отношеній представляется теперь совершившимся фактомъ къ несомнѣнной выгодѣ обѣихъ странъ. Если Австрія нуждается въ мирѣ, чтобы довершить свое обновленіе, то не менѣе ея нуждается и Италія. Ей нужно еще нѣсколько лѣтъ полного спокойствія, чтобы финансы ея поправились и пришли въ нормальное положеніе, и чтобы бюджетъ ея достигъ желаннаго равновѣсія, которое министръ финансовъ Камбра-Диньи обѣщаетъ только къ 1875 году. Одно только могло бы принудить ее взяться за оружіе и рѣшиться на такую тяжелую жертву, какъ война—это надежда добыть себѣ наконецъ Римъ, который, безъ сомнѣнія, успокоитъ всѣ внутреннія волненія. Итальянское правительство понимаетъ, какъ нельзя лучше, что всѣ безпокойства, все недовольство, всѣ открываемые заговоры, стремленіе вызвать внутренній переворотъ, произвести революціи, всѣ эти попытки, безъ сомнѣнія, не имѣющія опаснаго свойства, главнымъ образомъ, коренятся въ непреодолимомъ желаніи, волѣ націи сдѣлать изъ Рима столицу Италіи. Правительство понимаетъ это и не отказывается отъ Рима, а напротивъ, дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы побудить Наполеона III вывести свои войска. Надо надѣяться, что Италія скоро будетъ удовлетворена въ этой необходимости обладанія Римомъ, и тогда всѣ заботы этой страны будутъ направлены къ одному, къ спокойному развитію, политическому, нравственному и матеріальному этой ожившей и счастливо переродившейся націи.

Италія воскресла болѣ сильная, чѣмъ она была когда-нибудь, а между тѣмъ сколько пророчествъ сыпалось на нее еще такъ недавно, и пророчествъ самыхъ мрачныхъ и не великодушныхъ. Сколько разъ ей предсказывали паденіе въ тѣ самыя минуты, когда она дѣлала сверхъестественныя усилія, чтобы воспрянуть и вдохнуть въ себя новую жизнь! Къ счастью, всѣ эти предсказанія остались одними предсказаніями. Будемъ надѣяться, что тоже случится и съ тѣми предсказаніями, которыя сыплются теперь на Испанію, и что эта страна сумѣетъ преодолѣть всѣ препятствія, всѣ трудности, и выпутается изъ той непроницаемой сѣти, въ которую она была втянута деспотизмомъ. Послѣдній мѣсяць прошелъ для Испаніи не безплодно. Проектъ конституціи оконченъ, и если онъ не настолько радикаленъ, насколько желала бы того возрастающая въ численности республиканская партія, то тѣмъ не менѣе введеніе его въ силу можетъ возбудить законную зависть не одной страны, которой еще недавно показалось бы обиднымъ сравненіе съ Испаніею. Одно изъ главныхъ затрудненій новый порядокъ встрѣчаетъ въ возстаніи испанской колоніи Кубы, возстаніи, которое все усиливается съ каждымъ днемъ и тѣмъ болѣе опасно, что грозитъ привести къ столкновенію между Испаніею и Соединенными Штатами, которые не безъ удовольствія смотрятъ на стремленіе Кубы къ независимости. Но задача Испаніи особенно тяжела потому, что новое правительство осуждено было унаслѣдовать страну, доведенную до крайняго изнеможенія деспотизмомъ Бурбоновъ.

МАНЕВРЪ ПРОТИВНИКОВЪ

НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.

Въ мартовской книгѣ «Русскаго Вѣстника» мы прочли статью подъ заглавіемъ: «Тактика противниковъ нашей (!) школьной реформы»; а мы въ это время только-что собирались сами приступить къ описанію маневра противниковъ нашей школьной реформы. Les beaux esprits se rencontrent — подумаетъ иной; но въ настоящемъ случаѣ оказалось, что «Русскій Вѣстникъ» и «Вѣстникъ Европы» говорятъ о совершенно различныхъ предметахъ, и что даже новая статья московскаго журнала принадлежитъ сама къ числу, если не искуснѣйшихъ, то во всякомъ случаѣ самыхъ безцеремонныхъ маневровъ противниковъ нашей школьной реформы. «Русскій Вѣстникъ» и его почтенная редак-

ція дошла нынѣ до послѣднихъ предѣловъ самообожанія, и подѣ словами «нашей школьной реформы» разумѣть не что иное, какъ реформу своего собственнаго издѣлія, подробности которой, какъ мы увидимъ ниже, будутъ публикованы надняхъ; а «Вѣстникъ Европы» подѣ этими же словами разумѣть то, что и слѣдуетъ разумѣть въ настоящемъ случаѣ, а именно послѣднюю школьную реформу 1864 года у насъ, т. е. въ Россіи, и имѣть въ виду говорить о противникахъ ея, къ числу которыхъ принадлежитъ въ прессѣ редація «Московскихъ Вѣдомостей», старавшаяся всѣми мѣрами внушать мысль о необходимости затормозить послѣднюю школьную реформу. Дѣйствительно, послѣдняя наша (т. е. русская) школьная реформа и созданные ею уставы университетовъ, гимназій и народныхъ училищъ, хотя и не отмѣнены до сихъ поръ въ цѣлости, но нельзя также сказать, чтобы они развивались въ одномъ и томъ же духѣ, чтобы они не имѣли своихъ противниковъ, какъ имѣютъ таковыхъ другія реформы, крестьянская, судебная и т. д. Но «Русскій Вѣстникъ» заговорилъ о противникахъ не этой школьной реформы; его редація сама принадлежитъ къ числу такихъ противниковъ, и давно уже принимаетъ себя за министерство народнаго просвѣщенія, основываетъ теперь свою гимназію-университетъ, и говоритъ свое—Quos ego! противникамъ своей школьной реформы, продолжая въ тоже время сама попрежнему противиться школьной реформѣ нынѣшняго царствованія.

Въ чемъ же состоитъ новый маневръ этихъ противниковъ? «Московскія Вѣдомости» искусственно раздѣлились нынѣшній разъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», и «Русскій Вѣстникъ» въ мартовской книгѣ обязательно цитуетъ «Московскія Вѣдомости», какъ чуждое ему вѣдомство, указываетъ на заслугу почтенной газеты, «разоблачившей — будто бы — продѣлку, къ которой прибѣгъ *Вѣстникъ Европы* по поводу статьи англійскаго писателя Фуулера», и обращаясь съ похвалою «Московскимъ Вѣдомостямъ», признаетъ ихъ клеветы — «дѣломъ полезнымъ». Затѣмъ «Русскій Вѣстникъ» повально обвиняетъ всю петербургскую журналистику, при чемъ слѣдуетъ градъ словъ: «поддѣлка», «вымыселъ», «подлоги», «продѣлки», «элокубраціи» и т. п. Но въ результатѣ всей статьи оказывается, что редація «Русскаго Вѣстника» искала себѣ одного школьническаго удовольствія обозвать редактора «Вѣстника Европы» именованиями, заимствованными въ романахъ Диккенса и въ драмахъ Эмиля Ожье. Нѣтъ особенной трудности и намъ приписать, даже въ отечественной литературѣ, прототипы редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника»: ихъ умѣнье скупать дешево и продавать дорого мертвыя души избавило бы насъ отъ дальнѣйшихъ поисковъ въ литературѣ за сравненіями; но мы вообще не желаемъ вступать въ перебранку; для насъ достаточно того, что Зевсъ бранится — слѣдовательно, онъ не правъ; одинъ изъ редакторовъ «Мо-

сковскихъ Вѣдомостей», приступая къ редакціи, не даромъ изучалъ предварительно натуру Зевса, и знакомъ съ этою истиною.

Обратимся лучше къ тому, что «Русскій Вѣстникъ» въ послѣдней своей статьѣ называетъ нашей «тактикой». По его мнѣнію, это — тактика того Диккенсова героя, который «велъ дѣятельную корреспонденцію со всѣми знаменитостями Англіи, самъ сочиняя къ себѣ отъ нихъ письма, въ которыхъ заставлялъ ихъ говорить, разумѣется, лишь то, что было пріятно и лестно самому ему». «Точно также—восхищается редакція—и редакторъ *Вѣстника Европы!*» Читатель, по общей логикѣ, заключаетъ, что редакторъ «Вѣстника Европы» просто-на-просто сочинилъ себѣ письма отъ различныхъ знаменитостей и заставилъ ихъ опровергать классическую систему образованія. Но это только одинъ маневръ «Русскаго Вѣстника»: онъ не утверждаетъ собственно, что у насъ пишутся письма къ самимъ себѣ, а полагаетъ, что произведенія знаменитыхъ писателей, адресованныя вовсе не къ намъ, подвергались у насъ «особому процессу», вслѣдствіе котораго эти писатели являются будто бы противниками классицизма. Читатель увидитъ сейчасъ, кто изъ насъ совершаетъ такіе «особые процессы»? Мы ссылались между прочимъ на Маколея. «Русскій Вѣстникъ» самъ перепечатываетъ изъ него отрывокъ, который, несмотря на всю свою отрывочность, доказываетъ однако то, что мы не сочиняли письма Маколея къ самимъ себѣ, потому что это была опубликованная рѣчь знаменитаго историка, и привели ее, какъ одно изъ доказательствъ, что увѣренія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», будто бы въ западной Европѣ классическая система—единственная общеобразовательная, есть не больше, какъ приуготовительный маневръ будущихъ основателей классическаго лицея. У «Русскаго Вѣстника» не хватило нынѣшній разъ дерзости, какъ онъ часто это дѣлаетъ, объявить рѣчь Маколея нашимъ подлогомъ, но за то онъ съ неслыханною безцеремонностью объясняетъ, что въ той рѣчи слова Маколея поражаютъ странностью; но это собственно не странно, говорить «Русскій Вѣстникъ», «со стороны англичанина, со стороны человѣка, который былъ призванъ воздать хвалу, въ торжественномъ собраніи, національной англійской литературѣ»; что «увлеченіе и парадоксы здѣсь какъ нельзя болѣе извинительны»; что только «въ пылу своего краснорѣчія, англичанинъ могъ утверждать, что ни одна эпическая поэма не выдержитъ сравненія съ «Потеряннымъ Раемъ», и что цѣлые томы древнихъ философовъ не стоятъ одной страницы Бэкона». Однимъ словомъ, недостаетъ одного намека, что-молъ, хотя Маколей дѣйствительно дерзко выражается о значеніи классицизма, но человѣкъ говорилъ послѣ обѣда, и конечно, сказалъ лишнее. Что это такое: шутка-ли «Русскаго Вѣстника», или примѣръ его литературнаго моншерства, съ которымъ онъ позволяетъ себѣ морочить читателей? Можно-ли полемизировать съ

людьми, которые въ крайнемъ случаѣ рѣшаются отдѣливаться фразами: «это — увлеченіе, парадоксъ, пылъ краснорѣчія со стороны Маколея» и т. п. Не вѣрнѣе ли предположить, что со стороны редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» есть расчетъ, отдаленная комбинація и т. п., что заставляетъ ихъ поддерживать классическую систему воспитанія, какъ единственную? Вѣрно одно, что редакторъ «Вѣстника Европы», на которомъ сосредоточивается все нападеніе, не основывалъ никакого реальнаго лица, для котораго онъ поддерживалъ бы реальныя гимназіи, а редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» кончили свои походы устройствомъ классическаго лица. Мы слышали, надняхъ будетъ утверждена министромъ народнаго просвѣщенія программа этого пансіона; тогда мы поговоримъ о немъ подробнѣе, а теперь замѣтимъ мимоходомъ: этотъ пансіонъ, основанный гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, по подробностямъ, уже извѣстнымъ намъ, послужитъ новымъ и весьма осязательнымъ доказательствомъ, при какихъ условіяхъ въ наше время классическая система можетъ служить общеобразовательнымъ орудіемъ. Чтобы осуществить свою идею, основателямъ нужно было обезпечить будущій успѣхъ мѣрами, которыя почерпаютъ свою силу не изъ духа классической системы: основатели этого пансіона, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать самой высокой чести, которой удостоился Царскосельскій лицей, послѣ многихъ лѣтъ своего существованія, а именно носить названіе Лицея Цесаревича Николая Александровича, и сверхъ того, состоять подъ особымъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича; кромѣ того, они домогаются освобожденія отъ квартирной повинности, а также отъ пошлинъ и сборовъ разнаго рода, отъ употребленія гербовой и крѣпостной бумаги; а плата за пансіонеровъ этого Лицея доходитъ до 915 руб. въ годъ!! Если необходимы такіе расходы, съ одной стороны, а съ другой — если только въ пансіонѣ г. Каткова можно получить солидное образованіе, то спрашивается: сколько лицъ въ Россіи будутъ въ состояніи воспользоваться благодѣянiami подобнаго рода по-истинѣ классическаго образованія? Но подождемъ утвержденія самаго устава пансіона, чтобы познакомиться ближе съ цѣлями его основателей. До сихъ поръ онъ представляется намъ финаломъ, къ которому вели всѣ панегрики двухъ редакцій классической системъ образованія, и всѣ ихъ маневры относительно противниковъ такъ-называемой «нашей школьной реформы», т. е. школьной реформы «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ горячемъ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и нынѣшній разъ «Русскій Вѣстникъ» разбираетъ названную имъ «тактику «Вѣстника Европы», какъ мы видѣли, самымъ произвольнымъ образомъ. Отдѣлившись отъ Маколея, какъ объяснено нами выше, онъ также комменти-

руеть нашу ссылку на мнѣнія Грановскаго и защищаетъ отъ нашихъ quasi-искаженій Ренана. Но почему онъ умалчиваетъ о другихъ статьяхъ «Вѣстника Европы»? они ему показались неудобными, и онъ обошелъ ихъ молчаніемъ. Такъ, «Русскій Вѣстникъ» не упомянулъ о статьѣ: «Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени» («Вѣстн. Евр.» 1867, т. III), гдѣ изложены мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Тиндалль, Генфри, Гэкли, Фарэдей и др. Статья Е. С. Гордѣнко: «Наши гимназій и ихъ двойной классицизмъ», помѣщенная нами въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года и выражающая дѣйствительныя нужды нашего общественнаго образованія—также не оказалась удобною для редакціи «Русскаго Вѣстника». Эта редакція предпочитаетъ тѣшиться дешовымъ остроуміемъ на тему, заимствованную у Диккенса и Ожье (классикамъ слѣдовало бы обратиться къ Аристофану и Плату), утверждая, что мы, подобно клерикалу въ драмахъ Ожье, желаемъ, чтобы какой-нибудь протестантъ согласился произнести рѣчь, написанную нами въ защиту папы. «Вѣстникъ Европы» смѣло шествуетъ по стопамъ этого господина—восклицаютъ редакторы «Московскихъ Вѣдомостей», перебѣжавъ въ «Русскій Вѣстникъ», и тѣмъ увѣличиваютъ описаніе нашей «тактики». Во всѣхъ этихъ маневрахъ можно похвалить ловкость клоуновъ, и «Русскій Вѣстникъ», скажемъ и мы, смѣло шествуетъ по стопамъ артистовъ этого рода, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что московскіе литературные клоуны ищутъ далеко не одной потѣхи публики, и по отношенію себя, стараются держаться правила: *utile dulci!* А.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ РОССІИ.

По поводу «Записокъ объ Училищѣ Правовѣднія».

Если самое образованіе, общее и спеціальное, не дѣлаетъ у насъ желаемыхъ успѣховъ, то нельзя сказать того-же о трактатахъ, разсужденіяхъ и матеріалахъ для исторіи нашего просвѣщенія. Въ нихъ недостатка нѣтъ, и къ прежнимъ даннымъ надняхъ присоединилась книга, длинное заглавіе которой помѣщаемъ въ выносѣ¹⁾.

¹⁾ *Общественное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Записки объ Училищѣ Правовѣднія съ критическими на нихъ замѣчаніями и съ объясненіями ими вызванными.*

Состоя изъ нѣсколькихъ разнокалиберныхъ частей, эта книга не лишена нѣкотораго интереса. Авторъ — самъ правовѣдъ и написалъ еще въ 1862 г. свои записки съ весьма благонамѣренною цѣлю способствовать преобразованію Училища Правовѣднія. Онѣ заключаютъ поэтому довольно обстоятельное указаніе, какимъ образомъ этотъ разсадникъ молодыхъ юристовъ постепенно заросъ всякими сорными травами, и какъ слѣдуетъ приступить къ его очищенію. Конечно, по той привязанности къ мѣсту своего воспитанія, которая свойственна всѣмъ порядочнымъ людямъ, авторъ еще въ 1862 году далеко былъ отъ мысли, чтобы Училище Правовѣднія, сослужившее во время оно свою службу, должно было отойти въ вѣчность. Между тѣмъ мнѣніе о необходимости слить Училище Правовѣднія съ университетомъ или, что тоже, упразднить Училище, давно уже существуетъ у нѣкоторыхъ правовѣдовъ, привязанность которыхъ къ мѣсту ихъ воспитанія также мало можно заподозрить, какъ нельзя заподозрить въ недостатѣ этой привязанности и тѣхъ лиценстовъ, которыми сдѣлано было въ комитетѣ для празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея Александр. лицея предложеніе: «лицей, какъ выполнившій свое назначеніе и отжившій свое время, закрыть». На это директоръ лицея замѣтилъ, «что доводы для упраздненія славнаго лицея хотя можетъ быть и основательны, но самоотверженіе не должно доходить до самоубійства». Это изрѣченіе г. директора о самоубійствѣ кажется намъ весьма краснорѣчивымъ.

Взявшись снова за свой старый трудъ, авторъ пришелъ теперь къ убѣжденію въ совершенной бесполезности Училища Правовѣднія (с. XXXV). Но тогда казалось бы нечего распространяться о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя необходимо сдѣлать въ гимназическомъ курсѣ Училища, такъ какъ этотъ курсъ составляетъ большое мѣсто всякаго высшаго закрытаго заведенія, и съ отдѣленія этого курса отъ спеціальнаго и началась, какъ извѣстно, въ свое время, реформа учебныхъ заведеній вѣдомства военнаго, морского и путей сообщения. Между тѣмъ улучшенію этого гимназическаго курса Училища посвящена вся первая глава записокъ (с. 14 — 40). И вообще послѣ передовой статьи, въ которой авторъ говоритъ о необходимости образовать изъ нынѣшняго училища Юридическую Академію, т. е. покончить съ Училищемъ, какъ съ закрытымъ и привилегированнымъ заведеніемъ, странно встрѣчаться въ запискахъ съ разными предположеніями о преобразованіи учебной части Училища, на основаніи нынѣшней его организаціи. Все это по меньшей мѣрѣ крайне нелогично, и авторъ напрасно напечаталъ: или свою передовую статью, въ которой онъ доказываетъ совершенную бесполезность Училища въ нынѣшнемъ его видѣ, или свои записки

Съ передовою (вмѣсто введенія) статьей о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и объ Училищѣ Правовѣднія и правовѣдской корпораціи въ особенности. П. У. Слб. 1869.

1862 г., въ которыхъ вопросъ шель главнымъ образомъ только объ улучшеніи педагогической части въ училищѣ и болѣе или менѣе частныхъ преобразованіяхъ его. Положимъ однако, что эти записки автору хотѣлось сохранить потому, что изъ нихъ можно познакомиться со всѣми сторонами *statu quo* училища, какъ о томъ сказано въ предисловіи. Но въ такомъ случаѣ самое это предисловіе не только не устраняетъ противорѣчія изъ постановки вопроса, но еще усугубляетъ это противорѣчіе, потому что въ этомъ предисловіи, помѣченномъ 1869 годомъ и писанномъ послѣ передовой статьи (1868 г.), авторъ, стараясь указать на связь отдѣльныхъ частей своего труда, нисколько не отказывается отъ той организаціи училища, которую онъ предполагалъ въ своихъ запискахъ 1862 г. и которую признавалъ потомъ несостоятельною въ передовой статьѣ 1868 г. Увы! поколѣніе, выросшее на логикѣ, преподанной духовными отцами, или вовсе безъ логики, не всегда послѣдовательно въ своихъ заключеніяхъ. А логика вещь не лишняя, даже при полнѣйшей нравственной и политической благонамѣренности, въ которой мы, разумѣется, не имѣемъ никакого права отказывать автору. Мы, во всякомъ случаѣ, не заподозримъ этой благонамѣренности, на томъ только основаніи, что, говоря между прочимъ о лицейстахъ и правовѣдахъ, занявшихъ болѣе видныя мѣста на государственной службѣ, авторъ не иначе выражается о нихъ, какъ въ превосходной степени, именно о *достоинѣйшихъ* министрахъ (с. XXVI), о *честнѣйшихъ* государственныхъ дѣятеляхъ нашихъ (XXVIII) и т. д., о Корнеліѣ же Непотѣ говорить, какъ о *скучнѣйшемъ*, а объ Иліадѣ Гомера, какъ о *высокопарнѣйшей* (с. XI). Мы потому не придадимъ этой превосходной степени особаго значенія, что авторъ очевидно дѣлаетъ различіе между мѣстомъ и чиномъ только, и убѣжденъ, что послѣдній можетъ приобрѣтаться иногда и случайно. Это видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго, отзывающагося какъ будто гражданскимъ чувствомъ, восклицанія: «и мало ли не только полковниковъ и ст. совѣтниковъ, но и тайныхъ совѣтниковъ, которые достигали этого чина лишь въ силу обстоятельствъ, а не истинныхъ заслугъ; да много ли въ числѣ самыхъ 75 дѣйств. ст. совѣтниковъ, вышедшихъ изъ одного Училища правовѣдѣнія, истинно достойныхъ служителей отечеству»... (с. XXXVIII). Но что касается мѣстъ, то авторъ твердо убѣжденъ, что они въ наше время, когда восторжествовалъ наконецъ принципъ личныхъ способностей, раздаются только достойнѣйшимъ. Такъ, мы теперь уже не удивляемся, «что образованный и работающій коллежскій регистраторъ или способный и достойный административный чиновникъ опредѣляется членомъ и даже предсѣдателемъ окружнаго суда; что джентльменъ, хотя и съ образованіемъ юнкерской гвардейской школы, но съ опытностью по судебной части, удостоивается должности прокурора окружнаго суда, что доказавшій способности свои на дѣлѣ коллежскій совѣтникъ (также

не изъ правовѣдovъ) — послѣ десятилѣтней службы повышается въ прокуроры судебной палаты. Случается у насъ также видѣть, что отличившійся ст. совѣтникъ изъ правовѣдovъ, состоя въ семь чинѣ всего около двухъ лѣтъ, достигаетъ *внезапно* высшаго судейскаго положенія, званія сенатора и пр.» (XXV). Этотъ принципъ личныхъ способностей, какъ его окрестилъ авторъ, творить истинныя чудеса. Остается только дивиться, хотя авторъ, кажется, и противоположнаго мнѣнія, полагая, должно быть, что мы уже потеряли способность чему бы то ни было удивляться.

По основной своей мысли и по первоначальному своему учрежденію, Училище правовѣдѣнія не есть оригинальное созданіе. Оно представляетъ собою снимокъ съ александровскаго лица, энциклопедической курсъ котораго замѣненъ для Училища специально-юридическимъ. Эта замѣна съ самаго начала, конечно, должна была навести на соображеніе такого рода. Изъ мальчика девяти, десяти лѣтъ, поступающаго въ лицей, слѣдовало выростить молодого человѣка съ общимъ порядочнымъ образованіемъ и обладающимъ знаніемъ законовъ и учреждений лишь настолько, чтобы найтись въ любой отрасли службы, въ которую бы обстоятельства его бросили. Очевидно, что такая далеко не специальная задача выполнима по отношенію къ большей части юношества. Если у кого есть особое призваніе, особое стремленіе, то лицей, если не будетъ много содѣйствовать развитію его, ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ ему. А на почвѣ сколько-нибудь сноснаго общаго образованія специальность уже впоследствии, по выходѣ изъ лицея, въ состояніи будетъ привиться, такъ какъ это будетъ во всякомъ случаѣ специальность свободно избранная, а не навязанная. Иная, гораздо труднѣйшая задача выпала съ самаго начала на долю Училища правовѣдѣнія. Изъ мальчика, природныя силы и наклонности котораго ни въ чемъ еще не проявились, слѣдуетъ приготовить будущаго законника, будущаго юриста, т. е. чловѣка, обреченнаго на одну изъ самыхъ трудныхъ специальностей, на специальность, которая въ особенности въ началѣ представляется отвлеченной, формальной, безжизненной, и которая своими категоріями, въ какія втискиваются обезцвѣченныя житейскія отношенія, сушитъ мозгъ. Когда-то еще при помощи философіи, исторіи, общественной экономіи откроется для юриста глубокой смыслъ и интересъ тѣхъ законовъ, которые онъ изучаетъ, а между тѣмъ голову все продолжаютъ начинать и начинать всѣми предестями и столь удобоваримыми предметами положительнаго законодательства. Оно предстаетъ для начинающаго русскаго юриста въ видѣ экстрактовъ изъ различныхъ частей свода. Но какъ эти экстракты ни засушены, въ нихъ все-таки есть какое-нибудь содержаніе. А куда дѣваться отъ бездарныхъ риторovъ и фразеровъ, мертвящихъ съ каедръ чисто теоретическія или историческія отрасли законовѣдѣнія! Въ университетѣ, если этотъ фразеръ надо-

ѣсть, можно не пойти на лекцію, а здѣсь въ училищѣ сиди и сиди предъ кафедрой!

Это не римскій форумъ, рассказывая по которому стязавшій извѣстность юристъ даетъ консультацию, объясняя своимъ ученикамъ классическое право, какъ живое произведеніе народной жизни и народнаго сознанія! Тамъ могла народиться эта молодежь, жадно внимавшая великимъ началамъ права и законодательства, — *juventus cupida legum*, — о которой упоминаютъ римскіе источники. Въ иной обстановкѣ и съ инымъ содержаниемъ является и притомъ даже еще не юношамъ, а дѣтямъ — отрокамъ, русское законоискусство, какъ оно существовало до судебной реформы. Требовать, чтобы всѣ эти отроки, отданные родными въ это училище все-таки по видамъ карьеры и 9-го класса, непременно почувствовали въ себѣ способность, призваніе, сдѣлаться съ четырнадцати, съ пятнадцати лѣтъ, при весьма посредственномъ, сокращенномъ общеобразовательномъ курсѣ, жрецами этого законоискусства — очевидная нелѣпость. Лучшіе, наиболѣе талантливые и рабочіе воспитанники не только выдержатъ этотъ испусъ, но и выйдутъ изъ него съ успѣхомъ, хотя можетъ быть наука и потеряетъ въ нихъ хорошихъ филологовъ, историковъ, натуралистовъ, медиковъ. А остальные? — Остальные получаютъ не воспитаніе и образованіе, а дрессировку, будутъ бессмысленно зубрить записки къ экзаменамъ, выйдутъ тѣмъ не менѣе съ 9 или на худой конецъ съ 10 классомъ изъ Училища, и вѣроятно будутъ пользоваться меньшимъ успѣхомъ на службѣ. А это все, что въ нашемъ обществѣ требуется доказать.

Такимъ образомъ, задача лицей и Училища правовѣдѣнія были съ самаго начала различны, и задача училища во всякомъ случаѣ труднѣе, неблагодарнѣе. И если бы г. П. У. нѣсколько глубже вникъ въ свой предметъ, то онъ, конечно, не могъ бы не остановиться на этомъ различіи двухъ по наружности, по правамъ и по устройству столь сходныхъ между собою заведеній. Между тѣмъ это различіе, на которое мы старались указать, кажется намъ столь существеннымъ, что никакъ нельзя вполне приравнивать эти заведенія, какъ это дѣлаетъ постоянно авторъ. Лицей кажется намъ, по самой своей задачѣ, въ нѣсколько болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Училище, въ основаніе котораго положено неуваженіе къ свободному развитію духовныхъ силъ человѣка и къ избранію имъ себѣ занятій и дѣла въ жизни по вунтреннему призванію.

Если же и въ лицей, сколько извѣстно, все чаще и явственнѣе стали обнаруживаться симптомы упадка стараго, добраго лицейскаго духа, то это только показываетъ, что пора высшихъ казенныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, несмотря ни на какое доктринерство, безслѣдно должна пройти у насъ. Во всякомъ случаѣ, если взять въ расчетъ трудность задачи Училища правовѣдѣнія, то нельзя не удивляться и

тому, что оно успѣло сдѣлать. Что же оно однако сдѣлало? — Основанное въ 1835 г., Училище правовѣдѣнія выпустило съ тѣхъ поръ въ свѣтъ всего 740 молодыхъ людей. Что въ числѣ ихъ есть не одинъ десятокъ людей, которые принесли пользу и которымъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ, нельзя отказать ни въ искреннемъ уваженіи, ни въ сочувствіи, это само собой разумѣется. Но авторъ ставитъ общій вопросъ о плодахъ, принесенныхъ Училищемъ. Какое посадимъ мы дерево, такіе и плоды получимъ. Училище учреждено было съ цѣлію выпускать болѣе или менѣе благовоспитанныхъ юстицъ-чиновниковъ, оно и выпускало ихъ. Оно должно было привлечь къ судебной службѣ дѣтей потомственного дворянства и пятикласснаго чиновничества, оно и привлекало ихъ туда. При этомъ могъ быть и тотъ политическій расчетъ, о которомъ говоритъ мимоходомъ авторъ, именно, чтобы «рѣшительной мѣрой ослабить виды *плебейскаго* университетскаго элемента въ личномъ составѣ въ низшей юстиціи и въ особенности какъ можно выше поставить образованнаго молодого благороднаго юстицъ-чиновника среди подъяческой грязи сенатской канцеляріи и губернскихъ учреждений»... (с. XV). Въ облагороженіи судебной службы и состояла главная заслуга Училища въ сороковыхъ годахъ. Это облагороженіе, разумѣется, всего болѣе сказывалось на сенатской канцеляріи, въ которой преимущественно сосредоточивались бывшіе воспитанники Училища, и всего менѣе или по крайней мѣрѣ медленно могло отразиться на мѣстныхъ губернскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ по ограниченному числу молодыхъ людей, которыхъ ежегодно выпускало Училище, такъ и вслѣдствіе замѣщенія въ этихъ старыхъ учрежденіяхъ мѣстъ по сословно-выборному началу. Что при такомъ облагороженіи службы, бывшіе воспитанники одного и того же заведенія, встрѣчавшіеся постоянно на одномъ и томъ же служебномъ поприщѣ, таяли преимущественно своихъ, образуя тѣсно сплоченную цѣпь, или такъ называемую правовѣдскую корпорацію, — это явленіе было совершенно неизбѣжнымъ. Этотъ крупный фактъ русской судебной службы долженъ допустить и авторъ тѣхъ замѣчаній на записки г. П. У., въ которыхъ высказывается много справедливыхъ мыслей о характерѣ нашего общественнаго образованія вообще и съ большею частію которыхъ нельзя не согласиться. Онъ замѣчаетъ, что «въ быстротѣ служебнаго возвышенія есть до сихъ поръ отличіе, и правовѣды по министерству юстиціи пользуются привилегіей, правда, не по закону» (с. 108).

Ежегодный училищный выпускъ среднимъ числомъ отъ 25—30 человекъ. Въ средѣ ихъ всегда найдется человѣка три, четыре способныхъ и, не смотря на всѣ училищныя препятствія, хорошо развившихся юношей, которые непременно всплывутъ впоследствии въ жизни и окажутся полезными дѣятелями. Процентъ этотъ относительно не малый, — вся же остальная масса выпуска, по среднему уровню сво-

его развитія и образованія, стоитъ обыкновенно ниже дѣйствительныхъ студентовъ университета. Изъ этого числа воспитанниковъ добрая треть, иногда половина, рѣдко больше половины выпускается съ 9 классомъ, остальная съ 10, и наконецъ два-три послѣднихъ воспитанника, или неспособныхъ или уже совершенно лѣнивыхъ, съ 12-мъ классомъ. Во что же, спрашивается, обходятся государству эти воспитанники? Авторъ дѣлаетъ слѣдующій расчетъ: «на нынѣшній (1868) годъ Училищу отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства 82 т. руб. на 255 воспитанниковъ и такимъ образомъ, не считая 73 слѣшкомъ тысячъ, поступившихъ за воспитанниковъ не казенно-коштныхъ (по 450 рубл. въ годъ за воспитанника), каждый выпускной правовѣдъ училища обходится казнѣ болѣе чѣмъ 3,000 р. (с. XVIII).» Цифра эта, конечно, не малая, но мы думаемъ, что съ финансовой, экономической стороны всего менѣе можно нападать на училищное устройство, если именно взять въ расчетъ стоимость нашихъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній по другимъ вѣдомствамъ, въ особенности по военному, въ которомъ, напр. воспитанникъ пажескаго корпуса, вѣроятно, не дешевле обойдется казнѣ. Къ тому же расходы на учебное заведеніе, какъ бы многое оно ни оставляло желать, все-таки производительнѣе весьма многихъ другихъ статей государственнаго бюджета. Къ несравненно болѣе любопытнымъ выводамъ пришелъ бы авторъ, еслибы онъ обратилъ вниманіе на распредѣленіе собственнаго бюджета Училища, именно, какая ничтожная доля всѣхъ средствъ Училища идетъ собственно на юридическое образованіе, т. е. на то, ради чего училище устроено, и какія суммы уходятъ,—и должны уходить въ закрытомъ заведеніи,—на содержаніе воспитательной, хозяйственной, административной и всякихъ другихъ частей.

Внутренняя исторія такого заведенія, какъ Училище правовѣднія, не можетъ быть очень богата событіями. Въ немъ, какъ только оно сложилось въ опредѣленный типъ, все пошло и должно идти «по старому». Все сводится къ замѣнѣ одного инспектора другимъ, къ назначенію одного воспитателя на мѣсто другого. Система остается таже. Даже привлеченіе новаго профессора на открывшуюся каѳедру можетъ только въ извѣстной степени поднять или понизить преподаваніе даннаго предмета, но *à la longue* даже наиболѣе добросовѣстный преподаватель, который будетъ прилагать къ своимъ лекціямъ въ Училищѣ постоянно столько же труда, сколько онъ прилагаетъ и въ университетѣ, втягивается въ глухой, замѣнутой атмосферѣ этихъ школьныхъ, маленькихъ, довольно сонныхъ аудиторій, въ господствующую рутину. Эта рутинѣ обусловливается и плохимъ состояніемъ общеобразовательнаго курса, съ которымъ слушатели перешли въ специальный, и обязательными программами, и репетиціями, и до невѣроятности сокращеннымъ—вслѣдствіе преждевременныхъ и крайне растяну-

тыхъ по времени экзаменовъ — академическимъ годомъ, и наконецъ, всѣми тѣми формальными отношеніями, въ которыя преподаватель поставленъ дѣльнымъ строемъ училища къ воспитанникамъ, выдающимъ въ сколько-нибудь строгомъ экзаменаторѣ человѣка, портящаго имъ начало ихъ служебной карьеры. Впрочемъ, при всей бѣдности событіями внутренней исторіи училища, авторъ указываетъ на «періодъ преобладанія въ училищѣ духовно-свѣтской власти протоіерея М. И. Богословскаго, подвизавшагося въ училищѣ слишкомъ 25-ть лѣтъ. Власть эта, особенно заявлявшая себя при прежнихъ мирныхъ директорахъ училища, Пошманѣ и князѣ Голицынѣ, должна была уступить (однако уступила, сколько извѣстно, не безъ долгой борьбы) нѣсколько позднѣйшей военной силѣ въ лицѣ генераль-маіора А. П. Языкова, назначеннаго директоромъ училища въ 1848 году.» (Стр. V.)

Казенныя закрытыя учебныя заведенія, готовящія къ одному какому-нибудь опредѣленному роду службы, хотя и существуютъ у насъ (и вѣроятно потому, что существуютъ давно, будутъ существовать еще дольше, какъ бы ни доказана была ихъ бесполезность), но не имѣютъ многихъ защитниковъ. Исключительные же защитники такихъ заведеній напрасно стали бы ссылаться на примѣръ Англій. Между Итономъ или Рѣгби и Училищемъ правовѣднія нѣтъ и тѣни какого-нибудь сходства. Названныя англійскія учебныя заведенія, въ которыя поступаютъ юноши изъ первоначальныхъ приготовительныхъ школъ и которыя доступны для однихъ богачей,—потому что содержаніе въ нихъ воспитанника обходится родителямъ, на наши деньги, отъ 1,500 до 1,800 руб. въ годъ,—даютъ не специальное, а хорошее общее образованіе, не суть казенныя заведенія и готовятъ молодыхъ людей не въ чиновники. Притомъ далеко не всѣ воспитанники этихъ школъ заканчиваютъ въ нихъ свое образованіе; напротивъ, многіе поступаютъ изъ нихъ еще въ университетъ. Хороши или дурны университетскія коллегіи Оксфорда и Кембриджа, въ которыхъ живутъ студенты, это другой вопросъ, но въ какомъ бы смыслѣ этотъ вопросъ ни разрѣшался; изъ разрѣшенія его нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ въ пользу нашихъ закрытыхъ заведеній. Защитники такихъ заведеній забываютъ, что для сколько-нибудь порядочнаго состоянія ихъ требуется такой персоналъ преданныхъ дѣлу своему педагоговъ, директоровъ и инспекторовъ, на который всего менѣе можетъ разсчитывать казенная организація, имѣющая свойство обращать эти должности въ высшихъ закрытыхъ специальныхъ заведеніяхъ — въ sinecуры. Какъ ни мало удовлетворительно въ настоящее время внутреннее состояніе нашихъ университетовъ, но мы думаемъ, что университетское образованіе все-таки единственное у насъ, которое пустило корни въ нашу почву, имѣетъ будущность и упраздняетъ по крайней мѣрѣ необходимость особо существующихъ специально-юридическихъ заведеній по гражд-

дансому вѣдомству. Къ тому же, если и въ прежнее время несправедливо было толковать о какомъ-то плебейскомъ элементѣ нашихъ университетовъ, то еще болѣе несправедливо это въ настоящее время, когда въ университетѣ замѣтно устремляется не только то, что посредствомъ ученія ищетъ куска хлѣба—и на этотъ классъ не слѣдовало бы очень свысока смотрѣть — но все, что есть въ странѣ лучшаго и по положенію своему независимаго. Въ служиломъ же классѣ у насъ никогда, конечно, не будетъ недостатка въ родителяхъ, которые охотно будутъ сбывать дѣтей своихъ въ казенное учебное заведеніе, гарантирующее за извѣстную плату или даже даромъ, вѣрную карьеру. Это такъ нехлопотливо... Но если въ частныхъ жалобахъ, которыя раздаются у насъ на недостатокъ людей, есть хотя какая-нибудь доля искренности, то жалобы эти не могутъ имѣть другого смысла, какъ того, что въ числѣ лицъ, пріобрѣвшихъ формальныя служебныя права, очень мало дѣйствительно хорошо подготовленныхъ людей, т. е. людей, имѣющихъ право быть чиновниками, много, а дѣятелей мало. И дѣйствительно, ничѣмъ мы такъ не отличаемся отъ западно-европейскихъ государствъ, какъ недостаткомъ солидно-образованныхъ людей въ нашихъ служебныхъ сферахъ, не смотря на то, что служба вбираетъ въ себя все, что у насъ есть образованнаго въ обществѣ. И чѣмъ выше эти сферы, тѣмъ недостатокъ этотъ долженъ быть чувствительнѣе. А между тѣмъ, развѣ не все дѣлало государство, чтобы устроить наши учебныя заведенія именно въ видахъ удовлетворенія потребностей службы? Въ одностороннемъ преобладаніи такихъ именно практическихъ цѣлей, когда-то въ прежнее время имѣвшемъ смыслъ, можетъ быть и заключается корень зла въ настоящее время. Въ учебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ съ исключительно служебными цѣлями, уровень образованія, съ самаго начала невысокій, долженъ постепенно еще понижаться, потому что не можетъ же стремленіе какъ можно скорѣе занять ступень на служебной лѣстницѣ быть побужденіемъ къ серьезному труду. У насъ совершенно не въ обычаѣ то, что у французовъ называется *des fortes études*. Мы все еще съ какимъ-то наивнымъ чувствомъ повторяемъ слова Пушкина — «мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»—забывая, что у насъ нѣтъ его творческаго таланта, чтобы обходиться съ такимъ ученьемъ, что съ тѣхъ поръ прошло очень много времени, и что безъ серьезнаго подъема уровня нашего образованія, мы вѣчно будемъ отставать отъ другихъ народовъ и, не смотря на весьма обширные предѣлы государственной территоріи, осуждены будемъ на второстепенную роль въ исторіи.

В.

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ

ВЪ БІОГРАФИЧЕСКОМЪ ОЧЕРКѢ А. СТАНКЕВИЧА.

Авторъ біографіи Т. Н. Грановскаго, издавъ въ свѣтъ свою книгу ¹⁾, исполнилъ тѣмъ давнишнее желаніе всѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Грановскаго, или имѣлъ возможность ближе познакомиться съ его благотворнымъ вліаніемъ. Радостное впечатлѣніе, при извѣстіи о выходѣ книги, усиливается по прочтеніи ея, такъ какъ біографія вполнѣ удовлетворяетъ тому, чего отъ нея можно желать. Біографъ внесъ въ свой трудъ то, что всего важнѣе, любовь къ лицу и живое, тонкое пониманіе его. Онъ имѣлъ возможность не только близко узнать Грановскаго и среду, въ которой онъ жилъ, но и проникнуть во внутренній, интимный міръ его. Мы находимъ въ біографіи полное и многостороннее изложеніе профессорской и литературной дѣятельности Грановскаго, а для уясненія ея біографъ коснулся современнаго общества и отношеній къ лицамъ, имѣвшимъ значеніе въ жизни Грановскаго.

Богатству и достоинству содержанія вполнѣ соотвѣтствуетъ форма сочиненія. Изыячно-простая рѣчь увлекаетъ читателя; все рельефнѣе и живѣе рисуется предъ нимъ поэтической образъ Грановскаго; сдержанный, но исполненный теплоты тонъ разсказа смягчаетъ впечатлѣніе, которое дѣлаютъ на читателя тяжелыя неудачи въ жизни Грановскаго и преждевременная его кончина. Читатель разстается съ біографіей съ тѣмъ чувствомъ внутреннего удовлетворенія и примиренія, которое оставляетъ за собою всякое истинно-художественное произведеніе.

Можетъ быть, найдутся люди, которые поставятъ вопросъ, не слишкомъ ли рано было приступать къ жизнеописанію лица, котораго современники по большей части еще живы, и память котораго близко касается споровъ, еще не совсѣмъ выяснившихся для общественнаго мнѣнія. Вопросъ этотъ вполнѣ разрѣшается сочиненіемъ г. Станкевича. Дѣятельность Грановскаго была не такова, чтобы оставить по себѣ слѣды въ официальныхъ бумагахъ и документахъ, тщательно сохраненныхъ для поздняго потомства: будущему біографу Грановскаго не пришлось бы собирать матеріалъ для своей характеристики въ многотомныхъ сочиненіяхъ и повременныхъ изданіяхъ. Лучшая сторона дѣя-

¹⁾ Тимошеей Николаевичъ Грановскій. Біограф. оч. А. Станкевича. М. 1869. Стр. 306.

тельности Грановскаго отразилась на людяхъ современнаго ему поколѣнія, и вмѣстѣ съ этимъ поколѣніемъ исчезла бы возможность вѣрно и отчетливо схватить черты благороднаго образа, живо и сочувственно описать его нравственное вліяніе. Изъ біографіи мы видимъ, какъ необходима была бережная рука близкаго человѣка и друга, чтобъ собрать разсѣянныя воспоминанія и изъ отрывочныхъ писемъ воспроизвести художественное цѣлое, достойное описываемаго лица.

Что же касается неудобства говорить въ біографіи о вопросахъ и спорахъ, которые возбуждали столько страстей при жизни Грановскаго и которые въ настоящее время еще многихъ могутъ волновать и тревожить, то авторъ удачно устранилъ это затрудненіе. Можно сказать, что біографъ коснулся этихъ вопросовъ такъ, какъ Грановскій къ нимъ относился самъ, безпристрастно и гуманно, безъ вражды и преувеличенія, съ яснымъ пониманіемъ ихъ и примирительнымъ сужденіемъ.

Біографія Грановскаго — не первое сочиненіе, касающееся лицъ и событій 40-хъ годовъ. Въ различныхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ, въ изданіяхъ посмертныхъ сочиненій и памфлетахъ воспроизводится предъ нами образъ того времени, высказываются сужденія о тогдашнихъ литературныхъ дѣятеляхъ и ихъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій заходила рѣчь о Грановскомъ, и высказанный въ нихъ взглядъ не всегда былъ справедливъ. Нужно было опровергнуть эти ложныя сужденія прежде, чѣмъ они могли установиться.

Но и въ другомъ отношеніи, пора было явиться хорошей біографіи Грановскаго. Не рѣдко воспоминанія о лицахъ и событіяхъ 40-хъ годовъ имѣютъ обличительный и полемическій характеръ: много въ нихъ разрывается безотраднато, и не съ лучшей стороны выставлены нѣкоторые литературные дѣятели того времени; пора было явиться сочиненію, на которомъ могъ бы отдохнуть читатель отъ сплетенъ и дразгъ, и которое могло бы послужить утѣшеніемъ для стараго поколѣнія и назиданіемъ для молодого. Можно надѣяться, что біографія Грановскаго сдѣлается одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ русскаго юношества, что оно будетъ учиться въ ней гуманности и глубокому уваженію ко всему благородному и нравственно-чистому, что молодое поколѣніе вынесетъ изъ этой книги тотъ идеализмъ, который такъ идетъ его возрасту, и который совершенно заглушенъ во многихъ современныхъ направленіяхъ нашей литературы.

Но мы признаемъ за біографіей Грановскаго еще большее значеніе въ будущемъ. Будущій историкъ Россіи обратится къ этой книгѣ, когда возьмется за характеристику внутренней жизни русскаго общества 40-хъ годовъ и станетъ доказывать, что, несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, въ этомъ обществѣ дѣйствовала могучая мысль и были благородныя стремленія, что изъ безотрадной

среди выдавались люди чистаго закала и съ возвышенными идеалами. Онъ укажетъ на біографію Грановскаго, когда станетъ описывать быстрые успѣхи Россіи въ цивилизаціи и доказывать, что въ первой половинѣ XIX вѣка Россія въ лучшихъ своихъ людяхъ достигла высокой степени развитія, что эти люди обширностью образованія и гуманностью не уступали никому изъ современниковъ на Западѣ и могли быть названы истинными представителями европейской цивилизаціи. Для того, чтобы нѣсколько познакомить читателей съ характеромъ указанной книги, мы коснемся ея содержанія и остановимся на нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ по нашему мнѣнію вопросовъ.

Біографъ въ первой главѣ описываетъ дѣтство и юность Грановскаго до окончанія университетскаго курса и отправленія его за границу. Онъ знакомитъ читателя довольно подробно съ первыми впечатлѣніями, среди которыхъ выросъ Грановскій, и съ первыми отношеніями, въ которыхъ высказалась особенная и благородная натура юноши. Читатели будутъ благодарны за эти подробности. Дѣтство замѣчательныхъ людей не всегда бываетъ интересно, но въ данномъ случаѣ характеристика молодого Грановскаго не только возбуждаетъ къ нему сочувствіе читателя, но и чрезвычайно важно для пониманія его личности. Изъ нея видно, что натура Грановскаго вовсе не была, какъ иные выражались, *эпикурейскою свойства*, и не смотря на свою нѣжность и мягкость, чрезвычайно способна къ энергическому труду, къ лишеніямъ всякаго рода, что ей была прирождена глубокая потребность образованія и науки. Поверхностное домашнее воспитаніе и два года въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ—вотъ все, что было сдѣлано для Грановскаго. Семнадцатилѣтній юноша былъ отправленъ въ Петербургъ на службу. Но тамъ у него пробудилась страсть къ наукѣ, и онъ рѣшился поступить въ университетъ. Чтобы удовлетворить этому желанію, юноша, воспитанный въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ, долженъ былъ подвергнуть себя непривычнымъ лишеніямъ. «Чай и картофель» — въ теченіи многихъ недѣль, составляли его единственную пищу, чрезмѣрные занятія разстроили его грудь и угрожали жизни серьезной опасностью. Въ 1832 году, Грановскій вступилъ въ петербургскій университетъ, но не нашелъ тамъ удовлетворенія своей юношеской страсти знанія. На юбилеяхъ и торжественныхъ собраніяхъ много говорятъ о громадной пользѣ, которую принесли университеты дѣлу просвѣщенія въ Россіи, но никто еще не указалъ на обратную сторону вопроса, на то, какихъ трудовъ стоило образованіе многимъ изъ лучшихъ русскихъ людей, вопреки всему, что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ университетахъ. Преподаватели, оказывавшіе во время Грановскаго какое-нибудь замѣтное вліяніе, пробуждавшіе въ нихъ интересы къ наукѣ, представляли рѣдкое исключеніе. Есть основаніе предполагать, что

такимъ исключеніемъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, былъ профессоръ философіи А. А. Фишеръ. Но, въ послѣдній годъ студенчества Грановскаго, распоряженіемъ университетскаго совѣта были отменены чтенія исторіи философіи, обѣщанныя Фишеромъ своимъ слушателямъ, и послѣдніе подали въ совѣтъ прошеніе разрѣшить отмененныя лекціи. Однимъ изъ главныхъ двигателей въ этомъ дѣлѣ былъ Грановскій, хотя послѣ изъ Берлина писалъ: «Я не зналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой теперь рѣшительно не понимаю». Грановскій слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ, но любимымъ занятіемъ его еще въ университетѣ была исторія. Интересъ къ исторіи въ немъ пробудили не профессорскія лекціи, а, какъ полагаетъ его біографъ, сочиненія Вальтера-Скотта и замѣчательныхъ французскихъ историковъ 30-хъ годовъ, Гизо, Баранта, Тъери и др. Особенно любилъ Грановскій Огюстена Тъери, того историка, который умѣлъ, сквозь пожелтѣвшій пергаментъ и отрывочныя свидѣтельства лѣтописцевъ, узнавать человѣка и творческой фантазіей воскрешать минувшія эпохи со всѣмъ самобытнымъ характеромъ ихъ и мѣстнымъ колоритомъ.

Черезъ годъ по окончаніи курса, въ 1836 г., Грановскій былъ отправленъ за границу по предложенію тогдашняго попечителя московскаго округа, графа С. Г. Строганова для приготовленія къ исторической каедрѣ. Письма молодого ученаго изъ Берлина, гдѣ онъ поселился, дышатъ необыкновенной свѣжестью впечатлѣнія, самой теплой вѣрой въ науку и глубокимъ уваженіемъ къ ея знаменитымъ представителямъ. Интересно сравнить эти письма Грановскаго о берлинскихъ ученыхъ съ многочисленными отчетами молодыхъ людей, печатавшимися недавно въ официальныхъ изданіяхъ. Сравненіе окажется часто не въ пользу послѣднихъ. Грановскій отправился за границу не хуже приготовленный, чѣмъ они, но въ немъ было больше молодости, болѣе энтузіазма, болѣе увлеченія наукой.

Изъ писемъ Грановскаго видно, какъ много онъ занимался въ Берлинѣ философіей. Онъ не засталъ въ живыхъ Гегеля, но гегелизмъ находился тогда на высшей точкѣ своего процвѣтанія. Грановскій познакомился съ нимъ на лекціяхъ Вердера и Ганса. Философія Гегеля имѣла на молодого историка самое благотворное вліяніе, она разсѣяла его сомнѣнія, укрѣпила его мысль и дала ему вѣрную руководящую нить для пониманія исторіи. Ученіе Гегеля внушало инымъ догматизмъ и пріучало ихъ подводить факты подъ искусственныя схемы, въ которыхъ они теряли свой настоящій смыслъ; другихъ оно мирило съ дѣйствительностью, пріучало все считать естественнымъ и разумнымъ, и приводило такимъ образомъ къ пошлomu безучастію и равнодушію. Но Грановскій, благодаря своей чуткой натурѣ, принялъ въ

себя гегелизмъ съ его лучшей стороны. Онъ отвергъ его искусственное построение исторіи, но проникся его основной мыслию, что исторія есть твореніе разумнаго духа, имѣющаго свои законы и свои высокія цѣли. Для Грановскаго гегелизмъ не воплотился въ пошлую фразу: «все существующее разумно, и слѣдовательно, все существовавшее было разумно, а потому необходимо не подлежитъ осужденію». Онъ вынесъ изъ философіи Гегеля способность отыскивать смыслъ прошедшихъ явленій, за фактами и людьми узнавать духъ, которымъ они были проникнуты—способность относиться гуманно даже къ началамъ, побѣжденнымъ исторіей, и къ людямъ, которые умѣли страдать за эти начала.

Какое благотворное вліяніе имѣло на Грановскаго изученіе философіи—видно изъ его писемъ. Мы позволимъ себѣ привести только небольшой отрывокъ изъ одного письма и отсылаемъ читателя къ самой біографіи: «Я когда-то сомнѣвался въ наукѣ такъ, какъ ты теперь, пишешь Грановскій одному изъ своихъ друзей; имѣлъ ли я на это право? Разумѣется, нѣтъ; хорошо видѣть недовѣрчивость человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполне. Я ошибся—хорошаго и тутъ ничего нѣтъ; но этотъ человѣкъ можетъ не довѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности, и мы преспокойно говоримъ:—«Какая это дорога?! Да она, чортъ знаетъ куда заведетъ, лучше не ходить, а то непременно заблудишься». Понятія наши о жизни дѣйствительной едва ли умнѣе. Мы не далеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ кажется хаосомъ въ теперешнемъ твоемъ положеніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудишься посмотреть на вещи вблизи. Міръ божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ обоихъ часто преглушня очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. *Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an*,—говоритъ Гегель.»

Успѣхи Грановскаго въ изученіи исторіи совершались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трехъ ученыхъ: Риттера, Савиньи и Ранке. Идеи Риттера о взаимодействіи между природою и человѣкомъ произвели глубокое впечатлѣніе на Грановскаго. Изслѣдованіе этого вопроса сдѣлалось однимъ изъ самыхъ любимыхъ его занятій; его обширная бібліотека была богата путешествіями и сочиненіями по этнографіи. Вопросъ о физиологическихъ свойствахъ человѣческихъ породъ чрезвычайно занималъ Грановскаго. Его рѣчь о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, написанная во время самаго

высокаго развитія его таланта и наибольшей зрѣлости его мысли, свидѣтельствуеетъ о томъ, какъ вѣрно и глубоко понималъ онъ отношеніе природы и человѣка. Его философское образованіе и живое пониманіе исторіи охраняли его отъ «одностороннихъ воззрѣній и отрицаній въ исторіи свободнаго творчества человѣческаго духа.»

Чаще другихъ упоминаетъ Грановскій въ своихъ письмахъ о Ранке. Историческія упражненія этого ученаго надъ средневѣковыми источниками сдѣлались знаменитой школой историковъ [въ Германіи. Во время самаго пребыванія Грановскаго въ Берлинѣ вышелъ первый томъ « *Jahrbücher*», въ которомъ были изложены результаты, добытые въ этихъ историческихъ упражненіяхъ студентами, занимавшимися подъ руководствомъ Ранке. Но не менѣе пользы извлекъ Грановскій для себя изъ чтеній Ранке о новой исторіи. «Я нинего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ, пишетъ Грановскій по поводу лекцій Ранке о французской революціи. Ни Тьеръ, ни Минье не могутъ сравниться съ Ранке. У него такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно! Ранке безспорно самый гениальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ.»

Осенью 1839 года, Грановскій возвратился въ Россію и 26-ти лѣтъ вступилъ на кафедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ то время, когда началась дѣятельность Грановскаго, интересы образованной русской публики начали исключительно поглощаться изящной литературой. Интересъ къ наукѣ былъ очень мало развитъ и ограничивался немногими тѣсными кружками. Кромѣ общихъ причинъ, породившихъ и поддерживавшихъ апатическое состояніе русскаго общества, можно въ этомъ винить университеты, которые, хотя въ 30-хъ годахъ и наполнились свѣжими силами, но имѣли мало вліянія на умственное развитіе общества. Грановскій былъ правъ, когда писалъ въ первый годъ своего профессорства: «университетская жизнь кажется мнѣ искусственною, оторванною отъ остальнаго русскаго быта.»

Это отношеніе между университетомъ и обществомъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, скоро измѣнилось къ лучшему.

Намъ кажется, что біографъ Грановскаго совершенно справедливо приписываетъ это измѣненіе въ значительной степени вліянію Грановскаго. Положительно можно сказать, что, со времени публичныхъ чтеній Грановскаго, московское общество сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, со знало свою связь съ университетомъ, также какъ и университетъ болѣе прежняго сблизился съ обществомъ въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ.

Ни для кого, конечно, не можетъ быть тайной, что слава и сочувствіе, которыми пользовался въ былое время московскій университетъ,

въ значительной степени уменьшились. Причины такой перемены различны, но одна изъ нихъ, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что въ свое время эта слава и это сочувствіе поддерживались популярностью Грановскаго. Въ настоящее время факультеты разрознены, студенты разобщены; нѣтъ ни одного человѣка, который принадлежалъ бы всему университету, именемъ котораго гордился бы всякій студентъ. Лекціи Грановскаго, хотя и обязательныя для извѣстныхъ студентовъ, были въ полномъ смыслѣ обще-университетскими курсами. И другіе профессора во время Грановскаго привлекали студентовъ своимъ краснорѣчіемъ, своимъ умѣньемъ заинтересовать молодыхъ слушателей. Но послѣднихъ влекло къ лекціямъ Грановскаго не только эта внѣшняя сторона, но нравственное содержаніе, образовательный характеръ ихъ. Привлекательность лекцій Грановскаго объясняется его взглядомъ на всеобщую исторію и его способностью найти для этого взгляда надлежащее выраженіе.

Всеобщая исторія имѣетъ пока для русскаго совершенно иное значеніе, чѣмъ для западнаго человѣка. Нѣмецъ, французъ или англичанинъ не въ состояніи отдѣлить всеобщей исторіи отъ своей національной, ибо изъ взаимодѣйствія націй слагалась всеобщая исторія. На Западѣ, всякій принадлежитъ къ какой-нибудь изъ старинныхъ партій, корни которыхъ кроются въ далекомъ прошедшемъ, и взаимная борьба которыхъ составляетъ содержаніе исторіи. Для русскаго всеобщая исторія есть исторія человѣческой цивилизаціи, на которую онъ смотритъ какъ на совершившійся процессъ. Спокойно и безпристрастно можетъ онъ вглядываться въ этотъ процессъ, волнуясь и скорбя тамъ, гдѣ гибла цивилизація и останавливалось дѣло прогресса, радуясь тамъ, гдѣ оно торжествовало. Онъ не связанъ преданіемъ и инстинктивнымъ, наслѣдственнымъ влеченіемъ къ тому или другому началу, къ той или другой изъ историческихъ партій; онъ спрашиваетъ только, какая изъ этихъ партій держала выше знамя прогресса, какая была болѣе чистой представительницею цивилизаціи, и къ ней онъ привязывается своими симпатіями.

Оттого лекціи всеобщей исторіи всегда будутъ имѣть въ русскихъ университетахъ цивилизующее, гуманизирующее значеніе. Мы этимъ не хотимъ сказать, что въ нашихъ университетахъ невозможна успѣшная и самостоятельная разработка историческаго матеріала, чтобы у насъ не могли явиться специалисты, способные вступить въ состязаніе съ западными историками на ихъ же почвѣ. Но какъ бы ни были спеціальны наши свѣдѣнія, даровитый преподаватель всеобщей исторіи своими курсами всегда долженъ имѣть общеобразовательное вліяніе. Великая работа Россіи въ теченіи почти двухъ вѣковъ заключается въ усвоеніи плодовъ цивилизаціи, въ постоянномъ сліяніи съ передовыми народами въ дѣлѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Чтобы эта

работа шла успешно, нужно знать и полюбить цивилизацию, и распространение этого знания есть самая лучшая задача преподавателя всеобщей истории.

Грановский был необыкновенно способен к выполнению этой задачи. В человеческих делах, т. е. особенно удаются, в которых личность деятеля гармонирует с самым делом. Грановский с своей благородной и симпатичной наружностью, с своей неспособностью к злобѣ и насмѣлкѣ, с своей чуткостью ко всему изящному, правдивому и великому, с своей неизмѣнной гуманностью, былъ живымъ олицетвореніемъ тѣхъ идей, которыя лежали въ основаніи его историческаго взгляда. Грановскій во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Гердера, знаменитаго историка-гуманиста XVIII вѣка. Мы особенно помнимъ одну лекцію Грановскаго, которая заключала въ себѣ необыкновенно живую и прочувствованную характеристику Гердера. Такъ объяснять значеніе Гердера могла только родственная ему натура. Но Грановскій, можно сказать, былъ болѣе историкомъ, чѣмъ Гердеръ. Историческій смыслъ послѣдняго не рѣдко затемнялся извѣстной риторическою торжественностью, полемикой съ прошедшимъ во имя благородныхъ и чистыхъ началъ, нѣкоторыми предрассудками, навѣянными господствовавшимъ въ его время рационализмомъ. Гердеръ былъ до извѣстной степени космополитомъ, ибо въ обширномъ взглядѣ, обнимающемъ весь міръ, лучшіе нѣмцы прошедшаго столѣтія искали забвенія пошлой дѣйствительности. Грановскій же былъ истымъ сыномъ Петровской Россіи, который жаждалъ цивилизаціи, потому что зналъ ей цѣну и видѣлъ въ ней средство къ исцѣленію отъ существующаго зла.

Положеніе Грановскаго, какъ профессора, несмотря на успѣхъ, на сочувствіе студентовъ и многихъ товарищей, было далеко не пріятнымъ. Біографъ Грановскаго осторожно коснулся этихъ отношеній, ибо ему пришлось бы въ противномъ случаѣ разоблачать слишкомъ много мелочности и дикости нравовъ. Кто-нибудь изъ будущихъ историковъ московскаго университета найдетъ возможность откровеннѣе объ этомъ поговорить. Люди, которые проповѣдывали съ кафедръ, что «Западъ находится въ процессѣ разложенія, и что Отечественныя Записки ¹⁾—та рана, чрезъ которую гнѣніе прививается Россіи», не могли быть расположены къ Грановскому и вредили ему средствами не совсѣмъ согласными съ общественной нравственностью. Эти люди дѣйствовали по крайней мѣрѣ по своимъ убѣжденіямъ; но были другіе, которые, какъ говоритъ Грановскій въ одномъ письмѣ, «дѣлали зло по принципу, которые считали своею обязанностью вредить всякому молодому человѣку, начинающему поприще, не домогааясь ихъ покровительства или по крайней мѣрѣ ихъ дружбы.» Читатели могутъ прочесть въ самой біографіи, какія затрудненія

¹⁾ Т. е. «Отечественныя Записки» — эпохи Бѣлинскаго.

напр. дѣлали Грановскому по поводу его магистерской диссертации, «которую хотѣли ему возвратить съ поворомъ», какимъ неприятностямъ подвергся онъ во время диспута. Мысль о необходимости оставить университетъ постоянно представлялась Грановскому и тревожила его, и только обязательство передъ казной прослужить извѣстное число лѣтъ удержало его въ университетѣ. Среди интригъ и неприятностей, которыми онъ былъ окруженъ, Грановскій не всегда находилъ поддержку со стороны министерства, и когда въ началѣ 50-хъ годовъ его избрали деканомъ, онъ не былъ утвержденъ. Не смотря однако на эти неблагоприятныя обстоятельства, нравственная личность Грановскаго имѣла плодотворное вліяніе, и онъ сдѣлался центромъ кружка, къ которому принадлежали лучшіе люди университета. Послѣ его смерти, ярко обнаружилось, какъ было важно его вліяніе, когда про нѣкоторыхъ изъ близко стоявшихъ къ нему людей стали говорить: «при Грановскомъ они бы не были такими!»

Дѣятельность Грановскаго не ограничивалась однимъ университетомъ. Сближая съ университетомъ общество, онъ вносилъ въ него тотъ же духъ, тѣже идеи. Онъ являлся въ обществѣ защитникомъ и истолкователемъ европейской цивилизаціи, проводникомъ тѣхъ гуманныхъ началъ, которыми были пронизаны его университетскія лекціи. Онъ проводилъ эти начала въ своихъ публичныхъ курсахъ, въ своихъ литературныхъ трудахъ, онъ являлся всей своей индивидуальностью живымъ олицетвореніемъ ихъ. Въ этой дѣятельности онъ долженъ былъ столкнуться съ двумя направленіями въ литературѣ, которыя, вслѣдствіе того, что умственная жизнь въ 40-хъ годахъ почти не выходила изъ литературной сферы, имѣли значеніе общественныхъ направленій.

Изъ этихъ двухъ направленій, на первомъ планѣ стояло славянофильство. Въ настоящее время, вслѣдствіе того, что обстоятельства и люди во многомъ перемѣнились, не совсѣмъ легко составить себѣ ясное понятіе о томъ, чѣмъ были московскіе славянофилы 40-хъ годовъ, тѣ, которыхъ не любилъ Грановскій, противъ которыхъ вооружался Вѣлинскій. Благородная и полезная дѣятельность, которою заявили себя нѣкоторые изъ членовъ славянофильскаго кружка, заставила забыть, что та дѣятельность въ нерѣдкихъ случаяхъ представляла также мало общаго съ основными идеями славянофиловъ, какъ изящный французскій языкъ, на которомъ многіе изъ нихъ любили изъясняться въ еучерскомъ костюмѣ, составлявшемъ нѣкогда эмблему славянофильства. Съ другой стороны, многіе готовы считать пробудившееся теперь въ русскомъ обществѣ живое сочувствіе къ славянамъ Австріи и Турціи какъ бы распространеніемъ славянофильскихъ идей и видѣть въ этомъ оправданіе послѣднихъ. Но сочувствіе къ славянамъ пробудилось въ русскомъ обществѣ и поддерживалось совершенно независимо отъ московскаго славянофильства. Изъ біографіи Грановскаго видно, съ какимъ бла-

гоговѣніемъ онъ относился къ дѣятельности Шафарика и другихъ чешскихъ ученыхъ и литераторовъ, какія надежды онъ возлагалъ на блестящую будущность славянскаго міра. Безъ сомнѣнія, славянофилы много содѣйствовали пробужденію обще-славянскихъ симпатій, но въ 40-хъ годахъ ихъ дѣятельность, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условий въ этомъ отношеніи, почти ограничилась распространеніемъ неясныхъ, туманныхъ идей о панславизмѣ, объ особенномъ историческомъ призваніи славянскаго племени и т. д. Настоящее значеніе славянофильства высказалось въ его взглядѣ на европейскую цивилизацію, на русскую исторію. Грановскій, пріѣхавъ въ Москву, былъ пораженъ этимъ взглядомъ и лично характеризовалъ его въ письмѣ къ В. Станкевичу: «Ты не можешь себѣ представить, какая у этихъ людей философія. Главное ихъ положеніе: «Западъ сгнилъ, и отъ него уже не можетъ быть ничего; русская исторія испорчена Петромъ. Мы оторваны насильственно отъ родного историческаго основанія и живемъ на удачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую исторію; это даже наше назначеніе въ будущемъ; вся мудрость человѣческая истощена въ твореніяхъ св. отцевъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной. Ихъ только нужно изучать; дополнять нечего: все сказано.» Но не всѣ славянофилы останавливались на отреченіи отъ европейской цивилизаціи; въ ихъ средѣ высказывалось требованіе создать новую особенную науку, на національныхъ началахъ, которая могла бы замѣнить общечеловѣческую науку, доказать ничтожность и ложь европейской цивилизаціи. Это требованіе не ограничивалось одними возгласами, и Грановскому пришлось на самомъ дѣлѣ ратовать противъ вновь изобрѣтенной науки и ея выводовъ: «неужели новая наука, писалъ Грановскій въ своемъ письмѣ изъ Москвы, во имя которой говоритъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Обѣщаніе ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали быть для насъ надеждами и превратились въ воспоминанія. Гдѣ-жъ исполненіе? Гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли бы сознать свое заблужденіе люди, также глубоко любящіе Россію, слѣдовательно дорожащіе самостоятельностью русской мысли, но не ставящіе ее въ враждебную противоположность съ обще-человѣческою и не приписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно вдается въ опасность частныхъ розысканій, и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которомъ до

сихъ поръ, употребимъ выраженіе Великаго Петра — она въ авантажѣ не обрѣталась.»

Грановскій умѣлъ очень хорошо отдѣлять лицо отъ дѣла, гдѣ только это было возможно, и къ нѣкоторымъ изъ своихъ литературныхъ противниковъ чувствовалъ глубокое уваженіе. Безпристрастіе Грановскаго прекрасно высказалось въ его отзывѣхъ о Кирѣевскомъ: «Я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій. Въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ. Жаль только, что богатые дары природы и свѣдѣнія, рѣдкія не только въ Россіи, но и вездѣ, гибнутъ въ нихъ безъ всякой пользы для общества.

Нельзя сказать, чтобы всѣ противники Грановскаго платили ему той же монетой. Ожесточеніе ихъ противъ него особенно возрасло послѣ блестящаго успѣха, который имѣли его публичные курсы. Грановскій три раза читалъ публичные курсы, которые давали ему особенную возможность внушить московскому обществу интересъ къ наукѣ и уваженіе къ ея результатамъ. Въ первый разъ, въ 1843—44 г., онъ читалъ курсъ средневѣковой исторіи; въ 1845—46 г., курсъ сравнительной исторіи Англіи и Франціи. Третій курсъ, прочитанный въ 50-хъ годахъ, состоялъ только изъ 4-хъ лекцій, которыя были тогда же напечатаны. Читатель можетъ познакомиться изъ сочиненія г. Станкевича съ значеніемъ и успѣхомъ первыхъ двухъ публичныхъ курсовъ Грановскаго. Живое слово было потребностью для него и болѣе соответствовало его натурѣ, чѣмъ журнальная дѣятельность. Онъ впрочемъ очень хорошо понималъ важность послѣдней, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, основаніе новаго журнала, который могъ бы быть органомъ его идей, было любимой его мыслію. Только когда, послѣ долгаго ожиданія, послѣдовалъ на просьбу о разрѣшеніи новаго журнала краткій и многознаменательный отвѣтъ: «не нужно»,—Грановскій отказался отъ своей мечты.

Печатные и письменные отзывы о публичныхъ курсахъ Грановскаго, приведенные въ его біографіи, доказываютъ, что онъ не ошибся, когда видѣлъ въ своихъ лекціяхъ могущественное средство для благотворной общественной дѣятельности. Не даромъ сказалъ о нихъ Чаадаевъ, что «они имѣютъ историческое значеніе».

Тѣмъ сильнѣе было ожесточеніе тѣхъ, которымъ не нравился успѣхъ Грановскаго. «Остервенѣніе славянъ, пишетъ онъ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ; они ругаютъ меня не за то, что я говорю, а за то, о чемъ умалчиваю. Я читаю исторію Запада, а они говорятъ: зачѣмъ онъ не говоритъ о Россіи....» Неудовольствіе не ограничивалось одними не-доброжелательными толками. Нашлись люди, которые сочли возможнымъ набросить въ печати тѣнь на Грановскаго, какъ на челоуѣка, отказавшагося отъ родной почвы, явившагося представителемъ

чуждых Россіи идей и убѣжденій. «Мы совершенно увѣрены въ полнотѣ убѣжденій, которыя ученый приноситъ на кафедру, писалъ С. П. Шевыревъ въ «Москвитяинѣ» 1843 г., но не можемъ сказать того же относительно многосторонности и безпристрастія, какихъ мы вправѣ были ожидать отъ русскаго ученаго.... Онъ самъ добровольно сталъ въ ряды западныхъ мыслителей, самъ приковалъ себя къ одному чужому знамени и общалъ намъ быть эхомъ одной только стороны историческаго ученія.»

Тоже самое было послѣ второго публичнаго курса. «Публичныя мои лекціи идутъ хорошо, писалъ о немъ Грановскій. Публика многочисленна и внимательна. Разумѣется, есть и другія стороны: кривые толки, сплетни, клеветы, обвиненія въ томъ и другомъ и т. п. Но я уже нѣсколько привыкъ къ этому, когда въ первый разъ читалъ свой публичный курсъ... Мнѣ кажется, что на эти мерзости всего приличнѣе отвѣчать молчаніемъ. Я боюсь ступить въ грязную сферу сплетней. Есть споры, которые мараютъ даже того, кто спорить за правое дѣло.»

Славянофильство въ той формѣ, въ какой оно явилось въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, и съ которой приходилось бороться Грановскому и Бѣлинскому, есть проходящее явленіе, но корни его лежатъ глубже, чѣмъ кажется, въ русской жизни, и эти корни будутъ отъ времени до времени пускать новыя ростки. Процессъ развитія у западныхъ народовъ совершался медленно и до извѣстной степени органически, несмотря на различныя крупныя перевороты, которые иногда нарушали правильное развитіе. Новыя идеи и требованія являлись на Западѣ сначала у немногихъ лучшихъ людей, мало-по-малу проникали въ общество, и если одерживали верхъ съ помощью правительства или общества надъ старыми, то находили уже почву для себя до извѣстной степени подготовленной. Кромѣ того, длинный рядъ вѣковъ соединилъ западные народы въ одну семью: у нихъ у всѣхъ былъ одинъ общій историческій періодъ, такъ-называемые средніе вѣка. Отъ этого у нихъ есть общія воспоминанія; если не церковь и государство, то, по крайней мѣрѣ, ихъ наука и искусство проникнуты общими началами, въ ихъ національномъ развитіи звучатъ родственныя струны. Оттого новыя идеи и требованія цивилизаціи, или выводъ науки могутъ быть отвергаемы ими, но не представляются имъ вполнѣ чуждыми, антинациональными. Рѣчь можетъ зайти о ихъ пригодности или вѣрности, но не о томъ, что они противорѣчатъ національному духу. Даже въ такой странѣ, какъ Испанія, которая особенно долго находилась въ застоѣ и, подъ охраной католицизма, особенно прониклась консервативными элементами, никто не будетъ возставать противъ конституціоннаго начала только потому, что это-моль англійская выдумка, или противъ идей 1789 года за ихъ французское происхожденіе.

Россія же вела такое отдѣльное существованіе, развивалась подъ такими своеобразными условіями, что пока она не сравнивается въ цивилизаціи съ другими народами и не приметъ равнаго участія въ ея развитіи, противники того или другого начала всегда будутъ имѣть возможность заподозрить ее въ антинаціональности, и народность болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ будетъ удобнымъ знаменемъ для тѣхъ, которымъ нечего писать на своемъ знамени.

Притомъ Россія съ XVII вѣка находится въ такомъ быстромъ движеніи, правительство влекло народъ впередъ такъ сильно, правительственныя средства оппозиціи противъ движенія такъ ничтожны, что эта оппозиція всегда получала какой-то антикварный, формальный, лишенный реального содержанія характеръ. Реакціонныя партіи противъ цивилизующихъ требованій въ Россіи всегда походили на осколки, отскочившіе отъ главнаго тѣла вслѣдствіе быстрого движенія его, и безъ цѣли блуждающіе въ пространствѣ. Только въ Россіи бывали примѣры оппозиціи противъ прогресса «по недоразумѣнію», реакціи во имя мечтаній, въ пользу началъ, никогда не существовавшихъ въ прошедшемъ. Старовѣрчество XVII вѣка и славянофильство имѣютъ то общее, что принимали букву за духъ, низшую, переходящую форму за неотъемлемую святиню и окончательное выраженіе народнаго духа, и отвергали исторію и живую силу народнаго творчества.

То же чувство мѣры и гуманности, та же широта во взглядѣ и отсутствіе исключительности, которыя отталкивали Грановскаго отъ славянофильства, опредѣлили его отношенія къ другому направленію, появившемуся въ 40-хъ годахъ и облакавшемуся тогда еще въ форму строгаго, научнаго матеріализма. Грановскій, съ 1842 года, тѣсно сблизился съ г. Герценомъ и, по выраженію его біографа, питалъ къ нему ту страстную дружбу, которую вносилъ во всѣ свои сердечныя привязанности. «Это одна изъ самыхъ чистыхъ, умныхъ и твердыхъ натуръ, какія мнѣ встрѣчались, несмотря на его наружное легкомысліе», пишетъ Грановскій въ 1845 г. о своемъ другѣ. Но равномысліе въ ихъ взглядахъ скоро обнаружилось.

Грановскій вполнѣ признавалъ значеніе естественныхъ наукъ не только въ ихъ собственной сферѣ, но и для объясненія историческихъ и человѣческихъ явленій. «Исторія — писалъ онъ — по необходимости должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ.» Но для Грановскаго изъ этого вовсе не слѣдовало, что нужно было отрицать дѣйствіе разумаго духа въ человѣкѣ, въ исторіи и въ мірозданіи. Чрезвычайно интересно письмо Грановскаго къ женѣ по поводу пятенъ на солнцѣ и заключеній, которыя изъ этого выводилъ г. Герцень: «Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть потухнетъ *эта* солнце и охладится *эта* земля, духъ будетъ

продолжать начатую имъ здѣсь работу, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органической жизнью нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпного, глупаго случая, который, чортъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце.»

Человѣкъ, который такъ глубоко вѣрилъ въ разумность мірозданія и въ силу духа, не могъ отрицать его тамъ, гдѣ вѣра въ него всего важнѣе для человѣка, въ индивидуальномъ бытіи. Не даромъ говорилъ Грановскій, что исторія великая наука, и что естественныя науки никогда не дадутъ человѣку той нравственной силы, какую она даетъ. Исторія подкрѣпляла для него выводы его религіознаго и нравственнаго чувства. Упомянувши однажды въ бесѣдѣ о возрѣвнѣхъ В. Гумбольдта и Гёте на безсмертіе, Грановскій заключилъ: «Для меня относительно подобныхъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей. Для меня это отдѣльные огоньки, отъ которыхъ въ будущемъ загорятся новыя вѣрованія для человѣчества. Я знаю, въ настоящее время, человѣчество будто успокоилось на счетъ подобныхъ вопросовъ, но вѣдь это ничего не значить; оно успокоивалось уже не разъ.»

Грановскій не для того устоялъ противъ догматики гегелизма, чтобы завязнуть въ болѣе узкой и нетерпимой догматикѣ материализма. Его спасали отъ этого многосторонность и идеальность его натуры, неспособность увлекаться жесткими крайностями, умаляющими достоинство человѣка. Грановскій называлъ это свойство—своимъ скептицизмомъ. Напрасно друзья не хотѣли призвать въ немъ этого скептицизма: «Я не согласенъ съ послѣднимъ письмомъ твоимъ, писалъ Грановскій по этому поводу Огареву, и крѣпко отстаиваю права мои на скептицизмъ. Я могу запомнить его рожденіе и ростъ во мнѣ. Онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ почти исключительнаго занятія исторіей. Нѣтъ науки болѣе враждебной всякому догматизму, чѣмъ исторія. Ты говоришь, что скептицизмъ по натурѣ своей насмѣшливъ, бьетъ на право и на лѣво. Это опредѣленіе слишкомъ узко. Въ немъ можетъ быть по крайней мѣрѣ столько скорби, сколько ироніи, и не всегда бьетъ онъ на право и на лѣво, а чаще смотритъ недоверчиво на обѣ стороны. Насмѣшливость есть личная способность, приносимая человѣкомъ. У меня ея нѣтъ..... Но во мнѣ дѣйствительно глубокая ненависть ко всякой нетерпимости, неспособной уважить особенность взгляда, который у всякаго сколько-нибудь умнаго мыслящаго человѣка есть результатъ цѣлаго развитія, цѣлой жизни.»

Послѣдняя глава біографіи обнимаетъ жизнь и дѣятельность Грановскаго съ 1848 г. до его смерти. Эта глава содержитъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній для исторіи русскаго общества за

эти годы. Событія 1848 года подѣйствовали чрезвычайно живительно на Грановскаго. Въ это время, говоритъ его біографъ, онъ пережилъ послѣдніе дни молодыхъ увлеченій и обольщающихъ надеждъ. Послѣдовавшая за тѣмъ реакція повергла его въ тяжелое раздумье. Реакція коснулась также русскаго общества и русскаго просвѣщенія. Положеніе Грановскаго въ университетѣ становилось невыносимымъ. «Есть отчего сойти съ ума», говорилъ онъ въ то время. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ отстаивать по силамъ дѣло просвѣщенія отъ тайныхъ и явныхъ доносовъ. Читатели найдутъ въ біографіи интересныя свѣдѣнія о томъ, какіе взгляды господствовали въ тогдашней официальной педагогикѣ, какииъ образомъ Грановскій, въ своей программѣ для учебника всеобщей исторіи *), старался противодѣйствовать искаженію науки, какъ онъ для русскаго учебника считалъ необходимымъ прежде всего «честное и вѣрное изложеніе науки».

Наступилъ 1855 годъ. Юбилей московскаго университета былъ какъ бы провозвѣстникомъ лучшаго времени. Настало это лучшее время, и всеобщее ожиданіе преобразованій охватило и Грановскаго. Предъ нимъ самимъ открылась возможность свободной, плодотворной дѣятельности. Но болѣзненные припадки подорвали его силы и возвращались все чаще и чаще. Чрезвычайно грустное впечатлѣніе дѣлаютъ на читателей послѣднія страницы біографіи, постоянно смѣняющіеся разсказъ о новыхъ надеждахъ, новыхъ предпріятіяхъ, и угрожающихъ припадкахъ болѣзни. Судьба Грановскаго сама сказала въ любимомъ имъ стихотвореніи Уланда, въ которомъ сѣдѣющій рыцарь съ искудалымъ лицомъ приходитъ на турниръ, гдѣ юные бойцы борются за красавицу: «О если бы онъ могъ сдѣлаться юнымъ! Золотое время только что начинается, весна засіяла. Настаетъ владычество красавицы, увѣнчанной розами, а для него готовы ночь и тлѣніе, надъ нимъ опускается могильный камень... Юные бойцы спѣшатъ къ нему и кладутъ его среди весенней зелени. Въ печали склоняется надъ старцемъ красавица и увѣнчиваетъ его вѣнкомъ изъ розъ:—Никто не свершилъ того, что свершилъ ты, хотя и напрасенъ цвѣтушій вѣнокъ для тебя, мертваго мужа!»

Мы говорили подробнѣе объ отношеніяхъ Грановскаго къ славянофильству и къ зачаткамъ матеріализма, желая напомнить, какое значеніе имѣетъ Грановскій для русскаго общества не только своей профессорской дѣятельностью, но и своимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Возвращеніе къ прошедшему, увлеченіе отжившими идеалами и торопливое усвоеніе незрѣлыхъ выводовъ науки, ложное понима-

*) «Записка» и «Программа учебника всеобщей исторіи», составленныя Грановскимъ въ 1850 г., были нами изданы. См. «Вѣстникъ Европы», 1866, т. III, отд. II, стр. 13—23. — *Ред.*

ніе прогресса, вотъ двѣ ошибки, въ которыя легко впадать у насъ, и противъ которыхъ всегда будутъ вооружаться люди, вполне уяснившіе себѣ задачи цивилизаціи. Грановскій былъ представителемъ того здороваго слоя въ русскомъ обществѣ, который въ 40-ныхъ годахъ умѣлъ сохранить въ себѣ жизнь несмотря на мертвящія вліянія. Мы отъ души сочувствуемъ заключительнымъ словамъ его біографа: «Память Грановскаго нельзя связывать съ какимъ-нибудь одностороннимъ научнымъ стремленіемъ, съ какимъ-нибудь рѣзко опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ или ученіемъ. Ему были дороги — все человеческое, всѣ возвышенныя стремленія и цѣли человѣка, и понятны всѣ пути, которые ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Повторяемъ: Грановскій былъ лучшимъ представителемъ въ Россіи гуманныхъ идей и стремленій. Въ распространеніи гуманности въ русскомъ обществѣ заключались значеніе его жизни и цѣль его дѣятельности.» Но Грановскій былъ не только представителемъ этихъ началъ: онъ носилъ ихъ въ себѣ, онъ былъ живымъ олицетвореніемъ ихъ и въ этомъ заключалось обаяніе его личности, тайна его вліянія въ прошедшемъ и въ будущемъ.

Грановскій былъ богатъ и счастливъ дружбою. Дружба поставила ему самый лучший памятникъ. Она дала ему возможность дѣйствовать своею личностью и за могилой. Въ этомъ заключается самое важное значеніе его біографіи. Сотни людей, которые не знали лично Грановскаго, которые родились послѣ него, могутъ теперь испытать на себѣ обаятельную силу этой чистой, благородной, гуманной личности, и проникнутся его духомъ. Народъ живетъ и воспитывается своимъ прошедшимъ. Чѣмъ болѣе въ этомъ прошедшемъ свѣтлыхъ огоньковъ, чѣмъ болѣе свѣтлыхъ личностей въ воспоминаніи народа, тѣмъ полнѣе и лучше его жизнь въ настоящемъ, тѣмъ значительнѣе ея нравственное содержаніе. Особенно важно это для воспитанія юношества. У насъ нерѣдко перечисляютъ съ завистью статистическія цифры народныхъ школъ и университетовъ въ Германіи, изумляются числу уроковъ древнихъ языковъ въ тамошнихъ гимназіяхъ. Но не одно классическое образованіе спасало Германію отъ печальныхъ незрѣлыхъ увлеченій. Важно не одно количество школъ и университетовъ, важно нравственное содержаніе тѣхъ книгъ, которыя воспитываютъ молодежь, важны идеалы, которыми она увлекается. Кто можетъ сказать, какую въ этомъ отношеніи принесли пользу Германіи ея Винкельманны, Лессинги и Гердеры?

Грановскій былъ любимымъ учителемъ молодежи. Она ему довѣряла болѣе другихъ, она увлекалась его благороднымъ образомъ, многіе изъ нея обязаны ему лучшими, пробудившимися въ нихъ инстинктами. Пусть эти отношенія сохраняются, пусть русская молодежь и теперь

учится у него любить науку, любить Россію, любить все гуманное и человѣческое, сохранить подобно ему, среди дурныхъ условий, нравственное благородство и идеальную чистоту. Сл.

Москва. 19 апрѣля, 1869.

ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

Въ мартовской книгѣ, мы объявили, между прочимъ, нашимъ иногороднымъ подписчикамъ, что почтовые происшествія, постигшія журналы и газеты въ январѣ и февралѣ, заключились тѣмъ, что петербургскіе редакторы просили принять ихъ ходатайство о принятіи особыхъ мѣръ къ возстановленію порядка, и вмѣстѣ представили въ проектъ свои соображенія. Этотъ проектъ былъ рассмотрѣнъ, и почтовое вѣдомство дѣйствительно приняло немедленно мѣры къ возстановленію порядка въ Газетной Экспедиціи, гдѣ съ 1-го марта управление дѣломъ отправки было поручено лицу, доказавшему свою опытность и отличное знаніе дѣла по устройству городской почты, и въ то же время было рѣшено назначить два мѣсяца, мартъ и апрѣль, въ видѣ опыта, чтобы окончательно убѣдиться: были ли новыя правила виновны въ происшедшихъ беспорядкахъ, или недостатокъ доброй воли исполнителей, ихъ незнаніе дѣла отправки послужили причиною послѣдняго хаоса, или наконецъ, причина заключается въ томъ, что получатели, т. е. почтовые конторы, управляются лицами, которыя неспособны внѣзнуть въ значеніе новаго механизма? Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, всѣ здѣшніе редакторы были приглашены г. почтъ-директоромъ В. Ѳ. Шорромъ собираться разъ въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы совокупными силами устроить такое важное дѣло общественнаго благоустройства, какъ правильное и своевременное сообщеніе извѣстій путемъ печати. Дѣйствительно, безъ почты, всѣ благодѣянія изобрѣтенія Гуттенберга дѣлаются тщетными, и самое государство безъ почты точно также не полно въ наше время и бессильно, какъ бы оно было безъ школы или безъ суда; потому мы были въ правѣ утверждать, что почта есть прежде всего принадлежность общественнаго благоустройства, между тѣмъ какъ въ ней хотятъ видѣть главнымъ образомъ одинъ изъ видовъ регалии.

Мы уже замѣтили въ февралѣ, что «новая почтовая реформа при

всемъ неудовольствіи, которое она вызвала, представляетъ много преимуществъ предъ прежнимъ порядкомъ»; теперь мы можемъ утвердить это положеніе новыми аргументами, которые доставилъ намъ опытъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Если при старомъ порядкѣ было менѣе неудовольствій и болѣе исправности, то старый порядокъ обязанъ этимъ рутинѣ и преданію, которыя всегда представляютъ нѣкоторую выгоду; а недостатки его не были замѣтны, такъ какъ о лучшемъ не имѣлось понятія. И наоборотъ, всѣ преимущества новаго порядка должны были скрыться за отсутствіемъ въ исполнителяхъ привычки къ новому дѣлу, распорядители же упустили изъ виду, что умѣнье приказать важно также, какъ и умѣнье исполнить; не говоримъ уже о томъ, что самое распоряженіе сдѣлано было не своевременно.

Новая система состоитъ въ томъ простомъ началѣ, что каждая Почтовая Контора есть не что иное, какъ городская почта для своей мѣстности, въ соединеніи съ *poste-restante* для тѣхъ подписчиковъ, которые живутъ за предѣлами города или селенія, гдѣ помѣщается почтовая контора, и сами присылаютъ разъ или два въ недѣлю за полученіемъ своей корреспонденціи, писемъ, газетъ, журналовъ и т. д. Въ началѣ года и въ теченіи его, каждая Почтовая Контора получаетъ списокъ своихъ подписчиковъ по каждому періодическому изданію, а потомъ ежедневно для газетъ, и ежемѣсячно для журналовъ высылаются новые списки, примыкающіе къ предъидущимъ. За тѣмъ изъ Газетной Экспедиціи высылается въ каждую Почтовую Контору соотвѣтственное спискамъ число экземпляровъ.

Что можетъ быть проще такого начала? Въ городѣ X, Почтовая Контора получила въ теченіе декабря, положимъ, 10 списковъ, сумма которыхъ составляетъ 100 лицъ съ ихъ подробными адрессами: изъ нихъ 90 живутъ въ самомъ городѣ, а 10 въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Газетная Экспедиція имѣетъ у себя точно такіе же 10 списковъ съ такимъ же количествомъ подписчиковъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что 1 января, когда начинается новый годъ, Газетная Экспедиція беретъ 100 экземпляровъ газеты, и сложивъ ихъ въ одинъ пакетъ, адресуетъ въ почтовую контору города X, гдѣ также знаютъ, что слѣдуетъ получить этой газеты 100 экземпляровъ: 90 разослать съ почтальономъ по домамъ живущихъ въ городѣ, а 10 сохранить въ *poste-restante* для тѣхъ, которые присылаютъ за корреспонденціей изъ окрестныхъ селъ. Въ теченіе января прибываютъ новые списки, увеличивается итогъ подписчиковъ въ городѣ X и увеличивается соотвѣтственно тому и число высылаемыхъ экземпляровъ изданія изъ Газетной Экспедиціи. Положимъ, 3 января является новый списокъ съ 10 подписчиками; слѣдовательно, въ городѣ X, по такому-то изданію, дѣлается 110 подписчиковъ и съ этого же дня Газетная Экспедиція

начинаеть высылать въ городъ X—110 экземпляровъ этого изданія, и т. д. и т. д.

Но при всей простотѣ такого рода отправки и доставки періодическихъ изданій, именно эта-то простота и явилась на практикѣ одною изъ главныхъ причинъ безпорядка (помимо другихъ, которыя были просто злоупотребленіями). Съ одной стороны, оказались виновными многіе изъ самихъ подписчиковъ, такъ какъ они прислали въ редакцію адреса хотя вполне правильные, но, на бѣду, *не-почтовые*; потому-то мы и обращаемся нынѣ къ иногороднымъ подписчикамъ съ разъясненіемъ новой системы, прося ихъ обратить вниманіе на необходимость сообщать намъ не только *личныя*, но и *почтовые* адреса, и вотъ что должно разумѣть въ настоящемъ случаѣ подъ словомъ «почтовый». Наприм., г. А. Д. П. сообщилъ намъ слѣдующій адресъ: «высылать на станцію Писцово, Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда.» Адресъ совершенно безошибочный, но *не почтовый*, потому что на станц. Писцово, можетъ быть, перемѣняютъ лошадей, но нѣтъ почтоваго отдѣленія для пріема газетъ и журналовъ, а потому Газетная Экспедиція адресуетъ журналъ такому подписчику въ его уѣздный городъ, т. е. въ Нерехту, гдѣ журналъ и лежитъ цѣлыми мѣсяцами, ожидая, когда явится подписчикъ, который, между тѣмъ, ожидаетъ получить свое изданіе на ст. Писцово. Подобный случай повторяется весьма часто и доставляетъ главный контингентъ жалобъ на воображаемую потерю или на несвоевременную доставку журнала, который лежитъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ подписчика въ его уѣздномъ или губернскомъ городѣ. Потому редакция покорнѣйше просила бы давать всегда знать: 1) о *почтовомъ мѣстѣ*, куда слѣдуетъ высылать изданіе, и 2) о своемъ *адресѣ*, если подписчикъ находится не въ самомъ почтовомъ мѣстѣ, а около него. Такъ, въ вышеупомянутомъ случаѣ, подписчикъ намъ сообщилъ только личный адресъ, а почтоваго адреса не далъ, и только впоследствии мы узнали отъ него же, что, хотя онъ *живетъ* въ Нерехтскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, но ближайшее къ нему почтовое мѣсто, куда слѣдовало бы высылать журналъ — Вознесенскій Посадъ, Владимірской губерніи.

При прежнемъ, болѣе патріархальномъ порядкѣ, все это оставалось незамѣченнымъ, и журналъ дѣйствительно доходилъ лучше, потому что, наприм. иная почтовая контора догадывалась и по соображенію высылала, куда слѣдуетъ: но за то случалось иногда Почтовой Конторѣ не догадаться, и въ такомъ случаѣ—концы въ воду! Теперь, на Почтовыхъ Конторахъ возлагается отвѣтственность, и онѣ должны или ждать появленія подписчика, или возвращать ненадлежаще засланный экземпляръ, такъ какъ для Костромской губ., въ томъ примѣрѣ, станціи Писцово не имѣется. Такимъ-то образомъ, новый порядокъ, построенный на точности, сдѣлался во многихъ случаяхъ источникомъ безпорядковъ; но спрашивается: слѣдовало ли останавливаться при

введеніи болѣе рациональнаго способа разсылки, предъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе упускаютъ изъ виду точное обозначеніе почтоваго мѣста, и довольствуются сообщеніемъ личныхъ адресовъ, т. е. своего мѣстожителства? Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда подписчикъ требуетъ выслать въ Андреевку, не обозначая ни губерніи, ни уѣзда, или въ Боровичи, не прибавляя: городъ ли это Новгородской губерніи, или мѣстечко Псковской губ. и т. п. Присоедините къ этому злоупотребленія, наприм., невысылку списковъ изъ Газетной Экспедиціи, задержку журналовъ, и небрежный приѣмъ ихъ въ Конторахъ, которыя видятъ, что не выслано надлежащее число экземпляровъ, какъ то слѣдовало бы по спискамъ, и молчатъ, т. е. не составляютъ акта о неправильномъ дѣйствіи Газетной Экспедиціи, и тогда ясно будетъ, гдѣ скрываются недостатки, въ новой ли системѣ или въ старыхъ мѣстахъ, куда влили новое вино, да и притомъ влили неосторожно?

Но главная причина неустройствъ заключалась въ томъ, что, обративъ всѣ Конторы, въ мѣстныхъ городскихъ почты, забыли своевременно дать имъ инструкціи, какъ поступать по новому порядку. Кажется, эти инструкціи не даны и до сихъ поръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно выработать всю систему до конца — что совершенно неправильно, такъ какъ есть вещи, которыя нужно сдѣлать безотлагательно, и всякая систематика оказалась бы тутъ вредною. Между тѣмъ, вслѣдствіе такой систематики распорядителей, въ конторахъ произошло замѣшательство въ родѣ столпотворенія, а довольно было циркуляра въ нѣсколько строкъ, чтобы предупредить все случившееся. Въ одномъ весьма близкомъ городѣ къ Петербургу, въ г. К. получается ежедневно нѣсколько сотъ нумеровъ различныхъ изданій; такъ какъ по новому порядку газеты сдаются безъ адресовъ, то Почтовая Контора задалась печальною мыслью, что ей необходимо ежедневно дѣлать надписи именъ получателей на самыхъ нумерахъ (что дѣлалось притомъ ужасно безграмотнымъ образомъ и непріятнымъ для подписчиковъ — не говоря о томъ, что ихъ экземпляры являлись къ нимъ испачканными ихъ же собственными фамиліями). Египетская работа! Между тѣмъ какъ слѣдовало внушить Конторамъ, что онѣ должны хранить у себя, какъ документы, списки подписчиковъ, доставленные имъ изъ Газетной Экспедиціи, а съ нихъ снять копію на отдѣльномъ листѣ, который выдается почтальону, и онъ при помощи этого листа разноситъ газету, безъ всякой надобности пачкать ее каракулями, изображающими имена подписчиковъ; прибыли новые списки, и на листъ почтальона заносятся новыя лица съ ихъ адресами, и вмѣстѣ съ того дня выдается больше экземпляровъ; для тѣхъ же, которые живутъ за чертою города, ихъ экземпляры откладываются въ отдѣлъ постъ-рестанта. Если бы въ прошедшемъ году въ сентябрѣ и октябрѣ всѣ Конторы были оповѣщены о новыхъ формахъ съ инструкціею, какъ ими пользоваться, то мы не увидѣли бы

и десятой доли того истинно общественнаго бѣдствія, которое тѣмъ обиднѣе, что оно постигло всѣхъ велѣдствіе желанія лучшаго порядка.

Впрочемъ, у насъ такое явленіе не исключительно, и у насъ не только «худо не бываетъ безъ добра», но и наоборотъ: «добро не бываетъ безъ худа». Такъ, по поводу почтоваго же дѣла, мы можемъ замѣтить, что желѣзныя дороги—это величайшее благо—ездѣ содѣйствовали къ улучшенію почтоваго дѣла,—у насъ онѣ ухудшили его. А именно, ездѣ, во всѣхъ западныхъ государствахъ, при уступленіи концессіи, прежде всего принимались въ соображеніе почтовые интересы, т. е. интересы общества; и компаніи, за милліоны, которые имъ предстояло наживать, брали на себя ничего не стоющее имъ обязательство возить съ собою даромъ почтовый вагонъ. У насъ также не забыли при концессіяхъ почтовое дѣло, но сдѣлали это иначе: оградилъ желѣзныя дороги отъ почтоваго дѣла обязательствомъ не обременять ихъ свыше 200 пудъ въ одинъ разъ. Вслѣдствіе того, если нѣсколько редакцій сдадутъ въ одинъ день сверхъ 200 пудъ, то нельзя отправить всего въ одинъ разъ. Экономическая сторона дѣла не менѣе тутъ важна: почтамтъ нашелъ себя вынужденнымъ удвоить плату за журналы, т. е. наложить косвенную подать на чтеніе; а не было ли справедливѣе обязать всѣ желѣзныя дороги, какъ то сдѣлано за границею, къ даровой отправкѣ, которая компаніямъ также почти ничего не стоитъ, такъ какъ поѣздъ идетъ не для одного почтамта? Неудивительно послѣ того, что за границею почтовое дѣло процвѣтаетъ, не обременяя своимъ процвѣтаніемъ общества, а у насъ, и самое намѣреніе привести почтамтъ къ процвѣтанію стѣбитъ обществу новыхъ затратъ. Можетъ быть, наше указаніе на ненормальное отношеніе почтамта къ желѣзнымъ дорогамъ—опоздало, такъ какъ контракты уже сдѣланы,—но, можетъ быть, найдется средство поправить дѣло, а во всякомъ случаѣ, желательно бы не видѣть повторенія прежняго при открытіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

А П Р Ъ Л Ъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.
Томъ III. Спб. 1868.

Въ «Русскомъ Историческомъ Обществѣ» наука русской исторіи приобретаетъ — современнѣе, самый богатый запасъ матеріаловъ, изданныхъ притомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Настоящій томъ, помѣченный 1868 годомъ и поступившій въ продажу въ началѣ апрѣля, заключаетъ въ себѣ три обширныя статьи, изъ которыхъ двѣ — записка Троцинскаго о министерствахъ и записка графа Каподистрія о его служебной дѣятельности — касаются двухъ важныхъ моментовъ царствованія императора Александра I, и одна — дипломатическіе документы — для исторіи Россіи время Петра I, Екатерины I и Петра II; документы эти сообщены изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ марбургскаго университета, Э. Германомъ, авторомъ извѣстной «Geschichte des russischen Staats».

Записка Троцинскаго объ учрежденіи министерствъ написана въ томъ же духѣ, какъ судилъ объ этой реформѣ Карамзинъ въ своей «Запискѣ о старой и новой Россіи»; но, касаясь въ этомъ сочиненіи слишкомъ многихъ предметовъ, Карамзинъ опредѣлилъ недостатки реформы только въ общихъ чертахъ, схвативъ,

въ качествѣ публициста, только общій итогъ толковъ тогдашней партіи охранителей. Троцинскій, выходя изъ тѣхъ же положеній, какъ и Карамзинъ, подвергаетъ анализу всѣ подробности преобразованія, какъ настоящій дѣлецъ и человекъ глубоко-убѣжденный въ превосходствѣ такъ-называемаго имъ «коллежскаго» образа правленія передъ единоличнымъ. «Отличительное свойство единоличной формы, говоритъ онъ, есть подчиненіе всѣхъ одному начальству и каждаго чиновника постепенно одинъ другому... Тщетно законы въ разные времена усиливались положить предѣлы слѣдующему повиновенію подчиненныхъ; но несогласно съ природою, чтобъ подчиненный противопоставилъ закопъ своему начальнику, отъ котораго зависитъ все его счастье и несчастье. Начальникъ опредѣляетъ его къ мѣсту, тотъ же начальникъ лишаетъ его мѣста, когда заблаго-разсудить; слѣдственно подчиненному ничего не остается дѣлать, какъ только содѣйствовать видамъ начальника... Подчиненному не невыгодно исполнять то, чего отъ него требуетъ начальникъ, ибо въ свою очередь и онъ по своей части можетъ также позволять себѣ злоупотребленія, соразмѣрно со степенью своего званія... Форма сія свойственна однимъ только народамъ, находящимся въ варварствѣ, ибо онъ другой никогда не знали. И до сихъ поръ

еще азіатскіе народы управляются чиновниками, непосредственно подчиненными другъ другу, и отъ послѣдствій сего управленія самая цвѣтущія страны свѣта сдѣлались странами опустошенными, ибо форма сія находится въ совершенной противоположности съ выгодами государя, стѣснительна для подданныхъ, разорительна для государства, и въ такомъ только случаѣ допустительна: 1) когда всѣ мѣста заняты чиновниками одинаковой честности и одинаковой степени просвѣщенія, и 2) когда чиновники, пользуясь личною властію, встрѣчаютъ преграду въ народныхъ установленіяхъ, имѣющихъ достаточную силу для составленія противобѣсія ихъ производу». Смысла на представительный образъ правленія Англіи, утвержденный на силѣ общественнаго мнѣнія, «которое гораздо дѣйствительнѣе обуздываетъ корыстолюбіе, нежели всѣ рѣчи оппозиціонной партіи», Троицкій набрасываетъ картину современнаго ему состоянія Россіи въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Ни одно сословіе, изъ которыхъ состоитъ населеніе Россіи, «не находится въ томъ политическомъ положеніи, въ которомъ находятся соотвѣтствующіе имъ классы въ европейскихъ западныхъ государствахъ. Низшее состояніе, содержащее въ себѣ многочислѣннѣйшій классъ народа, не имѣетъ ни прага, ни преимуществъ, ни гражданскихъ, ни политическихъ (кур. въ под.) Среднее состояніе (мѣщане, вушцы и духовство), имѣющее нѣкоторыя права и преимущества, не имѣетъ никакого политическаго вліянія даже и того, которое нужно для охраненія себя въ пользованіи дарованными правами и преимуществами. Высшее состояніе, которое по видимому соединяетъ всѣ права и преимущества, въ самой вещи не пользуется ими по своему состоянію; и даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя только до него касаются, оно тогда только пріобрѣтаетъ политическое вліяніе, когда вступаетъ въ корпусъ правительственныхъ чиновниковъ. Слѣдственно, въ отношеніи политическаго вліянія, въ Россіи существуютъ только два класса: *управляющіе и управляемые*, изъ которыхъ первые могутъ дѣлать все, а послѣдніе ничего, даже въ законномъ пользованіи небольшимъ числомъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ законами». При такомъ состояніи Россіи, правленіе вышло бы совершенно олигархическое, еслибъ не было госу-

даря, соединяющаго въ одномъ своемъ видѣ всѣ тѣ власти, которыя въ умѣренныхъ (т. е. ограниченныхъ) монархіяхъ находятся разсѣянными въ различныхъ классахъ, составляющихъ государство. Посему-то російскій государь и долженствуетъ быть не только главою правительства, но и единственнымъ представителемъ народа, который, по своему положенію, кромѣ его, не можетъ имѣть никакого другаго представителя». «Принявъ на себя въ полномъ смыслѣ званіе народнаго представителя», Петръ I понялъ недостатки единоличнаго правленія и установилъ «товарищественное», какъ «приличнѣйшее для управленія Россіи». Онъ «учредилъ во всѣхъ коллегіяхъ дѣятельное и постоянное наблюденіе за исполненіемъ законовъ. Наблюденіе сіе нисходило прямо отъ самого государя и усосредоточивалось по сей части въ лицѣ генераль-прокурора, какъ истиннаго его поручика. Генераль-прокуроръ съ своей стороны имѣлъ представителей и въ Прав. Сенатѣ, и въ каждой коллегіи, и въ каждой провинціи; прокуроры, зависѣвшіе непосредственно отъ его власти, были истинные его намѣстники, и такимъ образомъ сіе наблюденіе разливалось на всѣ отрасли правленія и проникало въ самой вещи во всѣ ея части». Троицкій такъ стоитъ за эту форму, что полагаетъ вовсе ненужнымъ для народа «изданіе лучшихъ законовъ»; по его мнѣнію, достаточно одною «наблюденія за точнымъ исполненіемъ тѣхъ, кои уже существуютъ». Въ этомъ весь смыслъ записки и смыслъ того предпочтенія, которое отдаетъ онъ «коллегской формѣ». Онъ убѣжденъ, что государю легче наблюдать за однимъ генераль-прокуроромъ, чѣмъ за нѣсколькими министрами, власть которыхъ, по указамъ 1810 и 1811 годовъ, ставъ почти неограниченною. Собственно, Троицкаго идея объ одномъ генераль-прокурорѣ приближается къ тому, что нынѣ называютъ кабинетъ-министромъ, или министромъ-президентомъ.

Что такое министръ? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «Параграфъ 206 указа опредѣляетъ это слово такъ: «Министры суть орудія верховной исполнительной власти». Но министры не суть только существа вещественныя или матеріальныя, замѣчаетъ онъ, которыя слѣдо повинуются рукѣ, приводящей ихъ въ движеніе; министры суть люди, одаренные волею и проч»

Приводя другіе два параграфа, изъ которыхъ въ одномъ говорится, что „всѣ подчиненныя министру мѣста и лица обязаны исполнять его предписанія, даже въ случаяхъ крайнихъ неудобствъ“, а въ другомъ, что „министры имѣютъ право принимать или отказывать принимаемымъ имъ жалобы“, Трощинскій заключаетъ: „всякой безпрекословно согласится, что все это вмѣстѣ значитъ: *Министры могутъ предъ- мыслывать, что заботятся, и ни подьдом- ственны имъ чиновники, усматривающіе крайнія неудобства въ исполненіи ихъ приказаній, ни частныя лица, подвергающіяся отъ изложенія силъ предписаній разоренію, не имѣютъ права противорѣчить министрамъ.*» Говоря объ отвѣтственности министровъ, онъ естественно приходитъ къ такому выводу, «что 1) министры не подвержены никакой отвѣтственности за то, что они дѣлаютъ, и 2) министры подвержены неопредѣленной отвѣтственности за то, чего не дѣлаютъ».

Вообще должно сказать, что практическая сторона записки Трощинскаго довольно полно- вѣсна, мѣстами мѣтка и остроумна; но положительная ея сторона обнаруживаетъ въ авторѣ только человѣка честнаго, но весьма недальновиднаго. Какъ мѣстный консерваторъ, онъ ничего не ломаетъ, онъ не отрицаетъ совершенно даже критикуемыхъ имъ указовъ, но старается ввести гармонию и законность въ управление посредствомъ «точныхъ и ясныхъ инструкцій» министрамъ, закрытіе нѣсколькихъ лишншихъ инстанцій и «отвѣтственности въ чрезвычайныхъ случаяхъ за возбужденіе законодательной власти къ изданію повелѣній и указовъ.» «Хотя, говорить онъ, власть російскаго государя императора не имѣетъ никакихъ предѣловъ, но дѣйствіе сей неограниченной власти производится двоякимъ только образомъ: 1) или по собственному произвольному движенію государя императора, 2) или по предложеніямъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и министровъ. Никто не можетъ отвѣчать за дѣйствіе, происходящее отъ собственнаго и произвольнаго движенія государя императора. Для сего указы и повелѣнія, исходящія непосредственно отъ государя императора, не имѣютъ никакой надобности въ скрѣпленіи и контрасигнованіи; но каждая власть должна отвѣтствовать за всѣ дѣлаемые ею представленія, къ возбужденію власти государя

императора, а потому всѣ исходящія высочайшія повелѣнія и указы, вслѣдствіе предложенія какого либо лица и мѣста, должны быть скрѣпляемы или контрасигнованы тѣмъ лицомъ, отъ кого идетъ представленіе». Отсюда онъ выводитъ два общія правила, что правительствующій сенатъ, госуд. совѣтъ и министры отвѣчаютъ за содержаніе всякаго закона и указа, или контрасигнованнаго, какъ и за точность и ясность его формулы, и затѣмъ слѣдуетъ *вообще изъятій*, опредѣляющія случаи, когда никакой отвѣтственности не подвергаются ни министры, ни сенатъ, ни совѣтъ, и никто вообще. Впрочемъ, надо отдать справедливость Трощинскому въ томъ отношеніи, что онъ и самъ не вѣритъ твердо въ практическое приложеніе проектируемой имъ отвѣтственности. «Еслибы, говоритъ онъ, и порядокъ обвиненія (сената и министровъ), и порядокъ изслѣдованія опредѣлены были съ величайшею точностію безъ дѣйствительнаго установленія суда и безъ опредѣленія порядка сужденія и взысканія за нарушеніе законовъ, отвѣтственность будетъ только мечтательная. Въ § 295 общаго наказа министрамъ хотя означенъ верховный уголовный судъ, но судъ этотъ до сихъ поръ еще не существуетъ. Можетъ статься и неприлично, чтобы столь высокаго званія чиновники могли быть судимы кѣмъ либо другимъ, кромѣ Его Императорскаго Величества; но въ такомъ случаѣ всѣ сіи предосторожности, не производящія существеннаго дѣйствія и не представляющія ничего, кромѣ одной личной отвѣтственности, должны быть отмѣнены». Это гораздо проще.

Людей, подобныхъ Трощинскому и Карамзину, трудно заподозрить въ неискренности, въ своекорыстныхъ замыслахъ, въ желаніи выслужиться; но нельзя не отдать предъ ними предпочтенія такому человѣку, какъ Сперанскій. Въ то время, какъ первые находили достаточнымъ власть новыя заплаты на износившееся платье, Сперанскій смотрѣлъ гораздо дальше, и въ его логической, гениальной головѣ зрѣли широкіе планы. Критиковать созданное имъ учрежденіе министерствъ весьма легко, потому что это учрежденіе, какъ извѣстно, составляло только отрывокъ изъ цѣлой системы, и самъ авторъ отлично сознавалъ всѣ тѣ недостатки, на которые указывали Карамзинъ и Трощинскій. Изъ цѣлаго широкаго плана пре-

образованія, которое должно было дать Россіи «новое бытіе», по словамъ барона Корфа, біографа Сперанскаго, «приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша....» Извѣстно, что отрывки изъ этого плана сохранены Н. Тургеневымъ въ его книгѣ «La Russie et les Russes», и пробѣгая ихъ теперь и сравнивая съ измѣненіями и реформами его противниковъ, нельзя не сказать, что Сперанскій цѣлою головою былъ выше современниковъ, хотя слѣды неопытности и незрѣлости лежатъ на этомъ трудѣ. Мы не станемъ говорить о томъ, насколько приготовлена была тогдашняя Россія для воспріятія задуманныхъ Сперанскимъ преобразованій, и насколько могли быть они полезны или вредны въ своихъ результатахъ, особенно безъ освобожденія крестьянъ, о чемъ не было и рѣчи: отвѣты на подобныя вопросы могутъ быть только гадательными; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что голосъ Карамзина, которому вторилъ Трощинскій и многіе другіе, могъ принести только плоды еще едва ли не худшіе, тѣ плоды, которые созрѣваютъ обильно на почвѣ реакціи и полумѣр... Можно согласиться съ г. Поповымъ, написавшимъ предисловіе къ запискѣ Трощинскаго, что какъ прогрессисты, такъ и лучшіе охранители временъ Александра имѣли въ виду благо Россіи: но это насъ увѣритъ въ томъ, что извѣстная гражданская смѣлость Карамзина, возставшаго противъ преобразованій, не способствовала усилению благородной инициативы императора? Лучшая часть записки Трощинскаго заключается въ томъ, что говорить онъ объ управленіи Прибалтійскими губерніями и о крайней необходимости подчинить ихъ тѣмъ же порядкамъ, которые существуютъ въ остальной Россіи. Для того, чтобы убѣдить правительство въ мнимой законности остзейскихъ привилегій, Трощинскій набрасываетъ исторію этихъ провинцій и обнаруживаетъ тѣ уловки, къ которымъ прибѣгала балтійская интеллигенція для сохраненія въ цѣлости своихъ привилегій. Современная публицистика можетъ почерпнуть тутъ богатый матеріалъ для той борьбы, которую ведетъ она съ нѣмецкой печатью. Нѣ-

которыя страницы дышатъ такою современностью, что словно написаны только вчера.

Записка графа Каподистрія о его служебной дѣятельности—одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ для характеристики императора Александра и въ особенности для отношеній его къ Востоку. Каподистрія пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1809 г. и тогда же обратилъ на себя вниманіе императора; но вполне оцѣнилъ онъ его способности только во время войны 1812 г., когда Каподистрія состоялъ въ дипломатической канцеляріи генерала Барклай-де-Толли, въ которомъ сосредоточены были и наши сношенія съ Константинополемъ. Послѣ Кульскаго сраженія, Барклай представилъ на усмотрѣніе государя подробный отчетъ о положеніи, въ которомъ находились сношенія наши съ Левантомъ и ходатайствовалъ, чтобы приступлено было къ формальнымъ настояніямъ передъ Портою касательно тѣхъ кровопролитныхъ казней, которыми турки ознаменовали вторичное вступленіе ихъ во владѣнія Сербіей. Отчетъ этотъ, весьма понравившійся императору, писалъ Каподистрія. Когда армія шла къ Лейпцигу, во время одного роздыха въ лачужку, гдѣ занимался Барклай съ Каподистрія, вошелъ императоръ. Съ этого дня начались близкія, почти дружескія, сношенія между ними, быстро упрочившіяся вслѣдствіе одинаковаго образа мыслей относительно нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ. Назначая его уполномоченнымъ въ Швейцарію, императоръ такъ выразился о своей политической системѣ: «Ваши правила и ваши чувства мнѣ извѣстны: вы любите республику, я также ихъ люблю. Теперь надо спасти одну республику, которую поработилъ французскій деспотизмъ.... Возвратить каждому народу полное и совершенное пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ самихъ подъ защиту общаго шита, охранять ихъ и заступитъ ихъ отъ честолюбія завоевателей, вотъ основанія, на которыхъ мы надѣемся съ божіею помощію утвердить эту новую систему.» Изъ лицъ, окружавшихъ государя, никто не могъ оцѣнить этихъ побужденій лучше Каподистрія, глубоко преданнаго угнетеннымъ народностямъ, между которыми первое мѣсто занимала его родина. Уже во время этой первой дипломатической миссіи своей въ Швейцарію, Каподистрія имѣлъ случай познакомиться съ живою и уже себялюбивою политикою Ав-

стрія, которая увлекла вполнѣтвѣніи и Россію. Всею душою преданный государю, Каподистрія постоянно старался убѣждать его, что интересы Россіи чужды интересамъ Австріи, и не разъ доказывалъ это на дѣлѣ. Александръ, съ своей стороны, не могъ не цѣнить благороднаго и открытаго характера графа и питалъ къ нему въ такой степени полное довѣріе, что когда Наполеонъ, послѣ вторичнаго появленія своего въ Парижѣ, захватилъ въ кабинетѣ бѣжавшаго короля всѣ бумаги и отправилъ, чрезъ посредство Бутягина, императору Александру трактатъ заключенный между Австріей, Англійей и Франціей, для совокупнаго дѣйствія противъ Россіи, онъ ему первому показалъ его и спросилъ: «Что вы думаете про это?» — «Государь, я этого ожидалъ». — «Безъ сомнѣнія, сказалъ государь, люди, которые приложили руку къ этому соглашенію, не надѣются, чтобы теперь я счелъ его несуществующимъ. Впрочемъ, я не скажу имъ ни слова и приказываю вамъ поступить также; достаточно будетъ, если я удвою бдительность въ договорѣ, который будетъ заключенъ для возобновленія войны и для начатія похода. Я поручаю вамъ принять участіе въ этомъ договорѣ и представлять мнѣ ваши доносенія.» Актъ священнаго союза, набросанный самимъ государемъ карандашемъ, также первому было показанъ графу. Онъ возражалъ противъ него, но государь остался при своемъ мнѣніи. Поставленный во главѣ нашей дипломатіи по отношенію къ Востоку, Каподистрія придалъ нашей политикѣ то здравое направленіе, которое упрочило бы за Россіей первенствующее мѣсто въ рѣшеніи восточнаго вопроса, еслибъ не превозмогли интриги Меттерниха, на помощь которымъ пришли въ это самое время распадѣніе Испаніи, умерщвленіе герцога беррійскаго, событія въ Пьемонтѣ, семеновская исторія и другія подобныя событія. Государь сталъ повсюду видѣть дѣйствіе какого-то распорядительнаго комитета, который распространилъ будто бы отъ Парижа свою дѣятельность по всей Европѣ, съ цѣлью низвергнуть существующія правительства и ввести свойственныя революціи формы. Вліяніе Каподистрія падало, и рѣшенія государя стали носить на себѣ отпечатокъ австрійскаго кабинета, который дѣятельно клеветалъ на Каподистрія. «Берегитесь, говорилъ ему государь, къ вамъ придираются.» Каподистрія

очень хорошо зналъ это, но продолжалъ дѣйствовать самостоятельно. Въ августѣ 1821 г., когда наши отношенія къ Турціи стали особенно натянутыми, между государемъ и Каподистріей произошелъ замѣчательный разговоръ. «Если мы отвѣтимъ туркамъ войною, говорилъ императоръ, парижскій главный комитетъ восторжествуетъ, и ни одно правительство не останется на ногахъ. Я не намѣренъ давать просторъ врагамъ порядка. Во что бы то ни стало, надо найти средства удержать войну съ Турціей. Приглашаю васъ подумать объ этомъ и представить мнѣ дѣльную записку по этому затруднительному вопросу.» — «Да позволить мнѣ ваше величество выразить вамъ съ полною откровенностью мнѣніе мое по этому предмету.» — «Именно для этого вы здѣсь.» — «Допустимъ, государь, что въ Парижѣ или въ какомъ другомъ мѣстѣ существуетъ комитетъ, что онъ безпрестанно трудится, съ цѣлью испровергнуть всѣ существующія правительства. Допустимъ, что эти правительства не имѣютъ другого средства бороться съ этимъ внутреннимъ врагомъ и побѣдить его, какъ противопоставить ему чужія войска. Допустимъ, наконецъ, что они обратятся къ вашему величеству для полученія этой помощи. Предположивъ все это, развѣ нѣтъ у вашего величества столько войскъ, что ихъ станетъ для оказанія правительствамъ нужнаго имъ пособія и для обращенія турокъ въ предѣлы ихъ обязанностей посредствомъ военнаго движенія на Пруть и, если нужно, на Дунай? Съ другой стороны, если предать восточныхъ христіанъ на жертву истребительному изступленію мусульманъ, не будетъ ли это скорѣй содѣйствіемъ, чѣмъ препятствіемъ преступнымъ замысламъ сподручниковъ революцій? Если у этихъ людей есть задуманный планъ, то онъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы лишить законныя правительства всякаго къ нимъ уваженія и возбудить противъ нихъ негодованіе народовъ. Греки, отданные на жертву туркамъ, будутъ принуждены защищаться отчаянно... Надѣяться, что, посредствомъ переговоровъ, турокъ можно будетъ привести къ человѣческому и разсудительному образу дѣйствій — это значило бы отвергать опытъ дѣльмъ вѣковъ и свидѣтельства собственной нашей опытности.» Каподистрія начертываетъ даже планъ дѣйствій и совѣтуетъ не перегово-

вариваться, а дѣйствовать.—«Такъ, безъ сомнѣнія это было бы прекрасно,» замѣтилъ государь, выслушавъ продолжительные доводы своего статсъ-секретаря, «но все это можетъ быть осуществлено не прежде, какъ будутъ предварительно установлены соглашенія и совершенное единогласіе между союзными кабинетами. Итакъ, будемъ выигрывать посредствомъ нашихъ объясненій съ турками время, нужное для того, чтобъ условиться съ союзными дворами.» — «Государь, выигравъ время, мы потеряемъ его безвозвратно. Революція распространится до такой степени, что невозможно уже будетъ совладать съ нею. Когда пожаръ слишкомъ разгорится, то вмѣсто того, чтобы гасить его, нужно разрушать.» Этотъ разговоръ былъ началомъ конца. Каподистрія видѣлъ, что государь непреклоненъ; онъ пытался—было снова отклонить его отъ того скользкаго пути, на который тянула его Австрія, но напрасно. Послѣ одной бурной аудіенціи у государя, онъ увидѣлъ, что служить больше невозможно, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ. «Посторайтесь сдѣлать угодное государю, вы видите, что его рѣшимости измѣнить нельзя,» сказалъ ему Нессельроде.—«Такъ, безъ сомнѣнія,» отвѣчалъ Каподистрія, «я вижу это также ясно какъ и вы, но не мнѣ придется привести эту рѣшимость въ исполненіе». На прощальной аудіенціи государь сказалъ ему: «На вашемъ мѣстѣ я сталъ бы точно также говорить и дѣйствовать, но въ моемъ положеніи я не могу перемѣнить моего рѣшенія», и снова сталъ доказывать превосходство австрійской системы для сохраненія мира въ Европѣ... Повидимому, онъ надѣялся еще поколебать его. «Я осмѣлился еще, въ послѣдній разъ,» пишетъ графъ, «съ глубокимъ чувствомъ выразить ему всю горестъ, съ которою я видѣлъ себя осужденнымъ и моею совѣстью, и моимъ слабымъ разсудкомъ смотрѣть на вещи совершенно съ другой точки зрѣнія.» — «Итакъ» сказалъ государь, «если это нужно, разстанемся... Будьте увѣрены, что мои чувства къ вамъ никогда не измѣнятся.»

Удаленіе Каподистрія встрѣчено было вѣнскимъ дворомъ съ величайшею радостью. Императоръ Франкъ сказалъ Меттерниху: «Императоръ Александръ слишкомъ добръ; еслибы кто либо изъ моихъ употребилъ во зло мою довѣренность, какъ это сдѣлалъ графъ Капо-

дистрія съ своимъ государемъ, я бы показалъ примѣръ и приказалъ отсѣчь ему голову.»

Дипломатическіе документы, доставленные профессоромъ Германомъ, кромѣ любопытныхъ подробностей о придворной жизни и переворотѣхъ со времени заключенія вѣнскаго мира по 1727 г., заключаютъ въ себѣ росписи государственныхъ доходовъ Россіи, по смѣтѣ 1727 года.

Духовныя жены - Вильяма Диксона. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго, В. Зайцева. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лондонѣ на стали. Спб. 1869 г.

Когда появляются въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и книгахъ свѣдѣнія о многочисленныхъ религіозныхъ сектахъ, группируемыхъ обыкновенно подъ одно общее названіе раскола, когда эти свѣдѣнія даютъ намъ понятія о явленіяхъ высоко-нелѣпныхъ или высоко-безобразныхъ, или просто оригинальныхъ, мало общаго имѣющихъ съ установившимися правилами нравственности и общечитія, мы съ глубокомыслиемъ пожинаемъ плечами и спокойно относимъ явленія эти къ невѣжеству нашей грубой народной массы, среди которой они преимущественно возникаютъ. Книга Диксона заключаетъ въ себѣ разсказъ о подобныхъ же явленіяхъ въ средѣ совершенно образованнаго общества Европы и Америки; можно ли къ этому отнести съ тѣмъ же объясненіемъ, и людей образованныхъ засадить за азбуку и чистописаніе, или слѣдуетъ причислить ихъ къ помѣшаннымъ, не признаваемымъ однако за таковыхъ психіатрами, или наконецъ, слѣдуетъ признать это за исканіе новаго міра, новыхъ житейскихъ отношеній? Вотъ вопросы, представляющіеся читателю по прочтеніи книги.

Въ 1867 г., въ Кенигсбергѣ, городѣ преимущественно ученомъ, отличающемся необыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ, гдѣ даже женщины гораздо образованнѣе своихъ сестеръ остальной Германіи, въ залѣ ратуши собралась толпа мужчинъ и женщинъ слушать проповѣдника, по фамиліи Дистеля. Дѣло происходило въ зимнюю ночь. Проповѣдникъ возвѣщалъ не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, что «Христосъ идетъ», «второе пришествіе наступаетъ». Онъ говорилъ увлекательно и толпа восклицала за нимъ: «Christus kommt! Gott

sei Dank! Christus kommt!» Многія суровыя лица слушателей орошались слезами; мужчины громко рыдали, женщины падали безъ чувствъ. Когда толпа стала расходиться, извнѣ слышались звуки оружія и крики. Дѣло въ томъ, что около ратуши собралась толпа еще большая, чѣмъ въ залѣ, между прочимъ, нѣсколько сотъ студентовъ. Начавъ свалка. Студенты бросались на женщинъ, которыя выходили изъ залы, съ хохотомъ цѣловали ихъ, говоря, что они даютъ имъ «серафимскія лобзанія» и громко кричали: «да здравствуютъ муверы!»

Серафимскія лобзанія и муверы — слова, имѣющія не малое значеніе въ новѣйшей исторіи прусской консервативной аристократіи. Муверы—слово простонароднаго жаргона, выражающее понятіе о нравахъ разныхъ нечистыхъ звѣрьковъ, напр., крысъ и кроликовъ, а въ приложеніи къ людямъ высшихъ сословій—шарлатанство, развратъ и лицемеріе. Оно родилось, какъ слѣдствіе «серафимскихъ лобзаній», которыя возникли въ первой четверти текущаго столѣтія. Въ Петербургѣ, когда министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ былъ Голицынъ, и когда мистическому вздору открыта была широкая дорога, въ инженерномъ замкѣ у г-жи Татариновой собиралось общество образованныхъ русскихъ, цѣли мистическіе гимны и цѣловались «серафимскими лобзаніями». Это было, по всей вѣроятности, отраженіемъ того, чтѣ происходило въ Кенигсбергѣ вслѣдствіе религіознаго движенія, центромъ котораго былъ архидіаконъ Эбель, сначала учитель Закона Божія въ Фридриховой коллегіи, потомъ глава одной кенигсбергской церкви, именно альтштадтской, преимущественно посѣщаемой женщинами высшаго круга. Эбель былъ съ дѣтства мечтатель и не переставалъ грезить, когда встрѣтится съ человекомъ, о которомъ говорили, что онъ сдѣлалъ удивительное открытіе, могущее примирить свободу съ авторитетомъ и человека съ Богомъ. Это былъ нѣкто Шенгерръ, сынъ одного благочестиваго гренадера; до пятнадцати лѣтъ онъ ничего не дѣлалъ, почти ничему не учился, но любилъ шалиться по коллегіямъ, читалъ библію и задавалъ вопросы, на которые никто ему не отвѣчалъ: вскорѣ онъ бросилъ библію, найдя, что все въ ней вздоръ, и сталъ посѣщать философскія лекціи въ университетѣ, но и университетъ не удовлетворилъ его; и

онъ снова пошелъ бродить по городамъ, наблюдать свѣтъ и предаваться размышленіямъ. Во время этого-то странствія онъ сдѣлалъ великое свое открытіе двойственнаго начала въ природѣ, мужского и женскаго элементовъ въ лицахъ: свѣта—мужа, животворца, и воды,—жены, питательницы. Размышляя объ этой тайнѣ природы, онъ пришелъ къ убѣжденію, что она открыта ему самимъ Богомъ, а такъ какъ тайна эта слишкомъ велика, то естественно никому другому она не могла быть открыта, какъ только избраннику Божию, и что этотъ избранный есть не кто иной, какъ онъ, Шенгерръ, а Шенгерръ не кто другой, какъ самъ параклетъ (духъ святой) во плоти. И пошелъ онъ проповѣдывать свое открытіе и называть себя параклетомъ, зашелъ въ Эммануилу Канту и объяснилъ ему, что все живущее состоитъ изъ свѣта и воды. «Хорошо, отвѣчалъ изслѣдователь чистаго Разума, а вы пробовали жить этимъ?» Бѣдный параклетъ не пробовалъ, но попробовалъ три дня не ѣсть, и не могъ, хотя, въ рѣдкихъ случаяхъ, конечно, чело-вѣкъ дѣйствительно можетъ оставаться на одной водѣ до 70 дней: однако, убѣжденіе осталось при немъ, и онъ нашелъ себѣ послѣдователей, не только въ бѣдномъ рабочемъ классѣ, около котораго онъ почти исключительно держался, но и въ высшихъ сферахъ. Въ него увѣровалъ ученый Эбель, который свелъ его съ графомъ фонъ-Каницемъ и съ фрейлейнъ Минной фонъ-Дершау: въ первомъ, параклетъ призналъ немедленно апокалиптическаго ангела, во второй невѣсту агнца; Эбеля назвалъ онъ первымъ пророкомъ, а главнаго ученика своего, Дистеля — разрѣшителемъ седьмой печати. Эбель, высокій, стройный, граціозный, краснорѣчивый, мужественно призналъ съ каедръ двойное начало въ природѣ и, въ качествѣ перваго пророка, пошелъ съ параклетомъ проповѣдовать. Въ Силезіи они привлекли на свою сторону уроженку Кенигсберга, молодую вдову, необыкновенную красавицу, Иду фонъ-деръ Гребенъ, дочь графа фонъ-Ауерсвельда, сыновья котораго, Рудольфъ и Альфредъ, едѣлались вполнѣдствіи знаменитостями въ прусской исторіи,—Рудольфъ, какъ министръ революціи 1848 г., а Альфредъ, какъ политическій вождь, не принявшій должности. Ида, натура романтическая, возвышенная, въ это время была особенно готова къ воспріятію

мистическихъ бредней, потому что тяжко тосковала по нѣжно-любимомъ ею мужѣ, который палъ на полѣ сраженія.

Ида, рѣшившаяся-было не покидать своего уединенія въ Силезіи, благодаря влеченію къ Эбелю, вернулась въ Кенигсбергъ, чѣмъ несказанно обрадовала аристократію и отца своего, который былъ оберъ-президентомъ восточной Пруссіи. Съ своей стороны, благодаря Идѣ, Эбель сдѣлался моднымъ проповѣдникомъ и разстался съ Шенгерромъ, который не могъ справиться съ своей грубой рѣчью и грязноватой наружностью. Такимъ образомъ, онъ одинъ остался проповѣдникомъ новаго ученія, которое привлекло всю аристократію, потому что затрогивало сокровеннѣйшія чувства всякаго мужчины и всякой женщины. Онъ училъ, что истинные послѣдователи новаго евангелія не должны вступать въ бракъ, а если уже состоятъ въ законномъ союзѣ, то должны жить, какъ бы этого союза не существовало. Желаніе считалось признакомъ господства въ сердцѣ дѣвола, а сопротивленіе ему—благороднѣйшимъ дѣломъ христіанина. Въ новой жизни духа, законной любовью могла быть только духовная любовь. Заповѣдь Бога, данная прародителямъ—умножаться и населять землю—была признана исполненной, и въ истинной церкви святыхъ, какъ называли себя эбеліанцы, не допускались ни рожденіе, ни смерть.

Ближе всѣхъ къ Эбелю стояли женщины; онѣ знали самыя тайныя его мысли, онѣ были его друзьями, совѣтниками, агентами; черезъ нихъ онъ дѣйствовалъ на свѣтъ. Понятно, что дамы ввели въ церковь не только женскій духъ, но и женскія воззрѣнія и привычки. Церковь сдѣлалась пріятной и изящной, богослуженіе—веселымъ и праздничнымъ; грубыхъ мужчинъ привычки были изгнаны, и женщины сдѣлались руководительницами и даже исповѣдниками мужчинъ, причемъ онѣ изощряли свое дѣятельное воображеніе въ измысленіи проступковъ, лова прегрѣшенія, совершеннаго не только дѣломъ, но и мыслью. Все эбеліанское общество считало себя живущимъ жизнью въ Богѣ, совершенно отдѣльной отъ остальнаго свѣта. Они считались братьями и сестрами, составляли одно священное семейство, живущее въ ангельской чистотѣ и съ ангельской свободой. Однимъ изъ сладкихъ вознагражденій этой жизни было преимущество обмѣниваться между

собою серафимскими лобзаніями. Больше всѣхъ, конечно, этимъ правомъ пользовался Эбель, всегда окруженный красавицами, между которыми преимущественное мѣсто занимала графиня Ида; они были почти неразлучны во дворцѣ оберъ-президента, и Эбель часто при всѣхъ называлъ ее своей духовной женой. Другая красавица, Минна фон-Дершау, также сильно ухаживала за Эбелемъ и сдѣлала откровеніе, которое произвело переносохъ въ женскомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что Эбель проповѣдовалъ близкое пришествіе Христа къ своимъ святымъ, т. е. къ эбеліанцамъ. Минна открыла, что Эбель и есть самъ Христосъ. Кому же быть невѣстой агнца? тотчасъ задали себѣ такой вопросъ женщины. На эту роль сильно рассчитывала Минна, но Ида выдала ее замужъ, а потомъ женила и самого Эбеля для того, чтобъ сдѣлать его домъ болѣе доступнымъ его знатымъ пріятельницамъ. Конечно, для роли законной жены найдена была дѣвушка молоденькая, хорошененькая и покорная, которая отнюдь не могла мѣшать духовному соединенію новаго мессіи съ другими женщинами. Этотъ союзъ образовался такъ: графиня Ида была первой его женой, представлявшая въ отношеніи его начало свѣта; Эмилія фон-Шреттеръ была его вторая жена, представлявшая начало мрака, а третья, законная жена, представляла начало соединенія.

Долго благодумствовали святые, подъ кровомъ обер-президента, цѣловались, обнимались и укрѣпляли духъ свой противъ соблазновъ плотской красоты. Съ этою цѣлью, въ частныхъ собраніяхъ сената, во дворцѣ обер-президента, или въ домѣ графини фон-Каницъ, уговаривали какую-нибудь красивую женщину изъ присутствующихъ обнажить руку, ногу или плечо, дабы представить церкви наглядный примѣръ соблазновъ, которые дьяволъ ставитъ на пути челоуѣку. Эти уроки сопротивленія соблазнамъ простирались такъ далеко, что описаніе ихъ можетъ быть пристойно только въ медицинской книгѣ. Любопытные найдутъ это въ самой книгѣ, именно въ приложеніи, которое состоитъ изъ доноса профессора Закса. Еврей по происхожденію и религіи, прозванный Мефистофелемъ за смѣлость своего ума, циничность рѣчи и презрѣніе къ религіямъ, Заксъ крестился и вступилъ въ общество святыхъ съ тѣмъ, чтобъ получать протекцію

для занятія медицинской кафедрой въ университетѣ. Ему исторія обязана будетъ раскрытіемъ того цинизма и утонченнаго разврата, который прикрывался обрядами новой религіи, сдѣлавшейся прибѣжищемъ прусскихъ реакціонеровъ и феодаловъ.

Эбель предсказалъ, что Христосъ явится на пасху 1836 г.; предсказаніе не исполнилось, и эбельяницы подверглись насмѣшкамъ. Въ слѣдующемъ году, умеръ обер-президентъ восточной Пруссіи, графъ Ауерсвальде, и на его мѣсто назначенъ былъ фонъ-Шенъ, по темпераменту и направленію ума политическій противникъ музеровъ, какъ звали либералы эбельянцевъ. Онъ, впрочемъ, не трогалъ секты, но и не защищалъ ее и не покровительствовалъ ей. Сворачиваніе въ секту одной дѣвушки послужило предметомъ журнальной полемики и памфлетовъ; оскорбленная сторона жаловалась въ судъ: начался процессъ, кончившійся тѣмъ, что Эбеля лишили мѣста въ альтштадтской церкви. Во время этого-то процесса упомянутый выше Заксъ написалъ записку о музерахъ и раскрылъ тайны ихъ. «Эбель придавалъ, говорить онъ, между прочимъ, большое значеніе различію состояній и общественныхъ положеній; въ послѣдствіи онъ говаривалъ мнѣ и многимъ другимъ, что Христосъ имѣлъ меньше успѣха, чѣмъ онъ, ибо тому приходилось имѣть дѣло съ необразованными людьми, принадлежащими къ нижнимъ классамъ общества, тогда какъ онъ окруженъ графами, графинями и т. д.» Эбель умеръ въ 1861 году, въ трагическомъ городѣ Людвигсбургѣ, близъ Штутгарта, на рукахъ своей духовной жены, графини Иды. Предъ смертію онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть распространеніе своего ученія въ самыхъ просвѣщенныхъ и промышленныхъ городахъ Германіи—въ Галлѣ и Гейдельбергѣ, въ Берлинѣ и Ганноверѣ, въ Дрезденѣ и Штутгартѣ, въ Бременѣ и Альберфельдѣ. Утверждаютъ, что король Фридрихъ Вильгельмъ IV сдѣлался передъ смертію музеромъ, и что виртембергская королева Полина также приняла ученіе кенигсбергскаго пророка.

Не такъ давно музерство перешло въ Англію. Лѣтъ тридцать тому назадъ, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, товарищей между собою по богословской коллегіи св. Давида въ Лампетерѣ, въ графствѣ Кардиганскомъ, составили релігіозное общество подъ именемъ лам-

петерскаго братства. Лозунгомъ братства была молитва, все ихъ удовольствіе въ молитвѣ; въ особенности любили они Пѣснь Пѣсней Соломона, толкуя ее въ томъ духовномъ смыслѣ, который приписываютъ ей комментаторы. Съ ихъ языка не сходили цитаты изъ этой книги: «пусть онъ лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ твоихъ», «твоя любовь мнѣ слаще вина», и проч. Руководителемъ этого братства явился Генри Джемсъ Прайнсъ, который былъ сначала докторомъ, но, съ дѣтства склонный къ благочестію и мистицизму, 26-ти лѣтъ записался въ студенты коллегіи св. Давида. По выходѣ изъ коллегіи, онъ сдѣлался священникомъ, женился на старой дѣвѣ, которая могла быть его матерью и которая никогда не была его настоящей женой. Прайнсъ не думалъ о плоти, и жилъ въ духѣ и, приходя все въ болѣшій и болѣшій энтузіазмъ, сталъ проповѣдовать, что второе пришествіе Христова настало, что онъ самъ есть не кто иной, какъ обѣщанный утѣшитель, что всѣ вѣрующіе должны принести въ жертву Богу все, родителей, жену, дѣтей и состояніе, главное—состояніе, ибо Прайнсу нужны были деньги; что любовь отнынѣ должна быть духовная и супружество уничтожится, какъ уничтожился ветхій Адамъ. Такая проповѣдь обратила на себя вниманіе англиканскаго духовнаго начальства, и Прайнсъ съ своими послѣдователями отрезался отъ англиканской церкви и построилъ себѣ около Спакстона, въ прелестнѣйшей странѣ, такъ-называемый Пріютъ любви или Агапемонъ. Деньги для покупки земли и постройки зданія были внесены братьями и сестрами, отчасти при помощи вымогательства и обмана, отчасти добровольно «Сестра Дженъ, Богу' надо 50 фунтовъ. Аминь». Такъ обыкновенно писалъ Прайнсъ, и ему не отказывали. Когда уже пріютъ устроился съ достаточнымъ комфортомъ, Прайнсъ задумалъ великое таинство для того, чтобъ освободить человѣка отъ рабства тоски, скорби и смерти. «Иисусъ пришелъ въ міръ, говорилъ Диксону Прайнсъ, уничтожить дѣло дьявола въ душѣ, а я пришелъ уничтожить его во плоти. Это совершилось въ определенное Богомъ время и предписаннымъ имъ способомъ; это совершилось не тайно, не взаперти, а среди бѣлаго дня, передъ толпой свидѣтелей». Прайнсъ, умершій лично для плоти и воскресшій въ жизни въ духѣ, долженъ былъ

опять принять на себя плоть во имя и властью Господа, чтобъ такимъ образомъ Богъ могъ познать тварь, а тварь могла познать Бога, во плоти; этимъ способомъ всѣ люди получали возможность спастись, спасти не только души свои, но и тѣла, такъ что весь человѣкъ, какъ онъ есть, очищался отъ грѣха, вступалъ въ благодать и навѣки сливался съ единымъ святымъ, то-есть съ искупителемъ — Прайнсомъ. Для этого процесса требовалась дѣвственница, невѣста агнца, юная, прекрасная и непорочная. И Прайнсъ возвѣстилъ, что властью божьей возьметъ себѣ въ жены такую дѣвственницу, сочетается съ нею, какъ женихъ съ невѣстой, не въ страхѣ и стыдѣ, не въ тайномъ мѣстѣ, не за запертыми дверями, а открыто, среди бѣлаго дня, въ присутствіи всѣхъ святыхъ, мужчинъ и женщинъ. Онъ говорилъ, что Богу угодно, чтобы онъ взялъ эту дѣвственницу добровольно, въ силу своей верховной власти, ни у кого не спрашивая согласія, особенно у самой избранной. Въ назначенный день и часъ это великое таинство дѣйствительно совершилось въ церкви, среди святыхъ, которые безмолвно и благоговѣйно созерцали... Избранная, миссъ Патерсонъ, покорилась безъ ропота. Однако, этотъ скандалъ не обошелся даромъ Прайнсу: нѣкоторые святые вышли изъ пріюта и, что особенно прискорбно было, взяли свои деньги. Мало этого, миссъ Патерсонъ родила ребенка, чѣмъ Прайнсъ былъ повергнуть въ величайшую тоску и отчаяніе; вскорѣ, впрочемъ, онъ утѣшился и убѣдилъ святыхъ, что ребенокъ этотъ — послѣдній плутовъ дьявола, который отнынѣ уже навсегда изгнанъ съ земли.

Святые обратили свою бывшую церковь въ въ биллиардную и живутъ съ комфортомъ; іерархія у нихъ апокалиптическая: около Прайнса состоятъ «два единые помазанніе», «невѣста агнца» и проч.; шпіонство сильно развито у святыхъ: они постоянно наблюдаютъ другъ за другомъ, подслушиваютъ, такъ что вдвоемъ никому нельзя остаться. Всѣхъ ихъ человѣкъ до шестидесяти, въ томъ числѣ нѣсколько хорошенькихъ женщинъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, обнаружилось сильное религиозное движеніе въ нѣкоторыхъ округахъ штата Нью-Йорка и Массачузета и затѣмъ распространилось на сотню городовъ и тысячи деревень Соединенныхъ Штатовъ. Подъ влияніемъ какого-то внезапнаго вну-

треннаго побужденія, люди весьма пріятные и уважаемые принялись толковать о томъ, что пришествіе Господа близко, и что надо готовиться къ встрѣчѣ его; церкви стали растворяться ежедневно и были наполнены грѣшниками, умолявшими Бога о помилованіи; движеніе расло такъ быстро, что въ церквахъ не доставало мѣста: стали всюду нанимать помѣщенія: школы, балныя залы, даже театры превращались въ церкви. Въ сельскихъ округахъ для молебствій устраивались лагеря; сотни незваныхъ бродячихъ проповѣдниковъ, мужчинъ и женщинъ, отерли походъ вретивъ сатаны и плоти. Законное духовенство было признано лживымъ, христіанская церковь отжившею. Основалась новая церковь Паулинская, раздѣлившаяся на двѣ вѣтви: центромъ одной былъ Маніусъ въ штатѣ Нью-Йоркъ, а ея учителемъ преподобный Гирамъ Шельдонъ; центромъ другой служила альсоевая коллегія въ Коннектикутѣ, потомъ Петней въ Вермонтѣ, а наставникомъ его былъ препод. Джемъ Нойесъ. Паулинская церковь объяснила свое основаніе дѣльми рядомъ видѣній, внушеній и внутреннихъ откровеній св. духа. Она учила, что человѣкъ можетъ достигнуть совершенства и сдѣлаться неспособнымъ грѣшнить, и что всего этого уже достигли ея основатели. Зимой 1834 г., на митингѣ въ Маніусѣ, послѣдователи Нойеса и Шельдона приняли названіе «святыхъ» и возвѣстили свое отреченіе отъ стараго міра, которое прежде всего должно было выразиться въ избраніи каждымъ своего рая и своей Евы; когда начался этотъ выборъ, то почти никто изъ святыхъ не нашелъ рая въ своемъ домѣ и Евы въ своей женѣ, несмотря на то, что поиски за чужими женами обходились святымъ иногда очень дорого: были примѣры, что простые смертные, не желавшіе присоединяться къ святымъ и видѣвшимъ въ ихъ поискахъ за Евами только нарушеніе доброй семейной нравственности, раздѣвали святыхъ до нага, вымазывали ихъ дегтемъ, вываливали въ пуху и въ такомъ видѣ сажали на заборы. Впрочемъ, направленіе паулинской церкви было сначала ближе къ аскетизму, чѣмъ къ вольной жизни. Проповѣдники и въ особенности проповѣдницы рекомендовали духовные союзы, которые ограничивались бы только лобзаніями и такъ-называемыми «ухватками», да и то послѣднія допускались только какъ средство

для искусства. Разумѣется, проповѣдь о духовныхъ союзахъ основана была на священномъ писаніи, именно на 5 ст. X главы перваго посланія апостола Павла къ коринѳеянамъ. Ап. Павелъ не былъ женатъ, а между тѣмъ въ его проповѣднической миссіи его сопровождала женщина, бывшая постоянной помощницей его, какъ это видно изъ упомянутаго посланія. Въ какихъ же отношеніяхъ былъ св. Павелъ съ этой женщиной? Этому вопроса нѣтъ не касался изъ биографовъ апостола, но «святые» рѣшили, что Павелъ жилъ съ своей спутницей не по закону, а по благодати, т. е. онъ былъ ей духовнымъ супругомъ, а она его духовной женой. Кромѣ этого примѣра, «святые» ссылались на аганы, существовавшіе въ первобытной христіанской церкви: братья и сестры во Христѣ сходились въ частныхъ домахъ и въ предѣлахъ церкви; ѣда и питье, которыя каждый приносилъ съ собою, дѣлились общимъ достоиніемъ; хвалебныя гимны и пѣсни пѣлись хоромъ. Сюда ссылались неимущіе, хромые, старые; богатый и бѣдный, здоровый и больной садились за общій столъ; съ наступленіемъ ночи приносились свѣтальники; вѣрующіе умывали себѣ руки, и мужчины и женщины обмѣнивались благочестивымъ поцѣлуемъ. Этотъ «праздникъ любви», говоритъ Тертуліанъ, служить поддержкою любящимъ, утѣшеніемъ для чистыхъ, утѣхою для богатыхъ, дисциплиною для слабыхъ». Но впослѣдствіи церковь увидѣла, что аганы теряютъ свой первоначальный братскій характеръ и обращаются въ развратную оргію. Уже св. Павелъ жаловался своимъ коринѳскимъ друзьямъ, что вѣрующіе, нависаясь и наѣдаясь въ аганахъ, не приглашаютъ на нихъ бѣдныхъ.

Американскіе «святые» приняли аганы за образецъ своихъ собраній и отношеній половъ. Эти отношенія становились со дня на день вольнѣе и вольнѣе, но святые утѣшали себя тѣмъ, что дурное въ грѣховномъ состояніи можетъ быть вполне хорошо въ состояніи благодати, а этой благодатью святые были преисполнены. Препод. Нойесъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, вскорѣ возвыстилъ открытымъ письмомъ, что «нелѣпо стѣснять закономъ половыя отношенія, какъ нелѣпо стѣснять на праздникѣ гостей въ употребленіи пищи и питья, и какъ здѣсь, такъ и тамъ одинаково неумѣстно какое бы то ни было

чувство стыда. Богъ имѣлъ достаточныя причины воздвигнуть между мужчиной и женщиной преграду на время отступничества, но по стольже достаточнымъ причинамъ по воскресеніи преграда эта рушится. Я называю извѣстную женщину своей женой; но она и ваша жена; она христова жена, и чрезъ него она жена всѣхъ святыхъ». Это ученіе легло въ основу отношеній половъ между собою въ общинахъ «святыхъ».

Явленіе и распространеніе спиритизма также способствовало свободѣ отношеній половъ, при чемъ духи еще способствовали выбору духовной супруги, которою обыкновенно оказывалась супруга сосѣда; но такъ какъ ошибка тутъ дѣло обыкновенное, то дѣлую жизнь можно переходить отъ одной женщины къ другой, все ища духовнаго сродства, которое одно только можетъ быть упрочено и въ будущей жизни. Заботясь о пребываніи на небѣ, спиритуалисты наслаждаются на землѣ. Рядомъ съ этими религиозно-мистическими ученіями, которыми прикрывалась свободная любовь и дикій развратъ, приличный по своей внѣшности, но въ сущности нисколько не лучшій разврата, господствующаго въ нѣкоторыхъ нашихъ раскольниковыхъ сектахъ, съ ихъ христами, богородицами, пророками и пророчицами — явленіе аналогическое съ «святими» Америки и Европы — рядомъ, говоримъ, съ этимъ религиознымъ движеніемъ, въ настоящее время идетъ въ Америкѣ антирелигиозное и социалистическое движеніе, представителями котораго являются Дель Овенъ, сынъ знаменитаго Роберта Овена, и его спутница Френсисъ Райтъ. Отвергая Библию, они провозгласили ученіе свободной любви и свободного развода и развивали его въ брошюрахъ, въ книгахъ, съ ваедръ. Оба даровитые, оба краснорѣчивые, они нашли себѣ многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ. Свободная любовь воспѣвается сотнями поэтовъ, по большей части посредственныхъ, и эти поэты преимущественно женщины, блестящія чувственностью описаній восторговъ и наслажденій. Полагаютъ, что число лицъ, открыто живущихъ въ свободной связи, заключаемой на извѣстный срокъ или на опредѣленное время, какое любовникамъ за благоразсудитя прожить вмѣстѣ, такъ велико, что церкви и суды должны были признать ихъ существованіе. Кромѣ того, образо-

ваюсь нѣсколько общинъ съ специальною цѣлью для занятій свободной любовью; между такими общинами особенно извѣстны двѣ — «Новыя времена» и «Берлинскія высоты». Последняя — деревня въ штатѣ Огайо; здѣшніе поселенцы доставляютъ другъ другу помощь и удобства, и утѣшаютъ четы, несчастныя въ супружествѣ, обширнымъ обмѣномъ брачныхъ отношеній; но здѣшнее население постоянно измѣнялось: никто не могъ оставаться здѣсь долго, ибо «здѣшній воздухъ казался слишкомъ пахучимъ даже для эманципированныхъ женщинъ». «Новыя времена» образовались въ Лонгъ-Айлендѣ, близъ Нью-Йорка. Они выдаютъ себя за послѣдователей положительной философіи и отвергаютъ рѣшительно все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ міръ, какъ старую ветшь и ломотья суевѣрій.

На свободной землѣ Америки — раздолье для приложенія всевозможныхъ теорій; сотни общинъ коммунистическихъ образовывались и лопались; теорія Овена, фаланстеріи Фурье нашли себѣ здѣсь ревнителей и капиталистовъ, но капиталъ истощался и овенисты и фурьеристы возвращались къ прежнимъ занятіямъ: сильное доказательство въ пользу ничтожности самыхъ теорій. Приложение къ практикѣ ученія о свободной любви держится только тамъ, гдѣ во главѣ общины стоитъ деспотъ, умѣвшій все прибрать къ своимъ рукамъ. Трудъ не процвѣтаетъ тутъ вовсе, а неуимѣренность въ наслажденіяхъ поведетъ къ дряблости и вырожденію поколѣній, которымъ суждено возрасти на почвѣ разврата, именуемаго свободной любовью. У нѣкоторыхъ нашихъ раскольниковъ существуетъ такъ-называемый «свадьный грѣхъ»; грубо и цинично выходитъ, когда вѣрующіе предаются этому наслажденію въ какой-нибудь избѣ, подъ постояннымъ страхомъ преслѣдованія, пара около пары; но не тотъ же ли свадьный грѣхъ лежитъ въ основѣ общинъ свободной любви?

Книга Диксона исполнена большого интереса и, по всей вѣроятности, ее ждетъ у насъ большой успѣхъ. Переводъ ее очень хорошъ, издана она изящно. Авторъ почти всюду сохраняетъ полную объективность, какія бы человѣческія заблужденія онъ ни рисовалъ; тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, которое она производитъ, остается вполне нравственнымъ и поучительнымъ.

Русь и русскіе въ 1812 г. (Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ). С. М. Любецкаго. Двѣ части въ одномъ томѣ. Москва 1869 г.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что г. Любецкій двѣ части соединилъ въ одномъ томѣ, о чемъ даже на оберткѣ извѣщено, ибо въ двухъ частяхъ всего 400 стр. разгонистой печати, но удивительно то, что онъ назначаетъ свою книгу, написанную тяжелымъ языкомъ, напоминающимъ отчасти Михайловскаго-Данилевскаго, отчасти Марлинскаго, «для чтенія всѣхъ возрастовъ». Нѣкоторые возрасты совсѣмъ ничего не поймутъ въ этой книгѣ, а если и поймутъ, то развѣ на свою бѣду. Дѣло въ томъ, что г. Любецкій, въ качествѣ патріота, съ наслажденіемъ по истинѣ плотояднымъ, рисуетъ даже самыя возмутительныя сцены, и своею манерой изложенія словно приглашаетъ читателя раздѣлять его восторги и юморъ по поводу сценъ съ пальчомъ. Такъ, напр., говорить онъ о томъ, что двухъ московскихъ французовъ, булочника и повара, повели наказывать. «Когда его (булочника) окружили конвоемъ и, въ присутствіи толпы народа, называвшаго его «щелькоперомъ», повезли для казанія на конную, онъ смертельно испугался и началъ признательно восклицать: «батушки перяславные, не пуду, не пуду!» Поварь, vysokій, богатырсклаго сложенія, въ модномъ сюртукѣ, въ пуховой шляпѣ и при часахъ, шелъ бодро и твердою поступью на Болотную площадь. Вѣроятно, онъ полагалъ, что *никто не осмѣлится дотронуться до иностранной стимы*; но когда *заплеванный мастеръ началъ полосить ее своею плетью*, то онъ такъ потерялся, что не могъ шелохнуться ни однимъ членомъ. Послѣ наказанія, *его везали на телегу и повезли въ тюрьму*. Подобный юморъ, примѣровъ котораго множество въ книгѣ г. Любецкаго, напоминаетъ юморъ московскихъ купцовъ, которые недавно были позваны къ мировому судѣ за то, что облили собаку фотогономъ и зажгли на ней шерсть, потѣшаясь страданіемъ бѣднаго животнаго. Насколько г. Любецкій выше этихъ современниковъ нашихъ, пусть судятъ сами читатели. Само собою разумѣется, что въ сочиненіи этого писателя нѣтъ никакой провѣрки фактовъ — онъ бралъ анекдоты самой двусмысленной достоверности изъ самыхъ двусмысленныхъ сборниковъ и сочиненій и уснащивалъ ими свою книжку.

Ростопчинскія афиши, блещущія фантазією и хвастовствомъ, ничѣмъ не оправдываемою ложью, гдѣ перемѣшаны ямщицкіе каламбуры съ текстами св. писанія, г. Любецкій считаетъ верхомъ совершенства въ смыслѣ объясненія съ народомъ и увѣряетъ, что онѣ достучались до сердца русскаго человѣка и влили новыя силы, бодрость въ душу его. Вліяніе этихъ афишъ, впрочемъ, замѣтно и въ изложеніи самого г. Любецкаго, такъ что похвала имъ съ его стороны нисколько не удивительна. Въмѣсто простоты разсказа, необходимой «для чтенія всѣхъ возрастовъ», у г. Любецкаго вездѣ напыщенность. «Открыли подписку на пожертвованія для военныхъ дѣйствій (во время пріѣзда государя въ Москву); всѣ стремительно (?) бросились къ подписному листу, чуть-чуть не вырвали другъ у друга пера, каждый скорѣе хотѣлъ внести туда цифру жертвующей имъ суммы. Ожили Минины и Пожарскіе, доблесть ихъ отразилась въ ихъ потомкахъ!...» «Чуть-чуть не вырвали другъ у друга пера» — можетъ ли быть что-нибудь бессмысленнѣе этой фразы: представьте себѣ, что новыя Минины и Пожарскіе вырываютъ другъ у друга перо, и вышла бы драка, а кромѣ того, никто ничего бы не могъ подписать. Въ заключеніе мы должны, однакоже, сказать, что «Русь и Русскіе», какъ сборникъ всевозможныхъ курьезовъ и анекдотовъ, не лишены нѣкоторой занимательности. Вотъ, напр., *русскій алфавитъ*, написанный въ честь Александра, по окончаніи отечественной войны:

„Александръ Благословенный Высотою Генія,
Державы Европейскія Жестокихъ Золь Избавившій,
Короны Лишившій Мучителя Наполеона,
Оградившій Предѣлы Россіи Союзами Твердыни,
Увѣнчавшій Франціи Христіаннѣйшихъ Царей Честію,
Шествуетъ, Щастіе Югу Явивъ.“

А вотъ акростихъ Наполеону, принадлежащій перу извѣстнаго водевилиста Писарева:

«Нерона злобнѣе, Калигулы гнуснѣе,
Атилу лютостью, коварствомъ превзошелъ;
Пилъ кровь, ругался всѣмъ, что въ мірѣ есть святое;
Ограбивъ свой народъ, чужими завладѣлъ.
Лія коварства ядъ, союзы расторгая,
Европу въ дикую степь хотѣлъ преобразить;
Отличенъ звѣрствомъ былъ, въ вѣкахъ блистаетъ мечтая.»

Томъ III. — Май, 1869.

Но что всего страннѣе — мнилъ Россовъ покорити...»

Семейство Тарскихъ. Романъ въ трехъ частяхъ.
Н. А. Вроцкаго. Москва. 1869.

Г. Н. А. Вроцкій человѣкъ предусмотрительный и любезный: зная, что есть читатели, въ особенности читательница, которыя, принимаясь за чтеніе романа, обыкновенно смотрятъ сначала послѣднюю страницу для того, чтобы узнать развязку и волноваться умѣренно страданіями героя и героини, помѣстилъ конецъ въ началѣ. На первыхъ же страницахъ вы узнаете, что графъ Сорель, гвардейскій полковникъ, погибъ на дуэли, 1 января 186* г. съ студентомъ Тарскимъ. Погибъ онъ за то, что соблазнилъ замужнюю сестру Тарскаго на любовь и затѣмъ ее бросилъ, чтобы жениться на княжнѣ Ростовской, одной изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ столицы. Само собой разумѣется, что сестра Тарскаго, злополучная Мери, умерла отъ чахотки. Убивъ Сореля, Тарскій попалъ подъ сани. Это случилось такъ: «Пара кровныхъ, запряженныхъ въ легкія сани рысаковъ, подхватила и понеслась по Большой Морской. На поворотѣ къ Поцѣлуеву мосту сани опрокинулись. Сидѣвшія въ нихъ барыни и кучеръ вылетѣли на мостовую. Лошади понеслись по Театральной площади, налетѣли на Тарскаго, сшибли его съ ногъ, переѣхали и помчались далѣе.» Тарскій, однако, выздоровѣлъ и уѣхалъ за границу, желая разогнать тоску по сестрѣ: онъ былъ человѣкъ очень чувствительный. Но тоска душила его, такъ душила его, что онъ не находилъ себѣ нигдѣ мѣста. Наконецъ, providѣнію угодно было освободить его отъ этихъ мукъ. Это случилось такъ. Ыхалъ онъ на пароходѣ по Рейну и вдругъ увидалъ въ волнахъ сестру свою, свою возлюбленную Мери; она плыла, не отставая отъ парохода, словно не боялась ни вѣтра, ни бури, ни волнъ. Но хорошо еще было бы, еслибъ она только плыла; нѣтъ, она и говорила такъ: „Смертнѣй! на твоемъ лицѣ замѣтны слѣды тяжелаго, чуждаго намъ горя; тебѣ должно быть тяжело жить на землѣ... Приходи къ намъ. У насъ хорошо, у насъ просторно, у насъ каждому есть мѣсто. Я буду любить тебя, какъ мать; я буду лелѣять тебя, какъ сестра; я буду смотрѣть за тобой, какъ за ребенкомъ“, и проч. и проч., сначала про-

зой, потомъ стихами, гдѣ утверждалось, что
...вѣнокъ забвенія надѣнетъ

На тебя самъ Рейнъ своей рукой.

Понятно, что Тарскому показалось это соблазнительнымъ: онъ же былъ честолюбивъ и войти въ прямиа сношенія съ такою особою, какъ Рейнъ, казалось ему привлекательнымъ. Подумавъ немного, «Тарскій вскочилъ на бортъ и смѣлымъ прыжкомъ ринулся въ волны.» Вы думаете, конечно, что тутъ и конецъ дѣлу. Нѣтъ, „рѣзвыя наяды окружили Тарскаго и увлекли его на дно великой рѣки. Дѣдушка Рейнъ съ почетомъ принялъ нежданнаго гостя и задалъ въ честь новоприбывшаго роскошный надводный пиръ. Завылъ, загудѣлъ, засвисталъ полнымъ оркестромъ могучій вѣтеръ и подъ эту музыку закружились въ бѣшеннои пляскѣ длинныя вереницы веселыхъ наядъ.» Такъ утверждаетъ г. Н. А. Вроцкій. Но это еще не все: онъ говоритъ далѣе, что „въ такіа минуты“, то есть когда русскій человекъ бросается въ нѣмецкіа волны, «старикъ (т. е. Рейнъ) не терпѣлъ арма, столь терпѣливо носимаго имъ въ остальное время. Много

разбилъ онъ судовъ, много погубилъ дерзкихъ, осмѣлившихся помѣнать его веселью. Сильныя бури бушевали въ ту ночь на Рейнѣ, и долго не забудутъ ея прибрежныя жители. Со страхомъ прислушивались они къ реву разъяренной рѣки и не понимали, отчего вдругъ такъ расходился ихъ старшій, вѣчно прекрасный Рейнъ.“ Тутъ ужъ конецъ.

Намъ остается пожалѣть, что г. Н. А. Вроцкій не написалъ своего романа на нѣмецкомъ языкѣ: тогда, по крайней мѣрѣ, онъ могъ служить предупрежденіемъ прирейскимъ жителямъ относительно того, что всякій разъ, какъ только русскій человекъ бросится въ Рейнъ, сей послѣдній задастъ пиръ, т. е. разобьетъ нѣсколько судовъ и погубитъ «много дерзкихъ». Прирейскіе жители, съ своей стороны, могли бы брать нѣкоторыя предосторожности, напримѣръ, запираить русскихъ путешественниковъ на замокъ въ каюты. Тутъ была бы и польза и мораль. Но на русскомъ языкѣ романъ г. Н. А. Вроцкаго не содержитъ въ себѣ ни морали, ни пользы, и трудно предполагать, что нѣмцы переведутъ его на свой языкъ.

ПОПРАВКА:

Въ апрѣльской книгѣ, стр. 798, строч. 10 св., напечатано: *вершины*, вмѣсто: *твердыни*.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРИАЛЫ для новой истории Кавказа, съ 1722 по 1803 годъ. *П. Г. Буткова*. Три части. Съ хронологическимъ и алфавитнымъ указателемъ, состав. Л. Броссе. Спб. 1869. Стр. 545, 601 и 620. Ц. 6 руб.

Покойный академикъ П. Г. Бутковъ, авторъ «Обороны лѣтописи русской», при своемъ долголетнемъ и крайне разнообразномъ поприщѣ, могъ собрать большую массу документовъ и матеріаловъ, любопытныхъ для нашей исторіи конца прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка, такъ какъ въ 1801 г. онъ былъ уже правителемъ канцеляріи при императорѣ, когда присоединилась Грузія къ Россіи. Всѣ его бумаги были вдовою переданы Академіи Наукъ, и послѣ разбора ихъ особою Комиссіею, Академія нашла полезнымъ издать матеріалы къ нынѣшней исторіи Кавказа. Но эти матеріалы, почти всѣ печатные, и притомъ интересъ важность ихъ содержанія далеко не достигаютъ высоты необычайнаго труда и ученой добросовѣстности, съ которою гг. Кунинъ и Броссе выполнили возложенную на нихъ Академіею задачу. Списокъ печатныхъ и нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій, служившихъ Буткову источникомъ, хронологическій «Перечень» событій исторіи Кавказа, составленные издателями и занимающіе одну почти весь первый томъ, около 500 страницъ, несравненно болѣе полезны для будущихъ историковъ Кавказа, нежели самые матеріалы Буткова.

Словякъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. *К. Ушинскаго*. Т. II. Спб. 1869. Стр. 516. Ц. 2 руб.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ, мы указывали на начало обширнаго и замѣательнаго труда К. Н. Ушинскаго, въ которомъ онъ ограничился съ своей педагогической антропологіи анализомъ познанія; второй, нынѣ вышедшій томъ посвященъ анализу процессовъ чувствованія и воли. Но анализъ остальныхъ духовныхъ особенностей, составляющихъ отличительную черту психической жизни славянскаго — отложенъ авторомъ до третьяго и послѣдняго тома. Путь автора уже извѣстенъ: онъ старается обойти крайности идеальной и позитивной философій, ставя факты психическаго самонаблюденія паравнѣ съ фактами наблюденія надъ вліяніемъ природою челоуѣка. Можно оспаривать втора въ его основаніи: *media tutus ibis*; но истинская сторона его труда, знакомящая насъ съ разнообразными теоріями по каждому отдѣльному процессу чувствованія и воли, осталась бы огромною заслугою К. Н. Ушинскаго въ глазахъ общества, обладающаго несравненно болѣе богатою философскою литературою. Искренно желаемъ поощренному автору съ тою же энергіею неутомимо

преслѣдовать свой обширный трудъ до конца, закончить его началъ и продолжаться до сихъ поръ.

Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ. *А. Стоянова*. Харьковъ, 1869. Стр. 139.

Изслѣдованіе адвокатуры въ ея всемірномъ значеніи — такова общая задача, которую поставилъ себѣ проф. Стояновъ. Послѣ краткаго обзора процесса въ древнихъ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ собственно его не было да и не могло быть, и въ Греціи, гдѣ, при всей афинской любви къ процессамъ, форма защиты представляетъ одно подобіе адвокатуры, авторъ останавливается главнымъ образомъ на Римѣ и показываетъ намъ, какова была тамъ роль адвокатуры въ лучшія времена республики, и во что выродилось это учрежденіе подъ рукою префекторовъ, въ эпоху цезарей. Слѣдующій выпускъ авторъ обѣщаетъ посвятить специально изложенію исторіи французской адвокатуры.

Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Спб. 1869. Стр. 208. Ц. 1 руб.

Въ заграничной литературѣ мы часто встречаемся съ беллетристическими произведеніями, которыя посвящены комментированію, въ самой популярной формѣ, различныхъ явленій общественной жизни, отражающихся съ особенною ясностью въ процессахъ. Межевые столбы, при новомъ положеніи крестьянъ, должны были играть большую роль въ жизни нашего уѣднаго общества, и авторъ настоящаго разсказа воспользовался, можетъ быть, какимъ нибудь случаемъ изъ исторіи этихъ «столбовъ», чтобы нарисовать намъ будничную картину сельской жизни, въ которой очень часто встрѣчаются на новый ладъ — старія погудки. Живое изображеніе авторомъ лицъ и событій производитъ иногда полное впечатлѣніе дѣятельности.

Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала. Разсказъ въ діалогахъ, въ 4-хъ эпохахъ и 5-ти частяхъ. Спб. 1869. Стр. 205. Ц. 1 руб.

Въ предисловіи къ этому фантастическому произведенію, авторъ открываетъ свою рѣчь латинскою цитатою съ переводомъ: «Живи (или пиши) честно, никого не обижай, воздавай каждому свое». Прочти эту книжечку, мы можемъ понаспросить себя: зачѣмъ же авторъ написалъ настоящее свое произведеніе, когда ему такъ хорошо извѣстно мудрое изрѣченіе римлянъ, рекомендующее жить (или писать) честно и никого не обижать? Но уже давно сказано: *Scio meliora proboque, deteriora tamen sequor!* Знать навзгустъ латинскія пословицы легче, чѣмъ быть моралистомъ на дѣлѣ. Впрочемъ, основательнѣе предостеречь читателей отъ этого рода литературы, мы отложимъ до другого раза.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года полугодомъ подписка прекращается съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугодіе удерживаютъ за собою право возобновить въ концѣ подписку на второе полугодіе): 1) *безъ доставки*—14 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Сиб. по почтѣ, и въ Москву, чрезъ кн. ма. Н. Г. Соловьева*—15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ—17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Сиб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желающіе получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда, (если то въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.—

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Германія*—18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція и Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія и Португалія*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія и Римъ*—23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сношиться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца.

8. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ безъ адресовъ; иногороднымъ въ такой же обложкѣ съ адресами; иностраннымъ—въ бандероляхъ съ адресами.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:

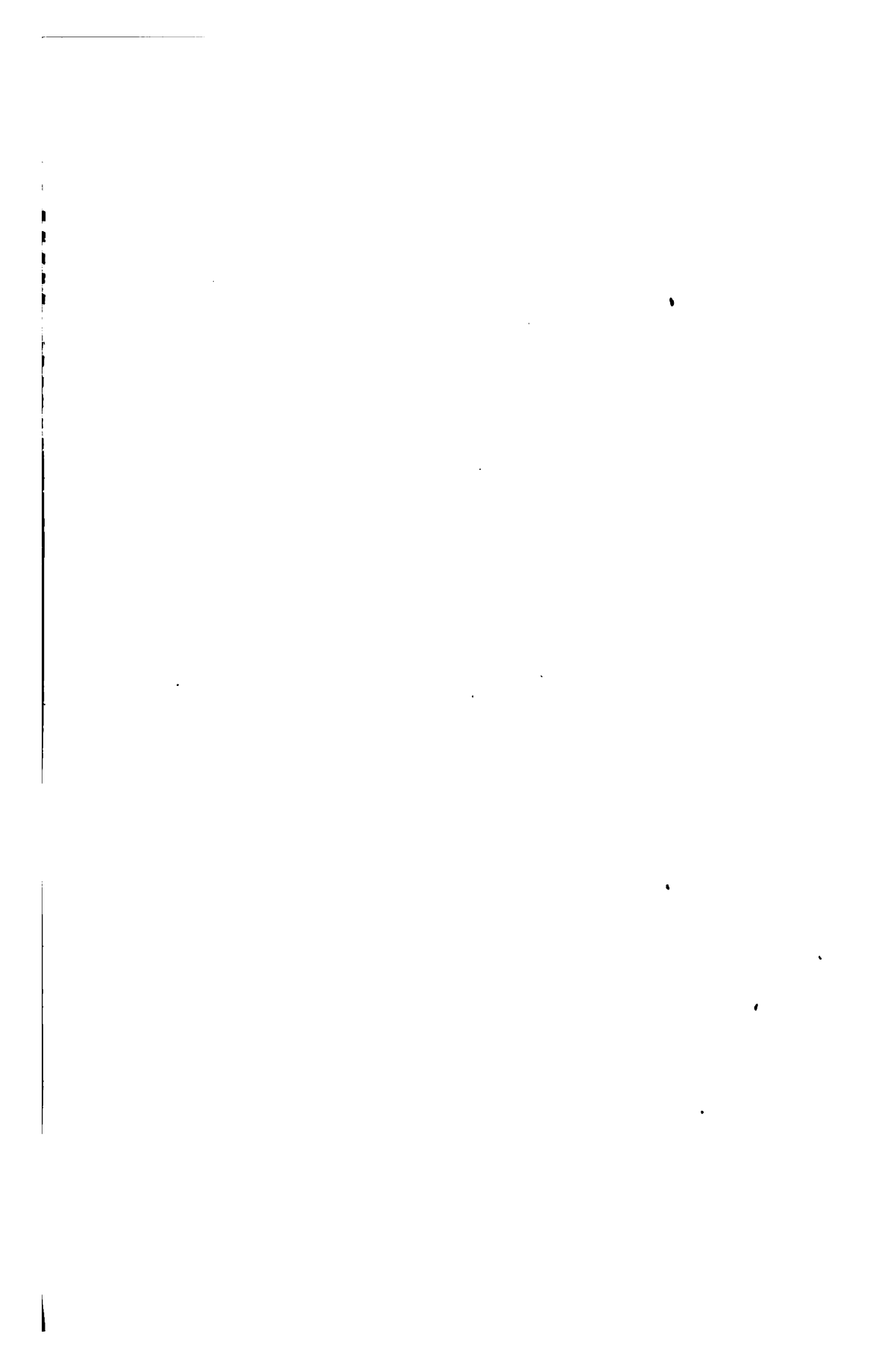
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прекращеніи объявленіямъ, а именно 16 рублей, доставить ей одинъ рубль для передачи его Почтамту.

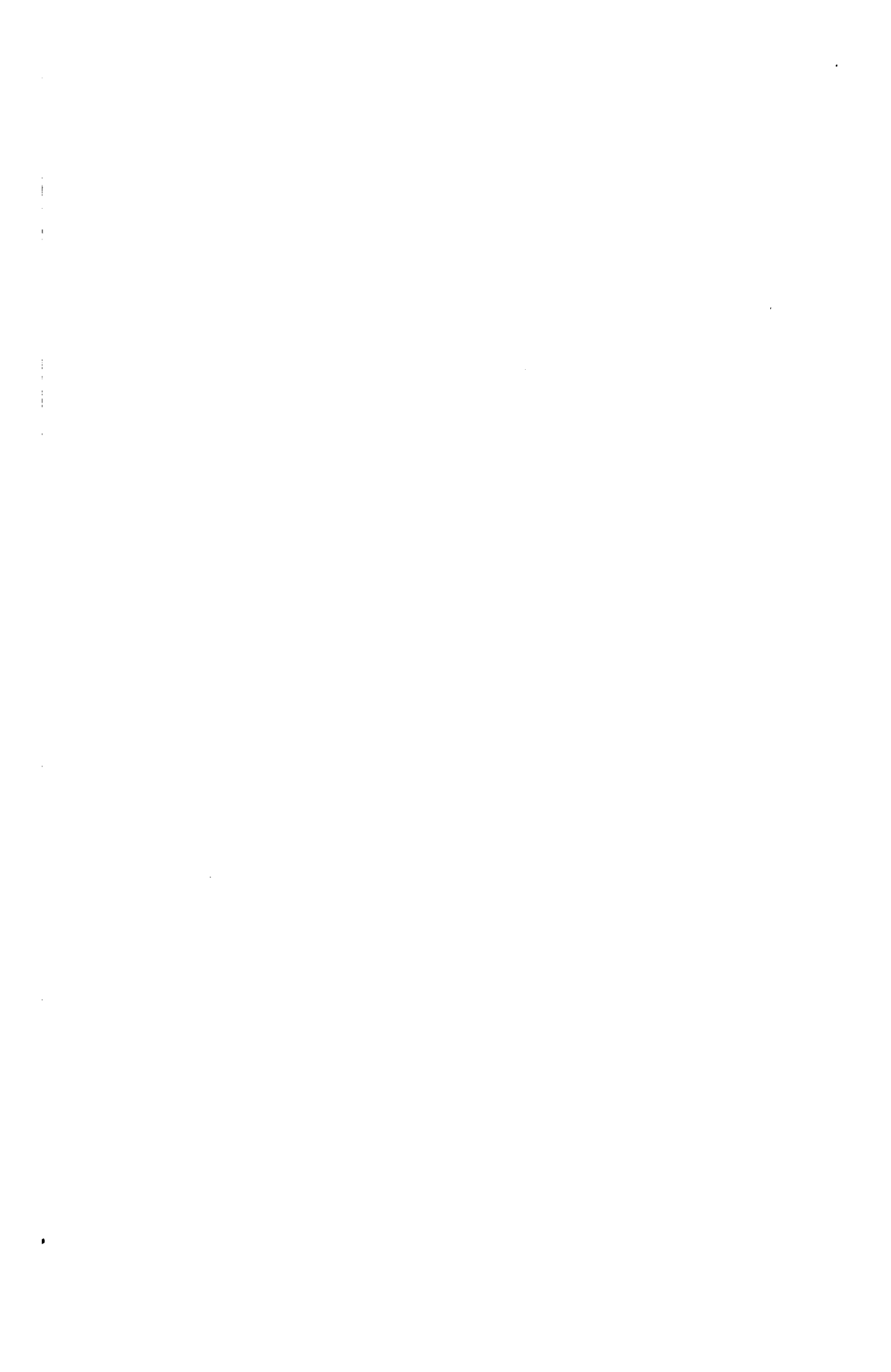

3 2044 036 356 525

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

W I D E N E R
BOOK DUE
1986
CANCELLED
1835483
FEB 7 1986

